

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН
СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ И АФРИКИ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН СОВРЕМЕННОЙ
АЗИИ И АФРИКИ**

*ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ*

*РЕКОМЕНДОВАНО УЧЕНЫМ СОВЕТОМ ВОСТОЧНОГО
ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ*

Санкт-Петербург

2011

**КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ ПОДГОТОВЛЕНА
И ИЗДАНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ СПБГУ**

**ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ УЧЕНОГО СОВЕТА
ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Редакционная коллегия:

Е.И.Зеленев (председатель), В.В.Бочаров, Н.Н.Дьяков, А.Ю.Желтов, В.Б.Касевич,
В.Н.Колотов, А.В.Ляхович (отв.секретарь), А.В.Образцов, Н.А.Самойлов,
А.Г.Сторожук

Рецензент

к.и.н., М.Е. Резван — заведующая отделом этнографии Центральной Азии Му-
зея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

О-75

*Основные тенденции политического и экономического развития
стран современной Азии и Африки. Коллективная монография. /
Отв. ред. В.Н.Колотов. – СПб.: СПбГУ, Восточный факультет;
Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. – 368 с.*

АННОТАЦИЯ

В коллективной монографии представлены результаты исследований общих и особенных закономерностей политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. Издание оригинального научного исследования, не имеющего аналогов не только в отечественном, но и в мировом востоковедении, позволит понять направление и характер эволюции стран Востока в указанных сферах. По данной проблематике в течение многих лет на Восточном факультете СПбГУ читается курс «Социально-политическая система и экономика изучаемой страны». Материал разбит по следующим разделам: Центральная Азия, Северная Африка, Ближний Восток, Южная Азия, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия. Авторы настоящей коллективной монографии хорошо известные петербургские востоковеды и молодые перспективные ученые. Для востоковедов, широкой общественности, интересующейся историей стран современного Востока.

*Руководитель проекта и отв. редактор: проф.,
д.и.н. Колотов Владимир Николаевич*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Центральная Азия

- Алексеев А.К.* Таджикистан и Узбекистан: общее и частное в политическом и социально-экономическом развитии в постсоветское время (1991 — 2009).....6
Григорьев С.Е. Афганистан в 1901 — 1973 гг.38

Северная Африка и Ближний Восток

- Герасимов И.В.* Средства массовой коммуникации (СМК) Судана в социально-политическом контексте (2000-2010 гг.) 67
Дьяков Н.Н. Религиозные братства в социально-политической системе арабского Магриба в Новое и Новейшее время.....87

Южная Азия

- Котин И.Ю.* Индия и ее диаспора. Взаимодействие и конфликт 114
Смирнова Е.В. Индуистские и мусульманские политические партии Индии: история и проблематика межконфессионального конфликта 132

Дальний Восток

- Булацев С.Х.* Доместицизм и иерархичность: соотношение существенных характеристик современного японского общества 148
Курбанов С.О. Корейский полуостров и вопросы безопасности в Восточной Азии 162
Кычанов Е.И. Национальная политика КНР 172
Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в Китае: в прошлом и настоящем. 201
Мясищев С.Е. Социально-политическая система КНР в XXI в.: реалии и перспективы 223
А.В. Попов. Россия во внешней политике и международных отношениях современной Монголии (Конец XX — начало XXI в.) 230
Филитов А.В. Социально-политические устои современной Японии и тенденции развития 261

Юго-Восточная Азия

- Кириллова Н.В.* Дева-раджа: символика культа бога-короля в тайском обществе на рубеже XX-XXI вв. 274
Колотов В.Н. Вьетнам между США и КНР: Историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе 289
Пугачева Е.В. Наркобизнес в механизме функционирования политических решений Таиланда 306
Пылева А.И. Роль двусторонних контактов Франции и Королевства Таиланд в развитии современных отношений ЕС и АСЕАН..... 328
Тюнь Г.Т. Экономическое развитие и политические партии Индонезии после Сухарто 350

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Алексеев Антон Кириллович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ. Сфера научных интересов: традиционные верования, этнография, социально-экономическая и политическая история народов Ирана, Центральной Азии и Кавказа. Автор более 50 работ по указанной проблематике.

Булацев Сергей Хазбиевич — старший преподаватель кафедры японоведения Восточного факультета СПбГУ. Род. в 1965 г. в Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Сфера научных интересов: история культуры Японии (традиционные искусства; институты социализации), история литературы (новое время), издательское дело в Японии.

Герасимов Игорь Вячеславович — востоковед-историк, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ.

Григорьев Сергей Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ. Специализируется в изучении проблем развития, истории, религий и культуры Афганистана и стран Центральной Азии.

Дьяков Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ. Автор более 140 публикаций, в т.ч. монографий, статей, рецензий, учебных пособий по политической и религиозной истории арабских стран, истории и культуре мира ислама, по проблемам российско-арабских отношений.

Кириллова Наталья Владимировна — востоковед, аспирант Восточного факультета СПбГУ, преподаватель кафедры истории Дальнего Востока Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

Колотов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, директор Института Хо Ши Мина, член РНК АТССБ. В 1994 г. закончил Восточный факультет по кафедре китайской филологии и кафедре истории стран Дальнего Востока. Автор более 80 научных работ по истории, политике, религиям и безопасности ЮВА.

Котин Игорь Юрьевич — профессор Восточного факультета СПбГУ, доктор исторических наук, доктор философии (Оксфорд), автор 10 монографий и более 60 статей и других научных публикаций.

Курбанов Сергей Олегович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, директор Центра корейского языка и культуры СПбГУ (с 2002 г.), редактор научных изданий: «Вопросы истории Кореи» (с 2002 г.); «Вестник центра корейского языка и культуры» СПбГУ (с 2003 г.), председатель Общества российско-корейской дружбы (Санкт-Петербург, Северо-Запад). Автор более 90 научных работ на русском, английском и корейских языках, в том числе четырех монографий: «Северокорейские дневники» — Сеул: Хангук кнчже синмунса, 1990.; «Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в». — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002; «Конфуцианский классический 'Канон сыновней почтительности' в корейской трактовке» — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007; «История Кореи с древности до начала XXI века». — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

Кычанов Евгений Иванович — востоковед, доктор исторических наук, профессор Восточного факультета СПбГУ, главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

Мельникова Юлия Сергеевна — аспирант кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель – проф., д.и.н. Е.И. Кычанов.

Попов Антон Владимирович — доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Родился 3 декабря 1960 г. в Ленинграде (Санкт-Петербурге), востоковед-историк, в 1983 г. окончил отделение истории Китая и Монголии кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета. Кандидат исторических наук, автор 30 научных публикаций. Сферы научных интересов и преподавательской деятельности: история, география и культура Монголии; история китайско-монгольских отношений; Россия и Монголия.

Пугачева Екатерина Владимировна — аспирант кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель, д.и.н. проф. В.Н. Колотов. Сотрудник аналитического отдела организации по правам человека «ALTSEAN» (Alternative ASEAN Network on Burma), Бангкок, Таиланд.

Пылева Анастасия Игоревна — аспирант кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель, д.и.н. проф. В.Н. Колотов. Общее количество публикаций: 13 (из них три — в печати). Соавтор монографии «Россия-Таиланд: история взаимоотношений (XIX — начало XXI века)». — СПб.: СПбГУ, 2011 (совместно с д.и.н., проф. Б.Н. Мельниченко). Научные интересы: история отношений Франции и Королевства Таиланд; российско-тайландские отношения в новое и новейшее время; история Таиланда в средние века и новое время.

Смирнова Екатерина Викторовна — кандидат исторических наук, исследователь в области истории и этнографии Индии, преподаватель, ассистент Восточного факультета СПбГУ.

Тюнь Галина Тойвовна — доцент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, кандидат исторических наук. Преподает курсы по истории Нусантары, истории Индонезии и Малайзии, спецкурсы по проблемам китайского населения — хуацяо — в регионе, а также разделы средневековой и новой Истории стран Азии и Африки на историческом факультете СПбГУ.

Филиппов Александр Викторович — род. в Ленинграде в 1962. В 1984 закончил Восточный факультет ЛГУ. С 1989 — кандидат исторических наук, в 1998 получил звание доцента. С 2003 — доктор исторических наук. С 1987 — преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, с 2008 по настоящее время — кафедры японоведения. Научные интересы и основная тематика преподавательской деятельности: история, география, культура, политика, экономика, право Японии; этнопсихология и этнические стереотипы поведения японцев; Россия и Япония; японский язык.

А.К. Алексеев

ТАДЖИКИСТАН И УЗБЕКИСТАН: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ (1991 — 2009)

Республика Таджикистан (РТ) и Республика Узбекистан (РУ) два сравнительно молодых государства, возникших на политической карте мира в 1991 г. после распада СССР. При этом, народы, проживающие на территории этих относительно молодых субъектов международного права, обладают древней историей и неразрывно связаны как в культурном, так и в религиозном, политическом и экономическом отношениях. При всех схожих обстоятельствах развития этих государств, идентичности компонентов их этнического и этно-социального состава, формы правления и государственного устройства, модели экономического развития и т.д., то есть совокупности определяющих их существование элементов, которые мы можем определить как «общее», существует немало различий (частных обстоятельств), так же весьма важных и значимых для понимания процессов, протекающих в этих государствах.

Исходя из вышеизложенного, мы определили предмет настоящего исследования частные и общие аспекты социально-политического и экономического развития РТ и РУ. Хронологические рамки исследования также выбраны не случайно. Нижней границей исследования выбрано национально-территориального размежевания в СССР, когда РТ и РУ впервые в истории сформировались как государственные образования и получили границы, близкие к тем, в которых они существуют по настоящее время. Советское разделение Средней Азии на по национальному признаку привело к целому ряду общих и частных проблем в обеих республиках, что результировало уже в постсоветский период и оказало влияние на определение республиками направлений развития, принятия ими моделей и ориентиров, и соответствующий выбор политических партнеров, что, в конечном счете, воздействовало на их социально-экономическое и политическое развитие. Верхняя граница — период общемировой (глобальной) экономической рецессии, которая, негативным образом воздействуя на крупные мировые экономики, крайне болезненно отразилась на зависимых от них развивающихся странах, к которым без сомнения относятся РТ и РУ.

Разумеется, рассмотрение всего комплекса проблем общественно-политического и экономического развития двух государств не представляется возможным в рамках одной статьи, в связи с чем, мы ограничились следующими, весьма показательными, с нашей точки зрения сюжетами:

— обстоятельства возникновения РТ и РУ в современных границах и порожденные этим проблемы;

— характеристика правящих элит и их нехарактерный для местного правового сознания характер;

— обзор изменений в этническом составе населения в связи с серьезными экономическими и политическими переменами после распада СССР.

— кризис командной экономической системы и ее падение, приватизация и ее особенностям, т.е. вопросам перехода к рыночной экономике; проблемам экологии (прежде всего, гидроресурсов, что весьма важно для аграрно-индустриальных стран, к которым относятся и РТ и РУ) и демографии, т.е., вопросам, которые с нашей точки зрения будут определяющими в развитии этих двух государств.

В основу данного исследования легли этнографические материалы, собранные нами в ходе экспедиций в Таджикистан и Узбекистан в 2008 — 2009 гг., нарративные источники (официальные документы (указы, распоряжения, и т.д.), газеты, журналы и т.д. на таджикском, фарси и узбекском языках), а также публикации отечественных и зарубежных специалистов, в том числе, материалы интернет-изданий и ресурсов¹.

**ТАДЖИКИСТАН И УЗБЕКИСТАН:
ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
РАЗМЕЖЕВАНИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПОСЛЕДУЮЩЕГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ**

Для того, чтобы представить в полной мере политическую культуру, традицию социальных и экономических отношений в РТ и РУ необходимо затронуть вопросы этно-политической истории этих государств, т.е. истории формирования их суверенитета в существующих ныне границах, так как этот фактор будет определять те положительные и отрицательные моменты, которые воздействуют на нынешнюю ситуацию в этих странах. Определяющими в этой связи будут результаты национально-территориального размежевания, произведенного в Туркестане Советской властью в 1922 — 1924 гг.

В результате Октябрьской революции и Гражданской войны (в Средней Азии она затянулась на довольно долгий период и в форме басмаческого движения в активной фазе продолжалась до сер. 30-х гг. XX в.) была нарушена система отношений между различными народами, входившими в состав Российской империи.

Уже в ноябре 1917 г. Совет народных комиссаров (СНК) по председательством В.И. Ульянова (Ленина) принял декларацию к народам России, в котором одним из принципов провозглашалось право на свободное самоопределение. Этот принцип нашел самую широкую поддержку в среде джадидского движения, значительная часть которого разделяла пантюркистские взгляды. Пантюркисты выступили на начальном этапе союзниками Советской власти. Они видели Среднюю Азию (предпочитая именовать ее Туркестаном) как федерацию тюркских народов, сплоченных идеями национальной, языковой и религиозной общности. Т.о., значительная часть партийных и советских органов в начальный период Гражданской войны была сформирована из представителей тюркской по преимуществу интеллигенции. Собственно, уже в этот момент, даже, несмотря на последующий разрыв значительной части джадидов-пантюркистов с Советами, проявилась вполне конкретная ориентация советских органов на тюркскую интеллигенцию².

В ходе ожесточенных дискуссий по т.н. «национальному вопросу» в недрах ВКП (б) было выработано два основных подхода национально-территориального размежевания в Средней Азии. Первый подход, предложенный В.И. Лениным, предусматривал создание конфедерации с высокой степенью самостоятельности для ее членов. Иной подход, отстаиваемый И.В. Джугашвили (Сталиным) был направлен на включение всех субъектов международных отношений из числа бывших владений империи, где была установлена Советская власть, в состав РСФСР на правах «автономий», естественно, с весьма ограниченной, сугубо внешней формой государственности. После смерти В.И. Ленина сталинский подход решения национального вопроса возобладал.

На момент образования СССР (1922 г.) на территории Средней Азии и Туркестана существовало две разных по типу формы советской государственности в рамках трех государственных образований: Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика, Бухарская Народная Советская Республика и Хорезмская Народная Советская Республика*. На основании национального принципа было предложено преобразовать их в национальные республики. При этом самого четкого понятия нации не было как у местного населения, так и у его руководителей. Таджики и узбеки до революции жили в различных государственных образованиях: часть — в Туркестанском генерал-губернаторстве, которое контролировало большую часть региона, в том числе Фергану и Самарканд; Бухарском эмирате, являвшимся протекторатом Российской империи и Хивинским ханстве, также российским протекторате**. До образования генерал-губернаторства, Фергана контролировалась упраздненным впоследствии русскими Кокандским ханством, ведшим ожесточенные войны с Бухарой за контроль над этими территориями. Т.о., и узбеки и таджики изначально не имели своей национальной государственности. Такую государственность они получили только в ходе советских преобразований в Средней Азии.

Практическое осуществление этого плана началось в 1924 г., вскоре после XII съезда РКП(б), который собственно и рассмотрел вопрос национального размежевания и сложности с его проведением в Средней Азии. На расширенном пленуме ЦК Бухарской Компартии был обсужден вопрос «О размежевании Советской Средней Азии на ряд республик по национальному признаку», тезисы которого в окончательном виде были утверждены 10 марта 1924 г. Они предусматривали формирование двух союзных республик: Узбекской (Узбекской ССР, УзССР) и Туркменской (Туркменской ССР). Таджиким отводилась только автономия в составе Узбекистана, включавшая в себя только незначительную часть территории с таджикским населением: высокогорные районы Магчи, Каратегина и Гарма. Это же решение было одобрено и в Москве³.

Данное обстоятельство стало определяющим как в развитии таджикской государственности, так и отношения между таджикским и узбекским народами, которые находили проявление и на бытовом уровне (узбекизация таджикского населения в УзССР). В состав Таджикской автономии не вошли такие важные для таджиков территории как Гиссар, Вахш, Куляб, Зафаршан, не говоря уже о Бадахшане, отдельных районах Ферганы, и, самое главное, о Бухаре и Самарканде, где значительную, а местами подавляющую часть населения составляли таджики и двуязычные сарты⁴.

Надо отдать должное лидеру БКП Ф. Ходжаеву (1895 — 1937), который рассматривал возможность самостоятельной государственности таджиков, однако, впоследствии от нее отказался: «более ближе присмотреться к этому народу, то мы увидим, что этот народ не имеет ни своего управления, ни школ на таджикском языке, ничего. Такое же количество таджиков имеется в Зеравшанской долине, такой же язык, такой же уровень культуры, такой же хозяйственный уклад; учтя все это, мы делаем вывод, что не нужно проводить между ними особых границ, объединить обе группы таджиков на одной территории в виде автономной области или как-то иначе, — это нужно согласовать с мнением таджикских работников, полагая,

* В ряде работ и документов, данная республика именовалась также Хивинской НСР.

** Кроме того, за границами империи, в северных районах Афганистана, являвшимся британским доминионом, проживали большие группы узбекского и таджикского населения.

что Таджикская республика должна строиться внутри Узбекской республики»⁵. Т.о., с одной стороны два народа оказались неразрывно связанными друг с другом в политическом отношении, а с другой — было положено начало национальной, территориальной и языковой конкуренции. Началась довольно упорная борьба таджиков за пересмотр результатов раздела таджикских территорий и их требований за расширение автономии. Таджикская территориальная комиссия стала требовать передачи в состав автономии части Бухарской области (Сариаской волости), ряд районов Самаркандской области (Пянджкентскую, Автобруинскую, Кштутскую, Маргиано-Фарабскую и Ургутскую волость), Ура-Тюбинский район⁶.

В результате в автономию были переданы ряд территорий Зарофшана, Пянджкент, Ура-Тюбе и ряд прилегающих к ним районов. 26 октября 1924 г. Пленум ЦК РКП (б) утвердил решения местных советов и курултаев и разделил Среднюю Азию на союзные республики. Узбекскую ССР, Туркменскую ССР, Казахскую ССР, Кара-Киргизскую (Киргизскую) Автономную область в составе РСФСР, Таджикскую АССР в составе Узбекской ССР, и Кара-Калпакскую АССР в составе Казахской ССР⁷.

Т.о., значительная часть территорий населенных таджиками в состав их национальной¹ автономии не вошла, что предопределило наличие напряженности в отношениях между ТаджАССР и УзССР. Равно как и в отношениях остальных союзных республик региона, что потребовало довольно скорого пересмотра такого разделения. Эта же напряженность привела к решению о выделении ТаджАССР в самостоятельную союзную республику, что и было предпринято в конце 1929 г., после присоединения Ходжента части Ферганской долины к таджикской автономии⁸. При этом, не только значительное число таджиков оказалось в составе Узбекистана, но и значительное число узбеков стало жить в другой союзной республике. В рамках советского периода противоречия между обоими этносами не были столь открытыми. Однако формирование независимых государств из бывших союзных республик повсеместно на постсоветском пространстве происходило на фоне роста националистических настроений, особенно больно они ударили по тем регионам, где исторически искусственным или естественным образом сложилась система многонациональных отношений. В РТ и РУ этот вопрос стоит значительно глубже чем просто отношения между двумя государствами и двумя этносами (при том, что оба государства — не мононациональные, а многонациональные), но и еще в вопросах экономического развития: энергетики, транспортной системы, экологии и водопользования и т.д.

Т.о., две союзные республики как в силу национальных, так и в силу общих экономических проблем оказались тесно связанными друг с другом и их разделение в ходе распада СССР не могло не быть болезненным, т.к. еще с советского времени накопился целый пласт неразрешенных проблем, подразумевающий неизбежную возможность конфликтных ситуаций. Помимо национально-территориальных споров, ярким примером может служить система железнодорожного транспорта в регионе, проложенная в советское время. Она сделана т.о., что система, в случае конфликта между государствами не может функционировать. В настоящее время, в силу ужесточения пограничного режима и ввода виз между РТ и РУ, пассажиропоток резко упал, а грузовое сообщение происходит с большими проблемами. Товары из РТ можно доставить, например, на российские рынки только через территорию РУ, иначе, они теряют свою рентабельность, но сделать это весьма сложно. Проблемы транспортного сообщения делают экономическое развитие РТ, прежде всего его, наиболее развитых северных районов, довольно затруднительным.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ
РТ И РУ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
И ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

В Центральной Азии, как и в ряде других регионов Востока, общественное или коллективное доминирует над индивидуальным. Но роль личности не может сбрасываться со счетов, ибо политическая власть того или иного человека, личная харизма вождя в представлениях значительной части местного населения является дарованным свыше мандатом. Но бывает и обратная ситуация, при которой власть достается человеку, который изначально не обладает необходимыми атрибутами и вырабатывает или создает их в общественном сознании при помощи средств массовой информации и аппарата принуждения. Как правило, это бывает в тех случаях, когда власть достается той фигуре, которая не рассматривалась большинством населения, как обладающая необходимыми для этого качествами, но, на определенном этапе, не имеющая достаточно сильной альтернативы. Если в случае РУ приход к власти И.Г. Каримова выглядит довольно закономерным, то Э.Ш. Рахмону (Рахмонову) власть досталась в результате компромисса между различными политическими силами, завершившего кровопролитную Гражданскую войну в РТ.

Принимая во внимание это обстоятельство, а также то, что оба государства и РТ и РУ являются президентскими республиками, с сильным перекосом в управлении в сторону личной президентской власти, которая и является, в сущности, основой государственной политики во всех сферах, представляется необходимым произвести некоторый экскурс в биографии Президентов двух стран, к тому же, изучение их жизненного пути делает понятным многие аспекты отношений двух государств. Необходимым представляется и рассмотрение принципов формирования политической и экономической культуры элит двух стран, т.к. этот аспект непосредственно воздействует на политику официального Ташкента и Душанбе.

Регионализм и трайбализм в форме местнических отношений является характерной чертой целого ряда традиционных обществ Востока. При этом в Узбекистане его проявления носят отличный от Таджикистана характер, прежде всего в силу иного принципа традиционной организации общества и иных истоков формирования населения. При этом, мы должны понимать и тот парадокс, что при различных принципах этногенеза таджиков и узбеков, в обоих случаях мы сталкиваемся со сходным принципом формирования политической элиты, базирующемся на этно-региональной основе. Элита РУ условно разделяется на несколько региональных групп: бухарско-самаркандскую (находящуюся ныне у власти), кашка-дарьинскую, ташкентскую, сурхан-дарьинскую, хорезмийскую (или хивинскую) и ферганскую. Фактически отстраненной от власти, хотя и пользующейся номинальной автономностью выглядит каракалпакская (или нукусская) группировка. Мероприятия И.Каримова в первые годы его нахождения у власти привели к снижению политического влияния наиболее опасных для него религиозно-политической и сильной в экономическом отношении ферганской группировки и традиционно контролировавшей политической центр всего Туркестана ташкентской группировки.

Региональными группировками сформированы политические партии, из которых Либерально-демократическая партия Узбекистана (ЛДПУ) безоговорочно поддерживает И.Каримова и господствует в Самаркандской области. На 2007г. т.е. непосредственно перед Президентскими выборами в РУ партия располагала 41 местом (из 120) в Парламенте страны, после выборов 2010 г. она упрочила свои позиции и име-

ет 53 места в Олий Маджлис (лидер партии — Ахмедоджанов М.А.). Большим влиянием обладает бывшая Компартия, переименованная в Народно-демократическую (лидер — Гулямов Л.), имеет 32 представителя в Парламенте. По числу членов — это самая многочисленная политическая партия страны. Еще две партии, также отражающие интересы региональных элит, носят в целом про-президентскую направленность: Социал-демократическая партия Узбекистана «Адолат» (Справедливость, лидер — Даминов Т.О.); демократическая партия Узбекистана «Милли Тикланиш» (Национальное достояние, лидер — Турсунов А.С.), партия имеет 31 место в Парламенте. Партия, выражающая интересы ферганской группировки «Озод дехконлар» (Свободные земледельцы, ОД), не смотря на оценку ее численности экспертами в 100 тыс. чел. официально не зарегистрирована, находится в оппозиции, хотя и проповедует такие же политические ценности, как и официальный Ташкент. Основой для ее преследования служат те обстоятельства, что партия выступает резко против бухарско-самаркандской группировки, а ее лидеры получают помощь из за границы, главным образом из США, где проживает идеологический лидер ОД Б Маликов⁹.

Официальная биография Исрома Каримова, опубликованная на сайте «Правительственного портала Республики Узбекистан», немногословна: Ислום Абдуганиевич Каримов родился 30 января 1938 г. в г. Самарканд, по национальности — узбек. Далее описывается трудовой путь Президента Узбекистана, его награды и заслуги перед узбекским народом. Представляется, что в этой биографии нет ничего особенного — обычная биография советского служащего, который сделал великолепную партийно-номенклатурную карьеру и на волне «парада суверенитетов» стал Президентом одной из республик.

Но даже если посмотреть на эти сухие сведения можно понять очень многое в поступках и решениях нынешнего Президента РУ. Ислום Каримов происходит из г. Самарканд, как мы писали выше, Самарканд является одним из центров «сартской» культуры, при этом, испокон веков, собственно, до советской эпохи, в этом городе значительную часть населения и по факту и «официально» составляли таджики. Достаточно сказать, что сам будущий Президент посещал школу / 2 г. Самарканда, которая считалась таджикской, и преподавание в ней велось на таджикском языке¹⁰. Официальная биография гласит, что Президент по национальности — узбек. Каждый человек вправе самостоятельно определять свою национальную принадлежность, но, как сообщают информанты из местного населения, И.А.Каримов родился и провел свое детство и юность в районе компактного проживания этно-конфессиональной группы ирани, к которой и принадлежал по рождению. Ирани — потомки выходцев из Ирана, частично исповедующие шиизм. Бухарские амиры из династии Мангитов, равно как и ханы из предшествующих чингизидских династий Шибанидов и Аштарханидов, постоянно опасавшиеся мятежей и восстаний кочевой знати из числа тюркских и таджикских беков, составлявших не только большинство в армии, но и в системе государственного управления в целом, охотно принимали к себе на службу выходцев из Ирана, которые, будучи оторванными от своей родины и находясь во враждебном окружении местного населения, были бы полностью зависимы от бухарских амиров и служили бы последним не на страх, а на совесть¹¹. Кварталы ирани имелись, еще до недавнего времени, во всех крупных историко-культурных центрах региона.

До национально-территориального размежевания вопрос национальности и национальной принадлежности был крайне малозначащим: термины «таджик»,

«тюрк» и «сарт» скорее обозначали социально-экономический и политический статус человека. Самым важным было конфессиональная идентификация: человек всегда указывал, что он мусульманин, и только потом приводил локальную или племенную идентификацию. Но иранцы — стояли отдельно в этно-социальном составе Бухарского эмирата и к узбекам никакого отношения не имели. Узбекские племена и роды были записаны в соответствующие списки, определявшие их состав и иерархию¹². Группа иранцы в этих списках по понятным причинам не фигурирует*.

Принадлежность к обособленной этнической группе определяла ориентиры Президента во внешней и внутренней политике. Каримов вынужден был объявить себя узбеком и создавать нацию именно узбеков, а не узбекистанцев (!), поскольку только в этом случае он мог претендовать на поддержку подавляющего большинства населения. Такая поддержка дает возможность, сохраняя внутреннюю стабильность в стране, успешно конкурировать с Казахстаном в борьбе за региональное лидерство**.

Отсюда был выбран в качестве политического идеала узбекского государства Амир Тимур (Аксак Тимур, Тамерлан) (правил 1370 — 1405)***. Тимур никогда не был узбеком, как представляет его официальная узбекская идеологическая машина. Он происходил из отороченного монгольского племени барлас (барулас), а его потомки были злейшими и наиболее последовательными противниками собственно узбеков, переселившихся из Восточного Дашт-и Кипчака в Мавераннахр (большую территорию которого и занимает ныне РУ) в нач. XVI в. Тимур, как и Каримов, одновременно и «свой» и «чужой». С другой стороны, столица Тимура — Самарканд, родной город нынешнего Президента. Тимур — победитель, заставивший трепетать весь мусульманский мир от Индии до Сирии, образ весьма впечатляющий. Выбор Тимура не случаен еще и потому, что политическую основу режима Каримова составляет т.н. «бухарско-самаркандская партия», в некотором смысле, противостоящая ферганской и ташкентской. После того, как И. Рахмон фактически устранил бухарцев и, особенно, самаркандцев, тесным образом связанных с жителями Зарофшана и севера Таджикистана, от активной политической жизни страны оставив их вне игры, они естественным образом стали связывать свое политическое будущее с Узбекистаном и оказывают поддержку Каримову, даже несмотря на продолжение политики «узбекизации».

По образованию И. Каримов — инженер-механик, кандидат экономических наук (он закончил Среднеазиатский Политехнический институт, а диссертацию защитил в Ташкентском институте народного хозяйства, ныне Ташкентский государственный экономический университет), он технократ, в той степени, в которой это возможно в рамках сугубо аграрной страны, в которую РУ превратилась в советские годы, когда республика стала страной монокультуры — хлопка. Понимая, что при развитии страны только в рамках аграрной экономики может привести к социальному взрыву, Каримов активно стали привлекать на территорию страны иностранные промыш-

* В отличие от группы «араб», т.е. кочевых и оседлых арабов, имевших определенную самостоятельность в составе Бухарского эмирата. Они были инкорпорированы в родоплеменной состав государства, при том, что никакого отношения к узбекам, естественно, не имели.

** В этом отношении весьма показательна также ситуация с каракалпаками. Они формально имеют свою автономию, но в политическом отношении полностью подконтрольны Ташкенту.

*** В честь Амира Тимура учреждена специальная государственная награда — «Орден Амира Темура», кавалером которого является и Президент Узбекистана.

ленные предприятия, крупнейшим и наиболее успешным из которых является компания UZ-DEWOO, наводнившее ЦА своими легковыми автомобилями. Правовая система Узбекистана дает значительные преференции иностранным компаниям и защищает их интересы, естественно, со всеми допусками, которые присущи «традиционным обществам», в которых присутствует целый набор отношений, в западных представлениях характеризующихся как коррупция. На самом деле система местничества достаточно традиционна и вытекает из исторических взаимоотношений различных этнических, политических и территориальных объединений.

Приход к власти в ходе вооруженного противостояния кланов и партий в Таджикистане Эмомали Шариповича (Шарифовича) Рахмона (Рахмонова), равно как и победа т.н. «проправительственных сил» была бы невозможна без тесной поддержки со стороны РФ и РУ. И.Каримов, как выходец из Самарканда, и политик, опирающийся на т.н. бухарско-самаркандскую партию, был вынужден вмешаться в таджикское противостояние. Причиной тому была не только резня выходцев из Самарканда и Бухары на одном из этапов межтаджикского противостояния, но и наличие как минимум 1 млн этнических узбеков, сформировавших собственные силы, а также опасность выхода конфликта за политические границы РТ, что могло принести существенный вред власти И.Каримова в РУ. Фактическая военная и финансовая помощь со стороны соседнего Узбекистана позволила «кулябцам» создать необходимое превосходство, чтобы вынудить лидеров ОТО сесть за стол переговоров, а потом и подавить их властные притязания. Собственно, нарушение условий договоренностей 1997 г. спровоцировало новые выступления оппозиции в 2009 — 2010 г. в Тавилдаре.

В отличие от РУ, Таджикистан представляет собой совершенно иную по сути форму президентской республики. Причин тому несколько: во-первых, вооруженный конфликт, который закончился мирными переговорами и компромиссом между Э.Рахмоном и оппозицией, что предопределило некоторую условность «президентского абсолютизма», во-вторых, принципиально иная организация таджикского общества как в региональном (точнее, территориальном), так и в этническом отношении. Чтобы понимать в каких условиях функционирует Президент и центральное правительство РТ нам необходимо достаточно подробно рассмотреть структуру и политико-экономические основы всех этно-территориальных объединений таджикского общества. Прежде чем мы приступим к очерку этого аспекта работы, необходимо сделать еще одно замечание относительно общего момента касающегося политической культуры Таджикистана в целом: долгое время таджики не имели своей государственности, поэтому идеалом их политической культуры находящаяся у власти группировка старается сделать эпоху правления династии Саманидов (правили 819 — 999). В тоже время для выбора такого идеала в настоящее время нет никаких практических оснований.

Если узбеки подразделяются на определенное число племенных групп, племен и родов, которое сейчас уже не так значимо в РУ, особенно в городе, то таджики — разделяются не только на родовые объединения (авлады, от араб. авлад, мн.ч. от валад — потомок), но и на профессиональные объединения, а также, в силу исторического развития народа, имеют жесткое территориальное деление, которое еще с советского времени принято называть территориально-клановым*. Выделя-

* В настоящее время можно наблюдать эволюцию традиционных организаций общества: на смену авладу, построенному по родовому принципу пришли объединения, построенные по профессиональному и территориальному принципу

ются следующие территориально-клановые объединения: «ленинабадцы» — выходцы из Согдийской (бывшей Ленинабадской) области, державшие власть в советский период, тесно связанные с коммунистической и советской номенклатурой, их же часто называют «северяне». Им принадлежала монополия на власть в советское время, они пользовались естественной поддержкой из соседнего Узбекистана. В силу сосредоточения власти в руках этого территориально-этнического объединения Ходжент и Согдийская область представляли собой наиболее развитый регион РТ; «кулябцы», контролировавшие в советский период и силовые структуры (МВД) и организованные преступные сообщества (!), «гармцы», конкурировавшие с «кулябцами» за преобладание в силовых структурах, «гиссарцы», «памирцы» — контролировавшие науку, искусство и образование **. «Кулябцев» так же часто именуют южанами. В весьма упрощенном виде полюса межтаджикского противостояния в ходе Гражданской войны 1992 — 1997 гг. можно представить таким образом: оплот коммунистов — Худжанд (область Согд, север, за исключением Матчи), исламистов — юг и центр (Вахшская долина, Каратегин, Дарваз и Гарм), демократических сил — Душанбе и ГБАО. Объединение движения исламистов (Партии исламского возрождения Таджикистана, ПИВТ), движения Растохиз и памирской партии Лали-и Бадахшон составило т.н. Объединенную Таджикскую оппозицию (ОТО) *.

Т.о., если мы будем анализировать ситуацию, сложившуюся после победы «кулябцев», то увидим, что исторически они не идентифицируются с кланом, имеющим монополию на власть, что наряду с кланово-территориальным, религиозно-политическим разделением таджиков делает их господство довольно условным. Соответственно и различными были экономические и политические идеалы каждой из этно-региональных групп.

Занимавшие ведущее положение «северяне», при том, что они контролируют наиболее плодородные районы страны (Ферганскую и Зарофшанскую долины), создали традицию высокотоварного мелкого предпринимательства, что повлекло формирование частной инициативы, меньшей зависимости от родовой структуры, при ее естественном сохранении как основной единицы в сельском хозяйстве. Как пишет М.Олимов «ленинабадцы (т.е., ходжентцы, согдийцы) чрезвычайно прагматичны, нацелены на решение узкоутилитарных задач. Это же качество делает их неспособными решить задачу объединения республики, что подтверждается всем поведением

(город-шахр, квартал-махалла, улица-гузар и т.д.). Это сделало такие объединения значительно более мощными и мобильными.

** Естественно, такое «деление полномочий» было весьма условным. Например, на начало активной фазы межтаджикского противостояния (весна 1992 г.) должность министра внутренних дел РТ занимал представитель «памирского» клана Мамад, з Навджуванов. Выступление Председателя Президиума Верховного совета Таджикистана Сафарали Кенжаева с обвинениями в адрес М. Навджуванова привели к многочисленным акциям протеста со стороны памирцев.

* Накануне парламентских выборов 2005 г. в РТ действовали следующие политические партии: Народно-демократическая партия Таджикистана (НДПТ, более 95 тыс. членов), Коммунистическая партия Таджикистана (КПТ, ок. 55 тыс. членов), Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ, ок. 21 тыс. членов), Демократическая партия Таджикистана (ДПТ, ок. 6 тыс. членов), Социал-демократическая партия Таджикистана (СДПТ, ок. 4,5 тыс. членов), Социалистическая партия Таджикистана (СПТ, ок. 14 тыс. членов), партия «Тарраки, т» (Партия прогрессистов, ППТ, известна также как партия Султона Куватова, ок. 6 тыс. членов).

ленинабадцев во время и после гражданской войны вплоть до настоящего времени (постоянные попытки обособиться от остальных частей республики)». Не следует забывать, что и географически, Ходжент отделен от основной части страны.

Далее М.Олимов пишет: «Политический идеал ленинабадцев — это соединение жесткой авторитарной центральной власти и свободы частного предпринимательства и инициативы, что делает для них более привлекательным соседний Узбекистан. На данном этапе резко изменились ориентиры и роли в политической жизни ленинабадцев. При Советах обладать властью означало обладать всем, и северяне, доминировавшие в республике привлеченные высокими должностями, селились повсеместно. Империя рухнула, и та роль, которую играли ленинабадцы на протяжении всех лет советской власти, — роль проводников имперских интересов осталась в прошлом. Теперь для ленинабадцев гораздо более привлекательным стал бизнес, но их предпринимательская активность по ряду причин не может реализовываться в полном объеме в центре и на юге республики. В итоге — определенный антагонизм между севером Таджикистана и остальными его регионами, в результате которого север все более обособляется, переориентируясь на Узбекистан и Россию»¹³. Необходимо отметить, что предприниматели северяне добились значительных успехов. В качестве примера можно привести деятельность «Эсхагабонк» — второго по активам и объемам операций банка страны и первого подлинно национального банка Таджикистана.

Препятствием для северян к политическому доминированию в стране служат разногласия в среде самого ходжентского клана, часть которого хотела бы сохранить доминирующее положение в стране, а другая — стремится к политической и экономической независимостью от Душанбе, с целью максимальных преференций от отношений с другими государствами¹⁴.

Северяне-ленинабадцы не стремятся интегрироваться с бедным и общинным по характеру экономических отношений югом страны в силу целого ряда причин. Все что может дать им юг — доступ к сырью и практически разваленной перерабатывающей промышленности. Но стратегическое сырье (уран, алюминий, вольфрам, молибден, золото и серебро) контролируется государством (точнее кулябским кланом) вкупе с иностранными корпорациями (китайскими, британскими, российскими), которые действуют под эгидой государства, а «все что остается не представляет для севера стратегического интереса», следовательно инвестиций северян в экономику юга страны ждать не приходится¹⁵.

То., мы видим четкое противостояние бедного юга и относительно благополучного севера, при том, что на юге сосредоточены основные природные богатства. Но не только противостоянием севера и юга измеряется система взаимоотношения элит в стране. Важным фактором внутренней политики в стране, что показала и Гражданская война является Горно-Бадахшанская автономная область. Памирцы, с одной стороны, совершенно справедливо не считают себя таджиками, принадлежат к иной этно-лингвистической (восточно-иранской) и религиозной общности (исмаилизм) и имеют совершенно отличную политическую культуру. Памирцы составляют совокупность небольших этносов в основе которых лежит родовая община, ведущая традиционное хозяйство и подчиняющаяся в религиозном отношении халифа (заместителям-наставникам главы исмаилитов-низаритов Ага-хана), а в политическом — выборному лидеру¹⁶. Как правило, властвование последнего невозможно без поддержки религиозных авторитетов-халифа¹⁷.

Хотя памирцы и вошли в ОТО, сделали они это скорее вынуждено, т.к. у них нет особой любви к исламистам, особенно афганским, ибо в их народной памяти живы образы опустошительных набегов последних (знаменитая аллегория об афганском сапоге), с другой стороны, большой вес интеллигенции (памирцы традиционно контролировали науку, искусство и образование и первенствовали среди всех этносов Таджикистана по количеству лиц, имеющих высшее образование), сделал среди них достаточно популярными демократические идеи.

«За годы советской власти при несомненном улучшении условий жизни и связанном с этим демографическом взрыве, на Памире был существенно подорван традиционный культурно-хозяйственный тип. Навыки хозяйствования в чрезвычайно суровых климатических и географических условиях были почти утеряны. Рост населения не сопровождался здесь развитием промышленности, сельского хозяйства и туризма. Все это обусловило (в советское время — прим. мое) бытовое пьянство, миграцию памирцев в долинные районы республики, а также массовое стремление к получению образования, высокой квалификации, которые могли бы способствовать решению проблемы занятости. Острые экономические и социальные противоречия местного общества, этнический и конфессиональный антагонизм памирцев по отношению к остальному населению Таджикистана заставили их искать способы выражения своих интересов, включаться в политическую борьбу. Однако в этой борьбе выявились и негативные проследствия трансформации памирского общества — разложение родовой общины повлекло за собой утрату традиционной морали, потерю навыков традиционного хозяйства (что в совокупности с необходимостью выживания — прим. мое), толкнуло многих молодых людей к противоправным действиям... Они начали широко заниматься посреднической торговлей, т.е. налицо резкое ослабление традиционных стереотипов сознания и поведения, исключающих торговлю. Возникновению и деятельности мафиозных группировок способствует родовая (и религиозная — прим. мое) организация памирского общества, которая предполагает тесную взаимосвязь, взаимовыручку членов рода»¹⁸. Такую, во многом негативную картину политической и этно-социальной жизни народов Памира рисует М.Олимов. С ней можно согласиться только отчасти. Безусловно, что отношения памирцев и таджиков во время и после войны ухудшились, не способствует их улучшению и попытка «кулябцев» поставить ГБАО под свой тотальный контроль. События 2008 — 2009 гг. показали не только бесперспективность, но и опасность подобных действий. Запрещение памирцам ведение образования на их языках, преследование их на бытовом уровне в центральных районах страны не способствует уменьшению их сепаратистских настроений и желанию отсоединиться от Таджикистана и перейти под власть России. Опять же в их народной памяти годы русского, а потом и советского правления были наиболее благодатными во всех отношениях¹⁹.

С другой стороны, условия экономической и политической блокады Памира в ходе Гражданской войны, вернули к жизни и традиционную памирскую общинность, и навыки ведения натурального хозяйства. А снятие блокады после национального примирения привело к развитию памирского бизнеса, активному развитию инфраструктуры туризма. Памирцы заняли важное положение и в транспортной системе страны (особенно в сфере общественного транспорта), успешно конкурируя в этой области с выходцами из Гарма и Куляба. По словам самих памирцев, в последнее время, все меньшее значение в их жизни имеет незаконный бизнес (контрабанда), и все более они переходят к легальной экономической деятельности. Контроль

над транзитной системой делает их значимыми игроками в местной экономической системе, т.к. через ГБАО РТ соединяется с Кыргызстаном и КНР и именно по этим направлениям идет основной поток грузов²⁰.

Важное значение для понимания политических процессов в современном Таджикистане имеет структура и идеология победившего кулябского клана. Кулябцы по разным оценкам составляют примерно 35% от общей численности страны. Они контролируют ныне все силовые министерства: Министерство обороны, КНБ, Министерство Внутренних дел, Комитет по охране государственных границ и пограничные войска, Комитет по борьбе с оборотом наркотиков и т.д.²¹. Здесь мы снова обратимся к работе М. Олимова: «В Кулябе сложилась гибридная система, представляющая собой симбиоз кровнородственной общины и колхозно-совхозной системы. Она отчасти напоминает ленинабадскую, однако имеет существенное отличие — в Кулябе слабо развиты товарно-денежные отношения. Это вызвано относительно более благоприятными условиями для сельского хозяйства, которые всегда давали возможность кулябцам как-то существовать, однако удаленность от городских центров не стимулировала повышения товарности хозяйства, не развивала (материальных и финансовых — прим. мое) потребностей жителей». Все это способствовало сохранению общинного уклада жизни, традиционализма в полном объеме. За годы советской власти трансформировалась в колхоз с характерной неограниченностью властью вожака общины — раиса (председателя колхоза)²².

«Коммунистическая идеология вписалась в идеологические механизмы, обеспечивающие выживание общины и за счет внутренней солидарности, и за счет политики властей, стремившихся законсервировать общину, справедливо видя в ней залог стабильности общества. Кроме того, хлопководство по ряду причин возможно только при сохранении общины. Сложившаяся при социализме система власти также соответствовала традиционным властным отношениям. Органической частью этой суб-культуры стал «народный» ислам, т.е., по преимуществу исламизированный адат (последнее, правда, справедливо и в отношении северян — прим. мое). Именно кулябцы стали естественными сторонниками компартии, советского порядка в его полном объеме»²³.

Именно такую систему и пытался распространить на всю страну победивший клан, что вызывает естественное отторжение как со стороны ленинабадцев, так и со стороны памирцев, каратегинцев и гармцев. Кулябцы, как победители пытаются контролировать всю страну, выступая в роли ее объединителей, но при этом не имеют на то ни политических ни экономических возможностей. Куляб готов предложить стране сырьевую базу, но не имеет сил и средств для организации перерабатывающих предприятий, нет у него и достаточно квалифицированных кадров. Как считает ряд исследователей жизненный уровень победителей-южан даже хуже, чем северян, что не добавляет стране единства, а наоборот, способствует дезинтеграции.

Несмотря на осознание себя неким территориальным единством «кулябский» клан далеко не однороден и распадается на несколько региональных микрогрупп: дангаринскую (ее глава — Э.Рахмон), пархарскую (фархорскую), кургантюбинская, хованлингская. Последняя группа находится в статусе аутсайдеров и не имеет практического влияния за пределами своего региона (равнинные районы Куляба и пограничные районы Каратегина и долины Вахье или Оби Хингоу)²⁴.

* К дангаринской группе относятся командование бригады спецназа МВД и ряд министров.

Политические устремления кулябцев сталкиваются с их союзниками и победителями в Гражданском противостоянии — гиссарцами. В отличие от кулябцев, гиссарцы могут претендовать на политическую власть, поскольку гиссарское бекство — традиционное политическое ядро Центрального Таджикистана²⁵. Но значительную часть Гиссара составляют узбеки (что и способствовало поддержке Народного фронта со стороны РУ). Это обстоятельство, на фоне все ухудшающихся отношений между двумя государствами, не позволит гиссарцам выступить в роли ведущей политической силы. Кулябцы резко выступают против создания Гиссарской области, т.к. справедливо полагают что это усилит децентрализацию республики.

Области Дарваза и Каратегина плохо подходят для сельского хозяйства. Это обстоятельство вызвало к жизни традицию ухода части населения на заработки в иные области и города, что привело к более высокому уровню товарно-денежного сознания, принятию инноваций и стремлению к их усвоению. Это же обстоятельство вызвало стремление местного населения к образованию, в том числе и религиозному, что привело к повышенной роли в жизни местного общества исламских авторитетов. Значительную роль в развитии «оппозиционности» местного населения к коммунистам была политика переселения горцев в долины, что ломало традиционные политико-экономические устои жителей Каратегина и Дарваза. Поражение в гражданской войне только подстегнуло развитие в этом регионе исламской оппозиции, которая периодически берется за оружие. В экономическом и политическом отношении Гарм развивался более самостоятельно, что способствовало формированию там независимой ни от северян ни от южан политической культуры, тесно связанной с исламскими традициями. Каратегин (наряду с северной курган-тюбинской областью) является наиболее пострадавшим регионом республики в ходе Гражданской войны. Он выдержал и нашествие исламистов и наступление правительственных войск. В результате ожесточенных боевых действий, значительное число каратегинцев вынуждено было эмигрировать. Их крупная община в Афганистане может стать важной силой во внутритаджикском противостоянии кланов. Это обстоятельство выглядит весьма вероятным и в силу «высокой пассионарности». В тоже время Дарваз сохранил свое население благодаря ожесточенному сопротивлению местных сил самообороны всем попыткам подчинения региона²⁶.

В настоящее время, в силу уменьшения численного состава населения, экономического и политического влияния каратегинцев в стране, идет активное их вытеснение кулябцами из органов власти. Это обстоятельство, наряду с большой диаспорой в Афганистане и высоким уровнем исламизации этой этно-территориальной группы, не способствует политической и экономической стабильности в РТ²⁷.

Т.о., регионализм является определяющим фактором экономических и политических элит в РТ.

Теперь, после такого пространного вступления, без которого невозможно понять структуру властных отношений в РТ, перейдем собственно к основным моментам биографии и мероприятий Э.Рахмона. К сожалению, в отличие от своего узбекского коллеги, Э.Рахмон ничего не сообщает о себе на официальном портале Президента РТ за исключением фотографий обложек нескольких работ, посвященных ему. Видимо, их следует считать официальной версией его биографии²⁸.

Как и И.Каримов, он начал свой трудовой путь в промышленности, поступил на работу электриком на Курган-Тюбинский завод, где дослужился до мастера и начал партийно-номенклатурную карьеру. В 1982 г. он окончил по заочному отделе-

нию экономического факультета Таджикского государственного университета по специальности «экономист». С 1988 г. Э.Рахмон — председатель совхоза им. Ленина в Дангаринском районе. Эту должность он занимал до 1992 г., когда он возглавил сформированный при поддержке России и Узбекистана Народный фронт, объединивший силы Худжанда и Куляба. После победы Народного фронта ходяжентцы оказались не у дел, что, наряду с историческими связями их с Узбекистаном, создает весьма напряженные отношения между про-президентскими силами и населением севера страны. Т.о., Рахмон как и Каримов выходец из среды, которая не имеет традиционных оснований на политическую власть, но в отличие от своего узбекского визави не может проводить политику протекционизма титульной нации («таджикизации») с целью укрепления личной власти. Неуклюжие попытки сделать таджикский язык единственным государственным языком ухудшили отношения с РФ и сделали призрачной бескорыстную финансовую помощь с ее стороны, что в условиях экономического кризиса и падения цен на основные экспортные товары РФ хлопок и алюминий делает ситуацию критической. Заявление ряда российских политиков, что ухудшение статуса русского языка может привести к введению визового режима РФ и РФ ставит Республику на грань экономической изоляции (которая и так де факто существует с момента введения визового режима с Узбекистаном и Кыргызстаном и больно бьет по местным производителям) на грань «социального взрыва», т.к. лишит массу таджикских трудовых мигрантов выехать на заработки в РФ. В то же время именно заработки трудовых мигрантов, перечисляемые из России являются для большинства таджикских семей единственным источником дохода.

Рахмон является выходцем из села, ему значительно ближе и понятнее интересы сельских жителей, на которых он делает основную ставку. Этим объясняются его populistские меры, такие как бесплатная раздача муки, сахара и иных продовольственных продуктов. Одновременно сама масса таджикского крестьянства весьма разнородна: она организована как по принципу родовой общины, так и по принципу соседской общины. Различен экономический потенциал крестьян севера и юга страны²⁹.

При этом, Рахмон, понимая, что без промышленности восстановление экономики республики не представляется возможным, пытается, хоть каким-то образом развернуть страну в сторону промышленного развития. Примерами тому являются запуск первого энергоблока станции «Сангтуда-1» (2009) и активная раздача концессий на разработку полезных ископаемых иностранным компаниям. Сам Таджикистан восстанавливать свой промышленный потенциал не в состоянии, потому что в советские годы на промышленном производстве работали преимущественно т.н. русскоговорящие жители республики, покинувшие ее в подавляющем большинстве еще в самом начале 90-х гг. прошлого века. Своих кадров Таджикистан подготовить не смог, а иностранные компании предпочитают приглашать своих рабочих.

Кроме того, мероприятия Э.Рахмона в области гидроэнергетики не служат укреплению связей с РУ, который всячески препятствует реализации плана строительства каскада ГЭС на Зарофшане, что может привести к экологической катастрофе.

Не укрепляет это и личных отношений между Э.Рахмоном и И.Каримовым, которые неизменно ухудшались в течение последних 5 лет. Политическая и экономическая неустойчивость Таджикистана, претензии таджикской интеллигенции на восстановление таджикского суверенитета над «двумя жемчужинами Бухарой и Самаркандом», вопросы, связанные с узбекизированными таджиками, в частности локайцами, сильно портят отношения двух Президентств. Враждебные отношения

глав государств, в первую очередь, а далеко не экономические и политические соображения, послужили закрытию и установлению визового режима. Изначально он был введен для предотвращения проникновения террористов из Таджикистана в Узбекистан. Переговоры об его отмене имели место в 1999 — 2000 гг., но режим только ужесточался, не смотря на заявление властей о том, что «визовый режим между Таджикистаном и Узбекистаном очень щадящий»³⁰. Узбекистан произвел минирование ряда участков границы, что вызвало недовольство ряда жителей высокогорных районов, т.к. были закрыты пути их традиционных маршрутов во время сезонной перегонки скота, дороги к культовым объектам поклонения и т.д.

Чтобы упрочить свою власть, а заодно напомнить таджикам о их древней и богатой истории Э.Рахмон устраивает массовые пропагандистские кампании, такие как празднование 2700-летия основания г. Кулаб, 1150-летия со дня рождения поэта Рудаки и т.д. При этом все более в его политике видно смещение от приведшего его к власти бедного и отсталого общинного юга в сторону более богатого и исторически влиятельного севера, где он активно пытается завоевать симпатии населения. Такая политика в условиях жесткого регионализма и конкуренции элит, которая ничуть не уменьшилось, а скорее наоборот, усилилась в последние годы, поставила власть в состояние определенной изоляции, когда на юге ей уже недовольны, а на севере еще не готовы принять. Это обстоятельство ставит власть в зависимость от региональной конъюнктуры. По этой же причине, ситуация в стране, как ни странным это может показаться, значительно более демократичная чем в соседнем Узбекистане, где, построение демократии заявлялось как один из основополагающих приоритетов внешней и внутренней политики, но на деле, чувствуется довольно жесткая рука центральной власти во всех общественных, политических и экономических явлениях.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РТ И РУ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

В рамках одной статьи мы не претендуем на рассмотрение всего комплекса социально-экономических вопросов развития РТ и РУ, а остановимся на наиболее показательных сюжетах, демонстрирующих общие черты развития двух государств. Нам кажется необходимым исследовать переход экономик двух государств к рынку, т.е., выявить сходные и отличные черты процесса приватизации, проанализировать динамику изменений трудовых ресурсов по отраслям экономики и, в весьма общих чертах, описать развитие сельского хозяйства и промышленности в пост-советский период.

Экономические позиции обеих республик и стоявшие перед ними проблемы и задачи были в общих чертах схожи. И РУ и РТ (тогда соответственно УзССР и ТаджССР) на 1991 г. по типу экономики относились к аграрно-индустриальным государственным образованиям. На момент обретения ими независимости оба государства имели отраслевую структуру экономики, сложившуюся в рамках административно-командной системы. Переход к рыночным отношениям, в общем сложившийся в обоих государствах к сер. 90-х гг., являлся наиболее сложной и насущной задачей социально-экономического развития всех государств пост-советского пространства. Он сопровождался повсеместным падением промышленного и сельскохозяйственного производства, гиперинфляцией и серьезными структурными изменениями в обществе.

Традиционно сельское хозяйство являлось ведущей отраслью, положение в которой являлось определяющим для стабильности в социально-экономическом и политическом развитии обоих государств. Промышленность (как тяжелая, так и легкая) будет

играть второстепенную роль, какое бы значение ей не придавали власти, поскольку она не затрагивает интересы подавляющего большинства населения. Именно власти в обоих государствах заинтересованы в развитии промышленности, по той простой причине, что они, в силу клановой организации политической структуры, контролируют ее через государственные органы (об этом говорит и процент принадлежащего государству капитала в совместных предприятиях). Кроме того, значительная часть промышленных предприятий начала свое развитие в РТ и РУ в 40-50-е гг., т.е., в военный и послевоенный период (только в Узбекистан было эвакуировано более 100 крупных производств), а основной костяк рабочих и технической интеллигенции составили не местные жители, а русскоязычное население, которое покидало регион в массовом порядке в нач. 90-х гг., что не могло не отразиться на уровне и качестве стартовых позиций в промышленном секторе. Некоторый подъем промышленности начался только во второй половине 90-х гг. преимущественно за счет иностранных инвестиций *.

И.Г. Каримов в силу своего более дальновидного подхода к вопросам диверсификации экономики (как мы указывали выше он может быть отнесен к руководителям-технократам) уже с начала 90-х гг начал формирование благоприятного инвестиционного климата в стране, формируя т.н. ограниченный рынок (или «китайскую модель» реформ), т.е. все более поощряя развитие частного сектора и пуская иностранные компании в промышленность и сельское хозяйство, но на четких условиях, при этом обеспечивая им достаточные государственные гарантии для успешного бизнеса, что привело в настоящее время к большому потоку инвестиций в экономику РУ. Но даже эти очевидные успехи не могут выдвинуть промышленный сектор на первый план **.

* Одним из самых успешных проектов в этом отношении является развитие сборочного автомобильного производства корейских автомобилей UZ-DEWOO (Узавтосаноат) в пригороде Ташкента, фабрике по сборке электронного оборудования в Самарканде, завода комплектующих для автомобилей в Андижане. Динамично развивается химическое производство ОАО «Максам-чирчик» (бывший «Электрохимпром») 49% которого в 2007 приобрела испанская компания MAXAM Corp.S.A.U., эта же корпорация приобрела 49% акций ОАО «Аммофос» в г. Алмалык (Ташкентская обл.). Сингапурская корпорация Indorama Industry Pte ltd в июле 2011 г. готовится запустить текстильное производство на базе Кокандского текстильного комбината. Для создания нового производства было сформировано совместное предприятие, акционерами которого стали Indorama Industry с 76% и Национальный банк Узбекистана с 24% акций. Индонезийская компания должна инвестировать в развитие предприятия 55 млн долл. США из которых 15 млн долл. — ее собственные средства, а 40 млн. долл — инвестиции иностранных банков. В 2006 г. правительство РУ объявило о готовности выставить на продажу порядка 220 нерентабельных текстильных предприятий для модернизации отрасли. За период 2006 — 2009 г. (т.е., до начала глобальной рецессии) иностранные инвесторы приобрели активов текстильных предприятий страны на общую сумму свыше 280 млн. долл., из которых наиболее крупными сделками были приобретение индийской компанией Spandex Industries ООО «Ташкент Тоймена текстиль» за 81 млн. долл.США и корейской DEWOO International ООО «Фергана текстиль» за 68 млн. долл.США. В условиях неблагоприятной ситуации на хлопковых ранках из-за наводнений в Индии и Пакистане, данные инвестиции выглядят весьма перспективными. См.: <http://www.gazeta.uz/2010/10/18/Kokand> При этом, существует и иная сторона вопроса, значительная часть промышленных высокодоходных предприятий контролируется ближним кругом Президента РУ.

** По этой причине, мы остановимся несколько подробнее на вопросах аграрной политики, а вопросы промышленного развития затронем только в самом

По результатам оценки агентства «Forbes», которое анализировало уровень благоприятности для иностранных инвестиций и развития бизнеса по 11 критериям (уровень государственных гарантий, инфляции, коррупции и др.) Таджикистан занял только 123 место из 127 рассмотренных государств. Узбекистан в данный отчет не вошел вообще, как сказано «в силу закрытости его экономики». Это весьма показательная оценка как одной так, и другой державы.

Состояние экономики в обеих республиках на момент провозглашения ими независимости было одинаково плачевным, однако, последующие события показали, насколько разными путями стали продвигаться два новых государства по пути модернизации.

Если абстрагироваться от политики и политических тенденций к 80 — нач. 90 —х гг., а рассматривать сугубо условия экономического роста, то позиции Таджикистана выглядели предпочтительнее. Для своего экономического развития республика имела целый ряд необходимых условий: наличие необходимых водных ресурсов, которые позволяли не только развивать сельское хозяйство (оно в обоих государствах преимущественно поливное), но и обеспечить себя дешевой электроэнергией за счет строительства каскада ГЭС на крупных реках. Дешевая электроэнергия стимулировала бы развитие промышленного комплекса, при том, что республика имела и имеет еще одно важное условие для промышленного роста: наличие различных полезных ископаемых, главным образом, руд редкоземельных и цветных металлов, что при функционировании перерабатывающих предприятий и соответствующих технологий могло способствовать быстрому развитию страны. Немаловажным является и само геополитическое положение РТ на стыке интересов крупнейших региональных и мировых держав. Однако этно-регионализм и борьба кланов за власть, закончившаяся Гражданской войной, массовый исход квалифицированных кадров не дали этому потенциалу реализоваться.

Позиции Узбекистана наоборот, выглядели весьма неблагоприятными: республика еще с советских времен столкнулась с проблемой гидроресурсов, которая только частично раскрывает общий спектр экологических проблем (засаливание и заболачивание почв — не менее серьезная проблема для аграрной страны). Наиболее неблагоприятным в этом ключе выглядит регион Аральского моря и Каракалпакская автономия, где снижение уровня моря спровоцировало перестройку жизненного уклада целого народа. Как республика хлопковой монокультуры в силу распада СССР, Узбекистан фактически лишился базы сбыта и переработки основного экспортного товара, т.к., переработка до 80% узбекского хлопка происходила на текстильных предприятиях России. Иными словами, без диверсификации экономики молодое государство стояло на грани экономического краха. При том, что РУ не в меньшей степени столкнулась и с оттоком квалифицированных рабочих кадров в силу миграции, и с потерей технической и гуманитарной интеллигенции.

В результате двух десятилетий реформ РУ смогла в определенной степени преодолеть изначально неблагоприятные условия и модернизировать свою экономику, что в середине 2000-х гг. дало ощутимые результаты, стабильный экономический рост на уровне до 8% в год и постепенное снижение бедности с 27% до 22,5%, а также постепенный рост доходов населения³¹. В тоже время, в силу Гражданской войны,

общем виде, чтобы сформировать некую целостную картину экономического развития двух государств в пост-советский период.

все положительные условия, которые были в РТ, утратились, и там произошел обратный процесс: стагнации и распада промышленности, перемещения основных трудовых ресурсов в деревню и возвращение значительной части населения (до 64%) к сельскому хозяйству³². Это обстоятельство в свою очередь подтолкнуло к трудовой миграции значительную часть трудоспособного населения, поскольку, натуральное сельское хозяйство способно прокормить только то число населения, которое позволяет естественный результат и баланс экосистемы.

ПРОЦЕССЫ ПРИВАТИЗАЦИИ

На манеру приватизации оказывали воздействие политические пристрастия и убеждения политических элит. Учитывая, что оба государства по типу экономики относятся к аграрно-индустриальным странам именно приватизация сельского хозяйства и уменьшение роли государства в этом секторе должно было иметь решающее значение. С другой стороны, быстрое внедрение рыночных отношений неизменно уменьшило бы воздействие на этот сектор государственных органов, что крайне невыгодно бы сказалось на экономическом положении самих элит.

В обеих республиках процесс начального перераспределения капитала и начала приватизационных процессов можно отмерять еще с советского закона «О кооперации» (в республиках были приняты аналогичные законы). Однако на первом этапе деятельность кооперативов была малопродуктивной и сводилась к получению прибавочного продукта за счет перепродажи товаров народного потребления, как ввезенных из-за рубежа, так и произведенных на государственных предприятиях. Дальнейшим этапом развития рынка стали разработанные правительством СССР и союзных республик положения об аренде земли и собственности государственных предприятий. Этот процесс не сопровождался инвестициями в промышленность и сельское хозяйство и, по сути, закончился, просто разделением некогда больших производств и хозяйств на десятки малых или средних. При этом на руках у населения скопилось довольно большой объем необеспеченных товарами денежных средств, что создавало определенную социальную напряженность. Для Узбекистана этот объем оценивался приблизительно в 15 млрд советских рублей³³.

Для того, чтобы снять определенную напряженность в РУ сразу же после объявления независимости ряд видов кооперационной деятельности был запрещен, что повлекло сокращение числа самих кооперативов. В 1991 г. правительство РУ приняло два важных регулирующих закона «О предприятиях» и «О предпринимательстве», которое положили начало реформированию экономики в период независимости. При этом закон «О предприятиях» до 1996 г., т.е. до времени принятия Гражданского кодекса РУ рассматривался экономистами как основополагающий документ хозяйственных отношений. Этот документ предусматривал создание равных условий для функционирования предприятий всех форм собственности, что послужило залогом экономической и социальной стабильности в стране.

Еще одним важным законом, который был принят еще до провозглашения независимости, явился закон «О собственности». Он декларировал определенное (правда, ограниченное) понятие частной собственности, и оказал определяющее влияние на развитие имущественных отношений в первые годы независимости. В 1993 г. в закон были внесены поправки, ясно определившие понятие частной собственности, т.о., рыночные механизмы были запущены.

Правительству РУ необходимо было решить ряд вопросов, важнейшим из которых был выбор перехода к рынку. Политика шоковой терапии, примененная в ряде других республик бывшего СССР, в частности, в РФ, была отвергнута как неприемлемая. Надо сказать, что состав Парламента страны, существовавший на тот момент, рассмотрел 9 совершенно разных проектов приватизации. Большинство из них предусматривало ваучерную модель приватизации или аренду госсобственности с правом постепенного выкупа. В результате, был принят проект, предусматривающий выкуп государственной собственности, т.к. именно он предусматривал инвестиции в экономику страны свободных средств граждан, что уменьшало инфляционное давление этих средств на экономику страны^{34*}.

В 1994 г. был начат второй этап приватизации, характеризовавшийся массовым изменением формы собственности государственными предприятиями и превращением их в открытые и закрытые акционерные общества (АО, ОАО, ЗАО и т.д.). В этом году принимаются два принципиально значимых для развития страны документа: закон «О разгосударствлении и приватизации» и постановление Правительства РУ «О дополнительных мерах по реализации экономической реформы в сельском хозяйстве». Эти нормативные акты предусматривали право собственности на орудия производства и произведенную продукцию, но сохраняли в контроль государства над земельными и водными ресурсами. Такая тенденция сохранялась все первое десятилетие независимости. К концу 90-х гг. процесс реформирования колхозов, совхозов и животноводческих ферм и их акционирование было в целом завершено. В частные руки государство передало ок. 850 тыс. г. или примерно 20% всего земельного фонда³⁵. Эти реформы привели к тому, что примерно 98% всей «нехлопковой» продукции сельского хозяйства стало вырабатываться в частном секторе, а общая доля частных в ВВП увеличилась до 30%.

На первом этапе реформ пристальное внимание уделялось созданию инфраструктуры для свободной коммерческой деятельности: мелкорозничной и крупной оптовой торговли, посреднической финансовой деятельности и банкинга. Именно постепенному переходу к рынку в республике удалось до некоторой степени избежать резкого падения уровня жизни населения, развала промышленности и остальных негативных последствий, с которыми столкнулись государства региона в нач. 90-х гг.³⁶. Создание относительно благоприятного климата, а также наличие политической стабильности режима, относительно лояльный по сравнению с соседними государствами налоговый режим позволили государству привлечь значительные иностранные инвестиции в горнодобывающую, нефтегазовую, машиностроительную отрасли³⁷. Согласно данным Л.А. Фридмана уровень падения производства в РУ в 1995 г. составил всего 15% (т.е., было произведено 85% продукции к уровню 1990 г.), в то время как в других странах региона подобные показатели были сравнительно ниже, например, 31% в Кыргызстане (69% к уровню 1990 г.), а в Таджикистане — ок.70% (т.е. только 30% к уровню 1990!)³⁸.

На первом этапе главной целью экономической политики официального Ташкента декларировалось достижение энергетической и продовольственной независимости, испытывавшего большую зависимость от поставок зерна, продукции машиностроения и энергоресурсов, что было обусловлено политикой экономического

* *Естественно государство не торопилось приватизировать стратегические предприятия, например, СМИ. До настоящего времени ок. 50% масс-медиа страны контролируются государством непосредственно или через третьих лиц.*

районирования и спецификации республик, заложенной в советскую командно-административную систему. Этой цели удалось в целом добиться уже к 1995 г. С одной стороны, благодаря расширению нефтедобычи и нефтепереработки (более чем в 2,5 раза), модернизации и установления контроля государства над двумя крупнейшими в стране нефтеперерабатывающими комбинатами (Ферганского и Бухарского НПЗ), а также за счет развития частного предпринимательства в сельском хозяйстве³⁹.

Государство стало активно поддерживать стратегически важные отрасли экономики — топливно-энергетическую (ГЭК)*, машиностроение**, самолето— и вертолетостроение*, металлургию, химическую промышленность и растениеводство

* Ежегодно в Узбекистане вырабатывается порядка 50 млрд кВтч электроэнергии, из них ок. 10% за счет активно создающейся системы дешевой гидроэнергетики. Согласно программе развития ГЭС, принятой в 1995 г. к 2010 г. предусматривалось создание 15 малых ГЭС общей мощностью 423 МВт. К настоящему времени завершено строительство 7 ГЭС (общая мощность 394 МВт) См.: <http://www.gazeta.uz/2010/10/12/ges> Однако нехватка энергоресурсов и неполная электрификация страны объективно затрудняет экономическое развитие страны.

** Одним из примеров развития машиностроительной отрасли служит автомобильное предприятие «Узавтосаноат», на которое мы указывали выше. Предприятие постепенно меняет характер от сугубо сборочного и переходит на локализацию (т.е. местное производство) максимального числа компонентов. Для этой цели в настоящее время реализуются свыше 30 инвестиционных проектов, оцениваемых в 1,2 млрд. долл. В рамках этих проектов предполагается создание производства двигателей, задних мостов, радиаторов, систем кондиционирования, вентиляции и отопления, элементов топливной системы, деталей внутренней и внешней отделки. В 2008 г. «Узавтосаноат» и GM Powertrain Uzbekistan сообщили об открытии совместного предприятия в Ташкентской области с уставным фондом в 100 млн. долл. США для создания завода по производству автомобильных двигателей объемом 1 — 1,5 литра (наиболее распространенных в стране). Общая стоимость проекта оценивается в 570 млн. долл США, а проектная мощность завода — 360 тыс. двигателей в год. См.: <http://www.gazeta.uz/2010/09/30/auto> Развивается также автопроизводство в Андижанской области (Асака), где располагается производство ЗАО GM Uzbekistan. Для обеспечения его комплектующими (системы отопления и вентиляции) создается совместное предприятие «Узавтосаноат» и ERAE Cs Ltd (Южная Корея).

* Здесь, имеется в виду, не только создание новых производств по проектированию и строительству авиатехники, а о ремонте и поддержании технического состояния того парка, который достался в наследство от СССР, а потом был практически полностью заменен на более совершенную технику. Главным предприятием отрасли является Государственное Акционерное общество «Ташкентское авиационное производственное объединение им. В.П. Чкалова» (ТАПОУЧ), входящее ныне в российскую «Объединенную авиационную корпорацию» при сохранении контроля за предприятием со стороны правительства РУ. ТАПОУЧ выпускает ограниченными партиями самолеты ИЛ-114, Ил-78, однако с 2000 г. основу его продукции составляют товары общественного потребления. Предприятие имеет механические заводы в Фергане и Андижане. Ныне парк гражданской авиации страны (крупнейшее предприятие в этой отрасли — O'zbekiston Hava Yollari) практически не использует продукцию ТАПОУЧ, а эксплуатирует зарубежную, в т.ч. российскую технику (ТУ-154, Ил-114-100, Boeing 757-300, Boeing 767—300 ER, A 310-300, A 320).

(главным образом, зерноводство)⁴⁰. Однако попытки сократить посевы хлопчатника, как наиболее затратной в отношении трудовых ресурсов и гидроресурсов культуры, привели к неожиданно обратному результату и недовольству населения, после чего таких попыток более не предпринималось.

В 1996 — 1998 гг. проходил третий этап приватизации, который вносил коррективы в этот процесс. Руководство предприятий, используя оборотные средства, стало активно скупать акции своих предприятий, для того, чтобы избежать утраты контроля за ними. В результате в 1998 г. были изданы нормативные акты запрещающие использование оборотных средств для акционирования**.

Несмотря на издержки второго этапа приватизации, на 01 июля 1998 г. число предприятий в частной собственности составило 156,9 тыс. или 85,1% от их общего числа. Доля негосударственного сектора в ВВП страны достигла 59,3%⁴¹. Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что государство продолжало контролировать часть акционерных обществ, сохраняя у себя пакет акций. Это особенно видно на совместных предприятиях, созданных в последние годы (об этом мы скажем несколько слов ниже).

В сельском хозяйстве приватизация шла сложнее. В этом секторе с 1992 г. применялись различные формы хозяйствования. В результате были выработаны две принципиальные модели: формирование дехканских (фермерских) хозяйств и преобразование колхозов и совхозов (т.е. коллективных и государственных хозяйств) в паевые общества — ширкаты. Особенностью образования паевых обществ является разде-

** *Естественно, круги, близкие к Президенту страны (т.е. его родственники и земляки), также приняли самое активное участие в приватизации и взяли под контроль значительную долю государственной собственности. Их активность приводила к пересмотру результатов приватизации и вытеснению из привлечших их внимание структур новых владельцев. Дабы показать, что процессы приватизации не были прозрачными процитируем андиджанского журналиста А. Сулайманова: «Дочь президента Каримова Гульнара постепенно прибрала к рукам все наиболее высокодоходные сферы бизнеса в Узбекистане: нефтегазовую сферу, легкую промышленность, экспорт хлопка, мобильную связь, шоу-бизнес, рекламу, ресторанный бизнес и т.п. Она имеет интересы и в области СМИ. Гульнара Каримова и принадлежащая ей «Терра-групп» владеет тремя телеканалами («НТТ», «ТВ-Марказ», «Соф-ТВ») и четырьмя журналами («Белла-Терра», «Бейби-Терра», «Об», «Жаннатмакон»), двумя радиоканалами («Радио-Терра», «Замин»), а также студией звукозаписи, киностудией и т.д.» См.: <http://www.ca-oasis.info/oasis?jnf=98&id=733>. Кроме того, Г.Каримова владеет элитным ночным клубом «Баша», недвижимостью в Ташкенте, Москве и ОАЭ. Примерный список предприятий, который контролируется Г.И. Каримовой включает в себя: Ферганский нефтеперерабатывающий завод, компании связи «Узбектелеком» и «Уздунробита», СП «Зеро Макс» и «Узгазойл», банк «Кредит Стандарт», Медиа-группу «Терра-групп», стекольный завод «Кварц», Кувайский стекольный завод, Бекабадский цементный завод, филиал компании «Кока-Кола» в Узбекистане, ночной клуб «Баша», ювелирный бутик в Москве. При этом, естественным образом, у конкурирующих с «семейным» бизнесом компаний местных предпринимателей стали возникать определенные проблемы — их просто вытеснили с рынка путем государственного давления. См.: http://www.compromat.ru/page_16603.html Т.о., государство с одной стороны заинтересовано в развитии многоотраслевой промышленности (с целью ее контроля различными методами), с другой стороны — объективно тормозит ее развитие.*

ление имущества хозяйств на паи, право на которые имеют как ныне работающие в хозяйстве, так и пенсионеры. При этом часть имущества составляет неделимый фонд хозяйства⁴².

Под патронажем Международного банка реконструкции и развития (МБРР) с 1998 г. в стране развивается система приватизационных инвестиционных фондов (ПИФ), однако, поскольку существование и функционирование ПИФов предусматривает ваучерную систему приватизации, противоречащую узбекской модели, распространение этих фондов не имеет широкого характера⁴³.

Основным результатом приватизации в РУ является сохранение многоукладной экономики, переход значительной части предприятий различных отраслей в частные руки, при сохранении значительной роли государства, т.е., система ограниченного многоукладного рынка с «местной» спецификой.

Теперь обратимся к приватизации в РТ, где существовало несколько подходов к вопросу приватизации, расгосударствления экономики и перехода к рынку. В РТ этот процесс осложнялся состоянием Гражданской войны и реально начался позже, чем в соседней республике. Не смотря на то, что уже в 1991 г. был принят закон «Об акционерных обществах», в 1992 г. — «Об иностранных инвестициях», в 1993 г. — «О предприятиях», реальное исполнение этих нормативных актов было затруднено, просто в силу того, что правительство еще не контролировало все регионы страны.

Закон «О приватизации государственной собственности в Республике Таджикистан» был принят только в 1997 г. Еще одной немаловажной причиной тормозившей переход к рынку, был социальный идеал организации общества у победившего клана, сочетавший в себе черты социалистического хозяйствования и родовой общины, о чем мы писали выше. Этим, видимо, и объясняется очень малое количество приватизированных предприятий — всего 28%⁴⁴.

С другой стороны, окончание активной фазы боевых действий, требовало активного восстановления экономики с одной стороны, и закрепление результатов военной победы за счет контроля над государственной собственностью с другой, что подтолкнуло процесс расгосударствления. Государство декларировало проведение приватизации на основании «законности, гласности, равенства прав граждан на получение доли в имуществе, подлежащим в приватизации, конкурентности и правопреемства»⁴⁵. В отличие от узбекского варианта приватизации, в РТ приватизации подлежали не только предприятия, находившиеся в госсобственности, но и земля на условиях землепользования. Приватизации не подлежали «объекты, являющиеся в соответствии со ст.13 Конституции Республики Таджикистан исключительной собственностью государства, а также объекты исторического наследия и национального достояния, здания и сооружения органов государственной власти и управления и органов местной власти, системы водоснабжения питьевой водой, оборонные предприятия, а также предприятия по захоронению радиоактивных отходов. Приватизация объектов, обеспечивающих жизнедеятельность экономики городов и районов, объекты топливно-энергетического комплекса, водохозяйственные сооружения, (за исключением системы снабжения питьевой водой), железнодорожные пути и автодорожные коммуникации, сети связи, объекты здравоохранения и образования осуществляются (так!) по решению Правительства Республики Таджикистан. Перечень объектов, которые в соответствии с настоящим Законом не подлежат приватизации, утверждается Правительством Республики Таджикистан»⁴⁶. Принятие закона в такой редакции обеспечило победившему клану кон-

троль над наиболее доходными и жизненно важными отраслями посредством государственных органов.

В основу приватизации была положена видоизмененная ваучерная модель, но сами ваучеры заменяла невыплаченная работникам зарплата за 1994 — 1995 гг. Естественно, в результате вилки цен денежной реформы, связанной с переходом на таджикский рубль (так!) между 1994 — 1995 гг. и 1997 г. работники не могли претендовать на значительную часть собственности, просто в силу отсутствия у них необходимых средств⁴⁷.

В РТ результаты приватизации оказались скорее пагубными, чем плодотворными. Восстановление многоукладной экономики в стране не произошло. Даже цифры изменения трудовых ресурсов по отраслям говорят о подавляющем приоритете сельского хозяйства (об этом мы расскажем в следующем разделе). Крестьяне не стали подлинными хозяевами земли, при том, что условия приватизации им этого не запрещали. Государством через местные органы по-прежнему регулируется набор культур, которые обязаны выращивать сельчане, а закупка выращенного ими продукта осуществляется таким образом, что они все более попадают в финансовую кабалу либо к закупочным компаниям (т.н. система фьючерсов), либо к государству⁴⁸. Подлинное развитие дежканских хозяйств невозможно еще и в силу того, что в ряде случаев, оно превратило некогда процветающие колхозы и совхозы в совкоупность маленьких и самостоятельно нежизнеспособных индивидуальных и кооперативных хозяйств.

При этом если смотреть на официальную статистику приватизации в сельском хозяйстве страны все выглядит весьма положительно и убедительно, но, к сожалению, только выглядит. По официальным данным только в Согдийской области (Вилоят-и Сугд) приватизировано несколько тысяч хозяйств, однако, прибыльными являются единицы.

В промышленности приватизация проходила также с большими нарушениями и была явно неэффективной. Переход промышленных предприятий в частную собственность происходил по заведомо заниженным ценам, часто с репрофилеированием предприятий или распродажей их по частям⁴⁹. К 2008 г. в стране было приватизировано ок. 430 крупных и средних предприятий и ок. 10 тыс. мелких объектов госсобственности. Большинство предпринимателей критически относились к результатам этого процесса, что косвенно нашло поддержку и госорганов: по результатам проверок Прокуратурой республике возбуждена целая серия уголовных дел, однако, их можно отнести и к политическому противостоянию внутри кулябского клана⁵⁰. Неэффективность приватизации в РТ заключалась в том, что она фактически исключила значительную массу населения из процесса, и тем самым не сняла как в РУ, а наоборот, спровоцировала социальную напряженность. С 2003 г. проводится последний этап приватизации, в ходе которого предусматривается переход в частные руки статусных и наиболее значимых предприятий страны (Таджикский Алюминевый завод, Таджикская железная дорога, Таджикские авиалинии, Таджикнефть, «БаркиТоджик» — базовая компания таджикских энергетических систем и принадлежащие ей электростанции, а также еще 57 стратегически важных предприятий)⁵¹. В феврале 2009 г. в Закон «О приватизации.» был внесен ряд поправок, в частности, за Правительством было закреплено право контролировать деятельность акционерных обществ, оно также получило право приобретения контрольного пакета акций в приватизируемых компаниях.

Как и в предыдущих редакциях закона, водные ресурсы и оборонные предприятия приватизации не подлежали⁵² *.

Подводя итог переходу к рыночным отношениям в РТ и РУ хочется отметить следующую характерную для обоих государств черту: параллелизм политической и экономической активности элит и остального общества, при котором рыночные преобразования в весьма легкой форме видоизменили традиционные формы хозяйственной жизни. Ни процессы приватизации, ни создание большого числа СП и акционерных обществ, ни относительное восстановление промышленности не оказали на жизнь подавляющей массы населения никакого эффекта. Наиболее прибыльные отрасли и предприятия оказались под контролем ограниченной группы лиц, как в одном, так и в другом государстве, что вызвано региональным характером формирования и функционирования политических элит двух стран. При этом, внешние проявления реформ в РУ имеют более ярко выраженный характер и результативность.

Экономическое сознание, стремление к инициативе у большинства населения остается весьма низким. При этом, господствующей характеристикой социального положения подавляющей массы населения остается бедность. Именно на сокращение числа бедных и повышения уровня жизни населения направлены усилия правительства РУ, о чем говорит принятая в этой стране в 2007 г. «Стратегия повышения уровня благосостояния общества»⁵³. Но даже по явно завышенным оценкам в стране от 25 до 20% населения могут быть отнесены к категории бедных. Популистскими выглядят и заявления Президента страны о том, что средняя заработная плата в стране в ближайшее время вырастет до эквивалента в 500 долл. США (в 2008 г. она якобы составляла порядка 300 долл США)⁵⁴. Возможно, что в ряде отраслей промышленности и в совместных предприятиях, на государственной службе работники и получают такую или даже более высокую заработную плату, но основная масса сельского населения и 20% населения составляющих группу безработных или сезонных безработных вряд ли имеют такие месячные доходы. При этом положение в РТ еще более сложное и тяжелое в связи более поздним началом реформ и более сложным положением в экономике.

Для обоих государств значительную проблему будет представлять ряд вызовов из которых определяющими будут проблемы демографии и экологии. Именно

* По новой редакции Закона Нурекская и Рогунская ГЭС и ГУП «Талко» (Таджикская алюминиевая компания, бывшая ТадаЗ, г. Турсунзаде) не подлежат приватизации. Эти объекты выбраны не случайно: Нурекская ГЭС является одним из основных производителей электроэнергии в стране, а ГУП «Талко» представляет собой крупнейший комбинат по выработке алюминия, не только в РТ, но и во всей Центральной Азии. Правительство не хочет расставаться с самими доходными предприятиями. При этом упоминание Рогунской ГЭС выглядит довольно странно, т.к. объект не достроен, а его принадлежность до конца не понятна, т.к. его достройку должен произвести международный консорциум. При этом президенты Узбекистана и Туркменистана выступают категорически против возведения этого объекта. Они добиваются международной экспертизы, которая могла бы оценить степень ущерба для экологии региона от возведения и функционирования этого и других объектов на Аму-Дарье и Сыр-Дарье. При этом, уровень воды в крупных реках и в водохранилищах РТ падает. В Кайраккумском водохранилище он упал на 2 м: 345 вместо 347,5 м положенных по норме, т.е. с 3,5 млрд м³ до 2,3 млрд м³, что приводит к нехватке воды в поливной сезон не только в РТ, но и в РУ. См.: Фуруз, И. <http://www.respublica-kz.info/news/finance2734> Как не странно может показаться, но причина этого явления в аномально холодных зимах 2008 и 2009 года, что привело к медленному таянию снегов и неполному насыщению рек страны.

они и комплекс вызванных по цепочке проблем будут определять политическое и социально-экономическое развитие двух стран.

ДИНАМИКА РОСТА НАСЕЛЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Дезурбанизация, бюрократизация, аграризация и массовая трудовая миграция — основные тенденции социальных изменений в РТ и РУ в первое десятилетие независимости *. Важной чертой характеристики трудовых ресурсов обоих государств является постоянная положительная динамика прироста населения, что увеличивает число трудоспособного населения, и, как следствие отражается на увеличении как открытой, т.е. официальной, так и скрытой безработицы. В обоих государствах более 30% населения младше 30 лет, что относит РТ и РУ к молодым государствам. Это обстоятельство делает проблему трудоустройства работоспособного населения весьма острой. В свою очередь, большое число безработных является благодатной почвой для взращивания семян национального экстремизма и религиозного фундаментализма. Безработная, ничем не занятая молодежь, особенно, в городах является дестабилизирующим фактором общественных отношений. В РУ, где политический режим достаточно жесткий, а правоохранительные органы сурово подавляют всяческие проявления даже обычной политической активности и религиозности населения, ситуация значительно более спокойная. Но, и там присутствует довольно серьезное скрытое недовольство властными органами. В РТ политический силу целого ряда обстоятельств (прежде всего, условности власти) безработица напрямую стимулирует развитие и рост преступности. В свою очередь родовое и региональное местничество при низком авторитете власти только стимулирует формирование неформальных (в том числе криминальных) объединений, которые подменяют собой властные органы и при небольших финансовых вливаниях в любой момент могут собрать многочисленные вооруженные группы. Т.о., демографический рост населения и проблема трудоустройства, которую Правительства РТ и РУ пока решают за счет соседних государств (главным образом, России и Казахстана), является решающим моментом политической и социально-экономической стабильности, и как следствие, экономического роста или стагнации. От того каким образом будет регулироваться естественной прирост населения и решаться проблема занятости напрямую будет зависеть не только устойчивость правящих режимов, но и отношения РТ и РУ с соседними государствами, а также социальная обстановка в этих государствах.

Выезд русскоязычного населения, естественная убыль населения и, даже гибель до 500 тыс. чел. в ходе Гражданской войны 1992 — 1997 гг., не отразились на стабильно положительной динамике роста населения в РТ. В РУ, которая не испытала на себе военных действий, а наоборот, еще и принимала на своей территории беженцев из РТ, даже несмотря на вышеуказанные обстоятельства выезда русскоязычного

* Собственно, в таком положении РТ и РУ повторяют развитие целого числа государств Азии и Африки, которые вынуждены были столкнуться и тем или иным образом решать проблему аграризации экономики. См.: Александров Ю.Г. Аграрное перенаселение в странах Востока. М.: Политиздат, 1988. С.10 — 21. По пути вынужденной бюрократизации, как одного из средств борьбы с безработицей, пошли некоторые страны Ближнего Востока, например, АРЕ, экономика которой также может быть отнесена по типу к аграрно-индустриальным. Однако, данный путь представляется совершенно бесперспективным и носящим сугубо временный положительный характер.

и не только населения (немцы, корейцы, насильственные переселенцы с Северного Кавказа и др.), динамика прироста населения была сугубо положительной в течение всего рассматриваемого периода.

РУ и РТ показали наибольший прирост населения среди всех государств СНГ. При этом рост численности населения РТ в период с 1992 по 2008 г. составил ок. 32% (или ок. 1,8 млн чел). Население Узбекистана за тот же период увеличилось примерно на 30% (или 6,3 млн. чел.)⁵⁵. Исходя из данных Таб.1 несложно видеть положительную динамику и за последние 2 года. Прирост населения в РУ характеризуется разнонаправленными тенденциями: в общем виде прирост населения за период 1991 — 2008 г. составил примерно 1,8% в год или 380,3 тыс. чел. За период 2003 — 2008 гг. темп прироста населения составил 1,3% или 328,7 тыс. в год. Наиболее заметное сокращение рождаемости произошло среди сельского населения (!). Тем не менее, в республике сохраняется высокий потенциал прироста населения, т.к. в фертильный возраст вступили граждане страны, родившиеся в 1980 — 91 гг., когда отмечался наибольший прирост населения: на 1991 г. пришелся пик естественного прироста населения, который составил ок. 600 тыс.чел.⁵⁶. При этом средний возраст населения республики менее 30 лет, что относит РУ к молодым государствам⁵⁷. Последнее обстоятельство остро ставит вопрос о занятости населения. Кроме того, по нашему опыту работы в РТ и РУ мы можем сказать о том, что статистические данные могут быть не совсем точны, в силу удаленности и труднодоступности целого ряда районов. Кроме того, ряд граждан этих государств, в силу тех или иных причин, могли сознательно уклониться от переписи, но даже в этом случае, можно констатировать положительную динамику прироста населения в обоих государствах. На рост населения оказывает влияние и заметное снижение смертности и в РТ и в РУ. В Узбекистане, например, она снизилась за последние 10 лет на 5,3%⁵⁸. Сокращение смертности отмечается и в Таджикистане*.

Табл. 1. Изменение численного состава населения в РТ и РУ**

Год	1989	2000	2008	2009	2010
Численность населения, млн. чел.					
РТ	5 109	6 127	7 215	ок. 7 300	7 562
РУ	19 828	24 346	26 891	27 533	н/д

* По официальным данным. Однако, сокращение смертности в 2007 — 2008 гг. было сугубо временным явлением, потому что суровые природные катаклизмы 2008 и 2009 г. вкупе с низким уровнем развития системы здравоохранения не могли не отразиться на демографических показателях РТ.

** В соответствии с Указом Президента РТ от 29 августа 2009 г. «О проведении переписи населения в 2010 году» в период 21 — 30 сентября 2010 г. в РТ была проведена перепись населения и жилищного фонда. К сожалению, нам не удалось найти результаты переписи в полном виде, поэтому мы вынуждены пользоваться отрывочными данными, опубликованными различными СМИ со ссылками на Государственный комитет статистики РТ.

Теперь необходимо обратиться к такой характеристике как уровень занятости населения. Как мы выяснили, оба государства имеют положительную динамику роста населения, следовательно, перед их правительствами остро стоит вопрос занятости населения. За рассматриваемый период времени, т.е. с провозглашения независимости до 2009 г., трудовые ресурсы в РТ выросли более чем на 54%, при этом уровень занятости поднялся только на 7%. Официально декларируемый уровень безработицы в РТ сильно не изменялся на протяжении долгого периода и колебался в пределах 2,2 — 2,4% от экономически активного населения, что естественным образом не соответствует действительности. Резкий скачок официальной безработицы пришелся на пик мировой рецессии и достиг 7,4%⁵⁹. Столь резкий скачок был вызван тем, что из-за кризиса многие просто не смогли выехать на заработки за границу. Реальный уровень безработицы составляет от 30 до 48%⁶⁰. В ходе этнографических экспедиций 2008 — 2009 гг. нам доводилось видеть населенные пункты, вс, (!) мужское население которых выехало на заработки в Россию, что также говорит не в пользу официальных данных статистики. Низкий уровень официальной безработицы формируется за счет массовой трудовой миграции в Российскую Федерацию и Республику Казахстан.

В силу закрытости экономики РУ и очевидной недостоверности данных официальной статистики, по тем же самым причинам, что и в РТ, уровень безработицы в Узбекистане оценивается примерно в 20% населения, однако, в этой стране, как и РТ большое значение имеет сезонная безработица, связанная с сельскохозяйственными циклами⁶¹.

Массовая безработица определенным образом воздействует на распределение рабочей силы по отраслям экономики, что показывает истинное значение каждой отрасли для жизни страны. В РУ и РТ этот показатель характеризуется разнонаправленными тенденциями. В РУ отмечается стабильное перемещение трудовых ресурсов из сферы сельского хозяйства в промышленность и сферу услуг, в то время как в РТ имеется обратная тенденция. Это указывает на рост промышленности в экономике РУ и обратный процесс в РТ. При этом в обоих государствах наибольшей сферой, пострадавшей в годы независимости остается наука, в то время как в РУ образование и здравоохранение имеют некоторый прирост, в РТ демонстрируется их серьезный упадок.

Табл. 2. Изменение численности занятых по отраслям народного хозяйства РТ и РУ (между 1991 и 1999 гг. в % соотношении)⁶²

Страна	Все занятые	В том числе:							
		В с/х	В промышленности	В строительстве	На транспорте и связи	В торговле	В образовании	в здравоохранении	В науке и науч. обслуживании
РТ	-12	+27	— 49	— 66	— 30	+65	-26	-14	— 80
РУ	+8	-7	-7	-6	-7	+58	+8	+10	-50

Табл. 3. Изменения в структуре занятости в РТ и РУ (1991 — 1999 гг.)⁶³ по трем секторам экономики в процентном соотношении*

Страна/отрасль	Сельское хозяйство		Промышленность и строительство		Сфера услуг (в т.ч., торговля)	
	1991	1999	1991	1999	1991	1999
Годы						
Узбекистан	41,9	36,2	22,4	19,9	35,7	43,9
Таджикистан	44,7	64,8	20,5	10,1	34,8	25,1

Т.о., несмотря даже некоторый на рост численности занятых в промышленности и сфере услуг, на что указывает, в том числе, и перераспределение трудовых ресурсов в РУ, сельское хозяйство остается для обоих государств ведущей отраслью экономики, что будет порождать постоянную трудовую миграцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В соответствии с Указом Президента РТ от 29 августа 2009 г. «О проведении переписи населения в 2010 году» в период 21 — 30 сентября 2010 г. в РТ была проведена перепись населения и жилищного фонда. К сожалению, нам не удалось найти результаты переписи в полном виде, поэтому мы вынуждены пользоваться отрывочными данными, опубликованными различными СМИ со ссылками на Государственный комитет статистики РТ.

¹ Абдуразаков М.Ш. О социальной специфике развития политической культуры в Республике Узбекистан//Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе 16 — 17 января 2009 г. М.: Центр стратег. и полит. исслед., 2009; Александров Ю.Г. Аграрное перенаселение в странах Востока. М.: Политиздат, 1988; Алексеев А.К. Национальная политика и национально-территориальное размежевание в Центральной Азии//Конфликты в международных отношениях: историческая ретроспектива и перспектива. Сб. научных статей. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. — 166 с.; Ахмедов А. Специфика многопартийности в Центральной Азии и ее влияние на политическую культуру (на примере РТ)// Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе 16 — 17 января 2009 г. М.: Центр стратег. и полит. исслед., 2009; Бартольд В.В. Записка академика В.В. Бартольда об исторических взаимоотношениях иранских и турецких народностей Средней Азии http://www.ca-c.org/datarus/st_13_olimov.shtml; Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк//Соч. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1963; Бзежинский З. Великая Шахматная доска. М.: Международные отношения, 2006. — 255 с.; Бушков В.И., Микильский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (1992 — 1995) (этносоциальные процессы и политическая борьба) http://www.ca-c.org/datarus/st_08_bush.shtml; Дододжонов М Парламентаризм как фактор развития политической культуры в Таджикистане//Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе 16 — 17 ян-

* При рассмотрении движения трудовых ресурсов необходимо учитывать и такой показатель, как массовая трудовая миграция, усилившаяся в обеих республиках в силу возвращения к сельскому хозяйству, в т.ч. натуральному и сокращению объемов промышленного производства.

варя 2009 г.М.: Центр стратег. и полит. исслед., 2009; Зайферт А.К. Политическая культура и Таджикистан//Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе 16 — 17 января 2009 г.М.: Центр стратег. и полит. исслед., 2009; Звягельская И.Д., Наумкин В.В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия и Закавказье)М.:ЦСПИ, 2009; Кобонбаев М. Сдружество Независимых Государств в критериях Фонда «Вызовы тысячелетия»: главное — эффективное управление//Центральная Азия и Кавказ. Стогольм, 2006.¹ 2 (44); Линке П., Наумкин В. и др.Годы, которые изменили Центральную Азию. М.: Центр стратег. и полит. исслед., 2009.- 332 с.; Лунев С.И. Политические процессы в Центральной Азии//Политические системы и политические культуры Востока/Под ред. проф. Воскресенского А.Д.-М:Восток-Запад, 2007; Масов Р.М. История топорного разделения. Душанбе: Ирфон, 1991. — 191 с.; Масов Р.М. Таджики: история национальной трагедии. Душанбе: Ирфон, 2008.-536 с.; Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность.М.: Изд-во МГУ, 1996; Ниязи А.Ш. Таджикистан: современные тенденции развития (политика, экономика, культура)//Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе 16 — 17 января 2009 г.М.: Центр стратег. и полит. исслед., 2009; его же: Исламская традиция и процессы модернизации в Таджикистане// Ислам в СНГ. М.,1998; Олимов М. В.В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азииhttp://www.ca-c.org/datarus/st_13_olimov.shtml; Олимов М. Об этнополитической и конфессиональной ситуации в Таджикистане и вероятности межэтнических конфликтов http://www.ca-c.org/datarus/st_12_olimov.shtml; Олимов М., Олимова С. Интеллигенция древняя и новая: образованный класс Таджикистана в перепетиях XX в. http://www.ca-c.org/datarus/st_15_olimova.shtml; Олимова С., Олимов М. Независимый Таджикистан: трудный путь переменhttp://www.ca-c.org/datarus/st_06_olimova.shtml; Олимова С. Коммунистическая партия Таджикистана в 1992 — 1994 гг. http://www.ca-c.org/datarus/st_05_olimova.shtml; Олимова С. Политические партии и многопартийность в Таджикистане http://www.ca-c.org/datarus/st_04_olimova.shtml; Рахмонов Т. Эволюция политической культуры таджикского общества в условиях современной глобализации//Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе 16 — 17 января 2009 г.М.: Центр стратег. и полит. исслед., 2009//Сагторода А. О политической культуре властной элиты в Центральной Азии//Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе 16 — 17 января 2009 г.М.: Центр стратег. и полит. исслед., 2009; Сафаров С.С. Социально-политические основы становления национальной государственности в Таджикистане//Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе 16 — 17 января 2009 г.М.: Центр стратег. и полит. исслед., 2009; Фридман Л.А. Очерки экономического развития стран Центральной Азии после распада СССР//Исследования и ученые материалы. М.: Гуманитарий, Академия Гуманитарных исследований, 2001. — 212 с.; Хачиев Г. Центральная Азия: портрет на фоне мировой экономики//Центральная Азия и Кавказ. Стогольм, 2006.¹ 2 (44); Эргашев Б. Система взаимодействия национальной безопасности и гражданского общества в государствах Центральной Азии//Центральная Азия и Кавказ. Стогольм, 2006 ¹ 2 (44); Эсенов М. Центральная Азия на пороге 21 в.//http://www.ca-c.org/datarus/esenov3.shtml; Ахмадийан, Мухаммад Али. Ака-хан ва исмаилия-и Бадахшан-и Таджикистан//Асиа-и Маркази ва Кавказ. Фаслнама-и Марказ-и Муталиат-и Асиа-и Маркази ва Кавказ. Техран, табистани 1373, ¹ 5. Ahrari, M.E., Bell, J. The New Great Game in Muslim Central Asia. Honolulu, Hawaii, 2001.

² Масов Р.М. История топорного разделения. Душанбе: Ирфон, 1991. С.14 — 16; Алексеев А.К. Национальная политика и национально-территориальное размежевание в Центральной Азии//Конфликты в международных отношениях: историческая ретроспектива и перспектива. Кемерово, 2009.С.11 — 12.

³ Там же. С.31.

⁴ Там же.С.32.

⁵ Там же. С.33.

⁶ Там же. С.61 — 62.

⁷ Там же. С.63.

⁸ Там же.С.105.

⁹ Бутаков, Я. Выбор Каримова. В условиях нарастающей нестабильности президент Узбекистана будет искать нетривиальные пути укрепления своей власти//www.globoscope.ru/content/articles/1473; Партийно-политическая система Узбекистана//www.eurasianhome.org/xml/t/databases.xml?|lang=ru&nic=database&country=191&pid=112

¹⁰ По сведениям наших информантов из числа местного населения. получение каких бы то ни было официальных справок и документов, которые бы имели хотя бы косвенное отношение к главе Узбекистана по понятным причинам весьма затруднено.

¹¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л.: Изд. Акад. наук, 1927.С.; Абашин С.Н., Арапов Д.Ю., Бекмаханова Н.Е. и др. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: НВО, 2008.

¹² См.: Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков 92 племен «илатийа» //Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)/Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1977;Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV — XVII вв, М.: Наука, 1982.; Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006.С.157 — 172.

¹³ Олимов, М. Об этнополитической и конфессиональной ситуации в Таджикистане и вероятности межэтнических конфликтов//ca-c.org/datarus/st_12_olimov.shtml

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ О роли Ага-хана в жизни Памира и политической игре в Таджикистане см.: Исфидваджани, Саййад Махди Хусайни. Ака-хан ва исмаилия-йи Бадахшон-и Тоджикистон//Асийа-йи маркази ва Кафказ/Фасл-нама: Марказ-и муталиат-и Асийа-йи Маркази ва Кавказ (вабаста ба Вазарат-и умур-и хариджа-йи Джумхури-йи Ислами-йи Иран. Тихран, Табестан-и 1373. Сал-и сиввум, дурра-йи дуввум, шумора-йи 5.

¹⁸ Олимов, М. Об этнополитической и конфессиональной ситуации в Таджикистане и вероятности межэтнических конфликтов//ca-c.org/datarus/st_12_olimov.shtml

¹⁹ Подробнее об этом см.нашу работу: Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана.К 115-летию похода генерала М.Е. Ионова в Западный Памир (1894 г.)//Вестник СПбГУ. Сер.13 .Вып.1. СПб: СПбГУ, 2009. ¹ 3.С.76 –90.

²⁰ Такие выводы мы делаем на основании наших этнографических наблюдений.

²¹ Годы, которые изменили Центральную Азию/Рук. проекта П. Линке, В. Наумкин.М: ЦСПИ, 2009.С.159.

²² Олимов, М. Об этнополитической и конфессиональной ситуации в Таджикистане и вероятности межэтнических конфликтов//ca-c.org/datarus/st_12_olimov.shtml

²³ Там же.

²⁴ Годы, которые изменили Центральную Азию/Рук. проекта П. Линке, В. Наумкин.М: ЦСПИ, 2009.С.160.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Шарипов, А., Шамсиддинов, С. Президент//www.prezident.tj/rus/book_10.htm; они же: Соли ки бо карнхо баробар аст//http://www.prezident.tj/rus/dar_borfi_prezident.htm; Фаттоев, С., Тоштемиров, М. Мировая элита о Президенте Рахмонове. Душанбе: Шарки озод, 2006;

²⁹ Олимов, М. Об этнополитической и конфессиональной ситуации в Таджикистане и вероятности межэтнических конфликтов//ca-c.org/datarus/st_12_olimov.shtml

³⁰ Герасимов, М. Визовый режим шагает по СНГ. Узбекистан и Таджикистан ввели его для предотвращения проникновения террористов//www.ng.ru/cis/2000-09-14/5_visa.html

³¹ По данным Госкомстата РУ за 2008 г.

³² Фридман Л.А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР.М.: Гуманитарий, 2001.С.29.

³³ Ивонин В., Ходжаев И. Инвестиционная модель приватизации. Ретроспектива, проблемы и достижения в Узбекистане//http://www.cac-c.org/journal/cac-02-1999/st_13_ivonin.shtml

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.С.84.

³⁶ Там же. С.154.

³⁷ Там же.

³⁸ Фридман Л.А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР.М.:Гуманитарий, Академия гуманитарных исследований, 2001. С.89.

³⁹ Абдуразаков М.Ш. О социальной специфике развития политической культуры в Республике Узбекистан//Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе, 16-17 января 2009 г.М.: ЦСПИ, 2009. С.157.

⁴⁰ Там же.С.158.

⁴¹ Ивонин В., Ходжаев И. Инвестиционная модель приватизации. Ретроспектива, проблемы и достижения в Узбекистане//http://www.cac-c.org/journal/cac-02-1999/st_13_ivonin.shtml

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Сангаков М.Г. Становление и развитие малого предпринимательства в промышленности Республики Таджикистан. Дисс. канд. эконом. наук. Душанбе, 2004. С.2 — 3.

⁴⁵ Закон Республики Таджикистан «О приватизации государственной собственности в Республике Таджикистан». Ст.4

⁴⁶ Там же. Ст. 9

⁴⁷ Касымбекова, В. Пересмотра итогов приватизации в Таджикистане требуют прокуратура и оппозиция//Voice of Freedom, Таджикистан, 09 апреля 2008 г. В данной статье приводятся примеры приватизации ряда крупных промышленных предприятий: Мясоконсервного завода, Винзавода АОТТ «Май» и др.//www.ariana.su/?S=4/0804161112

⁴⁸ Мирсаидов, Н. Почему затянулся переходный период или некоторые размышления о судьбе экономических реформ в Таджикистане//http://www.varorud.org/old/

analytics/economics/economics230403.html

⁴⁹ Касымбекова, В. Пересмотра итогов приватизации в Таджикистане требуют прокуратура и оппозиция//Voice of Freedom, Таджикистан, 09 апреля 2008 г

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Фируз, И. Таджикистан начал приватизацию//www.respublica-kz.info/news/finance/2734

⁵³ Стратегия повышения благосостояния населения Республики Узбекистан. Полный документ стратегии на 2008 — 2010 гг. Ташкент, 2007.

⁵⁴ По материалам узбекских СМИ, www.gazeta.uz и др.

⁵⁵ Население СНГ на начало 2009 года — 281 миллион человек//http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0377/barom01.php

⁵⁶ В Узбекистане снижается рождаемость//www.fergana.ru, 22.12.2009

⁵⁷ Население Узбекистана//http://www.moymir.uz/naselenie.html

⁵⁸ Демографический путь Узбекистана//www.centrasia.ru/newsA.php?st=1141252080

⁵⁹ «Труд» провел мониторинг ситуации с занятостью в странах бывшего СССР//www.trud.ru/article06-04-2010/239533

⁶⁰ Лукавая статистика. Каков истинный уровень безработицы в Таджикистане?//www.centrasia.ru/newsA.php?st=1051247580 ; см. также: Тутубалина О. З.Вазиров: «Уровень жизни в нашей стране растет». Министр труда и социальной защиты населения Таджикистана отвечает на вопросы читателей «Азия-Плюс»//www.asiaplus.tj/articles/11/623.html ; Саидмурадов Л., Бободжанов Р. Таджикистан — занятость в контексте человеческого развития. Программа ООН в Таджикистане возобновила разработку Отчетов по человеческому развитию//www.asiaplus.tj/articles/278/4433.html

⁶¹ «Труд» провел мониторинг ситуации с занятостью в странах бывшего СССР//www.trud.ru/article06-04-2010/239533

⁶² Фридман Л.А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР.М.: Гуманитарий, 2001.С.46

⁶³ Там же.

С.Е. Григорьев

АФГАНИСТАН В 1901—1973 гг

Сейчас — в начале 21 века — писать, рассуждать и говорить об Афганистане и афганцах легко. Об этой стране и ее жителях знают сейчас многие и немало. Спросите первого попавшегося на улице человека. В какой стране он или она живет, значения имеет мало. Ес-ли ваш собеседник захочет говорить с вами на эту тему, то что — нибудь об этой стране и ее жителях вам обязательно скажут. Хотя конечно — же большинство людей мало или вообще не интересуются этой далекой, крайне бедной, какой — то непонятной и, как кажется многим, немного диковатой и мало предсказуемой страной, которая в определенной степени усилиями средств массовой информации стала ассоциироваться исключительно с международным терроризмом, производством наркотиков и войной.

Писать и говорить об Афганистане легко. Возьмите любую газету, журнал, послушайте радио, посмотрите телевизор, «посидите» в интернете. Везде что — нибудь будет сказано или написано о нем и его жителях. Однако эта информация зачастую изобилует фактическими ошибками и непониманием процессов, происходящих в Афганистане, проистекающими преимущественно от незнания многими (но не всеми) авторами статей, заметок, интернет-сайтов, радио и телепередач той темы, о которой они пытаются рассуждать. У многих людей, получивших информацию из подобных источников, создается ощущение (зачастую ложное) того, что они знают и понимают все происходящее там.

Писать, рассуждать и говорить об Афганистане и афганцах трудно. До начала первой англо-афганской войны, имевшей место в первой половине XIX в., эту страну посетило считанное число европейцев. Это были преимущественно англичане, поскольку именно Британия рассматривала Афганистан как объект своего пристального политического, военного и отчасти экономического внимания. В годы первой (1839 — 1842 гг.) и второй англо-афганских войн (1878 — 1881 гг.), на его территории побывали тысячи англичан, входившие в состав англо-индийской колониальной армии, большая часть личного состава которой состояла из уроженцев Индии. Однако в промежутке между войнами и в особенности в последние двадцать лет XIX в., когда страна превратилась в т.н. «закрытое государство», въезд куда находился под строгим контролем афганского эмира, число европейцев, прибывших туда официально и проживших там какое-то, обычно не очень длительное время, не превышало нескольких сот человек.

Восстановление Афганистаном политической независимости в 1919 г. открыло страну для окружающего мира. Однако вплоть до начала 70-х годов XX в. иностранцы посещали ее в основном лишь по «казенной нужде». Это были по большей части советники, ин-женеры, консультанты, врачи, учителя и другие специалисты, приезжавшие из самых разных стран мира и прежде всего из СССР, США, Германия, Франции, Индии, Ирана, Польши, Болгарии. В короткий период с 1970 по 1978 г. в страну ежегодно приезжали десятки тысяч иностранных туристов, однако начавшаяся после апрельской революции 1978 г. гражданская война свела число туристов, приезжавших в Афганистан, к единицам. Да и те — в последние два десятилетия XX в. искали там по-преимуществу приключений или стремились туда, просто плохо понимая всю опасность складывавшейся тамошней военно-политической ситуации.

Были там и более миллиона советских солдат и офицеров, исполнявших в Афганистане то, что когда-то в СССР называли малопонятным термином «интернациональный долг» (перед кем?). С 2001 г. в Афганистане расквартированы воинские части США, Великобритании, Канады, Германии, Франции, Голландии, Турции, Италии, Испании, Польши, Румынии, Грузии, Голландии, Дании, Швеции, Эстонии, Литвы, Латвии, Новой Зеландии, Венгрии, Норвегии, Чехии (всего представители армий 42 стран), общей численностью около 90 тыс. человек, входящие в состав Международных сил содействия безопасности (International Security Assistance Force; ISAF) — возглавляемый НАТО.

Однако лишь малая часть европейцев, побывавших там, выступали не только как участники афганских событий, но как внимательные, вдумчивые наблюдатели. Некоторые из них впоследствии опубликовали не только обычные офицерские, генеральские или «инженерские» мемуары, но и действительно ценные труды, насыщенные сведениями этнографического, конфессионального, археологического, исторического, лингвистического и другого научного характера, часть из которых не потеряли значения и сейчас — по прошествии многих десятков и даже сотен лет. (1)

Тем более ценными для нас являются сейчас те крупницы страноведческой информации об Афганистане, которые разбросаны в воспоминаниях европейцев, в том числе и принадлежащим офицерам русской императорской армии, которые посещали страну в конце XIX — начале XX вв. с разведывательными целями.

Афганистан — древняя страна. На часть его территории в древности и в эпоху средневековья распространялась власть мощных держав прошлого — Ахеменидской империи, державы Александра Македонского, Сасанидской и Кушанской империй, Омейядского и Аббасидского халифатов, кочевой империи Чингис-хана, Тимуридского государства, державы Сефевидов, империи Великих Моголов и многих других. Однако так вышло, что территория, занимаемая сейчас Афганистаном, почти всегда была своего рода «предпольем», «преддверием», подступом к другим — более богатым, экономически развитым странам и территориям — прежде всего Индии, а также владениям и государствам Центральной Азии и Ирана. Именно через Афганистан проходили многие исторически значимые торговые пути и дороги, в т.ч. и ответвления главного сухопутного транспортного трансевразийского коридора древности, т.н. «Великого Шелкового пути», связывавшего Европу, Западную, Центральную, Южную и Восточную Азии между собой. Именно в силу важнейшего геополитического и стратегического положения Афганистана почти все «сверхдержавы» Западной и Центральной части Азии, да и не только Азии, в древности, средневековье, новое и новейшее время пытались поставить под свой контроль территорию, занимаемую ныне этой страной, что приводило к многочисленным и длительным войнам, имевшим там место.

Однако, неоднократно бывая на протяжении многих лет в центре внимания мировой и региональной политики, афганское общество всегда оставалось периферийным, племенным, аграрным, традиционным и экономически отсталым. Уровень грамотности и образованности большинства членов афганского общества всегда оставлял желать лучшего. Грамотными до начала XX — г. века, т.е. до того времени, когда в стране были открыты первые лицеи и светские начальные школы были, по всей видимости, лишь несколько процентов афганцев. Мало было афганских историков и летописцев, которые письменно фиксировали все наиболее значимые события, имевшие место в стране. Много ценных афганских письменных источни-

ков, повествовавших о перипетиях афганской истории, погибли в огне войн и переворотов. Автору этих строк доводилось видеть, как в мае 1992 г. муджахеды, отряды которых вошли в конце апреля 1992 г. в Кабул, выносили из библиотек города корзины с книгами. Эти книги они тут-же, у ворот библиотеки, продавали местным торговцам, которые потом из страниц этих изданий клеили бумажные пакеты, в которые в Афганистане традиционно укладываются покупки. Афганцы, приехавшие в Санкт-Петербург во время правления у них на родине режима талибов, рассказывали мне, что они сами неоднократно бывали свидетелями того, как талибы, установившие в 1996 г. свою власть на большей части страны, безжалостно уничтожали книги, чье содержание не соответствовало их идеологическим, религиозным и культурным установкам. Вследствие этих и ряда других факторов, число афганских исторических летописей и хроник, в данном случае мы имеем в виду те, что были написаны на территории этой страны — в сравнении, скажем, с соседним Ираном — было относительно невелико.¹

К началу XX в. Афганистан подошел, будучи, пожалуй, одной из самых отсталых стран Азии. Основная часть населения была занята земледелием, в том числе и поливным. Кочевые и полукочевые племена, в том числе и афганские (пуштунские) как и сотни лет назад занимались экстенсивным кочевым скотоводством, совершая переходы на сотни километров. Современная транспортная инфраструктура и средства связи отсутствовали. Там не было ни железных, ни автомобильных дорог. Финансовая система была крайне отсталой и в большей степени контролировалась выходцами из Индии, которые были кредиторами, менялами и банкирами. Торговля Афганистан практически только с Бухарским эмиратом, Британской Индией и Ираном, а его внешняя торговля была почти полностью в руках выходцев из Индии. Афганская промышленность была представлена одной государственной мануфактурой, т.н. «машин-хана», расположенной в столице страны — Кабуле. Там производились ружья, пушки, патроны, порох, военная амуниция, чеканились монеты. Афганистан был британским протекторатом. Вся его внешняя политика контролировалась вице-королем Индии и англичане жестко опекали своего вассала, хотя зачастую афганские правители и разрешали себе некоторые «вольности».

Бывшие у власти во второй половине XIX в. афганские эмиры и прежде всего Шер Али-хан (правил с перерывами с 1863 по 1879 г.) и Абдурахман-хан (1881 — 1901 гг.) предпринимали шаги по реформированию страны (начало издания газеты, создание первых типографий, открытие светской школы, строительство мануфактуры, усиление армии), однако эти начинания мало что изменили в Афганистане. Приход к власти в 1901 г. эмира Хабибуллы-хана, правившего до 1919 г., несколько ускорил движение Афганистана в сторону реформ и модернизации. Были учреждены первые полные средние учебные заведения — лицеи, начали регулярно издавать газету, провели политическую амнистию и ревизию афганских тюрем, где ранее без суда и следствия содержалось не мало заключенных, начали строить первую ги-

¹ Важнейшим источником по истории Афганистана XVIII — начала XX вв. на языке дари — государственном языке того времени — был «Сирадж ат — Таварих» («Светильник истории») — официальная история Афганистана, написанная Файз Мухаммадом Катебом и опубликованная в трех томах в Кабуле в 1331 — 1333 гг. лунной хиджры, соответствует 1912 — 1915 гг. Качествами первоклассного источника наделяется также труд Мир Гулама Мухаммада Губара «Афганистан дар масир — и тарих» («Афганистан на пути истории»), написанный в 70-е гг. XX в.

дроэлектростанцию, в Кабуле для нужд эмира создали телефонную сеть, на его улицах стали появляться первые автомобили, открываться фото-ателье. Эмир стремился к внешней европеизации жизни двора и аристократии Афганистана. Появилась европейская одежда, еда, пишущие и швейные машинки, западные виды спорта — теннис, крокет и др. Эмир, посетивший Британскую Индию в 1906 г., перенял отсюда сложный придворный этикет индийских раджей и учредил ряд пышных придворных титулов. В 1907 г. Россия и Англия подписали конвенцию о разделе сфер влияния в Азии, касавшейся Персии, Афганистана и Тибета. Представители этих стран в переговорах не участвовали. Афганистан по —прежнему признавался лежащим вне сферы русского влияния, но Россия получило право направлять туда своих торговых агентов. В 1906 г. там возникла первая тайная политическая организация «Старые конституционалисты», имевшая в своем составе около 300 человек, выступавшая за учреждение парламента, принятие конституции, достижение политической независимости от Британии. В 1909 г. она была разгромлена, а некоторые ее руководители казнены. Возникли также и другие протополитические движения т.н. «младоафганцы» и «староафганцы». Первые из них ратовали за свержение Хабибуллы, превращение Афганистана в конституционную монархию, учреждение парламента, завоевание независимости, модернизацию страны, просветительство. «Староафганцы» — бывшие сторонниками консервации феодальных и племенных традиций, были противниками любой модернизации и вестернизации, стремились к изоляции страны от внешнего мира, требовали возврата к первоначальной «чистоте» ислама, но также как и «младоафганцы» ставили своей целью достижение независимости от Британии. Лидером «младоафганцев» был Махмуд Тарзи — редактор газеты «Сирадж ат-Таварих» и тесть принца Амануллы — будущего правителя Афганистана и видного реформатора. Вождем «староафганцев» был брат эмира Хабибуллы — Насрулла. Первая мировая война в определенной степени затронула и далекий Афганистан. Эмир Хабибулла объявил о нейтралитете страны. Однако часть элиты, включавшая и некоторых сторонников «младоафганского» и «староафганского» движения, стала склоняться к идеям панисламизма и моральной поддержке Османской империи, воевавшей как против Британской, так и Российской империй. В 1915 — 1916 гг. в Афганистане находилась германо-турецкая военно-политическая миссия во главе с О.фон-Нидермайером, О.фон-Хентигом и Казем-беом, которая пыталась втянуть его в войну против Британии и России на стороне Германской и Османской империи. Выдвинув перед членами миссии заранее неприемлемые условия (нейтралитет России, поставка в Афганистан большой партии вооружения и отправка туда 20 тыс. турецких и немецких солдат, передача Афганистану после окончания войны Белуджистана и северо-западных районов Индии, бывших частью Британской империи), Хабибулла «спустил на тормозах» эти переговоры. Не добившись успеха, большая часть членов этой миссии покинула Афганистан. Британия-же, стремясь укрепить пробританский нейтралитет Афганистана, значительно увеличила размер денежной субсидии, которую она ежегодно выплачивала афганским правителям еще с середины XIX в. После окончания первой мировой войны в Европе эмир Хабибулла поставил перед Британией вопрос о признании ею независимости Афганистана.¹ Однако ответа на него он не дождался. Зимой 1919 г. эмир Хабибулла был убит, что в определенной степени было связано с той пробританской политикой, которую

¹ *Reshtia S.Q. A Historical Document. The Afghanistan Studies Journal. Nebraska, USA, volume 3, p 21 — 22.*

он проводил в последние годы жизни. После его смерти в Афганистане и вокруг него стали происходить глубокие изменения, которые коренным образом повлияли на внешнеполитическое положение и внутреннее развитие этой страны, затерянной в глубинах Азиатского континента.

Через десять дней после смерти Хабибуллы эмиром Афганистана был объявлен его третий сын Аманулла-хан. Его восшествию на престол предшествовала краткая внутрисетрисемейная борьба за трон, претендентами на который выступали его старшие братья — Насрулла и Инаятулла. Во время коронации Аманулла заявил, что Афганистан является независимым от Британии государством. В апреле 1919 г. из Британской Индии пришло послание, суть которого сводилась к тому, что признавая Аманулла новым правителем Афганистана, Британия не рассматривала его в качестве независимой страны.

В начале мая 1919 г. между Британией и Афганистаном началась третья англо-афганская война, которая продлилась менее одного месяца. Боевые действия были начаты афганской стороной. Аманулла, начиная войну против Британии, принял во внимание ряд благоприятных для него факторов — нахождение значительной части англо-индийской армии в Европе (не все ее части были возвращены в Индии с полей первой мировой войны), возможность начала антибританского выступления пуштунских племен Северо — Западной пограничной провинции (СЗПП) Индии, размах антиколониального движения в Индии в целом. В ходе войны афганские войска под командованием генерала Надир-хана впервые за историю трех англо-афганских войн продвинулись вглубь территории британской Индии на 25 километров и временно заняли английский форт Тал, расположенный рядом с центром агентава Северный Вазиристан Миран — шахом. Самолеты английских ВВС несколько раз бомбили города Афганистана, что стало причиной желания эмира Амануллы пойти на заключение перемирия¹. Так впервые афганцы познакомились с этим новым средством ведения войны. Подписанные позже англо-афганские соглашения признавали независимость Афганистана, однако страна перестала получать британскую денежную субсидию, была вынуждена признать восточную границу, т.н. «линию Дюран-да», отделявшую Афганистан от Британской Индии, а также отказаться от поддержки пуштунских племен т.н. «полосы независимых племен «Северо-западной пограничной провинции британской Индии. 21 августа — день, когда Аманулла объявил о независимости Афганистана, с тех пор стал главным афганским праздником и называется «Руз-и Истиклал» — «День независимости».

В 1919 г. Афганистан установил дипломатические отношения в Советской России. В Кабул прибыл первый советский посол Н. Бравин, которого в конце того — же года сменил Я.Суриц. В 1920 г. был подписан советско-афганский договор о дружбе. По нему Афганистан и Советская Россия обязались не становиться союзниками государств, враждебными одной из сторон. Предусматривалось оказание советской Россией Афганистану значительной военной помощи, открытие советских консульств и полноценного посольства в Кабуле. Были там также и другие пункты, касавшиеся Хивинского ханства, Бухарского эмирата и прохождения границы между Афганистаном и Советской Россией, которые, впрочем, не были выполнены советской стороной. В 1921 г. был подписан англо-афганский договор, подтвердивший полную независимость Афганистана, право англичан и афганцев открывать свои

¹ *Sykes Persy. A History of Afghanistan. London. 1940. In two volumes. Vol. II, p. 283.*

консульства в Афганистане и Британской Индии соответственно, право Афганистана на бесполошинный провоз товаров в Афганистан и из него через территорию британских владений и некоторые другие. Таким образом, Афганистану, используя англо-советские противоречия, удалось закрепить за собой статус независимого государства, а также получить ощутимую военную и финансовую помощь от обоих этих государств. В 20-е годы Афганистан установил дипломатические отношения с Германией, Францией, Италией, Турцией, Ираном и некоторыми другими европейскими и азиатскими странами, подписав с рядом из них договоры о дружбе.

Правитель Афганистана, претендуя после развала Османской империи в результате ее поражения в первой мировой войны, на звание лидера мусульманского мира, оказывал заметную финансовую, военную и моральную поддержку правителям независимого Хивинского ханства и Бухарского эмиратов, которые во время существования Российской империи были ее протекторатами, но потом после крушения последней, объявили о своей независимости. Аманулла поддерживал также борьбу мусульман Британской Индии за ее независимость. Создание осенью 1920 г. Бухарской народной советской республики, находившейся в зависимости от Советской России, и борьба советской власти против т.н. «басмаческого» движения в Туркестане обострила отношения между советской Россией и Афганистаном и ослабили популярность Амануллы у себя на родине, которого стали обвинять в поддержке «антиисламского» большевистского режима. Последовавшее затем включение Бухарского ханства в состав СССР и проведение национально — территориального разграничения народов Средней Азии в 1924 г., привело к некоторому временному охлаждению советско-афганских отношений, чему также в немалой степени способствовал уход в Афганистан сотен тысяч жителей Средней Азии, включая последнего эмира Бухарского — Сеид Алим-хана. Попытки Коминтерна и руководства Советской России создать коммунистические партии в Афганистане, Британской Индии и развернуть революционную борьбу против британских империалистов отнюдь не укрепляли доверие правительства Британии и Афганистана к Советской России. Учитывая особенности советско-афганских отношений, эмир Аманулла был вынужден «принять на вооружение» политику равно-удаленности и использования соперничества держав в свою пользу.

В историю своей страны Аманулла-хан вошел не только как человек, завоевавший или как говорят в Афганистане «восстановивший» независимость родины, но также как и первый правитель, попытавшийся провести в жизнь довольно цельную, хотя и поспешную, в чем-то наивную, не базировавшуюся на реалиях Афганистана, и поэтому неудавшуюся серию реформ. Эти реформы не выдержали столкновения с «правдой» афганской жизни, его феодально-племенным строем, традиционными экономическими укладами, религиозно-этическими установками и вследствие этого явились преждевременными, что очень хорошо описал американский исследователь Афганистана Леон Пуллада в своей книге «Реформы и мятеж в Афганистане. 1919 — 1929.»¹ Однако эти преобразования подготовили в определенной степени почву для последующих реформаторских начинаний, направленных на постепенную демократизацию и вестернизацию страны, которые стали медленно и не всегда последовательно реализовываться в 30 — 70 гг. XX вв., которые в теории могли, но не привели в силу многих и прежде всего политико-религиозных при-

¹ *Poullada Leon. Reforms and Rebellion in Afghanistan, 1919 — 1929. Cornell University press.1973.*

чин к укреплению там капиталистических отношений и превращению Афганистана в стабильное государство, развивающееся в сторону построения буржуазно-демократического общества со значительной долей «афганской» специфики.

Прежде всего Аманулла-хан попытался реформировать государственную систему Афганистана, превратив его в жестко централизованное унитарное государство. Он наивно уповал на верховенство законов и был уверен в том, что если страна получит конституцию, светское законодательство, детально разработанные инструкции для чиновников всех уровней, то государственная система Афганистана сразу же превратится в современную, отвечающую задачам модернизации страны, структуру работающую «как часы». В 1923 г. в Афганистане была принята первая в его истории конституция, основные положения которой были схожи с конституцией Турции, гарантировавшая традиционные свободы его подданных.¹ Формально было произведено разделение трех ветвей власти, изменено территориально-административная деление страны, пытались согласовать, зачастую неудачно, положения шариата с нормами светского законодательства, что вызывало недовольство мусульманских священнослужителей, исполнявших также функции юристов и судей. Были созданы кабинет министров, государственный совет — высший законодательный орган Афганистана, половина членов которых назначались Аманулла, а половина избиралась, учреждены местные — провинциальные консультативные советы. Были сделаны попытки расширить независимость судов от других ветвей власти и отчасти была реформирована сама система судопроизводства.

Важную роль в реформах Амануллы-хана играли экономические преобразования и прежде всего изменения в области системы землевладения, налогообложения и таможенных пошлин. В 20-е гг. XX в. налоги в Афганистане были переведены из натуральной в денежную форму. Это послужило дополнительным стимулом для развития товарно-денежных отношений. Были отменены натуральные повинности, но продолжала оставаться трудовая повинность — «бегар» — обязанность крестьян содержать в порядке ирригационные системы и дороги, находившиеся по соседству с их деревнями. Впервые стали составлять государственный бюджет. Стали проводить преобразования и в аграрной области, которые способствовали превращению земли в товар, обеспечили некоторое число крестьян землей, а также в большой степени укрепили помещичье землевладение в Афганистане. Делались попытки развивать афганскую промышленность. Закупалось промышленное оборудование за границей. Строились небольшие государственные фабрики и заводы. Однако успехов в этом деле достигнуто было мало. Не удалось привлечь иностранный капитал для развития афганской экономики. Проведены были также преобразования в финансовой — введение новой денежной единицы афгани, таможенной и внешнеторговой областях — что стимулировало внешнюю торговлю. Реформы затронули также афганскую армию — за границей производились закупки вооружения, офицеров стали отправлять на учебу за границу. Изменения произошли в области образования. Было открыто несколько новых лицеев, в том числе и первый лицей для женщин, школы изящных искусств, по подготовке бухгалтеров, преподавателей иностранных языков, телеграфистов и ряд других. Было увеличено число начальных школ. Образование в стране было бесплатным. Афганских студентов стали посылать

¹ *Низамнама-йе Асаси-йе Даулат-е Алиё-йе Афганистан (Основное положение Высокого государства Афганистан — конституция Афганистана), Кабул, 1923.*

на учебу в страны Европы. Впоследствии именно выпускники иностранных вузов стали традиционно занимать высокие государственные посты. Во время правления Амануллы быстро развивалась афганская печать. Издавалась (хотя и малым тиражом, нерегулярно и зачастую лишь короткое время) пара десятков — в том числе и провинциальных газет. Были построены несколько новых дорог, в Кабуле была создана даже маленькая узкоколейная железнодорожная линия, пытались наладить систему авиа-перевозок, началось радиовещание и с помощью СССР была организована телеграфная связь между главными городами страны.¹ В конце 1927 — первой половине 1928 г. правитель Афганистана предпринял большую заграничную поездку, в ходе которой посетил Британскую Индию, Египет, Италию, Францию, Англию, Германию, СССР, Турцию, Иран. В европейских странах его принимали президенты и короли, в Ватикане он был удостоен встречи с папой римским Пием XI. Во время переговоров он рассказывал об Афганистане, агитировал вкладывать деньги в афганскую экономику, договаривался о кредитах и получал их, заключал концессионные соглашения, демонстрировал образцы афганских товаров и сырья, размещал заказы в европейских компаниях на промышленное оборудование, вооружение, закупал оружие для афганской армии, получал и вручал подарки. Сопровождавшая его в поездке королева Сорайя, на приемах появлялась без чадры, ее фотографии публиковались в иностранных газетах. Вернувшись обратно на родину, Аманулла, который глубоко осознал степень отсталости Афганистана не только по сравнению со странами Европы, но также с Турцией и Ираном, в которых Мустафа Кемаль и Реза-шах проводили широкомасштабные реформы, «закусил удила». Он запретил государственным чиновникам носить национальную одежду и многоженство, всемерно агитировал за расширение женского образования и рекомендовал женщинам снимать чадру, требовал от жителей Кабула — столицы Афганистан обязательного ношения европейской одежды, объявил о посылке на учебу афганских девушек за границу — в Турцию. Он начал наступление на права мусульманских священнослужителей — были ослаблены их позиции в деле судопроизводства, сделаны шаги по уменьшению их влияния на образование, среднеазиатским муллам, бежавшим от преследования советской власти, известным своим консерватизмом, было запрещено служить в Афганистане. Еще ранее Аманулла значительно ослабил позиции священнослужителей введением светского законодательства и попытками превратить их в некоторое подобие государственных служащих. Проводилась чистка государственного аппарата, было уволено много офицеров афганской армии, несогласных с реформаторским курсом правителя. В 1928 г. было объявлено о создании проправительственной партии «Независимость и возрождение» «По стране стали распространяться слухи о том, что во время своей Европейской поездки Аманулла принял христианство, нарушал положения ислама — пил вино, ел свинину, сама поездка обошлась афганскому государству почти в один миллион фунтов стерлингов, договоры и соглашения, подписанные с европейскими государствами и их компаниями были направлены против интересов Афганистана.² В стране стали появляться фотографии королевы Сорайи без чадры, опубликованные в иранских газетах.

Еще в середине 20-х гг. XX в. задолго до поездки Амануллы в Европу в районах компактного обитания пуштунских племен на юге Афганистана (современная

¹ *Poullada Leon. OPCIT, pp. 66 — 131.*

² *Ewans Martin. Afghanistan. A short History of it's People and Politics. New — York. 2002. p.*

провинция Пактия) имели место вооруженные выступления племен мангалов, дзадранов и части ахмадзаев, недовольных проводимыми реформами и прежде всего введением светской законо-дательной системы, расширением прав женщин и др. В 1924 г. участвовать в подавлении выступлений было предложено министру обороны Надир-хану, который имел особые, дружеские отношения с ними и слыл их защитником. Последний от этого отказался, ушел в отставку, был за это удален эмиром от активной политической и военной деятельности и назначен послом во Францию. В 1924 г. это восстание было с трудом подавлено. При его подавлении использовались военные самолеты, закупленные в СССР. Их пилотировали советские летчики. Лидеры повстанцев были схвачены и казнены, Однако вскоре мятежники были амнистированы, а племенам были возвращены ряд прежних привилегий.

После возвращения из зарубежной поездки Аманулла-хан столкнулся с другой серьезной угрозой — восстанием племени шинвари, обитавшим в восточно-афганской провинции Нанграхар. Повод к началу этого выступления точно не известен, существует несколько их версий. Однако вскоре к шинвари присоединились другие племена — хугиани, моманды, дзадран и дзадзи. Теперь они уже говорили, что сражаются против эмира — вероотступника, предавшего ислам, традиции племен и всего афганского общества. Повстанцы стали требовать от него отказаться от основных его начинаний в области женского и светского образования, ослабления позиции мусульманских священнослужителей, открытия кинотеатров и первого афганского театра. Мятежные племена начали движение в сторону Кабула, встречая мало сопротивления со стороны правительственных войск. Захватив Джелалабад — крупный город на юге Афганистана, они подвергли его беспощадному разграблению. Одновременно с ухудшением обстановки на юге режим Амануллы столкнулся с новой угрозой. К северу от Кабула летом 1928 г. начал действовать дезертир из афганской армии, бандит Хабибулла, известный под кличкой Бачча-йи Сакао («Сын водоноса»), грабивший торговые караваны и нападавший на маленькие армейские гарнизоны и государственные учреждения. Награбленное он зачастую раздавал местным жителям. Это помогло ему снискать славу «афганского Робин Гуда». В конце концов, пользуясь тем, что большая часть афганской армии участвовала в подавлении выступления афганских племен на юге, ему удалось продвинуться к столице и даже попытаться занять Кабул. Первое его нападение было отбито. Однако в городе началась паника. Эмир счел за благо от-править государственную казну и членов своей семьи в Кандагар, началась эвакуация из Кабула членов семей иностранных посольств и миссий. Она осуществлялась с помощью английских и советских самолетов.¹ Аманулла, поняв, что его режим находится на грани катастрофы, пошел на большие уступки. Для сохранения своей власти, он практически отменил все свои реформаторские начинания — было объявлено закрытие женских школ, женщинам предписывалось носить чадру, муллы вновь получили право контролировать афганское судопроизводство, были отменены светские гражданский и уголовный кодексы, была проведена частичная амнистия повстанцев и мятежников. Однако это поспешное отступление уже не могло спасти эмира реформатора. В середине января 1929 г. он отрекся от престола в пользу своего брата Инаятуллы и уехал в Кандагар. Скоро в город вошли отряды Баччайи Сакао, власть перешла в его руки. Инаятулла отказался от престола и уехал в Кандагар, где уже был его брат.

¹ *Baker Anne, Ivelaw — Chapman Sir Ronald. Wings over Kabul. The first airlift. London, 1975.*

Придя к власти, Бачча-йи Сакао отменил все нововведения, осуществленные Амануллой-ханом: были закрыты светские школы, ликвидированы министерства образования и просвещения, иностранные советники были высланы из страны, возобновлена выплата государственного жалованья мусульманским священнослужителям, отмененная ранее Амануллой, аннулирован регулярный призыв новобранцев в армию, отменены практически все налоги, действовавшие при Аманулле. Королевский дворец, кабульская радиостанция, лицеи и школы, типографии и другие объекты, символизировавшие собой «западную цивилизацию» были ограблены или уничтожены. Сожжены были книги и учебники, изданные при эмире Амануллахане. Государственный аппарат, финансы и экономика находились на грани полного краха. Афганистан прекратил существование как единое целое.¹

Власть Бачча-йи Сакао распространялась на Кабульскую провинцию, дариязычные районы к северо-востоку от него и ряд других областей Афганистана. Южные и восточные районы страна были практически независимы и находились в руках пуштунских племен, северные провинции Афганистана контролировались Гулам Наби-ханом, бывшим ранее послом Афганистана в СССР, который опираясь на военную помощь СССР, пытался помочь отрешившемуся от престола эмиру Аманулле вернуться к власти. В марте — апреле 1929 г. на север Афганистана вторглись части Красной армии, переодетые в афганскую военную форму, находившиеся под командованием В. Примакова. Они дошли с боями до г. Мазари Шериф, но, когда была получена информация о том, что Аманулла отрекся от престола, то этот отряд был возвращен в СССР.²

В Кандагаре — на юге все еще оставался Аманулла, не терявший надежды вернуть себе престол и пытавшийся даже организовать поход верных ему частей армии и племенных ополченцев на Кабул. Однако, потерпев поражение, он был вынужден покинуть Афганистан и навсегда отказаться от мысли вернуться туда. В центре практически независимо жили хазарейцы. Запад Афганистана также не подчинялся Баччайи Сакао.

В марте 1929 г. на территорию современной афганской провинции Пактия из Европы прибыл Надир-хан, бывший ранее министром обороны, а потом послом Афганистана во Франции. Он давно уже принял решение вмешаться во внутриафганскую смуту, которая в значительной степени была осложнена тем, что власть в Кабуле находилась в руках Бачча-йи Сакао — таджика по национальности. Этот факт противоречил традициям афганской государственности и подрывал ее основы. В Афганистане власть всегда находилась в руках представителей афганских племен — садозав или мухаммадзаев. Таджики считались там своего рода народом «второго сорта», представители которых не могли занимать высшие должности в системе государственного управления. Надир начал агитацию среди пуштунских племен юга и востока Афганистана, призывая их принять участие в свержении власти узурпатора, человека низкого происхождения, непуштуна и разбойника. Ему удалось призвать под свои знамена несколько тысяч пуштунских ополченцев и после нескольких побед, одержанных им в боях с отрядами Баччайи Сакао, в середине октября 1929 г. захватил столицу. Последний бежал в свою родную деревню в горной местности к се-

¹ *Ewans Martin. Afghanistan. A short History of it's People and Politics. New — York. 2002. p. 95.*

² *Бойко В. Советско – афганская военная экспедиция в Афганистан. – Азия и Африка сегодня., 2002, N 2.*

веро-востоку от Кабула, но при не совсем выясненных обстоятельствах был выдан новым властям и казнен 1 ноября 1929 г.¹ Так в стране была восстановлена власть пуштунов. Вопрос был в том, кто станет новым лидером Афганистана. Больше всего прав имел на это бежавший из страны Аманулла-хан. Однако вожди пуштунских племен и сторонники Надир-хана, считавшие его спаси-телем родины от произвола таджикского бандита, настояли на передаче власти ему. В октябре Надир был объявлен королем Афганистана. Он стал основателем последней афганской королевской династии Яхья (другое название Мусахибан), правившей до 1973 г.

Надир-хан провозгласил политику восстановления хозяйства и единства страны, которым был нанесен огромный ущерб за короткое время властвования Бачча-йи Сакао. Он ратовал за развитие промышленности, транспортной системы, торговли, сельского хозяйства, образования и здравоохранения, реформу армии. Правительство было сформировано из членов его семьи. Его братья получили высшие государственные должности, а командные должности в аппарате управления страной были переданы представителям верхушки пуштунского племени мухаммадзаев. Некоторые должности получили также представители религиозной элиты, в том числе и занимавшие резко антиамануллистские позиции. В своих выступлениях он всегда подчеркивал свою приверженность исламским ценностям и осуждал нововведения Амануллы в области женского образования и положения женщин в стране в целом.

В 1931 г. была принята новая афганская конституция, закреплявшая наследственную власть в стране за Надир-ханом и его наследниками². Отменялась уплата немусульманами специального налога, пуштунские племена получали ощутимые привилегии, выражавшиеся в возможности их ханов и вождей оказывать влияние на формирование финансовой и внутренней политики страны, что тем самым подчеркивало пуштунский характер афганского государства. Афганцам-немусульманам было запрещено занимать министерские посты, а иностранцам приобретать земельные наделы, служить в афганской армии, открывать школы и заниматься миссионерской деятельностью. Были восстановлены широкие права и льготы для мусульманских священнослужителей. Хотя существование светских судов и гарантировалось новой конституцией, но большинство дел должно было рассматриваться в шариатских судах.

За время царствования (Надир-хан был убит в 1933 г.) ему удалось реформировать афганскую армию. Было воссозданы военно — воздушные силы. Офицеров стали отправлять на учебу за границу, в сухопутных войсках появилось несколько бронемашин и танков (купленных в Чехословакии и Франции), грузовики. Оружие закупалось на кредиты, полученные от Англии и Германии. Офицерский корпус формировался преимущественно из представителей пуштунских племен.

Была проведена административно — территориальная реформа, созданы пять провинций и четыре «губернии». Реформированы были власти на местах, система судопроизводства. Началось восстановление разрушенной системы образования — открывались новые начальные школы, заработали лицеи, в т.ч. и женский. Снова стали отправлять молодых людей из элиты афганского общества за границу на учебу — в европейские страны, в США, Турцию и Японию. Был открыт центр по под-

¹ *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan in the Course of History. Alexandria. (USA) Vol.2, 2001, p. 13 — 14.*

² *Осул-е асаси-йе даулат-е али-йе Афганистан (Конституция Высокого государства Афганистан.). Кабул, 1931. §11.*

готовке учителей, школы по обучению среднего медицинского персонала, профессионально-технические школы. Был создан афганский олимпийский комитет, вновь открылся кабульский музей, некоторый рост получила афганская пресса, фактически уничтоженная при Бачча-йи Сакао. Начали организовывать почтовую связь, строились аэродромы. В 1930 г. был открыт первый афганский банк — в будущем «Национальный банк Афганистана», создавались крупные по афганским масштабам компании по экспорту афганского сырья и импорту промышленного оборудования, горюче — смазочных материалов. Государство пыталось стимулировать частное предпринимательство, что способствовало ускорению процесса первоначального накопления и закладывало основу для развития капиталистических отношений. Были введены новые та-моженные пошлины, призванные защитить крайне слабую национальную промышленность и стимулировать ввоз в страну промышленного оборудования. Ввоз алкоголя и вывоз предметов старины из страны были запрещены.¹ В целом можно сказать, что Надир-шах проводил осторожную, неспешную, умеренную программу реформирования Афганистана. При осуществлении внутренней политики он пытался удовлетворить в первую очередь запросы пуштунских племен и мусульманских священнослужителей. Однако он также в некоторой степени опирался на умеренных сторонников преобразований, в том числе и некоторых людей из окружения бывшего эмира Амануллы-хана.

Во внешней политике Надир-шах лавировал между двумя мощными соседями — Британией и СССР, пытался поддерживать корректные, но дистанцированные отношения с обоими из них. В 1931 г. между СССР и Афганистаном был подписан «Договор о взаимном нейтралитете и ненападении». Отношения с Британией осложнялись из-за усилившейся в начале 30-х гг. борьбы пуштунских племен британской Индии во главе с Абдул Гаффар-ханом за национальную автономию. Неплохие в целом отношения складывались у Афганистана с Турцией и Ираном. Из европейских стран самые хорошие отношения у Афганистана были с Германией, Италией и Францией, которая еще со времен правления Амануллы-хана проводила в Афганистане археологические раскопки. Были установлены дипломатические отношения с Японией.

Укрепившись на престоле, король Надир-шах развернул масштабные гонения против видных сторонников Амануллы-хана. Ряд из них были казнены, зачастую без суда и следствия, что противоречило афганской конституции 1931 г., другие осуждены на длительные тюремные заключения. Ответная реакция была незамедлительной. В 1933 г. в Берлине был убит посол Афганистана — брат короля Мухаммад Азиз-хан, вскоре была совершена попытка покушения на британского посла в Кабуле, а летом 1933 г. в Кабуле был застрелен и сам афганский король. Ему на смену пришел его сын Мухаммад Захир-шах, который правил с 1933 по 1973 г., и оказался последним монархом в истории Афганистана. Гибель Надир-шаха позволила расправиться с оставшимися еще в живых сторонниками Амануллы-хана. Приведенный к власти король Афганистан был еще слишком молод для управления страной (ему было всего лишь 19 лет). Поэтому реальная власть находилась в руках трех братьев покойного Надир-шаха, Шах Вали, Шах Махмуда и Мухаммад Хашим-хана, которые вплоть до второй половины 40-х годов XX в. занимали важнейшие посты в правительстве (премьер-министра, министра внутренних дел, обороны, иностранных дел) и полностью контролировали внутреннюю и внешнею политику страны.

¹ Коргун В.Г. *Афганистан в 20 — 30 — е гг. XX в.М.,1979.*

Правление Мухаммад Захир-шаха, растянувшееся на долгие 40 лет, можно условно разделить на несколько этапов. «Период непрямого управления», длившийся почти двадцать лет, в ходе которого фактическая власть находилась в руках его трех дядей по отцу; «период проведения руководимой экономики», растянувшийся с 1953 по 1963 гг. когда премьер-министром был двоюродный брат короля Мухаммад Дауд, проводивший политику планового развития экономики Афганистана и период т.н. «демократического эксперимента», завершившийся свержением монархического строя в 1973 г.

В годы, предшествовавшие началу первой мировой войны, «коллективное руководство «Афганистана в целом придерживалось того — же внешне и внутривнутриполитического курса, что и Надир-шах. Проводилась политика индустриализации страны. Строились небольшие гидроэлектростанции, улучшались дороги — по главным из них уже можно было проехать на автомобиле (однако большая часть перевозок осуществлялось традиционным способом — верблюдскими караванами), за границей — в Англии, Германии, Чехословакии, Франции и Италии закупались легковые и грузовые автомобили. Было создано министерство горных дел и промышленности, которому подчинялась добыча полезных ископаемых, часть которых (прежде всего драгоценные и полудрагоценные камни, в том числе и знаменитый афганский лазурит) вывозилась за рубеж. Построили ряд текстильных фабрик, мыловаренных, цементных, стекольных, кожевенных заводов и авторемонтных мастерских.

Дальнейшее развитие получила система образования, в том числе и профессионально-техническая. Были учреждены механическая, коммерческая, сельскохозяйственная школы, курсы по подготовке секретарей, педагогический колледж. В них работали иностранные — французские, немецкие и японские преподаватели. Увеличилось число начальных и средних школ первой ступени.

В 1937 г. язык пушту был объявлен национальным языком, его преподавание пытались развернуть, впрочем не всегда успешно, в местах обитания афганских национальных меньшинств — таджиков, узбеков, туркмен и др. Государственные чиновники обязаны были сдавать экзамены на знание этого языка, а в случае его незнания (а таких было большинство — поскольку в городах, на севере и в центре страны преобладал язык дари) — посещать курсы языка пушту. Было создано «Общество языка пушту» — впоследствии переименованное в «Академию языка пушту». Оно было занято изучением этого языка. Началась публикация учебников, журналов, газет, словарей на пушту. Эта активность в определенной степени способствовала распространению языка пушту в стране и подчеркивала единство афганских и восточных пуштунов, проживавших в Северо-западной провинции британской Индии.

В конце 30-х гг. XX в. началась разработка официальной афганской идеологии — т.н. «Пуштунского национализма», призванного доказать, что именно пуштуны являются носителями истинного арийского начала и что именно Афганистан является прародиной — «Арийана» всех индоевропейцев. Именно с тех пор название «Арийана» стали широко использовать в Афганистане для наименования компаний, магазинов, гостиниц, вокальных ансамблей, фабрик и т.п. Так называется и главная афганская авиакомпания, созданная после второй мировой войны, осуществляющая международные авиаперевозки.

Современная система здравоохранения, которая начала медленно развиваться, существовала практически лишь в столице страны — городе Кабуле. Был открыт первый афганский национальный театр, не пользовавшийся, впрочем, популярностью у пу-

блики. Некоторое развитие получили библиотеки, постепенно увеличивалось число кинотеатров, однако национальных киностудий в Афганистане еще долго не было.

В области внешней политики в предвоенные годы Афганистан придерживался полити-ки равноудаленности от СССР и Британии, предпринимая одновременно с этим шаги, направленные на демонстрация своего лояльного отношения к этим державам. На севере пресекалась антисоветская деятельность остатков отрядов басмачей, пытавшихся проникать на земли советской Средней Азии, на юге правительство Афганистана пыталось удерживать пуштунские племена от вылазок на земли Британской Индии. В 1934 г. Афганистан стал членом Лиги Наций и в 1937 г. присоединился к «Саадабадскому пакту», членами которого были Турция, Иран и Ирак. Попытки Афганистана установить дипломатические отношения с США, не увенчались успехом вплоть до 1936 г., когда было подписано соглашение об установлении дипломатических отношений, однако полноценная дипломатическая миссия США в Кабуле была открыта лишь в 1942 г. В 1937 г. афганское правительство предоставило одной из американских компаний концессию на проведение геологических изысканий в Афганистане, однако, начав свою деятельность, эта компания вскоре отказалась от ее продолжения. Во второй половине 30-х гг. XX в. значительное развитие получили афгано-германские отношения. В стране появилось множество немецких советников, начала действовать авиалиния авиакомпании «Люфтвагза», связавшая Берлин с Кабулом. В Афганистане были открыты представительства крупных немецких фирм, были предоставлены большие немецкие кредиты, увеличены поставки немецкого оборудования, в 1935 г. в горах восточного Гиндукуша работала германская этно-лингвистическая научная экспедиция¹, началось с помощью Германии строительство нескольких крупных по афганским меркам объектов промышленности и инфраструктуры. В стране демонстрировали немецкие фильмы, стали приезжать немецкие спортсмены, усилилось немецкое присутствие и в южных районах Афганистана, примыкавших к британской Индии.

Немцы принимали участие в строительстве аэродромов и дорог на юге страны.

Подписание пакта «Молотова — Риббентропа» в 1939 г. на время превратило СССР и фашистскую Германию в союзников. Фашистская Германия, пытавшаяся ослабить власть Британии в Индии, старалась дестабилизировать обстановку в Афганистане путем восстановления там на престоле бывшего афганского правителя Амануллы-хана, проживавшего в Италии, и отправки в эту страну германского воинского контингента. Однако советское руководство отказалось от участия в этой авантюре. После начала второй мировой войны в сентябре 1939 г. Афганистан заявил о своем нейтралитете. Однако связи Афганистана с Германией продолжали развиваться. В руководстве страны усилились позиции прогерманской «фракции» во главе с двоюродным братом короля Мухаммадом Даудом. Через территорию СССР в Афганистан продолжался транзит немецких товаров и оборудования. Некоторые представители афганского руководства давали понять немецким дипломатам, что в случае сохранения нейтралитета СССР и передачи Афганистану земель на севере британской Индии и предоставления ему выхода к Индийскому океану, последний может выступить в качестве союзника Германии в ее борьбе против британской империи в Азии. Нападение Германии на СССР коренным образом изменило ситуацию вокруг Афганистана. Постепенно руковод-

¹ Herrlich A. *Land des Lichtes. Deutsche Kundfahrt zu unbekanntem Volkern in Hindukusch* Munchen. 1938.

ство Афганистана стало отходить от прогерманской ориентации. Осенью 1941 г. СССР и Британия потребовали от руководства Афганистана выслать за его пределы всех немецких и итальянских граждан, не бывших сотрудниками посольств своих стран. Афганская сторона, принявшая во внимание оккупацию соседнего Ирана войсками СССР и Британии, ответило согласием на это «предложение». В ноябре 1941 г. на заседании Лоя Джирги — собрании высших авторитетов страны, включавших в себя представителей племенной знати, мусульманских священнослужителей, членов королевской семьи и крупных чиновников, Афганистан повторно подтвердил свой нейтралитет по отношению к мировой войне. Однако германское руководство не прекратило свои попытки дестабилизировать обстановку на афгано — британской границе и даже создало в составе своих вооруженных сил специальную группу армий, которая должна была после разгрома британских войск в Африке и советских войск на северном Кавказе и в бассейне реки Волга, продолжить свое движение в сторону британских владений в Индии через Иран и Афганистан. В 1941 — 1943 гг. в Афганистане и Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии пытались действовать диверсионно-разведывательные группы вермахта.¹

Вторая мировая война негативно сказалась на экономике и внешней торговле нейтрального Афганистана. Объемы афганской торговли с СССР, странами Европы и Азии упали почти до нуля, резко сократилась торговля с британской Индией. Повысились цены на промышленные товары, завозимые из-за рубежа, стали уменьшаться цены на сельско-хозяйственное сырье, производимое в Афганистане. Резко уменьшились таможенные поступления. Правительство Афганистана для того, чтобы снизить остроту возникших проблем, было вынуждено пойти на ряд экстремных мер: была введена т.н. купонная система, просуществовавшая вплоть до 1992 г., которая распространялась на служащих государственного аппарата и офицеров армии и давала им право покупать по низким ценам товары первой необходимости в государственных магазинах. Были введены меры по стимулированию национального ремесленного производства. Афганский национальный банк оказывал финансовую поддержку государственным торговым компаниям — ширкетам. «Битва за Атлантику» заставила Афганистан переориентировать экспорт своего каракуля. Ранее каракульские шкурки отправлялись морем на Лондонские пушные аукционы, теперь — в ходе войны — их стали возить в Нью-Йорк, где однако спрос на них был меньше, что привело к падению цен на каракуль и соответственно уменьшению доходов афганской казны, т.к. каракуль являлся монополией государства. Из — за крупной засухи страна впервые столкнулась с дефицитом хлеба и была вынуждена прибегнуть к закупкам пшеницы за границей. Имелись также и ощутимые сложности внутривнутриполитического характера. В 1944 — 1945 гг. в Афганистане имели место мятежи пуштунских племен дзадран и мангал, беспокойно было и в Нуристане — на востоке. Правительственные войска подавили эти выступления. Хотя формально Афганистан и не принимал участия во второй мировой войне, тем не менее несколько тысяч пуштунов из Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии отважно воевали в Северной Африке и Италии против немецких и итальянских войск в составе британской армии.

Окончание второй мировой войны коренным образом изменило обстановку в мире, Азии и районах, примыкающих к Афганистану. В особенности это касалось

¹ Тихонов Ю.Н. *Афганская война III рейха. НКВД против абвера. М., 2003.*

ситуации в Британской Индии. В 1947 г. там возникли два независимых государства, первоначально получивших статус британских доминионов: Индия и Пакистан. Кабул установил дипломатические отношения с этими обоими государствами. Пакистан унаследовал проблему восточно-пуштунских племен, возникшую ее в середине XIX в. и усилившуюся в 1893 — 1895 гг. после проведения т.н. «Линии Дюранда», ставшей афгано-британской и впоследствии афгано-пакистанской границей, которая разделила единый пуштунский народ на две большие группы: обитавшие в Афганистане и жившие в британской Индии, а впоследствии в Пакистане. В 1949 г. афганское правительство отказалось признавать «Линию Дюранда» в качестве афгано-пакистанской границы и стало оказывать большую моральную, финансовую и даже военную помощь восточным пуштунам в их борьбе за автономию в рамках пакистанского государства. Подобная ситуация неоднократно приводила в 40 и 50 -х гг. XX в. Пакистан, превратившийся со временем в союзника США, и Афганистан к грани полномасштабной войны. И лишь посредничество других государств — прежде всего США и Ирана позволяло двум соседям отходить от опасной черты. Пользуясь отсутствием у Афганистана выхода к морю и тем, что внешняя торговля Афганистана в основном шла через пакистанский порт Карачи, Пакистан неоднократно, с целью оказания давления на Афганистан, прекращал транзит афганского сырья и товаров, закупленных Афганистаном, что негативно сказывалось на последнем.

В конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. Афганистан, верный политике равноудаленности от крупнейших держав мира, начал предпринимать шаги по развитию экономических и торговых связей с США. Еще в 1946 г. было заключено соглашение с одной из американских фирм о создании на юге Афганистана крупной ирригационной системы и строительстве нескольких гидроэлектростанций.¹ Однако эти шаги потребовали получения у США крупного кредита. В 1951 г. Афганистан начал сотрудничество с США в рамках «программы Трумэна» по восстановлению экономики стран, разрушенной и подорванной второй мировой войной.

В 1946 г. в правительстве Афганистана произошло первое, со времени восшествия на престол афганского короля Мухаммад Захир-шаха в 1933 г., большое изменение. Мухаммад Хашим-хан — дядя короля, бывший премьером все это время был заменен на другого королевского дядю — Шах Махмуд-хана. Начали реализовывать некоторые нововведения. Были уменьшены размеры афганской «продразверстки», обязывавшей афганских крестьян ежегодно отдавать часть своего урожая для нужд армии, было обещано, что в будущем при обеспечении армии зерном будет использоваться принцип добровольности его поставок. После окончания второй мировой войны высшее афганское руководство, которое ограничивалось членами королевской семьи и их родственниками, стали проводить более либеральную внутреннюю политику. Из тюрем были выпущены многие сторонники бывшего афганского правителя Амануллы-хана, посаженные туда еще отцом правившего монарха или в предвоенные годы. Некоторые из них были назначены на высокие государственные должности, в страну стали возвращаться политические эмигранты. Была ослаблена политика пуштунизации страны и восстановлено преподавание в школах на языке дари в непуштунских районах. В 1946 г. был произведен первый выпуск студентов, закончивших медицинский факультет Кабульского университета, основанного еще в 1938 г.

¹ Kamrany, Nake M., *Peaceful Competition in Afghanistan: American and Soviet models for economic aid*, Communication Service Corporation, Washington DC, 1969.

В конце 40-х — начале 50-х гг. в Афганистане стали возникать и развиваться первые после 20-х гг. «протополитические» общественные организации, членами которых были представители афганских городских средних слоев, зарождавшейся афганской интеллигенции, оппозиционно и либерально настроенных государственных чиновников. Отделения этих «протопартий» функционировали лишь только в Герате и Кандагаре, а истинным центром их активности была столица — Кабул. Их влияние в афганских провинциях и в сельской местности было равно нулю. Одной из особенностей развития и функционирования этих политических движений было то, что они формировались вокруг газет, издававшихся в столице. Они были по-сути дела не партиями, но группами единомышленников, своего рода дискуссионными клубами, объединявшими людей, имевших схожие общественно-политические взгляды на пути развития Афганистана и вывода его из вековой отсталости. Численность этих движений была крайне малой и в основном не превышала нескольких сотен, а зачастую и меньше человек. В большинстве из этих «протопартий» отсутствовало персональное членство, программа, устав и руководящие структуры. Однако ряд из них своей деятельностью внесли заметный и, к сожалению, как показала впоследствии история, не всегда положительный, вклад в дальнейшее развитие Афганистана. Многие из их активистов и руководителей, после принятия в 1964 г. последней монархической конституции, начали принимать активное участие во внутривнутриполитической жизни страны, создавать политические партии. А потом, по мере эволюции афганского общества и смены правящих там режимов, занимать видные руководящие должности в рамках афганского «истаблшмента» и даже возглавлять эту страну.

Непосредственным толчком, послужившим отправной точкой к началу процесса формирования этих «протопартий», было принятие в 1951 г. закона о печати, разрешавшем издание частных газет и журналов и отменявшем предварительную цензуру. В случае публикации в этих изданиях (средствами массовой информации из-за малой грамотности населения Афганистана, мизерных тиражей и распространения практически только в двух — трех крупных городах и прежде всего в Кабуле, их назвать нельзя) материалов, не одобряемых властями, тираж издания конфисковывался, на главного редактора накладывался внушительный денежный штраф, а само издание могли и закрыть. Впоследствии афганские власти несколько раз прибегали к подобным мерам по отношению к печатным органам разных общественно-политических направлений, издававшимся в стране.

Афганские «протопартии», несмотря на их аморфность, слабую идеологическую оформленность, зачастую размытость идеологических установок, начавшие формироваться в 50 — 60-х гг. XX в., можно условно разделить на несколько групп — движения исламского типа, группировки либерально-буржуазного толка, организации националистического характера и наконец структуры, в идеологических установках которых со временем постепенно все большую роль стали играть идеи социалистического преобразования афганского общества. Общим для всех этих общественно — политических течений было то, что они носили слабо выраженный оппозиционный характер по отношению к существовавшему в Афганистане в то время общественно-политическому строю и королевской власти. Ни одно из этих движений и их руководителей не призывало открыто к радикальному изменению монархического строя, или его свержению, но лишь ратовало за проведение более или менее медленных и осторожных реформ, улучшение положения народа, укрепление основ национальной промышленности, преобразование сельского хозяйства, просвещение населения

и т.п. Но каждая из этих «протопартий» полагала, что всего этого можно добиться лишь с применением тех методов и способов, которые были известны только ей одной и следуя лишь их идеологическим установкам.

Афганские власти достаточно спокойно относились к политической, а точнее пропагандистско-просветительской активности этих движений, полагая, что их политический вес крайне мал и они не имеют реальной возможности оказывать влияние на внешнюю и внутреннюю политику. Однако в тех случаях, когда эти «протопартии» допускали какие-то экстремистские, точки зрения властей, высказывания или действия, идущие вразрез с «генеральным курсом», определившимся королевским кланом, правившим Афганистаном, то обычно следовали незамедлительные, хотя и не слишком жесткие репрессивные шаги. В их число входило закрытие газет, издаваемых этими общественно — политическими движениями, отстранение руководителей этих «протопартий» от возможности принимать активное участие в политической жизни страны (путем направления на второстепенные должности в посольства Афганистана), назначение на незначительные государственные должности в провинции и в редких случаях судебное преследование, не всегда впрочем завершавшееся вынесением обвинительного вердикта, предусматривавшего тюремное заключение.

Общественно-политическая активность населения Афганистана была чрезвычайно низкой. Практически все важные для страны события происходили в столице. Число политически активных членов общества было крайне невелико. Члены большинства из афганских «протопартий» знали или хотя-бы слышали что-то друг о друге, поскольку когда-то учились в одних и тех же кабульских лицеях, работали вместе в структурах государственной власти (министерствах, управлениях, лицеях, школах и т.п.), входили в малое число афганцев, получивших образование за границей, или просто являлись близкими или дальними родственниками. Численность светской (не традиционной, т.е. религиозной и племенной), европейски образованной политической элиты Афганистана всегда и даже сейчас оставалась и остается немногочисленной. Вследствие этого «кадровый резерв» государственных структур управления страной — афганская «номенклатура» всегда была малочисленна. Поэтому одни и те-же лица занимали важные должности при самых разных режимах, существовавших в стране. Многие из основателей, руководителей и активистов афганских политических «протопартий» впоследствии, в том числе и по прошествии многих лет, оставались на «плаву» и в той или иной степени продолжали входить в число представителей политической элиты страны.

Самыми заметными среди этих афганских общественно-политических организаций буржуазно-демократической ориентации, возникших в начале 50-х годов XX в. были: «Виш залмиян» — «Пробудившаяся молодежь», «Ваган» — «Родина» и «Нида-йи хальк» — «Глас народа».

«Виш залмиян» — «Пробудившаяся молодежь» насчитывала в своих рядах не более ста человек, большинство из которых были пуштунами. Значительная часть ее членов были представителями мелкой городской буржуазии, чиновничества и зарождавшейся афганской интеллигенции. Эта «протопартия» была слабо структурирована, в ней отсутствовали руководящие органы. В ее состав входили видные представители афганской интеллигенции — поэт А. Бенава, историк А. Хабиби, поэт Г.П. Ульфат, переводчик Н.М. Тараки — будущий основатель и руководитель Народно-Демократической партии Афганистана.

«Виш залмиян» ратовала за просвещение афганского народа, проведение свободных выборов в парламент, свободу печати, выступали за создание национально-демократических партий, развитие экономики Афганистана по плановому пути, критиковали существующий экономический строй. «Виш залмиян» издавала газету «Ангар». В 1949 г. «Виш залииян» участвовала в выборах в афганский парламент и два ее представителя стали депутатами этого высшего законодательного органа. Постепенно это политическое движение стало терять свою мягкую оппозиционность и все в большей степени стало сближаться с правящим режимом.

«Ватан» — «Родина», основанная в 1951 г. была также малочисленной группировкой, насчитывавшей не более 100 членов. В состав ее руководства, которая была более организационно стройной, чем «Виш залмиян» (она имела т.н. центральный совет, комитеты по публикациям, экономике, культуре, здравоохранению и т.п.) входили крупные представители афганской интеллигенции, такие как видные историки М.А. Губар и А.А. Кохзад. В составе этой «протопартии» были мелкие чиновники, представители интеллигенции и люди свободных профессий.» «Ватан» с 1951 г. издавала одноименную газету. В программу этого афганского общественно — политического движения входили такие положения как: многопартийность, религиозное и национальное равноправие подданных Афганистана, защита основ конституционно — монархического строя, оказание экономической помощи мелким предпринимателям, ограничение крупного землевладения. В 1949 г. «Ватан» — «Родина» участвовала в выборах в афганский парламент и четыре ее представителя стали депутатами этого законодательного органа.

Третьей и, пожалуй, самой радикальной из афганских оппозиционных общественно-политических организаций, возникших в начале 50-х гг. XX в. была «Нида-йи хальк» — «Глас народа». В ее состав, насчитывавший не более 20 человек входили также кроме мелких чиновников, интеллигенции также и некоторые представители ремесленно-торговых слоев страны. Основателем этой «протопартии» «был А. Махмуди. В ее программных документах, опубликованных в одноименной газете, говорилось не только о необходимости проведения реформ в стране, борьбе с неграмотностью, коррупцией и нищетой, свободные выборы в парламент, но высказывались также мысли о том, что члены королевской семьи не имеют права заниматься политикой и занимать государственные должности. В 1949 г. «Нида-йи хальк» — «Глас народа» участвовал в выборах в афганский парламент и три ее представителя стали депутатами.

Объединенные представители этих трех «протопартий» «образовали в парламенте т.н. «национальный фронт» и пытались выступать с критикой афганского правительства, против усиления американского влияния, против трудовой повинности, однако ни один из предложенных ими законопроектов так никогда и не стал законом.

Несколько позднее эти афганские оппозиционные общественно — политические организации стали дробиться, на их базе возникали более мелкие группировки. Так например в 1951 г.от «Нида-йи хальк» «отпочковалась группировка, получившая название «Хальк». В её программных установках ощущалось некоторое влияние марксизма.

В 1952 г. члены этих «протопартий» за участие в антиправительственных демонстрациях, происшедших после их неудавшейся попытки продвинуть своих представителей на выборах в парламент, подверглись гонениям со стороны властей. Их руководители были либо посажены в тюрьмы, либо высланы из страны, или отпра-

лены на работу в афганские посольства в отдаленные страны. Хотя следует отметить, что в середине 60-х гг. большинство из них были прощены и даже возвращены на государственную службу, занимая высокие, в т.ч. и министерские посты.

В начале 50-х гг. XX в. в политическую борьбу начали постепенно включаться студенты и в некоторой степени преподаватели Кабульского университета, ставшего со временем самой политизированной «зоной «страны». В то же время член королевской семьи — двоюродный брат короля М.Дауд, сыгравший впоследствии важную роль в развитии афганского государства, создал прокоролевское движение, получившее название «Национальный клуб», членами которых были представители афганской аристократии, члены королевского пуштунского племени мухаммадзаев, часть генералитета, крупные афганские (по преимуществу пуштунские) предприниматели и купцы.¹ Конец 40-х гг. XX в. было временем, когда происходившие в мире и в Азии изменения стали в значительной степени затрагивать и Афганистан, который ранее всегда был лишь объектом большой политики. Окончание второй мировой войны, постепенное скатывание СССР и США к «холодной» войне, начало крушения Британской империи, возникновение мировой социалистической системы стали оказывать ощутимое влияние на Афганистан и его внешнюю политику. В 1947 г. Британия ушла из Индии и соседом Афганистана на юге и востоке стал Пакистан. Отношения с ним, в значительной степени из-за пограничных разногласий, поддержки Афганистаном стремления части восточных пуштунов, проживавших на северо-западе Пакистана к автономии и даже независимости, часто были «головной болью «для Афганистана и даже приводили две соседние страны на грань войны. В конце 40-х — начале 50-х гг. некоторое развитие получили советско-афганские связи. В начале 50-х гг. Афганистан, ощущавший свою военную слабость по сравнению с отнюдь не дружественным Пакистаном, предпринял попытку модернизировать и перевооружить свою армию. Он обратился за военной помощью к США, однако эта держава, рассматривавшая Афганистан как государство, не имевшее стратегической и политической ценности, и для которой Пакистан был важным союзником в этой части Азии, обставил предоставление военной помощи Афганистану неприемлимыми для него условиями. Не дали положительных для Афганистана результатов переговоры с США, имевшие место в 1954 г. во время приезда в Кабул вице-президента США и приезда в Вашингтон афганского министра иностранных дел. В сложившейся обстановке королевский клан Афганистана принял историческое решение обратиться за помощью, в том числе и военной к СССР, что впоследствии сильно повлияло на развитие этого государства и его судьбу.

Несколько ранее — в 1953 г. в Афганистане произошла знаковая отставка кабинета министров, знаменовавшая собой начало нового периода развития страны. С 1933 г., когда после убийства афганского короля Надир-шаха ему на смену пришел сын Мухаммад Захир-шах (правивший до 1973 г.), премьер-министрами в течение 20 лет были его два дяди — Мухаммад Хашим-хан и Шах Махмуд. В 1953 г. на смену Шах Махмуду пришел представитель младшего поколения королевского рода. Им был двоюродный брат короля и его зять Мухаммад Дауд, который в течение 10 лет — вплоть до 1963 г. был премьер — министром Афганистана и сыграл впоследствии заметную роль в развитии страны.

¹ *Имомов Ш. История общественной жизни Афганистана во второй половине XIX — первой половине XX века. М. — Душанбе, 2001.*

Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. М., 1983.

Коргун В.Г. Политика и политики. М., 1999.

50-е гг. XX в. были для Афганистана временем, когда постепенно был выработан тот внешнеполитический и внешнеэкономический курс, которому это государство в основном следовало вплоть до 1978 г., когда к власти там пришла Народно-демократическая партия Афганистана, придерживавшаяся четкой просоветской и даже можно сказать «прокоммунистической» ориентации. Суть ее сводилась, в конечном счете, к поддержанию определенного паритета в отношениях Афганистана с США и СССР, всестороннему развитию отношений с крупными странами Европы, прежде всего Францией и Германией (Великобритании в силу исторических причин по-прежнему несколько опасались), социалистическими странами Европы — Польшей, Болгарией, Чехословакией, укреплению связей с мусульманскими странами Азии, а также Индией и Китаем и разрешению спорных вопросов в отношениях с Ираном и Пакистаном путем мирных переговоров. Мухаммад Дауд все время своего нахождения на должности премьер-министра проводил активную, базировавшуюся на принципах пуштунского национализма, политику на «пакистанском направлении» и продолжал оказывать заметную моральную, финансовую и политическую поддержку пуштунским племенам Северо-западной пограничной провинции Пакистана.

В 1954 г. Кабул посетил вице-президент США Р.Никсон, а в следующем — 1955 г. гостем Афганистана стал Н.С. Хрущев, возглавлявший большую советскую партийно-правительственную делегацию. Советско-афганские переговоры, проведенные тогда, стали мощным импульсом, давшим большое ускорение развитию советско-афганских отношений, которые поступательно, хотя и не всегда равномерно развивались вплоть до 1992 г.

Афганистану был предоставлен кредит в размере 100 млн. долларов США, подписан целый ряд соглашений об оказании СССР этой стране помощи в области строительства объектов промышленности, транспортной инфраструктуры, энергетики, ирригации и т.п. В Афганистан стали прибывать советские советники и инженеры, афганские студенты стали уезжать в СССР на учебу. Советские геологи начали проведение в Афганистане геологоразведочных работ. Однако, пожалуй, самым главным стало то, что именно с того времени началось то, что называется советско-афганским сотрудничеством в военно-технической области. К 1978 г. афганская армия была вооружена практически только советским оружием. Многие из афганских офицеров проходили обучение в советских военных учебных заведениях, в частях афганской армии пазвились советские советники.

Правительство Мухаммада Дауда проводило политику т.н. «руководимой экономики», направленной на плановое развитие афганской экономики, оказание поддержки крупным афганским предпринимателям, приоритетное развитие государственных промышленных, сельскохозяйственных и ирригационных объектов. Такая политика в конечном счете привела к тому, что практически все наиболее крупные и современные по афганским масштабам заводы, фабрики, ирригационные системы, шахты и т.п. находились в руках государства. За время премьерства М. Дауда было реализовано два пятилетних плана развития афганской экономики, что оказало большое влияние на эту страну. Укрепилась афганская армия и полиция, больше стало школ и лицеев, численно рос афганский пролетариат. В 1959 г. было отменено обязательное ношение чадры, что привело к беспорядкам в г. Кандагар, подавленными армией. Уже к середине 60-х гг. XX в. часть женщин — жительниц Кабула стала появляться на улицах без чадры и работать в государственных учреждениях.

Политика М.Дауда, направленная на развитие всесторонних связей с СССР и социалистическими странами, расценивалась в США и ряде стран западной Европы как явно просоветская и его иногда даже называли там «красным принцем». Однако есть множество доводов в пользу того, что это упрощенная точка зрения. М.Дауд, будучи опытным политиком, истинным патриотом и широко образованным человеком, придерживался взвешенной и осторожной «генеральной линии» и никогда не предоставлял односторонних привилегий СССР. США также широко участвовали в развитии афганской экономики (хотя объемы американской помощи были несомненно меньше, чем советской). Афганская полиция оснащалась и обучалась Западной Германией. Офицеры афганской армии, желавшие сделать карьеру, обучавшиеся ранее в СССР, должны были в обязательном порядке отучиться на высших военных курсах в США, Англии, Турции. Проводившуюся М.Даудом и позже — во время т.н. «демократического эксперимента» (1964 — 1973 годов) политику, можно охарактеризовать популярной в те времена афганской поговоркой «Прикуривать американские сигареты советскими спичками». Именно тогда Афганистан стал постепенно превращаться в типичную страну — реципиента, получателя международной финансовой помощи, которая составляла львиную долю афганского бюджета и основным источником финансирования процесса реформирования и индустриализации страны.¹

Средства поступали от правительств разных стран (СССР, США, ФРГ, Польши, Болгарии, Франции, Великобритании, КНР, Ирана и некоторых других) в виде долгосрочных кредитов и займов, носивших целенаправленный характер. Была также финансовая помощь от международных, в т.ч. и ООНовских организаций. Участие собственно афганской стороны в формировании годового государственного бюджета составляла в среднем около 30 %, из которых большая часть были государственными средствами.

Результаты почти десятилетнего нахождения М.Дауда на посту премьер-министра Афганистана были очевидны и заметны. В Афганистане появились новые шоссе, аэродромы, в том числе и военные, гидроэлектростанции (хотя о полной электрификации страны говорить не приходится, электричество было даже не во всех из 26 провинциальных центров), небольшие заводы и фабрики, развивалась система образования — появилось много новых начальных школ и несколько лицеев, развивался кабульский университет, получавший большую помощь от США (его «курировал» университет штата Аризона), СССР начал строить и оснащать Кабульский политехнический институт, ставшей «кузницей» технических кадров для страны. В Кабуле было открыто несколько современных больниц и поликлиник, проводились планомерные геолого-разведочные работы, были реконструированы несколько шахт, построены два крупных ирригационных комплекса (один с помощью СССР, а другой с помощью США). Была перевооружена афганская армия, многие ее офицеры получили хорошее военное образование. В стране появилось и немало (несколько десятков тысяч) людей, получивших техническое образование в европейских странах Европы, в том числе и социалистических, США и СССР. Раз-

¹ Этот процесс, также как и последующий развал страны в 90-е гг. XX в. тщательно исследован в уже ставшем классическим труде американского исследователя Рубина Барнета. «Развал Афганистана. Образование и крах государства в системе международных отношений». Barnett Rubin. *The Fragmentation of Afghanistan. State Formation and Collapse in International System*. Yale University press. 1995

вивалась и немногочисленная афганская интеллигенция. Увеличилась численность пролетариата, сохранявшего, правда, еще архаичный характер. Однако, проводимая им внутренняя политика, ориентированная на достаточно быстрое развитие Афганистана, также создавала и условия для развития будущего кризиса. М.Дауд зачастую игнорировал интересы афганских племен, мусульманских священнослужителей, не пользовался поддержкой национальных меньшинств — таджиков, узбеков, туркмен и др., поскольку стоял на позициях великодержавного «пуштунизма», торопился с вестернизацией страны, а также не защищал интересы мелких предпринимателей, составляющих значительную часть городского населения страны.

Двумя главными «внешними «партнерами Афганистана в годы его премьерства» стали СССР и США, что было видно хотя-бы по тому, что в 50-х — начале 60-х гг. XX в. М. Дауд посетил СССР с официальными визитами три раза, США — один раз; король Афганистана Мухаммад Захир-шах побывал в СССР два раза. Н.С.Хрущев — бывший в те годы руководителем СССР был в Кабуле два раза, а американский президент Д. Эйзенхауэр и вице-президент Р.Никсон — по одному разу.

Наряду с этими явлениями в Афганистане проходил и другой, может быть, менее заметный процесс, затрагивавший королевский клан и оказавший впоследствии большое влияние на все государство и общество в целом. М.Дауд, бывший властным по своему характеру человеком, по сути дела всеми своими шагами отодвигал правящего монарха и своего кузена М.Захир-шаха на второй план, оставляя ему зачастую лишь церемониальные функции. Это привело в конце концов к расколу в королевской семье и афганской аристократии, тем более, что не все ее члены поддерживали внутриэкономический курс, проводимый Даудом, направленный на усиление государственно-капиталистических начал и также его слишком тесные связи с СССР. «Масла в огонь» подлил разработанный Даудом и переданный в 1962 г. королю план создания правящей партии, которая должна была формировать правительство. В этом реформаторском плане он предусматривал запрет членам королевской семьи участвовать в управлении государством и заниматься политикой. Себя — же он предусматривал назначить или «выбрать» руководителем правящей партии, что превращало его в фактического и реального правителя Афганистана. Реакция со стороны короля последовала скоро. В 1963 г. М. Дауду на семейном совете было рекомендовано подать в отставку с поста премьер-министра, что он, опасаясь углубления раскола в королевском клане, и сделал.

1963 — 1973 гг. стали последними годами афганской монархии. Это было время заметного ускорения темпов внутривнутриполитического развития страны, возникновения нескольких политических партий, участвующих в жизни Афганистана и сейчас, реформ политической структуры государства, проведения курса т.н. «демократического эксперимента», но также и годами нараставшего внутривнутриполитического и внутривнутридинастийного кризиса, который привел к свержению монархии и медленному началу глубокого кризиса, охватившего почти все афганское общество, последствием которого стали неоднократные смены правящих режимов, гражданская война, длящаяся уже почти сорок лет, военное вмешательство великих держав, резкая исламизация страны и превращение ее в мирового производителя наркотиков и источник нестабильности не только регионального, но и глобального масштаба.

Смещение М.Дауда с должности премьер-министра свидетельствовало в пользу того, что в королевском клане победу одержали сторонники умеренных буржуазно-демократических реформ либерального плана, опиравшиеся и на представителей афган-

ского частного капитала, причем не только крупного. Афганский король, правивший уже более 30 лет, находился почти всегда в политической тени своих дядей или кузена — М.Дауда, бывших все это время премьер-министрами. Теперь наступал период его реального, а не формального управления страной. М.Захир-шах отказался от практики назначения премьеров из числа своих родственников. За десять с небольшим лет (с 1963 по 1973 гг.) премьер-министрами были не представители королевского клана, но видные афганские «технократы», представители аристократических (не всегда пуштунских) семей, получившее хорошее западное образование в ведущих университетах Европы и США. Король, сторонники его реформаторского курса в королевском клане, малочисленная европейски образованная часть афганской аристократии и политически слабая национальная буржуазия отдавали себе отчет в том, что сохранение монархии, стабильности государства и проведения осторожных, умеренных и последовательных реформ в племенном, традиционном, религиозном и отсталом афганском обществе требует расширения социальной базы режима за счет представителей мелкой и средней буржуазии, реформирования структур государственной власти и создание основ буржуазно-демократического общества. Осенью 1963 г. афганский монарх совершил поездку в США, где он тщательно знакомился с принципами политического устройства этой страны, и ее демократическими традициями.

В октябре 1964 г. после тщательной подготовки конституционной комиссией, в работе которой участвовали афганские и зарубежные правоведы, видные представители афганского истеблишмента, обсуждения проекта конституции на Лойе джирге (соборания высших авторитетов страны, включавших в себя мусульманское духовенство, вождей племен, крупных чиновников, членов королевской семьи) король подписал текст последнего афганского основного закона эпохи монархии. При подготовке этого важнейшего юридического документа были учтены опыт конституционного строительства ряда европейских и азиатских стран (Турции, Египта), а также племенные и религиозные особенности и традиции Афганистана. Афганистан после принятия конституции 1964 г.¹ становился конституционной, парламентской монархией. Она закрепляла за королем полномочия главы исполнительной, законодательной и судебной власти. Вместе с тем члены королевской семьи не имели права участвовать в управлении государством — становились министрами, премьер-министрами (эта мера носила явно анти-Даудовскую направленность), создавать политические партии и возглавлять их, быть членами парламента и Верховного суда. В конституции декларировались демократические права подданных. Под контроль государства были переданы система образования и судопроизводства, что существенно ослабляло позиции мусульманских священнослужителей. Расширились полномочия двухпалатного парламента, который правда продолжал функционировать под заметным контролем королевской власти (монарх имел право распустить его, а также назначал треть членов его высшей палаты), он получил право выносить вотум доверия правительству, ратифицировать международные соглашения и т.п., однако высшей законодательной инстанцией продолжал оставаться король, за которым оставалось окончательное утверждение законов и решений, принятых парламентом. Языки пушту и дари объявлялись официальными, но пушту имел ряд преимуществ перед дари. И наконец важнейшим нововведением стала декларация о праве подданных короля создавать политические партии, что однако оговарива-

¹ *Канун-и асаси-йе даулат-и падшахи-йе Афганистан. Кабул, 1964.*

лось тем, что их деятельность не должна была вступать в противоречие с конституцией, а их состав, руководство и источники финансирования должны быть открытыми. В 1965 г. был принят закон о выборах, предоставлявший кроме всего прочего также право афганским женщинам право принимать участие в выборах и избираться в парламент. Принятие новой конституции и закона о выборах было большим шагом вперед для Афганистана и свидетельствовало в пользу того, что прозападная элита афганского общества сделала выбор в пользу движения страны в сторону западной буржуазно-демократической модели.

Начался последний период этапа «демократического эксперимента» эпохи монархической истории Афганистана. Как грибы стали расти политические партии — марксистского толка — «Народно-демократическая партия Афганистана», распавшаяся вскоре на несколько более мелких групп (самыми значительными из которых были «Народ» — «Хальки» и «Знамя» — «Парчам»), левацко-экстремистская «Вечное пламя» — «Шоала-йи джавид», клерикальное движение «Мусульманская молодежь» «Джаванан-и ислами», партия социал — демократического толка «Афганская нация» (Афган мелят), промонархическая «Национальное единство» — «Вахдат-и мелли» и многие другие. Кабульский университет превратился в инкубатор, «площадку молодняка», испытательный полигон, где боролись идеи и сталкивались различные политические партии. Студенты стали принимать активное участие в политической борьбе, участвовать в демонстрациях (которые зачастую подавлялись полицией) и забастовках. В Кабуле и нескольких промышленных центрах — в основном на севере страны — начали периодически бастовать рабочие, выдвигавшие экономические требования. Членами нижней палаты парламента стали несколько членов «Народно-демократическая партия Афганистана» — НДПА, которые пытались использовать его для пропаганды своих идей. Многие из возникших в стране политических партий имел контакты со своими зарубежными «аналогами» («Мусульманская молодежь» с египетской «Братья-мусульмане» и некоторыми пакистанскими исламскими партиями, НДПА — с КПСС, «Вечное пламя» — с Коммунистической партией Китая), у которых они учились, заимствовали методы агитационной деятельности и перенимали опыт политической борьбы.

Происходили изменения в афганской армии — многие из ее офицеров, проходя обучение в СССР и общаясь с советскими военными советниками на родине, подвергались влиянию идей марксизма-ленинизма. Менялся классовый состав офицества — он все больше рекрутировался из среды средних и мелких городских слоев, которые были в меньшей степени связаны с традиционными — племенными и сельскими слоями афганского общества и легче подвергались влиянию новых политических веяний. В экономическом плане страна в целом шла по прежнему курсу. Новые промышленные предприятия создавались с иностранной финансовой и технической помощью и оснащались иностранным оборудованием. Некоторую государственную поддержку получали национальные предприниматели. В городах ощутимо выросло число людей, связанных с новыми — капиталистическими укладами, получивших высшее и среднее (в том числе и техническое) образование. Некоторые из них прошли и проходили обучение за рубежом.

Стихийные выступления кабульских студентов в защиту своих политических и экономических прав — им и преподавателям была запрещена политическая деятельность, разногласия в правительстве по поводу темпов развития страны и целый ряд других политико-экономических факторов привели к нарастанию в стране поли-

тической нестабильности, что нашло отражение в невиданной ранее частоте смены правительств. За период с 1963 по 1973 гг. в стране сменилось пять кабинетов, возглавлявшихся премьер-министрами Мухаммад Юсуфом (1963 — 1965 гг.), Мухаммад Хашем Майвандвалем (1965 — 1967 гг.), Нур Ахмадом Эттемади (1967 — 1971 гг.), Абдул Захиром (1971 — 1972 гг.), Мусой Шафи-ком (1972 — 1973 гг.). В начале 70 гг. северные и центральные районы страны поразила затянувшаяся на два года засуха, приведшая к гибели от голода нескольких десятков тысяч людей (явление ранее небывалое для Афганистана) и даже беспорядкам в ряде провинций. Ощутимые признаки недовольства реформами стали проявлять афганские свяще-ннослужители, всегда игравшие большую роль в жизни страны, религиозно настроенные слои населения, активисты исламских группировок и партий, которые стали возникать на базе движения «Исламская молодежь» вожди некоторых пуштунских племен. Среди жителей Кабула медленно росла известность, но не популярность и влияние фракций, на которые распалась Народно-демократическая партия Афганистана. Правящий режим подвергался нападкам и со стороны левых и левацких партий и группировок. Постепенно начала падать популярность афганского короля и уменьшаться сакральность монархической власти. Из короля-реформатора, демократа, борца за интересы афганского в целом и пуштунского народа в частности он стал постепенно превращаться в правителя, игнорирующего исторические ценности страны, человека, вознамерившегося чисто механически перенести на афганскую почву реалии чуждого западного мира. Моральному облику короля, который считался защитником ислама и персоной непогрешимой немалый вред нанесла его многолетняя интимная связь с одной из дам из влиятельного религиозного клана Ги-лани. Двухэтажный дом, в котором проходили эти встречи, расположенный на границе кабульских кварталов «Карте-йи Парван» и «Карте-йи мамурин», стал своеобразным памятником той эпохи и потом, в течение длительного времени, вызывал интерес не только жителей города, но и всех приезжавших в Кабул. Помню, как мне показывали его в 1975 г. по прошествии почти трех лет после свержения короля, сообщая при этом всякие, в том числе и пикантные, подробности. Попытки короля выступать с позиций внутриафганского арбитра, «отца нации», человека, равноудаленного от соперничавших в стране и даже в королевском клане группировок и интересов, привели к потере им опоры даже среди элиты афганского общества, сильно ослабило основы монархического строя и послужило одной из причин государственного переворота 1973 г., возглавленного сильной личностью — кузеном короля, уже ранее бывшим в течение десяти лет премьер-министром страны, Мухаммадом Даудом, ликвидировавшего монархический строй в Афганистане.

Этот переворот и дальнейшие изменения в стране стали постепенно приоткрывать дверцу афганского «ящика Пандоры», приведшего к перевороту 1978 г., приходу к власти Народно — демократической партии Афганистана, попыткам механического копирования советского опыта в области преобразования общественно-политической и экономической жизни, началу затяжной гражданской войны, отягощенной присутствием советских войск, усилению «исламского фактора» во внутриафганском, региональном и мировом масштабе, новому витку холодной войны, содействовали крушению СССР и социалистических режимов в Европе, привели к власти в 1992 г. в Афганистане различные партии и движения исламской вооруженной оппозиции, ранее воевавших с советскими и афганскими правительственными войсками войсками, чье противоборство привело к развалу Афганистана, появлению

фундаменталистского движения «Талибан», вводу международных сил по поддержанию мира в Афганистане, возглавляемых США, превратило страну в основного производителя и поставщика наркотиков, дестабилизировало положение в соседнем Пакистане и усилило вероятность того, что называют столкновением «цивилизаций». И все это результат действия множества различных, в том числе внутриафганских факторов, среди которых важнейшим являлись и являются вопросы взаимодействия традиционного, племенного общества, а именно таким до сих пор в значительной степени остается афганское общество, с достижениями западной цивилизации, которые неоднократно пытались осуществить правящие круги этой страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бойко В. Советско-афганская военная экспедиция в Афганистан. — Азия и Африка сегодня., 2002, N 2.
2. Имомов Ш. История общественной жизни Афганистана во второй половине XIX — первой половине XX века. М. — Душанбе, 2001.
3. Канун-и асаси-йе даулат — и падшахи-йе Афганистан. Кабул, 1964.
4. Коргун В.Г. Афганистан в 20 — 30-е гг. XX в. М., 1979.
5. Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. М., 1983.
6. Коргун В.Г. Политика и политики. М., 1999.
7. «Сирадж ат-Таварих» («Светильник истории») — официальная история Афганистана, Файз Мухаммад Катэб, в трех томах, Кабуле в 1331 — 1333 гг. лунной хиджры — 1912 — 1915 гг.
8. Мир Гулам Мухаммад Губар «Афганистан дар масир-и тарих («Афганистан на пути истории»). Мешхед, 1998.
9. Низамнама-йе Асаси-йе Даулат-е Алиё-йе Афганистан (Основное положение Высокого государства Афганистан — конституция Афганистана), Кабул, 1923.
10. Тихонов Ю.Н. Афганская война III рейха. НКВД против албана. М., 2003.
11. Файз Мухаммад. Книга Упоминаний о мятеже. Пер. и комментарий Шкирандо А.И. М., 1989.
12. Baker Anne, Ivelaw — Chapman Sir Ronald. Wings over Kabul. The first airlift. London, 1975.
13. Barnett Rubin. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation and Collapse in International System. Yale University press. 1995
14. Burnes Alexander. Cabool: a personal narrative of a journey to and residence in that city, in the years 1836, 7 and 8. London, 1843.
15. Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies in Persia, Tartary, and India: comprising a view of the Afghaun nation and a history of the Dooranee monarchy. London, 1815.
16. Ewans Martin. Afghanistan. A short History of it's People and Politics. New — York. 2002.
17. From Brigand to King. Autobiography of Amir Habibullah, King of Afghanistan for nine troubled months. London. 1938.
18. Herrlich A. Land des Lichtes. Deutsche Kundfahrt zu unbekanntem Volkern in Hindukusch München. 1938.
19. Kamrany, Nake M., Peaceful Competition in Afghanistan: American and Soviet models for economic aid, Communication Service Corporation, Washington DC, 1969. System. Yale University press. 1995
20. Masson Ch. Narrative of various journeys in Bilochistan, Afghanistan and the Panjab including a residence in those countries from 1826 to 1838. Part I — III, London, 1842
21. Poullada Leon. Reforms and Rebellion in Afghanistan, 1919 — 1929. Cornell University press. 1973.
22. Sykes Persy. A History of Afghanistan. London. 1940. In two volumes.

Шер Али-хан эмир Афганистана, правил с 1863 по 1866 и с 1868 по 1878 гг. [www.afgh — hist.ucoz.ru](http://www.afgh-hist.ucoz.ru)

Эмир Афганистана Хабибулла-хан, правил с 1901 по 1919 гг. www.ru.wikipedia.org/wiki/Хабибулла-хан

Эмир Абдурахман-хан, правил Афганистаном с 1881 по 1901 гг. [http.afgh — hist.ucoz.ru](http://afgh-hist.ucoz.ru)

Эмир Аманулла-хан, правил с 1919 по 1929 гг. ru.wikipedia.org/wiki/Аманулла-хан

Эмир Хабибулла (Бачча-йи Сакао — сын водоноса) — в центре, правил в Кабуле в 1929 г. www.centralasia.ru

Мухаммад Надир-шах, правил в Афганистане с 1933 по 1973 гг. www.larc.sdsu.edu

Надир-шах, правил в Афганистане с 1929 по 1933 гг. www.comtopx.wikimedia.org

Мухаммад Дауд — премьер-министр Афганистана с 1953 по 1963 гг. (с 1973 по 1978 гг. президент Республики Афганистан) ru.wikipedia.org/wiki/Мухаммед_Дауд

Герасимов И.В.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (СМК) СУДАНА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (2000-2010 гг.)

Суданские масс медиа имеют довольно короткую историю даже по арабским меркам, тогда как их роль в последнее десятилетие существенно возросла. Следует отметить, что существовали определенные причины отставания в формировании суданской прессы: неравномерность развития регионов, привязка населения к определенному языку, колониальное правление, отсутствие типографской техники и подготовленных кадров. От ряда из перечисленных причин суданцам не удалось избавиться и до настоящего времени, но, тем не менее, некоторый позитивный экономический рост в последнее время в сочетании с элементами политического плюрализма дали определенный импульс для их большей динамики развития.

Юридической основой для регулирования отношений в суданских масс медиа до недавнего времени служило «Положение о публикациях и прессе» (Press and Publications Act) от 2004 г. В нем оговариваются возможные ограничения и контроль над средствами коммуникации со стороны исполнительной власти и президента. Согласно этому закону в стране создан Национальный совет по прессе (Press and Printed Press Materials National Council /National Press Council), имевший право выдачи лицензий, введения штрафов, приостановки выпуска изданий и вынесения решений посредством экзаменационных проверок относительно профессиональной пригодности журналистов. В 2009 г. был принят еще один законодательный акт, касавшийся прессы и масс медиа в целом — «Положение о прессе и публикации» (Press and Publication Act). Он несколько дополнил содержание ранее принятого акта в вопросах рассмотрения дел об обвинениях в адрес печатных СМК в специальном суде. Кроме этого в нем не содержалось изменений по существу. Однако надо учитывать, что действие законодательного акта не распространяется на Южный Судан.

Несмотря на предпринимаемые меры, направленные на демократизацию СМК, в Судане действует «Законодательный акт о криминальной процедуре» (Criminal Procedure Act), предоставляющий широчайшие полномочия губернаторам и властям в осуществлении полного контроля за собраниями и демонстрациями. Именно использование этого закона позволило силам безопасности арестовать политического «тяжеловеса» Хасана ат-Тураби в 2005г. (SUDAN FINAL REPORT Executive and Legislative Elections 11-15 April 2010 EUROPEAN UNION ELECTION OBSERVATION MISSION P.16 www.eucom.eu/files/pressreleases/.../final-report-eu-com-sudan-2010_en.pdf)

Органом, занимающимся вопросами деятельности масс медиа, является Национальный совет по прессе. В нем состоит двадцать один человек, из которых 12 представляют структуры, находящиеся под контролем правительства, из них 7 — назначаются президентом Судана, а 5 — делегированы Национальной Законодательной Ассамблеей, 7 остальных членов Совета выдвигаются печатными СМК. Этот Совет находится под опекой министерства по информации и коммуникациям и его бюджет частично контролируется правительством.

Непременным условием для журналиста, который хочет стать главным редактором издания, является возрастной ценз. Возраст не должен быть меньше 40 лет.

Стаж работы в масс медиа не менее 15 лет. Также обязательным является наличие университетского диплома.

Подготовка национальных кадров журналистов ведется в Судане с 1966г., когда в Омдурманском Исламском Университете на факультете искусств было открыто отделение массовой коммуникации. Поскольку это отделение создавалось египетскими специалистами в области масс медиа, то неудивительно, что система обучения на нем копировала египетскую, сложившуюся в Каирском университете. Затем это отделение расширилось и превратилось в факультет, включавший три отделения : журналистики, радио и телевидения и общественных связей. После провозглашения курса на совершенствование системы высшего образования, государство стало стимулировать создание высших учебных заведений. В некоторых из них создали отделения массовых коммуникаций. В настоящее время в стране действует 19 школ журналистики. 13 отделений организованы при факультетах. Наряду с ними созданы учреждения, которые имеют лицензии Национального Совета по прессе. Говоря о критических замечаниях, можно отметить, что многие отделения не обладают соответствующими качественными учебными программами, и польза от их деятельности ставится под сомнение. Серьезную проблему представляет отсутствие координации между ними.

Недостаточно организована подготовка по повышению квалификации. Суданским специалистам приходится обращаться к иностранным структурам, готовым оказывать помощь в организации стажировок и курсов, в частности BBC World Trust и Deutsche Welle.

Важное место, как это исторически сложилось в Судане, занимают профессиональные союзы и объединения, среди которых выделяются организации журналистов.

Суданский союз журналистов (Sudanese Union of Journalists), задачей которого является защита прав журналистов, состоит из 3000 членов. Наряду с этим в функции организации входит переподготовка работников масс медиа и повышение квалификации. В последние годы Союз журналистов занимается оказанием помощи молодым журналистам в подборе и строительстве жилья под очень небольшой процент.

Говоря об отношении этой организации с правительственными структурами, и судя по той лояльности, которая демонстрируется руководством, можно предполагать наличие тесной связи и контроля со стороны правительства. Как реакция на пассивное поведение Союза суданских журналистов в отстаивании прав членов организации перед властями, в мае 2007 г. в стране появилась альтернативная организация «Суданская группа солидарности журналистов» (Sudanese Solidarity Journalist Group). Непосредственным предлогом для ее появления была приостановка выхода газеты «ас-Судани» («Суданец») и последующее помещение в тюрьму ее главного редактора и издателя. Это движение послужило впервые в истории современной суданской журналистики уроком коллективного отстаивания собственных профессиональных и гражданских интересов. Фактически, у этой группы отсутствует формальная организационная база, нет и своего лидера и регистрации в официальных государственных органах.

В Судане в рамках журналистской деятельности постепенно складываются объединения по журналистским интересам, например журналистов, освещающих проблемы спорта, культуры или какой-либо другой сферы. Оформляется и приобретает

активность женская ассоциация журналисток, состоящая из работниц масс медиа и тех, кто были выпускницами журналистских отделений.

Рассматривая ситуацию на Юге Судана необходимо отметить, что там в 2005 г. также был создан Союз журналистов Южного Судана (Union of Journalists of Southern Sudan (UJOSS)). В него к 2007 г. входило всего 55 человек (International Media Support. November 2007. P. 27). Большинство из членов этого профессионального объединения работает за пределами города Джубы — столицы Южного Судана. Акцент в деятельности этого союза ставится прежде всего на создании условий для обеспечения профессионального роста сотрудников масс медиа. Создание условий для получения соответствующей зарплаты, безопасность работы пока менее актуальны, но также могут быть отнесены к числу приоритетных. Кроме того в 2003 г. на Юге страны организована Ассоциация по развитию масс медиа на Юге Судана (Association for Media Development in South Sudan (AMDISS)). Ее создателями являются менеджеры и редакторы южносуданских средств массовой коммуникации. Цель этой организации сводится к тому, чтобы содействовать развитию журналистики и обеспечить свободу выражения взглядов. До подписания мирных соглашений в 2005 г. организация действовала из-за границы, а с 2007 г. она открыла свой центр в городе Джуба.

Лицензии на издание могут приостанавливаться и изыматься. Со времени введения законодательного акта от 2004 г. выпуск целого ряда газет был приостановлен. В качестве примера можно привести несколько изданий. Газета «ас-Судани» («Суданец») приостановила выход на определенный период за публикацию сообщения, которое было крайне нежелательным для руководства страны. Обвинение в отношении газеты было выдвинуто из-за того, что главный редактор Махдзуб Урва пошел на то, чтобы опубликовать информацию о похищенном и обезглавленном в 2006 г. главном редакторе газеты «ал-Вифак» Мухаммаде Тахе Мухаммаде Ахмаде. Редактор «ас-Судани» оправдывался тем, что материал появился уже после передачи материалов в суд и никак не может повредить ведению расследования.

В феврале 2007 г. был приостановлен выпуск газеты «ал-Ватан» («Родина») за публикацию интервью с воинствующими религиозными деятелями. В сентябре 2006 г. был изъят весь тираж газеты «Рай аш-Шааб» («Мнение народа»). Согласно законодательным актам, посвященным прессе, запрещается свободное обращение иностранной прессы на территории Судана.

На парламентском уровне продолжается обсуждение проектов новых законодательных актов, касающихся печати, вносятся поправки, правда, незначительные к уже существующему и вступившему в силу законодательному акту.

Надо сказать, что Законодательная ассамблея на Юге Судана приняла более прогрессивный курс в сфере масс медиа. Например, в октябре 2007 г. на круглый стол у южан был вынесен вопрос «Суданский закон поведения и этики для журналистов и работников масс медиа». Четыре проекта были подготовлены и представлены министру информации — в тот период доктору Самсону Квадже. Они носили следующие красноречивые названия «Южно-суданская свобода информации», «Южно-суданская служба общественного вещания» и др.

О необходимости достижения свободы в области масс медиа на Юге Судана говорилось открыто и на разных уровнях, в том числе и на министерском. Бывший министр информации Южного Судана Габриэль Чангсон Чанг (Gabriel Changson Chang) заявил на выступлении в Джубе 15 января 2008 г.: «Министерство действует для того, чтобы создать законные рамки, в которых все медиа могут процветать

и предоставлять гражданам информацию посредством организации общественных институтов, которые гарантируют доступ к качественной информации» (www.gurtong.org/.../Speech%20of%20the%20Minister%20of%20Information%20and).

Южносуданский министр также поделился своими планами, заявив: «Наше министерство занято подготовкой законопроектов, которые будут способствовать развитию независимого, плюралистичного вещательного сектора в интересах общества. Один из этих законопроектов будет учреждать Независимое Вещательное Руководство. Это Независимое Вещательное Руководство (НВР) будет использовать власть для планирования и управления частотами радио и телевидения, независимыми от влияния правительства. НВР также учредит кодекс профессиональной деятельности для работников вещания, которые трудятся на территории Южного Судана. НВР станет центральным учреждением, которое обеспечит рост сектора электронных масс медиа, а также ведение программ на языках, понятных для местной аудитории по Десяти Штатам». (www.gurtong.org/.../Speech%20of%20the%20Minister%20of%20Information%20and)

Такого рода выступления стимулировали работников молодого госаппарата к выпуску законодательного акта по прессе, который бы регламентировал их деятельность и создавал необходимые условия для поступательного развития. Проект этого и других законов обсуждались в обществе. В конце 2009 г. года отдельные работники и владельцы средств коммуникации с Юга выступили против готовящегося документа, что ставило под сомнение его окончательную редакцию и даже само появление. На уровне официальных властей это вызвало явное недовольство. В этой связи 1 января 2010 г. прозвучало выступление очередного министра информации Южного Судана Паула Майума Акечо с критикой тех, кто из временных политических соображений препятствовал Биллю (законодательному акту, касающемуся прессы, (sudantribune.com/spip.php?article33646).

В августе 2009 г. Совет министров Южного Судана принял ряд ранее обсуждавшихся проектов. Среди них огромное значение имеет законопроект о власти в сфере масс медиа, согласно которому средства информации должны стать независимыми, а граждане получить доступ к информации. Очень важным стало положение о создании Южносуданской вещательной корпорации SSBC (Broadcasting Corporation of Southern Sudan). Тем не менее, южносуданские газетные издания контролируются Правительством национального единства (Government of National Unity — GNU), независимо от того, выпускаются ли они в Хартуме или за рубежом. Несмотря на то, что SPLM (Sudan People's Liberation Movement) является лидирующей политической силой в Правительстве Южного Судана, она не имеет в своей собственности газет, журналов, вещательных станций. До своей гибели в 2005 г. в авиакатастрофе Джон Гаранг планировал создать постоянный печатный орган для этого движения, однако, это так и не было осуществлено.

Принятое в июне 2009 г. Национальной Законодательной Ассамблей Судана «Положение по прессе и публикации» готовило почву для грядущих политических перемен, связанных с выборами 2010 г. и всеобщим референдумом 2011 г. Одним из слабых мест этого закона, в контексте будущих задач СМК страны было то, что в нем не был обозначен механизм информирования властями провинций — журналистов. За это и другие недоработанные положения, закон неоднократно подвергался критике.

Несмотря на принимаемые законы силы национальной безопасности используют свои возможности влиять и контролировать прессу. Особенно внимательно ими

отслеживается информация о «горячих точках», в частности, о Дарфуре, а также о ключевых политических фигурах.

Показателем активизации суданской информационной жизни служит деятельность информационных агентств. Официальное информационное агентство СУНА (Sudan News Agency), практически, полностью контролируется министерством информации. Руководящее бюро агентства состоит из 7 человек, которых назначают министр информации и министр финансов. У агентства не было своего представительства на Юге, но по условиям переговоров, проведенных двумя министрами информации северных и южных районов в мае 2007 г., его открытие остается лишь делом времени. Кроме того, на Юге завершается подготовка к созданию собственного Агентства новостей для Юга Судана (News Agency for Southern Sudan (NASS)). В принципе уже назначен и генеральный директор этого нового учреждения — Мойга Корокота Ндуру. Планируется, что власти не смогут напрямую влиять на деятельность этого органа. И северное и южное агентство должны будут вступить в кооперацию, и северное сможет взять на себя задачу по профессиональному обучению кадров сотрудников для южан. Агентство новостей Юга получает возможность открыть свои офисы в десяти штатах.

Электронные СМИ, которые представлены телевидением и радио, находятся под контролем правительства и действуют при его полном финансировании. В Хартуме, правда, имеется кабельное телевидение, которое находится в долевом владении: с одной стороны — правительство, с другой — частные инвесторы. Это — безусловно, совершенно новое явление для страны.

Помимо кабельного телевидения в Хартуме и на Юге страны действуют частные неправительственные радиостанции диапазона FM. В Хартуме имеются иностранные вещательные службы, такие как BBC и Radio Monte Carlo. На Юге Судана контроль правительства над радио менее ощутим, тем не менее, правительство штата Бахр ал-Газал в июле 2006 г. закрыло радиостанцию Liberty FM. Власти заявили, что радиостанция работала без лицензии, хотя правительство Юга Судана внимательно следит за выдачей лицензий.

В Судане действует два правительственных телеканала: Национальный канал National Channel (Sudan TV) и канал Голубой Нил (Blue Nile Channel), которые посредством спутниковой антенны можно смотреть по всей стране. Частным суданским ТВ станциям разрешено вещать из-за рубежа. Три станции передают из Media City в Каире и еще две готовы к вещанию из Объединенных Арабских Эмиратов. Южно-суданское радио и телевидение вещают по 9 часов в день. Среди предлагаемых вниманию аудитории программ попадают местные и зарубежные, взятые, например, из CNN и BBC. Один час в день канал передает правительственные новости, причем вещание осуществляется на английском, классическом арабском и диалекте города Джуба.

Пожалуй, наиболее изменившимися со времени переворота 1989 г., выглядят печатные СМИ.

По данным наблюдателей из Евросоюза, освещавших выборы 2010 г. в стране выпускается 47 газет на арабском языке и 5 на английском (http://www.eucom.eu/files/pressreleases/.../final-report-eu-eom-sudan-2010_en.pdf P.29).

На севере по популярности лидируют «ал-Айам» («Дни»), «ас-Сахафа» («Пресса») и «ас-Судани» («Суданец»), тогда как на Юге «The Citizen» и «Juba Post». Следует сказать, что в столице Южного Судана, городе Джуба, издательские дома отсутствуют и издания печатаются за рубежом — в Уганде, Кении,

что существенно осложняет доставку. Рейтинг читаемости периодики и прессы можно оценить как невысокий. Отношение к прессе складывается из нескольких факторов, в числе которых то, что стоимость одного газетного экземпляра достаточно большая — 1 суданский динар, и его покупают вскладчину. Один обеспеченный человек, покупая издание, передает его после прочтения 4-5 лицам. На улицах городов существует практика продажи за незначительную плату права прочитать интересный материал, в основном, с первой полосы «свежего» номера. И последнее — в связи с ростом интернет-услуг, многие стали предпочитать «смотреть» газету в режиме «он-лайн». Необходимо отметить, что число подписчиков увеличилось с 50 тыс. в 2001г. до 500 тыс. в 2005г. Интернет-кафе стало в два раза больше за тот же период. Пользователи Интернет проживают в своем подавляющем большинстве в Хартуме. Одним из наиболее посещаемых сайтов является Sudan.net, содержащий текущие новости на английском языке и дискуссионные форумы на арабском. Наиболее авторитетным является, как считают, сайт Sudantribune.com на английском языке. Это некоммерческий сайт, базирующийся во Франции. Сайт под названием Sudaneseonline.com также входит в тройку самых популярных в Судане. Suna website, Sudanvision.com, SMC (Sudanese media center) считаются наиболее значительными проправительственными сайтами.

Из 47 арабоязычных изданий, по меньшей мере, 17 — ежедневные политические издания, только 7 из них считаются политически не ангажированными.

Помимо ежедневных изданий выпускаются два политических еженедельных газетных издания: «ал-Майдан» («Форум») и англоязычное издание «Джуба Пост» («Juba Post»). Палитра изданий включает также 5 англоязычных изданий, 2 экономических газеты, 7 спортивных ежедневных изданий и 10 общественно-популярных изданий.

По политической направленности периодические издания можно условно разделить на несколько групп. Самая значительная по численности представленных изданий это группа изданий имеющих связи с Партией национального конгресса (National Congress Party –NCP). Это следующие газеты: «Ахбар ал-йум» («Новости дня»), «ар-Рай ал-ам» («Общественное мнение»), «Ахир лахза» («В последний момент»), «ал-Интибаха» («Внимание»). Все они выходили на арабском языке. К ним также относится газета на английском «The Sudan Vision».

Вторая довольно значительная группа изданий пытается проводить независимую линию. В то же время на полосах указанных газетных изданий появляются материалы, умеренные по своему характеру и в целом позитивно освещающие линию Партии национального конгресса. Эти издания пытаются дистанцироваться от каких-либо заявлений политического характера и держатся вдали от политических партий, сохраняя приверженность профессионализму и объективности. К этой группе принадлежат «ас-Сахафа» («Пресса»), «ал-Айам» («Дни»), «ас-Судани» («Суданец»), «ал-Ахдас» («События»).

В Судане существует немногочисленная категория газет, поддерживающих мало влиятельные политические партии. В частности, «ал-Майдан» («Форум») (Коммунистическая партия Судана), «Алуан» («Краски»), «Рай аш-шааб» («Мнение народа»). Две последние газеты принадлежат Партии народного конгресса.

Несколько изданий поддерживает SPLM и критикует действия Партии национального конгресса (National Congress Party — NCP). К ним относятся «Аджрас

ал-хуррийа» («Колокола свободы») на арабском языке, «Khartoum Monitor» и «The Citizen». Главные редакторы этих изданий Альфред Табан и Нхиал Бол очень близки к SPLM.

Говоря о ситуации с издательскими домами и издательствами, можно отметить, что большинство периодических изданий выпускается в Хартуме. В других районах пресса, как таковая, отсутствует. В Южном Судане имеется издательство Nile Printing Press, созданное при содействии организации Norwegian Church Aid (NCA) в начале 1970 х гг. Надо признать, что оно бездействовало в течение ряда лет. В связи с этим неудивительно, что южносуданские издания также выходят за пределы Судана, что, конечно, приводит к подъему цены и снижает возможности по распространению.

Характеристика периодических изданий в Судане требует неперменной политической оценки, и где будет возможно, такие сведения будут приведены. Применительно к текущему историческому этапу, когда прошли очень важные для определения всего последующего развития страны выборы, особое значение придавалось журналистике на арабском языке. Для этого есть свое объяснение. Во-первых, арабским литературным языком наиболее хорошо владеют жители крупного города Хартума, где расположена существенная часть электората. Они наиболее активны и имеют хорошо сформировавшиеся позиции относительно внутренней суданской политики. Во-вторых, даже многие суданцы — выходцы с Юга, несмотря на очевидную лояльность SPLM владели арабским языком и также получали информацию из суданской арабоязычной публицистики. Поэтому с точки зрения влияния на общество арабская журналистика играла более важную роль в борьбе за умы и за голоса избирателей.

Периодические печатные издания можно разделить не только по политическим пристрастиям, но и по истории появления, профессионализму. Исторически все существующие издания условно делятся на основанные в период, предшествовавший перевороту 1989 г. и те, которые возникли в течение последних двух десятилетий и завоевали популярность в определенных кругах.

Газета «Ахбар ал-йаум» («Новости дня») была основана в 1994 г. и многие считают ее проправительственной. Профессионализм работников снижал уважение и интерес к ней со стороны аудитории. Главный редактор издания Ахмад ат-Тайиб ал-Балал. Он имеет широкие связи с политиками близкими к Партии национального конгресса (НCP). Помимо газеты он является собственником компании по печати и распространению, которая занята поставками более чем 35тыс. экземпляров газеты «Ахбар ал-йаум» в различные суданские регионы.

«Ахир лахза» («В последний момент») — одна из самых молодых суданских ежедневных газет. Ее основали в 2005 г. с использованием современной системы организации газет. В настоящее время в ней работают более 40 журналистов, включая корреспондентов из регионов таких как Дарфур. Эта газета имеет крепкие связи с руководством НCP. Это преимущественно политическая газета, которая фокусирует внимание на проблемах молодежи и вопросах культурной жизни. Главным редактором является Мустафа Абу ал-Азаим. По мнению ал-Хинди Изз ад-Дина заместителя главного редактора «Ахир лахза» занимает первое место в Судане по количеству тиража. Более 45 тыс. экземпляров ежедневно направляются в разные регионы страны.

Традиционным участником процесса информирования Судана на протяжении уже ряда десятилетий остается основанная в 1954 г. газета «ар-Рай ал-ам» («Обще-

ственное мнение») Исмаилом ал-Атабани, который и сейчас является ее владельцем. Ранее он был активным и влиятельным членом Национального исламского фронта и доверенным лицом вице-президента Али Османа Мухаммада Таха. Газета популярна, но имеет небольшой тираж всего около 20 тыс. экземпляров в день. Опытный журналист Камал Хасан Бахит, находящийся в дружеских отношениях с президентом Омаром ал-Баширом, возглавляет редакцию.

Самой молодой газетой является образованная в 2007 г. «ал-Ахдас» («События») ее владельцами были Адил ал-Баз и ат-Тайиб Хадж Атиййа, занявшие соответственно посты главного редактора и председателя администрации. Издание заявляет о себе, как о независимом. Тираж издания примерно 6 тыс. экземпляров, которые распространяются в основном в Хартуме. В газете слабое финансирование и мало рекламы. Финансовые причины не позволяют изданию быть на одном уровне с «ас-Судани» («Суданец») или «ас-Сахафа» («Пресса»).

«Ал-Айам» («Дни») считается независимой газетой и существует с 1953 г., когда ее основали 4 друзей Башир Мухаммад Саид, Махджуб Осман, Амин Мухаммад Саид и Махджуб Мухаммад Салих. В настоящее время редакцию возглавляет Идрис Хасан. Ее тираж незначителен и составляет всего 20 тыс. экземпляров. Газету неоднократно закрывали из-за противоречий со службами безопасности. Главный редактор бывал арестован. После нескольких остановок и закрытий газета возобновила выход 10 февраля 2000 г.

Газета «ас-Сахафа» («Пресса») увидела свет в 2003 г. в результате слияния трех газет «ал-Хуррийа» («Свобода»), «ас-Сахафи ад-дували» («Журналист-международник») и «ас-Сахафа». В газете создана современная система организации редакции и в ней работают профессиональные журналисты. Главным редактором является Нур Ахмад Нур, тираж составляет 29 тыс. экземпляров. Газета позиционирует себя как независимую.

«Ас-Судани» («Суданец») была основана Махджубом Урва, который исполняет функции главного редактора и владельца компании по распространению. В этом издании наибольшее число журналистов примерно 70, включая корреспондентов с мест.

Газета «ал-Интабаха» («Внимание») возникла в 2006 г. и заявила о себе, как об «органе спокойного большинства». Ею владел со времени основания ат-Тайиб Мустафа, известный в кругах суданской общественности как родственник президента Омара ал-Башира и активный член Национального исламского фронта и NCP. Газета заявляет о себе как о независимой, но при определенных обстоятельствах выглядит проправительственной. Главным редактором является ас-Садик ар-Ризайки. Об этой газете в последнее время часто говорят, как об органе недавно зарегистрированной партии Just Peace Party. Газета полностью поддерживает раздел Судана.

Газета «Аджрас ал-хуррийа» («Зов свободы») относится к группе «юных» газетных изданий, поскольку она появилась только в апреле 2008 г. В подготовке материалов для нее участвуют независимые журналисты с Юга и с Севера страны различных политических ориентаций. Сбалансированность курса газеты привлекает к ней внимание общественности, делая ее популярной. Несмотря на то, что она называется «независимой» прослеживается близость к SPLM. Спустя четыре месяца после основания тираж составил более 21 тыс. экземпляров, которые распространяются по стране. 16 тыс. экземпляров приходится на Хартум.

«Ал-Хартум» («Хартум») выпускается с 1988 г. и основана ал-Бакиром Абдаллахом, который в настоящее время является генеральным директором газеты и активным членом Демократической юнионистской партии (Democratic Unionist Party – DUP). Это оппозиционная партия. Главный редактор издания Фадлаллах Мухаммад. В целом, несмотря на декларирование своей независимой линии, газета может считаться проправительственной.

«Аш-Шариа ас-сийаси» («Политическая газета «Улица») — ежедневная газета, основанная в 1997 г. Мухаммадом Ахмадом Карраром, который и остается ее главным редактором. Он известен как член Национального исламского фронта (National Islamic Front — NIF). Его брат, Салах ад-Дин Каррар, был членом Совета Революционного Руководства в 1989-1996 гг. Тираж издания составляет около 8 тыс. экземпляров, газету многие считают проправительственной.

«Рай аш-шааб» («Мнение народа») была создана в 2000 г. и считалась органом партии Народный национальный конгресс Popular National Congress (PNC). Главный редактор Йасин Омар ал-Имам. Он является также помощником Генерального секретаря Народного национального конгресса. Летом 2000 г., когда президент страны Омар ал-Башир отстранял главу Национального исламского фронта Хасана ат-Тураби от ряда занимаемых им постов в руководстве страной, это издание, как отмечал американский исследователь Роберт О. Коллинс «продолжало публиковать политические призывы, осуждающие Омара ал-Башира и его правительство» (Collins, p. 227). Таким образом, газета заявила о себе, как об органе созданной Хасаном ат-Тураби организации (PNC). Статьи, помещаемые в газете, с этого времени были направлены против правительства и против NCP.

Газета «Алуан» («Краски»), созданная в 1984 г. Хусайном Худжли, (который и в настоящее время возглавляет ее редакцию), известна как газета близкая к организации Народный Национальный Конгресс (PNC). Эту политическую партию в 2000 г. основал главный идеолог исламских радикалов Хасан ат-Тураби, создавший ранее в Судане Национальный исламский фронт (NIF). Тираж издания составляет 16 тыс. экземпляров. На страницах часто помещаются материалы с критикой NCP.

«Ал-Ватан» («Отчизна») существует с 1987 г. ее основателем и главным редактором остается Сейид Ахмад ал-Халифа. После закрытия издания в 2002 г. службами безопасности уже два года спустя в июне 2004 г., она возобновила выход. Однако с 2004 г. в ней публикуются в основном проправительственные материалы. Тираж составляет 6 тыс. экземпляров.

«Ал-Вифак» («Согласие») основана в 1997г. Мухаммадом Тахой Мухаммадом Ахмадом. Издание считается проправительственным и его тираж составляет примерно 14 тыс. экземпляров. На должности главного редактора в настоящее время находится Исхак Мухаммад Фадлаллах. 6 сентября 2006г. главный редактор Мухаммад Таха Мухаммад Ахмад был убит исламскими радикалами, давно угрожавшими несговорчивому журналисту. Это вызвало недовольство в стране. Считается, что посредством материалов этого издания Али Осман Мухаммад Таха вице — президент страны, а в прошлом — бывший соратник Хасана ат-Тураби ведет с ним борьбу.

Близкой к правительственным кругам можно считать газету «ал-Хайат» («Жизнь»). Ее финансируют через близкие к правительству частные компании, министерство торговли и министерство по инвестициям. Главный редактор связан с вице-президентом Али Османом Тахой и министром сельского хозяйства Маджзубом ал-Халифой.

За последнее десятилетие в Судане наблюдается рост англоязычных изданий, среди которых следует отметить следующие:

«Khartoum Monitor» («Хартумский обозреватель»). Эта газета была основана в 2001 г. Альфредом Табаном, который в настоящее время сохраняет за собой пост главного редактора. Почти 3,5 тыс. экземпляров ежедневно распространяются в стране, делая газету самой влиятельной из тех, которые выходят на английском языке. Хотя газета считается газетой южан, она в отличие от другой южносуданской газеты «The Citizen» («Гражданин») старается публиковать материалы, демонстрирующие сбалансированный и взвешенный подход к освещению проблем страны, который лишен политического экстремизма и получает позитивный отклик, как на Севере, так и на Юге страны.

«Sudan Tribune» («Суданская трибуна») была основана в 2006 г. и ее редакцию возглавляет Уильям Иезикиль. Ее считают «независимой», но наблюдается смещение акцентов и количественный перевес материалов в пользу Юга. Газету отличает критический настрой относительно правительства Юга Судана и NCP.

«The Citizen» («Гражданин») была основана в 2006 г. и ее возглавляет Нхиол Бол. Газета заявляет о себе, как о независимой. Между тем, ее материалы фокусируются, главным образом, на проблемах Юга. В ней помещается критика правительств на Юге и на Севере.

Газету «Sudan Vision» («Взгляд из Судана») считают проправительственным ежедневным изданием, она регулярно публикует материалы о Юге Судана. В ней также помещается две полосы на французском языке. Политика газеты выглядит в целом умеренной и в ней позитивно освещается курс северян. В каком-то смысле она должна сделать образ правительства и предпринимаемых им шагов более привлекательными для англоязычной читательской аудитории. Это относится как к политическим, так и к социальным и экономическим акциям. Главным редактором является Сайф ад-Дин ал-Башир.

Наряду с ежедневными изданиями в Судане выпускается несколько еженедельников. Из них на арабском языке выходит «Иилаф» («Согласие»), представляющее собой проправительственное издание, освещающее проблемы экономики и новости бизнеса.

Из выходящих на английском языке еженедельников, это, прежде всего, «The Juba Post» («Почта города Джуба»), созданный в 2004 г. Он распространяется в Джубе тиражом в 1500 экземпляров. В Хартуме, где располагается его центральный офис и находится главный редактор, выпускается всего 500 экземпляров в неделю. В нем содержится информация о событиях в Джубе и прилегающих районах и он считается независимым. Финансируется UNDP и Norwegian Church. Главный редактор в Хартуме Чарльз Лугания, а редактор в Джубе Болен Каймо.

Газета «Sudan Mirror» («Зеркало Судана»), выходящая дважды в неделю, представляет собой еще одно англоязычное издание. Оно концентрирует внимание читательской аудитории на освещении проблем Юга Судана. Издается в Кении. Главный редактор Митч Одеро.

Из ежемесячных журнальных изданий известным является лишь «Sudan Now» («Современный Судан»). Главный редактор — ас-Сирр Хасан Фадл. Журнал выходит с 1974 г. Примерно 3 тыс. экземпляров распространяется под эгидой суданского информационного агентства СУНА, являющегося официальным правительственным информационным агентством. К ежемесячным журнальным изданиям можно отнести также «Insight» («Внутри»), выходящий в соседней Уганде.

В последние годы Судан столкнулся с таким явлением, как электронные газеты. Примером этому может служить «The Sudan Tribune» («Суданская трибуна»). Это некоммерческий сайт, своими материалами пропагандирующий мирные переговоры. Этот сайт базируется во Франции.

Непременным средством информирования населения в Судане стало радио. По оценкам отечественных и западных экспертов оно для суданских условий имеет первостепенную важность.

Государственное «Радио Омдурман» и Государственное Телевидение были в 2002 г. преобразованы в Суданскую теле-радио корпорацию (Sudan Radio and Television Corporation (SRTC)). Совет директоров корпорации назначается министром информации. Во главе до недавнего времени стоял Амин Хасан Омар. Все программы тщательно контролируются правительственными структурами. Подача политических новостей осуществляется в сугубо проправительственном ключе. В музыкальных, спортивных и культурных программах вносится творческий и даже новаторский элемент и поэтому эти программы пользуются популярностью у населения. Вещание, как правило, ведется на арабском языке, но в последнее время создаются программы на европейских языках. Региональное вещание началось в Судане в 1980-е гг. с появлением там станций. В настоящее время такие станции имеются в 18 из 26 провинций, которые транслируют программы основной станции в Хартуме и создают собственные.

В связи с этим необходимо указать известные в стране радиостанции, которые условно можно разделить на два типа: государственные и частные.

Государственные радиостанции:

Sudan Radio and Television Corporation (SRTC) располагается в Хартуме и находится под непосредственным контролем правительства. Ее возглавляет Амин Хасан Омар.

Southern Sudan Radio & TV расположено в городе Джуба и контролируется правительством Южного Судана. Пост генерального директора занимает Ароп Багат Тинглот.

Частные радиостанции:

Radio Al-Rabaa (Radio 4). Владелец станции — гражданин Объединенных Арабских Эмиратов Абд ар-Рахим Мурад. Директор Ан-Наил ал-Мариод. Канал носит развлекательный характер и помещает деловую информацию.

Al-Riadia FM 104 (sport). Директор станции Йусуф ас-Саммани. Канал транслирует развлекательные программы, деловую и спортивную информацию.

Khartoum FM 97 (economic). Директор канала Ибрахим Абд ар-Рахим Хамди. Транслируются экономические новости.

Mango FM 96. Владелец канала является Mango Multimedia Company, зарегистрированная в Судане и в Дубае (ОАЭ). Директор Захир Тадж ад-Дин.

Taiba (religious) представляет собой религиозный канал. Канал основали представители исламистских кругов.

Относительно южносуданских частных каналов достаточной информации найти не удалось, поэтому можно ограничиться их перечислением.

Bakhita FM (Джуба), Capital FM (Джуба), Catholic FM (Ямбио), Liberty FM (Джуба и Йей), Mango FM (Джуба), Miraya FM (Радио ООН, Джуба), Ngun Kata religious FM (религиозная станция) Кайа Rumbek FM (Румбек), Warrap FM (Уаррап).

Существует целый ряд радиостанций, вещающих на коротких волнах и FM:

BBC World Service Trust. Базируется в Дарфуре, начала вещание в январе 2006 г. Эта радиостанция предоставляет самую насущную информацию для жителей Дарфура. Вещание осуществляется 30 мин. утром и столько же вечером.

Miraya Sudan начала вещание в октябре 2007 г. Три часа вещания в день: новости и текущие дела. Поскольку эта станция финансируется ООН, она может рассматриваться как самая хорошо оснащенная станция, действующая с большей свободой чем другие. С марта 2010 г. она смогла охватить вещанием территорию всей страны.

Sudan Radio Service. Вещание ведется из Найроби. Основана в июле 2003 г. Действует на коротких волнах и на 10 языках. Фокусирует внимание на вопросах мира и развития.

Телевизионные каналы следующие:

Al-Shorouq TV ведет вещание из ал-Фуджайры (ОАЭ). Владелец: Al-Fidaa Foundation for Media Production. Глава канала: Джамал ал-Уали. Новости предназначены для суданской аудитории внутри и за пределами Судана. Генеральный директор: Махмуд Абд ал-Хади.

Gutof TV Channel. Суданский экономический канал, ведущий программы из Каира (Cairo Media City)

Harmony TV — суданский канал, вещающий из Каира. Офис в Хартуме записывает все программы, которые затем пересылаются в Каир для вещания. Владельцы: компания «Суданские фильмы и драма». Директор: Муатасим ал-Джейли (египетский партнер). Тематика развлекательная и деловая.

Религиозный канал «Sahog TV Channel». Владелец: Al-Mabarra Charity Organization. Через этот канал в эфире появляются программы религиозного содержания, восхваляющие жизнь пророка Мухаммада. Этот канал владеет также радиостанцией «ал-Каусар».

Zoal TV — канал, который осуществляет вещание из ОАЭ. Владельцы: группа суданских бизнесменов.

Веб –сайты, которые указаны далее позволяют суданцам следить за самой свежей информацией, поступающей из Судана:

Africa News Online

Washington Post Sudan News

BBC Africa News

BBC Arabic News

Reuters News Wires

AFP News Wires

AP News Wires

CNN World News

Al-Jazeera English News Online

Al-Jazeera Arabic News Online

Al-Sharq-al-Awsat Online, in Arabic.

France24 Online, in English, French, Arabic

Radio France International Online, in various languages

Нынешнее состояние индустрии масс медиа определяет не только рост численных показателей для электронных и печатных изданий, но и увеличение спроса на профессионалов-журналистов. Если в период до 2000 г. суданцы предпочитали обучаться в заграничных учебных заведениях, то сейчас большее внимание уделяется подготовке внутри страны.

Содержательное наполнение газет за последнее десятилетие было разноплановым и зависело от конкретных задач. Период начала 2000-х гг. был отмечен значительным числом публикаций, в которых отражена нестабильность страны, во многих материалах давалась характеристика вооруженным столкновениям, увеличившимся случаям насилия. В то же время в них содержались призывы к миру и решению проблем посредством диалога

В качестве примера рассмотрим газету «Ахбар ал-йаум» («Новости дня»), считающуюся близкой к официальной, то есть публикующую официальную правительственную информацию. Номер издания за 26 сентября 2000 г. наполнен блоком зарубежной информации, касающейся столкновений между суданцами, ливийцами и представителями Чада, происшедших к западу от ливийской столицы Триполи. В редакционной колонке «Наше слово» выражается сожаление по поводу этой братоубийственной стычки, и содержатся призывы к миру.

Не только политические новости привлекают внимание читателей. В этом же номере в рубрике «Тайны и новости» рассказывается о судебном разбирательстве по поводу гибели главного редактора другой суданской газеты «ал-Вифак» («Согласие») Мухаммада Таха Мухаммада Ахмада. Происшествие имело серьезные политические последствия для всей страны. Несмотря на то, что события, описываемые в материале, произошли почти за три недели до выхода публикации, они рассматривались в Судане, как месть несговорчивому редактору со стороны мусульманских радикалов. В заметке, расположенной под этой публикацией содержится информация о скором возобновлении выпуска газеты «ал-Вифак».

В том же номере издания много рекламных объявлений, выполненных в цвете. Это прежде всего приглашение на учебу в Университет Джубы и Университет «ал-Джазира».

В номере от 8 января 2001 г. Журналист Абд ал-Кауи Хамид взял интервью у одного из лидеров Партии национального конгресса Рабиа Хасана Ахмада. Материал озаглавлен следующим образом: «Господин Рабиа Хасан Ахмад, исламский лидер в правящей Партии национальный конгресс, в открытом интервью для газеты «Ахбар ал-йаум». «Избрание президента ал-Башира поддержано людьми. Перед ним открыты прекрасные возможности для создания демократического строя».

На той же полосе газеты и в том же номере статья Асима ал-Билала ат-Тайиба «Звон со всех сторон земли». Этот материал носит панегирический прославляющий Али ал-Миргани характер. Он написан в традициях возвыления героев в прозе с элементами даже суфийских мотивов, что неудивительно, если учесть, что семья ал-Миргани, стоявшая у истоков создания братства хатмийа, особо почитается в Судане.

Пятая полоса газеты «Ахбар ал-йаум» за 10 января 2001 г. анализирует с критических позиций недостатки государственной политики относительно окружающей природы и некоторых социальных традиций, которые могут нанести человеку вред.

Мухаммад Мабрук Мухаммад Ахмад в рубрике «Чтобы не забыть» рассуждает о вреде для здоровья, который наносит человеку использование краски для волос, а также курение. Следующий материал, подготовленный этим журналистом и помещенный на той же полосе, называется «Ахбар ал-йаум» в суданском обществе выступает в защиту жизни на суше. Судан — единственное государство в мире, в котором нет зоопарка». В нем рассказывается об обществе, которое было создано в Судане в 2000 г. для сохранения животных и растений. Оно является добровольным.

В номере «Ахбар ал-йаум» от 17 января 2001 г. на первой полосе содержится небольшой материал в уже упоминавшейся рубрике «Наше слово» о командировании газетой одного из журналистов газеты и фотографа в город Кадуглы на Юг Кордофана, где они на месте освещали возвращение нескольких тысяч повстанцев в основном из Джабал ан-Нуба к мирной жизни и отказ от дальнейшей эскалации военного конфликта. Вторая полоса отводится для материалов, связанных с международной жизнью, а третья вновь возвращает читателей к внутрисуданским вопросам.

В рубрике «Разговор о политике» автор Джамал Анкара рассуждает о положительной роли Омара ал-Башира в сложившейся в Судане ситуации. Статья имеет название «ал-Башир — единственный, кто обладает способностями и несет ответственность за то, как пройти через испытания, в которых пребывает суданский народ».

В рубрике «Издалика и вблизи» на той же третьей полосе пишет известный суданский публицист Махмуд Абу ал-Азаим. В материале затрагиваются вопросы, связанные с бывшим президентом Судана Джафаром Нимейри. Материал написан в виде репортажа с включенными оценками автора статьи.

На четвертой полосе содержатся объявления о банковской деятельности и повестки в суд, обращенные определенным лицам.

Пятая полоса отводится под сведения о природе и окружающем мире. На ней помещены материалы Мухаммада Мабрука Мухаммада Ахмада, в частности, один из них назван «Гуммиарабик». В нем говорится о возможностях его использования в доме.

Среди авторов материалов можно указать имена следующих публицистов: Садик Абдаллах Абд ал-Маджид — традиционно близкий к исламистским кругам, автор опубликованных на полосах издания мусульманских проповедей, Исмаил ал-Хадж Муса, Муса Йакуб.

Номер газеты от 29 сентября 2000 г. открывается информацией о возобновлении мирных переговоров по Судану на территории Кении. Информация помещена в рубрике «Новости дня». На той же первой полосе в рубрике «Тайны и новости» заметка, в которой представитель генерального штаба генерал Мухаммад Осман Йас сообщает о готовности армии отразить нападения повстанцев, целью атаки которых являются города Торит, Маква и Кийала.

На последней полосе издания материалы Садика Абдаллаха Абд ал-Маджида, писавшего на моралистические и теологические темы и Мухаммада ал-Амина ал-Габшауи. Этот автор пишет о религиозных праздниках и о посещениях во время торжеств суфийских братств.

На той же последней полосе материал Ахмада ал-Билала ат-Тайиба редактора издания о встрече с временным поверенным в делах республики Афганистан.

На четвертой полосе материал Джамала Анкары об египетском эмире Омаре Тусуне, который выступал против отделения Египта от Судана.

В номере есть также материалы Махмуда Абу ал-Азаима и Салаха Омара аш-Шейха.

Другим изданием, которое даст возможность проследить характер освещения событий в начале 2000-х гг. является газета «Алуан» («Краски»).

На первой полосе номера издания «Алуан» от 14 января 2001 г. содержатся небольшие заметки, которые не имеют, как это часто бывает в арабских ежедневных изданиях продолжения на последующих полосах. Внимание привлекает расширен-

ная информационная заметка «Накдаллах возвращается сегодня из Найроби, неся с собой мнение Гаранга по поводу партии». Данный материал освещает вопросы контактов, которые в тот период активно вела партия «ал-Умма» с Джоном Гарангом с целью укрепления отношений и поиска возможностей для совместной координации политики.

На третьей полосе номера в рубрике «Между днем вчерашним и сегодняшним» опубликована очень интересная статья профессора Ахмада Ибрахима Дийаба «Народная суданская поговорка», где с привлечением исследований по филологии, поговорок и иносказаний делаются намеки относительно некоторых политических явлений. На той же полосе содержится расписание экзаменов, которые необходимо сдавать для получения суданского аттестата. Это сделано заранее, поскольку сами экзамены пройдут только в апреле.

На пятой полосе помещены статьи в колонках, авторами которых являются такие журналисты, как Абд ар-Рахман Ахмадун и Ахмад Камал ад-Дин. На седьмой полосе издания интересное интервью с Али ал-Хаджем — политиком из Дарфура. Интересно изложены мнения относительно «Черной книги» — произведения с большим количеством фактов о ситуации в Дарфуре, о добыче и доходах от нефти. На последней, двенадцатой, полосе газеты рубрика главного редактора Хусайна Худжли «Слово газете «Алуан», где помещены его три статьи, посвященные проблеме голода в Судане.

Газета «ар-Рай ал-ам» («Общественное мнение») от 8 января 2001 г. на первой полосе поместила материалы о рассмотрении Омаром ал-Баширом вопроса о засухе и обеспечении засушливых районов водой. Вторая полоса полностью отдана рекламе компании «Хиджлидж», работающей в секторе нефтедобычи. На третьей полосе номера рубрика главного редактора Идриса Хасана «Без ретуши», где рассматривается вопрос о получении населением оружия. Пятая полоса издания отдана под экономические новости.

В номере «ар-Рай ал-ам» от 10 января 2001 г. на первой полосе материалы сообщают о визите в Судан министра иностранных дел Египта, который расценивался как успешный. На 3 полосе в рубрике «Без ретуши» статья гл. редактора Идриса Хасана «Судан в своей новой фазе... ожидания и надежды». В ней автор рассуждает о судьбе Судана на международной арене и об отношениях с ближайшими соседями Эфиопией, Египтом и др. Автор также говорит о том, что Судан мог бы играть более важную роль в политике на африканском континенте. На той же полосе статья доктора ат-Тайиба Зайна ал-Абдина «Семинар по проблеме Судана».

Одна из полос газеты отведена под рекламное объявление нефтеперерабатывающих суданских компаний.

На последней полосе встречается материал одного из крупных и известных суданских журналистов Мухаммада Саида Мухаммада ал-Хасана, Махджуба Урвы и журналистки — женщины Бахиты Амин.

Значительным испытанием для страны и всей системы СМК стали выборы 2010 г. на которых хотелось бы остановиться подробнее. Поскольку выборы проводились по отдельности для Севера и Юга Судана, то приходится рассматривать по сути две политические предвыборные кампании.

Прежде всего, необходимо представить кандидатов, выдвинутых на пост главы государства Судан и политические силы, которые они представляли.

На Севере наиболее серьезным претендентом был действующий глава государства маршал Омар ал-Башир. Он стоял во главе переворота 1989 г. и руководил стра-

ной, являясь сторонником умеренных исламистов. Нынешнее экономическое положение страны постепенно улучшается благодаря нефтяным поставкам, тем не менее, социальные программы не являются приоритетными и это ведет к росту недовольных политикой. В 2009 г. Международный трибунал признал Омара ал-Башира преступником, ответственным за кровавые события в Дарфуре.

Кандидатом на пост главы был выдвинут Йасир Арман от SPLM. Являясь северянином по происхождению, он примкнул к Движению (SPLM) в середине 1980-х гг. Он получил юридическое образование и был сподвижником погибшего в авиакатастрофе в 2005 г. Джона Гаранга, бесценно возглавлявшего SPLM долгие годы. Йасир Арман представлял организацию южан в Национальной Ассамблее и действовал для того, чтобы соединить силы южан с северной антиправительственной оппозицией.

Партия «ал-Умма», старейшая и одна из самых влиятельных, представила кандидатуру своего лидера Садика ал-Махди на пост президента. Этот кандидат имел огромный политический опыт. Уже в 1967 г. он возглавлял правительство страны. Тогда ему было всего 30 лет. В 1986 г. он снова оказался у государственного руля, однако военный переворот 1989 г. отстранил его от власти. Садик ал-Махди окончил Оксфордский университет и в 2008 г. оказывал поддержку Омару ал-Баширу. В дальнейшем их пути разошлись, и Садик ал-Махди находился в состоянии оппозиции по отношению к центральной власти.

Созданная лидером суданских исламистов Хасаном ат-Тураби Партия Народного конгресса (Popular Congress Party –PCP) решила выставить кандидатуру Абдаллаха Денга Ниала. Южанин по происхождению, он является, тем не менее, явным сторонником исламских радикалов. Долгое время он работал учителем, университетским преподавателем, затем поднялся по иерархической лестнице до поста министра по делам религии, занимал и другие министерские кресла, был губернатором провинции Белый Нил. После конфликта президента Омара ал-Башира с Хасаном ат-Тураби в 1999 г. его акции как политика снизились.

Коммунистическая партия Судана, считавшаяся еще в 1980-е гг. одной из самых многочисленных и активных в арабском мире, выставила в качестве кандидата своего генерального секретаря Мухаммада Ибрахима Нугуда. Совсем молодым человеком он пришел в ряды компартии, получил образование экономиста в Чехословакии и затем уже действовал как авторитетный политик. После убийства бывшего лидера партии в 1971 г. он возглавил коммунистов. Больше десяти лет он вынужден был скрываться, опасаясь репрессий со стороны властей. В 2009 г. он был переизбран на пост генерального секретаря.

Хатим ас-Сирр Али представлял Демократическую Юнионистскую партию — Основную (Democratic Unionist Party-Original — DUP). По образованию он — юрист. Политическая карьера у него началась два десятилетия назад, когда он возглавил провинцию «Нил» в последние месяцы правительства, управлявшего страной в 1986-1989 гг. После переворота 1989 г. он выступал как советник одной из крупнейших политических фигур — Мухаммада Османа ал-Миргани. В начале 1990-х гг. он находился в заключении, а затем переехал в Египет, где являлся главным редактором оппозиционной газеты «Иттихади» («Юнионист»). На этом посту он проработал с 1992 г. по 2000 г.

Первые на политическую сцену в Судане в качестве кандидата вышла женщина. Медик по образованию Фатима Абд ал-Махмуд выступила кандидатом в пре-

зиденты страны от Суданского социал-демократического союза (Sudanese Socialist Democratic Union — SSDU). Ко времени вступления в предвыборную кампанию она уже занимала ряд министерских кресел в правительстве Джафара Нимейри (1969-1985 гг.) и была активисткой различных женских движений, за что имеет международные награды.

В кампании по выборам президента Южного Судана были выдвинуты следующие кандидаты:

Нынешний президент Южного Судана Салва Киир Майардит ведет свое происхождение из племени динка и является выходцем из армейской среды. После трагической гибели в 2005 г. Джона Гаранга он был назначен главой Народного освободительного движения Судана (Sudan People Liberation Movement — SPLM). Для многих южносуданцев Салва Киир является успешным политиком, который провел мирные переговоры и выстоял во время финансово-бюджетного кризиса в 2009 г. По религиозной принадлежности — христианин.

Лам Акол — известный на Юге Судана политик, занимавший пост министра иностранных дел Судана в правительстве Национального единства. Выступил в качестве кандидата от созданной им самим в 2009 г. партии Народное освободительное движение Судана — Демократические перемены (SPLM-Democratic Change — SPLM-DC). Он ведет свое происхождение из племени шиллук. В период 1980-х гг. он поддерживал Народно-освободительную армию Судана из Хартума, а затем из-за разногласий с Джоном Гарангом в 1991 г. вместе с другим южносуданским политиком Рииком Мачаром вышел из основной организации SPLA. Накануне подписания мирного соглашения обе фракции объединились. Лам Акол стремится в своих заявлениях подчеркнуть необходимость борьбы с бедностью и коррупцией. Лам Акол принимал участие в конференции по Судане, проходившей в октябре 2009 г. в Москве. Некоторые политики пытаются обвинять его в близости к Партии национального конгресса (NCP).

Выборы, проходившие в апреле 2010 г., можно назвать самыми масштабными и беспрецедентными в суданской истории. Практически одновременно население и Севера и Юга страны должно было избрать по специально разработанной системе президента республики Судан, главу правительства Южного Судана, глав 25 провинций-штатов, депутатов Национальной Законодательной Ассамблеи, депутатов Южносуданской Законодательной Ассамблеи Южного Судана и депутатов Законодательных Ассамблей на уровне провинции.

Естественно, что соответствующим образом строилась и система освещения выборов СМК, которую условно можно разделить на три этапа: предшествующий выборам, сами выборы и результаты выборов.

Несмотря на ряд законов, ограничивающих возможности прессы и электронных масс медиа, кандидаты и политические партии получили квоты для того, чтобы изложить свои взгляды и принципы для широкой народной аудитории. Национальная избирательная комиссия выделила следующие временные квоты в эфире: кандидаты в президенты и губернаторы провинций получили в общей сложности 110 минут. Каждая политическая партия, а их всего было 72 получала по 30 минут в государственных аудиовизуальных медиа. Помимо этого, каждая политическая партия могла создавать свои собственные радио и телеклипы и полностью брала на себя выбор формата. Однако демонстрация клипов не могла производиться в прямом эфире.

Оценивая деятельность СМК в предшествующий выборам период можно констатировать, что особых нареканий ни со стороны суданцев, ни наблюдателей по поводу несправедливого участия кандидатов и политических партий, по крайней мере, в СМК выражено не было. Таким образом, равный доступ был соблюден.

Трое из общего числа кандидатов в президенты не смогли воспользоваться возможностью выступить из-за отсутствия финансирования своего выступления в эфире Sudan TV. То же можно сказать и о некоторых политических партиях, отказавшихся оплачивать предварительную запись.

На Юге Судана освещение политических программ и выступления кандидатов начались позднее чем в Хартуме. Только три политических партии на Юге (SPLM, SPLM-DC, PCP) подготовили клипы и выступили в эфире с обращениями, что было сделано лишь единожды.

Информация от Национальной избирательной комиссии подавалась успешно, для чего привлекались местные национальные и региональные радиостанции, печатные издания, пресса, телевидение. По сообщению очевидцев, в провинции даже привлекались так называемые народные информаторы — рассказчики, исполнители песенного жанра. Однако наибольшая роль в ознакомлении с целями, задачами, принципами и формой голосования отводилась радио.

В общей сложности согласно материалам наблюдателей от Евросоюза, телевидение для подготовки и обучения населения голосованию получило 19% эфирного времени. Программы равного доступа к СМК, предназначенные для выступлений кандидатов заняли 24% времени, вечерние новости заняли 25%, а 32% было отдано под ток-шоу, обзоры прессы и специальные электоральные программы. (www.eucom.eu/files/pressreleases/.../final-report-eu-com-sudan-2010_en.pdf P.32)

Телевидение «Blue Nile TV» больше других станций ненационального масштаба способствовало распространению новостей, поступавших от Национальной избирательной комиссии, потратив на это 32% времени, в то же время государственная компания Sudan TV только 11%, «Alshrooq» 14.5% и локальная телекомпания «Khartoum TV» — 6%.

Примечательным было то, что каждое сообщение от суданского «избиркома» заканчивалось призывом к электорату голосовать за «самого сильного и честного», что было частью предвыборного слогана Омара ал-Башира.

Говоря о кампании выборов следует отметить что, в некоторых масс медиа наблюдалась серьезная диспропорция в распределении времени, выделенного для представления партий и их программ. Например, на Радио Омдурман, Партия национального конгресса имела 47% эфирного времени, Суданское Народно-освободительное движение — 12%, тогда как все другие партии получили лишь 41% эфира. Судя по этой информации и ряду других фактов можно говорить, что самые влиятельные столичные масс медиа «подыгрывали» Омару ал-Баширу и его партии. По оценке наблюдателей Евросоюза, печатные средства информации выделили 56% пространства для Омара ал-Башира, 16% для Йасира Армана, 28% получили все остальные кандидаты (www.eucom.eu/files/pressreleases/.../final-report-eu-com-sudan-2010_en.pdf P.33)

После бурной предвыборной поры наступило время моратория на всякие сообщения. Тем не менее, «спокойствие» нарушалось неоднократно. В частности, газета «ар-Раид» («Первопроходец») печатала в течение четырех дней с 10 по 13 апреля рекламные заголовки на каждой полосе в пользу Омара ал-Башира. Из-

вестно также, что с 4 по 7 апреля газета «Рай аш-шааб» публиковала весьма скандальные тексты политической полемики между лидерами Партии национального конгресса и Партии народного конгресса Омаром ал-Баширом и Хасаном ат-Тураби.

Подводя некоторые итоги анализа содержания арабоязычных газет Судана периода начала XXI в., можно отметить, что качество газет повысилось. Все больше помещается цветных фото и заголовков статей, также выполненных в цвете, что свидетельствует о совершенствовании материальной базы изданий, а также о попытке идти «в ногу со временем», подстраиваясь под все более требовательные вкусы аудитории.

Изменился кадровый состав журналистов. Несмотря на сохранение позиций ведущих журналистов, начинавших в 1980 — 1990 гг., которых возглавили редакции, наблюдается приток новых имен, активно включившихся в профессиональную деятельность. (Герасимов, 1994, С.120 — 173; Мухаммад ал-Хасан, б.г.) Общая тенденция мировых медиа находит отражение в печатных изданиях Судана, выражаясь в росте информационных материалов и снижении качества и объема аналитических и в какой-то мере информационно аналитических жанров.

Конфликт Север-Юг освещается нерегулярно и не получает излишней детализации, что свидетельствует как о государственном контроле над прессой, так и осторожности самих журналистов.

Как бы ни была важна роль старейших политических партий в их борьбе за привлечение на свою сторону новых сторонников, тем не менее, новые организации, поддерживаемые «сверху», играли в последнее десятилетие в Судане более значительную роль, давая возможность, прежде всего «своим» печатным органам выразить точку зрения по поводу событий и явлений политической и социальной жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

а) На европейских языках

Collins, Robert O. A History of Modern Sudan. Cambridge Univ. Press. N.-Y., 2008.
Peterson, Donald. Inside Sudan. Political Islam, Conflict, and Catastrophe. Westview Press. 1999.
Zerrouk, Kouider Media Mapping Sudan. Khartoum, 2008.
Print media in Sudan and their impact on CPA implementation. 13 August 2009.
International Media Support. November 2007.

б) На русском языке

Герасимов И.В. Становление арабоязычной публицистики в Судане (1930-1980-е гг.). Канд. Дисс. СПб., 1994.

Герасимов И.В. Разрешение конфликта на Юге Судана на современном этапе и международное сообщество. // Исследования международных отношений. СПб., 2004. С. 170-174.

Поляков К.И. Роль дервишеских орденов в политической жизни Судана. // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1992. № 4. С.25-32.

Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000.

Серегичев С.Ю. Судан: Исламо-традиционализм и армия. М., 2006.

Серегичев С.Ю. Ситуация в Судане: новая революция? 16 окт. 2006. //

http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

Смирнова Г.И. Некоторые итоги экономической либерализации в Судане // Ближний Восток и современность. Сборник статей № 15. М., 2002.

в) На арабском языке:

Мухаммад ал-Хасан, Мухаммад Саид. Шахсийат сихафийа арафтуха. (Журналисты, которых я знал). Хартум., б.г.

Ахмад, Хасан Макки Мухаммад. Харакат ал-ихван ал-муслимин фи-с-Судан (1944 -1969). (Движение «братьев-мусульман» в Судане в 1944-1969 гг.) Хартум., б.г.

Периодические издания:

«Алуан» («Краски»)

«Ар-Рай ал-ам» («Общественное мнение»)

«Ахбар ал-йаум» («Новости дня»)

Ресурсы Интернет:

http://www.eucom.eu/files/pressreleases/.../final-report-eu-eom-sudan-2010_en.pdf

<http://www.gurtong.org/.../Speech%20of%20the%20Minister%20of%20Information%20>

<http://www.sudantribune.com/spip.php?article33646>

<http://www.article19.org/.../southern-sudan-public-service-broadcasting-bil.pdf>

Н.Н. Дьяков

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ И АФРИКИ

РЕЛИГИОЗНЫЕ БРАТСТВА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АРАБСКОГО МАГРИБА В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Традиционные религиозные институты и их роль в жизни народов Азии и Африки всегда вызывали в Европе и России живой интерес, особенно возраставший накануне и в ходе колониальных кампаний. Магриб в этом отношении не был исключением. История этого региона, становление здесь институтов так называемого «народного» ислама — религиозных братств — тарикатов и их центров духовного и политического влияния — завий — все это имеет свои параллели в жизни других мусульманских народов, в т.ч. проживающих у нас в стране.

Культ святых и религиозные братства в культуре и истории Магриба. Достаточно вскрыть глубинные слои магрибского общества, будь то в Алжире или Марокко, чтобы извлечь на свет старинные институты, заимствованные исламом: клановую организацию, обычай личной мести, земельные культы, — писал в начале XX в. чиновник алжирской администрации, впоследствии известный арабист Эдмон Дутте (Doutté 1908: P. 23 — 26). В ходе европейской экспансии и подъема джихада тарикатские сообщества Магриба подчас отходили от канонов классического суфизма, принимая под воздействием старых культов локальную оболочку марабутизма¹ и постепенно отступая на задний план под напором реалий Нового времени.

Тарикаты² — братства суфиев, объединенные приверженностью тому или иному мистическому пути, ведущему к божественному идеалу, нередко именуемые в европейской литературе (по примеру христианского монашества) орденами, а также марабуты — наследники альморавидов (от араб.: мурабит³) — столетиями играли,

¹ Термины «марабутизм», «марабут» не имеют распространения в Магрибе. Вряд ли, нп., в Марокко назовут «марабутизмом», как это принято у европейцев, совокупность традиций и действий в рамках культа святых, в т.ч. паломничество, целительство, народные праздники (мусемы), сопровождаемые древними ритуалами, но нередко проводимые сегодня даже с участием местных властей. (Etienne 1981: 262).

² Тарикат (ар.-перс.) от арабского «тарики» — путь мистического постижения Бога; «система подготовки к суфийскому пути, а также разные родственные системы суфизма и связанные с ними дервишеские братства (ордена)» (Петрушевский 1966: 311).

³ Марабут, от араб. «мурабит» (магр. «мрабит»): 1) «связывающий», «соединяющий» — в мусульманском Магрибе — связующее звено между верующим и Всевышним; посредник между формальным богословием (ма'ариф) и тайным мистическим опытом (асрар); в локальной традиции к тому же — посредник в контактах с предками, высшими силами и т.д. (Eickelman 1981: 61-63); 2) обитатель рибата — укрепленной пограничной обители, форпоста; участник движения альморавидов (араб.: «ал-мурабитун», искаж.исп.: «los Almoravides») XI — XII вв.; потомок альморавидов, марабутских племен кочевников-берберов Сахары.

а во многом и сегодня продолжают играть видную роль в жизни мусульманского Запада.

Новое время и колонизация показали неоднозначную роль марабутов. На первом этапе французского завоевания именно марабутские братства стали оплотом джихада. Яркой страницей этого сопротивления стало движение в Алжире под руководством 'Абд ал-Кадира — вождя-мукаддама братства Кадирийя, основателя сильного военно-теократического эмирата. С капитуляцией 'Абд ал-Кадира и захватом французами новых территорий Магриба роль марабутов в колониальном обществе меняется к началу XX в. Тарикаты, оставаясь хранителем традиционных ценностей, подчас переходят в стан завоевателей, служа его опорой, рычагом влияния на «туземную массу».

Оспаривая утверждение ряда исследователей о том, что суфизм «ввиду его элитарности» не мог стать базой революционного социального подъема, Р.Г. Ланда писал о роли марабутов в массовых движениях в Магрибе, начиная от эпохи альморавидов, до широких антиколониальных выступлений с участием братств (Кадирийя, Рахманийя, Шазилийя и др.) в XIX в. (Ланда 2005: 26).

И в постколониальную эпоху марабуты и их братства, как правило, официально запрещенные властями независимых государств Магриба, ставят немало вопросов перед обществом. «То, что удалось собрать о марабутах, колеблется на грани невероятного и ирреального, мифа и легенды...», — писал в конце XX в. марокканский врач и антрополог М.Ахмис. На первый взгляд, эта группа занята непонятными делами. Власти и элита осуждают ее, против нее ведут борьбу приверженцы официальной религии, но ничто не может изжить это феномен. Видимо, долго еще он будет существовать, поскольку является эманацией наиглубинного из природы человеческой. «В марабуте воплощена возможность спасения от мук и испытаний этого абсурдного мира. Святой-уали выступает прибежищем для страдающей души...» (Akhmisse 1984: 7).

Кульг народных харизматических лидеров — марабутов, шерифов — и в Новейшее время охватывал большую часть коренного населения. Как известно, в конце XX в. более 2/3 обитателей Магриба проживали в сельской местности, сохраняя патриархальный уклад. При этом исследования, в том числе полевые, показывают, что независимо от позиции властей большинство крестьян и кочевников в том же Марокко так или иначе признают авторитет марабутов (Eickelman 1981: 7).¹

Борьба держав за влияние в Магрибе на пороге XX в. Встретила широкое сопротивление. Оккупация в 1881 г. 'Айн-Сефры придвинула границы алжирских владений Франции к марокканскому Тафилальту, затронув интересы местных братств, прежде всего Даркавы. Под предлогом обеспечения безопасности рубежей Алжира Франция переходит в начале XX в. к захвату земель юго-западнее Орана. Под командованием Ю.Лиоте французы заняли Колон-Бешар (1903), Бергент

¹ *Психосоциологический анализ механизмов власти показывает, что нормы поведения человека индустриального общества (этикет, мораль и т.п.) наследуются без критического их осмысления. «Феномен внушения» (широко представленный в североафриканском марабутизме — Н.Д.) играет «огромную роль в межличностных отношениях, во многом определяя социальное и политическое поведение людей». Как отмечал В.М.Бехтерев, «внушение как фактор заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное... и часто даже несоответствующее объяснение...» (Антропология власти 1, 2006: 176).*

(1904), Уджду (1907), Бу-Дуниб (1908). Владения марокканского султана грозили сократиться до окрестностей Марракеша и Феса. Опасность расширения европейского присутствия, вызвала на западе Магриба движение за передачу алауитского трона и руководства джихадом Мулай-‘Абд ал-Хафизу (магр.: Мулай-Хафид) — «Хафидий».

На юге Марокко и в Мавритании джихад возглавил Ма’ ал-‘Айнин. Выходец из знатного марабутского рода — его отец основал свою тарику — ветвь Кадирийи, — Ма’ ал-‘Айнин (1838 — 1909) славился на западе Сахары как воин, авторитетный богослов и чудотворец. Его завия в Смаре объединяла приверженцев разных мистических школ; окном во внешний мир служил порт Тарфайя, через который поступало оружие для отрядов кочевников-туарегов. Попытки французов проникнуть в этот район встречали решительный отпор Ма’ ал-‘Айнина,¹ одно появление которого воспринималось как призыв к джихаду. В 1909 г. французы перешли в наступление против сторонников султана Мулай-Хафиза (1907 — 1912). Предпринятая Ма’ ал-‘Айнином попытка прорваться на помощь султану в Фес окончилась неудачей. Осенью 1909 г. старый марабут-воитель скончался, вверив джихад своему сыну Ахмаду ал-Хиба.

Важным центром антиевропейской оппозиции стал столичный г. Фес, улемы которого объединились вокруг молодого идридисского шерифа Сиди Мухаммада ал-Киттани — вождя братства Ахмадийя-Киттанийя и сторонника независимости Марокко с отменой финансовых и правовых льгот иностранцам. Пропаганда, развернутая ал-Киттани с 1904 г., вызвала раздражение султана Мулай-Хафиза, искавшего компромисс с европейцами и готового принять унижительные для Марокко условия Альхесирасского акта 1906 г. Волнения в Фесе заставили султана нанести решающий удар по ал-Киттани, претендовавшему на престол. Склоняясь к идеям салафийи, к истокам веры, султан выступил против ал-Киттани, воплощавшего для него мир марабутов. В марте 1909 г. Мулай-Хафиз, устроив засаду, захватил мятежного шерифа в горах Среднего Атласа, откуда тот был доставлен в Фес и на глазах султана забит палками. (Maxwell 1966: 119).

Вскоре в Марокко появились новые претенденты на престол, прежде всего из популярных шерифских и марабутских семейств. Одним из наиболее известных был шейх Бу Хмара, выступивший с критикой «прохристианской политики» Мулай ‘Абд ал-‘Азиза (1895-1907). Объявив себя султаном, Бу Хмара создал в Селуане свое правительство, не прекращавшее нападков на законного монарха. Как очередной султан-самозванец, прибегший, как гласила молва, к колдовству для достижения своих целей, Бу Хмара, тем не менее, смог не просто захватить власть, но и удерживать ее в течение шести лет на севере Марокко (1903 — 1908). Сосуществование двух противостоявших центров власти — в Фесе и Селуане — способствовало углублению кризиса и росту сепаратизма, что приняли во внимание испанцы, готовившие захват Марокко.

Ликвидация в 1909 г. Бу Хмары и ал-Киттани, гибель марабута Ма’ ал-Айнина — один из кульминационных этапов политической борьбы в алауитском Марокко на фоне разворачивавшейся иностранной агрессии. Подвергшись двойному напору — со стороны французов и султанского правительства-махзена — марабу-

¹ В 1905 г. жертвой этих воинов пустыни пал известный исследователь религиозной истории Магриба Ксавье Копполани.

ты не смогли удержать лидерство в антиколониальном движении. Известие о подписании в марте 1912 г. договора о протекторате вызвало новый подъем джихада. В Среднем Атласе восстание берберов возглавил идрисидский шериф Сиди Раху ас-Сегрушни. По мнению французских наблюдателей, восстание могло стать гибельным для династии Алауитов, если бы повстанцы лучше координировали свои операции (Rassam-Vinogradov 1974: 31).

После установления протектората наибольшую политическую активность в Марокко сохраняли приверженцы братства Даркава. Убийство в 1909 г. ал-Киттани — вождя одной из его ветвей, поставило Даркаву в оппозицию Алауитам и подтолкнуло часть ее адептов к сближению с французами. Младший брат убитого марабута — ‘Абд ал-Хайй ал-Киттани помогал французам в их происках против Алауитов и, по сути, перешел в «колониальный лагерь».¹ В 1953 г. ‘Абд ал-Хайй ал-Киттани сыграл важную роль в низложении султана Мухаммада б. Йусуфа,² вокруг которого консолидировались ведущие национально-патриотические силы Марокко (Julien 1978: 230, 282).

Лишь на востоке Магриба, в Ливии, завии до конца сохранили антиколониальный потенциал. Оплотом антиосманской оппозиции, а затем и сопротивления Франции и Италии оставалась Санусийя, основанная алжирцем из г. Мостаганем Мухаммадом б. ‘Али ас-Сануси ал-Хаттаби ал-Идриси ал-Хасани (1787 — 1859) — последователем Ахмада б. Идриса (1760 — 1837).³ Прожив двадцать лет в Хиджазе, где в окрестностях Мекки он основал свою первую завия (1837), Мухаммад ас-Сануси в 1853 г. вернулся в Киренаику. При поддержке племен «Великий Сануси» («ас-Сануси ал-Кабир») направился на юг, создав ряд укрепленных завий во внутренних районах Сахары и Центрального Судане.

Идеи сануситов пропагандировались через многочисленные завии, напоминавшие укрепленные сахарские рибаты альморавидов XI — XII вв. Гарнизоны этих крепостей-обителей набирались из арабов, суданцев — «фанатиков-авантюристов», объединенных ненавистью к «неверным».⁴ Опираясь на поддержку туарегов, Санусийя возглавила сопротивление племен Восточного Магриба и Сахары итальянскому вторжению в Ливию в 1911 г. Почти четыре десятилетия это братство непрерывно вело партизанскую борьбу против колонизаторов.⁵ Два

¹ После зверского убийства его старшего брата султаном Мулай ‘Абд ал-Хафизом (см. выше) ‘Абд ал-Хайй ал-Киттани поклялся мстить, всякому Алауиту, вззошедшему на престол... (Maxwell 1966: 119).

² В 1953 г. по инициативе А. ал-Киттани в Фесе была организована встреча марабутских вождей, на которую съехалось 1300 представителей от 200 завий Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Мавритании. Подвергнув критике султана Мулай Мухаммада за его политику ограничения прав религиозных братств, А. ал-Киттани объявил его вероотступником (Луцкая 1973: 303).

³ Помимо Санусийи к Ахмаду б. Идрису восходили истоки ряда других известных религиозных братств нового времени: Мирганийя, Хатмийя, Салихийя, Маджзубийя и др. (Тримингэм 1989: 100-105).

⁴ Особой известностью в первые годы XX в. пользовалась считавшаяся неприступной сануситская завия ‘Айн Галлака, основанная в 1901 г. и разрушенная французами в 1913 г. В ходе столкновений с сануситами их жертвой пал в 1916 г. французский миссионер и исследователь Сахары Шарль Эжен де Фуко, живший с 1905 г. у туарегов Ахаггара и даже получивший у туземцев славу марабута.

⁵ В годы второй мировой войны сануситы сформировали в Египте боевые подразделения для борьбы за освобождение Ливии от итало-германской оккупации

ярких этапа этой борьбы (1911 — 1917 и 1923 — 1932) известны как итало-сануситские войны.

Движение Санусийи в Киренаике и других областях Восточного Магриба сравнивали с предшествующими выступлениями тарикатов, а шейха Сиди ‘Умара ал-Мухтара, возглавившего силы сануситов в ходе второй войны с Италией, — с ‘Абд ал-Кадиром Алжирским, с лидером марокканских рифов ‘Абд ал-Кримом ал-Хаттаби и даже с имамом Шамилем — вождем кавказских муридов.¹ Исторический опыт сануситов — от духовных лидеров кочевников до вождей суверенного государства, во многом напоминал судьбу Саудидов Аравии (Босворт 1971: 72).²

Разгром сопротивления в зоне испанского протектората в Рифе (1926), ликвидация очагов антиитальянского сопротивления в Киренаике во главе с шейхом ‘Умаром ал-Мухтаром (1931) завершили важный этап борьбы мусульман Магриба, в которую весомый вклад внесли братства марабутов. Многие завийи были разгромлены, либо превратились в заурядные локальные центры хозяйственной и просветительской деятельности, с трудом адаптируясь к навязанному завоевателями режиму.³

Тарикатские линии и завийи мусульманского Магриба. Суфийские ордены — один из эффективных инструментов утверждения ислама. Роль братств и их завийи в исламизации, особенно тех районов, куда не доходили мусульманские отряды, например, на юге Азии или к югу от Сахары (Гана, Гвинея, Мали, Нигер и т.д.), трудно переоценить. По мнению многих авторов, в т.ч. арабских, тарикатам принадлежало видное место в духовном просвещении местных мусульман (Дарника 1984: 7).

К началу XX в., с утверждением колониальных режимов, некоторые братства Магриба сохранили лишь сотни, иногда десятки приверженцев, в то же время другие даже расширили масштабы влияния, объединяя сотни тысяч adeptов. Многообразие тарикатов сопровождалось развитием контактов между ними: муриды часто

(Фукс 1971: 99). Вождь Санусийи Сиди Мухаммад Идрис ал-Махди ас-Сануси, прямой потомок основателя братства, в 1951 г. встал во главе независимого Соединенного Королевства Ливии, в составе Киренаики, Триполитании и Фащана.

¹ ‘Умар ал-Мухтар, глава (ан-наиб ал-амм) Санусийи, почти 9 лет руководил сотнями групп (адуар) повстанцев, в т.ч. из Судана, Триполитании и др., пользуясь поддержкой населения и информацией от агентов в итальянских гарнизонах. Раненный и плененный, У. ал-Мухтар 16 сентября 1931 г. был повешен на глазах 20 тысяч ливийцев. Этим итальянцы рассчитывали покончить с сопротивлением сануситов в «зеленой Киренаике», ставшей, по словам Муссолини, «красной от крови»... (Evans-Pritchard 1954: 190).

² Как и ваххабиты, сануситы начинали свою деятельность среди бедного, преимущественно бедуинского населения: ваххабиты — в Неджде в середине XVIII в., а сануситы — в Хиджазе и затем в Киренаике в середине XIX в. Общей для них была и опора на «братию»-ихванов; оба движения смогли в конце концов создать свои эмираты — исламские государства (Evans-Pritchard 1954: 9).

³ В колониальном Магрибе конфронтация завийи и махзена свелась к поддержке старых марабутских традиций, например, таргибы — жертвоприношения на могиле святого ради защиты соплеменников от произвола властей, в новых условиях — от колониального гнета. Д.Ф.Эйкелман упоминает о таргибе, совершенной в завийи Шеркавы в августе 1955 г. с целью остановить бомбардировки и карательные рейды Иностранного легиона против жителей мятежного Уэд-Зема в Марокко (Eickelman 1981: 174).

обращались к шейхам разных тарикатов, благодаря чему последние укрепляли свое влияние.¹

Анализ взаимодействия различных элементов тарикатского сообщества показал, в целом, устойчивость его структур при известных локальных вариациях, обусловленных историко-культурными или географическими факторами. Благодаря этой устойчивости, братства не только сохраняли свои концептуальные устои и обряды, но и уровень духовного и социального влияния, независимо от смены династий (Montagne 1930: 411).

Составляя локальное звено в системе идеологических и социальных институтов суфизма, тарикаты Магриба в основе своей строились на тех же принципах, что и родственные им структуры во всех концах мира ислама.

На пике тарикатской иерархии у марабутов стоит шейх — шайх ат-тарики — духовный вождь, носитель божественной благодати (барака), главный посредник между Всевышним и миром.² Он — хранитель таинств, дарованных ему Откровением, или полученных от шейха-основателя тариката по цепи духовной преемственности (силсила). Будучи святым и чудотворцем, шейх признает над собой лишь власть Господа и его Пророка, но учитывает и мнение основателя — опоры (гаут) братства.

Социальная роль шейха не ограничивается посредничеством и урегулированием споров ('инайя) между племенами, их фракциями или отдельными лицами. Шейх — ключевая фигура тарикатской иерархии. Постигание Божественной истины (хакика) признается при этом за шейхом-основателем, чью благодать наследуют его прямые потомки,³ а также получившие его признание наиболее близкие ученики.

Следующая за шейхом фигура — халиф (араб.: халифа), доверенное лицо и наместник шейха, нп., в районах, удаленных от главных центров — завий братства. Халиф наделен правом представлять братство от имени шейха. Благодаря бараке, переданной ему шейхом, он обладает мистико-окультурным даром и своей долей благодати. Не имея подчас официального титула, наместник выступает как наиб — доверенное лицо, которому временно делегированы соответствующие функции.

До настоящего времени именно халифы представляют братства на местах. Главными очагами исламского мистицизма остаются города — крупные духовные центры

¹ На пороге XX в. большинство мусульман Магриба выступали приверженцами различных братств. Роль их в жизни Магриба в Новое время была «очень крупной», что подтвердили широкие движения сторонников Даркавы, Кадирийи, Тиджанийи и т.д. (Жюльен 1961 II:363).

² Особое значение в иерархии духовных авторитетов Магриба играет фактор харизмы, благодати (барака) и личные достоинства. На вершине этой иерархии стоят шерифы — потомки Пророка, затем марабуты, нередко также претендовавшие на шерифскую генеалогию, и, наконец, собственно «братья» — «ихван», или «фокра'» (араб.ед. «факир» — «бедняк») — рядовые члены братства. Возжи марабутского братства, шейхи и мукаддамы, одновременно выступали патронами святынь и мавзолеев (Rascon 1984: 79).

³ Сохранение бараки потомками шейха обеспечивалось нормами эндогамии. Как исключение допускался брак с представителями других марабутских групп. Родоначальник марабутской общины прибыл в селение Метиджа (алжирский Уарсенис), когда там уже жили три группы марабутов. Представленные им грамоты, «написанные золотыми буквами», подтвердили его ученость и набожность. Получив признание, шейх возглавил общину Метиджи и основал в ней завью (Lizot 1973: 116).

такие, как Фес, Марракеш, Мекнес, Тетуан и др. — в Марокко; Тлемсен, Бужи, Константина и др. — в Алжире; Тунис, Кайруан, Триполи и др. — на востоке Магриба.

Основные исполнительные функции в братстве принадлежат мукаддаму — представителю шейха на данной территории, который отвечает за выполнение его распоряжений. Как глава завии и высший наставник (шайх ат-гарбийя), мукаддам занимается распространением тарикатской доктрины и привлечением новых адептов.¹ Он опирается на сеть агентов-помощников (ракыб, мн. руккаб, или шауш — мн. шуаш), которые выполняют функции курьеров, оповещая собратьев о прибытии шейха, доводя до них текущие распоряжения мукаддама и т.п. Важная функция мукаддама — поддержание отношений с органами официальной власти и посредничество между местным населением и администрацией.²

Нижние ступени тарикатской иерархии занимают рядовые братья (ихван, диал.: хван).³ Число собратьев определяет уровень духовного и социально-политического влияния тариката, обеспечивая приток средств в его бюджет. Женщины имеют право получить в братстве статус ассоциированных членов — сестер (хауатат), а в некоторых братствах даже подняться до звания мукаддама.

Социальные функции марабутского братства в свою очередь обеспечивали его устойчивость. Особое значение имели внутренняя дисциплина, самоконтроль не только во время общих радений, но и в личной жизни, уважительное отношение к мнению старшего, самоотверженность и неукоснительное выполнение распоряжений свыше.

Кодекс поведения члена тарикатского сообщества строго регламентирован и напоминает устав военно-монашеских орденов, известных на Западе, в т.ч. по истории Крестовых походов. Это позволило первым исследователям мусульманских братств называть их орденами.⁴ И в том, и в другом случае речь шла об общих нормах, получивших распространение на Востоке и на Западе и усвоенных не только аристократической верхушкой, но и социальными низами. И знать, и элита везде с уважением относятся к таким качествам, как терпение, стойкость в испытаниях, пренебрежение к оскорблениям, преданность близкому, особенно страдающему. Все эти качества равно присущи рыцарям и аскетам, арабам же они знакомы по кодексу чести и «молочества» — «футувва».

Свод достоинств, необходимых тому, кто встал на мистический путь (тарика) совершенного знания (ма`рифат), может различаться по числу стадий (маназил) вобретении того или иного свойства (сифат), по сути же он един.⁵ Внешне выражение

¹ Новую роль и место мукаддама в иерархии духовных лиц независимого Магриба показал Б.Этьенн в работе, посвященной магии и культуре святых в Марокко (Etienne 1981: 264-272).

² Мукаддамы Шаркавы за определенную плату ходатайствовали перед властями об освобождении заключенных, возвращении беглых рабов или работников хозяину и т.п. (Eichelman 1981: 54).

³ Приверженцы Кадирийи чаще называют себя фокра' (ед. факир — бедняк); Тиджанийи — асхаб (ед. сахив — товарищ, компаньон), ахбаб (ед. хабиб — близкий, друг), а также — ходдам (ед. хадим — слуга).

⁴ До выхода в 1971 г. известной работы Дж.Тримингэма, современных исследований о «суфийских орденах», сопоставимых с первыми работами Л.Рэнна или А. Ле Шателье, не было (Тримингэм 1989: 14).

⁵ По Газали, этот путь включал 9 стадий (макамат), каждая из которых несла «спасительные свойства» (мунджийат): 1) покаяние — тауба; 2) тер-

приверженности братству его adeptы демонстрируют в ходе коллективных радений или церемоний по случаю религиозного праздника — мусема, посвященного местному святому—марабуту и сопровождаемые пожертвованиями в кассу завий.

Подобная лояльность проявлялась и на политическом уровне, когда, например, хваны оказывали поддержку духовным лидерам, выступавшим против правительства — махзена, или против колониальных властей. Наибольшим политическим весом и массовой опорой в эпоху европейской колонизации пользовались в Магрибе братства Кадирийя, Даркаа, Рахманийя, Тиджанийя и их фракции.

Порядок наследования и посвящения в братствах Магриба в целом повторяет общепринятую тарикатскую практику. Вожди марабутов, как и все шейхи братств, передавали благодать (барака) своим потомкам вместе с правом распоряжаться достоянием ордена. При отсутствии прямых наследников или по другим причинам в ряде тарикатских подразделений, основанных особо заслуженными марабутами, барака и общее руководство братством переходили к наиболее авторитетному лицу на основании коллективного мнения хванов. Нередко такая кандидатура рекомендовалась самим шейхом при жизни и предлагалась затем к рассмотрению совету мукаддамов.

Звания и полномочия в рамках братства передавались от имени шейха в виде иджазы — особой верительной грамоты. Небольшие местные братства ограничивались обычными письмами, правда, непременно скрепленными личной печатью шейха.

Высшие марабутские авторитеты — шейхи, халифы, мукаддамы — обладали правом жаловать уирд — посвящение в члены братства (муриды). По особо строгим правилам некоторых тарикатов (ряд фракций Кадирийи, например, Айсауа/Исауа), испытательный срок для кандидата в посвященные-муриды длился годами и предусматривал суровые испытания. В других случаях инициация проходила проще. Кандидат-соискатель должен был получить рекомендации для посвящения-уирда, изучить ритуальную и содержательную сторону зикра — особого для данного братства радения с поминанием Всевышнего и, наконец, принести присягу (бай'а) — братству и его шейху, который становился отныне главным наставником и посредником мурида перед Богом. Сам акт посвящения (уирд) — проводился на общем собрании муридов.

Успешно прошедшие обряд уирда получали статус мурида — ученика. Шейх почитается муридом как высший наставник (муршид) и главный источник Откровения. Ему мурид вверял себя, свою семью и имущество. При этом присущее берберам, составлявшим основной контингент марабутских братств, чувство личной независимости, видимо, не восставало против подобного ограничения их самостоятельности, морального и физического подчинения духовному наставнику фактически на грани личного рабства, а по сути, — самоотверженного служения.

пение — сабр; 3) благодарность Богу — шукр; 4) страх Божий — хауф; 5) надежда на спасение — раджа'; 6) добровольная бедность — факр; 7) отречение от мира — зухд; 8) отречение от своей воли — таваккул; 9) любовь к Богу — махабба (Петрушевский 1966: 331). Ссылаясь на прославленного мистика мусульманского Запада Ибн ал-'Арифа (ум.1141), А.Бель приводит, следующий перечень достоинств: 1) воля (ирада); 2) аскетизм (зухд); 3) вверение себя Богу (таваккул); 4) терпение (сабр); 5) печаль (хазн); 6) страх перед Богом (хауф); 7) надежда (раджа'); 8) благодарность Богу (шукр); 9) любовь к Богу (махабба); 10) покаяние (тауба); 11) дружеская близость к Богу ('унс). (Vel 1938: 346).

Завия (завийя) — очаг духовного и социального влияния марабутов Магриба. Главный центр религиозно-просветительской, хозяйственной и военно-политической деятельности марабутов — завия — одновременно служила резиденцией, центром филиала братства, духовной школой и постоянным двором (караван-сарай). Здесь всякий путник, отправлявшийся в паломничество (зийяра) к могиле марабута, или же прибывавший за советом к старцу — шейху или мукаддаму — мог найти приют и трапезу.

Как и на востоке, в Магрибе под завией первоначально подразумевалось место моления (мусалла), в отличие от собственно мечети (масджид), представлявшей собой более значимое и представительное место духовного общения. На севере Африки и, особенно в Магрибе, термин завия постепенно получил более широкий смысл, обозначая религиозный духовный и учебный центр с широкими функциями.¹

Глава внутреннего персонала завии — вакиль (магр.: укиль) — управляющий, доверенное лицо шейха и видная фигура в иерархической пирамиде братства. Укиль выступал посредником в общении между шейхом и его посетителями, в т.ч. неверными. Одновременно это был хранитель могилы шейха-основателя, которого сам укиль почитал как своего господина наравне со здравствующим шейхом. Некоторые укили наследовали бараку и иногда создавали собственное братство.

В прямом подчинении укиля находилась прислуга: шауши, занимавшиеся задачей пицци муридам во время общих собраний — хадра, а также приемом и устройством на ночлег прибывших издалека собратьев. У Рахманийи, например, шауш имеет особое звание: мукаддам ал-худдам, то есть «глава прислуги». И в повседневной жизни, и в ритуальной практике важная фигура в завии — накиб — помощник шейха, которого иногда именуют также шейх ал-хадра — глава собрания. В каждой завии есть лица, выполняющие частные поручения: например, накиб ас-саджда отвечал за коврик имама — предстоятеля на молитве; накиб ал-кахва готовил кофе; накиб ал-ма' выполнял обязанности водоноса; накиб аз-зай обеспечивал праздничную иллюминацию во время ночных бдений и шествий; накиб аш-ш/а/ма'а отвечал за восковые свечи и украшения к празднику; маддах — декламатор и импровизатор хвалебных возгласов; кассад — чтец молитв во время бдения — зикра; 'аллам — знаменосец и т.д. (Petit 1902: 65 — 66).

Учащиеся школ при завиях — тольба (от араб.: талиб, мн.: туллаб — студент, искатель) — сохраняют это звание и по окончании учебы, когда разъезжаются и становятся учителями местных коранических школ — мсидов. Нередко тольба занимались изготовлением и продажей талисманов-оберегов (хирз) и т.п. В марабутском сообществе Магриба тольба всегда выступали эффективным инструментом пропаганды тариката, а в эпоху колонизации — инструментом мобилизации и воспитания у соплеменников духа сопротивления и джихада.

Подобно отдельным завиям и целые братства могут отличаться друг от друга по степени влияния. Некоторые из них имеют массу adeptов, исчислявшуюся мно-

¹ «Первичные формы организации суфийской деятельности в виде аскетических обителей — ханак, служивших своеобразными школами мусульманского мистицизма, с XI — XIII вв. становятся центрами обитания дервишей, объединенных в братства. Впоследствии «коммуникативная роль» братств реализовалась также через такийи — дервишские обители, или странноприимные дома, которые являлись центрами активности отдельных «орденов» и в ряде случаев служили резиденцией их вождей. (Кириллина 2000: 317-337). Завии Магриба фактически выполняли те же функции, что такийи Египта и других стран Арабского Востока (там же: 391).

гими тысячами, при этом не пользуясь особым духовным влиянием. Наоборот, подчас небольшая завия славилась своими устоями и авторитетом во многих странах региона.

Ведущие тарикатские линии Магриба в Новое время представляли Кадирийя, Шазилийя и Халуатийя. Эти коренные, линии (турук ал-усул) располагали сетью дочерних братств (турук ал-фуру¹), родившихся в разные исторические эпохи и подчас существенно различавшихся по масштабам религиозного и социального влияния.

Кадирийя¹ — одно из старейших и по сей день наиболее распространенных братств, ведущее происхождение от ‘Абд ал-Кадира ал-Джилани (1078 — 1166), знаменитого мистика, главы ханбалитов Багдада.² На пороге XX в. Кадирийя имела в Магрибе десятки тысяч приверженцев и сотни завий. Главные региональные центры братства в Фесе и Марракеше — очаги кадиритской пропаганды, достигавшей отдаленных, не так давно исламизированных областей и племен Атласа и Сахары.

Руководство Кадирийи не имеет жесткой централизации. Каждая фракция самостоятельна и имеет право на собственную интерпретацию и следование традиции. В Магрибе кадиритские завии, как правило, возглавляли высокородные мукаддамы-шерифы, связанные между собой скорее общим именем, нежели структурными узлами. Шейх местной ветви Кадирийи имеет личную печать и самые широкие полномочия.

В начале XX в. важным кадиритским центром Ближнего и Среднего Магриба оставалась завия Манзал-Бу-Залфа у границ с Триполитанией, имевшая филиалы в тунисских городах Сфаксе, Габесе и на о.Джерба. На севере Туниса и на востоке Алжира особым авторитетом пользовалась завия в ал-Кефе, насчитывавшая до пятисот учеников-тольба. На юге Туниса и юго-востоке Алжира популярной была завия в г. Нафта. Кроме того, в Магрибе действовали десятки небольших кадиритских завий.

Несмотря на поражение в середине XIX в. антифранцузского сопротивления, приверженцы Кадирийи сохранились в Алжире, особенно в Орании, где местные жители по сей день почитают ‘Абд ал-Кадира и его отца мукаддама Мухийиддина.

¹ *Кадирийя и сегодня имеет немало приверженцев в большинстве арабских стран и в Турции, в странах Южной и Восточной Азии, в Северной и Западной Африке, в Западной Европе и Америке. Кадирийя, как и другие тарикаты, в Новое время привлекала внимание западных интеллектуалов, в ней, в частности, состояла известная швейцарская писательница и путешественница Изабелла Эберхардт (Isabelle Eberhardt, 1877-1904) — очарованная Магрибом дочь выходцев из России.*

*Глава (‘амид) иерархов братства в Марокко — шорфа’ Кадирийя — шейх ‘Абд ал-Хайй ал-Кадири в историческом очерке с гордостью описывает основные этапы экспансии ордена от Ирака до Явы — на востоке, Судана и Маверитании — на западе, Кавказа и Балкан — на севере, Йемена и Восточной Африки — на юге. (Ал-Кадири А.Х. *Аз-Зауийя ал-кадирийя ‘абра ат-тарих уа-л-‘усур. Тетуан, 1986).**

² *Основа учения Абд ал-Кадира — необходимость непрерывного внутреннего борения — «великого джихада» — через покаяние, преодоление высокомерия, тщеславия и страха при неукоснительном соблюдении религиозного закона. Главный и конечный источник религиозного права — сунна. Шейхи суфиев — не обязательно богоизбранные наставники, но они ответственны за направление на истинный путь и должное воспитание своих учеников. Святые (вали) — богоизбранные духовные вожди людей.*

В Марокко приверженцы Кадирийи больше известны как Джилала. Сторонники последней — своего рода «провинциальное крыло» огромного трансконтинентального сообщества. В городах Дальнего Магриба адепты Кадирийи собирались в завиях для коллективных радений; их соборья в глубинке больше известны шумными собраниями — хадра — под грохот барабанов-бендиров и звуки флейт (Michaux-Bellaire 1923: 42).

Одно из наиболее известных братств Магриба, вышедшее из кадиритской традиции — Айсауа ('Исауийя) — широко известно шумными эксцентрическими шествиями и мистериями по случаю дня рождения Пророка (магр.: мулуд), производящими неизгладимое впечатление на очевидцев, особенно на иностранцев. В Алжире Айсауа представлена рядом завий, в т.ч. в окрестностях гг. Алжир, Оран, Константина; в Тунисе — в гг. Тунис, Сфакс, Сус и на о. Джерба. Три завии Айсауи имелись на пороге XX в. в Киренаике, недалеко от Бенгази, а одна — в Мекке.

В числе братств, генетически связанных с Кадирией, — 'Арусийя, основанная Абу-л-'Аббасом Ахмадом б. ал-'Аруси (ум.ок. 1460), и Саламийя, восходящая к известному с XVIII в. суфию 'Абд ас-Саламу ал-Асмару. Эти братства пользуются особой популярностью на востоке Магриба: в Алжире, Тунисе и Ливии. До начала XX в. большим влиянием в Восточном Магрибе пользовалась также Бу-'Алийя, основанная кадиритским мукаддамом Бу 'Али.

К ученику 'Абд ал-Кадира ал-Джилани, «полюсу западного мистицизма» Абу Мадйану Шу'айбу, восходили истоки школы, получившей широкое распространение за пределами Северной Африки — Шазилийя.¹ Шазилитская религиозно-философская система постепенно впитала элементы местных культов и мифов, прямо способствовавших росту ее популярности в среде туземцев-неофитов и превративших ее в подлинную духовную и организационную базу магрибского марабутизма.

Со временем Шазилийя объединила сотни завий от Сирии и Египта² до Западной Африки. Ее дочерними тарикатами стали, родившиеся на волне сопротивления португальской и испанской агрессии в XV-XVI вв. братства Джазулийя, Заррукийя, Рашидийя (т.ж. известная как Йусуфийя), Карзасийя, Шайхийя, Насирийя и еще около двух десятков менее известных тарикатских образований, во главе которых становились, как правило, представители знатных шерифских родов.³

¹ *О ее основателе-эпониме, Абу-л-Хасане 'Али аш-Шазили, имеется немало противоречивых сведений. Родился он между 1175 и 1196 гг. После кончины его наставника Бен Машиша (1228) Аш-Шазили поселился в Тунисе, в местечке Шазила, откуда его ницца, позже основал ряд завий в Египте (Каир, Александрия). По преданию, он умер на пути в Мекку, в пустыне Хумайтхара, около 1258 г. Его предполагаемая могила в деревне Айдаб, на африканском берегу Красного моря, напротив Джидды, по сей день служит местом массового паломничества мусульман Северной Африки и Хиджаза.*

² *В числе других братств Шазилийя со временем утвердилась и на Ливанском побережье. Усилением своих позиций в районе ливанского г.Триполи в османский период Шазилийя была обязана, в частности, каирскому ал-Азхару, где обучались мусульмане из Ливана (Дарника 1984: 141).*

³ *К XX в. филиалы Шазилийи имелись, помимо многих арабских стран, в Индии, Пакистане, Шри Ланке. Шазилийя приобрела популярность в Европе и Америке, где к ней примкнул ряд интеллектуалов. Нп., шведский художник-импрессионист Иван Агели (Ivan Aguilí, 1869-1917) — первый представитель мукаддама Шазилийи в Западной Европе; он же принял в братство французского философа и востоковеда Рене Генона (René Guénon, 1886-1951). Последователь шазилитско-даркавитской традиции шотландский писатель Йан Даллас, ав-*

Развернувшееся на пороге XIX в. обновленческое движение в исламе, прямо связанное с подъемом на фундаменталистских движений, в т.ч. ваххабитов Аравии, привело к формированию марабутских структур «традиционалистского обновления».

Наиболее влиятельным из них стала упоминавшаяся уже Даркава (Даркауийа), занявшая важное место в религиозной и общественной жизни Магриба в колониальный период. Вождь-основатель братства Абу Хамид (Ахмад) ал-'Араби ад-Даркауи (1760 — 1823) выступал против практики старых братств, призывая своих последователей уходить от мирских дел. Учение ад-Даркауи получило популярность как среди интеллектуалов Феса, так и у простого люда: братство активно использовало свои корпоративно-цеховые объединения (кожевников, угольщиков, строителей).¹

Каттанийа (Киттанийа) — другое крупное «обновленческое» братство, появившееся в Магрибе в середине XIX в.² Каттанийа заметно усилилась на пороге XX в. при султানে Мулай 'Абд ал-'Азизе (1895 — 1907), когда число ее завий в Марокко достигало сотни. Шейхи Каттанийи умело сочетали политические и духовные рычаги, критикуя правительство за слабое противодействие иностранной агрессии; члены братства придерживались собственного порядка объявления азана и даже времени начала ежедневной молитвы-салат. (Харакат 1985: 273). После гибели шейха ал-Каттани (1909) братство практически утратило свое влияние, которое частично смогло возродить уже после 1918 г. (Тримингэм 1989: 99).

Большинство возникших в Новое время марабутских братств Магриба вели происхождение из Марокко, но со временем приобрели приверженцев в других районах Северной Африки. Более 22 тысяч adeptов по всему Алжиру имела, нп., на пороге XX в. Тайибийя (или Уаззанийя). Подобно Тайибийе-Уаззанийе, и другие ветви Шазийлий сохранили к XX в. влияние в разных концах Магриба. Так, Шайхийя имела тогда в Алжире более 10 тыс. приверженцев; Хансалийя — более 4 тысяч в районе Константины; Йусуфийя — около 1,5 тыс. — в Орании и т.д., наконец, Даркауа — до 10 тысяч adeptов в Орании, Сахаре и даже в Нигере. (Depont, Coppolani 1897: 87 — 89).

Немало приверженцев в Магрибе приобрела родившаяся далеко на Востоке Халуатийя, основателем-эпонимом которой был иранец Омар ал-Халуати (ум. 1397). Главная завия Халуатийи была позже перенесена в Сиди Дамердеш, под Каиром, откуда ее учение распространялось от Персии и Индии, до Магриба — на западе.

тор «Книги странников» (The Book of Strangers), был известен во 2-й половине XX в. в западном исламе как шейх Абд ал-Кадир ал-Мурабит, основатель суфийской школы «Мурабитун»...

¹ *Отрешенность (таджрид), явная или тайная, писал ад-Даркауи, — главная добродетель, без нее нет ни посланника, ни пророка. Даркавитов узнавали по особым четкам; их женщины имели свои объединения... (Харакат 1985: 269). Уход от несовершенств мира, однако, не удался ад-Даркауи, и он был втянут в политику. Султан Мулай Слиман (1795-1822), обратившийся к ваххабизму, дабы ограничить влияние марабутов, пытался использовать «орел святости» ад-Даркави и поддержал антитурецкие выступления даркавитов в Ороне и Тлемсене. Уход ад-Даркави в оппозицию вызвал гнев Мулай Слимана, и шейх был брошен в тюрьму. Новый султан Мулай Абд ар-Рахман (1822-1859) освободил ад-Даркауи, но братство его постепенно утратило политическое влияние (Тримингэм 1989: 98).*

² *Первую завия основал в Фесе около 1850 г. Мухаммад б. 'Абд ал-Ваххаб ал-Каттани. С 1890 г. руководство этой завией перешло к его внуку, имевшему то же имя (Тримингэм 1989: 99).*

Эмиссары Халуатийи — пустытники-аскеты и чудотворцы повсюду почитались как святые.

Большую роль в Магрибе в колониальную эпоху сыграли два тарикатских объединения, вышедшие из Халватийи — Рахманийя, созданная Абу 'Абдаллахом Мухаммадом б. 'Абдаррахманом ал-Гуштули ал-Джурджури (ум.1793) и Тиджанийя, основанная алжирцем Абу-л-'Аббасом Ахмадом ат-Тиджани (ум.1815). Рахманийя и Тиджанийя наиболее полно отражали получившую распространение в «народном исламе» Магриба практику формирования этнических групп, нп. провинциальных берберских филиалов, действовавших параллельно с главными городскими центрами.

В 1871 г. Рахманийя, во главе которой стоял шестой потомок ал-Джурджури — шейх Амзиан ал-Хаддад (кабил.: Ахаддад) — стала духовной и боевой базой большого восстания в Кабилии, начатого башагой ал-Мукрани. После подавления массовых антифранцузских выступлений на востоке Алжира шейх ал-Хаддад был интернирован, а главная завия Рахманийи — закрыта. На имущество и земли Рахманийи был наложен секвестр, и они перешли в фонд колонизации, что нанесло тяжелый удар по братству.

Тиджанийя — одно из наиболее влиятельных братств, явно переросшее рамки тариката. В условиях французской экспансии на севере Африки во 2-й половине XIX в. Тиджанийя стала крупнейшим центром антиколониального сопротивления, в т.ч. формирования так называемых тиджанитских «государств джихада» (Tijaniyah jihad states) преимущественно в населенных племенами фульбе районах Мали и других предсахарских областей африканского Сахеля.

Главная обитель, завия Тиджанийи в марокканском Фесе, — оплот религиозного и политического влияния братства среди мусульман Магриба, Западного Судана, а также тысяч приверженцев Тиджанийи среди как иммигрантов, так и коренных жителей Западной Европы, в первую очередь Франции.¹

Большим весом у тиджанитов пользуются расположенные в Алжире завии в 'Айн-Махди и в Темасине, причем последняя давно претендует на роль главной резиденции братства. Соперничество между алжирскими завиями ослабляло позиции Тиджанийи, насчитывавшей в начале XX в. сотни тысяч приверженцев в Магрибе, Судане (как Западном, так и Восточном), в Египте, Аравии и других странах.

В Магрибе, особенно в Марокко, Тиджанийя приобрела в Новое время славу аристократического братства, объединявшего выходцев из видных арабских и андалусских семейств. Между тем, в Алжире Тиджанийя, как и Рахманийя, имела свои «берберские филиалы». Как правило, к числу ее адептов принадлежала наиболее образованная и одновременно консервативная часть магрибинского общества, в т.ч. чиновники, дипломаты, феодалы и коммерсанты, известные богословы-улемы.

Благодаря заметно большей по сравнению с другими тарикатами внутренней консолидации, происхождению своих хванов, их социальному весу и значительным материальным возможностям, Тиджанийя заняла особое место в общественной жизни Магриба. Большое внимание в своей проповеди тиджаниты уделяли делам

¹ *О неослабевающей роли Тиджанийи в современном Магрибе свидетельствует внимание, включая значительные пожертвования, которыми одаривает тиджанитские святыни, прежде всего главну завия в Фесе, правящий алаутитский режим Марокко в лице нынешнего монарха Мухаммада VI.*

мирским, правовым и финансовым вопросам, что, нп., проявилось в их контактах с европейцами.

В разгар колониальной экспансии на рубеже XIX — XX вв. влияние марабутских братств особенно ощутимым оставалось в Марокко, Мавритании и Западной Сахаре, где в них, включая их финансово-предпринимательские объединения-корпорации, в начале XX в. состояло подавляющее большинство населения.

Несмотря на автохтонный субстрат, лежавший в основе становления институтов народного ислама в Магрибе, они оставались тесно связанными с главными тарикатскими центрами на Востоке — в Египте, Аравии, Ираке и т.д., — прежде всего благодаря единству базовых религиозных и социальных институтов.

Следует отметить, что, несмотря на скрытый характер посвящения, радений, других видов внутритарикатской деятельности, братства Магриба вряд ли можно назвать замкнутыми социальными организациями. Опыт марабутских сообществ, мистических братств в других частях мира ислама показывает, что контакты между ними были достаточно широкими. Это проявлялось в рамках межтарикатского сотрудничества, нп., по обеспечению приютом паломников в Аравию. Из хаджжа мусульмане возвращались нередко, приняв посвящение еще в одном, или даже нескольких братствах.¹

Тарикаты и завии Магриба, таким образом, выполняли функцию важного связующего звена между этнокультурными массивами мусульманского Востока и Запада, способствуя региональной этноконфессиональной и общей цивилизационной консолидации исламского макросоциума на Ближнем Востоке и в Северной Африке.²

Устойчивая тарикатская иерархия, в свою очередь, отражавшая традиционную для региона систему социальной организации и духовных ценностей, в дальнейшем легла в основу формирования новых институтов культурно-просветительской, а также предпринимательской деятельности. В условиях европейской колонизации некоторые из таких структур испытали на себе влияние западных принципов социальной организации, например, корпоративных коммерческих объединений, цеховых и профессиональных синдикатов или даже политических партий.

Социальные функции святого: марабут — учитель, целитель, хранитель духовных традиций Магриба. К концу XX в. многие институты марабутизма канули в лету. Не часто сегодня можно встретить марабута, нп., в современных кварталах крупных городов;³ вряд ли можно найти завии в их прежнем виде. Редкий святой-уали в Ма-

¹ «В священных городах ислама были представлены практически все авторитетные направления и ответвления дервишских братств, распространенных по всему мусульманскому миру...». Среди братств, пользовавшихся особым влиянием в Хиджазе и одновременно на севере Африки, выделялись Халуатийя, Даркауийя и основанная в первой половине XIX в. хиджаская ветвь последней — Маданийя. «Представители Маданийи из Хиджаза распространились по Тунису, Алжиру, Ливии, Турции, чему в немалой степени способствовало паломническое движение...» (Кириллина, Родригес 1995: 84).

² Как известно, и сам «Великий Сануси» Мухаммад б.‘Али (1787 — 1859), прежде чем стать основателем влиятельнейшего на севере Африки и на Ближнем Востоке братства Санусийя, был приверженцем Тиджанийи, Шазилийи (идрисидской ветви), Насирийи, Кадирийи... (Evans-Pritchard 1954: 13).

³ Колоритные фигуры африканских «марабутов» — знахарей и торговцев амулетами — сегодня скорее можно встретить на рынках, площадях и даже в переходах метро во Франции.

грибе может похвастаться сегодня достоверной генеалогией (силсила), связывающей его с благочестивцами прошлого. Не без оснований, видимо, магрибинцы все меньше обсуждают высокие достоинства (карама́т) сегодняшних праведников, а тем более ниспосланный им дар чудотворства (ма'джизат).¹

Между тем, место марабутов в традиционной культуре остается заметным, а в провинции и просто значительным. Они служат «шарниром социальной системы» мусульманского Магриба, по-прежнему выполняя двойную посредническую роль: как внутри социальной группы, так и в ее отношениях с высшими силами (Lizot 1973: 117).

И сегодня марабут «стремится привести в соответствие предписания Корана с существующим образом жизни, не затрагивая местной культуры и господствующего общественного порядка». Поселившись в деревне или в племени, марабут становится секретарем-писцом, главным советником местного старосты или даже вождя. По примеру вождя и другие влиятельные лица племени отдают своих сыновей ему на обучение. Так марабут создает себе помощника и преемника из местной элиты. Для решения своих миссионерских задач он пользуется и поддержкой купцов, которые, например, контролируют большую часть сахарской торговли... (Фукс 1971: 98).

Как и тысячу лет назад, в эпоху альморавидов, их дальние потомки — марабуты — стараются сохранить основы исламской веры и культуры среди жителей Сахары или горцев Атласа. А.Гаудио рассказывал о собрании рукописей в Уаддане — одном из главных перекрестков сахарской торговли, основанном арабами в первой половине VI в.х. /XII в. В одном из домов Уаддана местный марабут — вождь племени идауль ал-бадж продемонстрировал исследователю десятки томов старинных документов. Рукописи из коллекции марабутского вождя были посвящены арабской грамматике, географии и астрономии, правоведению и богословию. В библиотеках Уаддана, Шингетти, Атара и других крупных центров Мавритании и Западной Сахары хранятся редкие рукописи Корана, часть которых относится к альморавидской эпохе (XI — XII вв.).

Посетивший эти места в 1960-е гг., вскоре после получения Мавританией независимости, А.Гаудио отметил роль основанного в 1961 г. Национального института исламских исследований в сохранении традиционной культуры. В расположенном в 400 км к юго-западу от Шингетти г.Булимите обучением детей как и столетия назад занимались марабуты. Дети заучивали стихи Корана, их учили основам арабской грамматики, каллиграфии, богословия, мистики и правоведения, а также арифметике, логике, медицине, астрономии и астрологии. Учебные тексты в основном принадлежали известному средневековому мусульманским ученым и марабутам. В одной из школ Шингетти из 250 учащихся 50 составляли девочки. В 1960-е гг. это был, вероятно, наиболее высокий показатель в Мавритании (Гаудио 1977: 203 — 205).

В алжирском Уарсенесе, уже в годы независимости, семейства марабутов также оставались важным источником пополнения учительских кадров для деревни: преподавание коранических дисциплин занимало особое место в деятельности марабутов. Как и прежде, в Магрибе, особенно в провинции, неграмотные крестьяне или кочевники нуждались в посредниках перед Всевышним, что обусловило там живучесть культа святых. Правда, в отличие от высокородных шерифов, местные марабуты вряд ли могли считаться большими учеными. Их область зна-

¹ Правда, даже скромный личный опыт общения автора в Марокко с приверженцами мистицизма и магии показал, что вера в чудеса и чудотворцев у местных жителей еще не полностью утеряна.

ний сводилась к Корану, что было вполне достаточно для выполнения ими своих главных функций (Lizot 1973: 116 — 117).

Нравственный авторитет и «благородная отчужденность» образа жизни марабутов подкрепляли их право на третейский суд в урегулировании конфликтов, решении споров о наследовании и т.д. В регионах, где влияние центральной власти (махзен) традиционно было слабым (так называемые «блед ас-сиба») — «край львов»), марабуты, оставаясь над клановыми распрями, сохраняли функцию посредников в спорах и, следовательно, защитников «политического единства общины» (Roberts 1979: 105).¹

Целительство — одно из наиболее востребованных по сей день занятий марабутов.² Обе категории носителей бараки: шерифы — высокородная элита, или же скромные местные марабуты, народные проповедники, сохраняют в Магрибе популярность еще и потому, что остаются наиболее доступными в народе врачевателями.

Барака марабута позволяет ему справляться с любыми недугами. Если большой не получает помощь от одного марабута, он обращается к другому. Сила, или степень марабутской бараки может возрастать или ослабевать. Разные категории марабутов различаются по уровню бараки: главные святые, потомки шейхов-основателей братств и завий всегда славились как универсальные целители и чудотворцы.

Примеры лечения баракой имеются в обширной агиографии Магриба. Сами места подвижничества и могилы святых целебны. Святыни-мрабиты стоят в почитаемых местах, отмеченных источником, скалой, пещерой, старым деревом, и т.п. Листья такого дерева, ключевая вода, песок, камни с этого места считаются целебными. Грот к тому же служит приютом и «больничной палатой», например, для душевнобольных. Местом исцеления может быть марабутская «хельва»-келья, где святой уединялся для молитвы. После кончины марабута у его кельи приносят жертвы и устраивают радения с ритуальными танцами и пением.³

Целительство — дар любого марабута, но в каждом случае нужно говорить об известной «врачебной специализации» святого.⁴ Так, рабатский святой Сиди Махлуф, принявший ислам иудей, или же святой марабут Мулай Ахмад ал-Уаззани из Мекнеса, специализировались на лечении паралича и всевозможных нервных расстройств. Святой юродивый и безумец Мулай Бушта («ал-Хаммар») из окрестностей Феса помимо дара вызывать дождь может также вернуть разум безумцам, дар речи — немым, слух — глухим и давать внешнюю привлекательность тем, кто не мог найти себе суженного.⁵

¹ По словам Ж.Лизо, лишь благодаря вмешательству марабута удалось прекратить кровавые столкновения между соперничавшими группами Уарсениса — Бени Хандале и Бени Буханус (Lizot 1973: 116).

² Наиболее полно эта сторона традиционной культуры Дальнего Магриба была исследована М.Ахмисом, в том числе в его книге "Mùdecine, Magie et Sorcellerie au Maroc". (Casablanca, 1985).

³ Внутри хельвы пациент найдет очаг-канун для курений (бхур), изгоняющих духов, иногда — камень или цепь для нанесения ударов по больным членам. Ритуалы у марабутских святынь нередко сопровождаются самобичеванием и призваны восстановить потерявшие чувствительность органы (Akhmis 1985: 36-37).

⁴ Как правило, крупные марабуты выступают врачевателями-универсалами. Большинство же местных марабутов известны клиентам как «узкие специалисты», занимаясь, например, лечением сифилиса, других венерических, кожных заболеваний и т.д. (Eickelman 1981: 162).

⁵ Семь святых Марракеша («Саб'ату риджал») обязывают паломника провести семь дней у их могил: пятницу — у Сиди Б.Слимана; субботу — у Сиди 'Абд ал-'Азиза; воскресенье — у Сиди ал-Газнауи; понедельник — у Сиди ас-Сухайли;

Радение (хадра) в стенах касабланкских мрабитов Сиди Мерс Султан, Сиди Бен Ишу, Сиди Месауд, а также приобретенные там соответствующие талисманы помогут, например, освободить одержимого (масру⁴) от злых духов (ритуал экзорцизма — сра⁴), избавить от сексуальных неврозозов и даже от проблем на работе и в школе.¹

Роль марабутов как фактора социальной и духовной жизни мусульманского Магриба наиболее рельефно проявляется в более консервативной по сравнению с городом периферийной среде обитания — в деревне, в горных селениях или в лагерях кочевников на севере Африки — от Атлантики до Красного моря.

Разбросанные здесь повсеместно характерные белоснежные постройки-мавзолей, с куполом или без одного, часто окруженные глинобитной или плетеной изгородью с ленточками, испещренными вотивными надписями — куббы, мрабиты, машады — не просто памятники культовой архитектуры, но и важные центры марабутской проповеди. Вряд ли можно согласиться с мнением П.Фука о том, что роль наставника-марабута ограничивается сегодня лишь его «формальным признанием». Для того, чтобы обрести духовный вес в той или иной местности, завия подчас веками была вынуждена через марабутов настойчиво вести в племенах свою пропаганду. Такая проповедь вряд ли теперь имеет целью приобщить людей к классическим арабо-мусульманским ценностям. Марабуты не строят сегодня мечетей в привычном виде и часто молятся со своими последователями в обычной хижине или палатке.

Амулет, талисман — важный элемент культа святых, инструмент социального влияния марабута, призванный защитить владельца от джиннов, болезней и враждебных сил природы.² История амулета теряется в глубине веков и близка по возрасту самому человеку, всегда старавшемуся защитить себя: недаром обозначение амулета во многих языках связано с понятием защиты, хранения, о чем напоминает и наш «оберег».³ Амулеты Берберии вобрали в себя как африканскую, так и ближневосточную традиции: древнеегипетское, финикийское, ассири-вавилонское влияние играло здесь не последнюю роль. Синкретизм духовной культуры Магриба отра-

вторник — у Сиди Йусуфа б.'Али; среду — у Сиди ал-'Айдаа; четверг — у Сиди Абу-л-'Аббаса. Больные падают ниц у гробницы, наносят землю на больное место, окропляют его святой водой, оставляют еду у святых, чтобы вечером раздать ее нищим (Akhmisse 1985: 34-35).

¹ *Так, сопровождающие занемогшую девушку родственники, принеся в жертву черную козу, обращаются к джиннам с призывом: «Освободите ее! Дайте ей учиться (работать)!...» (Etienne 1981: 284).*

² *Талисманами в Магрибе служат разные изделия и украшения, заключающие в себе символические знаки доисламского происхождения. «Таковы изображения рыбы, кисти руки, названной мусульманами «рукой Фатимы», полумесяца. Изображение полумесяца, часто встречаемое на карфагенских вотивных стелах как знак богини Танит, было отнесено затем к культу римской Дианы. В странах ислама полумесяц, ассоциируемый со звездами, стал символом воскресения. В Магрибе полумесяц приобрел характер воинственной эмблемы на марокканских штандартах 14 века...» (Каптерева 1988: 121).*

³ *Марабутам приписывают дар «белой», благотворной магии, в то время как «черная» магия, как правило, — занятие женщин-колдуний. Считается, что старухи могут навлечь злой рок, приворожить мужчину, они знают секретные зелья, которые, например, снимут боль, но при этом лишат мужчину потенции. Если возникает опасение в таком колдовстве и злых чарах, обращаются к марабуту, чтобы он снял их. «Так, магия мужчин-марабутов и женская магия воплощают две противостоящие силы...» (Lizot 1973: 116).*

жается в форме и содержании местных амулетов, несущих следы Торы, Евангелия и Корана.

Вера в способность посредника-марабута улаживать с ними отношения во многом определяет образ поведения мусульман Магриба. В сердце алжирской Сахары — Ахаггаре — в последней трети XX в. — в годы независимости и социалистических преобразований — немецких гостей убеждали в происках джиннов, «сидевших, под каждым камнем и кустом». Повелителями духов здесь всегда считали кочевников племенной группы с характерным берберо-арабским названием кель-ас-суф (т.е. «племя», «люди» шерсти, а скорее — суфизма). Главной защитой как от джиннов, так и от самих кель-ас-суф, служил амулет, который всегда имел при себе любой кочевник-туарег, включая вождя — аминокала. Производством и продажей амулетов в Ахаггаре, как и в других районах Магриба, занимались марабуты. Поскольку читать слова Корана, как правило, никто не мог, они имели в основном визуальный, магический эффект (Nerlich 1976: 62 — 63).

Наряду с вышеперечисленными, важная социальная функция марабута — освящение своим присутствием и баракой торжественных актов, таких как рождение, обрезание, бракосочетание, похороны, начало полевых или строительных работ и т.п. Марабут — центральная фигура народного праздника в Магрибе.

Мусем — марабутский праздник мусульманского Магриба — пожалуй, лучше всего дает представление о месте святых в культуре народов Магриба. Само слово «мусем» (от араб.: «маусим») имеет как в классическом арабском, так и в диалектах широкий смысловой спектр, означая «сезон», «урожай», наконец, «праздник урожая».

Как и у других народов, окончание полевых работ, сбор урожая издревле сопровождалось в Берберии праздничными торжищами, на которых не последнее место занимала купля-продажа скота, как правило, сопровождаемая его клеймением. Такого рода практика характерна для населения всей аравийско-североафриканской историко-культурной зоны. Включение ее в цивилизационное поле ислама, начиная с VII в. придало историческому опыту аравитян, соплеменников Мухаммада, особое значение в эволюции духовных ценностей мусульман Магриба. Пестрые североафриканские мусемы, сопровождаемые ритуальными жертвоприношениями и переодеванием, превратились в настоящие маскарады с праздничными шествиями и играми. Эти праздники — прямые родственники популярных на юге Европы карнавалов.

С приходом ислама мусем объединил функции ежегодных праздников-ярмарок с ритуалами паломничества (зийара) к святыням. Многие мусемы в арабских странах отмечают по лунному календарю.¹ Между тем, до 3/4 мусемов Магриба отмечают по солнечному (юлианскому) календарю: по завершении полевых работ в конце августа — начале октября, либо же, как у кочевников-скотоводов, с весенним приплодом: в конце мая — июне. Если дни такого празднества приходятся на месяц поста рамадан, то мусем обычно откладывается на тридцать дней (Lerapot 1984: 444).

В новое время отношение к мусему в Магрибе складывалось не однозначно. Французские власти в основном мирились с этим архаизмом, следя, чтобы он не пре-

¹ Например, городской мусем братства Айсав (‘Исауа) в Мекнесе отмечается с днем рождения Пророка (маулид/мулуд). Мусем в честь основателя братства Насирийя — Сиди Мухаммада б.Насира в марокканской провинции Уарзазат, в окрестностях Загоры, отмечается в священный день ‘ашуры — 10 числа лунного месяца мухаррам.

вратился в очаг антиколониальной смуты. С крахом колонизации во 2-й половине XX в. в регионе возникли суверенные государства, заметно различавшиеся по своей политико-идеологической ориентации. В результате, роль ислама и доисламских институтов воспринималась властями по-разному. Как часть мира ислама, государства Магриба далеко не всегда склонны поощрять отправление полуязыческих культов, связанных с почитанием могил марабутов и святых мест.

Наиболее полно сохранив древнее наследие Берберии, несмотря на антимарабутские кампании султанов-шерифов на разных этапах своей истории,¹ Марокко остается главным очагом «народного ислама» и культа святых. К концу XX в. в Марокко насчитывалось до 650 мусемов,² правда, далеко не все из них выходили за рамки местных праздников. Наряду с большими фестивалями-мусемами по окончании полевых работ в Магрибе устраивают и более скромные сельские ярмарки - 'амара.³

К числу праздников национального масштаба в Марокко следует отнести мусем Мулай-Идриса Зерхунского, посвященный основателю династии идрисидских шерифов и первого мусульманского государства на западе Берберии. Священный город Мулай Идрис лежит в Среднем Атласе, на склонах массива Зерхун.⁴ Традиция мусема у гробницы Идриса I утвердилась в XIX в., когда в разгар засухи жители Мекнеса пришли на могилу мистика Сиди 'Абд ал-Кадира ал-'Алами (ум. 1850 г.), умоляя его просить Всевышнего о ниспослании дождя. Покойный марабут велел тогда верующим отправиться процессией к гробнице Мулай Идриса, где молитва их была услышана. С тех пор мекнесцы и жители окрестных сел под руководством братства 'Аламии стали ежегодно совершать коллективное паломничество к могиле шерифа на Зерхуне.

Десятки, иногда до сотни тысяч паломников съезжаются в конце мая к Зерхуну. На раскинувшемся на его склоне Хиберском плато вырастают тысячи палаток, включая шатры официальных гостей — представителя короля, губернатора провинции и т.п. Многолюдный праздник мешал ходу полевых работ, и в середине XX в. власти решили перенести его на конец сентября. Став общенациональным, этот праздник, как и большинство мусемов, знаменовал завершение летних работ и наступление осенне-зимнего «затишья».

Мусем Мулай Идриса приобрел не только культурное, экономическое, но и политическое значение, содействуя развитию общенациональных связей. Позволив бер-

¹ *Опасаясь масштабов влияния доисламских пережитков в повседневной жизни Марокко, султан Мулай Слиман ввел в 1815 г. запрет на мусемы.. «Разве Пророк, — говорил он, — отмечал мусем в честь своего покойного дяди? Разве первый глава уммы Абу Бекр отмечал мусем в честь Пророка? Разве хоть кто-то, кто шел за Пророком, думал так поступать?..» (Lerapot 1984: 445).*

² *Определить, даже приблизительно, количество мусемов в Алжире или Тунисе гораздо сложнее. Как власти, так и официальная религиозная элита в этих странах не только не поощряют, но и замалчивают проведение таких празднеств, не без оснований считая их «пережитками прошлого».*

³ *Праздник-'амара в честь Сиди ал-Мадждуба проходит в селении Бузири в области Хабт, где этот святой основал обитель-зауию. Кульминацией его становится джедба — транс, венчающий мистическое радение и прославивший некогда этого марокканского святого-юродивого (Premare 1985: 59).*

⁴ *В двух милях от римского Волюбилуса, бежавший от аббасидских гонений шериф Идрис, потомок 'Али и Фатимы, нашел поддержку берберских вождей. Здесь же, отравленный в 793 г. по распоряжению Харуна ар-Рашида, он был погребен, обретя вечный покой и славу первого мусульманского святого Марокко.*

берам Среднего Атласа (племена геруан, земмур, бени мтир и др.) обращаться с насущными просьбами к первому святому Марокко, этот праздник одновременно помог им приспособиться к требованиям современной жизни (Ben Talha 1965: 116 — 124).

На юге Марокко широко известен мусем Имильшиль в центральной части Высокого Атласа, который также проходит в конце сентября (третьей недели месяца) с наступлением у горцев «мертвого сезона» в полевых работах.

Другой знаменитый праздник — Гулиминский мусем в Асире, у подножия Анти-Атласа, проходит в конце мая — начале июня, собирая тысячи скотоводов с юга Марокко на верблюжью ярмарку. Как некогда и в других частях Берберии до прихода ислама, Гулиминский мусем открывается торжественным закланием животных. Совместная праздничная трапеза с поглощением мяса жертв призвана наделить каждого члена общины долей бараки и одновременно укрепить родственные и корпоративные узы. На протяжении всего праздника группы паломников посещают гробницу марабута, у которой молятся, забирая пригоршню земли от стен куббы, чтобы поместить ее в талисман. Женщины повязывают лоскутки от своих платьев на ближайшем к гробнице кусте. Земля с могилы марабута или оставленная у нее вотивная ленточка призваны укрепить связь со святым... (Léranot 1984: 445).

Как главные региональные, так и местные мусемы имеют общий сценарий, отличаясь деталями локальной специфики. Главная задача праздника — обращение к Богу, заклание жертвы и последующее ее ритуальное поедание — отразилась в названии этих трапез — та'ам (араб.: еда, угощение). Ведущий свое происхождение от языческих культов, та'ам фактически представляет собой ритуальное причащение священной плотью, которое отмечает очередной этап полевых работ.

У горцев-скотоводов алжирского Уарсениса, например, отдельные родовые группы (фирка, мн.афрак) устраивают та'ам в мае-июне, в сезон приплода. Общий же праздник отмечают в июле на специально отведенной площадке-луге (марджа) в стороне от селения. Марабуты и здесь играют важную роль, освящая присутствием и молитвой жертвоприношение (животные — бык, бараны, козлы — доставляются определенными фракциями). Иногда та'ам посвящают одному из святых, но скорее эти церемонии связаны с культом предков: особое внимание в них отводится традиционной социальной структуре, ее фракциям и кланам. Малая трапеза фракции (фирка) собирает членов рода, а большая — представителей родственных кланов, чьи предки-эпонимы были братьями (Lizot 1973: 118).

Марабуты и их братства — религиозный и социальный феномен мусульманского Магриба. Культ святых в исламе вызывает немало противоречивых оценок. Таухид — основополагающая для ислама концепция единства Творца и мироздания — уже на заре его истории вынужден был сосуществовать с, как оказалось, труднопреодолимой для верующего склонностью к почитанию праведников, благодаря достоинствам своим, явно стоящих ближе к Всевышнему, чем другие смертные.

В каждом регионе распространения ислама, особенно на периферии его духовного и геополитического поля, поклонение этим святым угодникам (уали) приобретает свои черты, обусловленные влиянием бытовавших там прежде культов и верований. Не был исключением и даже дал свой опыт эволюции культа святых в лоне локального синкретического ислама Магриб — родина североафриканского марабутизма.

Впитав за века элементы верований средиземноморско-североафриканского историко-культурного ареала — берберо-африканских культов с пережитками пуни-

ческой и эллинистической традиций, элементы иудаизма и христианства — марабутизм стал господствующим в массовом сознании жителей Магриба (как в Средние века, так и в Новое время) феноменом духовной и социальной жизни.

Социальная роль марабутских братств в Новое время — в период колонизации и независимости — в значительной мере определялась позициями, которые они завоевали в жизни Магриба еще со времени появления там первых ростков исламского мистицизма и культа святых, давших рождение мощным «стволом» тарикатских объединений с раскидистыми ветвями филиалов и профессионально-цеховых корпораций.

В отличие от эпохи становления институтов марабутизма в Средние века, когда нередко они выполняли военно-политические и мобилизационные функции, в Новое время, с утверждением в Магрибе колониальных режимов, а затем и суверенных независимых государств роль марабутов свелась, в целом, к мирной сфере, то есть к религиозно-просветительской, правовой, посреднической, целительской.¹

Получивший широкое распространение в Африке, в том числе в северо-западных ее районах, исламский мистицизм, структурированный в тарикаты — братства или ордены — и их дочерние подразделения, принес с собой и новый социальный порядок, прямо способствуя «изменению внутримирских связей».²

Как в прошлом, так и сегодня противоречия между канонами официального ислама и обрядами марабутов ставили культ местных святых в сложное положение «на грани правоты и эффективности»: сближение с официальной ортодоксией и критика марабутизма, воспринимавшегося как ересь (бида³) ставили под угрозу весь символический капитал местного святого, ведь, согласно маликитским нормам, культ святых являлся постыдной еретической практикой...» (Pascon 1984: 172).

Веками складывавшаяся иерархия ценностей, организационные принципы, лежавшие в основе функционирования марабутских братств, а также опыт действовавших под их эгидой торгово-финансовых и ремесленных корпораций в известной мере определили особенности формирования на пороге XX в. популярных в мире ислама культурно-просветительских и предпринимательских ассоциаций и т.п. Несмотря на присущий им в целом дух обновленчества, многие из них наряду с представителями «эволюционировавшей туземной элиты» — местными офранцузенными нуворишами — включали выходцев из известных и по-прежнему влиятельных старинных семейств, нередко шерифского или марабутского происхождения.

¹ Социальные функции марабутов и их братств в новое время Х. Робертс объясняет рядом «лакун», «недостатков» — *absences* — в традиционном обществе, особенно среди сельского населения: 1) отсутствием образования (необходимого для индивидуального обращения к священным книгам); 2) отсутствием врачей; 3) отсутствием учителей; 4) отсутствием закона и порядка (прежде всего в относительно независимых от властных центров районах «блед ас-сба⁴»). (Roberts 1979: 107).

² «Прежние кровнородственные отношения, замкнутость родственных союзов и соседских деревенских общин относительно обесценивались под влиянием идеи духовно-религиозного единства...», — отмечает А.Д. Саватеев. Падал авторитет жреца, которому оставалось «либо становиться одним из рядовых общинников, либо перекалцифицироваться в духовного вождя — шейха новой религии». Складывается новая общность, основанная на принципах религиозности. «...Религиозная этика братства и социальной взаимоподдержки оказываются достаточно эффективной основой для создания конфессиональных общин, обладающих выраженными социальными и экономическими функциями». (Саватеев 2006: 99).

В свою очередь подобные культурно-просветительские общества дали необходимый опыт и послужили базой для формирования политических структур и первых партий национально-патриотической ориентации, рождение которых в странах Магриба приходится уже на новейшее время.

Способность сочетать в своей практике традиционное и новое, внутренний трансформационный и интеграционный потенциал тарикатских структур, определили их живучесть и устойчивость под давлением коллизий социально-политического развития магрибского общества на протяжении новой эпохи, да и всего XX столетия.

Место тарикатов в религиозной и социальной жизни народов Ближнего Востока и Северной Африки, Центральной и даже Юго-Восточной Азии может существенно различаться в зависимости от конкретных условий их становления в той или иной части мусульманского мира. И в самом Магрибе соотношение роли тарикатов и других институтов «народного» ислама подчас существенно варьируется в разных областях или группах населения: например, в марокканском Рифе или у туарегов Сахары, у горцев-кабилов или у шавийя в Алжире и т.п. Между тем, политические, социально-экономические и даже военные функции этих институтов на фоне изменяющихся внешних факторов, в том числе внешней агрессии, были и остаются во многом схожими.

Значительная часть более чем миллиардного мусульманского населения планеты по сей день сохраняет приверженность так называемому «синкретическому исламу», выросшему на почве классического исламского мистицизма — суфизма и обильно впитавшему в себя элементы локальных культов. Этот пласт исламской духовности дал в новое время жизнь широкому спектру реформаторских и обновленческих течений, к которым вполне можно отнести и кавказский зикризм, мюридизм, и североафриканский марабутизм, а также другие религиозные течения «народного» ислама.

В период иностранной экспансии, прежде всего европейского завоевания и колонизации в XIX — первой половине XX в., тарикаты и их вожди показали себя активной социальной силой и эффективным средством духовной и этнокультурной консолидации традиционного мусульманского общества перед лицом надвигавшейся военно-политической конфронтации с Западом.

Европейская колонизация Магриба во многом определила новое общественно-политическое место марабутов и тарикатов в жизни «туземного» общества, когда завин, интегрируясь в «колониальный сектор», постепенно утрачивают роль военно-политических лидеров радикальной исламской оппозиции, оставаясь по сути провинциальными, по-своему влиятельными, центрами религиозно-просветительской и социально-экономической деятельности «туземцев».

И в доколониальный, и в постколониальный периоды значение марабутской элиты определялось не только духовным или «мирским», социальным влиянием братства, сколько его политическим весом, прежде всего в отношении центральной власти.

В XX в. марабутская среда дала колониальному Магрибу немало крупных политических фигур. Духовный вождь Конституционной партии (Старый Дустур), известный тунисский деятель Абдельазиз Таальби (1874/1875 — 1944) слыл потомком алжирского марабута Сиди Таальби (Видясова 2005, I: 441). Внук ‘Абд ал-Кадир эмир Халид (1875-1936) стал связующим звеном между двумя этапами становления алжирского антиколониализма — разрозненными демаршами традиционалистов и ассимиляционистов—младоалжирцев и начавшимся после первой мировой войны «революционно-демократическим подъемом». Сподвижник Халида, один из первых алжирских

националистов, видный востоковед М.Бен Раххаль кончил жизнь (1928) мукаддамом братства Даркава (Ланда 1977: 268). Приверженцем того же братства был и «отец алжирского национализма» Мессали Хадж (1898 — 1974) — руководитель созданной в Париже (1926) рабочей ассоциации «Североафриканская звезда», лидер Партии алжирского народа, первой выступившей за независимость Алжира. Как известно, имя «столпа западного мистицизма», Сиди Бу Мадйана, взял в качестве псевдонима Мухаммад Бухаруба, больше известный как Хуари Бумедьен — один из основателей Фронта национального освобождения Алжира и президент АНДР (1976 — 1978).

Роль марабутов в традиционной культуре Магриба по-прежнему велика. Оставаясь «шарниром социальной системы», они выполняют важную посредническую функцию в «туземном» обществе; при этом ислам служит скорее инструментом, нежели духовным фундаментом их деятельности. Марабуты обеспечивают преемственность духовной традиции, локальных верований с исламом... (Lizot 1973: 117).

Примечательно, что именно марабуты Сахары практически первыми в Магрибе, да и во всей Африке, вступили в середине XX в. в «атомный век», поскольку традиционная территория их обитания на западе Алжира (Туат и пр.) была включена в зону испытаний новейших систем французского оружия массового поражения. (Фукс, 1971: 93).

Эпоха независимости, с новыми проблемами и задачами, вставшими перед суверенными государствами Магриба, не стала для его народов «эрой марабутов»: почти повсеместно они были вытеснены на периферию социальных сдвигов, сохраняя, между тем, немалую роль в повседневных заботах североафриканской глубинки.¹

В Марокко «бурные перипетии борьбы за независимость», насильственное отстранение французами Мухаммеда Бен Юсуфа от власти в 1953 — 1955 гг. показали наличие оппозиции законному монарху. В условиях протектората против него открыто выступили только берберские вожди Юга и крайне консервативные суфийские круги, предпочитавшие получать поддержку от французских колониальных властей... Ряд суфийских братств, особенно Киттанийя, «неоднократно выступали в годы протектората с позиций, враждебных султану Мухаммеду Бен Юсуфу. Их лидеров особенно раздражали дахиры (указы) султана от 1934 и 1946 гг., ограничившие деятельность братств и поставившие их под контроль алауитского махзена.²

Значительное влияние марабутов в селлах Магриба и запада Африки, особенно «шарифов»..., т.е. «благородных», претендующих на происхождение от пророка Му-

¹ *Наметившийся в конце XX в. «расцвет исламской утопии», которому, условно, способствовал «репрессивный и авторитарный характер почти всех государств мусульманского мира», долгое время не мог конкурировать с мощными структурами суфийских братств, стоявших, нп., «за спиной основных политических партий» Судана («Умма» и Юнионистско-демократическая ЮДП), ни даже с компартией... Как и в других странах Северной Африки, в Судане активно действовали многие суфийские братства, включая Кадирийю, Шазилию, Идрисию, Санусию и т.д. (Ланда 2005: 206).*

² *Шейх братства Киттанийя и профессор богословского университета аль-Карауийин Абд аль-Хай аль-Киттани был одним из инициаторов и вдохновителей государственного переворота 15-20 августа 1953 г. То, что он принадлежал к шерифской среде и происходил из рода Идрисидов, даже заставляло современников предполагать, что французские власти чуть ли не решились сменить правящую династию и реставрировать через 11 веков власть Идрисидов в Марокко...» (Видясова, Орлов 2008: 251).*

хаммада, не помещало правящей династии, которая сама относит себя к «шарифам», с 1949 г. «всячески ограничивать их претензии и права, особенно в городских условиях, лишая их привилегий в области образования, судебных и административно-религиозных функций. Но в деревне они по-прежнему влиятельны, хотя и не так, как прежде...» (Ланда 2005: 214).

«Патриархальная государственность» в том виде, в каком она сложилась при алавитских султанах-шерифах, отличалась «ярко выраженной децентрализацией». Однако даже в полностью независимых от центральной власти (махзен) горных племенах приверженность мусульманскому вероучению (пусть и не в нормативном, «городском» варианте) была господствующей чертой общественной жизни. В годы независимости эта консервативная монархия исламского Запада рождает концепцию «контролируемого плюрализма — хасанизма»... (Видясова, Орлов 2008: 243-244).

Тунис, как и Марокко освободившийся от французского протектората в 1956 г., в последней трети XX в. снискал в Магрибе славу первенства в выступлениях исламистов против светского режима Х. Бургибы. С середины 1990-х гг. пришедшие на смену Бургибе новые официально заявляли о том, что «проблема с исламистами» закрыта, что, по мнению М.Ф. Видясовой, было «справедливо лишь отчасти...».¹

Алжир, обретший независимость в 1962 г., после кровопролитной войны, в 1980-е гг. был практически поставлен на грань гражданской войны, благодаря активизации исламистов. «Интеллектуальные лидеры исламистского движения» были в основном представителями студенчества, выходцами из средней и зажиточной крестьянской среды. «С сельским миром Алжира этих молодых людей объединяла не только неудовлетворенность политикой, проводимой властью, но и общие социальные корни, ... тяготение к традиционным духовным ценностям, шок от анонимии городской жизни, и неприятие чуждых моральных ориентиров, исповедуемых властной элитой... «Новая интеллигенция» стала кадровым резервом радикальных движений».²

Между тем, следует отметить, что «традиционные институты мусульманского общества остаются важным фактором противодействия исламо-экстремизму. «... Не стоит забывать о таком элементе традиционализма в исламе, как культ местных «святых», широко распространенный от Западной Африки до Восточной Азии (для фундаменталистов они все, как и прочие суфии, «язычники»). Авторитет этих марбутов, дервишей, шейхов... и прочих устазов (вероучителей) в мире ислама по-прежнему высок. Обычно они составляют элиту суфийских братств, занимая в них

¹ *Первая ячейка Исламской группы была организована в Тунисе в 1970 г. по инициативе Рашида аль-Ганнуши, Абд аль-Фаттаха Муру и Хмиды (Ахмеда) ан-Нейефа. Их социальное происхождение различно, оно «отражало три лица нарождавшегося тунисского фундаментализма». Учитель аль-Ганнуши — выходец из крестьян глухой южной провинции, а его сподвижники, тогдашние студенты, являлись уроженцами столицы. Муру, знаток интеллектуального суфизма, которым он увлекался в юности, происходил из семьи, обитавшей в старинном «народном» квартале Баб-Свика. Филолог-арабист ан-Нейфер принадлежал к родовой богословской фамилии и получил высшее образование в Париже...» (Видясова, Орлов: 35-36).*

² *Из ее среды вышли многие «народные» имамы — жесткие критики режима и его политики, проповедовавшие в суфийских обителях и «частных» мечетях, которые сооружались на пожертвования состоятельных алжирцев и поступления из Саудовской Аравии» (Видясова, Орлов 2008: 161).*

руководящее положение. Но немало и таких, кто действует индивидуально благодаря своей известности странствующего проповедника, ученого-богослова, отельника-моралиста и т.п. Эта исчезающая полусредневековая генерация элиты «народного ислама» еще сохраняет кое-где свое влияние, несмотря на ее размывание под напором модернизации...» (Ланда 2005: 214).

Многовековые, подчас невидимые постороннему нити, которыми марабуты и их братства связывали мусульман не только между собой, но и с наследием прошлого, по-прежнему прочны, хотя и выглядят заметно обветшавшими. Эти узы, как и другие факторы историко-культурного единства мусульманского Магриба, определяют интеграционный потенциал региона, одним из символов которого без большого преувеличения можно назвать фигуру местного святого — марабута.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники:

Ал-Миля 1963-1964 — 1963 — 1964 — *الميلي، مبارك بن محمد، تاريخ الجزائر في القديم والحديث. الجزائر، دار 9-1. 1954-1956 —* *الناصرى، ابو العباس احمد. كتاب الإستقصاء لأخبار دول المغرب الأقصى. البيضاء، 1956-1954.*

Литература и исследования:

- Беляев 1957 — Беляев Е.А. Мусульманское сектанство. М., 1957.
- Бочаров 2006 — Бочаров В.В. Истоки власти. // Антропология власти. Т.1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006.
- Видясова 1987 — Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. М., 1987.
- Видясова 2005 — Видясова М.Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы. 1903-2000. Т.1. М., 2005.
- Видясова, Орлов 2008 — Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Африки. Изд. МГУ. М., 2008.
- Гаудио 1977 — Гаудио А. Цивилизации Сахары. Пер. с фр. М., 1977.
- Гольдциэр 1938 — Гольдциэр И. Культ святых в исламе. М., 1938.
- Дьяков 1985 — Дьяков Н.Н. Младоалжирцы и колониальная борьба в Алжире на рубеже XIX-XX вв. М., 1985.
- Дьяков 1992 — Дьяков Н.Н. Французская доколониальная историография религиозных братств Марокко. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 14. ИГУ, 1992.
- Дьяков 1993 — Дьяков Н.Н. Марокко. История, культура, религия. СПб., 1993.
- Дьяков 1996 — Дьяков Н.Н. Религиозные братства в эпоху иностранной экспансии и колонизации Магриба в XVI — начале XX в. // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996.
- Дьяков 2008 — Дьяков Н.Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. Изд. СПбГУ. СПб., 2008.
- Жюльен 1961 — Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Т. 1-2. Пер. с фр. М., 1961.
- Кириллина 2000 — Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII — первой трети XIX века. // Российские труды по востоковедению. Т.7. N.-Y. — Queenston — Lampeter, 2000.
- Кныш 2004 — Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. М. — СПб., 2004.
- Ковтунов 1998 — Ковтунов А.Г. Проблемы интеграции стран Магриба. М., 1998.
- Ланда 1999 — Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. М., 1999.
- Ланда 2005 — Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.
- Луцкая, Очерки 1973 — Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973.
- Орлов 1998 — Орлов В.В. Традиционная социальная организация алауитского Марокко

(середина XVIII — начало XIX века). М., 1998.

Орлов 2004 — Орлов В.В. Марокко в арабских и европейских источниках (вторая половина XVIII — начало XIX в.). // ИИИССАА. Вып. XXI. СПбГУ, 2004.

Тримингэм 1989 — Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. Перевод с английского под редакцией и с предисловием О.Ф.Акимущкина. М., 1989.

Саватеев 2006 — Саватеев А.Д. Исламская цивилизация в Тропической Африке. М., 2006.

Сергеев 2001 — Сергеев М.С. История Марокко. XX век. М., 2001.

Фуке 1971 — Фуке П. Народы Сахары. // Сахара. М., 1971.

Хмелева 1973 — Хмелева Н.Г. Государство Абд аль-Кадира Алжирского. М., 1973.

Литература на арабском языке:

Букари 1985 — 1985 . الدار البيضاء ، إشعاعها الديني والعلمي . زاوية أبي الجعد . الزاوية الشرقاوية . بوكري ، أحمد .

Ал-Кадири 1986 — 1986 ، تطوان ، كتاب الزاوية القادرية عبر التاريخ والعصور . القادري ، عبد الحي .

Ал-Мануни 1983 — 1983 ، الدار البيضاء ، المصادر العربية لتاريخ المغرب . المنوني ، محمد .

Ат-Тамими 1972 — 1816

1972 . تونس ، 1871 .

Харакат 1985 — 1985 . الدار البيضاء ، حركات ، ابراهيم . التيارات السياسية والفكرية بالمغرب خلال القرنين ونصف قبل الحماية .

Литература на европейских языках:

Abu-Nasr 1965 — Abu-Nasr J.M. The Tijaniya. Oxford, 1965.

Agnouche 1987 — Agnouche A. Histoire politique du Maroc. Casablanca, 1987.

Archives 1995 — Archives de l'Algérie. Paris, 1995.

Akhmisse 1984 — Akhmisse M. Rites et secrets des marabouts à Casablanca. Casablanca, 1984.

Akhmisse 1985 — Akhmisse M. Médecine, magie et sorcellerie au Maroc. Casablanca, 1985.

Bel 1938 — Bel A. La religion musulmane en Berberie. I. Paris, 1938.

Bencheikh 1987 — Bencheikh A. Réforme et formation de la propriété foncière au Maroc: 1880-1940. // Revue de la Faculté des lettres et des sciences humaines. Numéro 1. Université Cadi Ayyad. Marrakesh, 1987.

Ben Talha 1965 — Ben Talha A. Moulay Idriss du Zerhoun. Rabat, 1965.

Berque 1974 — Berque J. Maghreb. Histoire et société. Paris, 1974.

Berque 1978 — Berque J. Structures sociales du Haut Atlas. Paris, 1978.

Brignon, Amine 1982 — Brignon J., Amine A., Boutaleb B., Martinet G., Rosenberger B. Avec collaboration de M.Terrasse. Histoire du Maroc. Casablanca, 1982.

Cornell 1998 — Cornell V. J. Realm of the Saint. University of Texas Press, 1998.

Depont, Coppelani 1897 — Depont O., Coppelani X. Les confréries religieuses musulmanes. Connaissance de l'Islam. Alger, 1897.

Doutté 1908 — Doutté E. Magie et religion dans l'Afrique du Nord. Alger, 1908 (Paris, 1984).

Dyakov 1997 — Dyakov N.N. Les confréries religieuses du Maghreb et du Caucase du nord comme facteur ethno-social à l'époque de l'expansion étrangère. // Ethnic Encounter and Cultural Change. Nordic Research on the Middle East — 3. Bergen, 1997.

Eickelman 1981 — Eickelman D.F. Moroccan Islam: Tradition and Society in a Pilgrimage Center. University of Texas Press, 1981.

Etienne 1981 — Etienne B. Magie et thérapie à Casablanca. // Islam et politique au Maghreb. P., 1981.

Evans-Pritchard 1954 — Evans-Pritchard E.E. The Sanusi of Cyrenaica. Oxford, 1954.

Fardel 1939 — Fardel J. Le Maroc islamique. Paris, 1939.

Ganiage 1994 — Ganiage J. Histoire contemporaine du Maghreb de 1830 à nos jours. Paris, 1994.

Geertz 1968 — Geertz C. Islam Observed. Religious Development in Morocco and Indonesia. Yale, 1968.

Gellner 1969 — Gellner E. Saints of the Atlas. Chicago, 1969.

Gilsenan 2001 — Gilsenan M. Connaissance de l'Islam. IREMAM. Paris-Aix-en-Provence. 2001.

Hajji 1968 — Hajji M. L'idée de nation au Maroc. Hesperis Tamuda. 1968. Vol.IX (I).

- Julien 1978 — Julien Ch.-A. Le Maroc face aux impérialismes. Paris, 1978.
- Lépanot 1984 — Lépanot A. Maroc. Paris, 1984.
- Levi-Provençal 1922 — Levi-Provençal E. Les historiens des chorfas. Paris, 1922.
- Lizot 1973 — Lizot J. Metija. Un village algérien de l'Ouarsenis. // Mémoires du Centre de recherches anthropologiques préhistoriques et ethnographiques. XXII. Alger, 1973.
- Luccioni 1983 — Luccioni J. Les Fondations Pieuses "Habous" au Maroc depuis les origines jusqu'à 1956. Rabat, 1983.
- Martel 2005 — Le temps et l'espace: Maghreb et Machreq. // Les Arabes et l'histoire créatrice. Sous la direction de D.Chevallier. Paris, 1995.
- Marty 1929 — Marty P. Les Zaouias Marocaines et le makhzen. // Revue des Etudes islamiques. Paris, 1929.
- Maxwell 1966 — Maxwell, Gavin. Lords of the Atlas. London, 1966.
- Merad 1967 — Merad A. Le reformisme musulman en Algérie de 1925 à 1940. Paris — La Haye, 1967.
- Michaux-Bellaire 1923 — Michaux-Bellaire M. Les confréries religieuses au Maroc. Rabat, 1923.
- Montet 1902 — Montet E. Les confréries religieuses de l'islam marocain. Paris, 1902.
- Pascon 1985 — Pascon P. La maison d'Igh et l'histoire sociale du Tazerwalt. Rabat, 1985.
- Pascon 1986 — Pascon P. Mythes et croyances au Maroc. // Lamalif. #180. Casablanca, 1986.
- Rassam-Vinogradov 1974 — Rassam-Vinogradov A. The Ait Ndhir of Morocco: a Study of the Social Transformations of a Berber Tribe. Michigan, 1974.
- Roberts 1979 — Roberts H. The Conversion of the Mrabtin in Kabylia. // Le Maghreb Musulman en 1979. P., 1983.
- Westermarck 1933 — Westermarck E. Pagan Survivals in the Muhammedan Civilization. London, 1933.

И.Ю. Котин

ИНДИЯ И ЕЕ ДИАСПОРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОНФЛИКТ

Эмиграция индийцев¹ и формирование их общин за рубежом уже давно стали признанной темой академических исследований. Это связано как с индийским культурным влиянием, во многом определившим развитие цивилизаций Восточной и Юго— Восточной Азии, так и с трудовой миграцией и переселением предпринимателей в США и Канаду, Восточную Африку, Великобританию и Австралию.

Политическая и общественная активность индийцев в Великобритании, протесты индусов и сикхов в США в связи с ложной идентификацией их американцами как арабов, возрождение индийского влияния в Уганде и Танзании, недавние события на Фиджи (военный переворот и свержение кабинета, возглавляемого этническим индийцем) показали, что и для политологов тема индийской, и шире — южноазиатской диаспоры приобретает большую значимость. Наряду с еврейской, армянской, китайской, русской диаспорами южноазиатская диаспора становится важным фактором современной международной жизни в новую эпоху, уже получившую определения пост-фордистской, пост-модернистской, пост-индустриальной, периода информационного общества, эры глобализации и транснационализма².

В то же время исследователи современной ситуации в Индии, Пакистане, Бангладеш не могут обойти стороной диаспору, сыгравшую большую роль в развитии

¹ Поскольку современное политическое деление Южной Азии — недавний феномен, а Пакистан и Бангладеш — части исторической Индии, поэтому представляется приемлемым рассмотрение миграции из Индии, Пакистана и Бангладеш как миграции из исторической Индии. Статистика по миграции из Индии до 1947 г. была единой. До 1972 г. нет отдельных данных по миграции из Восточного и Западного Пакистана. В отдельных случаях термины «индийская» и «южноазиатская» диаспора употребляются в данной работе как синонимы, однако, в случае признания за местной общиной политонимной идентификации, т.е. при обозначении общины по названию страны происхождения ее членов, эти названия указываются, например, община бангладешцев в Тауэр Хэмлетс в Лондоне. Миграция из Непала, Бутана, Шри Ланки и Мальдивских островов в данной работе подробно не рассматривается.

² Термин «пост-фордистский» подразумевает заметную в развитых капиталистических странах тенденцию на разукрупнение большего масштаба производства, символом которого некогда были автомобильные гиганты Форда. Введение новых технологий приводит к высвобождению рабочих рук из промышленности и их применению в сфере обслуживания, что отражено в термине «пост-индустриальный». Активное внедрение в жизнь технологий позволило определить нынешний век как век научной информации (ср. с термином «научно-техническая революция») и эру информационного общества. Эра глобализации наступила с массовым внедрением достижений техники во все сферы жизни и во все уголки планеты. Это предполагает, однако, и универсальное значение международных организаций, социальных сетей и т.д. Под транснационализмом обычно понимают распространение тех или иных явлений по всему миру, без учета границ, а также появление социальных сетей, не знающих границ, как — то сети мафии, религиозные транснациональные сети, транснациональные торговые общины.

гадаристского движения¹, борьбе за независимость Бангладеш. Временные рабочие и эмигранты из Кералы дают половину внешних валютных поступлений в этот штат. Силхетцы², осевшие в Лондоне, посылают ежегодно в виде денежных переводов сумму, равную четверти валютных вливаний в экономику Бангладеш. Историкам культуры и литературоведам-индологам также могут быть интересны литераторы — представители южноазиатской диаспоры — Нейпул и Рушди, Мистри, Курейши и др. Исследователи заговорили об индийской диаспоре.

Одним из главных терминов для определения жизни этнических групп в отрыве от основного этноса становится диаспора. Слово «диаспора» происходит от греческого «диасперос» (разбрасывать, сыпать семена) и первоначально оно относилось к конгломерату еврейских общин за пределами Палестины. Позднее уже как научный термин для обозначения зарубежных общин армян, греков, русских оно попало на страницы научных журналов и монографий. Хотя в академических кругах нет единства по поводу содержания понятия «диаспора»³, вряд ли кто сомневается в существовании этого феномена как такового.

В зарубежной, преимущественно англо-американской академической науке тема диаспоры разрабатывалась в трудах Х.Толояна, У.Сафрана, Г.Шеффера, Дж. Клиффорда, А. Браха, Г. Файста, Дж. Берри и др. Особенно следует отметить работу Р. Коэна «Глобальные диаспоры». Р. Коэн перечисляет следующие характеристики диаспоры:

- 1) Рассеяние.
- 2) Экспансия за пределы родины в поисках работы, с торговыми целями или для удовлетворения колониальных амбиций.
- 3) Колониальная память и мифологизация утраченной родины.
- 4) Идеализация воображаемого наследия предков.
- 5) Возвратное движение.
- 6) Сильное групповое этническое самосознание, сохраняющееся долгое время.
- 7) Сложные отношения с принимающей стороной.
- 8) Чувство солидарности с этническими собратьями в других странах.
- 9) Возможность созидательной работы на благо исторической родины (Cohen, 1996. P. 180).

В работе «Глобальные диаспоры. Введение» Коэн высказывает следующие примечательные мысли по поводу диаспор: «Диаспоральная община представляется путем принятия неразрывной связи с историей миграции и смыслом этнического единства с другими, имеющими с ними родство происхождения» (Op. Cit. P. IX). Далее он замечает: «Члены диаспоры чувствуют свое родство не только с членами того же коллектива на родине, воображают связь с «мифической» ... родиной, но и сохраняют общую идентичность с членами той же этнической группы в других странах» (Ibid. P. 25).

Одними из первых в отечественной науке попытку определения диаспоры как объекта исследования дали Ж.Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова, заметившие, что «диа-

¹ *Индийское революционное движение, активно действовавшее в 1913-15 гг. в эмигрантской среде, особенно в США, лидеры которого ставили себе в качестве задачи свержение британской власти в Индии военным путем.*

² *Выходцы из округа Силхет (ныне — часть Бангладеш).*

³ *См. напр., статьи В.А.Тишкова, Ю.И.Семенова и С.А.Арутюнова в журнале «Этнографическое обозрение» (N 2, 2000).*

спора — это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая институты для развития и функционирования данной общности» (Тощенко и Чаптыкова. Соч. С. 37). Рассматривая понятие «диаспора», Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова исходят из того, что, во-первых, «одним из его главных признаков является пребывание этнической общности людей за пределами страны (территории) происхождения в иноэтническом окружении» (Там же. С.35), «во-вторых, ... — это такая этническая общность, которая имеет основные или важные характеристики национальной самобытности своего народа, сохраняет их, поддерживает и содействует их развитию: языка, культуры, сознания» (Там же. С. 36). Авторы цитируемой статьи отмечают также, что «диаспора имеет некоторые организационные формы своего функционирования, начиная от такой как землячество, и кончая наличием общественных, национально-культурных и политических движений» (Там же). Рассматривая диаспору как осмысленное объединение представителей определенного этноса за пределами традиционной территории проживания, Ж.Т.Тощенко и Т.И.Чаптыкова отмечают, что «наиболее распространенной функцией диаспоры является их активное участие в поддержании, развитии и укреплении духовной культуры своего народа, в культивировании национальных традиций и обычаев, в поддержании культурных связей со своей исторической Родиной» (Там же. С. 38). Авторы статьи особое место уделяют значению родного языка, который, однако, не всегда удается сохранить в диаспоре: «Общеизвестно, что язык в полной мере реализуется в компактной среде обитания, а в условиях дисперсного проживания может утратить свою коммуникативную роль. И как правило, полноценное функционирование языка зависит от его статуса в том или ином государстве. Формирующаяся диаспора обычно использует родной язык в неформальном общении и очень редко в преподавании в школе, в делопроизводстве, в средствах массовой информации. ... Родной язык является ретранслятором национальной культуры, и утрата его оказывает прямое воздействие на некоторые ее компоненты, прежде всего в духовной сфере (обычаи, традиции, самосознание)» (Там же. С. 39). Не менее важно, как отмечают данные исследователи, и сохранение этнической культуры — «компоненты материальной, духовной и соционормативной деятельности, отличающиеся в той или иной степени от иноэтнической и надэтнической культуры. Наиболее четко этническая культура проявляется в литературе, искусстве, в этнической символике, традициях, некоторых формах материальной культуры (особенно в питании, одежде), фольклоре» (Там же. С. 39). Тощенко и Чаптыкова отмечают, что «по истечению некоторого срока, этническая культура диаспоры уже не является идентичной культуре этноса, от которого откололась этническая общность. На нее накладывает отпечаток культура иноэтнического окружения, а в результате возможной потери связи с материнским этносом утрачивается преемственность культурных традиций. Ситуация усугубляется трудностью сохранения этнической культуры в урбанизированной среде, где распространены стандартизированные эталоны материальной и духовной культуры.

Сохранение этнической культуры во многом зависит от культурной дистанции между диаспорой и иноэтническим окружением, толерантности государства и, наконец, желания самой группы сохранить свою культуру» (Там же. С. 39). Сохранение этнического самосознания остается, однако, главным условием сохранения диаспоры. Тощенко и Чаптыкова говорят также о экономической функции диаспоры (Там же. С. 40), однако, нам представляется, что занятие предпринимательством в рамках

диаспоры — не функция, а форма экономической деятельности, а часто и выживания диаспоры.

Термин «диаспора» становится все более популярным. С 1999 г. в Москве выходит журнал «Диаспоры», авторы которого попытались разобраться, какое же значение несет этот термин. В первом номере журнала его редактор А.Ю.Милитарев констатирует тот факт, что «диаспорой обычно называют как процесс рассеяния первоначально единого человеческого сообщества, так и совокупность возводящих себя к этому сообществу групп, проживающих вне изначального района обитания» (Милитарев. 1999. С. 24). А.Ю. Милитарев также с озабоченностью констатирует: «В русском языке в последние годы — буквально на глазах — появилась неряшливая тенденция называть диаспорой любую этническую группу, кроме так называемых титульных наций» (Там же. С. 27). Действительно, одна из серьезных проблем, связанных с изучением диаспор, вызванная широтой и неясностью термина «диаспора», заключается в том, что под диаспорой понимаются то отдельные этнические общины на местах, то совокупность всех представителей группы в рассеянии. Сходное наблюдение делают Бразил и Маннур в своей антологии теоретических работ, посвященных диаспорам (Brazil J.E. and Mannur A.P.4.).

Налицо проблема непохожести диаспор, их несводимости к одной модели. Другой автор «Диаспор» В.А. Попков предлагает говорить о «классических» и «новых» диаспорах. Он отмечает, что «по сути, употребление термина «диаспора» явилось попыткой объединить все возможные процессы этнического размежевания. Это касается как «старых» этнических образований..., так и «новых» форм рассеивания, которые только стремятся к сохранению своей этнической обособленности и созданию собственных отличительных процессов» (Попков. 1999). К тому же, — добавляет В.А.Попков, «сам термин (диаспора) никогда не был научно-нейтральным и употреблялся чаще всего с эмоционально-оценочным оттенком»(Там же. С.7.). В.А.Попков отмечает, что «в центре внимания исследователей «новых» диаспор находятся проблемы идентичности и формирования транснациональных пространств, в особенности, когда их члены создают разветвленную систему социальных связей с принимающей страной» (Там же. С.9).

Рассуждающий на страницах «Диаспор» о природе и смысле этого феномена В.И. Дятлов вслед за Г. Шеффером отмечает, что «диаспоры образовались путем насильственной или добровольной миграции этнических групп за пределы своей исторической родины. Они живут в принимающих странах на положении меньшинств, сохраняют свою этническую или этнорелигиозную идентичность и общинную солидарность» (Дятлов. 1999. С. 8-9). Можно согласиться с В.И.Дятловым, который пишет: «... кажется принципиально важным то, что рассеяние превратилось в образ жизни, в особое устойчивое социально-экономическое, культурное, духовное состояние социума, особую форму существования в физическом и психологическом отрыве от этнического материала или без такового вообще» (Там же. С. 10). Другой автор «Диаспор» В.А. Шнирельман отмечает такое важное явление как мифы диаспоры. Он пишет, что «поиск «золотого века» в глубоком прошлом выражавшийся в прославлении своих предков, их грандиозных свершений, их якобы великого вклада в историю и культуру человечества. Такое явление можно назвать «диаспорическим синдромом»» (Шнирельман. 1999. С.6.).

Журнал «Этнографическое Обозрение» продолжил тему, поднятую в «Диаспорах». В.А.Тишков (Тишков. 2000) начинает дискуссию о природе диаспоры с упо-

минания мнения А.Милитарева о том, что «термин этот никакого универсального содержания не имеет и термином, строго говоря, не является» (Тишков. 2000. С.43). В то же время, не спорит В.А. Тишков с тем, что «феномен диаспоры и обозначающий его термин существуют» (Там же. С. 46). В.А.Тишков приводит наиболее употребляемое современное определение диаспоры как «обозначение совокупности населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или районе нового расселения» (Там же. С. 43). Автор указанной статьи цитирует также Уильяма Сэфрена, определявшего диаспору как «экспатрированную общину меньшинства», для которой характерны: рассеянность из первоначального «центра» по крайней мере в два «периферийных» места; наличие памяти или мифа о «первородине»; «вера, что они не являются и не будут полностью приняты новой страной»; видение первородины как места неизбежного возвращения; преданность поддержке или восстановлению этой родины; наличие групповой солидарности и чувства связи с первородиной¹. Сэфрен обращает внимание и на южноазиатов за рубежом. Он пишет: «индийская диаспора является во многих отношениях настоящей (диаспорой). Она распространилась на три континента. Ее долгая история, ее роль (вспомогательная или посредническая) во многих принимающих обществах и различное отношение ее членов, варьирующееся от интернационализма до партикуляризма» (Safran, 2001.Р.369 (88)).

Слабость наиболее распространенной концепции диаспоры, по мнению В.А.Тишкова, — в неучете факта изменения государственных границ, упрощении представлений о географии расселения той или иной этнической группы, наконец, в недоучете историко-ситуационного и личностно-ориентированного подхода к трактовке диаспоры, а также в преувеличении степени их гомогенности и статичности.

В.А. Тишков предлагает считать, что «диаспора — это те, кто сам или их предки были рассеяны из особого «изначального» центра в другой или другие периферийные или зарубежные регионы. Этот изначальный центр условно называется «родиной», миф о которой — одно из важных понятий диаспоры. Обычно под «родиной» имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно-схожий с ней массив» (Там же. С.48). В отношении Индии и индийской диаспоры это определение представляется верным. Актуально и акцентирование В.А. Тишковым момента ситуативности, т.е. «определенного выбора в определенный исторический момент» (Там же). Именно субъективный выбор выходцев из Кашмира в Англии определил регистрацию большинства их в качестве «пакистанцев» в переписи населения Великобритании в 1991 г. В то же время большинство индусов в Великобритании, в том числе и рожденных в странах Восточной Африки, назвали себя индийцами. Бесспорно, для представителей первого поколения, оказавшихся за границей, важна «малая родина», часто даже не соотносящаяся с великой или мифической Родиной. Выходцы из той или иной панджабской деревни, проживающие в Канаде, едины в представлении о ней как об «отчем доме», но их политические симпатии могут быть различны. Мусульмане нередко считают своей родиной Пакистан, в котором никогда

¹ Цитата работы Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*// (*Diaspora*. 1991. V.1. N 1. P. 83-84) дана по статье Тишкова. С. 46. См. также перепечатку статьи Safran W. «*Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*» в книге: Vertovec S. and Cohen R.(Eds.) *Migration, Diasporas and Transnationalism*. Cheltenham, 2001.Р.364-375.

не были, и к которому не относится их «малая родина». Сикхи могут величать Родину Индию, но чаще — Панджаб, причем часть их поддерживает сепаратистское движение за создание сикхского государства Халистан. Говоря о понятии «родина» в диаспоре, В.А. Тишков отмечает, что «"родина" — это рациональный (инструменталистский) выбор, а не исторически детерминированное предписание» (Там же. С. 47). В.А.Тишков замечает, что «исторические групповые миграции, дрейф самой этнической идентичности и подвижность политической лояльности затрудняют определение "исторической родины"» (Там же. С. 48). «Наличие и поддержание коллективной памяти, — продолжает В.А. Тишков, — представления или мифа о «первичной родине», которые включают географическую локацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев. Представление о родине как коллективная память есть созданная и выученная конструкция, которая как любящая коллективистская идеология, авторитарна по отношению к отдельной личности или каждому члену диаспоры» (Там же. С.48).

Одно из определений, данных В.А.Тишковым, таково: «диаспора — это те, кто сам или их предки были рассеяны из особого «изначального» центра в другой или другие периферийные или зарубежные регионы. Обычно под «родиной» понимается регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив» (Там же. С.48).

Среди характеристик диаспоры В.А.Тишков называет «фактор доминирующего общества или среды существования диаспоры». Он пишет: «Идеология диаспоры предполагает, что ее члены не верят в то, что они есть интегральная часть и, возможно, никогда не смогут быть полностью приняты обществом проживания и по этой причине хотя бы частично чувствуют свое отчуждение от этого общества. Чувство отчужденности прежде всего связано с социальными факторами, особенно с дискриминацией и принижением статусом представителей той или иной группы. Безусловный фактор отчуждения — культурный (прежде всего языковой) барьер... В ряде случаев труднопреодолимый барьер может создавать и фенотипическое (расовое) различие...Иногда, ... отчуждение вызвано трудностями хозяйственной адаптации к новой природной среде, требующей радикальной смены систем жизнеобеспечения и даже природно-климатической адаптации» (Там же. С.49).

Примечательна идея В.А.Тишкова о том, что «еще одна характерная черта диаспоры — убеждение, что ее члены должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности» (Там же. С. 50). Интерес правительства Индии, проявляемый к индийской диаспоре в последние два года, как раз и вызван ожиданием беззаветной службы родине со стороны диаспоры. Несколько позже мы рассмотрим, насколько оправдались эти ожидания. Несомненно, однако, что представления о родине в диаспоре идеализированы, и они настолько сильны, что позволяют В.А.Тишкову дать следующее определение: «диаспора — это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине» (Там же. С. 50). Далее следует весьма интересная полемика фраза: «диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность...». Заметим, что стиль жизненного поведения можно задать как изнутри, так и извне, например, из страны происхождения, той самой Родины. Дело

в том, что как раз в последние годы Индия проявляет после многих лет равнодушия повышенный интерес к своей диаспоре. Но что это за диаспора? В.А. Тишков упоминает индийскую диаспору как пример многоэтнической и собирательной категории: «индийцы — это для внешнего мира, а в самой Индии живут не индийцы, а маратхи, гуджаратцы, ория и еще несколько сотен других групп, не говоря уже о разности религий и каст» (Там же. С.52). К тому же, многие из индийцев за рубежом лишь временно. Они, вероятно, — представители транснациональной общности, т.е. сохраняют контакты одновременно и со страной происхождения и с принявшей их страной, не принадлежа полностью ни той, ни другой.

Феномен не знающих границ социальных связей известен давно, но, обозначающее его понятие появилось в середине 1990х гг. Термин «транснационализм», вероятно, первыми в 1994 г. ввели в научный оборот Л. Баш, Н. Глик Шиллер и К. Бланк-Зантон. Под транснационализмом они понимали «процесс, с помощью которого иммигранты создают и поддерживают многослойные социальные связи, объединяющие страны происхождения и поселения»¹. Баш, Глик Шиллер и Бланк-Зантон замечают: «Наши более ранние концепции иммигранта и мигранта более не подходят. Слово «иммигрант» порождает образы постоянного разрыва, состояния оторванности от корней, отказа от старых привычек и болезненного освоения нового языка и культуры. Теперь появляется новый тип мигрирующего населения, состоящий из тех, чьи социальные сети и образ жизни включает образцы, заимствованные и посылающего и принимающих обществ. Их жизни протекают поперек национальных границ и соединяют два общества в единое социальное поле» (Glick Schiller N., Basch L. and Ch. Blanc-Szanton, 2001. P.1). Эти исследователи «определили (разработали концепцию) транснационализма как процессов, в которых иммигранты создают социальные связи, которые соединяют вместе страну происхождения и страну поселения. Иммигранты, которые создают такие социальные поля, определяются как «трансмигранты». Трансмигранты развивают и поддерживают многочисленные отношения — семейные, экономические, социальные, организационные, политические, которые пересекают границы. Транснационалы предпринимают действия, принимают решения... и формируют идентичности внутри социальных сетей, которые соединяют их в два или несколько существующих одновременно сообщества» (Glick Schiller N., Basch L. and Ch. Blanc-Szanton, 2001. P.8 (33)). Они замечают: «Внутри сложной сети социальных отношений трансмигранты привлекают и создают гибкие и многочисленные идентичности, сформированные как в обществах происхождения, так и в принимающих странах. В то время как некоторые мигранты идентифицируют себя в большей степени с тем или другим обществом, большинство, как кажется, поддерживают несколько идентичностей, которые соединяют их одновременно в более чем одну нацию (Ibid. P.11 (36)).

В результате миграции, часто индивидуальной, но нередко и в составе коллективного перемещения, индивидуум оказывается в незнакомой для него ситуации. Из-

¹ См.: Basch, L.G., Glick Schiller N., and Blanc-Szanton Ch., *Nations Unbound: Transnational Project, Post-Colonial Predicaments, and De-territorialized Nation-States*. Langhorne, P.A.: Gordon and Breach. 1994. P.1. См. также: Hannerz U. *Transnational Connections. Culture, people, places*. L.; N.Y. 1996.

А.Портес развил теорию транснационализма, используя термин «транснациональная общность». См.: Portes A. *Globalization from Below: the Rise of Transnational Communities*. ESRC Research Programme Working Paper N1. London. 1999.

за неприятия обществом большинства он/она старается найти поддержку у соотечественников. Часто непринятые обществом, в которое они пытались экономически интегрироваться, мигранты создают свой микромир, основывая его на мифе о Родине. В.А. Тишков отмечает также, что «современные диаспоры обретают еще один важный аспект. Они утрачивают обязательную ссылку на какую-то определенную локальность — страну исхода — и обретают на уровне самосознания и поведения референтную связь с определенными всемирно-историческими культурными системами и политическими силами» (Там же. С.62). Такими культурными системами и политическими силами являются как Индия, так и мир ислама, важные для южно-азиатской диаспоры.

Ю.И. Семенов, продолжая на страницах «Этнографического обозрения» дискуссию о феномене диаспоры, предпочитает говорить о диаспоре, как части этноса («отдельных членов этноса, рассеянных по территориям, которые занимают другие этнические общности») (Семенов. 2000. С.65.), и об этносе, нежели этничности, и подчеркивает несводимость нации обязательно к одному этносу (Там же.). В индийском случае мы, действительно, не можем говорить об индийском этносе, но понятие «индийская нация» (народ) — в ходу как у политиков, так и у индийских историков. Конечно, степень гомогенности индийской нации далека от одной у французов или немцев. Но мы можем предположить, что, подобно населению бывшего Советского Союза, руководство которого говорило о сложении новой общности «советский народ», население Индии, объединенное политически и культурно, обладает чертами общности, которую индийские политики называют «индийской нацией». Даже в большей степени, чем в случае с «советским народом», «индийская нация» обладает общностью исторического прошлого, сходным комплексом религиозных представлений и элементов культуры. Как и правительства многих полиэтничных стран, индийское руководство заинтересовано в представлении за рубежом о своих гражданах как о единой нации, чему миф диаспоры о «Матери-Индии» более чем подходит.

Статья С.А. Арутюнова, как и работа Ю.И. Семенова, является полемическим откликом на положения, высказанные в работе В.А. Тишкова. Она в большей степени посвящена реалиям России, хотя упоминается в ней и индийский материал. Для нашей темы, однако, интересно соображение С.А. Арутюнова о принадлежности диаспоры этносоциальному организму (ЭСО), нежели государству, стране. С.А. Арутюнов, в частности, пишет: «Диаспора бывает не у государств. Она бывает у ЭСО, наций или народностей, которые могут обладать своими национальными государствами, а могут и не обладать ими, но стремиться к их созданию (или не стремиться)» (Арутюнов. 2000. С. 78). Примечательно, что в качестве примера отсутствия диаспоры С.А. Арутюнов приводит санталов Восточной Индии. «У племен, строго говоря, диаспор не бывает», продолжает С.А. Арутюнов (Там же. С. 77). С этим можно согласиться. Но как быть с государством? Конечно, существуют панджабская и малаяльская диаспоры. Но индийская диаспора тоже существует, причем именно Индийское государство в последнее десятилетие проявляет о ней немалую заботу, поддерживая «миф о Родине».

С.А. Арутюнов, не претендуя на окончательность и неоспоримость своих выводов, предполагает, что «диаспора — это не только и не столько состояние, диаспора — это процесс развития от «еще недииаспоры» через «собственно диаспору» к «уже недииаспоре», причем различных типов — или к полностью ассимилирован-

ному компоненту, или к касте некогда инородного происхождения, или к ассоциированной национальной группе, или к полностью сформировавшейся новой общности» (Там же. С. 77-78).

К публикациям в «Этнографическом обозрении» тематически примыкают статьи сборника «Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX — XX вв.», в котором помещена работа З.И. Левина «Менталитет диаспоры (Системный и социальный аспекты)». Левин, в частности, дает определение этнической диаспоры и отмечает ряд ее особенностей: «Этническая диаспора обычно в виде общины-анклава — это этнос или часть этноса за пределами страны их происхождения или выхода. Она существует, пока существует контакт между иммигрантами, достаточно эффективный, чтобы сохранялась этнокультурная специфика, наивысшим обобщением которой является специфика менталитета с характерным противопоставлением «Мы — они», и оставалась необходимость в ней» (Левин З.И. 2001а. С.45.). З.И. Левин делает вывод о том, что «менталитет диаспоры является производной ее адаптивного функционирования, и... община-анклав существует пока не нарушена ее триада, т.е. пока имеется структура — достаточная численность и сплоченность общины, ее институты, обеспечивающие возможность контакта между мигрантами, позволяющего сохранить этнокультурную специфику» (Там же. С.46-47.). Наличие и значение выделенной триады в диаспоре кажется обоснованным.

Неясность термина «диаспора» иногда провоцирует прибегание авторов к крайностям. Так, например, М. Фадеичева пишет: «существуют два противоположных состояния этнического индивида в его отношении к этнической общности: ассоциированное (от лат. associatio — объединение) и диссоциированное (от лат. dissociatio — разделение, разделение). Первое представляет собой принадлежность к этнической общине. Второе — нахождение вне ее, в рассеянии, в диаспоре» (Фадеичева. 2004. С. 140.). Однако, рассеянные вдали от исторической родины индивидуумы, или, пользуясь термином М. Фадеичевой, «этнические индивидуумы», нередко объединяются в группы. Принимающее общество вынуждает этих индивидуумов держаться вместе. Многие культурно-бытовые особенности иммигрантов также требуют их самоорганизации, объединения, а часто и концентрации в тех или иных районах, городах принимающей страны. Так что, здесь, вероятно, уместнее говорить об этнических индивидуумах, объединенных в группы, или частях этнических групп в диаспоре, и в этом плане нам представляется удачным определение З.И. Левина, развивающего проблему менталитета диаспоры в отдельной монографии и считающего, что диаспора это «этнос или часть этноса, проживающие вне своей исторической родины или обитания этнического массива, сохраняющие представление о единстве своего происхождения и не желающие потерять стабильные групповые характеристики, заметно отличающие их от остального населения страны пребывания, вынужденно (осознанно или неосознанно) подчиняясь принятому в ней порядку» (Левин. 2001.б. С. 5.).

В нашем исследовании под индийской диаспорой понимается совокупность общин выходцев из исторической Индии (Индия, Пакистан, Бангладеш), проживающих за пределами Индийского субконтинента, но сохранивших особенное этническое, политонимное или религиозное самосознание, поддерживающих многочисленные связи с родиной и соотечественниками за рубежом, в той или иной мере сохранивших «миф о родине» и «миф о возвращении на родину», организовавших земляческие, кастовые, религиозные организации, не принятых полностью большинством

общества в странах пребывания или не считающих себя только частью этого общества. Представляется приемлемым употребление понятия «диаспора» в отношении зарубежных южноазиатов в целом, при этом термин «диаспора» применим также для обозначения отдельных национальных или религиозных групп, как то индийская диаспора или пакистанская диаспора, панджабская диаспора, сикхская диаспора. При этом понятие родины, ключевое для диаспоры, меняется. Это может быть «большая Родина» — Индия, «мифическая родина» — Пакистан, «малая родина» — Панджаб. Наконец, следует сразу сказать, что далеко не все выходцы из Южной Азии считают себя и являются частью диаспоры.

Было бы ошибкой, исходя из общих соображений о природе диаспоры, сразу ставить все точки над «i» в отношении зарубежных индийцев. Целью данного исследования как раз и является рассмотрение причин, истории и характера эмиграции из Индии, современного состояния этого процесса, настроений иммигрантов из Индии, степени их лояльности стране происхождения, их проблем и «мифов» в местах нового поселения, проблем индийской, пакистанской, бангладешской общин за рубежом, формирования среди их части представления об «южноазиатской» или «индийской диаспоре», появления альтернативных понятий «родины», и, наконец, рассмотрения взаимоотношений Индии и ее диаспоры.

В 1977 г. английский исследователь Хью Тинкер определил число выходцев из Индии, Пакистана и Бангладеш за пределами Южной Азии в пять-шесть миллионов. При этом он подчеркивал небольшое значение этих групп для судеб стран их происхождения (Tinker, 1977. P.1). Между тем, ситуация за последние годы радикально изменилась, и на начало 1990-х гг. за пределами Южной Азии проживало уже около девяти миллионов индийцев (по другим данным — 12 миллионов чел.) (Ананд, 1990. С. 4), из них в Великобритании — более полутора миллионов (OCPS, 1993. P.1), в остальной Европе — еще 300 тыс. чел., в Малайзии — 1 миллион 300 тыс. чел., на Маврикии — 700 тыс. чел., в США — 500 тыс. чел., на Тринидаде — 430 тыс. чел., в Объединенных Арабских Эмиратах — 382 тыс., Кувейте — 356 тыс., в Южной Африке — около 1 миллиона чел., в Канаде — 228 тыс. 500 чел., в Омане — 190 тыс., в Йемене — 117 тыс., в Ираке — 85 тыс., в Саудовской Аравии — 80 тыс., в Кении — 70 тыс. чел., в Катаре — 51 тыс., в Танзании — 49 тыс. чел., в Бахрейне — 48 тыс. чел (Clarke et al. 1990. P. 2. Table 1 Intro). Приведенные данные, полученные на основе официальных результатов национальных переписей населения и сведений ежегодников, дают информацию лишь о тех, кто сам отнес себя к индийцам, пакистанцам или бангладешцам. Можно предположить, что значительная часть индийцев в странах Западной Европы, Северной Америки и Персидского Залива работала нелегально и не была учтена переписями населения, так что общее число южноазиатов за рубежом было в тот период на несколько миллионов больше. В конце двадцатого века общее число выходцев из Индии за пределами южноазиатского региона оценивалось в двадцать миллионов человек.

Миграция индийцев за рубеж стала привлекать внимание исследователей уже в начале XX века, когда возникли крупные этнические общины зарубежных индийцев в Вест-Индии, на Маврикии, на Фиджи, в Восточной и Южной Африке, и когда пребывание индийцев на этих британских территориях вызвало там внутриполитическую напряженность, требовавшую изучения данной проблемы. В 1913 г. увидела свет книга И.М. Кампстона «Индийцы в британских землях за рубежом» (Cumpston, 1913). В 1927 г. Р. Натаранджан издал сборник «Индийцы за рубежом» (Nataranjan,

1927). В 1947 г. появилась книга Н. Гангули «Индийцы в Империи за морями» (Gangulee, 1947). Свообразным итогом колониальных исследований зарубежных индийцев стал труд Кондапи «Индийцы за морями. 1838-1946 гг.», вышедший уже в независимой Индии (Kondapi, 1951). Публикации колониального периода характеризуются лояльным отношением авторов к британской власти и стремлением убедить британцев защищать интересы индийцев в своих африканских колониях, на Фиджи, Маврикии и в Канаде.

В пост-колониальный период появляется значительное число публикаций по данной теме. В 1971 г. вышел сборник под редакцией А. Гупта «Индийцы за рубежом. Азия и Африка» (Gupta, 1971). В 2004 г. был издан сборник под редакцией А. Пала и Т. Чакрабарты «Теоретические и критические труды по индийской диаспоре» (Pal and Chakrabarti, 2004).

Не оказались в стороне и исследователи из стран, принявших значительную часть иммигрантов из Индии. Одним из первых обобщающих трудов по истории южноазиатской диаспоры стала книга Х.Тинкера «Дерево баньяна» (Tinker, 1977). За ней последовали работы «Южноазиаты за рубежом» (Clarke et al. 1990) и «Аспекты южноазиатской диаспоры. Оксфордские исследования по Индии. Часть II» (Vertoves, 1991). Работа Тинкера — это первая серьезная попытка дать общий обзор эмиграции индийцев и их адаптации в Восточной Африке, Юго-Восточной Азии, Вест-Индии, Англии. «Аспекты южноазиатской диаспоры» — сборник самостоятельных эссе, посвященных той же проблематике, но включающих и новые регионы, например, Австралию. В Великобритании, Канаде и США появились также специальные труды, посвященные истории иммиграции и адаптации индийцев в этих странах¹. Отдельные аспекты проблемы индийцев как этнических меньшинств отражены также в общих трудах и правительственных документах, посвященных этнической и расовой проблематике².

¹ См.: Desai R. *Indian Immigrants in Britain*, London: Oxford University Press, 1963; Visram R. *Ayahs, Lascars and Princes. Indians in Britain in 1700-1947*, London, 1990; Ballard R. (Eds.) *Desh Pardesh. The South Asian Presence in Britain*, London, 1995; Chandan A. *Indians in Britain*, London, 1986; Burghart R. (Ed.) *Hinduism in Great Britain. The Perpetuation of Religion in an Alien Cultural Milieu*, L, N.Y; 1987; Banks M. *Organising Jainism in India and England*, Oxford, 1992; Williams, R.B. *Religions of immigrants from India and Pakistan. New threads in the American tapestry*, Cambridge, 1988; Lessinger J. *From the Ganges to the Hudson: Indian Immigrants in New York City*, Boston, 1995; Johnson H. I.M. *The Voyage of the Komagata Maru: The Sikh Challenge to Canada's colour Bar*, Toronto, 1979; Jarvis R., *The 'Komagata Maru' incident: a Canadian immigration battle revisited*, Toronto, 1972.

² Weller P. (Ed.) *Religions in the UK. Multi-faith Directory*, Derby, 1993, 2nd Ed. 1997; Shrinivasan Sh. *The Asian petty bourgeoisie*. Oxford, 1995; Peach C. *Three phases of South Asian Emigration// Migration: The Asian Experience*, Ed. J. M Brown and R. Foot.L. 1994; Statistics Canada, *Immigrants in Canada. Selected Highlights*. Ottawa, 1994; M.Israel (Ed.) *The South Asian Diaspora in Canada: Six Essays*, Toronto: *The Multicultural History Society of Ontario*, 1987; H. Coward, *Hindus in Canada, Working Paper N 2*, 1999, *Research on Immigration and Integration in the Metropolis*, Vancouver; Buchgnani N., Indra D.M. and Srivastava D., *Continuous Journey. A Social History of South Asians in Canada*, Toronto, 1985; Magocsi P.R. (Ed.) *Encyclopedia of Canada's Peoples*, Toronto, 1999; *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups/ Eds. Thernstrom S., Orlov, A. and Handlin O.* Cambridge, Mass. 1980.

В конце 2006 г. в Сингапуре была издана «Энциклопедия индийцев за рубежом». Это огромный труд, над созданием которого трудились многие эксперты по южноазиатской диаспоре, включая и автора данной статьи¹.

Отметим, что ряд фундаментальных работ, посвященных выходцам из Южной Азии за рубежом, написан отечественными авторами А.Д. Дридзо (Дридзо. 1978), А.Д. Дридзо, В.И. Кочневым, И.М. Семашко (Дридзо и др. 1978. В наиболее значительной отечественной публикации по данной теме — монографии А.Д. Дридзо, В.И. Кочнева и И.М. Семашко «Индийцы и пакистанцы за рубежом», изданной в 1978 г. и посвященной выходцам из Южной Азии в Африке, Латинской Америке, на Фиджи и на Маврикии, не рассматриваются крупные общины выходцев их Южной Азии в Великобритании, Канаде и США². К тому же, со времени публикации этого труда прошла уже четверть века, за которую численность, характер и положение зарубежных индийских общин изменилось, и, более того, именно в этот период возникли условия консолидации национальных общин зарубежных индийцев, превращения отдельных звеньев диаспоры в транснациональную структуру. Именно сейчас в связи с появлением у нас значительных общин зарубежных индийцев данная проблематика перестает быть для России исключительно академической и переходит в разряд прикладных. В 2003 г. была опубликована наша монография³, в которой сделана попытка продолжить работу предшественников и особое внимание уделить именно ранее не достаточно подробно рассмотренным Великобритании, Канаде и США. Однако со времени выхода этой книги немало изменилось как в самой Индии так и за ее пределами. В данной монографии творчески переработан материал предыдущей публикации, обавлены новые главы, посвященные литературе диаспоры.

За последние десятилетия изменилось и отношение руководства стран Южной Азии к положению своих граждан за рубежом. В 1983 г. был введен термин «праваси» — иностранный индиец, зарубежный соотечественник. Правительство Индии тогда пришло к выводу, что «зарубежные соотечественники могут помочь Индии в осуществлении планов ее развития. И тогда были упрощены некоторые правила и процедуры, дабы поощрить капиталовложения со стороны иностранных индийцев» (Ананд. Указ. соч. С.4-5). При этом Резервный Банк Индии приравнял в правах индийцев в стране и зарубежных индийцев, проживающих в Гайане, на Фиджи и Маврикии. В 2000 г. индийское правительство создало специальную комиссию, которая подготовила доклад, представленный премьер-министру Индии А.Б. Ваджапаи. Председатель комиссии господин Л.М. Сингхви высказал при этом мнение, что «индийская диаспора является важным фактором во многих странах и заслуживает достойного места в нашей культурной и экономической политике и дипломатии» (Nasima H. Khan. 2002a. P. 58). Общее число зарубежных индийцев определялось комиссией в 20 миллионов человек. Ее годовой доход оценивался в 300 миллиардов долларов (Там же). Очевиден значительный рост численности и значения зарубеж-

¹ См.: *The Encyclopedia of the Indian Diaspora / Ed. Brij Lal. Singapore, 2006.*

² *Вслед за британскими, канадскими и американскими авторами отечественные исследователи рассматривали национальные, нежели транснациональные сюжеты. См. напр., коллективную монографию «Рабочее движение Великобритании: расовая и национальные проблемы» М. 1982.*

³ *Котин И.Ю., Побег баньяна: Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры». Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2003.*

ной индийской диаспоры, выросшей за десятилетие больше чем вдвое. При этом комиссия собирала информацию именно об индийцах, не учитывая пакистанцев и бангладешцев и разделяя рассматриваемую группу на три категории: лиц индийского происхождения, индийских граждан и лиц без гражданства.

Лица индийского происхождения — это потомки индийских иммигрантов, прибывших в одну из зарубежных стран, как правило, граждане этой страны, а также натурализовавшиеся, т.е. получившие местное гражданство индийцы. Индийские граждане — иммигранты, не получившие гражданства, или временные рабочие, находящиеся за рубежом, но сохраняющие связи с родиной. Наконец, лица без гражданства — это те, кто отказался от индийского гражданства, надеясь получить местное, но не сумел или еще не успел этого сделать. Дело в том, что ни Индия, ни страны, принимающие значительное число индийских иммигрантов, ко времени подготовки доклада еще не достигли договоренности о двойном гражданстве, хотя возможность таких договоренностей в настоящее время обсуждается. Последняя категория — самая малочисленная. Лишь в Канаде их численность достигает одной тысячи человек. В остальных странах таковых меньше. При этом страны со значительным числом зарубежных индийцев можно разделить на две группы: 1.) страны со значительными меньшинствами индийского происхождения и 2.) страны, где временно проживает значительное число индийских граждан.

К первой категории относятся Малайзия с одним миллионом шестьюстами тысячами лиц индийского происхождения, Маврикий с более чем семьюстами тысячами зарубежных индийцев, Тринидад и Тобаго с полумиллионным индийским населением, Гайана с почти четырьмя сотнями тысяч гайанцев индийского происхождения, Фиджи с тремястами тридцатью шестью тысячами индийских фиджийцев, Реюньон (220 тыс.), Сингапур (217 тыс.), Суринам (150 тыс.), Йемен (100 тыс.). Вероятно, к этой категории относится и Южно-Африканская Республика, где в начале 1980-х гг. проживало 792 тыс. зарубежных индийцев (Южно-Африканская Республика. 1982. С. 27). Сейчас оценки численности индийцев в Южной Африке колеблются от 350 тыс. до полутора миллионов.

В ряде стран, прежде всего в богатых государствах Персидского Залива, индийцы появились сравнительно недавно, их статус не определен, и перспективы их дальнейшего пребывания там неясны. Как правило, они сохраняют индийское гражданство. Индийских граждан много в Саудовской Аравии (1 миллион 500 тыс. чел.), Объединенных Арабских Эмиратах (900 тыс.), Омане (311 тыс.), Кувейте (294 тыс. чел.), Бахрейне (130 тыс.), Катаре (130 тыс. чел.). Число индийцев в данных странах внушительно, но их статус неопределен, и дальнейшее будущее неизвестно. Как правило, после многолетнего пребывания в этих странах индийцы-рабочие и торговцы возвращаются домой. Их семьи тоже часто остаются в Индии. Здесь вряд ли можно говорить об этнических меньшинствах в полном смысле этого слова. Вероятно, это части транснациональных общин, члены которых проводят часть жизни за рубежом, но потом возвращаются на родину, где остаются их домочадцы. В то же время, в самой Индии эти рабочие и их семьи выделяются на фоне других индийцев и, принадлежа обоим мирам — Индии и зарубежья, отличаются от большинства населения обоих.

Наконец, среди упомянутых Комиссией стран есть такие государства, в населении которых либо велико число индийцев обеих главных категорий (Канада с полу-миллионом канадцев индийского происхождения, полуторастами тысяч индийских

граждан и даже тысячей индийцев, отнесенных к категории лиц, не имеющих гражданства), либо индийцев очень много, но их статус Комиссией не установлен (Великобритания (1 миллион 200 тыс.), США (1 миллион 678 тыс. чел.)).

Если к установленному Комиссией числу индийцев в Великобритании (1 миллион 200 тыс.) прибавить число пакистанцев (477 тыс. чел. по данным 1991 г., 670 тыс. по оценкам на 2001 г.) и бангладешцев (163 тыс. в 1991 г., 228 тыс. по оценкам на 2001 г.), то мы получим цифру, превышающую 2 миллиона человек. Таково оценочное число выходцев из Южной Азии в Великобритании. В Канаде помимо 851 тысячи зарубежных индийцев проживает также 38 тыс. 650 пакистанцев¹ и не менее 12 тыс. бангладешцев. Не менее ста тысяч южноазиатов из Фиджи, Гайаны, Вест-Индии, а также неучтенные нелегальные иммигранты из Индии, Пакистана и Бангладеш также должны быть прибавлены к этому числу. Таким образом, общее число выходцев из Южной Азии здесь превышает 1 миллион человек. В США помимо одного миллиона 678 тысяч индийцев проживает не менее 500 тыс. пакистанцев (*Virsan News (New York), 1 March 2002.*), и даже если не учитывать многотысячную общину американских бангладешцев, то общее число выходцев из Южной Азии в США определенно превышает два миллиона человек.

Великобритания, США и Канада оказываются тремя развитыми странами Запада с крупнейшими сложившимися общинами зарубежных индийцев, причем это общины не только с длительной историей пребывания здесь индийцев, но и с сохраняющимися контактами этих индийцев со странами происхождения. Общины зарубежных индийцев здесь растут как за счет естественного прироста, так и благодаря продолжающейся миграции. Этот рост наиболее заметен. Наблюдается также перемещение зарубежных индийцев из одной из этих стран в другую, преимущественно из Великобритании в Канаду и из этих двух стран в США. Заметно, наконец, существенное перемещение зарубежных индийцев из стран первой категории, прежде всего из стран Восточной Африки в Великобританию, а также в США. Отмечается также волна переселения индийцев из Вест-Индии и с Фиджи в Канаду и США. Поэтому представляется уместным выделение Великобритании, Канады и США в качестве «узлов» индийской диаспоры и их более подробное рассмотрение.

Очевидно, что меньшинства индийского происхождения, возникшие в результате трудовой миграции в XIX в. в Вест-Индии или на Маврикии отличаются от южноазиатских меньшинств в развитых капиталистических странах, принявших индийцев, пакистанцев, бангладешцев в качестве студентов, врачей, беженцев относительно недавно. Однако рассмотрение их в едином контексте южноазиатской диаспоры диктуется как фактом перемещения южноазиатских по происхождению групп населения из одной страны в другую, так и политикой стран Южной Азии, прежде всего Индии, в последние годы не в последнюю очередь направленной на эти группы «зарубежных соотечественников».

Не только количество зарубежных индийцев требует их изучения, но и их растущее влияние в странах, где они нашли новую родину. На Маврикии и на Фиджи индийцы уже составляют большинство населения. В Танзании, Уганде, в Тринидаде и в Великобритании индийское лобби оказывает существенное влияние на экономику и политику страны.

¹ *Данные переписи населения Канады. 1996 г.*

Во всех этих странах заметно культурное влияние индийцев, монументальным выражением которого стал возведенный в 1995 г. в центре Лондона беломраморный индуистский храм Шри Сваминараян.

В то же время сохраняются многочисленные и разнообразные контакты южноазиатской диаспоры со странами субконтинента и между собой. Отмечается перемещение групп южноазиатов внутри регионов и зон влияния. Южноазиатская диаспора является сложной и находящейся в постоянном развитии системой, связанной как с субконтинентом так и со странами оседания гибкой, порой глобальной структурой родственных, клановых, конфессиональных связей, реагирующей на политическую и экономическую ситуацию в мире и отдельных странах. Диаспора становится не только совокупностью выходцев из той или иной страны, в данном случае, прежде всего, — Индии, оказавшихся за рубежом. Она образует «культурно отличительную общность на основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине» (Тишков, 2002. С. 46).

В последнее время отмечается проявление интереса лидеров и рядовых граждан стран индийского субконтинента к представителям южноазиатской диаспоры. Примечательно, что уже в первые дни третьего тысячелетия в Дели прошла первая конференция Всемирной Организации выходцев из Индии. В своей речи по случаю открытия этой конференции тогдашний премьер-министр Индии А.Б. Ваджапай отменил, обращаясь к зарубежным соотечественникам:

«Вы являетесь такими же наследниками богатого цивилизованного наследия Индии, как и ваши братья и сестры, проживающие на Родине. Мы горды тем, что вы сохранили свою индивидуальную культурную идентичность, обустроивая себе место в неродном социальном и культурном окружении.

В равной степени мы гордимся тем, что выходцы из Индии, где они проживали, значительно обогатили общество, экономику и культуру стран их пребывания. Истории успеха предпринимателей за рубежом стали легендами. От лабораторий по разработке высокотехнологичных чипов до ресторанов карри, от прославленных госпиталей до знаменитых образовательных учреждений, от хорошо известных исследовательских центров до ведущих аналитических институтов — везде вы найдете индийца, который преодолел все препятствия, чтобы утвердить себя благодаря своему умению, самоотверженности и упорному труду» (Ваджапай А.Б. 2001. С. 239 — 240).

Примечательно, что премьер-министр Индии связывал судьбу и будущее зарубежных индийцев с судьбой и будущим самой Индии. В той же речи он, в частности, сказал: «В самом деле, одиссея индийской общины — от пота и слез закабаленного индийского трудящегося, работавшего на колониальных сахарных и чайных плантациях в XIX веке, до интеллектуальных достижений индийских программистов в Силиконовой долине в XXI веке, — по большому счету является выражением потенциала нашего народа и значительности его вклада в глобальное процветание» (Там же. С. 240).

По инициативе индийского парламента и руководствуясь рекомендациями комиссии Сингхви,

Не в последнюю очередь рекомендации комиссии Сингхви продиктованы примером весьма успешной китайской диаспоры. Китайская диаспора заслуживает пристального изучения и дает интересный материал для сравнения. Неслучайно китайские общины за рубежом иногда сравнивают с порослями бамбука, а у нас речь идет о «побегах бамбука».

Зарубежные китайцы — хуацяо, как принято их называть, — влиятельная система земляческих общин, наиболее значительный и древний элемент которого — китайцы в Юго-Восточной Азии, где, по некоторым данным, их насчитывается около 20 миллионов человек. Китайцы составляют 76 % населения Сингапура, около 10% — населения Таиланда, 32% населения Малайзии, 4% населения Индонезии, 1% населения Вьетнама, 1-2% населения Филиппин. Около двух с половиной миллионов китайцев проживает также в США. Немало их и в других странах мира, в том числе, — знакомых нам по второй главе диссертации «сахарных колониях» — Тринидаде, Ямайке, в Гайане, и в Суринаме, Гондурасе. Примечательно деление китайцев на северных и южных, причем языковые различия между северянами и южанами очень существенны, что характерно и для индийцев.

И у китайцев до определенного периода (12 век) существовало негативное отношение к путешествию за море. Это связано и с представлениями китайцев о центральном положении Поднебесной и конфуцианскими требованиями не уезжать далеко от живых родителей. Наступление «варваров с севера» провоцировало эмиграцию торговцев при династии Южная Сун. Нередко к торговцам присоединялись крестьяне и ремесленники нанимавшиеся в качестве корабельной команды. В 19 — 20 вв. китайцы выезжали за моря не только как торговцы, но и как чернорабочие-кули, и именно эти кули первыми из Китая попали в Канаду и США, где после периода востребованности их труда наступил период страхов и гонений. В Канаде в 1923 г. иммигрантам из Китая въезд был запрещен. В США с 1882 по 1945 г. действовал 'the Chinese Exclusion Act' — Закон о недопущении китайцев. Ситуация в этих странах стала меняться в 1945 и 1960 г. соответственно, т.е. в то же время, когда ослабли препоны для индийской иммиграции в Северную Америку. Китайцы, подобно индийцам, нередко являются объектами расистских нападений в США и Канаде. В странах Юго-Восточной Азии они стали «козлами отпущения» в период экономического кризиса 1997 г. подобно индийцам в восточно-африканских странах в 1960-е гг. Китайцы, не всегда дружелюбно принимаемые окружением, связанные между собой родственными и клановыми связями, стремятся жить по соседству. Отсюда — Чайнатауны, ставшие образцом этнических районов южноазиатов, например, Банглатауна в лондонском Ист-Энде. В США индийцы и китайцы — ведущие ученые. Их усилиями существуют многие предприятия электроники и фирмы по созданию программного обеспечения, сто позволило американцам по-новому прочесть аббревиатуру «IC». Вместо *Integral Circuits* (интегральная цепь) — *Indians and Chinese*. 40% китайцев в США — люди с высшим образованием, но многие китайцы, особенно представители старшего поколения — торговцы.

Зарубежные китайцы активно инвестируют в экономику страны происхождения, что делает их «образцовой диаспорой» для индийских чиновников. В общем, сравнивать есть что, и пока сравнение — не в пользу индийской диаспоры в свете ее пользы для Индии. В этой связи было принято парламентское решение интенсифицировать отношения метрополии и диаспоры — создать министерство по делам Индии, центры по изучению индийской диаспоры, отмечать как национальный праздник день зарубежного индийца. В качестве такого дня был выбран день 9 января — день высадки М.К.Ганди на берег Маврикия после его африканской эпопеи и на пути в Индию. С 2003 года этот день и два предыдущие — время кульминации культурной и социальной активности, связанной в Индии с индийцами за рубежом.

С возвращением к власти в мае 2004 года партии Индийский национальный конгресс интерес правительства и парламента к проблеме диаспоры и вообще к вопросам внешней политики несколько поостыл — хватало внутренних проблем. Однако важность инициативы по установлению и поддержанию диалога с диаспорой руководство Конгресса во главе с Соней Ганди и правительство Индии во главе с Манмохан Сингхом прекрасно понимали. Пусть с меньшей помпой, но празднования Дня Иностранного Индийца (Праваси Бхаратийя Дивас) сохранилось. Из области проектов в практическую плоскость перешло создание министерство по делам диаспоры (Праваси Бхаратийя Карья Мантралай). Министр по делам зарубежных индийцев (в английском переводе смысл названия несколько размыт — Ministry of Overseas Indian Affairs) Ваялар Рави делает немало для привлечения интереса индийцев, живущих зарубежом к индийским проектам, вовлечения их денежных средств в качестве инвестиций в индийскую промышленность, сельское хозяйство, туристический бизнес.

В 2010 году День Зарубежного Индийца проводился в Дели. Основными целями мероприятия были названы: формулирование принципов предоставления двойного гражданства зарубежным индийцам, основание центра по поддержке зарубежных индийцев, формулирование концепции Университета зарубежного индийца, создание совещательного центра по проблемам зарубежных индийцев при премьер-министре Индии, создание Фонда развития Индии, оформление разрешения зарубежным профессионалам индийского происхождения иметь практику в Индии, создание глобальной индийской информационной сети, создание благотворительного Индийского фонда (Government of India. Ministry of Overseas Indian Affairs, Pravasi Bharatiya Divas. Engaging the Diaspora: the way forward. www.pbdindia.org).

ЛИТЕРАТУРА

- Ананд К. «Иностранные индийцы» // Индия. 1. М., 1990. С. 4-5.
- Арутюнов С.А. Диаспора — это процесс//Этнографическое Обозрение. 2000.2.
- Ваджапай А. Б. Индия на пути в Будущее. Сборник речей и выступлений (март 1998 — сентябрь 2001 г.). М., 2001.
- Дриздо А.Д. Индийцы острова Тринидад//Страны и Народы Востока. М. 1961. Вып. 21. С. 89-102.
- Дриздо А.Д. Первая монография об индийцах Тринидада//Страны и Народы Востока. Вып. 5. Индия — Страна и Народ. М. 1967. С. 150-154.
- Дриздо А.Д. Начало иммиграции индийцев в Вест-Индию // Страны и народы Востока. Вып. XIV. Индия — страна и народ. М., 1972.
- Дриздо А.Д. “Братство по кораблю”// СЭ. 1977. ¹ 2.
- Дриздо А.Д. Этно-культурные процессы в Вест-Индии. Л., 1978.
- Дриздо А.Д., Кочнев В.И., Семашко И.М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1978.
- Дриздо А.Д. Из истории индийцев Тринидада (60-80-е гг. XIX в.)//Проблемы истории и этнографии Америки. М. 1979. С. 155-162.
- Дятлов В.И. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1. М., 1999. С.8-23.
- Левин З.И. Менталитет диаспоры (Системный и социальный аспекты) // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX — XX вв. М. 2001. а.
- Левин З.И. Менталитет диаспоры. М. 2001. б.
- Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. М. 1999. N 1. С. 24-33.
- Попков В.А. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 1999.1.
- Попков В.А. Феномен этнических диаспор. М. 2003.
- Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое Обозрение. 2000. ¹ 2. С. 43-63.
- Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // СОЦИС. 1996. ¹ 12.
- Фадеечева М.Д. Диаспора и состояния этнического индивида// Диаспоры. N 2. 2004. С. 140-154.
- Шнирельман В.А. Мифы диаспоры // Диаспоры. 2. 1999. С.
- Brazil J.E. and Mannur A., Nation, Migration, Globalization: Points of Contention in Diaspora Studies // Brazil J.E. and A. Mannur, Theorizing Diaspora. A Reader. Oxford, 2003. P.1-22.
- Clarke C., Peach C. and Vertovec S. Introduction: themes in the study of the South Asian diaspora // South Asians Overseas. Cambridge, 1990.
- Cohen R. The Global Diasporas. An Introduction. L. 1995. 2nd Ed.: 1997.
- Cumpston I.M. Indians Overseas in British Territories. L., 1913.
- Gangoolee N. Indians in the Empire Overseas. A Survey. L. 1947.
- Gupta A. (Ed.) Indians Abroad: Asia and Africa. N.D. 1971.
- Kondapi, C. Indians Overseas, 1838-1946. N.D. 1951.
- Nasima H. Khan. The Community Rediscovered // India Today, May 20, 2002. P.58-59.
- Nataranjan K. (Ed.). Indians Abroad. Bombay, 1927.
- Pal A. and T. Chakrabarti (Eds.)/ Theorizing and critiquing Indian Diaspora. N.D. 2004.
- Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return//Diaspora. 1. 1991. P. 83-95./Reprint: Vertovec S. and Cohen R.(Eds.) Migration, Diasporas and Transnationalism. Cheltenham, 2001.P.364-375.
- Tinker H. The Banyan Tree. Overseas emigrants from India, Pakistan, and Bangladesh. Oxford, 1977.
- Vertovec S. Introduction // Oxford University and the Study of the South Asian Diaspora. L. 1991.

Е.В. Смирнова

ИНДУССКИЕ И МУСУЛЬМАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ИНДИИ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Индия поликонфессиональная страна, где соседствуют около десяти типов религиозных систем, каждая из которых, в свою очередь, распадается на множество направлений. Согласно данным переписи 2001 г., население Индии составляет 1280 млн., в том числе 827 млн. индусов (80,5%), 138 млн. мусульман (13,4%), 24 млн. христиан (2,3%), 19 млн сикхов (1,9%), 7,9 млн. буддистов и 4,2 млн. джайнов; буддисты, джайны и др. составляют 1,9% численности населения страны.

В Индии как и в большинстве стран Востока политика неотделима от религии. Начиная с 1947 г. перед правительством стоял вопрос выбора государственной идеологии. В условиях постколониальной политики возникли новые конфессиональные, расовые, этнические, языковые, кастовые, межрегиональные и прочие конфликты, сотрясающие изнутри устойчивость индийского общества. Фундаментом нового внутривнутриполитического курса зачастую становился индуизм — религия большинства, который еще в период национально-освободительной борьбы объединял и воодушевлял население страны. Тем не менее как это часто бывает, один и тот же инструмент можно использовать как во благо общества, так и наоборот. Религия в руках политиков часто становится орудием для достижения личных амбиций и отнюдь не мирных целей. Курс на развитие идеологии, построенной на индуизме, спровоцировал конфликты с другими конфессиями, главным образом — исламом.

При этом нужно отметить, что проблема межконфессионального конфликта в Индии имеет свою вековую историю. Этот конфликт возможно имел другой путь развития и не достиг бы своего апогея — раздела Индии на два государства по конфессиональному признаку, поскольку в течение многих веков в Индии жили как индусы, так и мусульмане, и между ними не возникало столь серьезных противоречий. Религиозные проблемы приобрели остроту после того, как Индия попала под власть английской короны. Такое решение было единственным способом смягчить противоречия индусов и мусульман, хотя и вызвало многочисленные кровавые восстания.

Конец XIX — начало XX вв. в Индии стали временем так называемого религиозного «возрождения» и реформации старых учений. Одной из самых главных причин происходивших в мировоззрении индийцев изменений было влияние западных идей. С приходом англичан у индийцев появилась возможность познакомиться с идеями Европы, Америки, Японии и других стран, с которыми Великобритания устанавливала дипломатические контакты. Это открыло для Индии «мир совершенно новых духовных и материальных ценностей»¹, что побуждало людей к переоценке религиозных ценностей и преобразованию взглядов. Одной из важнейших причин изменения умонастроений индийской общественности было введенное британским правительством образование европейского образца. Самым важным результатом влияния запада на индийскую культуру, по мнению Р.С. Маджумдара, было «вытеснение слепой веры в традиции, того времени, религиозные воззрения и обычаи,

¹ К.К. Жоль. *Индуизм в истории Индии.* — Стр. 203.

что является характеристикой средневековья, духом рационализма, который стремиться полностью разобраться, прежде чем принять что-то»¹. Помимо этого для реформации взглядов были и экономические причины.

Активная деятельность англичан разрушила традиционный уклад жизни страны и привели к резким переменам индийского общества. Перестройка экономики и политической системы управления Индии повлекла за собой частичную европеизацию социальных институтов страны. Проводимая англичанами политика отрицательно сказалась на экономическом и социальном положении людей. Общество стало искать пути с одной стороны к освобождению от колонизаторов, а с другой к сохранению своего культурного «я». Одним из следствий колониальной политики Великобритании в Индии явилось развитие капиталистического уклада и появление новой прослойки общества — буржуазии — людей, получивших европейское образование и впоследствии сыгравших большую роль в национально-освободительном движении. Они же и начали реформирование религий в Индии, основывая новые течения в индуизме и исламе.

С самого раннего этапа развития реформаторства (30 — 80-е гг. XIX в.) индуизм и ислам были одними из самых важных составляющих, влиявших на подъем и развитие национально-освободительного движения, объединяя людей под своими лозунгами. Прогрессивные идеи в основном носили просветительский характер, но выдвигались «в религиозной оболочке»².

В национально-освободительном движении ислам играл значительную роль. Во второй половине XIX в. появляется религиозно-политическое течение «мусульманский национализм», которое окончательно формируется и достигает пика своего влияния к 20 — 40-м гг. XX в. В основе этой концепции лежат две основных идеи — буржуазный национализм и мысль о формировании «мусульманской нации». Для мусульман была важна концепция «дар-ул ислам» — «территория ислама», где правящей главой является мусульманин, и где последователи ислама чувствуют себя защищенными и могут свободно отмечать праздники и ритуалы своей религии. После свержения в 1868 году династии Моголов многие мусульманские богословы сомневались в правомерности сохранения за Индией этого статуса, в защищенности мусульман и их веры. Важно отметить то, что индийские мусульмане, в отличие от индусов, в своих идеях о создании исламского государства рассматривали не только территорию Индии, но стремились к объединению мусульман всего мира. В Индию проникает движение панисламизма за сохранение и укрепление Халифата — Османской Империи. Это прогрессивное веяние, проникнув в Индию, превращается в халифатистское движение. Оно активизирует мусульман Индии, воодушевляет их на борьбу с иноземной властью и иноверцами — англичанами, заставляя их влиться в национально-освободительное движение и для этого на время объединиться с индусской частью населения страны.

Все это происходило в период борьбы двух основных направлений в исламе — феодального патриотизма и буржуазного просветительства. Первое высказывалось в пользу доколониальных феодальных отношений, защищало традиционные религиозные институты. Они стремились к освобождению от колониальных завоевателей, отказываясь от западных достижений и культуры, оставаясь приверженцами отста-

¹ R.C. Majumdar . *History of the Freedom Movement in India*. — P. 290.

² Л.Р. Гордон-Полонская. *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана*. — Стр.5.

лых, но зато «своих» и «самобытных» институтов. Буржуазное просветительство, более прогрессивное течение, в отличие от «патриотов» выступало против колониального правления, но все же «допускало возможность прогресса в условиях «просвещенного» английского правления»¹. Вначале это движение имело религиозную форму и стремилось модернизировать религию, но по мере укрепления позиций индийской буржуазии, «просветители» стали отходить от «религиозной ограниченности». Однако полностью освободиться от традиционности взглядов им не удалось.

Переосмысление и новая интерпретация мусульманских религиозных представлений отличались «санкционированием, пусть ограниченной, свободы воли, инициативы личности»². Внешняя — обрядовая — сторона стала играть меньшую роль, акцент сместился на внутреннюю сущность человека. Был признан принцип «иджихад» (право на индивидуальное суждение), что «раскрепостило» людей, дало им возможность проявлять собственную инициативу и участвовать в изменениях социально-экономической и политической жизни общества. Реформаторы отказались от идеи теократии, решили пересмотреть мусульманское право, основанное на шариате. Мусульманские буржуазные идеологи выступали за создание «исламской демократии», республики с властью президента и парламента.

Как отмечалось ранее очень большое значение в перестройке сознания индийского общества имело введение англичанами в 30-е гг. европейского образования. Система просвещения феодальной Индии, существовавшая ранее, была сугубо религиозной, не дававшей никаких практических знаний. Реформа англичан не поколебала многовековой традиции мусульманского образования, однако сформировала в индийском обществе особую прослойку интеллигенции. В конце XIX — начале XX в. среди индийских мусульман начинает складываться особая прослойка людей из обеспеченных семей, получивших образование по английской системе для того, чтобы иметь шанс успешно продвигаться по службе. В 1875 г. в Алигархе Сайид Ахмад Ханом был основан Мусульманский Англо-Восточный Колледж (Mohammedan Anglo-Oriental College). Впоследствии именно это заведение станет идейным центром объединения мусульман Индии.

Знакомство Индии с западными идеями оказало также большое воздействие и на индуистскую религию. В XIX в. были предприняты попытки реформировать индуизм по западному образцу. Тем не менее они отстаивали позиции, что у Индии существует самобытный путь развития. Первые реформаторы индуизма были представителями «националистической» ветви. Рам Мохан Рой (1772 или 1774 — 1833) (движение Брахмо Самадж), Даянанд Сарасвати (1824 — 1883) (движение Арья Самадж), Рамакришна Парамахамса (1836 — 1886), Свами Вивекананда (1863 — 1902) и другие сторонники этой точки зрения признавали некоторые ценности западной культуры, но и отвергали многие заимствования у Запада. Они выдвигали идеи, направленные на поступательное развитие общества, человека и всей страны в целом путем донесения демократических принципов и социально-экономических программ в контексте религиозного учения. Однако на начальном этапе реформации ни индуистские, ни мусульманские идеологи не призывали к противостоянию разных конфессий.

¹ Л.Р. Гордон-Полонская *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана.* — Стр.7.

² С. Т. Степанянц. *Мусульманские концепции в философии и политике XIX — XX вв.* — Стр. 25

В 1885 г., когда еще не существовало сильных противоречий между индусами и мусульманами, был создан Индийский национальный конгресс, являвшийся общиндийским объединением и представлявший интересы всего народа, вне зависимости от исповедуемой религии. Этот орган был создан при непосредственном участии британского истеблишмента как средство «выпустить пар» из котла народного гнева и механизм обратной связи правителей с управляемыми ими народными массами. Однако, с началом XX в. в Индии наступил новый этап национально-освободительного движения, характеризующийся противостоянием индийского народа колониальному правлению. Это было связано с тем, что из-за политики английского империализма ухудшилось положение крестьян, ремесленников, мелких предпринимателей и других слоев населения. В антибританское движение включалось все больше и больше людей, и в 1918 — 1922 гг. оно охватило практически всю Индию. Для того чтобы ослабить национально-освободительное движение англичане провоцировали конфликт между религиозными общинами, сталкивая их, когда это было необходимо для усиления своих позиций. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», Британцы поддерживали попеременно то одну, то другую сторону. Общинам предоставлялись разные права и привилегии, что неминуемо вело к разжиганию розни между ними.

Нельзя забывать, что когда британцы установили свое правление в Индии, их главными противниками были мусульманские правители, и соответственно их политика была анти-мусульманской. Это продолжалось до восстания 1857 г., зачинщиками которого были исламские общества и группировки, которые, тем не менее, стали вскоре более угодны англичанам, поскольку в индусских слоях населения начали распространяться опасные для колонизаторов идеи национализма.

Мусульмане были недовольны тем, что большинство членов Конгресса были индусами, и вскоре при содействии англичан создали Мусульманскую лигу (1906 г.), представлявшую интересы исламского населения Индии перед английскими властями. Это привело к ответному созданию в 1908 г. индусского движения Хинду Махасабха (Великий союз индусов) на базе нескольких общинных организаций. С этого момента начались серьезные межобщинные трения. Этому предшествовали противоречия внутри конгресса: в 1907 г. на сессии Конгресса в Сурате произошел фракционный раскол, грозивший превратиться в конфликт, и разделивший Конгресс почти на десятилетие. Все это вызвало озабоченность руководителей Конгресса. Стала вновь пересматриваться программа его деятельности.

В 1909 г. Британское правительство предложило реформы законодательных советов, разработанные Морли и Минто. Для мусульман были введены отдельные избирательные курии при выборах на посты в центральном и местном правительстве, тем самым англичане поощряли желание мусульман видеть себя общиной, отдельной от индусов и остальных индийцев. На заседании второго круглого стола Конгресса Лига представляла интересы индийских мусульман.

В 1911 г. Мусульманская Лига перенесла свой штаб из Алигарха в Лакхнау и вскоре после этого управление партией взяла под свой контроль группа, состоявшая в основном из мусульман шиитского толка, которые жили и работали в этом городе. Большинство членов этой группы были юристами и имели хорошее образование. Самым выдающимся среди них были Вазир Хасан, ставший в 1912 г. секретарем Лиги. Одним из видных политиков, с которыми сотрудничала эта группировка, был Мухаммед Али Джинна (1876 — 1948), юрист из Бомбея, поддерживавший тог-

да еще идеи индуско-мусульманского единства. Он отказывался вступить в Мусульманскую лигу до 1913 г., поскольку одной из целей этой организации было содействие развитию у мусульман Индии чувства лояльности к английской власти. Члены Мусульманской лиги стремились к сотрудничеству с англичанами для того, чтобы добиться особых привилегий для мусульманского населения Индии. В то время Мусульманская лига еще не выдвигала требований особого государства для мусульман. Более того, Лига начала стремиться к сотрудничеству с Конгрессом: отмена раздела Бенгалии и отказ британского правительства признать мусульманский университет в Алигархе привели мусульманских лидеров к мысли о том, что для того, чтобы отстаивать свои права, им нужно быть независимыми и полагаться только на свои силы, не опираясь на поддержку правительства. Они стали говорить о том, что лучше объединиться с индусами для достижения общих целей. Однако добиться этого сближения было нелегко в силу неравномерности распределения власти индусов и мусульман и отсутствия идейного единства населения страны. Кроме того зародившийся в некоторых областях коммунизм также мешал проведению такой политики.

Именно на первую половину XX в. приходится появление коммуналистической ветви индульской реформации. Коммунизму свойственно использование религиозности широких слоев населения для достижения целей узкого круга имущих классов. Также важнейшей отличительной чертой коммуналистского движения является идеология индульской общинной обособленности. Этот общинный сепаратизм открыто заявил о себе и стал частью антиколониального движения только в 20-х гг. XX в., хотя такие тенденции появились в индуистком обществе еще и раньше. Идеологи национализма уже заявляли об обособленности индуизма и связанной с ним культуры, тем не менее они не выдвигали идей противопоставляющих интересы индульской и мусульманской общин. Коммуналисты же открыто призывали к противостоянию исламской культуре в Индии.

Главным идеологом индульского коммунизма является Винаяк Дамодар Саваркар, сторонник индивидуального террора и массовых восстаний. Он родился в Махараштре, в семье обедневшего брахмана. Еще в юности Саваркар был активным участником антианглийских кружков, в которых молодые люди изучали биографии Шиваджи, Лакшми Бай и других национальных героев, исследовали архивы материалов, связанных с сипайским восстанием, интересовались даже историей революционного движения в России. Их вдохновляли попытки некоторых деятелей связать революцию и религию. Уже в то время Винаяка Дамодара ассоциировал патриотизм с индийской религией.

В 1937 г. Саваркара единодушно избрали на пост президента Хинду Махасабха, который он занимал до 1943 г. Это был период его активной деятельности, связанной с разработкой его основных идей. В 1937 г. он открыто заявил о том, что индусы (к которым В.Д. Саваркар относил кроме индусов как таковых также джайнов, буддистов и сикхов) являются обособленной общиной. Теоретически такая концепция была направлена против иноземцев, но фактически она противопоставляла интересы индусов и мусульман. Это была основа его теории «индульской нации», опирающейся на взаимосвязанные понятия «индуизма» и «хиндутвы» (букв. санск. «индийскость»). Индуизм в его концепции — неотъемлемая часть хиндутвы. Тем не менее, он критиковал некоторые положения традиционного индуизма — такие как кастовая система, неприкасаемость, запрет общения между кастами. Его главной целью было

избавить индуизм от всех этих недостатков и сплотить общину вокруг индульской религии. Он хотел построить таким образом «хиндудом» — «индусский мир», объединяющий всех индусов, обладающих общим историческим прошлым, культурой, религией, расой и языком — то есть, в его понимании составляющих единую нацию. Понятно, что во многом это «единство» индульской нации было надуманным, поскольку расу индусов невозможно отличить от расы мусульман, индийские языки юга и севера относятся к разным языковым семьям, с точки зрения культуры регионы Индии также могут очень сильно отличаться. Однако индуизм был единственным фактором, пронизывавшим все сферы деятельности большинства населения, и потому нередко воспринимавшийся как национальная ценность и символ самобытности. Этому способствовало и то, что индуизм был локальной религией, не распространявшейся широко за пределы страны.

Одним из основных выводов из этой концепции стало то, что Индия, будучи родиной индусов и территорией, на которой находятся индульские святыни, не может быть местом проживания и поклонения других конфессий. Исходя из этого, Саваркар заявил, что мусульмане не могут быть патриотами Индии и потому являются потенциальными противниками индусов в их борьбе за создание независимого государства индусов «хинду-раштра». Он также выступил против требований идеологов «мусульманского национализма» о разделе Индии на два государства, настаивая на том, что независимая нерасчлененная Индия («акханд-бхарат») должна принадлежать индусам как «истинным сыновьям Индостана».

С началом первой мировой войны Мусульманская лига стала активно участвовать в индийской политике. Ожидая окончания войны, индийцы спланировали против англичан, индусы объединялись с мусульманами в единый фронт для проведения дальнейших конституционных реформ. Единственным препятствием к этому для мусульман были их опасения, связанные с тем, что после обретения независимости Индии их собственные интересы будут подчинены интересам индульского большинства. На некоторое время это беспокойство было сглажено в 1916 г. на сессии Конгресса и Мусульманской Лиги в Лакхнау. Тогда был подписан пакт о совместных действиях Мусульманской Лиги и Индийского Национального Конгресса в борьбе за права населения Индии и за его более широкое представительство в создаваемых колониальными властями совещательных органах при вице-короле и губернаторах провинций. Проект Конституции, предложенный там, представлял мусульманам возможность выборов в законодательные учреждения в отдельных избирательных округах. Инициатором совместной сессии Индийского Национального Конгресса и Мусульманской Лиги стал Мухаммед Али Джинна, символ «секуляристского» отношения к исламу и, при этом, будущий «отец Пакистана».

В 1915 г. колониальным правительством были приняты «Акты об обороне Индии», ограничивавшие на военное время гражданские свободы и позволявшие правительству Индии задерживать, арестовывать и высылать любого индийца без суда, ордера и обоснования причин. Индийцы ожидали, что с окончанием войны этот закон будет отменен, однако сэр Сидни Роулетт вместо этого опубликовал доклад, рекомендовавший продлить действие закона по меньшей мере на шесть месяцев. По всей Индии стали распространяться движения за отказ от сотрудничества с британским правительством. Ганди призвал своих сторонников к общенациональной забастовке (6 апреля 1919 г.), объявив первый «священный» день ненасилия. Во время этого этапа национально-освободительного движения 1919 — 1922 гг., взгляды

Джинны и Махатмы Ганди все больше и больше расходятся: Джинна рассчитывает на решение проблем новыми реформами, а Ганди продолжает отстаивать свой метод борьбы — гражданское неповиновение.

Эта антиколониальная кампания закончилась провалом. В 1921 г. Джинна возглавил Мусульманскую лигу и развернул активную пропаганду мусульманского сепаратизма, получив при этом поддержку колониальных властей. Что касается Ганди, то в 1922 г. он прекращает кампанию несотрудничества. В то время как движение ненасилия потерпело поражение и шло на спад, коммуналистические тенденции наоборот были на подъеме. Рознь между общинами усилилась, а достигнутое ранее индусско-мусульманское сотрудничество было подорвано.

В 1924 г. Хинду Махасабха приняла резолюцию о том, что именно она теперь выражает мнение большинства индусов по политическим вопросам. К 30-м гг. она уже превращается в серьезную политическую силу, а индусский коммунизм уже развивается как самостоятельное течение.

В 1928 г. британские колониальные власти направили в Индию специальную комиссию (Комиссия Саймона) для подготовки закона, дававшего стране значительную долю самоуправления. Однако националисты требовали большего и опубликовали документ о будущем устройстве Индии, получивший название «Конституции Неру». Они начали движение за полную независимость и принятие «Конституции Неру». 26 января 1930 г. по решению Конгресса был отмечен День Независимости, а вскоре по инициативе лидера индийских националистов Махатмы Ганди вся Индия оказалась охваченной движением гражданского неповиновения. Мусульманская лига вначале поддержала эту кампанию, но ее лидеры опасались того, что индусы могут получить всю власть в стране. Лидеры мусульман оказались в сложной ситуации, простого решения в которой не было. Лояльность англичанам означала признание законной власти немусульман над последователями ислама, что теоретически могло считаться предательством. Борьба с англичанами означала поддержку националистов и в случае победы последних — установление в стране власти большинства — т.е. индусов. Жесткие идеологические догмы препятствовали трактовке индуизма как религии, сопоставимой с исламом. Для значительной части улемов независимость Индии означала переход под власть идолопоклонников и еще большее предательство ислама. Решение этой проблемы было найдено в 1931 г. на второй конференции круглого стола в Лондоне, основным вопросом которой было разрешение общинно-религиозной проблемы, существовавшей между индусами и мусульманами. На этой конференции присутствовала делегация Мусульманской лиги во главе с Ага-ханом, открытым сторонником англичан. Мусульмане требовали особых прав и привилегий: сохранения и расширения системы выборов по религиозным куриям, формирования местных и центрального индийских правительств по общинно-религиозному признаку, передачи религиозным общинам контроля над школами и образованием. Кроме того, Лига требовала увеличить представительство для мусульман в ряде тех провинций Индии, в которых мусульмане составляли лишь незначительное меньшинство. В их проект также входило выделение Синда, области, населенной в основном мусульманами, из Бомбейской провинции. Эти требования были неприемлемы для Конгресса, стремившегося к объединению сил страны, а не к их раздроблению. Ганди попытался найти компромиссное решение, которое удовлетворило бы как индусов, так и мусульман, но не достиг успеха. В результате, решение вынес премьер-министр Макдональд, издав в 1932 г. закон, удовлетворявший требования мусульман. Им были

предоставлены избирательные курии и выделение Синда в отдельную провинцию. Он также предусматривал образование отдельной избирательной курии для неприкасаемых. Создание Синда для мусульман было решением сложнейшей политической проблемы: выделение территории, где индийские мусульмане доминировали и создание на этой территории выборной власти означало формирование дар ул-ислам — «территории ислама». Теперь у мусульман был выбор — продолжать жить в дар ул-харб или переехать в только что созданную дар ул-ислам.

Мусульмане все больше склонялись к сотрудничеству с англичанами. Когда независимость Индии стала очевидным и очень близким будущим, мусульмане объявили о планах создания собственной страны — страны индийских мусульман.

М.А. Джинна уехал в Англию для юридической практики. В 1935 г. его уговорили вернуться обратно, чтобы вновь возглавить Мусульманскую лигу на новых условиях, предложенных Законом 1935 г. С этого момента Лига превращается в сильную, многочисленную партию, имевшую те же обязанности по отношению к мусульманам Индии, что и Конгресс по отношению к индусам.

Однако Закон 1935 г. не ставил целью передать власть — он был составлен для того, чтобы управлять страной по новой схеме. Сделанные в нем уступки были необходимы для того, чтобы утихомирить капиталистические слои общества и сельскую элиту, ослабить общеиндийский национализм и антиимпериалистическую активность общества, введя провинциальную автономию.

На ежегодном заседании в апреле 1936 г. Всеиндийская Мусульманская Лига осудила Закон 1935 г., но решила принять участие в выборах в местные ассамблеи. В обязанности М.А. Джинны входило сформировать центральный комитет, который должен был представлять Лигу на предстоящих выборах. На этом этапе усилия Джинны были направлены главным образом не против Конгресса, а против всех провинциальных и местных партий, которые разделяли голоса мусульман. Он хотел объединить всех мусульман под знаменем Мусульманской лиги. В мае Джинна назначил центральный комитет из 56-ти членов, который провалился на выборах, получив лишь 109 мест из 482, предоставленным мусульманам. Однако результат Конгресса был еще менее успешным: только 26 конгрессистов получили места от мусульманских избирательных округов, что означало, что Конгресс не мог быть «голосом» мусульман. После нескольких отвергнутых попыток Лиги приблизиться к Конгрессу, Джинна изменил курс деятельности партии и, вместо стремления к совместным действиям, решил уравнивать Конгресс и Лигу в политической силе. Все остальные вопросы теперь стали второстепенными.

Во время Второй мировой войны Джинна поддерживал связь с британским правительством во избежание любой формы сотрудничества с Конгрессом. Когда 3 сентября 1939 г., на третий день Второй мировой войны англичане объявили войну между Индией и Германией, даже формально не известив об этом решении национальных лидеров, конгрессистские управляющие в знак протеста покинули свои посты. Это открыло пространство для деятельности мусульман, которые по приказу Джинны оставались на службе.

Следующим свидетельством ухудшения отношений между индусами и мусульманами стал отказ Джинны участвовать в заседании Рабочего комитета Конгресса 14 сентября 1939 г. На нем было составлено заявление (основным автором был Джавахарлал Неру), выразившее готовность Рабочего комитета сотрудничать с английским правительством в ведении войны, но только в качестве союзников. По услови-

ям этого сотрудничества Англия должна была отказаться от методов принуждения и давления, поскольку «Индия не может участвовать в войне, которая провозглашается войной за демократическую свободу в то время, когда сама Индия лишена и свободы, и демократии»¹.

В 1940 г. на сессии Мусульманской Лиги 22 — 24 марта в Лахоре впервые была высказана идея о создании независимого мусульманского государства. Была принята резолюция, требовавшая образовать в северной части Британской Индии два независимых мусульманских государства: одно — на северо-западе (в его границы должны были войти Панджаб, Синд, Северо-Западная Пограничная провинция, Белуджистан, а также Кашмир), другое — на северо-востоке (в составе Бенгалии и Ассамы). Это стало поворотной точкой, поскольку с этого момента Мусульманская лига и М.А. Джинна стали распространять эту идею и добиваться ее осуществления. Вызывает интерес то, что религия в жизни Джинны не играла очень большой роли. Но, тем не менее, именно религиозные идеи стали орудием политики Джинны.

Активное участие в политической жизни страны продолжали принимать и коммуналисты. В 40-х гг., когда мусульмане заявили о своем желании разделить страну, идеолог коммуналистов Саваркар объявил мусульман Индии лишь меньшинством, пытающимся противопоставить свои интересы целям большинства населения. Он считал, что ядро национально-освободительного движения могут составлять только индусы, желающие освобождения своей нации, но только в единой, неразделенной Индии, простирающейся от «Инда до морей».

Идеологию Саваркара резко осуждали многие общественные и политические деятели. Среди них был и Ганди, всегда стремившийся к единству индусов и мусульман. В противовес этому, Саваркар считал принцип ненасилия Махатмы неэффективным. Он был сторонником решительных действий и террористической борьбы. Однако к 40-м гг. все его внимание концентрируется не на антиимпериалистической борьбе, а на противостоянии мусульманам и Конгрессу. Для этих целей в 1943 г. им была сформирована полувоенная организация индусской молодежи «Хинду раштра дал» (Отряд борцов за индусскую нацию).

В Индии нарастало недовольство, связанное с участием в войне. Это серьезно угрожало планам англичан, рассчитывавших на то, что им удастся использовать материальные и людские ресурсы страны. Ганди же на переговорах с вице-королем лордом Линлитгоу отказался от активного участия Индии в войне. Это означало, что разрыв между британским правительством и Конгрессом неминуем, несмотря на то, что позиция Ганди расходилась с мнением большинства конгрессистов, «которые все еще не теряли надежды на то, что участие в войне на стороне Англии вынудит ее уже теперь предоставить Индии независимость»². Англичане склонялись к сотрудничеству с Мусульманской лигой. Вице-король поощрял Джинну, который стремился к тому, чтобы Лига была единственной организацией, представляющей всех индийских мусульман. Это разрушало мечты Ганди о едином светском государстве Индия, в котором правящей партией должен был стать Конгресс, являющийся всендийским представительством.

В 1942 г. произошло массовое восстание, которое стало самой серьезной угрозой британскому правительству со времен 1857 г. Оно было результатом недовольства населения решением 1939 г. В результате в марте 1942 г. под давлением Америки

¹ А. Горев. *Махатма Ганди*. — Стр. 293.

² А. Горев. *Махатма Ганди*. — Стр. 296.

в Индию прибыл министр по делам снабжения Стаффорд Криппс со специальной миссией — он передал лидерам Конгресса новые английские предложения. Индийцам предлагался статус доминиона после войны с предоставлением возможности покинуть Английскую республику. Отдельные провинции и княжества могли оставаться за границами доминиона, что являлось свидетельством поощрения требования Джинны на отделение. После окончания войны было обещано проведение выборов в законодательные собрания, на которых должны были быть избраны депутаты Учредительного собрания для разработки новой конституции доминиона. Все эти предложения были отвергнуты Конгрессом, несмотря на давление, которое Криппс оказал на руководство посредством лидеров политических организаций и религиозно-общинных партий. Мусульманская Лига во главе с Джинной также отказались от предложенной программы.

14 июля в Вардхе произошло заседание Рабочего комитета Конгресса, на котором Ганди настоял на принятии резолюции, призывающей англичан немедленно покинуть Индию и предоставить ей независимость. Эта резолюция, по выражению одного из журналистов, получила название «Вон из Индии!». Она вызвала смятение не только у британского правительства, пораженного столь бескомпромиссным требованием, но и у реакционных лидеров, и даже некоторых конгрессистов.

Через месяц после принятия этой резолюции в Бомбее прошло расширенное заседание Всеиндийского комитета Конгресса, на котором Ганди призвал к объединению в единый национальный фронт все политические партии страны. Тем временем вице-король Индии оповещал Лондон о происходившем, и уже вскоре после принятия этой резолюции Черчилль пришел к выводу, что необходимо быстро расправиться с Конгрессом и его лидерами.

В это время Индию охватили массовые движения и выступления. Это пугало не только колониальную администрацию, но также и Национальный конгресс и Мусульманскую лигу, которые выражали свое сочувствие, но, тем не менее, призывали восставших к прекращению забастовки. Стачечный комитет капитулировал, но эти события показали, что в Индии складывается революционная ситуация. Лейбористское правительство было вынуждено пойти на уступки национально-освободительному движению. В апреле 1946 г. состоялась еще одна миссия кабинета в составе министра по делам Индии Петиклоуренса, морского министра Александра и министра торговли Криппса.

На настроения Мусульманской лиги и Национального конгресса повлияли прошедшие в начале апреля выборы по куриям, способствовавшим продвижению вопросов религиозно-общинных отношений в политику. В выборах приняло участие менее 13% населения. Конгресс получил абсолютное большинство по индульской (общей) курии во всех провинциях, а по мусульманской — только в Северо-Западной. Лига получила большинство голосов по мусульманской курии в провинциях с индульским большинством и в Бенгалии, где большинство составляли мусульмане. Таким образом, «подавляющее большинство избирателей выступали за сохранение единства Индии»¹, однако мусульмане в провинциях с немусульманским большинством были сторонниками идеи о создании единого независимого мусульманского государства Пакистана, выдвинутой Мусульманской лигой (8 апреля 1946 г.), которая завоевала доверие в мусульманской общине Индии.

¹ К.А. Антонова, Г.М. Бонгард-Левин, Г.Г. Котовский. *История Индии.* — Стр.477.

Три министра представили новые предложения, касающиеся передачи власти индийским лидерам. Индия провозглашалась федерацией с центральным правительством, самостоятельно решающим вопросы внешней политики, защиты доминиона и международных отношений. Провинции должны были быть разделены на три группы: северо-западные — с преобладанием мусульман, Бенгалия и Ассам на востоке и остальная часть Индии. Провинции могли выйти из состава доминиона по собственному желанию. Был выдвинут также компромиссный план, предлагавший создать Учредительное собрание для разработки конституции, выборы в которое будут производиться по куриям — индусской, мусульманской и сикхской. Намерения англичан совпадали с интересами мусульман, потому британское правительство взяло курс на поддержку их стремления образовать Пакистан и разделить страну. Руководство Мусульманской лиги одобрило этот план и дало согласие на участие во временном правительстве — исполнительном совете при вице-короле, не ответственном перед Учредительным собранием. По мусульманской курии выдвигались кандидаты от Мусульманской лиги, а по индусской — от Национального конгресса. Последний же отверг это предложение, пытаясь внести поправки в план англичан. Однако им было объявлено, что план должен быть принят целиком, либо отвергнут.

Лига поддержала создание временного правительства, поскольку Конгресс отказался в нем участвовать. Но вице-король образовал этот исполнительный совет из чиновников, и Лига бойкотировала выборы в Учредительное собрание в июне 1946 г. 10 августа 1946 г. Джинна перешел от тактики соглашений к прямым действиям, объявив день прямой борьбы за Пакистан (Direct Action Day), отказавшись от конституционных методов. Джинна был настроен противостоять любым попыткам отклонить идею раздела Индии, и его деятельность теперь была направлена не против Британской империи, а против немусульман Индии. В Бенгалии под руководством Х.С. Сухраварди была предпринята анти-индусская кампания, которая привела к многочисленным убийствам, разграблениям и поджогам. Центром индусско-мусульманских погромов стала Калькутта. Пока все это происходило, армия и полиция находились в стороне, британское правительство также не вмешивалось. В ответ через три дня индусы организовали репрессалию. Только после этого вмешалось правительство Бенгалии, полиция Калькутты начала свою работу, и центральное правительство начало оказывать помощь. Махасабха поощряла агрессию индусов. Ганди эти погромы резко осуждал, поддерживал создание коммунистами и демократами отрядов самообороны. Через три дня после вмешательства центрального правительства калькуттские погромы прекратились, однако их влияние продолжало распространяться: убивали индусов в соседних деревнях, разрушали их дома. В других частях Индии также стали происходить погромы: отчеты репрессалий приходили со всей страны.

15 августа 1947 г. была провозглашена независимость Индии, а всего за несколько минут до этого, ночью с 14 августа на 15 августа было объявлено о создании независимого государства Пакистан. Мухаммед Али Джинна был провозглашен первым главой государства. Граница пролегла сквозь провинции Панджаб, Бенгалия и Ассам, чтобы округа с мусульманским большинством попали в состав дар-ул ислам. Миллионы человек погибли и многие миллионы потеряли родных, кров и имущество при разделе Индии по конфессиональному признаку, поскольку нигде, ни в одной провинции и ни в одном княжестве население не было однородным, везде до этого

жили и индусы и мусульмане. Раздел Индии сопровождался индо-мусульманской резней, которая резко осуждалась Махатмой Ганди. Коммуналисты и в частности Хинду Раштра Дал безусловно не остались в стороне от этих погромов. Противоречия Саваркара с Ганди в конце концов привели к тому, что Махатма был убит Натхурамом Годзе, который был связан с коммуналистским идеологом и лидером Хинду Махасабха.

В независимой Индии идеология индусского коммунизма имела много последователей, которые создавали религиозно-общинные партии и организации (Рам раджья паришад, Джан сангх, Шив сена). Основной концепцией, основывавшейся на идее «индусской нации», созданной Саваркаром, является принцип «истинного национализма», разработанный Голвалкар. Он с юности уже познакомился с идеями Саваркара, слушая лекции профессора М.М. Малявии, одного из видных деятелей Хинду Махасабха и сторонника теории «индусской нации». Позднее он познакомился также с К.Б. Хедгеваром, основателем «Раштрия сваямсевак сангх (РСС)» (Союз служителей нации). Он сам после этого несколько лет руководил отделением этой организации в Варанаси, а в 1940-м г. Хедгевар перед смертью назначил его своим преемником, главой «Раштрия сваямсевак сангх».

Голвалкар отводил религии ведущую роль в общественном развитии. Он активизировал коммуналистское движение путем переосмысления главных идей и положений индуизма. Изучив писания и принципы различных религий, он пришел к мысли о том, что «только индусам была дана возможность понять и постигнуть бога во всей его полноте»¹. Поэтому он резко осуждал идею равенства всех религий, стремясь даже ограничить общение индусов с представителями других конфессий. И, наоборот, считал, что вторым знакомство с индуизмом пошло бы на пользу, поскольку именно он способен привести жителей всего мира к миру и процветанию.

Чтобы достичь былого величия Индии, государство, по его мнению, должно было основываться на дхарме. В основу определения нации он ставил такие понятия как религия, культура, образ жизни и т.д. По мысли М.С. Голвалкара, индусы должны занимать в Индии главенствующие позиции, а представители неиндусских общин (в первую очередь, индийские мусульмане) были не вправе считать себя полноправными членами индийского государства до тех пор, пока они не примут индуизм и не сольются с индусской частью населения страны. В ином случае они, по его мнению, не могли занимать ответственных постов и претендовать на привилегии. Джайнов, сикхов и буддистов он относил к числу последователей индуизма и, соответственно, считал их уже частью индусской нации.

Такое изменение концепции «индусской нации» и ее радикализация были обусловлены тем, что Голвалкар в основном проводил свою деятельность уже после обретения Индией независимости и перед ним стояли несколько иные цели, чем перед Саваркаром и его последователями. После 1947 г. на первый план выдвинулись вопросы дальнейшего политического, экономического и социального развития страны.

В настоящее время идеи «истинного национализма» Голвалкара чрезвычайно популярны среди реакционеров и современных коммуналистических партий таких например как ВХП (Вишва Хинду Паришад — Всемирный совет индусов) и Шив сена (Армия Шивы), которая несмотря на свою агрессивную, антимусульманскую политику смогла выйти за рамки местной партии и получить места в парламенте страны.

¹ *M.S. Golwalkar Bunch of Thoughts. — P. 85.*

Партия Шив сена родилась в 1966 г. В середине XX века в Махараштре наметился экономический подъем и туда хлынул поток мигрантов, преимущественно гуджаратцы и марвари, среди маратхов в свою очередь увеличился процент безработных. После официального выделения в 1960 г. на карте Индии маратхи-язычного штата Махараштра антимигрантские настроения в регионе достигли своего апогея, и коренные жители готовы были поддержать любого, кто бы встал в этом споре на их сторону.

В октябре 1966 г. последний день индуского праздника Дивали в бомбейском парке имени Шиваджи состоялся митинг, на котором с пламенной речью выступал прежде малоизвестный художник-карикатурист, издатель малотиражного еженедельника на языке маратхи «Мармик» — Бал Тхакре. В ходе выступления он предложил идею создания партии, которая могла бы решить проблему с мигрантами. По его словам, все беды коренных жителей штата происходят от того, что пришельцы из других регионов страны захватили непропорционально большое число рабочих мест, вытеснив коренных жителей. По мнению Тхакре даже преступный мир, нищие и прокаженные на улицах Бомбея — это южноиндийцы.

Программа Бал Тхакре сводилась к двум лозунгам: «Махараштра махараштранцам!» и «Южноиндийцы, вон из Махараштры!». В качестве партийной символики Шива сена избрала бхагва-дженду, являвшуюся некогда символом основанного Шиваджи государства и изображение угрожающе оскалившегося тигра и тигровую лапу с когтями. Последняя символизирует багхнакх, примененный маратхским лидером при убийстве Афзал Хана. Этот акт трактуется маратхами как проявление смелости и наивысшего героизма. Эти символы ясно отражали направление деятельности Шив сены.

Помимо социальной напряженности, существовавшей в Махараштре во второй половине XX в. из-за притока мигрантов, в это время индийское общество находилось на грани межконфессионального взрыва. Лидеры националистических партий стремились использовать сложившуюся ситуацию, для того чтобы заработать себе политический капитал. На одном из митингов Бал Тхакре заявил: «Сегодня сикхи и мусульмане накапливают оружие. Индусы должны дать им достойный ответ. Крупные индуские храмы должны передать Шив сене свои сокровища для закупки оружия и боеприпасов».¹ Следуя избранной тактике, в 1970 году лидеры Шив сены по случаю дня рождения Шиваджи в населенных преимущественно мусульманами пригородах Бомбея Бхиванди и Джалгаон организовали в его честь процессии и спровоцировали жестокие столкновения между представителями двух религиозных общин. После этого индийские власти запретили организацию подобных процессий, но спустя четырнадцать лет они возобновились, только теперь Шив сена готовилась к ним более тщательно, проводя активную пропагандистскую политику.

В 1984 году на первом съезде Шив сены, состоявшемся в Бомбее, Бал Тхакре выступил с развернутой религиозно-общинной программой. «Если я приду к власти в центральном правительстве, то дам мусульманам 48 часов, чтобы они доказали свою принадлежность к этой стране. Они не должны оставаться в Индии, поскольку их мысли и сердца в Пакистане. ... Только тем мусульманам будет позволено здесь остаться, кто примет единый гражданский кодекс и концепцию хинду раштры (индуского государства), а также откажется от употребления говядины

¹ *Katakam A. Politics of vandalism. // Frontline. 30. 01. 2004*

в пищу». «Мы должны начать новое движение под лозунгом «Вон из Индии!», чтобы избавиться от них».¹

К практическим действиям лидеры Шив сены приступили в начале мая этого же года в Бомбее и Бхиванди, где снова были организованы процессии по случаю дня рождения Шиваджи. Пригород Бхиванди для проведения подобных мероприятий был избран организаторами сознательно. С 1970 по 1984 год его население выросло с 80 до 400 тысяч человек, причем прирост численности в основном был обеспечен за счет притока мусульманских ткачей из Уттар Прадеш и южноиндийского штата Андхра Прадеш. Таким образом здесь можно было воплотить в жизнь сразу две концепции Шив сены: изгнание «чужаков» и борьба с иноверцами. Масла в огонь подлили оскорбительного содержания лозунги «Солдат Шиваджи», которые они расклеивали на улицах. 18 мая нависшая над пригородом напряженность вылилась в межобщинные столкновения, в которых активное участие приняли крестьяне-маратха из близлежащих деревень. Жестокие погромы перекинулись на соседнюю железнодорожную станцию и, наконец, на улицы бомбейских окраин. Резня продолжалась одиннадцать дней. С бесчинствами толпы удалось справиться лишь после введения комендантского часа и привлечения армейских частей. Результаты этих массовых беспорядков были шокирующими: 258 человек погибло, более тысячи ранено, общий ущерб составил 2 миллиарда рупий. Основные виновники беспорядков так и не были наказаны, и эта терпимость властей впоследствии дорого обошлась и Бомбею и всему штату.

В декабре 1992 года в штате Уттар Прадеш в Айодхье индусские фанатики разрушили мечеть Бабура, чтобы построить на ее месте храм Рамы, поскольку согласно традиции Рама родился именно здесь. Эта акция породила очередную волну межобщинных столкновений, которые приняли особенно ожесточенный характер в Бомбее. Фактически здесь было две вспышки — с 7 по 12 декабря 1992 года и с 7 по 20 января 1993 года. Первую можно назвать более или менее спонтанной. Толпа торжествующих индусов столкнулась с демонстрацией протестующих против разрушения мечети мусульман. Вторая же волна, закончившаяся побоищем мусульман, была тщательно спланирована. Шив сена и другие индусские организации в непосредственной близости от городских мечетей проводили обряды массового поклонения богам. Во время намаза через мощные усилители на полной громкости транслировались индуссские песни, перемежаемые подстрекательными призывами. Позже также было установлено, что накануне ночью на домах, лавках и мастерских мусульман, как перед Варфаламеевской ночью, мелом наносились специальные знаки, обозначающие жертв погромов. Ориентируясь на эти пометки, группы вандалов поджигали эти здания и убивали их владельцев. Некоторым организаторам беспорядков удалось получить доступ к спискам избирателей, по которым вычислялись адреса зажиточных и влиятельных мусульман. По официальным данным в ходе беспорядков в Бомбее погибло 557 человек, очевидцы называют цифру в 2 тысячи человек. Более 50 тысячи семей бежали из города.

Тем не менее несмотря на многие вопиющие по своей жестокости и масштабу вандализма антимусульманские действия, деятельность Шив сены не вызывает жесткой ответной реакции со стороны индийских властей. Более того, за последние двенадцать лет Шив сена не раз добивалась больших успехов на выборах всех уровней. Первым успехом Шив сены была победа на выборах в бомбейский муниципалитет.

¹ Е. Ю. Ванина. *Индия: страна и ее регионы*. — Стр. 273.

ципалитет, на которых ее кандидаты нанесли сокрушительное поражение конгрессистам. Затем последовали победы в других городах штата. В 1990 году на выборах в законодательное собрание Махараштры она провела 52 кандидата из 288. После следующих выборов 1995 года Шив сена, составив политический блок с БДП (Бхаратия Джаната Парти — Индийская народная партия) смогла сформировать коалиционное правительство. Этот блок завоевал 138 мест из 288 (Шив сена — 73, БДП — 65) и получил поддержку 15 независимых депутатов. В результате выборов 1999 года представители Шив сены смогли занять лишь 15 мест в местном законодательном собрании, однако, входя в состав правящего блока во главе с БДП (Национальный демократический альянс), продолжала влиять на политику на федеральном уровне. На федеральных выборах 2004 года Шив сена и БДП потерпели сокрушительное поражение от партии Индийский национальный конгресс. Подобная ситуация наблюдалась и на выборах в местное законодательное собрание. Несмотря на это Шив сена, находясь в оппозиции правящей партии, продолжает активное участие в политической жизни страны, и получила поддержку электората на муниципальных выборах 2006 года в Махараштре. При этом агитационные мероприятия Шив сены регулярно заканчиваются актами вандализма и насилия. Важно также, что все ее политические действия и лозунги непременно имеют религиозный подтекст.

Первоначально Республика Индия в противовес исламскому Пакистану была «светской». Однако в условиях индийской культуры отделить религию от государственной политики оказалось невозможным. М. Ганди подчеркивал: «Политика, отделенная от религии, подобна трупу, который только и можно похоронить». Несмотря на усилия лидеров ИНК, религия прочно заняла свою нишу в государственной политике страны. Так или иначе первые лица государства и правительственные чиновники участвуют в открытиях индусских храмов и других проиндусских мероприятиях, что зачастую вызывает бурю негодования среди мусульманского населения страны и провоцирует индо-мусульманские погромы и кровопролитие.

С приходом к власти коммуналистов, в 1990-е и первые годы третьего тысячелетия произошли радикальное изменение социальной и нравственной атмосферы в стране. Это прежде всего было связано с отходом от взглядов и принципов «отца нации» М. Ганди и популяризацией идей шовинистического толка. В этот период значительно выросла численность различных структур, главным инструментом достижения цели которых было насилие. В средствах массовой информации раскручивали сюжеты «Рамаяны» и «Махабхараты», делая упор на то, что справедливость приходится достигать большой кровью. Неуклонно росло количество нападений на членов мусульманской и христианской общин.

Период с 1998 по 2004 г., когда у власти находилась коалиция во главе с БДП, открытой сторонницей хиндутвы, а само это слово прочно поселилось во всех средствах массовой информации, отмечен планомерной проиндусской политикой, которая пронизывала все сферы деятельности. В 2001 г. Центр учредил национальную комиссию для обсуждения целесообразности введения запрета на убой коровы, с тем чтобы присвоить ей статус национального животного. ВХП выступил с требованием смертной казни для посягнувших на корову.

С конца же 1990-х годов, по личной инициативе М. М. Дзоши, главы Министерства развития человеческих ресурсов, начался пересмотр учебных программ в системе образования. Она осуществлялась как путем введения новых предметов типа

ведийской астрологии в высшие учебные заведения страны, так и переписыванием школьных учебников по разным дисциплинам. В учебниках истории прошлое Индии стали выстраивать как триумфальное шествие великой индусской нации, прерванное завоевателями из чуждых цивилизаций — сначала исламской, а потом христианской. Например, учебник для 11-го класса 2003 г., принятый в школах Уттар Прадеша, утверждает, что под руинами мечети Бабура несомненно находится храм бога Рамы, хотя предыдущее издание 1990 г. не содержало этой информации. В целях создания более стройной версии характеристики исторических персонажей подверглись коррекции, а некоторые пропали вообще. В хрестоматиях по литературе на родных языках увеличилось количество текстов с мифологической тематикой и историями о самопожертвовании героев-индусов, посвятивших себя своей родине. Среди последних особое место занял Шиваджи, основавший в XVII в. государство маратхов: из захватчика и мародера — именно таким он виделся ранее за пределами Махараштры — Шиваджи превратился в общенациональный эталон борца за создание индусской государственности.

На последних парламентских выборах 2009 г. победу одержала ИНК. На данный момент в Индии создалась уникальная ситуация, когда на главных государственных постах оказались представители так называемых «меньшинств»: сикх Манмохан Сингх — премьер-министр и христианка Соня Ганди на посту лидера правящей партии. Правительство во главе ИНК провозгласило курс на умеренную, преимущественно светскую политику. Начался очередной этап пересмотра учебных программ. Однако невозможно себе представить, чтобы запущенные и около века назад процессы индо-мусульманского противостояния можно было так легко остановить и найти в государственной идеологии, ту точку равновесия, которая бы, находясь в рамках индийской культуры, не провоцировала бы новых межконфессиональных конфликтов. Кроме того позиция ИНК в парламенте настолько шаткая, что нужно проводить очень осторожную религиозную политику, чтобы не обрушить на себя гнев большинства населения, т.е индусов.

ЛИТЕРАТУРА

- Жоль К.К. Индуизм в истории Индии. — М.: Восток — Запад, 2006. — 351 с.
- Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. — М.: Мысль, 1979. — 608 с.
- Ванина Е. Ю. Индия: страна и ее регионы. М., 2000 г. С. 358
- Глушкова И.П. Религиозная идентичность и политика национальной интеграции в Индии // Религия и конфликты. М. 2007.
- Гордон-Полонская Л. Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана (критика «мусульманского национализма»). — М.: Изд-во вост. лит., 1963. — 326 с.
- Горев А. Махатма Ганди. — М.: Международные отношения, 1989. — 373 с.
- Котин И. Ю. Ислам в Южной Азии: Мечом и молитвой. — С-Пб.: Азбука-классика, 2005. — 252 с.
- Мезенцева О.В. Роль индуизма в идеологической борьбе современной Индии. — М.: Наука, 1985. — 175 с.
- Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного востока XIX — XX вв. — М.: Наука, 1974. — 190 с.
- Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX — XX вв. — М.: Наука, 1982. — 248 с.
- Majumdar R. C. History of the Freedom Movement in India. — vol. 1. — Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, 1962. — 557 p. — vol. 2. — 1963. — 563 p.

С.Х. Булацев.

ИЕРАРХИЧНОСТЬ И ДОМЕСТИЦИЗМ: СООТНОШЕНИЕ СУЩЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОГО ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

Предметом рассмотрения в этой статье будут две характеристики современного японского общества: первая — высокая степень иерархичности и субординированности межличностных отношений, вторая — актуальность разграничения сфер своего и чужого как «внутреннего» (内 яп. «ути») и «внешнего» (外 яп. «сото»); а также — соотношение между этими характеристиками.

ИЕРАРХИЧНОСТЬ И СУБОРДИНИРОВАННОСТЬ

Иерархические отношения и соответствующие им нормы соблюдения субординации — предмет постоянного внимания как специалистов, так и непрофессиональных наблюдателей японского общества.

«Господин Ханэда был начальником господина Омоти, который, в свою очередь, был начальником господина Сайто, который был начальником Фубуки Мори, которая была моей начальницей. А у меня подчиненных не было.

То же самое можно сказать иначе. Я выполняла приказы Фубуки Мори, которая выполняла приказы господина Сайто и так далее. Правда, приказы могли спускаться и непосредственно сверху вниз, минуя иерархические ступени.

Короче, в компании Юмимото я подчинялась всем, а мне — никто».

Так начинается во многом автобиографичный роман бельгийской писательницы Амели Нотомб, рассказывающий о весьма негативном опыте столкновения молодой бельгийки с системой взаимоотношений между работниками японской фирмы, в частности, — с нормами субординации, которые там приняты [Нотомб, 2002, с. 7].

О важности для японцев иерархических отношений, в частности, — противопоставления «высший — равный — низший», свидетельствуют и лингвисты. В японском языке этим отношениям соответствует, прежде всего, развитая система речевого этикета (так называемые «формы вежливости» или «этикетная вежливость»): «этикетные отношения проявляются в любом языке, но в японском языке их выражение особо многообразно. (...) В самом общем виде можно сказать, что вежливые формы используются в отношении высших и равных чужих, простые — в отношении низших и равных своих. (...) Особо сложна система кэйго («вежливого языка» — С.Б.) в глагольных формах повелительного наклонения, где имеется несколько уровней этикетной вежливости и разграничены фамильярные и грубые формы» [Алпатов, 2008, с. 118-119]. Японские языковеды разделяют три сферы применения вежливых форм в зависимости от типа иерархических отношений между говорящим и адресатом: адресация к лицам, постоянно высшим по своему социальному положению (начальники, лица престижных профессий, представители высших слоев общества); к старшим по возрасту; к лицам, высшим по функции, выполняемой в данный момент (представители власти, врачи, кредиторы, клиенты в сфере обслуживания и т. д.) [Алпатов, 1988, с. 57-58].

Иерархичность признавалась и признается одной из существенных характеристик японского общества и культуры многими исследователями. Иерархической организации общества современной Японии посвящены, в частности, работы социолога Наканэ Тиэ и уже ставшая классической концепция «вертикального

общества» (*tatэ сякай*), разработанная ею. Наканэ в своих исследованиях утверждает, что вертикальная, иерархическая структура присуща как японскому обществу в целом¹, так и всем группам, из которых оно состоит: «... существование или отсутствие вертикальной иерархии в пределах группы и степени ее институционализации зависят от конкретных факторов ее формирования. Важнее всего то, что в Японии группа неизбежно и закономерно развивает вертикальный тип организационной структуры. (...) Этот структурный принцип внутренне присущ всем социальным группам в Японии» [Nakane, 1972, с. 62-63].

Исследования Наканэ появились еще в 60-х — 70-х гг. прошлого века, но многие наблюдения и обобщения, сделанные ею, сохраняют свою истинность до сих пор. Теорию Наканэ признают даже «базовой социокультурной моделью японского общества» [Корнилов, 1998 (2)]. Соглашаясь со многими доводами критиков теории вертикальных структур, авторы коллективной монографии «Японский феномен» утверждают все же, что именно эта теория «помогает выявить те её (социальной организации Японии — С.Б.) отличительные черты и характерные особенности, которые, по выражению Наканэ Тиэ, составляют «структурную сердцевину», и понять принципиальные механизмы управления специфическим социумом» [Японский, 1996, с. 53].

Предложенные Наканэ термины и характеристики, относящиеся к формам социального поведения, и описания поведенческих моделей японцев пользуются большой популярностью во многих современных исследованиях и общих работах².

К «общим местам» в описании японского общества, появившимся под влиянием работ Наканэ, относятся указание на традиционную семью «киэ» 家 как на прототип институциональных единиц (компания, школа и т.д.), составляющих основу японской социальной организации; на ранг и статус как основания для внутригрупповой дифференциации³; на взаимную зависимость между лидером и каждым подчиненным в японских организациях.

Для описания патерналистских отношений между японцами начиная со времени появления работ Наканэ широко используются термины оябун-кобун 親分子分 или ояката-коката 親方子方 (букв.: отношения родителей и ребенка, старшего и младшего как по социальному положению, так и по возрасту)⁴. Терминами *эм-*

¹ «При общем взг ляде на (японское — С.Б.) общество (...) мы наблюдаем не горизонтальную стратификацию по классам или кастам, а вертикальную стратификацию по институтам или группам институтов.» [Nakane, 1972, с. 87].

² Например, авторы своеобразного словаря социальной ментальности современных японцев «*The Japanese mind: understanding contemporary Japanese culture*» (в русском переводе «Япония. Как е, понять: очерки современной японской культуры») [Япония, 2006]), изданного в 2002 г. в США, весьма активно используют термины из понятийного аппарата Наканэ.

³ «Вертикальное объединение, как известно, предполагает иерархию для фиксирования социального порядка. Основной этой иерархии служила имманентно присущая японскому обществу система рангов (плоды конфуцианства). Ранг определял положение человека в группе и являлся, по мнению (...) Наканэ Тиэ, социальной нормой, на которой базировалась жизнь японцев. Здесь он играл роль, аналогичную кастам в других восточных обществах. Японцу важнее институциональная принадлежность, чем социальное происхождение» [Японский, 1996, с. 19-20].

⁴ «Организационный принцип, основанный на отношениях отцов и детей, составляет базовую схему японской организации. Этот принцип мы обнаружим почти в каждом типе институций в Японии» [Nakane, 1972, с. 96].

най 先輩 («старший»), дорё 同僚 («равный») и кохай 後輩 («младший»), на которые обратила внимание Наканэ¹, часто пользуются, говоря о специфической японской системе старшинства внутри формальных и неформальных групп².

Сама Наканэ утверждает, что главная цель ее работы — не описать (современное) японское общество, а — найти некие константы, постоянные факторы, лежащие глубже различных изменений социума. Наканэ пытается исследовать «неформальную систему», «настоянную на уникальных особенностях японской культуры», которая не проявляется прямо в «лежащих на поверхности культурных элементах» [Там же, с. 148-149]. Однако, как показывают многочисленные критические работы, поиск именно таких глубинных структур ей не удастся. Предметом критики, которой неоднократно подвергалась концепция общества «вертикальной структуры», становились, главным образом, ее теоретические основания.

С позиций социологической теории критикует концепцию Наканэ А.А. Михалев: «...концепция общества «вертикальной структуры» Т. Наканэ претендует на статус общесоциологической теории. Однако теория такого уровня не может ограничиваться рассмотрением частных взаимосвязей. Проблемы, анализируемые общесоциологической теорией, носят качественно иной характер, чем те вторичные отношения, которые выдвигаются Т. Наканэ за определяющие» [Михалев, 2001, с. 140].

Во многом справедливой представляется мне следующая характеристика подхода Наканэ: «В сущности, Т. Наканэ не ставит перед собой задачу проанализировать действительное положение и поведение индивидов в обществе, заведомо ограничиваясь поверхностной, феноменалистски трактуемой поведенческой сферой. В результате социологическое рассмотрение всецело редуцируется к поведенческому и индивидуально-психологическому уровню» [Там же, с. 139-140].

Отвлекаясь от собственно критического рассмотрения ее исследований, надо признать, что именно «феноменалистские» наблюдения над поведенческой сферой японцев представляли и представляют особый интерес в работах Наканэ. Неудачи Наканэ в поисках «уникальной» иерархической структуры японского общества наводят на мысль о том, что иерархичность — вовсе не уникальная характеристика этого общества³. Об «уникальности», точнее — о специфичности — мы можем го-

¹ «Для японцев установленный порядок ранжирования, (основанием для которого являются длительность срока работы в одной группе и возраст, но не индивидуальные способности), чрезвычайно важен для определения общественной иерархии и установления социальных ценностей личности. Для японца мир ясно разделен на три категории: сэмпай (старшие), кохай (младшие) и дорё. Слово «дорё», буквальное значение которого «коллега», относится только к тем из них, кто имеет тот же ранг, а не ко всем, кто делает такую же работу в том же офисе или в том же цехе; даже среди дорё различия в возрасте, времени поступления в школу или колледж, или его окончания, способствуют развитию чувства «сэмпай и кохай». Все три эти категории были бы объединены в понятие «коллеги» в других обществах» [Nakané, 1972, с. 26].

² См., например, Япония, 2006, с. 233-242.

³ Как, очевидно, и любого другого. «Иерархия повсюду», — утверждает В.Р. Дольник в своей книге о поведении животных и человека. «Иерархическое построение людских группировок неизбежно для нас. Всякий раз, когда мы хотим навести порядок в группе людей, мы берем за основу принцип соподчинения. (...) Изучение поведения человека и ближайших к нему видов не оставляет сомнения в том, что ему свойственно образовывать мужские (самцовые) иерархии. Они образуются не только в результате сознательной деятельности, но и самопро-

ворить применительно не к иерархической структуре как таковой, а — к формам проявления иерархических и субординационных отношений в Японии. Обширный материал наблюдений и обобщений именно такого рода мы находим, в частности, в исследованиях Наканэ Тизэ.

О влиянии иерархичности японской культуры на социальное поведение Наканэ пишет:

«... Вне зависимости от разнообразия в индивидуальном поведении, представление о ранговых различиях глубоко укоренилось в социальном поведении японцев. Характеризуя чью-либо личность, японец обычно выводит свои предметные критерии из набора принятых в настоящее время социальных моделей. Институциональный статус и звание составляют один из главных критериев, что же касается собственных качеств человека, то наблюдается тенденция их игнорировать» [Nakane, 1972, с. 31-33].

Вот как описывает Наканэ проявления норм социальной субординации в языковой практике японцев:

«В повседневной жизни человеку, совершенно не обладающему осведомленностью по поводу соотношения рангов, будет невозможно заговорить, даже — сесть и поесть. Во время беседы от него ожидается постоянная готовность использовать дифференцированные, имеющие тонкие различия степени учтивых выражений, соответствующие соотношению в рангах между ним самим и его адресатом. Выражения и манеры, подходящие при обращении к вышестоящему, ни в коем случае нельзя использовать по отношению к подчиненному. Даже в общении между коллегами без выражения почтительности можно обойтись только в том случае, когда двое собеседников — очень близкие друзья. В английском языке недостаточно эквивалентных выражений для соответствующего описания того, о чем идет речь. Поведение и язык переплетены в Японии на глубинном уровне» [Nakane, 1972, с. 30].

Говоря о речевом этикете, соответствующем отношениям *сэмпай-дорё-кохай*, Наканэ объясняет: «например, к г-ну Танака можно обратиться «Танака-сан», «Танака-кун» или «Танака» (то есть без суффикса). «Сан» используется для сэмпай, «кун» для кохай, и имя без суффикса сохранено для дорё, последняя форма сопоставима с использованием при обращении личного имени в английском. Но использование этой формы тщательно ограничивают кругом очень близких людей. Даже среди дорё «сан» используется при обращении к тем, с кем говорящий знаком недостаточно, в то время как «кун» пользуются те, чьи отношения ближе, чем при обращении на «сан», бывшие одноклассники, например. Отношения, которые допускают адресацию только по фамилии, носят определенно фамильярный характер, что мало чем отличается от использования «tu» («ты») во французском. Поэтому таким образом можно обратиться также к очень близким кохай, но эти кохай при обращении к говорящему будут использовать форму на «сан». В случае общения между профессионалами в пределах этой модели, к сэмпай обращаются, используя «сэнсэй» вместо «сан», «сэнсэй» здесь соответствует более высокой степени уважения, такое обращение используют ученики по отношению к учителям, а также «обычные люди» по отношению к профессионалам» [Там же, с. 26-27].

Рассмотрим несколько описаний моделей этикетного поведения японцев из книги Наканэ. Первое относится к рассадке гостей в японском доме.

изволью, спонтанно, подобно тому, как образуются кристаллы льда и соли
[Дольник, 2004, с.106, 211].

«Без уделения внимания ранжированию жизнь в Японии не могла бы спокойно идти своим чередом, поскольку ранг — социальная норма, на которой основывается жизнь японцев. В традиционном японском доме само устройство пространства комнаты есть выражение этой дифференциации по рангам, ясное предписание по поводу ранговых различий, которые должны соблюдаться теми, кто ею пользуется. Самое «высокое» место всегда находится в центре, на фоне токонома (ниши), в которой повешен свиток с рисунком и поставлен букет цветов; самое «низкое» место — то, которое ближе всего к входу в комнату. Благодаря такому устройству двое или более людей никогда не смогут разместиться как равные. Каким бы ни был характер собрания, присутствующие в конечном счете установят удовлетворительный порядок между собой — после того, как каждый из них совершит необходимые предварительные этикетные жесты самоуничижения. Статус, возраст, популярность, пол и т.п. относятся к элементам, способствующим установке порядка, но статус во всех без исключения случаях является доминирующим фактором, гость всегда размещается выше, чем хозяин, если его статус не намного ниже, чем статус хозяина. С гостем, приехавшим из более отдаленного места, обращаются особенно почтительно.

Нет более неловкой ситуации в Японии, чем такая, когда соответствующий порядок проигнорирован или нарушен, — когда, например, подчиненный займет место выше, чем место его начальника» [Там же, с. 31-32].

Вторая модель описывает поведение японцев за обеденным столом:

«На Западе использование регламентированного плана ведения застолья обычно ограничивается такими случаями, как официальный званый обед, когда главного гостя сажают по правую руку от хозяина и так далее. Но в Японии даже за столом, где ужинает обычная семья, не бывает никаких отступлений от формальностей, определяемых рангом. В начале еды хозяйка дома должна разложить всем вареный рис. Рисовые колочки должны быть поданы в соответствии с рангом, от высшего к низшему: среди членов семьи, например, глава дома будет обслужен сначала, затем — его номинальный преемник (его сын или усыновленный зять), потом — остальные сыновья и дочери согласно полу и старшинству. Последними идут хозяйка дома и жена преемника. Так на последовательности раздачи пищи явным образом отражается структура группы» [Там же, с. 32-33].

Третье описание относится к поведению японских студентов в спортивных клубах:

«Молодой японец (...) никогда не выходит из сферы действия системы старшинства. В учебных заведениях среди школьников и студентов существует очень четкая иерархия («ранжирование») по старшинству, которая соблюдается особенно строго среди тех, кто занимается в спортивных клубах. В студенческом альпинистском клубе, например, это — студенты младшего курса, которые во время подъема в горы несут более тяжелый груз, ставят палатку и готовят ужин под наблюдением старших студентов, причем те могут сидеть и курить. Когда приготовление пищи закончено, первыми едят старшие студенты, которым подают еду младшие. В таком сильном чувстве ранговой дифференциации, говорят, ясно различимо влияние методов прежней японской армии» [Там же, с. 32].

В четвертом примере речь идет о соотношении служебного статуса и личной жизни японцев:

«Занимающий высшее положение на месте работы — всегда выше, где бы с ним ни встретился, в ресторане, дома или на улице. Когда встречаются жены, они тоже

ведут себя друг с другом соответственно рангам своих мужей, используя уважительные выражения и жесты, приличествующие отношениям, принятым между их мужьями. Лидер в Японии склонен показывать свое лидерство при всех и всяческих обстоятельствах, даже когда лидерство никоим образом не требуется. Поведение американцев в этих ситуациях очень отличается: по своему опыту общения с американцами, могу сказать, что часто даже бывает очень трудно понять, кто лидер группы (или — кто обладает более или менее высоким статусом), кроме тех обстоятельств, которые требуют, чтобы лидерство себя обнаружило» [Там же, с. 33].

Мы можем констатировать, что в работах Наканэ Тиэ, ставившей перед собой задачу описать оригинальную, «уникальную» структуру японского общества, действительный научный интерес представляют описания формальной, этикетной стороны поведения японцев. То же можно сказать и о многочисленных исследованиях, относящихся к «направлению Наканэ» в изучении японского общества.

Это дает нам право рассматривать собранный в таких работах материал — обширный и часто действительно оригинальный — с точки зрения семиотики культуры. В частности, весьма продуктивным представляется семиотический подход к этикетным нормам и их соблюдению в японском обществе.

Определяя этикет как «совокупность специальных приемов и черт поведения, с помощью которых происходит выявление, поддержание и обыгрывание коммуникативных статусов партнеров по общению», А.К. Байбурун и А.Л. Топорков отмечают, что одной из важнейших его функций является «функция этнической и социальной идентификации» [Байбурун, Топорков, 1990, с. 5, 8.]. Если рассматривать в качестве знака этикетные нормы, связанные с соблюдением субординации, то у них, очевидно, может быть, по меньшей мере, два значения: 1) выражение иерархических отношений внутри некоторого коллектива; 2) обозначение принадлежности к этому коллективу, — т. е. их можно рассматривать как маркер групповой идентичности. (В роли маркера принадлежности к группе может выступать не только соблюдение субординационных норм как таковое, но и отношение к их соблюдению: степень строгости требований и усердия при выполнении соответствующих действий¹).

Для определения этого второго значения этикетных норм субординации в японском обществе нам полезно рассмотреть такую его характеристику, как противопоставление «своего» и «чужого».

¹ «Степень жесткости, обязательности выполнения тех или иных правил зависит и от стилистики поведения в тех или иных сферах общения» [Байбурун, Топорков, 1990, с. 9]. Специально различению стилистики общения в культуре разных народов посвятила свою монографию Т.В. Ларина. В частности, о разнице в стилях вежливости между английской и русской культурой она пишет: «Если в английской коммуникативной культуре, как отмечают английские информанты, невозможно быть чрезмерно вежливым ('overpolite'), то в русской культуре это возможно, при этом избыточная вежливость (сверхвежливые церемонии, как было сказано в одной из анкет) оценивается отрицательно, поскольку воспринимается как недостаточная искренность. (...) Искренность, прямота, правдивость ценятся в русской культуре больше, чем церемониальность и строгое соблюдение норм этикета, что может быть расценено как избыточная вежливость» [Ларина, 2009] (Цит. по публикации в интернете: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/137743/Larina__Kategoriya_vezhливости_i_stil%27_kommunikacii.html)

АКТУАЛЬНОСТЬ ОППОЗИЦИИ «СВОЕ-ЧУЖОЕ» (内·外 УТИ-СОТО)

Благодаря особенностям географического, историко-цивилизационного, политического положения Японии может рассматриваться как почти идеальная модель становления национальной идентичности¹ и развития дискурса национальной самоидентификации. На ее примере мы можем наблюдать эти процессы в почти чистом, «лабораторном» виде. Японию в этом контексте удобно рассматривать как отдельно взятую страну и, наоборот, — трудно не «взять отдельно».

Опыт Японии в межнациональном и межцивилизационном диалоге сравнительно невелик, что приводило и приводит к разнообразным проблемам²; но по той же причине у нее сравнительно мало возможностей и опытности в сокрытии информации разного рода, которое могут допускать более искушенные участники диалога.

Особенность японской культуры, заключающаяся в резком проведении границы между сферами «своего» и «чужого», «внутреннего» и «внешнего», — в национальном характере, менталитете, в социальной практике и политической жизни — обращает на себя внимание почти всех, кто имел и имеет дело с японским обществом, уже не одно десятилетие. Упоминания, более или менее обстоятельные и глубокие, этой особенности мы находим в исследованиях ученых различных специальностей, занимающихся Японией: культурологов, социологов, психологов, лингвистов, историков, литературоведов и других.

Обратимся вначале к языковым фактам.

«В японском языке постоянно употребляются слова (существительные — ваго) («собственно японские» — С.Б.) *uchi* ‘пространство внутри; внутри’ и *soto* ‘пространство вне; вне’. Много и сложных слов — канго («китайского происхождения» — С.Б.) с соответствующими корнями *nai* и *gai* (...). Они обозначают важнейшее для японской языковой культуры противопоставление, которое может быть обозначено как «свой-чужой». (...) В самом общем виде можно сказать, что для любого говорящего и собеседник, и все лица, упоминаемые в его речи, должны обязательно оцениваться с точки зрения принадлежности или непринадлежности к одной и той же с ним группе. Понятия «своего» и «чужого» не абсолютны, а относительны. Как «свои» могут рассматриваться члены своей семьи в противоположность остальным людям, соседи в противоположность далеко живущим, уроженцы одной местности в противоположность уроженцам иных мест, сотрудники своей фирмы в противоположность персоналу иных фирм, люди одного пола в противоположность иному полу и т. д. Каждый человек может для того же самого человека быть «своим» в одной ситуации и «чужим» в другой. Предельный случай — отношение к всегда «чужому» иностранцу, при котором «своим» будет считаться любой

¹ «Япония представляет собой практически идеальный научный «полигон» для исследования динамики идентичности, учитывая высокий уровень гомогенности общества и беспримерную продвинутость в постмодернизационном развитии» [Чугров, 2010, с. 5].

² «В течение многих веков японцы вели свержоседлый образ жизни и имели крайне ограниченный исторический опыт по освоению дальнего пространства и непосредственным контактам с неяпонцами. Это привело к развитию «близорукости» — невозможности адекватно оценивать свои возможности в другом пространстве. Только при таком оптическом изъёме могло случиться так, что страна ввергла себя в войну на огромных просторах против сил коалиции, которые многократно превосходили мощь Японии» [Мещеряков, 2009, с. 557].

соотечественник. (...) Наоборот, предельный случай «своего» — сам говорящий, который в каких-то ситуациях может быть противопоставлен всем остальным людям» [Алпатов, 2008, с. 79-80].

Культурологи видят в этих языковых явлениях отражение «основной дихотомии японского менталитета»: «японцы четко отличают «внутренних» (своих) от «внешних» (чужих, посторонних) в повседневной жизни, независимо от того, принадлежат ли они к какой-либо группе ути или группе сото» [Япония, 2006, с.26]. Одна из исследовательниц называет противопоставление *uchi* — *soto* — основным понятием, которое формирует японское общество [Tanaka, 2004, с. 22].

Эта оппозиция может распространяться и на идеологическую, и на политическую сферу: «в узких границах [она] проходит по периметру кровнородственных, профессиональных, социальных групп, в широких же границах выходит за пределы страны, обозначая, в зависимости от идеологической задачи, границы региона, расы или политического блока» [Горегляд, 1989, с. 9].

Разделение мира на «свое» и «чужое», видимо, присуще всем культурам¹. Однако социологи, культурологи, лингвисты и историки в один голос свидетельствуют: случай Японии — особый. Не «уникальный», (здесь я считаю необходимым солидаризироваться с А.Н. Мещеряковым, настаивающим на неправомерности определения японской культуры и ее отдельных элементов как «уникальных»²), но — особый. Очевидно, в случае с Японией мы имеем дело с настолько интенсивным проявлением этого универсального феномена, что можем говорить и о качественно ином состоянии японского общества по данному параметру.

«Каждый японец в течение всей жизни входит во множество групп, начиная от семьи и кончая государством. Разумеется, это относится не только к японцам, но к любым людям в современном обществе. Однако в Японии групповые отношения особо строги, в том числе и в языке. И в языке они проявляются тройко: в использовании тех или иных средств языка, в стратегиях общения со «своими» и с «чужими» и в использовании специальных «языков для своих» и «языков для чужих» [Алпатов, 2008, с. 79-80].

Наканэ Тиэ свидетельствует: «Сплачивающее чувство единства группы, как показывает механизм функционирования семьи и предприятия, существенно важно как основание полноты эмоционального участия человека в группе; это помогает построить закрытый мир и приводит к сильной независимости группы или к ее

¹ «При анализе развития групп и их роли в истории человеческого общества было установлено, что главной, чисто психологической характеристикой группы является наличие так называемого «мы-чувства». Это означает, что универсальным принципом психического оформления общности является различение для индивидов, входящих в группу, некоторого образования «мы» в отличие от другого образования — «они». «Мы-чувство» выражает потребность дифференцировать одну общность от другой и является своеобразным индикатором осознания принадлежности личности к некоторой группе, т.е. социальной идентичности. (...) Специфика социально-психологического анализа группы именно здесь и проявляется: рассматриваются выделенные средствами социологии реальные социальные группы, но в них, далее, определяются те их черты, которые в совокупности делают группу психологической общностью, т.е. позволяют каждому ее члену идентифицировать себя с группой.» [Андреева, 1994].

² Развернутое изложение критического взгляда А.Н. Мещерякова на концепцию японской уникальности см., например [Мещеряков, 2009, с. 556-559].

изоляции. (...) В то же самое время, независимость группы и стабильность круга («frame»), развившиеся благодаря этому чувству единства, создают пропасть между группой и другими людьми — обладающими сходными характеристиками, но не принадлежащими к (тому же) кругу (...).

Различение «мы» и «они» усилено и усугублено до такой степени, что различия между людьми внутри одного и того же общества могут достигать предела, и всякий, кто не принадлежит к «нашим» людям, перестает считаться человеком. Встречаются забавные ситуации, например, — японец, который может отпихнуть незнакомца, чтобы занять свободное место, но, независимо от степени своей усталости, уступит место тому, кого он знает, особенно если этот кто-то — начальник в его компании» [Nakane, 1972, с. 20].

Примеры крайних случаев дегуманизации «чужих» мы находим в военной истории Японии, главным образом, — в истории второй мировой войны и предшествовавшего ей вторжения в Китай. Печально известен инцидент, получивший название «нанкинской резни», когда после взятия Нанкина в декабре 1937 года японцы устроили там террор, жертвами которого стали, по разным оценкам, от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч мирных китайцев. «Японцы не считали китайцев за полноценных людей. Воспитанные, вежливые и церемонные у себя дома, на войне, которая шла за пределами Японии, они теряли человеческий облик. Ибо они воевали не с «настоящими» людьми, а с недочеловеками. К «чужим» были неприменимы те нормы, которые практиковались дома», — характеризует эту ситуацию А.Н. Мещеряков [Мещеряков, 2009, с. 273]. Китайские солдаты, по его выражению, представлялись японцам «разновидностью неживой природы». В своей книге он приводит выдержки из заметок с фронта японской журналистки, у которой горячее сочувствие вызывал вид мертвых японцев. Но увидев труп китайского солдата, пишет она, «я почувствовала лишь холодное безучастие. Мое отношение к трупу китайского солдата было полностью отстраненным. Я подумала о том, что моя холодность вызвана незнанием китайцев, а потому и человеческий труп казался мне просто предметом» [Там же, с. 284].

Другой аспект разделения мира на «свой» и «чужой», который А.Н. Мещеряков называет «комплексом оседлости», — естественное и безусловное предпочтение своей — привычной — территории, своей страны как места для жизни. Яркий пример этого свойства японской ментальности — попытка колонизации японцами Маньчжурии в 30-х гг. XX-го века. Несмотря на активные призывы и поощрение переселения японских крестьян на северные окраины Маньчжоуго со стороны правительства, эта кампания фактически провалилась: вместо миллиона крестьянских хозяйств (около пяти миллионов человек), как это планировалось в 1936 г., до конца второй мировой войны в Маньчжурию переселилось только 270 тысяч японцев. «... Экспансионистские устремления государства входили в резкое противоречие с «национальным характером». Подавляющее большинство японцев поддерживало государственную модель «расширяющегося пространства». Но они поддерживали ее скорее на словах, чем на деле: их модель личного поведения была совсем другой. (...) Что до людей, отправлявшихся на постоянное поселение в японские колонии, то они часто пользовались на своей «малой родине» репутацией неудачников или же авантюристов. (...) В Маньчжурии все было не так, как в Японии: холод, снег, мутная вода, бесконечные просторы, от которых кружится голова. Там все было наоборот, и даже океан и небо менялись местами. (...) Японцев, которых волею судьбы

забрасывало за границу, не будоражила радость познания нового. Ими владели совсем другие чувства, связанные с трудностями отвыкания. Именно эти эмоции следует считать доминантными для тех японцев, которые покинули свою родину. (...) Японцы совершенствовали свои ирригационные сооружения столетиями. И уходить с этой земли, в которую было вложено столько труда, они не желали. Кроме того, находясь дома, они находились под защитой своих родственников, соседей, душ предков. А потому даже простая ночевка вне дома была связана с определенными психологическими проблемами. Выработанная веками привычка к оседлому образу жизни отбила у японцев вкус к перемещениям и эмиграции. (...) Японская культура не породила тип энергичного колониста, занятого поисками лучшей земли и лучшей доли. Японцы, находившиеся за рубежом, не учили местные языки, селились кучно, браки с местным населением считались «оскорбительными» для японцев. Они не приспособивались к местной среде, а строили там «маленькую Японию» [Там же, с.223, 220-221].

Переиначив пословицу¹ применительно к японцам, можно сказать, что им «в гостях» (не у себя) плохо, а хорошо — дома. Эта черта национального характера, очевидно, связана с явлением, обозначенным знаменитым японским психиатром, культурологом и социологом Дои Такэо (1920-2009) как «амаэ» 甘え — поиск благожелательности другого человека, зависимость от нее, «любовь-как-необходимость» [Дои, 2001 (2), с. 57-77]².

Дои предложил любопытную трактовку разделения мира на «свой» и «чужой». По его мнению, для японцев обозначением психологической и поведенческой границы между «ути» и «сото» является чувство стеснения (яп. энр, 遠慮): «чужой» мир — это мир, где приходится стесняться своих естественных чувств и влечений, в отличие от «своего», внутреннего мира (мира «своих», прежде всего — семьи), где стесняться не нужно. Но в этом случае, по наблюдению Дои, для японца возможна еще одна граница: граница между «чужим» миром, где существует необходимость стесняться, и — еще более внешним миром, (например, — другими странами), где такой необходимости опять не существует, поскольку перестают действовать при-

¹ Автору этой работы не удалось отыскать точного японского эквивалента русской пословицы «в гостях хорошо, а дома лучше». Японская пословица, соответствующая русской, — «Вагая-ни масару токоро наси» («Свой дом никакому месту не уступит»), по смыслу ближе английскому выражению «There is no place like home»: в ней слабо выражена идея сравнения, а идея путешествия не выражена совсем.

² «Поведение человека из мира «амаэ» подобно поведению ребенка, ищущего постоянной поддержки у своих родителей, в первую очередь у матери, и в то же время полагающегося на их снисходительность и благожелательность. «Амаэ» в общем соответствует понятиям «первичной любви» или «пассивной любви к объекту», введенных британским психоаналитиком М. Балинтом. (...) В отличие от западного человека, ориентированного на независимость, японец стремится к зависимости («амаэ»), жаждет и ищет ее. (...) Психологический прототип «амаэ» — отношения матери и ребенка, начавшего осознавать отдельное существование от нее. «Амаэ» можно считать психологической попыткой преодоления этого отделения и его сублимации за счет стремления к ассимиляции и идентификации с другими» [Корнилов, 1998 (1)].

Подробнее о Дои Такэо и теории «амаэ» см.: Корнилов М.Н. Реф. на кн.: Дои Такэо. Структура «Амаэ» // Проблемы национальной психологии Японии: Реф. сб. — М., 1977.

вычные нормы, «запускающие» механизм стеснения. Тогда оказывается, что «мир стеснения» — уже не совсем чужой, скорее он — «промежуточный пояс» (*тюкан титай*) между внутренним и внешним «мирами без стеснения» (*муэврэ сэкай*). Но между этими последними есть существенная разница: только во внутреннем «мире без стеснения» существует *амаэ* [Дои, 2001 (1), с. 50-54]. Имея в виду, что *амаэ* действует и в «мире стеснения», границу между *ути* и *сото* можно провести и по «линии амаэ». Тогда внешним миром окажется только «заграница», мир других стран, а внутренний мир, «мир амаэ» будет фактически совпадать с Японией. В контексте темы этой статьи мне представляется важным, что в таком случае «факторы стеснения», в частности — этикетные нормы, которые делали «мир стеснения» чужим, начинают играть прямо противоположную роль: они становятся маркерами «своего», внутреннего мира. Действительно, благожелательность и любовь-как-необходимость японцы ищут — и, с большой вероятностью, находят прежде всего дома, внутри своей семьи, но не только в ней, а и во всех «своих» группах, в которые может входить японец в жизни: класс, школа, университет, клуб, фирма и т.п.

Такого рода отношения в природе можно встретить не только внутри человеческого сообщества, но и в мире животных. Известен пример, описанный в книге известного этолога К. Лоренца:

«В своем поведении с членами собственного сообщества животные, о которых пойдет речь, являются истинным образцом всех социальных добродетелей. Но они превращаются в настоящих извергов, когда им приходится иметь дело с членом любого другого сообщества, кроме своего». [Лоренц, 2001, с. 205].

Речь идет о большом семействе крыс.

«Миролюбие, даже нежность, которые отличают отношение млекопитающих матерей к своим детям, у крыс свойственны не только отцам, но и дедушкам, а также всевозможным дядюшкам, тетушкам, двоюродным бабушкам и т.д. и т.д. — не знаю, до какой степени родства. Матери приносят все свои выводки в одно и то же гнездо, и вряд ли можно предположить, что каждая из них заботится только о собственных детях. Серьезных схваток внутри этой гигантской семьи не бывает никогда, даже если в ней насчитываются десятки животных». [Лоренц, 2001, с. 208-209].

«Серьезная грызня между крысами, принадлежащими к одной семье, происходит лишь в одном-единственном случае, многозначительном и интересном во многих отношениях, а именно — когда присутствует чужая крыса, пробудившая внутривидовую, внутрисемейную агрессивность». [Там же, с. 210-211].

Такое сходство в поведении наводит на мысль о том, что мы имеем дело даже не с общечеловеческим свойством, а с универсальным для всего живого мира явлением.

В коллективной монографии, посвященной современной китайской культуре, мы находим описание сходных феноменов и их обобщение для всего (далее) восточного ареала: «одна из этических опасностей, порождаемых восточной формой коллективизма, — это психологический уход от индивидуальной морали. Место вреда, причиняемого эгоизмом, на Востоке занимает вред от нозизма, то есть от стремления к пользе для группы. Такое стремление очень эффективно для работы в команде, но оно предполагает поражение другой команды. Более того, принцип восточной коллективной идентичности — это *доместицизм* (domesticism, курсив мой. С.Б.), который содержит в себе опасность перехода в национализм. Он, однако, не представляет собой примитивного коллективизма, при котором индивидуаль-

ность подавляется посредством одной и той же идеологии. Это функциональный коллективизм, то есть он свободен от идеологии или религии каждого из членов группы; в результате чего член группы может вносить свой вклад в ее функционирование. Следовательно, здесь мы имеем дело вовсе не с духовной самобытностью, а — с эффективной функциональной идентичностью» [Imamichi, 1998].

Термин «доместицизм» представляется мне весьма подходящим для обозначения описываемого явления.

В японском языке слова «*ути*» и «*сото*» могут быть противопоставлены как антонимичная пара, по крайней мере, в двух значениях: «внутреннее — внешнее» и «дом — пространство вне дома». Слово «*ути*» в этих двух случаях может быть записано разными иероглифами: 内 или 中 — в первом и 内 или 家 — во втором. Противопоставление «свои — чужие» обычно относят ко второму значению этой дихотомической пары: в исходном смысле *ути-свои* — это «принадлежащие к своему дому, своей семье», смысл «принадлежащие к своей (нашей) группе, к внутреннему кругу» всякой группы — расширительный, вторичный. Латинское слово «domesticus» («домашний, относящийся к дому, отечественный, местный, внутренний») в основных значениях соответствует японскому «*ути*».

Применительно к предмету данной статьи еще более адекватным мне представляется слово «доместичность» (англ. domesticity), поскольку оно обозначает именно свойство (человеческого) характера — «привязанность к дому, домоседство, семейственность», тогда как первое, довольно редко встречающееся в англоязычной литературе, обозначает скорее осознанное отношение, принцип, заключающийся в сознательном предпочтении своего, домашнего, отечественного, чужому, внешнему, иностранному.

В исследованиях этологов, в частности Лоренца, много места уделяется территории обитания животных, их «личным участкам», тому, что применительно к человеку называется домом. Довольно часто слово «дом» и используется как синоним зоны обитания или «землевладения» животных¹.

Можно сказать, что доместицизм, или, вернее, доместичность, как свойство разделять пространство на «свое» и «чужое», с естественным предпочтением «своего», «домашнего» пространства и — тех, кто к этому пространству принадлежит или с ним ассоциируются, досталась человеку от природы. Это — в полном смысле естественное свойство, органичная часть человеческой натуры.

Это свойство социальной ментальности японцев нельзя отождествлять ни с изоляционизмом, кастовостью, национализмом, шовинизмом или расизмом — с одной стороны, ни с патриотизмом, общенациональным или локальным, — с другой. Это свойство само по себе не является ни проявлением, ни источником агрессивности или каких-либо оборонительных, патриотических, консервативных настроений.

¹ «Если у территориальных животных — скажем, у горихвосток перед нашим домом или у колюшек в аквариуме — известны центральные точки участков двух подравнившихся хозяев, то исходя из места их схватки можно наверняка предсказать ее исход: при прочих равных победит тот, кто в данный момент находится ближе к своему дому. (...) Моника Майер-Хольцапфель определила партнера по личной дружбе как «животное, эквивалентное дому», и тем самым ввела термин, который успешно избегает антропоморфной субъективизации поведения животных, но при этом во всей полноте охватывает значение чувств, вызываемых настоящим другом». [Лоренц, 2001, с. 53, 268].

В этом смысле представляет большой интерес наблюдение, сделанное А.Н. Мещеряковым в его книге «Быть японцем»: отмечая «гипертрофированную потребность» японцев в самоидентификации [Мещеряков, 2009, с. 559] и психологическую необходимость для японской нации послевоенного образца «видеть свои владения окруженными высоким забором» [Там же, с. 553], он при этом обращает внимание на отсутствие у этой новой общности с ее «культурным национализмом» агрессивной составляющей [Там же, с. 553, 559].

Это значит, что даже такое резкое, гипертрофированное деление на «своих» и «чужих» может не предполагать однозначно агрессивности, что существует некоторый нейтральный уровень различия «своего» и «чужого». В случае с японцами необходимо добавить — при безусловном «фоновом» предпочтении «своего». По моему мнению, это свойство, во-первых, нейтрально и, во-вторых, как нейтральное, присуще всем вообще человеческим сообществам, (последнее подтверждается многочисленными исследованиями, прежде всего — культурологическими и этнологическими¹).

Определив степень domestikности как одно из оснований для сравнения, мы можем сказать, что японское общество обладает этим свойством в высокой степени.

Мы можем предположить также, что этикетные нормы поведения японцев, в частности — нормы соблюдения субординации, рассмотренные с семиотической точки зрения, выступают преимущественно как маркеры групповой, в частности, — национальной, идентичности: когда один японец демонстрирует почтение другому, из возможных значений, выражаемых этим действием, для него важно не столько соотношение их статуса (ранга) внутри определенной иерархии, сколько принадлежность их обоим к одной группе. Само наличие таких отношений, иерархии как таковой, может выступать в функции признака существования группы, знака различия социально структурированного мира «своих» и (более) социально аморфного мира «чужих».

¹ Один из примеров — проводящиеся с 1997 г. в Петрозаводске конференции, посвященные категориям «свое» и «чужое» в культуре (см., например, «Свое» и «чужое» в культуре: Сборник научных статей / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов, 1988 — Алпатов В.М. Япония: язык и общество. — М.: Наука, 1988.
- Алпатов, 2008 — Алпатов В.М. Япония: язык и культура. — М.: Языки славянских культур, 2008.
- Андреева, 1994 — Андреева Г.М. Социальная психология. — М.: Наука, 1994 (Интернет публикация: <http://psylib.org.ua/books/andrg01/txt08.htm>. — 10/31/2010).
- Байбурун, Топорков, 1990 — Байбурун А.К., Топорков А.И. У истоков этикета. — М.: Наука, 1990.
- Горегляд, 1989 — Горегляд В.Н. Некоторые тенденции развития японской культуры // Япония: идеология, культура, литература. — М., 1989.
- Дои, 2001 (1) — Дои Такэо. Амаэ-но кодзо (Структура амаэ). — Токио: Кобундо, 2001.
- Дои, 2001 (2) — Дои Такэо. Дзюку амаэ-но кодзо (Структура амаэ. Продолжение). — Токио: Кобундо, 2001.
- Дольник, 2004 — Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. — СПб.: Черо-на-Неве, Петроглиф, 2004.
- Ларина, 2009 — Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Лоренц, 2001 — Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»): Пер. с нем. — СПб.: Амфора, 2001.
- Корнилов, 1998 (1) — Корнилов М. Н. Дои Такэо// Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1, с.180. — СПб.: Университ. книга, 1998.
- Корнилов, 1998 (2) — Корнилов М. Н. Наканэ Тизэ// Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.2, с. 69-70. — СПб.: Университ. книга, 1998.
- Мещеряков, 2006 — Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. — М., 2006.
- Мещеряков, 2009 — Мещеряков А.Н. Быть Японцем. — М., 2009.
- Михалев, 2001 — Михалев А.А. Япония: социальная рефлексия в модернизированном обществе (50–70-е гг. XX столетия). — М., 2001.
- Нотомб, 2002 — Нотомб, Амели. Страх и трепет. Роман. — М.: «Кстат», 2002.
- Пивоев, 1998 — Пивоев В. М. «Свое» и «чужое» в этнической и национальной культуре// «Свое» и «чужое» в культуре: Сборник научных статей / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998.
- Чугров, 2010. — Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. — М.: Вост. лит., 2010.
- Япония, 2006 — Япония. Как е, понять: очерки современной японской культуры / ред. Роджер Дж. Дэвис, Осаму Икэно; пер. с англ. Ю.Е. Бугаева. — М.: АСТ: Астрель, 2006.
- Японский, 1996 — Японский феномен. — М., 1996.
- Imamichi, 1998 — The Humanization of Technology and Chinese Culture /Ed. by Tomonobu Imamichi, Wang Miaoyang, Liu Fangtong. — http://www.crvp.org/book/Series03/III-11/chapter_i.htm — (2005-11-24)
- Nakane, 1972 — Nakane Chie. Japanese Society. — Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1972.
- Tanaka, 2004 — Tanaka Lidia. Gender, Language and Culture. A Study of Japanese Television Interview Discourse. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2004. (Цит. по [Алпатов, 2008]).

С.О. Курбанов

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЯДА ПРОБЛЕМ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА: САМОВОСПРИЯТИЕ КОРЕИ КАК «ЦЕНТРА МИРА»

Рассматривая так называемый «корейский вопрос» начала XXI столетия, для его полного понимания необходимо обратиться к ряду исторических предпосылок, объясняющих его возникновение.

В исторических предпосылках же можно выделить их различные группы, отстоящие от наших дней как на несколько десятилетий, так и на несколько столетий. Среди определяющих предпосылок так называемого «корейского вопроса», которым насчитывается уже не одна сотня лет и которые, предположительно, не перестанут влиять на ситуацию на Корейском полуострове, даже и после возможного объединения Кореи или «поглощения» Северной Кореи Южной — это самовосприятие Кореи как «центра мира», как в плане культурном, так и политическом и экономическом.

Корни такого самовосприятия восходят к теории так называемого «Маленького Китая» (小中國, 小中華).

Что значит понятие «Китай» для традиционного Дальнего Востока и почему об этом важно знать? Напомним читателю, что слово «Китай» появилось в европейских языках через европейских католических миссионеров, поддерживавших активные контакты с киданями — народом, проживавшем на северных и северо-западных границах Китайской Империи и даже имевшим собственное независимое государство — Ляо (907 — 1125). Миссионеры ошибочно восприняли этноним кидань как самоназвание всех народов, проживавших на территории Китая, как название государства. Сами же китайцы именовали свое государство по-разному, в зависимости от эпох и правящих династий: Хань, Суй, Тан, Сун, Мин и т.п.

Но на протяжении многих столетий, независимо от того, какая династия находилась у власти и какое название своей империи она давала, существовало иное, внединастийное, универсальное название Китая как «Серединного государства» или «Чжунго» (中國). Название «Серединное государство» отражало традиционный китайский взгляд на «вселенную», согласно которому Китай являл собой «культурный центр» и был окружен более остальными «варварскими государствами» или племенами. И «варвары» получали культуру — «свет письмен» взъимн (文明) — только и исключительно из Китая — «центра вселенной».

Поэтому для жителей Дальнего Востока периода древности и средних веков понятие «Китай», то есть «Серединное государство» было понятием не только и не всегда географическим, но и понятием культурным.

В связи с указанным возникает вопрос, всегда ли жители зарубежного Дальнего Востока считали Китай с его империями Чжоу, Хань, Тан и т.п. действительно «Серединным государством»? Исходя их тех записей, которые мы можем обнаружить в источниках государств, окружавших Китай, например — в корейских, ответ на поставленный вопрос будет отрицательным: не всегда.

Согласно традиционным дальневосточным представлениям, все значимые изменения в природе и обществе происходят по так называемой «воле Неба» (天命). Воля Неба определяет время, когда сменяются династии. По воле Неба может переместиться и место, где географически расположено «Серединное государство» (中國).

Например, когда в начале XVII столетия маньчжурское государство Позднее Цзинь (1616 — 1636) в значительной степени укрепилось, его «император» Абахай (Тай-цзун), решил что отныне именно его государство должно считаться «Серединным государством». В 1636 году Абахай изменил название государства с Позднего Цзинь на Цин и совершил церемонию провозглашения «Серединной империи». Затем Абахай предпринял ряд военных кампаний в соседние государства с тем, чтобы они признали его новое государство Цин новой «Серединной империей», и первым из объектов цинской агрессии стала Корея (1637 год). После поражения от Цин, корейский государь Инчжо был вынужден совершить церемонию поклона правителя вассального государства повелителю «Серединного государства». После того, как в 1644 г. маньчжурам удалось занять Пекин, столица нового «Серединного государства» переместилась в старый и привычный для жителей Дальнего Востока центр — в Пекин.

Таким образом, в середине XVII столетия устоявшийся дальневосточный порядок с его разделением на «культурный центр» и «отсталые окраины» был разрушен и перекроен еще раз. До этого подобный процесс имел место в XIII веке после воцарения в Китае «варварской» монгольской династии Юань.

Корейцы, как и многие другие народы, окружавшие Китай, не были удовлетворены своим «вечным» положением «окраинного варварского государства». Еще в V — VI веках, в то время, когда Китай переживал период раздробленности (и на его территории не было сильного единого государства, которое могло бы «запретить варварам» менять представление о «центре Вселенной»), наиболее сильное в то время древнекорейское государство Когурё (37 г. до н.э. — 668 г.) на протяжении некоторого времени считало себя «новым Серединным государством».

В XIII столетии после воцарения в Китае монгольской династии Юань в Корею наступила вторая волна переоценки и сомнений по вопросу о настоящем «Серединном государстве», считая, что варварская монгольская династия Юань не может быть «культурным центром» вселенной. После того, как «варварская» монгольская династия Юань сменилась в XIV столетии «исконно китайской» династией Мин, корейцы на время отказались от своих притязаний на роль нового «центра Вселенной», но возвратились к вопросу о том, где на самом деле находится «Серединное государство» (小中國, 小中華) уже в XVII столетии, после того как «варварская» маньчжурская династия Цин воцарилась в Пекине.

Иными словами, именно в XVII столетии в Корею начинает складываться представление о том, что Корея занимает особое центральное место в мире. Сначала речь шла о центральном месте Кореи в географических рамках традиционного Дальнего Востока, а затем эти идеи трансформировались в представление об особом месте Кореи в мире, включающем Европу и Америку и нашли окончательное проявление в корейских «новых религиях», возникших на рубеже XIX — XX веков.

Итак, когда в Китае окончательно установилась власть династии Цин, корейцы стали считать, что отныне только они являются истинными наследниками и хранителями классической конфуцианской традиции.

В 1667 году представитель так называемой «Южной партии» ученый Хо Мок (허목, 許穆, 1595 — 1682) издал сочинение под названием «История Кореи» (東史), в котором он начинал историю страны со времени существования Древнего Чосона (2333 г. до н.э. — 108 г. до н.э.), что, по тем временам, еще не было общепринятой точкой зрения. При этом Хо Мок уделял особое внимание именно древней истории Кореи, считая, что сохранившиеся от того времени записи — это не мифы, а отражают события реальной истории Кореи. Таким образом, длительность корейской истории приравнивалась к китайской, что было первым шагом на пути обоснования особой, не меньшей чем у Китая, цивилизационной роли Кореи. И это означало, что в культурном плане Корея была сопоставима с Китаем. Кроме того, Хо Мок считал, что в древности разделение на «Серединное государство» и так называемых «варваров» было неактуальным, что в древности великие герои были не только в Китае, но и в государствах, располагавшихся вдоль его границ. Кроме того, Хо Мок писал о том, что сам Конфуций изучал ритуалы «диких народов». Таким образом, согласно Хо Моку, Корея обладала не только историей, длительность которой была сопоставима с историей Китая, но и культурой, имевшей не меньшую ценность, чем китайская культура¹.

Окончательное завершение формирования корейской теории «Маленького Китая» произошло уже в XVIII столетии благодаря деятельности знаменитого корейского мыслителя Ли Ика (이익, 李穡, 1681 — 1764). Ли Ик считал, что в древности не было больших различий между культурами Китая и других народов, проживавших по соседству с ним. Во-вторых, Ли Ик считал, что культура Кореи начала формироваться еще в эпоху легендарных древнекитайских императоров Яо и Шуня. А это означает, что культура Кореи столь же древняя, сколь и культура Китая. В-третьих, согласно Ли Ику, в древности между народами, населявшими Дальний Восток, шел интенсивный культурный обмен, и Корея еще в то время смогла получить все необходимое, чтобы в своей культуре содержать основы «истинной моральности». Вот почему, считал Ли Ик, Корея вполне может быть «Маленьким Китаем»².

Позднее идеи «Маленького Китая» трансформировались в целый комплекс идей, соотносимых с понятием «кореоцентризма», которые, как уже отмечалось выше, стали фундаментом формирования новых корейских идеологических учений и «новых религий» (신흥종교), которые стали в большом количестве появляться с конца XIX столетия, и процесс их становления и развития происходил на всем протяжении XX века.

И здесь, прежде всего, следует упомянуть об идеологии тонхак («восточное учение»; (東學, — 1860-е гг.), популярной религии чхондогё («учение Небесного пути»; 天道教, — 1905), религии тэчжонгё (учение Великого предка [Тангуна 大倬教]), так называемом «буддизме круга» вон-пультгё (圓佛敎, 1916 г.), религии чынсандо («путь Чынсана» 眞山道, 1911) и многих других.

Знаменитые северокорейские идеи чучхе (начавшие формироваться в 1950-е гг.) также имеют опосредованную связь с идеями «Маленького Китая», другого «Серединного государства», с идеями кореоцентризма, которые обосновывают особую роль Кореи в мире.

Кроме того, идеи кореоцентризма также возможно проследить и в политической деятельности нынешних руководителей государств Северной и Южной Кореи.

¹ С.О. Курбанов. *История Кореи с древности до начала XXI века*. СПб., 2009, с. 243.

² Там же, с. 244.

Например, президент Республики Корея Ли Мёнбак принял программу развития так называемой «Зеленой политики», суть которой состоит в разработке и внедрении дружественных к окружающей среде технологий. При этом любопытно отметить, что среди задач «Зеленой политики» также указывается и задача распространения «позитивного опыта Республики Корея» в развитии экологических технологий во всем мире¹.

Развернутая президентом Ли Мёнбаком кампания по интернационализации и глобализации корейской кухни является еще одной иллюстрацией представленного выше положения.

8 января 2010 г. президент Ли Мёнбак, посещая Центр науки и технологии в Сеуле, в связи с заключением контракта на постройку АЭС в Объединенных Арабских Эмиратах, заявил, что Южная Корея должна не только заниматься реэкспортом передовых технологий, но и иметь свои собственные, в том числе и в сфере атомной энергетики. Продолжая свою речь, Ли Мёнбак заявил, что Республика Корея должна поднять свой мировой статус во всех областях².

Что касается современных проявлений идей кореецентризма в Северной Корее, то здесь можно сослаться на следующий пример. Как политические лидеры, так и рядовое население этой страны нередко заявляет о том, что идеи чужде должны не только распространиться по всему миру, но и показать всему человечеству единственно правильный путь к счастью и процветанию.

2. КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В 2010 — 2011 гг. И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В настоящее время можно выделить несколько категорий вопросов и проблем Корейского полуострова, которые оказывают воздействие на систему безопасности всего региона Восточной Азии. И, пожалуй, наиболее важный из них — это северо-корейский ядерный вопрос.

Северокорейский ядерный вопрос

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, как в самой Северной Корее определяют данную проблему. Ее называют как «ядерная проблема [всего] Корейского полуострова», увязывая ее с ядерными разработками в самих Соединенных Штатах Америки, а также с фактом присутствия на Корейском полуострове вооруженных сил США (в составе войск ООН), которые, теоретически, имеют возможность применения ядерного оружия на Корейском полуострове. (Действительно ранее, на протяжении некоторого времени на Корейском полуострове были размещены американские ракеты, которые могли быть оснащены ядерными боеголовками).

Кроме того, отдельные российские эксперты до сих пор придерживаются той точки зрения, согласно которой США и в настоящее время располагают ядерным оружием на Корейском полуострове³.

¹ Из лекции представителя Администрации президента Республики Корея Ли Мёнбака, прочитанной в 2009 г. на Факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

² Ли Сыну. Президент [Ли Мёнбак]: «Необходимо как можно скорее разрабатывать собственные технологии ядерной энергетики» // Сообщение информационного агентства, нхал от 08.01.2010. Доступно по адресу:

<http://www.yonhapnews.co.kr/economy/2010/01/08/0303000000AKR20100108178900001.HTML?template=2087> (2010.01.08).

³ Ивашов Л. [Статья о ядерной проблеме Корейского полуострова]. Доступ-

Однако Северная Корея ведет речь именно о ядерной проблеме всего Корейского полуострова, памятуя о планах экс-президента Республики Корея Пак Чонхи создать собственное ядерное оружие, а также пристально следя за действиями нынешнего южнокорейского президента Ли Мёнбака в связи с его особым вниманием к вопросам ядерной энергетики.

Что касается собственно северокаорейской ядерной программы, то после двух подземных ядерных взрывов, произведенных КНДР 9 октября 2006 г. и 25 мая 2009 г., большинство зарубежных экспертов предполагает, что Северная Корея обладает реальным потенциалом, позволяющим производить ядерное оружие.

По поводу указанного выше утверждения хотелось бы сделать следующие комментарии. В конце 1980-х годов автор этих строк на протяжении года работал в северокаорейской провинции на строительстве высокотехнологичного цеха разделения воздуха (технологии были импортированы из СССР). Тогда удалось убедиться в том, что северокаорейские инженеры и квалифицированные рабочие действительно обладают довольно высоким уровнем теоретических знаний. Однако Северная Корея не обладает достаточным экономическим и техническим потенциалом для того, чтобы на практике реализовать достижения в теоретических разработках. Еще в конце 1980-х гг., в то время, когда Северная Корея еще не испытывала энергетических проблем, сопоставимых с современными, в провинции всегда, даже в летнее время (время, когда гидроэлектростанции работают на полную мощность) по два — три раза в день происходили постоянные отключения электроэнергии продолжительностью в 15-20 минут.

В начале 2000-х гг. в зимнее время нехватка электроэнергии была настолько большой, что столица КНДР Пхеньян освещалась не полностью, и даже не подсвечивался портрет Ким Ирсена в единственном международном аэропорту КНДР — Сунан.

Кроме того, в Северной Корее нередко используется метод «показательных пусков производств», которые на практике неработоспособны, но могут на протяжении короткого периода времени произвести впечатление «работающих», что необходимо для «отчета о выполнении задания» в высшие государственные и партийные инстанции. Таким образом, северокаорейские сообщения об успехах в сфере высоких технологий не всегда возможно считать достоверными¹.

Соответственно, может вызывать сомнение утверждение о том, что Северная Корея действительно обладает эффективными и реально работающими ядерными технологиями.

Тем не менее, ядерные взрывы, или их имитация, были проведены в Северной Корее и поначалу привели к продолжению переговоров по вопросу северокаорейской ядерной проблемы (2006 г.)

Повторные ядерные испытания 2009 г., несмотря на всю парадоксальность данной оценки, были проведены для возобновления переговоров по северокаорейской ядерной проблеме, которые были окончательно прекращены с приходом к власти нового южнокорейского президента Ли Мёнбака. С одной стороны, северокаорейские

но по адресу: <http://millionface.biz/?p=1589> (2010.01.08; по состоянию на сентябрь 2011 г. статья удалена из сети Интернет).

¹ *После первого подземного ядерного взрыва 2006 г. ряд зарубежных экспертов высказывали точку зрения о том, что на самом деле никакого ядерного взрыва не было, а произошедшее — это всего лишь его имитация.*

власти заявили о том, что не будут вести каких-либо переговоров на высшем уровне до тех пор, пока у власти будет оставаться нынешний южнокорейский президент. С другой стороны, прекращение Шестисторонних переговоров по ядерной проблеме лишило КНДР возможности получать помощь от международного сообщества в обмен на отдельные «уступки» по вопросу ядерной программы.

Помимо вышеуказанного, проведение Северной Кореей «ядерных испытаний» преследовало еще одну немаловажную цель, об истоках которой говорилось в первом разделе настоящей работы, а именно — «укрепление» положения КНДР в мировом сообществе, достижения позиции «сопоставимой» с позицией «великих держав», что, в свою очередь, связано с традиционным кореоцентризмом.

Учитывая представленные выше аргументы, связанные с северокорейской ядерной проблемой, а также то, что самой КНДР важнее сотрудничество со странами региона, а не конфронтация, можно сделать предположение о том, что так называемая «северокорейская ядерная проблема» имеет целью не какое-либо «нанесение ядерного удара», а желание властей Северной Кореи «сдвинуть с мертвой точки» переговорный процесс, дать импульс «застоявшейся» ситуации на Корейском полуострове. Конечно же, метод «ядерного спектакля» нельзя признать приемлемым для системы стабильных международных отношений, однако и «угроза», «исходящая» от Северной Кореи, не столь велика, как это может показаться на первый взгляд.

Доказательством данного утверждения может послужить серия предложений о начале переговоров по вопросу подписания Договора о мире вместо Соглашения о перемирии 1953 г., с которой власти КНДР выступили в начале 2010 г.

Впервые указанное выше предложение было официально опубликовано 11 января 2010 г. и исходило от Министерства иностранных дел КНДР¹. Во второй раз МИД КНДР выступил с аналогичным предложением 18 января 2010 г.² На следующий день, 19 января 2010 г. орган Центрального комитета Трудовой партии Кореи — газета «Нодон синмун» опубликовала обширную редакционную статью, объясняющую крайнюю необходимость замены существующего Соглашения о перемирии Договором о мире. 21 января 2010 г. Центральное телеграфное агентство Кореи уже от своего имени опубликовало очередной текст с предложением о начале переговоров о мире.

Однако внимательно следящие за северокорейской прессой южнокорейские СМИ обошли молчанием серию предложений КНДР о начале мирных переговоров. И, что весьма любопытно, уже 27 января 2010 г. в Желтом море произошел вооруженный конфликт между военно-морскими силами КНДР и Республики Корея, который, согласно южнокорейским СМИ, был «спровоцирован» Северной Кореей. Кроме того, большинство мировых информационных агентств объяснили указанный конфликт «агрессивными планами» КНДР и «двуличностью Северной Кореи».

¹ 조선외무성 성명 평화협정회담을 제의 (Заявление Министерства иностранных дел КНДР. Предложение переговоров по заключению Договора о мире) // Информация Центрального телеграфного агентства Кореи от 11 января 2010 г. Доступно по адресу: <http://www.kcna.co.jp/index-k.htm> (2010.05.30).

² 조선외무성 대변인 평화협정체결제안 받아들이다도록 계속 노력 (Представитель Министерства иностранных дел. Продолжение усилий для принятия предложения о заключении Договора о мире). // Информация Центрального телеграфного агентства Кореи от 18 января 2010 г. Доступно по адресу: <http://www.kcna.co.jp/index-k.htm> (2010.05.30).

2. ВООРУЖЕННАЯ КОНФРОНТАЦИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2010 Г. И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Ряд трагических событий, произошедших в 2010 году по причине военного противостояния Северной и Южной Кореи, на некоторое время сделал невозможным решение вопроса стабилизации положения на Корейском полуострове и, в частности, подписания Договора о мире.

26 марта 2010 г. был подорван и затонул южнокорейский корвет «Чхонан». В результате трагедии погибло 46 человек; 58 удалось спастись. Согласно позиции южнокорейских властей, корвет был атакован торпедой с северокорейской подводной лодки¹.

Позиция северокорейской стороны, что вполне естественно, состояла в объявлении непричастности к указанной трагедии².

В настоящее время, несмотря на широкое обсуждение трагедии, произошедшей с корветом «Чхонан», полной и окончательной картины произошедшего еще нет.

Однако для того, чтобы понять атмосферу, сопровождающую подобные трагедии, приведем краткий обзор событий, случившихся через несколько месяцев после трагедии «Чхонана»: перестрелку между Южной и Северной Кореей у южнокорейского острова Ёнпхёнда, расположенного неподалеку от морской разграничительной линии, отделяющую территориальные воды Северной Кореи от Южной. Нередко в средствах массовой информации данное событие именуют как «Обстрел Северной Кореей южнокорейского острова Ёнпхёнда», произошедший 23 ноября 2010 г.

Представим краткое изложение событий.

В 8 утра 23 ноября 2010 г. руководитель северокорейской делегации на военных переговорах в пограничном пункте Пханмунчжом отправил своему южнокорейскому коллеге телефонограмму с просьбой «не проводить артиллерийские учения в районе острова Ёнпхёнда в связи с «непростыми географическими условиями острова». (Сообщение северокорейского Центрального телеграфного агентства (ЦТАК) от 23 ноября).

До 10:15 утра того же дня южнокорейские власти предупредили жителей острова Ёнпхёнда о начале артиллерийских учений у береговой линии. (Сообщение южнокорейского Агентства Ёнхап от 26 ноября). При этом, в «ожидании провокаций» со стороны Северной Кореи, два самоходных орудия были развернуты в сторону КНДР (Ёнхап от 26 ноября). Согласно сообщениям Северной Кореи, около 13 часов дня 23 ноября в направлении территории КНДР было сделано «несколько десятков» выстрелов, вслед за чем Северная Корея была вынуждена ответить залпами артиллерийского огня по позициям Южной Кореи на острове Ёнпхёнда (ЦТАК от 24 ноября).

Согласно сообщениям южнокорейского военного командования, с 10:15 до 14:25 артиллерийские учения проводились таким образом, что все сделанные выстрелы были направлены на юг, то есть сторону, противоположную КНДР. (Ёнхап от 23

¹ 최안함 파격 사건 (Инцидент атаки на корвет Чхонан). Сеул, Министерство обороны Республики Корея, 2010. (На кор. яз).

² 차 대운. 北 «최안함 `북 관련설' 날조».. 첫 입장표명. (Чха Дэун. Север: «Заявление о причастности Севера к инциденту с корветом Чхонан» — фабрикация. Первые официальные заявления) // Статья информационного Агентства Лнхап от 17 апреля 2010 г. Доступно по адресу:

<http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2010/04/17/0505000000A KR20100417047900014.HTML?template=2085>

ноября). В 14:34 северокорейская артиллерия внезапно нанесла удары по острову Ёнпхёндо, а в 14:49 и в 15:01 южнокорейская артиллерия дважды нанесла ответные удары по территории КНДР. (При этом южнокорейский новостной телеканал MBN сообщил о том, что из 6 самоходных орудий, развернутых в сторону Северной Кореи, произвести выстрелы смогли только три, в то время как другие три оказались неисправными). В тот же день, 23 ноября, оппозиционная южнокорейская Демократическая партия заявила о том, что перестрелка между Южной и Северной Кореей завязалась «одновременно». (Ёнхап от 23 ноября).

Любопытным штрихом к событиям может послужить инцидент, случившийся 28 ноября, через пять дней после вооруженного конфликта, в южнокорейской части демилитаризованной зоны. Примерно в 15 часов из Мунсана, расположенного в предместье южнокорейского города Пхачжу (пограничного с КНДР) из 155 мм орудия был «ошибочно произведен выстрел» в сторону Северной Кореи. Снаряд разорвался в одной из ненаселенных сопок южнокорейской части демилитаризованной зоны.

Отвечая на обвинения в том, что войска КНДР обстреляли жилые кварталы острова Ёнпхёндо, северные корейцы ответили так: «Южная Корея использовала живой щит». (ЦТАК от 27 ноября). В своем обращении к народу Южной Кореи от 29 ноября, президент Ли Мёнбак, с одной стороны, заявил о решимости ответить на провокации КНДР, а с другой заявил о необходимости еще более активно проводить реформу южнокорейской армии, о новых закупках оружия и будущем укреплении 4-х пограничных с КНДР южнокорейских островов. (Ёнхап от 29 ноября).

Таким образом, военный инцидент у острова Ёнпхёндо показал не вполне отвечающее требованиям правительства Республики Корея состояние южнокорейских войск. Одним из следствий конфликта стал уход с поста министра обороны уже 25 ноября 2010 г. генерала Ким Тхэёна и предложение на этот пост уже 26 ноября 2010 г. нового кандидата — Ким Гванчжина, заявившего об «ослаблении боевого духа» южнокорейской армии, который требовалось «усилить»¹.

Таким образом, даже исходя из официальных заявлений представителей южнокорейских властей, можно сделать предположение о наличии ряда проблем в южнокорейской армии, которые могли привести к не спланированному конфликту между двумя странами, осложнившими и без того непростую ситуацию на Корейском полуострове.

Примером подобной ситуации может быть случай, произошедший уже в следующем 2011 году, 10 августа. Тогда в южнокорейских СМИ появилось сообщение о том, что северокорейские войска вновь произвели «провокационные» выстрелы у острова Ёнпхёндо, и Южная Корея даже отреагировала на эту «провокацию» тремя ответными выстрелами². В ответ на данные заявления, в тот же день, северокорейские СМИ выступили с опровержением относительно обвине-

¹ 이승우. 김관진 «군인정신 약화..정신교육 필요» (Ли Сыну. Ким Гванчжин: «Армейский дух ослаб. Требуется укрепление духа») // Статья информационного Агентства Ёнхап от 26 ноября 2010 г. Доступно по адресу: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2010/11/26/0521000000AKR20101126200100001.HTML?template=3000>

² 최정인 김연숙. 잇단 북해상포격에 軍대응사격..충돌없어 (Чхве Чжонин, Ким Ёнсу. Ответ армии на серию выстрелов с Севера. Столкновения нет) // Статья информационного Агентства Ёнхап от 10 августа 2011 г. Доступно по адресу: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2011/08/10/0505000000AKR20110810219153065.HTML?template=2087>

ний в провокациях, заявив, что были произведены взрывы для проведения строительных работ в уезде Чхончжин¹. Таким образом, неверно истолкованные звуки выстрелов, доносившиеся со стороны Севера, могли стать поводом для очередного межкорейского конфликта, в котором не было бы никакого «злого умысла» или «предварительно спланированных провокационных действий», а лишь досадная случайность или оплошность.

Таким образом, можно предположить, что большинство военных столкновений, происходящих в последнее время на Корейском полуострове и накаляющих общую атмосферу во всем регионе Северо-Восточной Азии, на самом деле являются результатом неустойчивой системы поддержания мира на Корейском полуострове.

И решением вопросов безопасности могут быть только межкорейские экономические контакты. При этом желательно, чтобы в эти контакты были вовлечены третьи страны, участие которых делает межкорейские экономические связи более прочными и длительными.

Примером этого могут быть договоренности, достигнутые между Республикой Корея, КНДР и Российской Федерацией в августе 2011 г.

3. МЕЖКОРЕЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ С УЧАСТИЕМ ТРЕТЬИХ СТОРОН КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В конце августа 2011 г. лидер КНДР Ким Ченир посетил Российскую Федерацию с официальным визитом, а 24 августа 2011 г. в Улан-Удэ прошли официальные переговоры между лидерами двух стран. На этих переговорах была достигнута договоренность о том, что КНДР примет участие в проекте прокладки и эксплуатации газопровода из Российской Федерации в Республику Корея через территорию КНДР.

Уже менее чем через неделю после принятия указанного решения, лидер южнокорейской правящей партии Ханнара — Хон Чжунпхё выступил с лекциями, в которых представил ряд сенсационных заявлений².

Основное содержание высказываний Хон Чжунпхё можно свести к следующему: «Хон Чжупх, известно (он «знает») о том, что в ноябре пройдут трехсторонние переговоры между Россией, Южной и Северной Кореей по вопросу «бизнеса в сфере газопровода» (가스관 사업). Хон Чжунпхё сообщил, что ранее уже была достигнута договоренность между Россией и Южной Кореей по вопросу о газопроводе, а недавно — между Россией и Северной Кореей. Поэтому возможно достижение договоренностей по газу между Южной и Северной Кореей.

Сенсационным явилось заявление Хон Чжунпхё, о том, что нынешний президент

¹ 북남군사실무회담 북측 단장 포사격 《도발》은 대상물건설 발파소리. (Рабочие военные переговоры Севера и Юга. Глава северокорейской делегации Артиллерийская «провокация» — звук взрывов на строителстве крупного объекта) // Сообщение ЦТАК от 10 августа 2011 г. Доступно по адресу: <http://www.kcna.co.jp/index-k.htm>

² 황철환. “남·북·러, 11월께 남북가스관 실무협상” (Хван Чхольхван. Ориентировочно в ноябре — рабочие переговоры между Югом, Севером и Россией по газопроводу между Югом и Севером) // Статья информационного Агентства Лнхп от 30 августа 2011 г. Доступно по адресу:

<http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2011/08/30/0502000000A KR20110830128500001.HTML?template=2087>

РК Ли Мёнбак, еще в бытность руководителем строительной фирмы, мечтал о проекте транскорейского газопровода. Кроме того, с самого начала своего пребывания на посту президента РК Ли Мёнбак в тайне продвигал этот проект. И если указанный проект реализуется, то в Южной Корее газ подешевеет на 20 — 30%, а Северная Корея получит доходы, сопоставимые с доходами от Кэсонского промышленного комплекса и Кымгансанского туристического комплекса вместе взятых — до 100 млн. долларов в год.

Кроме того, газовый проект сможет оживить проект соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей. (То, что уже на протяжении 10 лет находится в стадии продвижения со времени президентства Ким Дэчжуна; 1998 — 2003). И, главное, РК может взять на себя часть расходов по модернизации железных дорог КНДР, общая стоимость которой оценивается в 2,5 миллиарда долларов.

В целом, по словам Хон Чжунпхё, межкорейские отношения можно разделить на три основные группы: 1) ядерная проблема КНДР; 2) решение военно-политического вопроса в связи с корветом Чхонан и обстрелом острова Ёнпхёндо; 3) гуманитарная помощь Северной Корее.

Первые два вопроса, согласно Хон Чжунпхё, будучи связанными с «консервативной точкой зрения» — в принципе не решаемы. А вот вопрос гуманитарной помощи, гуманитарных отношений с Севером уже в процессе реализации. И здесь может случиться такая ситуация, когда «хвост будет крутить собакой». Руководитель секретариата партии Ханнара — Ли Бомнэ — уже встречался с представителями южнокорейского бизнеса, работающего в Кэсоне и выслушал ряд замечаний, направленных на улучшение условий работы в Кэсонском промышленном комплексе. Хон Чжунпхё также заявил, что пора менять представление о партии Ханнара как о партии, выступающей «против объединения», «за войну».

Таким образом, согласно выступлению лидера правящей партии Ханнара, «газовый проект» сможет улучшить ситуацию на Корейском полуострове, а в дальнейшем, способствовать решению всех острых проблем региона, включая ядерную проблему Северной Кореи.

Как показывает анализ событий конца 2009 — середины 2011 г., стабилизация положения на Корейском полуострове не является чем-то недостижимым и вполне возможна при наличии соответствующего стремления у всех участников процесса.

Однако, возможно, именно идеи кореецентризма, делающие и Южную и Северную Корею двумя «независимыми» и «противостоящими» друг другу «центрами» дальневосточного и мирового пространства не всегда позволяют участникам международных отношений в регионе Восточной Азии быстро найти пути выхода из сложного положения.

Е.И. Кычанов

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР

Китай — многонациональное государство. Хотя подавляющее большинство его населения — этнические китайцы (хань), на территории КНР проживает по некоторым подсчетам более 150 некитайских этносов. По проблеме национальной политики КНР в отечественной науке опубликовано немало книг. Рекомендуем читателю лучшую, по нашему мнению, работу А. А. Москалева «Нация и национализм в Китае».¹

Китайское обществоведение и «партия и государство определили считать «нациями» все без различия устойчивые человеческие общности, проживающие на просторах Китая — вне зависимости от численности их населения, размеров занимаемой территории, уровня социального развития, проживания большей части населения данной национальности в Китае или за его пределами — необходимо лишь, чтобы эта общность сформировалась исторически и обладала четкими особенностями экономической жизни, языка, письменности, одежды и украшений, обычаев, национального сознания».² Эта формулировка была выработана после многолетней критики недостатков сталинского определения нации.

Особенностью становления ханьской (китайской) государственности было то, что она с истоков рождалась как полиэтническая на огромной территории азиатского материка от Тихого океана и до казахских степей и Тяньшаньских гор, от южных окраин сибирской тайги и до тропиков Вьетнама и Бирмы. Долина реки Хуанхэ и ее население стали центром рождения китайкой государственности и вовлечение в процессы ее формирования десятков других этносов. Ассимиляция и аккультурация через культуры и войны привела к тому, что эту территорию на данный момент заселяют полтора миллиарда человек, часть из которых до сих пор (пока) не ханьцы. Но и ханьцы до настоящего времени, строго говоря, еще не единый этнос. С позиций лингвиста «китайские диалектные группы ... это по сути дела разные, хотя и близко родственные языки, которые, тем не менее, объединены общей письменной традицией и государственностью. Носители китайских диалектов, относящиеся к разным группам, не могут понимать друг друга без предварительного обучения».³

Если следовать старым китайским текстам, то еще со времен полулегендарной династии Ся полагалось, что есть «различия ся и и (чужеземцев)». При династиях Инь-Шан и Чжоу территория владений подразделялась на «у фу» — «пять зон подчинения», из которых две последних «яо фу» — «владения преграды, защиты) и «хуан фу» — «отдаленные владения» относились к некитайским этносам. Они должны были являться ко двору и представлять дань. Иноземцы — «сы и» — «четыре группы иноземцев», жили по четырем сторонам света от центра. Они проживали или в составе китайского государства или были его соседями. С ними воевали, приводя их в подчинение или различные формы зависимости, или устанавливали с ними мирные отношения, иногда за мир приходилось платить. Это была Поднебесная (тянь ся), Китай и его периферия, в которой центром был Китай. Многие китайские

¹ Москалев А. А. *Нация и национализм в Китае*. М., 2005

² Там же, стр. 139.

³ Завьялова О. И. *Китайский язык в период реформ и открытости // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М. Л. Титаренко*. М., 2009, стр. 496.

историки указывают на то, что для старого Китая понятие Поднебесная было важнее понятия государства, поэтому в китайской политической традиции учение о государстве практически отсутствует. Хотя неверно считать, что китайцы не признавали наличие в Поднебесной других, кроме китайского, государств.

Отношения с соседями оформлялись в первую очередь как «хэ цинь», «отношения мира и родства». Эти отношения предполагали выдачу замуж за иноземного правителя «принцессы» из китайской императорской семьи. Установление «семейных» отношений в различных терминах родства между императором Китая и соседними правителями в рамках «извечного единого многонационального государства», предполагало, что в Поднебесной все «члены одной большой семьи народов», и поэтому «основанные соседями Китая государства надо рассматривать как составные части ханьских владений, а войны и дипломатические контакты между этими государствами — как «внутригосударственное дело»¹. Типичными являются суждения известного китайского историка Фань Вэнь-ляня о тех периодах истории Китая, когда родственники-соседи завоевывали часть Китая или весь Китай. Он полагал, что «... с нынешней точки зрения, это были не более чем свары между старшими и младшими братьями, домашние ссоры. Когда некий младший брат с помощью военной силы опрокидывал дряхлого и жестокого старшего брата и вместо него управлял домашними делами, то хорошо или плохо он это делал, нужно рассматривать особо. Но, само по себе, то, что сильный опрокидывал дряхлого и вместо него управлял домом — всегда хорошее дело».²

Правители соседних государств могли признавать себя «чэнь» — «вассалами» императора Китая. Но если они были достаточно сильны, то отношения оформлялись как «ди го» — «отношения равных по силе государств». Реальная политика всегда была прагматичной и достаточно гибкой.

Император Китая как сын Неба, государь «государства центра» — (чжун го) являлся той точкой, из которой исходили разные формы подчинения, благодаря особой благодати (дэ), которой Небо как высшее божество одаривало династию и данного правителя. Это предполагало не только реальное, но, что важно, и «потенциальное господство» над известным внешним миром.

Ханьский сановник Чао Цо (род. 154 г. до н.э.) сформулировал политику отношений с соседями как «и и чжи и» — «использовать иноземцев, чтобы контролировать иноземцев» (более грубый перевод «руками варваров управлять варварами»). Политика «и и чжи и» предусматривала прямое подчинение, использование разногласий среди иноземцев для их взаимного ослабления, прямое стравливание одних соседей против других, войну одних против других. Но и соседние правители, когда Китай был ослаблен и раздроблен на ряд государств, использовали их противоречия в свою пользу, проводя политику «и хань чжи хань» — «использовать китайцев, чтобы контролировать китайцев». Могущественные чужеземные правители могли даже в исключительных случаях давать китайским императорам титулы. Так танский Гао-цзу (Ли Юань) получил от тюркского кагана Шиби титул кагана. Иногда китайский император становился младшим, так было тогда, когда чжурчжэни завоевали Северный Китай и император Южной Сун вынужден был признать себя младшим.

¹ Переломов Л. С., Гончаров С. Н., Никишев Э. В. *Великоханьская сущность концепции «извечно единого многонационального Китая» // Проблемы Дальнего Востока, 1981, № 4, с. 44.*

² Там же, с. 45

Но в пределах страны часто не было каких-либо жестких ограничений для того или иного участия ханьцев в делах управления. Можно вспомнить согдийца Ань Лу-шаня, корейца Гао Чжи-и, дансянов (тангутов), правящий клан которых был инкорпорирован в администрацию Тан и служил генерал-губернаторами армии Диннань. Ханьская, китайская традиция управления никогда не выдвигала гласно этносословных ограничений.

Ассимиляционный котел активно работал с момента объединения Китая династиями Цинь-Хань (111 в. до н. э. — 111 в. н. э.). После гибели Хань часть некитайских правителей периода были ассимилированы вместе с их этнически некитайскими подданными. В сяньбийскую эпоху, когда в IУ— IУI вв. н. э. северный Китай впервые оказался под чужеземным правлением, возник тот этап в истории Китая, когда обозначились две основные проблемы — как не китайцам управлять китайцами и как им добиться сохранения своего этноса, как, управляя китайцами, не стать китайцами, период, который китайские авторы называют «началом политики господства над районом Центральной равнины политической власти национального меньшинства».¹

Танский двор на ряде окраин стал практиковать создание так называемых округов «цзими», в которых сохранялось иноэтническое большинство и во главе стояли представители местной элиты, управляемые, как «бык на поводу», (так иногда переводят термин «цзими»), привязанные к танской администрации и танскому государству. Это были своеобразные зачатки будущей современной национальной автономии. С X в., после падения династии Тан ряд районов севера страны на целых пять веков попал под власть киданей, тангутов, чжурчжэней, владевших отдельными регионами или половиной Китая, пока, наконец, очередное объединение Китая не произошло под властью монгольской династии Юань. По мнению большинства китайских историков, монголы «осуществили первое великое объединение Китая». Именно с династии Юань (XIII-XIV вв.) Китай рассматривается как единая страна в границах, существующих в основном и поныне, в идеальных для китайского государства территориальных пределах. Этому не мешает то, что монголы, вслед за чжурчжэнями, ввели этнические сословия — монголы, сэму (мусульмане, уйгуры, тибетцы, тангуты), северные китайцы (включая киданей и чжурчжэней) и южные китайцы. Монголы продолжили практику назначения на окраинах Китая, особенно в Юньнани и Сычуани, некоторых других районах чиновников на местах из числа представителей местных национальностей.

Нельзя забывать, что «идельная» территория Китая никогда не была чисто китайской. В то время, когда ханьская культура и государственность завоевывали все новые пространственные пределы, на той же территории, понимаемой китайцами нового и новейшего времени как «единый Китай» постоянно возникали независимые государства не ханьских народов. Процесс социального развития в направлении появления своей государственности и без влияния и не без влияния государства-центра прошли многие соседние ханьскому не ханьские этносы. На севере государство сюнну (с конца 111 в. до н. э. до 111 в. н. э.), на юге государство Наньюе (1 — 111 в. н. э.), на западе государство усуней (конец 11 в. до н. э. — 1 в. н. э.). Сюнну сменили сяньби, в IV в. образовавшие два государства — Северное (Тоба) Вэй (386-535 гг.)

¹ Ши Цзинь-бо. *Ши лунь Чжунго лиши шан-ды миньцзу чжэнцэ (О национальной политике в истории Китая) // Ши Цзинь-бо вэнъ цзи (Собрание статей Ши Цзинь-бо), Шанхай, 2005, с. 562.*

и Тугухунь (303 — 663 гг.). Государство Северное Вэй было первым, включившим в свой состав всю территорию северного Китая. В северной части современной пров. Сычуань возникло государство народности ди Чоучи (конец 111 в. — 506 г. н. э.). На территории центральной и восточной Маньчжурии (современный Дунбэй) появились государства Фуюй (Пуё) (11 в. н.э. — 285 г.). В конце VI в. возникает Тибетское государство, просуществовавшее как независимое или вассальное до начала 50-гг прошлого века. На территории современной пров. Юньнань — государство Наньжао (653 — 902 гг.). С 937 г. по 1253 г. оно продолжило свое существование как государство Дали. На севере сяньбийцев сменили жуаньжуани (конец IV — начало VI в). На смену жуаньжуаням пришли тюрки (551 — 744 гг.), тюрков сменили уйгуры (744 — 840 гг.), уйгуров киргизы. Киргизский каганат в X в. был уничтожен киданями. Киданями же было уничтожено государство в центральной и северо-восточной Маньчжурии Бохай (Пальхэ) (698 — 926 гг.). Авторы недавнего исследования «Границы Китая: история формирования» считают, что «нельзя не согласиться с утверждением историков КНДР о том, что значительная часть нынешнего северо-восточного Китая входила в Древний Чосон, «в верховьях Ляохэ и бассейне Сунгари сложилось государство Пуё (Фуюй), которое также рассматривается в КНДР как одно из ранних корейских государств», «оно занимало большую территорию к северу от границ Кореи», а «на части земель (к северу от Корейского полуострова) сложилось самостоятельное государство Пальхэ (Бохай), просуществовавшее до начала X века. В КНДР и РК его история считается частью истории Кореи»¹.

Государство киданей Ляо (915 — 1125 гг.), возникшее в юго-западной Маньчжурии, во второй раз после Северной Вэй включало в свой состав северные области Китая, в том числе и г. Пекин. Чжурчжэньское государство Цзинь, уничтожившее Ляо (1115 — 1234 гг.), овладело всем северным Китаем. В западных районах были тангутское государство Си Ся (982 — 1227) и уйгурское Кочо (X в. — 1211г). Монголы завоевали Китай, и государство Юань как раз почти сто лет существовало в пределах (в умах части государственных деятелей Китая да и простых китайцев) идеальной территории Китая. Под руководством маньчжурского этноса с участием монголов и китайцев в конце XVI в. было образовано маньчжурское государство, с 1616 г. именовавшееся Хоу Цзинь, а с 1636 г. Дай Цин. Маньчжуры со второй половины XVII в. подчинили себе весь Китай. Во второй раз в истории Китай был объединен под властью не ханьской династии.

Что касается «национальной» политики не ханьских династий, то мы не имеем сведений, чтобы кидани в правовых документах своего государства утверждали бы этническое неравенство китайцев, хотя в начале X в. существовало управление Ханьэрсы — управление китайцами. Кидани не допускали китайцев к «обсуждению важных военных и государственных дел»². Но в середине X в. киданям, жившим на территориях, населенных китайцами, было разрешено жениться на китаянках и жить по китайским обычаям.³

В тангутском государстве Ся в праве не предусматривалось этническое неравенство. Но китайцы -чиновники на службе должны были носить на голове китайские

¹ *Границы Китая: история формирования. М., 2001, с. 225 – 226.*

² *Ляо ши (История династии Ляо), Шанхай, 1936, цз. 4, с. 36-4а.*

³ *Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань гочжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и примечания В. В. Таскина // Памятники письменности Востока. Т. 35, М., 1979, с. 178.*

платки, а в случаях необходимости при равенстве чина тангута, китайца, тибетца или уйгура тангут должен был считаться главным. Все мужчины, подданные Ся, должны были носить унифицированную прическу, именуемую туфа. В чжурчжэньском государстве мужчинам-китайцам в 1126 г. в знак лояльности к новой иноземной власти было приказано носить косу, а с 1129 г. чжурчжэньские одежду и головные уборы. Считается, что позднее эти указы были отменены, но когда, точно не известно. Некоторые китайские авторы полагают, что в государстве Цзинь имелись этнические сословия:

1. чжурчжэни
2. бохайцы
3. кидании и си
4. китайцы-яньжэнь (пекинцы) или китайцы ханьэр, китайцы, бывшие подданные Ляо.

5. китайцы наньжэнь, южные китайцы, из завоеванных областей Сун.¹

Этот взгляд на социальную структуру государства Цзинь строго не доказан.

Этнические сословия ввели монголы при Юань:

1. монголы
2. Сэму — мусульмане, тангуты, найманы, кериты, тибетцы
3. ханьжэнь — китайцы, кидани, бохайцы, чжурчжэни
4. наньжэнь — китайцы южной Сун

Некоторые китайские авторы трактуют эти сословия как временную последовательность подчинения данных народов монголам², хотя вряд ли это было так. Эта форма этнического неравенства была ликвидирована национальной династией Мин. В середине XVII в. Китай снова попал под власть иноземной династии. Маньчжуры заставили всех китайцев-мужчин носить косу, это была унижительная форма признания своей подчиненности. Отрезать косу было равнозначно совершенно мятже.

Если учесть примерно полтора века сяньбийского правления династии Северная Вэй и почти три с половиной века правления в северном Китае киданей и чжурчжэней, сто лет господства в Китае монголов и два с половиной века правления маньчжуров, то за 2000 лет новой эры Китай частично был под властью иноземцев около пяти веков и полностью 350 лет. Итого, для северного Китая это было 850 лет иноземного правления. В лучшем случае больше, чем одна треть на два тысячелетия новой эры. Могло ли это сказаться и как сказалось на понимании в Китае «национальной проблемы»?

Юань это было славное прошлое в объединении страны и в отношениях с соседями. Династия Цин воспроизводит это величие. В начале XVII в. была подчинена Внутренняя Монголия, а в конце XVII в. Внешняя Монголия добровольно отдается Китаю. О. Е. Непомнин в своей фундаментальной работе по истории Цин не совсем корректно излагает подчинение Халхи Цинам. «Осенью 1688 г. халхаские феодалы во главе с Тушету-ханом и авторитетным лидером ламаистской церкви Ундур-гэгэном приняли формальное подданство маньчжурского государства». В 1688 г.

¹ Воробьев М. В. *Чжурчжэни и государство Цзинь*, М. 1975, с. 305.. Чжан Чунчжэн, Ханьба цзянцзюнь Цзинь чао-ды миньцзу дэнцзи (Ханьба, цзянцзюнь и этнические сословия династии Цзинь) // *Шэхуй кэсюе цзикань (Ежеквартальный журнал общественных наук)*, 1983, № 3, с. 101.

² Ши Цзинь-бо, *О национальной политике в истории Китая*, с. 556

на своем съезде халхаские феодалы решили признать Цинское государство.¹ Признание не было «формальным». И тушету-хан и хутукта не первые подчинились Цин. До них это сделали некоторые тайчи цээн-хана. Сам тушету-хан и хутукта были разгромлены джунгарским Галдан Бошокту-ханом и находились с остатками своих войск на границе с Цин. Не без колебаний они обратились к цинским властям принять их в подданство: «Почтительно извещаем, что управляемые нами... халхасцы левого крыла и присоединившиеся к нам нойоны правого крыла вместе с нами просят о том, чтобы нам позволено было подчиниться великому императорскому дому».² И не все халхасцы сразу подчинились Цин, некоторые сделали это только через несколько лет после решения тушету-хана и джебдзун-дамба хутукты. По данным Ш. Б. Чимитдоржиева, работавшего в могольских архивах, первоначально Цин подчинились только 35 тыс. семей.³ В 1697 г. Цин подчинился правитель Комула (Хами, современная восточная часть пров. Синьцзян). Воспользовавшись конфликтной ситуацией в Тибете, Цины в 1728 г. впервые оставили своих амбаней в Лхасе, укрепив позже свои позиции в Тибете во время тибето-непальской войны. О. Е. Непомнин пишет, что «далай-лама и другие иерархи «желтой веры» мечтали о создании единого могущественного... государства, основанного на ламаизме под эгидой Лхасы».⁴ Откуда такие сведения, не понятно.

В середине XVIII в. Цинский Китай уничтожил Джунгарское ханство, вырезав почти миллион ойратов. Это трактуется в современном Китае как внутри китайское дело — «династия Цин является правопреемницей разгромленного ею самостоятельного и независимого Джунгарского ханства, подданные которого в трактовке китайских историков являлись «подданными Китая», вожди «национальными героями Китая», а территории «китайскими».⁵ Оставшиеся в Китае ойраты и калмыки России не требуют от китайского правительства признания геноцида и извинений за геноцид. Это сделали цины, маньчжуры. В 1882 г. появляется провинция Синьцзян — Новая граница. Сам являясь объектом колониальных домогательств со стороны великих держав и США, Цинский Китай участвует в разделе мира, который происходил не только на морских путях, но и глубинах азиатского континента. Здесь Китай и Россия делили территории, населенные другими этносами, от устья Амура до реки Урал.

Для юго-западного Китая была при Цин характерна политика назначения тусы, своими корнями уходящая еще во времена правления династии Юань и получившая развитие при династии Мин. Власть местных старейшин, тусы, по началу бывшая наследственной, постепенно «превратилась в должность по назначению властей. ... Обычно это назначение сопровождалось наделением землей. Тусы являлись связующим звеном между центральной властью и населением. В их обязанности входили сбор податей, судопроизводство и пр. ... Тусы могли передавать право на обработку земли, но не могли уступить ее в собственность».⁶

¹ Непомнин О. Е. *История Китая (эпоха Цин)*. М. с. 99.

² *Цинь чжэн пиндин Шамо фанлюэ (Высочайше утвержденные планы подчинения Шамо)*, 1708, цз. 5, стр. 56-6а.

³ Чимитдоржиев Ш. Б. *Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XV11— XV111 вв.) Улан-Удэ, 1974, стр. 36.*

⁴ Непомнин О. Е. *История Китая (эпоха Цин)*, с. 99.

⁵ *Границы Китая*, с. 53.

⁶ З. И. Горбачева. *Национальное строительство в юго-западных районах Китайской Народной Республики. // Советская этнография, 1953, № 4, с. 105.*

Господство Цин рассматривалось как объединенное господство маньчжуров, монгольской знати и верхних слоев китайского общества. Маньчжуры считали, что они «корень государства» и проводили политику сопротивления китаизации, поддержки национального языка, умения ездить верхом и стрелять из лука, отделения «знаменных» от местных жителей. Но одновременно маньчжуры объявили, что «маньчжуры и китайцы — одна семья» и поощряли смешанные браки. Делами монголов, Тибета и народов современного Синьцзяна ведало управление иноземцами (Лифаньюань) с учетом их местных обычаев. Уложение Лифаньюань достаточно полно отражало особенности права этих народов. Работало управление «Сы и гуань» — «Управление переводчиков с языков народов четырех стран света». Национальная политика Цин была противоречивой. Уничтожение Джунгарского ханства, подавление восстаний мусульман, восстаний народов юга Китая, с одной стороны, и учет местных обычаев, религиозных верований, языка, письма, отсутствие в праве прямого принижения китайцев, с другой. При правлении династии Цин был присоединен к Китаю Тайвань. Маньчжуры воспрепятствовали русскому продвижению на Дальний Восток и правый берег Амура — все это так или иначе побуждает многих китайских авторов в наши дни расценивать «национальную политику» Цин, особенно раннего периода, как «успешную». В чем-то она таковой и была и отражала геополитические интересы Китая. И в новейшее время, по сокровенным представлениям китайцев, «... только позиция СССР привела к тому, что от Китая удалось оторвать его «неотъемлемую часть — Внешнюю Монголию, ... наша страна должна вернуть Китаю ... Туву, которая тоже представляет собой «неотъемлемую часть» Китая, но была насильно оторвана от Китая нашей страной. Китайская сторона также претендует на возвращение в состав Китая анклава на левом или северном берегу Амура». ⁷ Речь идет именно о геополитических интересах Китая, ибо Монголия, Тибет, Синьцзян цивилизационно никогда не принадлежали к китайской культуре. Б. Ширендыб, возражая по поводу тезиса о том, что монголы всегда «являлись одним из народов Китая», писал «монголы и Китай издавна являлись соседями, но каждая сторона самостоятельно шла по своему историческому пути». ⁸ Однако «рядовой китаец» как на материковом Китае, так ... и на Тайване, убежден, что «северная и северо-западная периферия» в прошлом была отторгнута от Китая. При этом приоритет сегодняшнего Китая — национальное возрождение, предусматривающее возвращение в лоно матери-родины всех отторгнутых от нее в прошлом территорий». ⁹ И в конце правления династии Цин китайцы верили в свое превосходство, полагали, что именно китайцы «обладают страшной огромной способностью к размножению», а «расы, обладающие большой способностью к размножению, имеют превосходство в борьбе за существование». «Наша нация сильна тем, что она ассимилирует другие национальности, она никогда не была побеждена другими нациями» (журналы «Далу», 1903, ¹ 3, «Дунфан цзачжи», 1907, ¹ 6). ¹⁰

После свержения монархии и победы синьхайской революции Китай был объявлен «у цзу гунхэ» — Республикой пяти национальностей, в составе которых

⁷ *Границы Китая*, с. 224.

⁸ *Ширендыб Б. Избранные произведения. М., 1973, с. 50.*

⁹ *Границы Китая*, с. 73.

¹⁰ *Цит. по Кривоцов В. А., Маоизм и великоханьский шовинизм китайской буржуазии // Проблемы Дальнего Востока, 1974, № 4, с. 78-79.*

было четыре национальности — ханьцы, маньчжуры, тибетцы и монголы, и этно-конфессиональная группа мусульмане. Государственным флагом республики стал пятицветный флаг, на котором красный цвет отождествлялся с ханьцами, желтый — с маньчжурами, синий с монголами, черный — с тибетцами и белый с мусульманами. Мусульмане были как китайцами-мусульманами, так и этносами, исповадвшими ислам, например, уйгуры. Статья 5 «Конституции Китайской Республики» декларировала равноправие «всего народа Китайской Республики без различия рас, сословий и религии».¹ Административный состав Китая предполагал наличие 22 провинций, а также Внутренней Монголии, Внешней Монголии, Тибета и Цинхая.

Идеолог нового Китая Сунь Ят-сен был за равноправие всех наций, но одновременно выступал за «слияние всех рас в одну», за консолидацию всего населения Китая, всех народов Китая «в единый народ», призывал слиться все народы Китая в «единую китайскую нацию» (чжунхуа миньцзу). В январе 1912 г. он ставил задачу «слить в одно государство земли ханьцев, маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев», «слить в один народ ханьцев, маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев — это и будет единство нации». При «установлении национального равноправия» понятие «различения национальностей» утратило свой смысл.²

Путь к сформированию «чжунхуа миньцзу» — ассимиляция не китайских народов. «Не подумать ли нам уже сейчас о каком-либо гармоничном способе, с помощью которого можно было бы, взяв ханьцев в качестве ядра, заставить все четыре национальности — маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев ассимилироваться с нами». Собственно Сунь Ят-сен пропагандировал идеи Лян Ци-чао. Лян Ци-чао полагал, что ханьцы «стали полноценной расой благодаря слиянию многих рас», ханьцы «вбирали инородцев», они «не отличаются чистотой крови». «У кого из ханьцев, — задавался он вопросом, — нет в крови следов цян, мяо, сюнну, дунху и других инородцев?». Великая ассимиляционная сила ханьцев «признается равно историками Востока и Запада». Поэтому чжунхуа миньцзу обладает «самой могучей ассимиляционной способностью».³ Орудие ассимиляции — расселение ханьцев с помощью политической силы в местах проживания не ханьских национальностей, поощрение смешанных браков. Деятели союза «Тунмэнхуй» полагали, что «после ассимиляции их (не ханьцев) права и обязанности уравниются с ханьцами».⁴ Сунь Ят-сен призывал после синхайской революции «развивая дело величия ханьцев, добиться того, чтобы все национальности, которые вместе с нами создают государство, переплавились бы в одной печи, ассимилировались внутри ханьской нации и создали на континенте Восточной Азии государство одной китайской нации, дабы величие ханьцев потрясло весь мир».⁵ Эту идею поддержала Декларация Гоминьдана от 1 января 1923 г. — «негативная цель состоит в ликвидации неравенства национальностей, позитивная — в сплочении всех национальностей страны и образовании одной большой китайской нации».⁶

¹ *Цит. По Богословский В. А., А. А. Москалев. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). М., 1984, с. 12.*

² *Го фу цюань шу (Полное собрание сочинений Отца Отечества), Тайбэй, 1970, с. 890.*

³ *Цит. По Москалев А. А. Нация и национализм в Китае. М., 2005, с. -12.*

⁴ *Там же, с. 51.*

⁵ *Там же, с. 56.*

⁶ *Там же, с. 57.*

Хотя первый съезд Гоминьдана признал право наций на самоопределение, Чан Кай-ши полагал, что в Китае «нет ни одной области, которая могла бы стать независимой».¹

Реальная действительность опрокинула ожидания и Сунь Ят-сена и Гоминьдана. В 1912 г. Тибет и Внешняя Монголия объявили о своей независимости. Монголию возглавил богдо-гэгэн, религиозный лидер Внешней, Внутренней и Южной Монголии, монголов Барги, Куку-Нора и Синьцзяна, и получила бытование идея единой и независимой Монголии. Лян Ци-чао считал юаньских правителей и их династию «худородными кочевыми этносами», но оказывается никто не забыл Чингис-хану и Хубилаю. В августе 1912 г. армия Юань Ши-кая обрушилась на северные монгльские хошуны, почти все их население, включая женщин и детей, было истреблено.² Внутреннюю Монголию разделили на три особых округа — Жэхэ, Чахар и Суйюань, алашаньских монголов включили в состав пров. Ганьсун, а Баргу — в пров. Хэйлунцзян. Китайцы не смогли добраться только до Внешней Монголии. В 1925 г. была образована народно-революционная партия Внутренней Монголии. В 1918 г. восстали уйгуры Куча под лозунгами свержения власти ханьцев.

Тибет был трудно доступен. Но власти Китая создали две новые провинции Цинхай и Сикан. Сикан был образован на основе отторгнутых от Тибета его восточных областей. Цинхай отделил местных тибетцев от Тибета, а местных монголов от других монголов. Была создана пров. Нинся, объединившая часть китайцев-мусульман, хотя Гоминьдан не признавал национальным меньшинством китайцев-мусульман, справедливо полагая их «религиозным объединением».³ В 1928 г. в составе правительства Китая был образован Комитет по делам Монголии и Тибета.

Национальные волнения продолжались в Синьцзяне (Хотанский эмират, 1933 г., Республика Восточный Туркестан 1934 г.). В Маньчжоуго император Пу И на юго-западе создал пров. Синань с правом автономии местным монголам. В 1933 г. он предложил монгольскому князю Дэвану объявить о независимости от Китая Внутренней Монголии, но Дэван отказался, считая более целесообразным бороться за автономию Внутренней Монголии в составе Китая. В 1937 г. Дэван объявил о создании независимого монгольского государства Мэнцзян и перешел на сторону Японии.

После окончания Второй мировой войны на съезде народа Внутренней Монголии часть делегатов выступила за автономию в составе Китая, но «большинство выступило за выход из состава Китая с присоединением к МНР или за создание самостоятельного государства. В конечном итоге съезд обратился к МНР, СССР и Китайской Республике с декларацией о провозглашении Народной Республики Внутренняя Монголия».⁴ В конце 30-х гг. гоминьдан выступил с идеей о том, что все национальности Китая «являются структурными компонентами китайской государственной нации» (го цзу) и равноправны. Пять основных наций (ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, мусульмане) это пять кланов, а не пять наций, эти кланы «все представляют собой компоненты китайской нации, подобно тому, как братья составляют одну семью»⁵

¹ Цзян Цзе-ши, Чжунго чжи минъюн (*Судьбы Китая*), Тайбэй, 1976, с.: 6.

² Богословский В. А., Москалев А. А. *Национальный вопрос в Китае*, с. 28.

³ Яковлев А. Г. *Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике*. М., ИВЛ, 1959, с. 27.

⁴ Богословский В. А., Москалев А. А. *Национальный вопрос в Китае*, с. 197.

⁵ Москалев А. А. *Нация и национализм в Китае*, с. 111.

Конституция Китайской Республики 1946 г. провозглашала, что все нации в Китае равноправны и им всем должна быть оказана особая поддержка в деле их местного самоуправления. 1 мая 1947 г. было объявлено об образовании автономии Внутренней Монголии.

Тибет в 30-х — 40-х гг. XX в. был практически независим, хотя в Лхасе было постоянное китайское представительство. В 1943 г. в Лхасе было создано Бюро иностранных дел с правами Министерства иностранных дел Тибета. Китайские представители отказались его признавать. Но с этим Бюро сотрудничали все иностранные представители в Лхасе. В 1948 г. Тибет создает свою армию. Глава правительства Тибета Шакабпа в 1948-49 гг. посещает США и Англию, добиваясь признания независимости Тибета. В 1949 г. тибетцы заставили гоминьдановскую миссию покинуть Тибет, а в Тибете американская делегация во главе с Л. Томасом обсуждала, как защитить Тибет от коммунистической опасности и чем США могут помочь Тибету. Все эти начинания во Внутренней Монголии и Тибете были прерваны победой КПК и образованием Китайской Народной Республики.

Впервые по национальному вопросу высказался второй съезд КПК в 1922 г. Провозглашалось, что Монголия, Тибет и Хуйцзян (Мусульманский край) станут демократическими самоуправляющимися единицами (государствами), и «используя систему свободной федерации, объединяющей свободный Китай, Монголию, Тибет и Хуйцзян образуют Китайскую Федеративную Республику», одновременно в той же программе говорилось о «борьбе за право на самоопределение для монголов, тибетцев и народов Синьцзяна».¹

Третий съезд КПК провозглашал право на самоопределение народов, «населяющих окраины Китая». 8-ой пункт политической программы гласил: «Окраины: Тибет, Монголия, Синьцзян и другие должны получить право на самоопределение. И только если эти народы захотят, они могут присоединиться к Китаю».² У1 съезд КПК (1928) записал в своем решении, что каждая нация имеет право на самоопределение, «объединение страны с признанием права каждой нации на самоопределение».³ Таким образом, обобщенно говоря, Гоминьдан был за равноправие и автономию в рамках единого Китая, КПК за право на самоопределение в рамках Китайской Федерации, т. е. тоже единого Китая. КПК не принимала декларированное ВКПб право наций на самоопределение вплоть до отделения. Надо сказать, что такая позиция КПК поддерживалась и Коминтерном. Шестой Конгресс Коминтерна (1928 г.) требует, чтобы одним из основных лозунгов, под которыми КПК завоевывает массы, стал лозунг «объединения страны с правом каждой нации на самоопределение».⁴ В Резолюции ИККИ по китайскому вопросу (1930 г.) говорится, что «партия должна усилить свою работу среди национальных меньшинств. Партия должна добиться установления прочной связи и руководства мусульманским движением на севере Китая, национально-революционной борьбой во Внутренней Монголии, борьбой корейских рабочих и крестьян Маньчжурии и племен мяо и яо на юге Китая».⁵

¹ Рахимов Т. Р. Телешев Н. А. Великоханьский шовинизм Пекина в национальном вопросе. // Проблемы Дальнего Востока, 1974, № 2, с. 88

² Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975, с. 5.

³ Программные документы Коммунистических партий Востока. М., 1934, с. 17..

⁴ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции. На примере Китая. Составитель и автор вводной статьи Г. Кара-Мурза. М., 1934, с. 89.

⁵ Там же, с. 277.

Разрыв с Гоминьданом, гоминьдановский переворот и создание советских районов внесли определенные коррективы в решения Советов и КПК по национальному вопросу. 1-ый Всекитайский съезд представителей советских районов Китая (1931 г.) объявил, что «Китайская Советская Республика категорически и безусловно признает право наций на самоопределение». Это соответствовало Резолюции Президиума ИККИ от 21 августа 1931 г. о задачах КПК — «советское правительство должно провести большевистскую национальную политику в отношении национальных меньшинств на основе их полного равенства и права на самоопределение».¹ 1 съезд Советских районов углубил понятие самоопределения. Было объявлено, что в районах, «в которых большинство населения принадлежит к иной, не китайской национальности, трудящиеся массы этих национальностей имеют право сами определять: желают ли они выйти из Китайской Советской Республики и создать свое независимое государство, или же они желают войти в союз советских республик, или образовать автономную область в Китайской Советской Республике».² Таким образом, впервые прозвучало право народов Китая на самоопределение вплоть до отделения. Данное решение было подтверждено в Проекте Конституции Китайской Советской Республики от 1-Х 1934 г. «Советская власть в Китае провозглашает национальную свободу всех малых народов и национальных меньшинств в Китае, признает право самоопределения малых народов вплоть до государственного отделения от Китая и создания самостоятельных государств. Например, монголы, хуэйские народы (му-сульмане), тибетцы, мяо, ли, корейцы и т. д., живущие на территории Китая, имеют право на самоопределение, т.е. они могут присоединиться к Китайской Республике или отделиться от нее и организовать свое самостоятельное государство или автономную область».³ Проект Конституции «полностью и безоговорочно» признавал независимость Внешней Монголии, т.е. МНР. Однако право МНР на независимость отнюдь не признавалось всем руководством КПК. В 1936 г. Мао Цзэ-дун в беседе с Эд. Сноу сказал, что после победы революции в Китае «республика Монголия автоматически станет частью Китайской федерации по собственной воле».⁴ Право наций на самоопределение вообще не было закреплено в решениях У1 Пленума ЦК КПК, в Программе которого предлагалось «обещать всем национальностям ... равные права с ханьцами, ... право самим управлять своими делами и в то же время образовать совместно с ханьцами единое государство».⁵

В 1945 г. У11 съезд КПК решил «предоставить всем национальным меньшинствам право на национальную автономию».⁶ Таким образом, КПК отказалась не только от основополагающего марксистского тезиса на право наций на самоопределение вплоть до отделения, но даже от права на самоопределение в его широкой трактовке, заменив его лишь правом на автономию. В международном праве самоопределение «в юридическом плане ... признается всеми народами и нациями. А вот определение формы, в которой реализуется это право в каждом конкретном случае (отделение, автономия, федерация и т. п.) является политическим вопросом».⁷ В своих решениях

¹ Там же, с. 306-307.

² *Советы в Китае*. М., 1933, с. 440.

³ *Второй съезд Китайских Советов*. М., 1935, с. 145.

⁴ *Snow E. Red star over China*. NY, 1938, p. 88.

⁵ *Рахимов Т. Р., Тешилов Н. А. Великоханьский шовинизм Пекина*, с. 88.

⁶ *Мао Цзэ-дун. Избранные произведения*. М., 1953, т. 4, с. 550.

⁷ *Москалев А. А. Нация и национализм в Китае*, с. 152. С 1949 г. КПК и КНР отказались от термина «самоопределение», признав его негодным для Китая.

лидеры КПК указывали на особые условия решения национального вопроса в Китае, на то, что правом наций на самоопределение могут воспользоваться реакционные элементы меньшинств и внешние (империалистические) силы, заинтересованные в расколе единого китайского государства. Выдвигая лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения, В. И. Ленин имел в виду условия царской России. В Китае следование этому лозунгу не нужно и вредно, ибо приведет к распаду страны. Единый и неделимый Китай это единственный путь решения национального вопроса в КНР с позиций марксизма-ленинизма и построения в Китае социалистического общества. В 1949 г. Мао Цзэ-дун обратился к И. В. Сталину с предложением решить вопрос о МНР в плане ее возвращения в состав Китая. Сталин ответил, что Монголия не пойдет на статус «автономии в составе китайского государства». Позже эта позиция Сталина была объявлена КПК как проявление культа его личности.¹ В 1959 г. китайское правительство поставило вопрос о судьбе МНР перед Н.С. Хрущевым. Хрущев отказался обсуждать этот вопрос. В 1961 г. МНР была принята в ООН. Делегация Тайваня, которая тогда представляла в ООН Китай в знак протеста покинула заседание.

Китай выбрал путь решения национального вопроса через национальную автономию. В начале 1949 г. А. И. Микоян передал Мао Цзэ-дуну совет И. В. Сталина — дать национальным меньшинствам автономию, не предоставлять независимости.² В принятой в сентябре 1949 г. Общей программе Народно-политического консультативного совета в разделе «общие принципы» устанавливалось, что «все национальности в пределах Китайской Народной Республики равны в своих правах и обязанностях», а статья 51 провозглашала: «В районах, где большинство населения составляют национальные меньшинства, необходимо осуществлять местную национальную автономию и в зависимости от количества населения и величины района учредить органы национального самоуправления».³

По разным данным, на первые годы существования КНР по всеобщей переписи 1953 г. в Китае было:

Ханьцев 547 238 057 чел.

Не ханьцев 35 320 360 чел.

Среди не ханьцев чжуанов : 6,1 млн., уйгуров 3,64 млн., мусульман 3,55 млн., и (наси, мосо) 3,25 млн., тибетцев 2,77 млн., мяо 2,51 млн., маньчжуров 2,41 млн., монголов 1,46 млн., корейцев 1,12 млн. чел.⁴ По свидетельству известного советского этнографа Б.И. Брука, в середине 50-х гг. в Тибете и Синьцзяне было около 10% китайцев, а в пров. Юньнань китайцы составляли 2/3 населения, во Внутренней Монголии и Маньчжурии — 90% населения, корейцы — 70% населения на левом берегу реки Тумэнцзян (Туманган).⁵ На 1959 г. население Китая составляло 650 млн. чел., из них 610 млн. было ханьцев, и 40 млн. национальных меньшинств. По сведениям газеты «Жэньмиь жибао» от 14-Х1— 1990 г. в КНР проживали: мон-

¹ *Границы Китая, с. 264, 266.*

² *Кузьмин С. Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб. 2010, с.166.*

³ *Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы, М., 1950, с. 47.*

⁴ *Касаткина В. С. Решение национального вопроса в Китае. // Советское востоковедение. 1956, № 4, с. 16-17.*

⁵ *Брук Б. И. Расселение национальных меньшинств Китайской Народной Республики // Советская этнография, 1958, № 1, с. 76.*

голы 4 806 849, мусульмане 8 602 978, тибетцы 4 393 330, уйгуры 7 214 431, мяо 7 398 035, и 6 572 173, чжуаны 15 489 630, буи 2 545 059, корейцы 1 920 597, маньчжуры 9 821 180, кам (восточные тибетцы) 2 514 014, яо 2 134 013, бай 1 594 827, туцзя 5 704 223, хани 1 253 592, казахи 1 111 718, тай 1 025 128, ли 1110 090, прочие нацменьшинства суммарно около 1 млн. чел.

В первой Конституции КНР, принятой 20 сентября 1954 г. во Введении говорится: «Все национальности нашей страны сплотились в одну великую семью свободных и равноправных народов» Статья 3 раздела «Общие положения» гласила: «Китайская Народная Республика есть единое многонациональное государство. Все национальности равноправны. Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплочения национальностей. Все национальности пользуются свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев. Во всех районах, где национальные меньшинства живут компактно, осуществляется районная автономия. Районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики». ¹ Органы самоуправления автономных районов осуществляли свои права на самоуправление, ведали финансами, организовывали на местах отряды общественной безопасности, пользование местным языком, осуществлением судопроизводства на родном языке и использование национальной письменности. В случае нужды народный суд обязан был обеспечивать перевод хода процесса.

Были образованы Автономные области:

Автономная область Внутренняя Монголия, 1954 г. Население 8,8 млн. чел., из них 980 тыс. монголы. Столица город Хух-Хото.

Синьцзян-уйгурская автономная область. 1955 г. Население 5,14 млн. чел. Столица г. Урумчи

Гуансийская автономная область народности чжуан. 1958 г. Население 20,1 млн. чел., из них чжуаны — 7 млн. чел. Столица г. Наньнин.

Автономная область народности хуэй (китайцы-мусульмане). 1958 г. Население 1,7 млн. чел. 1/3 мусульмане. Столица г. Иньчуань. ²

Конституция 1975 г. повторила, что КНР «есть единое многонациональное государство. Все районы, где осуществляется районная национальная автономия являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики. Все национальности равноправны. Следует бороться против великодержавного шовинизма и местного национализма. Все национальности пользуются свободой употребления своего языка и письменности» ³ В разделе 4 было записано, что высшие государственные органы должны «активно поддерживать национальные меньшинства в социалистической революции и социалистическом строительстве». ⁴

Конституция 1978 г., повторив то, что было ранее в Конституциях 1954 и 1975 гг., особо подчеркивает, что «районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной республики». ⁵ Раздел 4 устанавливал, что «в органах

¹ Конституция и политическая система Китайской Народной Республики. Составитель Б. Г. Доронин. Санкт-Петербург, 2007, с. 28.

² Яковлев А. Г. Решение национального вопроса, с. 53.

³ Конституция и политическая система с. 50.

⁴ Там же, с. 55..

⁵ Там же, с. 61.

самоуправления тех районов национальной автономии, где проживает много национальностей, каждая национальность должна иметь соответствующее число своих представителей». Эта статья, несмотря на свой сугубо демократический характер, в условиях достаточно быстрого роста ханьского населения в районах национальных автономий давало право китайцам занимать большее количество мест в органах местного самоуправления. В разделе 5 «Народный суд и прокуратура» не было статьи о ведении судебного разбирательства в автономии на родном языке национальности и о привлечении переводчиков.

Ныне действующая Конституция 1982 г. устанавливает: «Китайская Народная Республика — единое многонациональное государство, созданное общими усилиями народов различных национальностей нашей страны. Уже установлены и будут укрепляться впредь социалистические национальные отношения равенства, сплоченности и взаимопомощи. В борьбе за сохранение национальной сплоченности следует выступать как против национализма великой нации, прежде всего великоханьского шовинизма, так и против местного национализма. Государство прилагает все усилия к тому, чтобы способствовать общему процветанию всех национальностей страны».¹ Статья 4-ая гласит: «Все национальности в Китайской Народной Республике равноправны. Государство гарантирует законные права и интересы всех национальных меньшинств, охраняет и развивает отношения равенства, сплоченности и взаимопомощи всех национальностей. Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности между национальностями и их раскол. Государство, учитывая особенности и нужды национальных меньшинств, помогает районам национальных меньшинств в ускорении темпов экономического и культурного развития. В районах компактного проживания национальных меньшинств осуществляется национальная автономия, создаются органы самоуправления, осуществляются автономные права. Районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики. Каждая национальность пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения и изменения своих нравов и обычаев»² «Граждане всех национальностей имеют право пользоваться в суде своим родным языком и письменностью. Народный суд и народная прокуратура должны обеспечивать перевод для участников судебного процесса, не владеющих письменностью и языком данной местности. В районах компактного проживания национальных меньшинств или проживания многих национальностей судопроизводство ведется на общепринятом в данной местности языке, обвинительные заключения, приговоры, решения и другие документы оформляются на одном или нескольких распространенных в данной местности языках, исходя из практических нужд».³

В 1984 г. был принят Закон о районах национальной автономии. Закон предоставил более широкие права автономиям в соответствии с положениями Конституции 1982 г. Местные органы самоуправления обязаны сами обеспечивать свободу употребления национальных языков, употребления и развития национальных письменностей, язык национальной автономии может использоваться в качестве главного языка. Это смогли сделать корейцы в Яньбань — Корейском национальном районе. Такая задача была поставлена в Тибете. Автономии получили право сами опреде-

¹ Там же, с. 78.

² Там же, с. 79-80.

³ Там же, с. 110.

лять язык обучения в школе, и там, где позволяют условия, осуществлять обучение на языке автономии и иметь учебники на языке автономии. В младших классах обучение должно быть на языке национальности, а в старших обязательен курс путунхуа и использование путунхуа. Закон поощряет изучение местными кадровыми работниками-китайцами языка национальности, а национальными кадровыми работниками языка путунхуа.

Таким образом, все Конституции подчеркивают равноправие национальностей в пределах единого и неделимого Китая. Никакого иного самоопределения, кроме автономии, тем более самоопределения вплоть до отделения не допускается. Инструментом самоопределения избрана национальная региональная автономия волости, уезда, округа, национального автономного района. Гарантируется использование своего языка и письменности, особенно в процессуальном праве, развитие экономики, культуры, право на сохранение и изменение нравов и обычаев. Последнее в несколько завуалированном виде подводит законодательную базу под аккультурацию и ассимиляцию, растворение национальности прежде всего в ханьском этносе. Все Конституции выступают против великодержавного шовинизма и национализма. Общая Программ Народно-политического Консультативного Совета предусматривает свободу религиозных убеждений для национальных меньшинств. Но ни одна из Конституций не провозглашала и не провозглашает свободу вероисповедания, негласно включив религиозные верования в понятие «нравы и обычаи».

Самым большим по численности национальным меньшинством Китая являются чжуаны, народ тайской языковой группы. По последним данным их насчитывается около 17 млн. чел. Они составляют четверть всех тайских народов мира. Район расселения чжуанов граничит с Юго-Восточной Азией, его нередко называют китайскими воротами в Юго-Восточную Азию. Предполагают, что этноним чжуан известен с династии Сун, есть предположение, что он связан с китайским словом «чжуан» — «бить», «ударять». Чжуаны считались хорошими воинами. Чжуаны — потомки народа юэ, они пришли на юг с севера из провинции Чжэцзян, из древних государств У и Юэ. В древности чжуаны имели свое государство. Таковым считают государство Наньюэ (207 — г. до н. э. — 111 г. н.э.), хотя оно и было основано китайцем Чжан То. При династии Тан в районе Линняня до середины IX в. правила чжуанская династия Хуанов. В 1049 — 1053 гг. при правлении династии Сун происходило восстание чжуанов под руководством Нун Чжи-го, который объявил о создании своего государства, а себя его императором. Чжуаны активно участвовали в тайпинском восстании. Позже в 20-е г. в крестьянском движении на юге Китая и создании крестьянских союзов.

В 1952 г. был создан Западно — гуансийский чжуанский автономный район. Первоначально в рамках этой автономии чжуаны составляли 70% ее населения. Однако в марте 1958 г. этот район был преобразован в Гуанси-чжуанский автономный район в пределах старых границ пров. Гуанси. Итогом такого преобразования стало то, что часть чжуанского населения из соседних регионов оказалась вне автономного чжуанского района. По данным на 1979 г. не ханьское население автономии составляло в ней всего 44%, чжуаны — 37%, прочими значимыми по численности не китайскими народами были яо, мяо и кам. Это была целенаправленная политика китайских властей на раздробление по разным административным районам крупных по численности национальных меньшинств с целью борьбы с местным национализмом. Именно за местный национализм была осуждена часть чжуанской интеллиген-

ции, выступавшей за объединение всех чжуанов в одном автономном районе, в частности проф. Хуан Сянь-фан, автор «Краткой истории гуансийских чжуанов», книга его была признана вредной, а он изгнан из Гуйлиньского педагогического института.

Хотя в годы культурной революции глава автономного района чжуан Вэй Го-цин устоял, борьба с местной властью со стороны левацких группировок носила кровавый, вооруженный характер. Хозяйство автономного района было существенно подорвано. Поскольку центр не включил чжуанский язык в число тех национальных языков, которые могли функционировать в письменной форме — к таким языкам были отнесены монгольский, тибетский, уйгурский, казахский и корейский, то было сильно затруднено изучение чжуанскими детьми родного языка в школах, местные издательства были лишены возможности издавать литературу на чжуанском языке. В автономии резко возросла роль армии. Воинские части были размещены в самых отдаленных районах автономии, все объяснялось необходимостью «взаимной учебы», солдатам у братской национальности, а нацменьшинствам — необходимостью «походить на бойцов НОАК»¹. Позже руководителем автономии стал китаец Цяо Сяо-гун, большинство руководящих должностей заняли китайцы.

Даже в условиях тех катаклизмов, которые Китай переживал со второй половины 50-х до 80-х гг. было бы несправедливым сводить всю национальную политику КНР только к ограничениям и зажиму национальных меньшинств. Открывались учебные заведения. В 1952 г. в г. Наньнин был открыт Гуансийский институт национальностей. В 1957 г. было завершено создание чжуанской письменности. До этого чжуаны использовали в качестве письма свою иероглифику, созданную на базе китайской. Новое письмо чжуанов было разработано на основе латинской графики. В создании чжуанского письма активное участие принимал советский лингвист Г.П. Сердюченко. В 80-е гг. прошлого столетия правительство КНР приняло курс на расширение употребления национальных языков, на подготовку квалифицированных национальных кадров, владеющих родными языками и письменностью. На чжуанский язык стали переводиться официальные правительственные документы самого высокого уровня, было признано необходимым в административной практике использовать одинаково чжуанский и китайский языки. Употребление национального языка рассматривается как одно из важнейших прав осуществления права национального самоуправления, наряду с развитием экономики и культуры автономии. Консультирует национальную политику Академия общественных наук автономии, связанная в своей научной деятельности с Центральным институтом национальностей Академии Общественных наук КНР и Пекинским университетом национальностей, готовящим кадры для всей страны, как из представителей нацменьшинств, так и ханьцев.

Как уже говорилось ранее, в Китае национальным меньшинством считается этно-конфессиональная общность китайцы-мусульмане. Имеется Нинся-хуэйский (мусульманский) автономный район. Происхождение китайцев-мусульман достаточно сложно и спорно. В Китае господствует точка зрения, что китайцы-мусульмане — результат смешения ряда этнических компонентов, ханьцев, арабов, персов, других выходцев с Ближнего Востока и Маравеннагра (Средней, ныне Центральной Азии). Сведения о мусульманах в Китае имеются с династии Тан. Мусульмане попадали в Китай по морю и по суше, для танского Китая, пожалуй, более характерны их торговые колонии в Кантоне и других районах китайского побережья. На террито-

¹ Москалев А. А. *Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы Китая*, М., ИВЛ, 1979, с. 86.

рии Нинся и Ганьсу могли быть незначительные группы мусульман, как и христиан-несторианцев, но это, включая и Синьцзян, был буддийский мир, арабы, после таласской битвы 751 г. не продвигались больше на Восток. Не в китайских, не в тангутских, не в уйгурских текстах нет сведений о мусульманах в этом регионе до династии Юань, до завоевания этого района монголами, уничтожения тангутского государства Си Ся и добровольного подчинения уйгуров Чингис-хану. Мысль о том, что основной костяк нынешнего мусульманского китайского населения Нинся и Ганьсу составило обращенное в ислам население тангутского государства Си Ся была высказана советским китайцем-мусульманином (дунганином) М. Сушанло. В своей монографии «Дунгане» он показал, что языком китайцев мусульман стал общий для населения тангутского государства и монгольского государства Юань язык общения разных этносов Северо-западного Китая китайский, а религией — ислам.¹

Главным является вопрос о том, почему и как местное этнически неоднородное население приняло ислам? Старое объяснение о пришельцах из Средней Азии, с Ближнего Востока, из стран вероисповедания ислама малоубедительно. Сколько бы таких пришельцев ни было, их всегда было меньше местного населения — тангутов, китайцев, уйгуров, тибетцев и др., приверженцев буддизма. Буддийские тексты на языке Си Ся (тангутском) активно публиковались в регионе в последней трети XIII в. Нужна была сила, обратившая местное население в ислам, как когда-то население Ирана и Средней Азии. Такой силой оказались монголы. Как известно, монголы сами были веротерпимы, разные представители правящего клана могли исповедовать разные религии — буддизм, христианство, ислам, шаманские верования. Все местное население обратился в ислам, как мы это узнаем от Рашид-ад дина, внук Хубилая Ананда. Отец Ананды Мангала был третьим сыном Хубилая. Мангала правил этим регионом под титулом Аньси вана с 1271 г., в 1279 г. этот титул и управление областью Тангут унаследовал его сын Ананда. По Рашид-ад дину, у Мангала часто умирали дети. Когда родился Ананда, то его поручили воспитывать мусульманину по имени Мехтер Хасан Ахтаци. «Жена этого человека, по имени Зулейха, выкормила его грудью, поэтому мусульманская вера укрепилась в его сердце и была непоколебима, он учил Коран и очень хорошо пишет по-тазикски».²

Придя к власти в 1279 г., Ананда прежде всего «большую часть стапятидесяти-тысячного войска монголов, которые от него зависят... обратил в мусульманство»³. Так как Ананда «сделал обрезание большинству монгольских мальчиков и обратил в ислам большую часть войска» естественно, нашлись недовольные и поступил донос Хубилаю. Хубилай арестовал Ананду. Но поскольку армия Ананды была нужна Хубилаю в борьбе за власть с его соперниками. он по совету своей жены Кокчинхатун освободил Ананду из под ареста, решив до времени не обращать внимание на то, что «все те войска и население области Тангут — мусульмане и упорствуют в этом», предоставив Ананде право самому разобраться в своей вере.⁴ Преемник Хубилая хан Тимур сам вообще благосклонно относился к исламу и при его правлении «Ананда много радел о мусульманстве». Если при воцарении Тимура (Чэнцзуна) в 1295 г. по предположению Рашид-ад-дина Ананде было 30 лет, то значит Ананда родился примерно в 1265 г. Как писал Рашид-ад-дин, «из положения Анан-

¹ М. Сушанло. *Дунгане. Фрэнзе, 1971, с. 71.*

² Рашид-ад-дин. *Сборник летописей. Т. 11. Перевод О. И. Смирновой. М.— Л, 1960, с. 208.*

³ Там же.

⁴ Там же, с. 209.

ды и его войска можно сделать вывод, что в ближайшее время дело ислама в тех областях достигнет совершенства и, по изречению Корана — «они толпами войдут в веру Аллаха, они войдут толпами и станут правоверными и единобожниками» и «их дети и внуки». Даже ранее донесший на Ананду некто Сартак, «теперь стал мусульманином, и он — один из его старших эмиров»¹. Биографии Ананды в «Юань ши», к сожалению, нет. После смерти Тимура в годы воцарения императора У-цзун Ананда оказался втянутым в борьбу монгольских принцев за власть. Группировка, которую он поддерживал, потерпела поражение, и в 1307 г. Ананда был «пожалован смертью».² Рашид-ад-дин не ошибся. Аанада действовал так же, как арабы в Средней Азии, обращая местное население в ислам с помощью кнута и пряника (освобождение от налога и т.п.). Многоплеменное население области Тангут постепенно слилось в единую группу китайцев-мусульман, людей для которых общей религией стал ислам, а общим языком китайский язык.

Автономия Нинся возникла не сразу. В 1954 г. была ликвидирована пров. Нинся, ее территория была включена в состав пров. Ганьсу. Говоря о природе китайцев-мусульман, Чжоу Энь-длай в докладе о путях решения национального вопроса в 1957 г. говорил: «Хуэй и хань, чем отличаются эти народы друг от друга? Мы их различаем только по религии. Но это не все. Хотят ли хуэй или нет, рано или поздно хуэй должны самопроизвольно, добровольно смешаться с хань. Такой процесс уже завершился у маньчжуров. Их осталось сейчас мало, а хуэй еще много»³.

В 1958 г. был образован Нинся-мусульманский автономный район. К концу культурной революции в его состав был включен ряд земель Внутренней Монголии (92 тыс. кв. км) с монгольским населением. Нинся-мусульманский автономный район стал граничить с МНР. Часть территории Внутренней Монголии также была присоединена к пров. Ганьсу. Все это было связано с милитаризацией региона, направленной против МНР и СССР.

По последним данным (личная информация) мусульмане составляют 36% общего населения Автономного района. Автору этих строк приходилось встречать китайцев — жителей автономии, которые были против ее существования. Опять же по личным впечатлениям в сфере культуры, наличию мечетей, медресе и т. д. мусульманам Нинся отведено должное место. Здесь нет языковых проблем. На арабском языке арабским письмом существует исключительно религиозная литература, ислам в Нинся подпитывается поддержкой из арабских стран и Турции. Кажется, в Нинся нет региона с преобладающим мусульманским населением, скажем, в отличие от юга пров. Ганьсу. Здесь поражает обилие заново выстроенных мечетей, не только мужчины поголовно носят мусульманский головной убор, но и женщины прикрывают лицо. В самом городе Лисянь, вотчине мусульман-милитаристов из клана Ма — огромная мечеть, мусульманская ваххабитская академия, ахун, ее глава получил образование в Саудовской Аравии.

В Нинся, да и Ганьсу, различие между ханьцами и китайцами-мусульманами существует, помимо религиозных обрядов мусульман, в одежде, питании, быту. Религиозные различия по представлениям китайских политиков входят в обычаи. Китайцы мусульмане часто имеют два имени — китайское и мусульманское. Китайские

¹ Там же.

² Там же, с. 194. Юань ши, цз. 22, с. 173, цз. 108, с. 843 (по изданию «Сыбу бэйяо», Шанхай, 1936.)

³ Великодержавная политика маоистов в национальном вопросе, с. 94-95.

власти отличают китайцев-мусульман от прочих мусульман, например, уйгуров, полагая, что китайцы-мусульмане это не такие мусульмане, как все.

Автономный район Внутренняя Монголия один из ранних. Монголы-чахары находились в конфликте с маньчжурами с конца 20-х г.г. XVIIв. В 1632 г. правитель маньчжурского государства Хуантайцзи (Абахай) начал второй большой поход на чахаров. Его союзниками были другие моноголы— хорчинцы, бааринцы, тумэты и др., давно связанные с маньчжурами и участвовавшие в создании маньчжурского государства. Чахары и их хан Лигдан-хан уклонялись от сражений, часть чахаров бежала к границам Китая. Китайские власти района Гуйхуачэн— Датун— Калгана (Чжанцзякоу) выдавали маньчжурам укрывавшихся у них чахаров и их имущество. Лигдан-хан спасся, но его страна была разорена. Он хотел уйти на Куку-Нор, но внезапно заболел оспой и умер (1634 г.). Его люди перешли на сторону маньчжуров. В 1635 г. сын Лигдан-хана Эдже отдал маньчжурам «печать Чингис-хана», которой владел его отец. Таким образом, Внутренняя Монголия подчинилась маньчжурам еще до того, как маньчжуры овладели Китаем. Чахары были распределены по разным маньчжурским знаменам.

Выше мы уже упоминали о том, что после окончания Второй мировой войны и во время гражданской войны в Китае монголы Внутренней Монголии стояли перед выбором оставаться в составе Китая или присоединиться к МНР. В 1947 г. один из будущих коммунистических лидеров Внутренней Монголии Уланьфу говорил: «По желанию скотоводов и крестьян мы вступим в федеративное государство либо воссоединимся с независимым государством Халхой».¹ Возобладало стремление иметь свою автономию в составе КНР.

На 2002 г. Автономный район Внутренняя Монголия со столицей в г. Хух-Хото имел население более 23 млн. чел. А подавляюще большинство этого населения составляют китайцы. Примерно из 6 млн. монголов, проживающих в разных районах КНР, (Внутренняя Монголия, Синьцзян, Ляонин, Цзилинь, Хэйлуунцзян, Ганьсу, Цинхай, Хэбэй, Хэнань) лишь 1/6 часть монголов, около 1 млн. чел. проживает в Автономном районе Внутренняя Монголия. Монголы Внутренней Монголии один из не китайских этносов, который, не считая маньчжур, наиболее подвергся китаизации. Это приходилось наблюдать лично и автору этих строк на западе автономии (знамя Эдзина), где редко можно услышать монгольскую речь, все монголы практически двуязычны. Возможно, монголы больше сохраняют свою идентичность в сельской местности, в полупустынных скотоводческих районах и, как это не странно, в городах, где монгольская интеллигенция борется за сохранение родного языка и культуры. Некоторые авторы отмечают, что при наличии «видимых характеристик» монгольской культуры — храмы, монастыри, этнографические музеи, творческие союзы, писателей, художников, существует «невидимый аспект» регионализации монгольской культуры, заключенный в «очаговости развития культуры Внутренней Монголии, которая сохраняет имманентно присущий ее носителям традиционализм мышления, устойчивость стереотипов национального поведения».² Ушедшие с Гоминьданом на Тайвань монголы тоже стремятся сохранить себя в рамках деятельности Комитета по делам Монголии и Тибета, но функционеры среднего возраста или не говорят или почти не говорят по-монгольски (личные наблюдения). После договора о государственной границе между КНР и МНР (ратифицирован

¹ Москалев А. А. *Нация и национализм*, с. 96.

² *Китай: поиск гармонии*, с. 477.

в 1963 г.) во внутренней пропаганде и издаваемой литературе не прекращались утверждения о том, что МНР является частью Китая — «территория Внешней Монголии исторически является районом, где жили и вели хозяйство кочевые народы нашего государства», «история монгольского народа — одна из составных частей истории Китая».¹

Население Синьцзян-уйгурского автономного района на 2008 г. составляло 21 млн. 308 тыс. чел, из них почти 8 млн. китайцы, уйгуров 9 млн. чел. Синьцзян — один из немногих районов Китая, в котором китайцы пока не составляют большинство населения, за исключением городов, в столице автономии г. Урумчи, в котором лишь 27% населения не китайцы. Уйгуры в основном заселяют юг автономного района.² Как считают зарубежные исследователи (Бренда Л. Шустер) уйгуры в целом уступают китайцам по доходам, жизненному уровню и образованию. Она полагает, что бедность уйгурского населения прямо связана с их этнической принадлежностью, особенно в сельских районах.³ Китайцы не конфисковали или изымали лишь частично по согласованию с местным населением вакфы (земли мечетей). В районах кочевого скотоводства не производили разделов пастбищ, устанавливали равные права в пользовании пастбищами. Но одновременно довольно грубо пропагандировался курс на «марксистскую и коммунистическую ассимиляцию». В журнале «Синьцзян хунци»,⁴ за 1960 г. в одной из статей говорилось: «Ханьцы составляют 94% всего населения Китая и в политическом и культурном отношении они являются более передовыми по сравнению с другими малыми народами. Поэтому при слиянии национальностей ханьцы должны стать основным костяком... Особенности ханьской нации превратятся в общие национальные особенности национальных меньшинств». «Это слияние является марксистской и коммунистической ассимиляцией, неизбежной тенденцией развития общества. Кто выступает против такой ассимиляции, тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма».⁴ Надо ли говорить, что такие утверждения не встречали понимания и поддержки у уйгуров и других национальностей Синьцзяна.

2 сентября 1949 г. было объявлено, что Народно-освободительная армия Китая освободит все территорию Китая, включая Тибет.⁵ Мальчик-подросток в возрасте 10 лет, Панчен-лама Х, проживавший на Куку-Норе «прислал» Мао Цзэ-дуну письмо, в котором говорилось: «Можно ждать в ближайшие дни освобождения Тибета».⁶ Люди, готовившие это письмо, использовали имеющиеся противоречия между Далай-ламой и Панчен-ламой. Именно из Цинхя были организованы просьбы местных лам об «освобождении Тибета».⁷ Населенные тибетцами области Сикан и Кам уже были под властью Китая. В мае 1951 г. имели место переговоры между китайским правительством и правительством Тибета. Было подписано «Соглашение из 17 пунктов», которое начиналось словами «Тибетцы — одна из национальностей в пределах Китая», «тибетский народ пользуется правом под руководством Центрального народного правительства пользоваться национальным районным самоуправлени-

¹ *Границы Китая, с. 269*

² *Beijing Review, N 39, october 2009, p.15-16.*

³ *The China Quarterly, N 198, June 2009, p. 433-439.*

⁴ *Великодержавная политика, с. 18-19.*

⁵ *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005, с. 259.*

⁶ *Там же.*

⁷ *Гуревич Б. П. Освобождение Тибета. М., 1958, с. 115.*

ем». В сентябре 1951 г. в Лхасу вошли первые части НОАК. В феврале 1952 г. в Пекине было открыто представительство Далай-ламы, а в Лхасе — представительство правительства КНР.

Социальные реформы и переустройство управления страной при активном участии армии, Военно-административного комитета, шли с трудом. 1 мая 1956 г. был сформирован Подготовительный комитет по созданию Тибетского автономного района под председательством Далай-ламы. Китайцы не проводили реформ, но прилагали усилия для развития сельского хозяйства и скотоводства (надо было кормить армию и народ), строили дороги, построили электростанцию в Лхасе, аэропорт, открывали светские школы.

Аграрная и другие социальные реформы, проводившиеся в Восточном Тибете, привели к восстаниям и партизанской войне. По разным подсчетам число партизан достигало от 100 до 200 тыс. человек.¹ В Центральном Тибете появились беженцы с Востока. В марте 1959 г. начались волнения в Лхасе. Тибетцы опасались похищения Далай-ламы. Сам Далай-лама по совету-предсказанию оракула-чойджуна решил покинуть страну. 17 марта он выехал из Лхасы. Путь Далай-лмы в Индию контролировало через свою резидентуру ЦРУ.² Есть неофициальные данные о том, что китайцы заранее знали об отъезде Далай-ламы и даже негласно обеспечивали ему прикрытия на пути в Индию. Отсутствие Далай-ламы и подавление мятежа открывали путь для реформ в Центральном Тибете. Вся власть в стране перешла к Постоянному комитету по созданию Тибетского автономного района. А 29 марта Далай-лама создал тибетское правительство в эмиграции.

В Тибете началась аграрная реформа и внедрение форм коллективного труда — бригад взаимопомощи. Было упразднено землевладение буддийской церкви, землю раздавали крестьянам.

В 1965 г. было объявлено об учреждении Тибетского автономного района, создано правительство — Народный комитет Тибетского автономного района. Но уже в 1967 г. волны сотрясающей Китай «культурной революции» докатились до Лхасы. Народный комитет и созданные им местные органы власти были разгромлены. Их заменили ревкомы, в которых большинство членов были китайцы. К 1975 г. в Тибете было завершено повсеместно создание народных коммун.³ Трудности развития сельского хозяйства и скотоводства через какое-то время и в связи с политическими переменами в Китае побудили руководство Тибета начать проводить политику «исходить из действительности, познать особенности Тибета».⁴

В 1980 г. статьей в газете «Жэньминь жибао» от 15 июля были обнародованы новые установки на осуществление национальной политики в Китае. Прежний постулат о том, что классовая борьба путь решения национального вопроса был подвергнут критике. Статья призывала учитывать национальные различия и фактическое неравенство национальностей. То есть не стричь всех под одну гребенку. Национальные отношения впредь следовало рассматривать как «отношения трудящихся различных национальностей».⁵ В Тибетском автономном районе это прежде всего

¹ Богословский В. А. *Тибетский район КНР (1949-1976)* М., 1978, с. 82. Кузьмин С. Л. *Скрытый Тибет*, с. 235.

² Кузьмин С. Л. *Скрытый Тибет*, с.239.

³ Богословский В. А. *Тибет после Мао Цзэ-дуна*. М. !996, с. 11.

⁴ Там же, с. 20

⁵ Там же, с. 26.

отозвалось реабилитацией богатых крестьян, скотоводов и торговцев. С них списали прежние «грехи», а невинно пострадавшим даже стали выплачивать денежные компенсации.

В 1984 г. положение в сельском хозяйстве Тибета стало предметом специального обсуждения в Пекине на высоком уровне. Был предложен курс на «сочетание скотоводства и земледелия, причем за главное брать скотоводство». Животноводам возвращали пастбища, которые ранее были распашаны под земледелие. Был взят курс на индивидуальные хозяйства, на «самостоятельность в ведении хозяйства». Земля возвращалась дворам в пользование, они самостоятельно пользовались ею и сами распоряжались полученными продуктами производства. Все это осуществлялось «при твердом соблюдении общественной собственностью на землю, леса и пастбища».¹ Как известно и до настоящего времени в Китае нет частной собственности на землю.

В Тибетском автономном районе 95 % населения тибетцы, Население автономии на 2007 г. составляло 2 млн. 800 тыс. чел. На самом деле тибетцев минимум в два раза больше, если учесть тибетское население пр. Сычуань (бывшая пров. Сикан и область Тибета Кам), тибетцев Цинхая, Ганьсу и немалое число тибетских округов и уездов в разных смежных с Тибетским автономным районом регионах. В настоящее время в экономику Тибета делаются большие капиталовложения, происходит интенсивное строительство дорог, железнодорожное сообщение связало Лхасу с Пекином, проектируется постройка железной дороги в Индию — Лхаса — Ятунг — Калькутта. По данным Т. В. Лазаревой, «абсолютное большинство крестьян и скотоводов решило проблему пропитания и одежды, покупки предметов первой необходимости».² Доход на душу населения остается пока низким, на 2004 г. он составлял 223 доллара в год.³ В Тибете, как и по всему Китаю, поставлена задача «сяо кан» — достижения уровня средней зажиточности.

В начальных и неполных средних школах Тибета преподавание ведется на тибетском языке, тибетский язык обязателен и для обучения в тибетских вузах. Лхаский университет открыт для иностранных студентов, аспирантов и научных работников. В стране официально открыты и работают 1700 храмов и монастырей, имеется 45 тыс. монахов.⁴ Однако все исследователи признают, что Тибет находится на более низком уровне развития, чем остальные районы Китая. Т. В. Лазарева, на работу которой я ссылаюсь, считает, что виной всему среди прочего суровые природные условия страны и «сепаратистская деятельность далай-ламы». По ее мнению, мартовские волнения в Тибете в 2008 г. были «спровоцированы сторонниками далай-ламы».⁵

Итак, в центральной части Восточной Азии между сибирской таёжной зоной и юго-восточной и южной субтропической и тропической, между Тихим океаном и Тяньшанем сложилась дальневосточная цивилизация (Поднебесная), основой которой стала цивилизация китайская. Её окраины — Маньчжурия, Монголия, Западный край, Тибет были самостоятельными цивилизациями, не идентичными китайской, хотя и контактировали с таковой. Мы меньше знаем пока о древних, не китайских цивилизациях юга Китая, народов тайско-язычных, тибето-бирманских по языку

¹ Там же, с. 79.

² Лазарева Т. В. Тибет в годы реформ. // Китай: поиски гармонии, с. 257.

³ Там же.

⁴ Там же с. 261-263.

⁵ Там же, с. 264.

и др. — чжуаны, мяо, яо, этносов, пограничных между Китаем и Вьетнамом, но это тоже были цивилизации, отличные от древнекитайской, от цивилизации долины реки Хуанхэ.

Китайская цивилизация распространялась на восток и юг. Самый многочисленный народ мира сложился как за счет естественного роста, так и за счет ассимиляционных процессов, поглощения ханьским этносом военным и мирным путем соседних народов. Современные ханьцы (китайцы) обладают общей письменностью, общей многовековой культурой, прежде всего в сфере идеологии, которая нивелирует локальные культурные различия, но не подавляет их, общей государственностью и историческим прошлым, компактным проживанием на единой территории, сложившейся к настоящему времени общей экономикой. Но на сегодняшний день нет единого китайского языка. Язык ханьцев существует в диалектах (а, может быть, даже в разных языках там, где нет понимания представителем одного «диалекта» устной речи другого), и китайские власти прилагают большие усилия к формированию и широкому употреблению общепонятного китайского языка (путунхуа).

С глубокой древности ханьцы, как и другие народы мира, общались с теми народами, которые проживали близко, скажем так, почти в пределах их этноса, и по соседству. Еще раз следует напомнить, что это был процесс поглощения — аккультурации и ассимиляции не ханьских этносов. Это был один из естественных процессов мировой истории, и не надо специально искать в глубинах китайской истории каких-либо особых проявлений великоханьского шовинизма. Процесс слияния и взаимопоглощения народов естественный для истории человечества.

Многочисленность и определенное своеобразие ханьского этноса определили формирование ханьского эгоцентризма, представление о себе как о центре мироздания, центре Поднебесной и центре государственности (о Чжун го — Центральном, Среднем государстве), явление, также не исключительно китайское. Соседние народы, близкие цивилизационно, или цивилизационно далекие «тянутся» к центру в силу особых, дарованных верховным божеством Небом качеств правителя государства-центра. При этом Небо (Тянь, Тэнгри и т.п.) — верховное божество всех народов этого региона. Завоевание и подчинение — суть взаимоотношений с соседями, если сил достаточно их подчинить, они подчиняются и признают свое зависимое положение, которое реализуется представлением даней. Складывается представление о том, что Поднебесная — «одна семья», в которой домовладыка — правитель государства-центра, а остальные, что особенно было характерно для I тыс. н. э., наделяются теми или иными терминами родства в зависимости от «родственной близости» с правителем центра (сын, внук, племянник и т.п.). Внешние отношения с конца I тыс. до н. э. определяются договорами «о мире и родстве» (хэ цинь) или даже отношениями «ди го» — «равных по силе государств». В тех или иных формах все соседние народы втянуты во взаимоотношения с государством центра.

Но когда в государстве центра отсутствуют управленческие, военные и экономические связи, государство центра не столь уж редко распадается на части. Собственно чередование периодов распада и объединения Китая это одна из характерных черт его истории, даже на данный момент есть два Китая, никто пока не может отказать Тайваню в том, что это независимое самостоятельное государство.

На территории современного Китая со второй половины I тыс. до н. э. постоянно в процессе исторического развития происходят процессы образования государств

местных народов, а части территории исторически собственно Китая, особенно на севере страны, периодически входят в состав государств не ханьских народов. Дважды, монголы и маньчжуры, объединяют под своей властью весь Китай. В настоящий момент именно юаньское и цинское государства становятся ориентиром «полной» территории китайского государства, его единства.

Китайская историческая наука десятилетиями занята и себе (науке) и в сфере пропаганды объяснением этих процессов — и появляются теории о вечном братстве и сплоченности населяющих (или в прошлом даже соседних) с Китаем народов, о признании наличия своей государственности и независимости таких государств, о непризнании — полном или частичном, таких государств, истолкование их существования как отколовшейся части единого целого, «отколовшихся местных политических властей», истолкование всех таких перемен как ссорой между братьями одной семьи и т. п.

Все династии Китая осуществляли свою «национальную политику», особенно в регионах к югу от Янцзы, «цивилизуя» местные этносы путем расселения ханьцев, ассимиляции местных этносов, вытеснения их с удобных территорий расселения, аккультуации и т. д. И хочется еще раз подчеркнуть, что все это не специфика ханьского этноса, это общемировые процессы на общем пути к тому, что В. Маяковский образно назвал «единым человеческим общежитием». Не один современный большой народ не сложился только за счет своего естественного прироста.

Обращаясь к прошлому Китая, надо подчеркнуть, что традиционное китайское право никогда не содержало норм неравенства перед законом по этническому признаку. Кроме общепринятого деления с глубокой древности народов на «китайцев и чужеземцев», «китайцев и варваров» по римскому образцу, великоханьского признания превосходства своей цивилизации, негативных, с позиций этого превосходства оценок чужеземцев, даже уничижительных их характеристик, в сфере государственной, в праве мы не встречаем положений о национальном неравенстве. Этнические сословия существовали у чжурчжэней, монголов, известны формы принудительного проявления зависимости в прическе («туфа») у киданей и тангутов, обязательное ношение мужчинами косы у чжурчжэней и маньчжуров), в периодических запретах смешанных браков которые всегда отменялись или законом, или переставали действовать фактически. Но это были не китайские порядки. Китайцы на окраинах создавали формы местного самоуправления — цзими, тусы и т. п. То есть, может быть, не совсем корректно, это еще потребует уточнений, но при признании в сфере идеологии непреходящего превосходства своего этноса и своей культуры и четкого отмежевания от других этносов и чужих культур (Китай и варвары) в сфере права и государственной кадровой политики резкого размежевания по этническому признаку не было. Традиционно в Китае не было специализированного органа управления внешними сношениями (министерства иностранных дел), зачем он нужен, если Поднебесная одна семья. Относительно в позднее время появился Лифаньюань, орган управления входившими в состав Китая иноземцами, ему присваивались некоторые функции министерства иностранных дел.

Собственно национальный вопрос, вопрос о национальной политике в современном понимании возник в Китае в связи с антиманьчжурской борьбой за свержение династии Цин. Тезис реформаторов конца XIX — начала XX вв., тезис Лян Ци-чао об особых способностях ханьского этноса к увеличению своей численности и его

великом будущем в мире в данный момент трудно оспаривать. Полтора миллиарда китайцев, мощный рывок вперед китайской экономики, выход Китая на позиции одной из ведущих держав мира налицо.

Связь национальной политики Сунь Ят-сена, Гоминьдана и КПК с решением национального вопроса в пределах единого государства, сохранении территориальной целостности китайского государства в его возможно больших допустимых пределах — это геополитические интересы Китая, государственный прагматизм, в принципе свойственный любому современному государству (плюс «сферы интересов»), реализуемые наличием силы и договорами. Имеется несостыковка внешнеполитических доктрин старого Китая и современного международного права, в каждом конкретном случае разрешение таких противоречий в конечном счете определяется влиянием и реальной силой соседей и КНР.

Не Гоминьдан, не КПК не отрицали национального равенства и зафиксировали его во всех своих документах. Идею «го цзу» («государственной нации», «государства-нации»), «чжунхуа миньцзу», «китайской нации», именно не нации ханьской, а китайской, реальный процесс формирования понятия «чжунго жэнь», (китаец как человек срединного, китайского государства в отличие как от ханьжэнь, этнический китаец, так и от своей реальной этнической принадлежности) вряд ли справедливо критиковать, как это имело место лет 30 назад. Формирование в современном мире таких общностей тоже естественный процесс. Есть в США англо-саксы по происхождению, разные негроидные этносы, испанско говорящие этносы, индейцы, но есть понятие американский народ, американцы, или скажем канадцы, новые общности, которые невозможно отрицать. Такой же общностью был советский народ, и, несмотря на распад СССР, эта общность еще полностью не исчерпала себя. Сейчас мы порой слышим (автор этих слов лично слышал по телевидению), что понятие «русские» включает в себя не только этнических русских, оно этнически шире (я не говорю здесь об иностранном употреблении понятия «русские»), у нас внедряется понятие «россияне» как общее наименование всех граждан Российской Федерации без различения этнической принадлежности. Чем «чжунхуа миньцзу» или «чжунго жэнь» отличаются от этого? Ничем.

Отказ КПК, за исключением некоторых решений начала 30-х гг. в советских районах Китая, признать марксистский тезис о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, за что КПК критиковали как за отступление от ортодоксального марксизма вряд ли в данный момент можно считать ошибочным. Распад Советского Союза более чем наглядный пример возможной теоретической безупречности, но практической уязвимости этого положения марксистско-ленинского учения. Не стоит говорить о том, что сталинское определение нации в наши дни подвергнуто пересмотру и серьезной критике. Поставив во главу единство Китая, сохранение территориальной целостности Китайского государства, что закреплено в Конституции КНР и государственных и партийных документах, КПК и правительство КНР также демонстрируют разумный практический подход к решению национального вопроса в пределах единого Китая, и стоит ли их упрекать и критиковать за это?

КПК и КНР избрали в практике решения национального вопроса принцип автономии — районной, областной, уездной и волостной. Принцип, одобренный Коминтерном и лично И. В. Сталиным, который, разумеется, и не помешал о передаче КНР Внешней Монголии (МНР) и Тувы, но был за сохранение территориального единства Китая как неперемennого условия сохранения выгодного для СССР баланса сил в Азии. Поделив Корею, Сталин не пошел на раздел Китая по р. Янцзы, хотя

просачиваются сведения, что такое предложение было со стороны США. Правда, при всей своей гениальности он не предвидел будущих территориальных притязаний Мао Цзэ-дуна к СССР.

Было бы несправедливо отрицать, что в КНР много сделано для развития принципа автономии (я согласен с теми, кто рассматривает автономию тоже как часть общего принципа национального самоопределения), развития и создания национальных письменностей, утверждения роли национальных языков и культуры (обрядов, обычаев), повышения уровня образования у представителей национальных меньшинств, создание сети национальных школ и высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов изучения национальных проблем. При отсутствии у самих китайцев жесткой религиозной доминанты в Конституции КНР и документах КНР не выделяется особо роль религий, но в Китае уважается буддизм, одна из его форм — ламаизм, уважаются ислам и христианство. На данный момент не известно о каких-либо преследованиях на основе вероисповедания. Много сделано и делается для подготовки национальных кадров. А, как известно, это противоречивый процесс, ибо повышение уровня образованности, национального самосознания, часто приводит к появлению среди элиты национальных меньшинств национализма. Красноречив в этом смысле пример СССР, в котором воспитанная в советских вузах национальная партийная элита способствовала или не противостояла его развалу. Как этого избежать, рецептов нет.

Что можно сказать о роли отдельных национальностей и районных автономий, автономий более низкого уровня? Освободительное движение в Китае в конце XIX-начале XX вв. было во многом направлено против маньчжуров. Несмотря на то, что маньчжуры были даже (или еще даже) одной из звезд на государственном флаге КНР, несмотря на то, что встречаются утверждения, что их численность может достигать около 10 млн. чел., это исчезающий этнос, исчезающий в практике смешанных браков, в которых потомки считают себя китайцами, и прямой утраты языка.

Автору этих строк приходилось встречать чистых по крови маньчжуров, но они уже утратили свой язык и были китаезычны. Можно предполагать, что в некоем будущем маньчжурский этнос будет ассимилирован и станет частью ханьского этноса. Даже если в трудно прогнозируемой ситуации возникнет идея создания нового маньчжурского государства по образцу Маньчжоу го, кстати, в свое время признанного СССР, о чем у нас практически не упоминают.

Монголы. Речь идет об Автономном районе Внутренняя Монголия и о монголах в других районах КНР. Во Внутренней Монголии, несмотря на автономию, монголы проживают в абсолютном меньшинстве, хотя часть из них, кочевники-скотоводы, не смешиваются с ханьцами. Здесь поощрялись и поощряются смешанные браки, и потомство от таких браков чаще всего становится ханьцами. Все сколько-нибудь образованные монголы Внутренней Монголии двуязычны, даже в отдаленных знаменах (знамя Эдзина, где бывал автор этих строк), монголов меньше, чем китайцев и монгольская речь звучит значительно реже, чем китайская. Может быть, это не характерный показатель, но неплохой многосерийный фильм о Чингис-хане был создан во Внутренней Монголии на китайском языке, а роль Чингис-хана играет китаец.

Но монголы Внутренней Монголии часть большой и великой истории монголов. Это не может не отражаться на самосознании монголов. Не будучи цивилизационно китайцами, хотя и тесно связанные с ними историями династий Юань и Цин, монголы, хотя бы большая их часть, не могут не задумываться о судьбе своего этноса. Ас-

симиляция как путь исчезновения монгольского этноса вряд ли устраивает всех монголов. Для них могут быть приемлемыми два пути — сопротивление ассимиляции или воссоединение с монголами Внешней Монголии, с МНР. Мы знаем, что такие идеи были, никто не гарантирует их полное отсутствие сейчас, но пока КНР — сильное государство и его успевающая экономика привлекательнее для простых монголов, сепаратистские тенденции вряд ли найдут поддержку. Но никто не знает, как обстоятельства могут измениться. Идея объединения Внутренней Монголии с МНР, создания в глубине Центральной Азии единого Монгольского государства может потенциально, в определенных условиях и реализоваться. Она имеет историческую подоплеку от Чингис-хана и династии Юань, еще древнее от государства сюнну (гуннов). Прошлое величие предполагает добиться величия и в современности.

Группы монголов в Цинхае, Синьцзяне и других местах могут сохраняться пока ведут традиционное хозяйство и сберегают свой язык и обычаи.

Китайцев-мусульман Нинся-мусульманского автономного района и пров. Ганьсу трудно все-таки считать самостоятельным этносом. Наверное, можно согласиться с приведенным ранее мнением Чжоу Энь-лая, что их ждет ассимиляция, особенно это касается той молодежи и людей среднего поколения, которые утратили или утрачивают веру, свою религиозную идентичность.

Однако китайцы-мусульмане, ислам в Китае вообще в обозримом будущем как имеют, так и будут иметь поддержку извне, от арабских государств, Турции, Пакистана, Афганистана. Ислам будет еще сохраняться в быту (одежда, пища, браки, внутрисемейные отношения). Политическое влияние китайцев-мусульман внутри страны за пределами региона их расселения вряд ли будет велико, хотя группы китайцев-мусульман есть в ряде других районов Китая.

Синьцзян-уйгурский автономный район. Если серьезно не принимать во внимание север района, где казахи могут тяготеть к Казахстану, или горные районы на востоке в окрестностях Яркенда-Кашгара, где проживают киргизы и они могут иметь тяготение к Кыргызстану, другие не столь значительные по численности народы Синьцзяна, то в южной части автономии, в сельской местности уйгуры составляют большинство населения и имеют свою религию — ислам. Не стоит забывать, что перед глазами уйгуров пример бывших советских республик Средней Азии, ставших независимыми государствами, родственными уйгурам как государства, исповедующие ислам. В Синьцзяне и Внутренней Монголии много китайцев. А пример ряда республик Средней Азии — Узбекистана, Туркменистана, пример Грузии свидетельствуют о том, что, как и в этих государствах, большинство русских, евреев, украинцев и т. д. вынуждены были покинуть страну, так же можно поступить и с китайцами. Недавние волнения и беспорядки в Урумчи показали, что в Синьцзяне есть антикитайские настроения, и ранее время от времени просачивались в печать сведения об уйгурских инсургентах, а тайная поддержка воинствующих исламистов уйгурам обеспечена.

Безусловно, основным беспокойным районом для Китая может стать Тибет. Здесь китайцы в явном меньшинстве. Заселить Тибет дополнительно китайцами, учитывая его природные условия, крайне трудно. У Тибета есть правительство за рубежом. Непросто с религиозными лидерами страны. Налицо два панчен-ламы, один в Китае, другой за рубежом. Можно думать, что смерть далай-ламы тоже завершится обнаружением двух перерожденцев — одного в Китае, одного за его пределами. Разного рода и уровня сепаратистские тенденции в Тибете поддерживаются за пределами

Китай как на общественном, так иногда и на государственном уровне. Многие общественные и государственные деятели не отказывают в приеме далай-ламе. С точки зрения автора этих строк, позиция России в данном вопросе не безупречна. Больше всего последователей далай-ламы как главы буддизма школы гелугпа живет в России. Это буряты, тувинцы, калмыки. Можно не признавать правительства далай-ламы, но не пускать его в угоду китайцам к его верующим нецелесообразно. Китайцы много делают, чтобы Тибет стал современной страной. Это заслуживает только одобрения. Но поддерживается не всеми — и в Тибете, и за рубежом. Явная и скрытая оппозиция в Тибете не однородна. Традиционалисты хотели бы возродить строго независимый Тибет с правительством далай-ламы. Кто-то хотел бы, чтобы из Тибета попросту ушли китайцы, а тибетцы сами разберутся в своих делах. Приходилось слышать, что среди тибетской молодежи есть ревнители следования Тибета по пути современного прогресса, воссоздания современного независимого Тибета, но без далай-ламы.

Мне трудно судить о самом многочисленном национальном меньшинстве Китая — чжуангах., о таких народах, как мяо и яо и др. Можно предположить, что они хотели бы расширять свои автономные права, но вряд ли они мыслят свою жизнь вне Китая.

Особо можно рассматривать корейское меньшинство в Яньбань корейской автономной области. И северные и южные корейцы, несмотря на то, что значительная часть населения корейской автономии поселилась в Китае в XIX в., рассматривают прилегающую к Корее часть территории Маньчжурии как в прошлом корейские территории государств Пуё, Пахре и имеют на них виды. Если Корея объединиться, а это рано или поздно произойдет, то такие претензии усилятся, и этот район может отойти к единой Корее.

Успехи национальной политики КНР прямо будут зависеть от успехов развития экономики и поднятия жизненного уровня национальных окраин и нацменьшинств внутри страны. Как в России на Северном Кавказе, решение многих проблем наши власти связывают с развитием экономики региона, повышением жизненного уровня народа, справедливо полагая, что сытый и устроенный человек не уйдет в лес бороться за свое национальное, понимаемое им по своему освобождение. Китай процветает экономически. Энтузиазм китайского народа, направленный с на подъем экономики и влияние в мире своего Отечества дает (или даст) возможность значительного изменения к лучшему и жизни национальных меньшинств, а это, в определенной мере, будет гарантией их лояльности к китайскому государству, отношения к китайскому государству, как к своему.

Но позвольте поставить провокационный вопрос. Может ли распасться (в очередной раз) единый Китай? Смогут ли стать независимыми государствами Тибет и Уйгуристан? Сможет ли появиться на карте Азии единое Монгольское государство? Теоретически, даже не умоглядно, да. Почему? В силе современного Китая есть и его слабость. КНР государство, которым руководит КПК, партия, которая выступает за свой особый китайский социализм. Но социализм не столь популярен в современном мире. Сильная компартия остается гарантом успехов Китая. Мне лично в трудные для России 90-е гг. прошлого столетия случалось напоминать китайцам их лозунг: « Мэй ю гунчандан, мэй ю Чжунго » — «Нет Компартии, нет Китая». Но времена меняются. Если вы сами идете по рыночному (капиталистическому) пути, в чем когда-то обвиняли других, то частная собственность, хоть и ограниченная в определенных сферах, будет стремиться к расширению своей сферы.

И национальная буржуазия, какой бы «своей» она не была, станет делать свое дело. Всех миллионеров и миллиардеров не перестреляешь. Будет использоваться любой неверный шаг в экономике и политике.

Нам, в нашей стране внушают, что СССР распался оттого, что его экономика зашла в тупик. Это неверно, или не совсем верно. На развалинах СССР еще не выросла экономика, равная советской. КПСС, как и КПК в чреве своем носила грехи массовых репрессий. Сталинские репрессии помнили и сами репрессированные, те, кто выжили, и их дети и внуки. И их ужасы вбивают усиленно в головы правнуков. Эти люди и те, кто их использовали, раскачали лодку. Национальные республики, теоретически наделенные правом самоопределения вплоть до отделения, вспомнили все перегибы и несправедливости национальной политики. Армения сцепилась с Азербайджаном за Карабах, Прибалтика, которая до Октябрьской революции вообще не имела своей государственности, вдруг заговорила о советской оккупации и подавлении их государственности русскими. Грузия, которая добровольно в свое время вошла в состав России, спасаясь от турок и персов, заговорила о вековом русском угнетении, западная Украина, которая была то австро-венгерской, то польской, вдруг обрушилась на «москалей» и т. д. и т. п. Обученные в Высших партийных школах и Академии Общественных наук национальные партийные кадры или отошли в сторону, или даже возглавили сепаратизм. Армия не поддержала не М. С. Горбачева, не ГКЧП и не воспрепятствовала распаду СССР.

Чем лучше Китай? За КПК земельная реформа с ее крайностями, «большой скачек», «народные коммуны», «культурная революция и «банда четырех». О жертвах не стоит и говорить. Их величины не сопоставимы с советскими. Правда, критика Мао была приостановлена решением, что на 70% он был хорош, и только на 30% плох. На последних плакатах по образцу «Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин» (я лично это видел) «Мао Цзэ-дун, Дэн Сяо-пин, Цзян Цзэ-мин и Ху Цзинь-тао». Но прошедшие через горнило прежних чисток и «культурной революции» помнят о своих бедах, помнят об этом и их потомки, я тоже сошлюсь на свой опыт бесед с теми, кто пострадал и их детьми. Был июнь 1989 г. Трудно поверить в то, что в оппозиции только буддисты «Фа лунь». Оппозиция КПК и ее власти, несмотря на ее силу и успехи, безусловно, имеется. И в ней есть национальная струя. Элементы буржуазной экономики, национальное и религиозное недовольство, память о массовых репрессиях в какой-то момент могут сказаться. И этим воспользуются националистические силы на национальных окраинах, да и недруги Китая за рубежом. И кто знает, может быть, нельзя будет положиться и на армию. Были ведь 20-е годы прошлого века и правления милитаристов.

Поэтому, чтобы Китай в очередной раз не распался, национальная политика КНР должна быть очень продуманной и осторожной. Национализм активизировался со второй половины XX века во всем мире. Национально-освободительные движения, трибализм, религиозные войны, появление новых государств на развалинах старых и т. д. и т. п. Мир не решил национального вопроса. Марксистское национальное строительство — СССР, Югославия, Чехословакия, оказалось не эффективным. Не мне советовать, но правительство КНР и КПК должны уметь извлечь уроки.

Ю.С. Мыльникова

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В КИТАЕ: В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В КИТАЕ (ДО ОБРАЗОВАНИЯ КНР)

В современном мире, несмотря на существенный прогресс, отмеченный в области охраны прав человека, женский вопрос по-прежнему остается актуальным. Это утверждение относится, в первую очередь, к странам азиатского и африканского континентов, где многовековая традиция ставила женщин на низшую ступень социальной лестницы. В настоящее время мировая общественность принимает активные попытки, чтобы искоренить эти пережитки прошлого.

В реализации этой крупномасштабной работы роль Китая достаточно велика. Китай успешно проводит модернизацию в рамках курса построения социализма с китайской спецификой, формируя общество малого благоденствия сяо кан 小康. Благодаря проведению политики реформ и открытости гайгэ кайфан 改革开放 сегодняшний Китай быстро достиг поразительных успехов в своем развитии. Совсем иным стало и положение женщины в китайском обществе.

С древности до начала XX столетия положение женщины, с одной стороны, определялось системой семейно-брачных отношений, которая основывалась на авторитарной власти главы семьи и доминировании представителей старшего поколения, с другой стороны — морально-этическими нормами и законодательством.

Вспомогая три хрестоматийные заповеди сань цун 三从, определявшие положение женщины в семье и ее судьбу, а именно — послушание отцу в детстве, мужу — в замужестве, сыну — в старости, неравенство мужчины и женщины кажется очевидным и объясняется традиционным взглядом на семью. Однако в действительности всё было несколько сложнее.

Положение женщины в обществе императорского Китая и ее правовой статус невозможно описать исходя из такого, казалось бы, универсального, но крайне стереотипного понятия нань цзунь нуй бэй 男尊女卑 — «муж выше, жена ниже». Понятие нань цзунь нуй бэй, действительно, являлось нормой традиционной китайской культуры. Но для того, чтобы составить представление о специфике отношения к женщине в Поднебесной на протяжении предшествующих веков и даже тысячелетий необходимо проникнуться культурной логикой конфуцианства и его стержневым понятием сяо (сыновняя почтительность 孝), параллельно с этим следует учитывать концепцию чжан ю ю сюй 长幼有序 — соблюдение должного порядка в отношениях между старшими и младшими, а также проанализировать соответствующие главы законодательных сборников. Принцип сыновней почтительности и стремление солидарности надлежашую внутрисемейную иерархию, занимая совершенно особое место в структуре правовых кодексов, существенно разбавляют, а порой просто вытесняют культурно-гендерный стереотип «превосходство мужчины над женщиной». Положение женщины в истории Китая невозможно описать лишь категориями подчиненности и неравноправности.

Изучение правового статуса женщины, ее места в семейной и социальной иерархии необходимо для более полного понимания многих проблем любой национальной

культуры. Однако в силу определенных причин вопрос о положении женщины в истории Китая, долгое время оставался на периферии исторической науки. Во-первых, существенным препятствием в изучении данной темы являются трудности адекватного понимания реалий того времени по имеющимся источникам. Во-вторых, серьезной помехой было и остается господство стереотипных подходов в оценке положения и роли женщины в китайском обществе. Суммируя их, можно сказать, что «в течение нескольких тысячелетий женщина в Китае была объектом грубейшей эксплуатации мужчин-угнетателей и ее жизнь была цепью нескончаемых страданий. Заклейменная традиционными ценностями как слабая, робкая, алчущая секса, социально и политически некомпетентная, развращенная и низменная, женщина с покорным смирением «ковылляла» сквозь существование»¹. Подобное положение вещей, по мнению авторов, существовало на протяжении всей истории Китая, беря начало в глубокой древности. Вину за подобную несправедливость было принято возлагать на официальное конфуцианство и исконный уклад китайской жизни. Данное представление прослеживается в работах китайских, отечественных и некоторых западных синологов.

Исследователи Ричард Гиссо и Стэнли Йоханнесен во введении к вышедшей под их редакцией книге «Женщины в Китае: современные направления в исторической науке» выразили обеспокоенность, что исследования, посвященные положению женщин в Китае, обычно «разделяют стереотипный взгляд на китайскую женщину — угнетенную, но стоическую, лишенную юридических прав, стеноженную повязками на ногах, душой и телом служащую мужу и семье»². Историк Гао Ши-юй также выступила с критикой подобного подхода в статье «Три соображения об изучении женской истории», ставя под вопрос профессионализм историков, ведь в соответствующих исследованиях не придавалось ни малейшего значения тому, какой же была реакция женщин на проявления всей этой дискриминации³.

В-третьих, вследствие распространенности искаженных взглядов на социальное поведение и общественную значимость женщины исследователи недооценивали (а некоторые продолжают недооценивать) значимость таких ролей женщины в культурной традиции Китая, как жена, хозяйка и мать.

Современные китайские и западные исследователи на основе широкого круга источников и материалов представляют более взвешенные, лишенные прежних стереотипов оценки. Историки признают, что в императорском Китае на каждом этапе своего жизненного пути общественное положение и правовой статус женщины не были одинаковыми.

Правовое положение незамужних дочерей. Положение детей в семье определялось не столько половой принадлежностью, сколько очередностью рождения. Конкретные установления старого традиционного китайского права свидетельствует о том, что с правовой точки зрения положение старшего брата и старшей сестры было равным, при этом правовой статус старших братьев и сестер был выше, чем младших. При определении меры наказания законодательство исходило из того,

¹ *Эймс Роджер Т., Холл Дэвид Л. Китайский сексизм: пропедевтика // Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993. С. 79 — 80.*

² *Women in China: current directions in historical scholarship (eds. Guisso, Richard; Johannesen, Stanley). Youngstown, NY: Philo Press, 1981. P. VII.*

³ *高世瑜. 妇女史研究三议 // «妇女研究论丛». Гао Ши-юй. Фуньюй ши яньцзю сань ти. (Три соображения об изучении женской истории) // «Фуньюй яньцзю луньцун» (Сборник статей по изучению женщин). 1997 — №3, С. 14 — 17.*

какое место женщина занимала в общесемейной возрастной иерархии. Правовое положение дочерей определялось вовсе не традиционной гендерной концепцией «мужчина более почтенен, женщина менее почтенна», а зависело от старшинства, т.е. от очередности рождения.

Кроме этого, на законодательном уровне было отражено разделение на детей, рожденных от законной жены и детей, рожденных от наложниц, существенное поражение в правах имели внебрачные дети. Обязанность по воспитанию ребенка, рожденного от внебрачной связи, как правило, возлагалась на отца¹. В отношении детей лично-зависимых женщин действовало общее для рабовладения правило «приплод следует за матерью».

Правовое положение жен. Положение женщины менялось после замужества и перехода в семью мужа. Заключение брака в императорском Китае было частным делом двух семей, не предполагавшим участие религиозного института, а государство вмешивалось только в случае правонарушений. Брак был моногамным, патрилокальным, должен был заключаться между людьми равного социального положения. У женщин, как и у мужчин, отсутствовало право самостоятельно выбирать спутника жизни. Для заключения брака было необходимо согласие родителей и непременное участие сватов. Однако в кодексах существовал один нюанс: если младший родственник, находясь вне дома по общественным или личным делам, женился самостоятельно, то брак признавался законным. В этом установлении усматривается завуалированная свобода в выборе спутника жизни. Учитывая бытовавшую государственную практику отправлять чиновников на службу в другие районы страны, такую ситуацию нетрудно представить.

Правовое положение матерей. Положение замужней женщины определялось тем, были у нее дети или нет, а рождение сына существенно укрепляло ее положение в семье. Когда женщина становилась матерью, ее правовой статус существенно менялся. Особое отношение к матери отражено в конфуцианской системе принципов поведения и этических качеств «три устоя и пять постоянств» (*сань ган у чан* 三纲五常), где упоминается именно мать, которая должна руководствоваться милосердием. Во время правления династии Тан (618 — 907) статус матери внутри семьи и ее общественное положение возрастает. Это было обусловлено указом танской императрицы У Цзэ-тянь об удлинении срока соблюдения траура по матери до трех лет при здравствующем отце, а также ослаблением роли конфуцианского принципа «после смерти мужа слушаться сына» (фу сы цун цзы 夫死从子). С конца VII — начала VIII в. и позднее в эпоху Сун (960 — 1279) в сферу обязанностей матери входит непосредственное участие в подготовке сыновей к государственным экзаменам. В этом отразилось влияние изменившейся политической культуры государства на положение и обязанности матерей. Это очень существенно: ведь чтобы контролировать подготовку сыновей, матери самой нужно было знать, о чем идет речь. Иначе говоря, мать должна была быть грамотной и, так или иначе, разбираться в содержании конфуцианских канонов. А раз активное участие в подготовке сыновей было генеральной установкой, можно предположить, что процент образованных женщин-матерей вырос при Тан и во время правления последующих династий. Кроме этого, в истории средневекового Китая почитание матерей усиливается под влиянием некоторых буддийских представлений.

¹ Хотя во время правления династии Южная Сун (1127 — 1279) женщина могла оставить ребенка себе, если желала воспитывать его самостоятельно.

Правовое положение мачех. Мачехи относились к категории цзиши 继室 — женщины, на которых женились после смерти законной супруги либо после развода с ней. С правовой точки зрения положение мачехи при Тан было выше, чем прежде или впоследствии, т.к. выйдя замуж за разведенного мужчину или вдовца, цзиши обрела статус законной жены. В предыдущие эпохи она могла стать лишь наложницей. Кодекс династии Тан устанавливал, что сын главной жены (дицзы 嫡子) должен носить траур по членам рода мачехи, в случае если отец развелся с его родной матерью. Тем самым положение мачехи уравнивалось со статусом родной матери. Если родная мать скончалась, то сыну следовало носить траур по членам рода родной матери. В сунское время подобное высокое положение цзиши по сравнению с наложницами, общественный и семейный статус которых всегда был маргинальным, пошатнулось, поскольку в быту нередко случалось так, что наложниц возвышали до статуса цзиши. При династиях Мин (1368 — 1644) и Цин (1644 — 1911) это явление стало повсеместным.

Правовое положение наложниц. Сама модель семейно-брачных отношений в императорском Китае обусловила неравное положение мужчины и женщины, что нашло закрепление в законодательстве. Закон признавал моногамию, но фактически, только для женщин, т.к. мужчина мог брать в жены неограниченное законом число наложниц и беспрепятственно вступать в интимную связь с певичками, проститутками или служанками-рабынями.

В традиционном китайском праве был определен правовой статус и положение в семье каждой из женщин, которая вступала в связь с хозяином. Положение законной супруги дици 嫡妻 самое высокое. Положение наложницы существенно ниже положения жены, положение наложницы категории це 妾 ниже, чем наложницы категории инлэ¹, положение лично-зависимой кэной 客女 ниже, чем наложниц, положение рабынь самое низкое. Внутрисемейная иерархия среди этих женщин четко отражена в мерах наказания за совершенные в отношении них преступления. Для замужних женщин была предусмотрена более суровая мера наказания за прелюбодеяние.

На наложницах женились цюй 娶 или покупали май 买, в любом случае брак заключался официально: закон предписывал оформление брачного контракта. Наложницы обладали определенным правовым статусом, отличавшимся как от статуса жены, так и от положения служанок-рабынь. Наложницей могла стать только лично-свободная женщина. Большинство наложниц происходило из обедневших семей простолыдинов, которые продавали своих дочерей в наложницы.

Вследствие распространенности браков с наложницами, в китайском обществе были выработаны четкие правовые и общественные нормы и предписания относительно статуса жен, наложниц и их взаимоотношений. Это было сделано, чтобы избежать потенциальных конфликтов, и позволить установившейся семейной практике существовать без перебоев, не подрывая общественный порядок.

Система конкубината породила в Китае отдельную категорию жен, так называемые ду фу 妒妇 — ревнивые жены. Многие китайские исследователи сходятся во мнении, что ревность была одной из форм пассивного сопротивления многоженству.

Право женщины на развод и повторное замужество. Согласно нормам традиционного китайского права женщины наравне с мужчинами обладали и пользовались правом на развод и правом на заключение повторного брака. Образ целомудренной

¹ Старое китайское право подразделяло наложниц на две группы: ин и це, связанных не с их происхождением, а исключительно с социальным положением мужа.

вдовы, наложивший моральные ограничения на повторные браки среди женщин, получает поддержку общества лишь во время правления династий Мин и Цин.

Развестись было возможно в нескольких случаях. 1) Наиболее распространенной формой расторжения брака был развод по обоюдному желанию хэ ли 和离. 2) Муж также мог развестись с женой при наличии одного из семи оснований для развода ци чу 七出: отсутствие детей (по достижении 50 лет), неспособность жены служить свекру и свекрови, распутство, ревность жены, тяжелая болезнь жены, болтливость, кража, совершенная женой.

Законодательным ограничителем семи оснований было положение о трех обстоятельствах, когда с женой разводиться нельзя (сань бу цюй 三不去). Ими были: а) если жена некогда носила траур по свекру или свекрови; б) если во время женитьбы семья мужа была бедной, а в результате этого брака разбогатела; в) если жене некуда уйти из семьи мужа. 3) Китайскими создателями законов была предусмотрена также и форма принудительного развода в связи с нарушением супружеского долга (и цзюэ 义绝), т.е. совершением тяжкого внутрисемейного преступления. Старое китайское право старалось максимально сохранить нерасторжимость брака.

У овдовевшей женщины был законный выбор: остаться вдовой до конца своих дней (шоу цзе 守节), храня верность усопшему мужу, либо выйти замуж повторно (гай цзя 改嫁). Согласно старому китайскому праву запрещалось замужество во время траура по бывшему мужу, принудительное повторное замужество¹, повторное замужество в результате самовольного ухода от мужа и женитьба на замужней женщине. Во всех остальных случаях женщина могла беспрепятственно вступить в новый брачный союз.

Имущественные права женщин. За долгую историю императорского Китая права мужчин в наследовании имущества изменялись мало, однако, когда субъектом права выступают женщины, исследователю открывается совершенно иная, динамичная, перспектива в области имущественных прав. Сравнить имущественными правами женщин и мужчин представляется неуместным, поскольку права наследования женщин обладают двумя принципиально важными характеристиками: женщины могли претендовать на долю при разделе имущества семьи мужа, тем самым их права в отличие от мужчин не ограничивались лишь собственностью родительского дома.

Незамужние дочери обладали правом наследования имущества в родительском доме. Если на момент раздела семейной собственности в семье оставались незамужние дочери, то по закону старшие родственники, родители или в случае их смерти старшие братья, должны были выделить для них отдельную долю из семейного имущества. Как правило, эта доля являлась приданым и равнялась ½ от доли на свадебные подарки для неженатого сына. Отдельные случаи правоприменения при Южной Сун свидетельствуют от том, дочери могли получать ½ от общей доли наследуемого имущества сыном. К сожалению, конкретная правовая практика той эпохи мало известна и делать обобщения на основании редких примеров представляется рискованным. При полном отсутствии наследников по мужской линии наследницей становилась незамужняя дочь умершего.

Вплоть до правления династии Юань (1271 — 1368) если женщина разводилась с мужем, то закон разрешал ей забрать приданое в новую семью. Возвратившиеся после неудачного брака или из-за смерти мужа дочери, у которых не было братьев,

¹ Имеется в виду, что женщину, давшую обет хранить верность усопшему мужу, насильно выдал замуж кто-то из родственников.

по-прежнему обладали правом наследования установленной законом доли имущества при разделе семейной собственности. Если сыновей не было, то вдова наследовала и могла распоряжаться имуществом умершего супруга в том случае, если она не выходила замуж повторно.

Правовое положение буддийских и даосских монахинь. В традиционном китайском обществе некоторые женщины невольно или осознанно оказывались за рамками предписанных им конфуцианским домостроем ролей дочери, жены и матери. Такими женщинами являлись буддийские и даосские монахини, певички.

Любая женщина независимо от происхождения, статуса или возраста имела свободу вероисповедания. Правовое положение буддийских монахинь было равным с даосскими. Для ухода в монастырь требовалось согласие родителей или старших родственников. Возраст, когда женщина принимала постриг, был обусловлен причинами, побудившими ее уйти в монастырь. Очень распространенным явлением было принятие буддийского монашества в юном возрасте. Девочек отдавали в монастырь из-за болезни, по воле родителей или старших родственников. Даосское монашество преимущественно было осознанным выбором взрослой женщины.

Правовое положение певичек. В обществе императорского Китая существовала особая категория женщин — чанци 娼妓, которые были поэтессами, танцовщицами и певицами в одном лице. В отечественном китаеведении они традиционного именуется «певчихами». По своему правовому и социальному статусу певички делились на казенных (дворцовые певички, певички для высших чинов местной администрации, певички для чиновников) и частных (проститутки и домашние певички). Правовой статус казенных певичек можно сравнить со статусом зависимых музыкантов, которые несли повинности при дворе, в округах и уездах. Их социальное положение было несколько выше, чем у остальных категорий зависимых людей. Состоятельные семьи могли содержать домашних певичек цзяцзи 家妓, это было престижно и подчеркивало статус хозяина. По своему правовому статусу цзяцзи были фактически рабынями.

При попытках оценить положение и значение женщины в обществе императорского Китая стоит обратить внимание на то, что и мужчину также вряд ли можно рассматривать как человека свободного и независимого. Женщина была в большей степени включена в семейную иерархию, мужчина — и в социальную, и в семейную. На мужчину, даже в большей степени, чем на женщину, накладывалось огромное количество моральных обязательств, главными из которых было следование принципу сыновней почтительности, обеспечение мужского потомства, чтобы было возможно без перебоев отправлять культ предков. Мужчину и женщину можно рассматривать как партнеров внутри семьи, но не в современном понимании равенства, а отталкиваясь от принципа взаимодополняемости. В Китае ролевые функции членов семьи (мужа, жены, сыновей, дочерей, наложниц, прислуги) определялись очень четко в рамках домохозяйства, а, в конечном счете, и в обществе в целом. Положение мужчин и женщин, возможности социального возвышения и профессионального становления зависели от социального, правового, имущественного статуса семьи.

Первые изменения в положение китайских женщин наметились во второй половине XIX в., когда Китай оказался в совершенно новом для него геополитическом и экономическом положении, а старая система ценностей и традиционная модель управления империей начинала давать сбой и оказалась несостоятельной. Это время

стало началом процесса перехода от империи к республике, от традиционного общества к современному, от полунатурального хозяйства к новым формам экономики. На этом фоне два фактора оказывали влияние на положение китайянок. С одной стороны, конфуцианский домострой по-прежнему регламентировал жизнь китайского общества. С другой стороны, изменения общественной, политической и экономической ситуации, во многом вызванные экспансией иностранных держав, не могли не отразиться на положении женщин. Перемены в жизни страны были столь существенны, что они затронули самые глубинные устои и традиции, стимулировали и трансформацию взгляда на роль и положение женщин в обществе, а также начали изменять и самосознание китайянок.

Реформы конца XIX — начала XX в., Синьхайская революция, движение 4 мая стали важными историческими вехами на пути гендерного равноправия в Китае, зародили феминистское движение, впервые в истории Китая были озвучены вопросы обретения женщинами равного с мужчинами правового и социального статуса, а также возможности участия женщин в политической жизни страны. В стране развернулась активная борьба с обычаем бинтования ног, общественность начала открыто выступать против традиции заключения насильственных браков и института наложниц, государство присоединилось к борьбе прогрессивных кругов с проституцией. Самым главным достижением начала XX в. становится появление женского образования в Китае. После Синьхайской революции многие женские вопросы получили хотя бы частичное разрешение, остальные же проблемы нашли более широкую общественную поддержку, что отразилось во время движения 4 мая, в результате которого китайянки получили право на полноценное образование, и был расширен спектр их политических прав и свобод.

Совершенно очевидно, что провозглашенные Коммунистической партией Китая принципы равноправия полов привлекли в ее ряды множество женщин. В марте 1949 г. при непосредственной поддержке КПК была создана Всекитайская демократическая федерация женщин (переименованная в 1978 г. в современное название Всекитайская федерация женщин). С образованием КНР коммунистическое правительство провозгласило отказ от феодального патриархата и приверженность равенству прав мужчин и женщин в политической, экономической, культурной и образовательной сферах. Закон КНР о браке, обнародованный 1 мая 1950 г., стал первым законодательным актом, закрепившим новые права женщин.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ ГАРАНТИЙ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ЖЕНЩИН

Согласно Конституции КНР 1982 г., женщины обладают равными с мужчинами политическими, экономическими, социальными и семейными правами. Китайское современное законодательство гарантирует равноправие женщин, равенство социального статуса, личные права и свободы граждан. Китай признает на своей территории действие Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Конвенции ООН «О правах ребенка» от 20 ноября 1989 г., Пекинской декларации и Платформы действий IV Всемирной конференции по положению женщин 1995 г. В 1980 г. Китай ратифицировал Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Государство проводит законодательные, административные, образовательные меры по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и защиты их особых прав и интересов. Несмотря на веками существовавшие в Китае мощные гендерные стереотипы, за последние десятилетия произошли значительные перемены в общественном сознании в отношении роли и положения женщины, их участие в политической жизни страны, производственной, образовательной, научной и культурной сферах неуклонно расширяется.

В настоящее время в Китае уже сформировалась полноценная правовая система гарантий прав и интересов женщин на основе Конституции и Закона КНР о гарантиях прав и интересов женщин как специального правового акта. Эта система включает также более 10 основных законодательных актов, 40 государственных административных законоположений и 80 с лишним законов и правил местного значения¹. Законотворческий процесс в этом направлении продолжается. Начиная с 1992 г. принят ряд законов и программных документов, направленных на защиту прав женщин, включая Закон о труде, Закон о здоровье матери и ребенка, Закон КНР о защите несовершеннолетних, а также Программа развития китайских женщин (1995 — 2000 гг. и 2001 — 2010 гг.). Закон о защите прав и интересов женщин и Программа развития по праву являются беспрецедентными законодательными актами в истории Китая и призваны оказать долгосрочное воздействие на жизнь китайских женщин.

Закон КНР о гарантиях прав и интересов женщин (1992 г.) представляет собой первый основной закон Китая, субъектом которого являются женщины, и основным содержанием которого является всесторонняя охрана законных прав и интересов женщин.

В данном законе прописаны конкретные права и интересы женщин, при этом ответственность государственных органов в деле защиты прав и интересов женщин усилена. Закреплен особый статус и роль женских общественных организаций на судебных разбирательствах по делам о расторжении брака, имущественным спорам, насилию и жестокому обращению в семье. Более половины из 54 статей Закона о гарантиях прав и интересов женщин детально определяют последствия нарушения прав и интересов женщин и назначают меры ответственности за подобные правонарушения.

Закон о защите прав и интересов женщин регулирует все аспекты прав женщин в их социальной и производственной жизни. В законе подробно затрагиваются политические, культурные, образовательные, трудовые и экономические права женщин, а также личные и семейные права. В законе также обозначены соответствующие области ответственности государства. Защита прав женщин позиционируется как многосторонняя задача и рассматривается в законе как сфера ответственности всего общества, а не только государства. Согласно закону все уровни государственного управления должны принимать участие в реализации гендерной политики и действовать согласованно. В частности, это касается и деятельности Всекитайской федерации женщин, которая играет важную роль в национальной политике по гендерному равенству. В ее ответственность входит рассмотрение жалоб и обращений женщин о нарушении их прав и в случае необходимости дальнейшая передача дел в органы государственного управления и судебные инстанции.

Закон о гарантиях прав и интересов женщин и принятые на его основе иные законодательные акты гарантируют необходимые юридические средства для повышения правового статуса женщин в обществе.

¹ *Прогресс Китая в защите прав человека (Белая книга)*. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25318.htm> (дата обращения: 09.10.2010).

Долгосрочная Программа развития китайских женщин принята Государственным советом в июле 1995 г., а в 2001 г. ее действие было продлено до 2010 г. В соответствии с социально-экономическими реалиями Китая программа предлагает ключевые цели развития женщин, включая расширение политического участия, занятости, защиты трудовых прав, образование, здравоохранение, снижение бедности, усиление гарантий прав и свобод личности, а также меры по их реализации.

Реализация программы позволяет предположить, что занятость среди женщин будет расти. Прежде всего, за счет вовлечение в городскую занятость женщин-мигрантов из сельской местности. Программа подчеркивает необходимость решения новых проблем, вставших перед китайскими женщинами в ходе реформ, либерализации и развития социалистической рыночной экономики. В целом, документ направлен на усиление гарантий законных прав и интересов женщин.

СЕМЬЯ И БРАК

Закон о браке, наряду с Законом о земле, стали первыми законодательными актами, принятыми после образования Китайской Народной Республики. Закон, обнародованный 1 мая 1950 г., установил равенство мужчины и женщины в браке, свободу от воли родителей в заключении брака, объявил вне закона все насильственно заключенные браки, уравнивал в правах внебрачных детей и детей, рожденных в браке, закрепил обязанность родителей воспитывать и содержать своих детей. Таким образом, в КНР вне закона объявлялась существовавшая в Китае более двух тысячелетий система семейно-брачных отношений, базировавшаяся на авторитарной власти главы семьи и доминировании представителей старшего поколения.

Статья 1 Закона о браке провозгласила уничтожение феодальной системы брака, основывающейся на господстве мужчины над женщиной и игнорировании интересов детей, и ввела новую демократическую систему брака, основанную на свободном выборе вступающих в брак, единобрачии, равных правах мужчин и женщин и охране законных интересов женщин и детей. Прежняя система брака узаконивала полную зависимость детей от воли родителей, заключавших соглашение о браке их детей, исходя из экономической выгоды. Соглашение о вступлении в брак порой носило характер сделки купли-продажи. Тем самым, установление свободы в заключении брака ознаменовало отказ от существовавших ранее семейных устоев. Закон также установил новый порядок разводов по согласию супругов, причем женщина получила право инициировать развод. За женой закреплялись равные с мужем права на владение и управление семейным имуществом.

Одна из тенденций современного правового развития КНР — постепенная замена ранее принятых законов новыми редакциями, которые адаптируют законы к изменениям, происходящим в стране, к международным обязательствам и гарантируют поддержание социальной стабильности в стране. В русле этой тенденции в 1980 г. был обновлен и Закон КНР о браке, закрепивший следующие принципы: единобрачие, равенство мужчины и женщины, свободное вступление в брак. Закон дополнился некоторыми новыми положениями, связанными, прежде всего, с планированием семьи, повышен на два года брачный возраст — 22 года для мужчин и 20 — для женщин, внесены уточнения относительно запретов вступления в брак по состоянию здоровья, смягчен запрет на вступление в брак с родственниками, введена судебнo-правовая ответственность для лиц, нарушающих закон о браке. Расторжение брака стало возможным на основе договоренности сторон и в судебном порядке. В целом

закон способствовал дальнейшему укреплению демократической системы заключения браков и семейно-брачных отношений, основы которой были заложены Законом КНР о браке 1950 г.

В 2001 г. на очередной сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) была утверждена новая редакция Закона о браке. Новая редакция Закона КНР о браке восходит к тексту Закона о браке 1980 г., состоит из 6 глав ("Общие положения", "Брак", "Семейные отношения", "Расторжение брака", "Меры по оказанию помощи и ответственность", "Дополнительные положения") и 51 статьи. Кроме главы 5, которая является абсолютно новой и посвящена судебно-правовой ответственности, все остальные разделы подверглись ревизии.

Следует подчеркнуть, что в 2001 г. в новой редакции Закона КНР о браке ст. 8 была дополнена положением, требующим обязательной регистрации брака. Внешение этой поправки, по мнению многих исследователей, свидетельствует о том, что государство обеспокоено ростом фактических браков и сложностями, возникающими в этих условиях при реализации жесткой демографической политики по ограничению рождаемости.

Новой формирующейся системе семейно-брачных отношений, основанной на синтезе традиционных, западных и коммунистических культурных ценностей, характерны весьма специфические черты. Так, например, наряду с такой относительно новой для страны формой брака, как гражданские браки, в экономически отсталых сельских районах возрождается тип брака, связанный с куплей-продажей невесты, что обусловлено в первую очередь низкими доходами населения. Чем беднее район, тем выше требуемая за невесту плата. Цена достигает нескольких десятков тысяч юаней, причем с каждым годом она постепенно возрастает.

В эпоху реформ и открытости в КНР возродилась полигамия (несмотря на то, что она запрещена законом). Как правило, она проявляется в форме сожительства состоятельных мужчин с содержанками-любовницами (бао эр най 包二奶). Во многих таких семьях имеются дети. Как отмечалось выше, в дореволюционном Китае существовал легитимный институт наложниц, которые жили под одной крышей с женой, и все дети воспитывались вместе. Полигамия — отнюдь не новое для Китая явление, однако теперь она вне закона.

В современном Китае изменились представления о гендерных ролях внутри семьи. Согласно результатам исследования Всекитайской федерации женщин в 2001 г., в 67,4% китайских семей важные решения принимаются супругами совместно или исключительно женой¹.

Современные женщины в Китае стали стремиться к тому, чтобы получить образование, приобрести профессию, построить карьеру, тем самым обрести финансовую независимость как от родителей, так и от мужа. При этом далеко не все состоятельные женщины вообще спешат выходить замуж — 50,2% жительниц Пекина, чей месячный доход составляет от 5 до 15 тыс. юаней, не состоят в браке². Вообще

1 Chen Minghua. *Marriage Laws and the Rights of Chinese Women // Holding up half the sky: Chinese women past, present and future* (edited by Tao Jie, Zheng Bijun, and Shirley L. Mow; foreword by Gail Hershatter; translated by Amy Russell). New York, 2004. P. 162.

2 Survey: Chinese women changes attitude toward marriage. URL: http://www.chinadaily.com.cn/en/doc/2003-09/21/content_265993.htm (дата обращения: 20.10.2010).

сегодня в Китае средний возраст вступления в брак достиг рекордных показателей: у мужчин — 27, у женщин 25 лет (при брачном возрасте 22 и 20 лет соответственно).

А в деревне ситуация совсем иная. Сорок лет спустя после вступления в силу Закона о браке согласно опросу 1994 г. в сельских районах 28,98% браков по-прежнему устраиваются родителями невесты, в городах — 4,98%. По данным на 2001 г.: 16,1% и 6,8% соответственно. Весьма примечательно, что число браков в городах, инициированных родителями девушек, возросло в 2001 г. по сравнению с серединой 1990-х гг¹.

Уменьшение размеров семьи, рост числа бездетных семей (DINK — double income no kids), распространение среди молодежи гражданских браков, увеличение возраста вступления в брак, полный или частичный отказ от помощи пожилым родителям — все это новые тенденции развития института семьи и брака в современном Китае.

ДИСКРИМИНАЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА (ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАНЯТОСТЬ)

В результате бурного экономического роста существенно повысилось участие китайских женщин в сфере оплачиваемого труда. На сегодняшний день женщины составляют 36,3% совокупной рабочей силы страны. Большое внимание уделяется производственному и профессиональному обучению женщин, что позволило заметно снизить женскую безработицу. Женщины сегодня составляют:

- одну четверть частных предпринимателей в Китае;
- почти треть общего числа научно-технических работников страны;
- 65% трудоспособного населения в деревнях;
- женщины-мигранты составляют 34,1% женской рабочей силы².

В то же время существует заметный гендерный разрыв в заработной плате, даже при одинаковом с мужчинами уровне профессиональной подготовки и образования. В целом, женщины получают 70,1% от заработной платы мужчин, более того, разница в оплате труда за последние десять лет возросла³. В значительной мере это объясняется тем, что женщины сконцентрированы на низкооплачиваемых рабочих местах.

Оказавшись на производстве, женщины по-прежнему выполняют основной объем домашних дел. В сельских районах они обычно работают на посевной и уборке урожая, т. е., занимают те ниши рынка труда, которые не требуют профессиональной квалификации и низко оплачиваются. В городах почти повсеместно женщины работают на предприятиях частной и кооперативной мелкой торговли, что ставит их на нижний уровень экономической иерархии. В сравнении с мужчинами они меньше представлены в числе занятых на государственных предприятиях, что не дает им возможности воспользоваться мерами социальной защиты и нормами трудового законодательства, которые в Китае привязаны к государственному сектору. Для боль-

¹ Chen Minghua. *Marriage Laws and the Rights of Chinese Women// Holding up half the sky...* P. 162.

² По данным Всекитайской федерации женщин. URL: <http://www.womenofchina.cn/Issues/Politics/213738.jsp> (дата обращения: 16.09.2010).

³ Jiang Yongping. *Employment Under Two Systems// Holding up half the sky: Chinese women past, present and future (edited by Tao Jie, Zheng Bijun, and Shirley L. Mow; foreword by Gail Hershatter; translated by Amy Russell). New York, 2004. P. 214.*

шинства женщин доступ к системе социальной защиты возможен только через посредство мужей.

Кроме того, вступление Китая в ВТО обострило проблему отставания оплаты труда женщин от величины доходов мужчин, поскольку множество предприятий с преимущественно женской рабочей силой было закрыто. Например, согласно итогам выборочного опроса, проведенного недавно в пяти крупных городах Китая — Пекине, Шанхае, Нанкине, Даляне и Шэньяне, среди уволенных рабочих и служащих их около 60%. Почти у четверти из 120 тыс. уволенных женщин в провинции Фуцзянь появились новые проблемы с близкими: увеличилось число конфликтов и разводов и т.п.¹. По некоторым данным, около 0,9% китайских женщин постоянно подвергаются насилию в семье; 8,2% — иногда; 20,1% — эпизодически².

Хотя официальных статистических данных по этому поводу нет, по оценкам, около 60% женщин были уволены в результате реструктуризации и прекращения работы предприятий, в то время как их доля в числе занятых в промышленности составляет 38%. В качестве помощи уволенным работницам государство может предложить лишь самозанятость, а не рабочие места на производстве. Таким образом, женщины теряют возможности доступа к системе социальной защиты.

Женщины в большинстве случаев не выдерживают конкуренции с мужчинами на рынке труда. К тому же работодатели, в нарушение трудового законодательства, зачастую избегают принимать на работу женщин детородного возраста. Прежняя в целом достаточно эффективная политика в сфере женской занятости девальвировалась при переходе к рыночной экономике, что сказалось на уровне гендерной сегрегированности рабочих мест.

В последние годы активно развивается сектор услуг, который рассматривается как потенциальный источник рабочих мест для высвобождаемых женщин-работниц. Новой для Китая разновидностью услуг является «коммунальное обслуживание» — дворники, няни, сиделки, уборщицы, т. е. низко оплачиваемые и непрестижные рабочие места.

Другой мерой по поддержке занятости женщин является досрочный выход на пенсию. Законодательно принятый возраст выхода на пенсию в Китае составляет 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. Согласно схемам досрочного выхода на пенсию, женщины получают возможность стать пенсионерами на несколько лет раньше. Эта практика негативно влияет на доходы женщин и размер пенсии, причем профессиональный потенциал женщин растрачивается понапрасну. Рост городской бедности и ее феминизация являются следствиями досрочных увольнений возрастных работниц.

Растет число женщин, занятых на малых и средних предприятиях с плохими условиями труда, продолжительным рабочим днем и низкой заработной платой. По сообщениям правозащитников, женщины-работницы на многих из них страдают от произвола работодателей, но не обращаются в официальные инстанции из страха потерять работу³.

¹ *Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов.* (отв. ред. и сост. О.А. Воронина). М., 2008. С. 658.

² *Wang Xingjuan. Domestic Violence in China // Holding up half the sky: Chinese women past, present and future (edited by Tao Jie, Zheng Bijun, and Shirley L. Mow; foreword by Gail Hershtatter; translated by Amy Russell). New York, 2004. P. 179.*

³ *Jiang Yongping. Employment Under Two Systems // Holding up half the sky...P. 216.*

Давая оценку деятельности правительства Китая по реализации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Комитет ООН по реализации Конвенции отметил, что гендерные последствия перестройки экономики, децентрализации услуг, проблем в сфере занятости женщин, их здоровья и образования недооцениваются. Основной упор делается на развитие инфраструктуры, а не на ассигнования на социальные цели¹.

«Правила охраны труда женщин-рабочих и служащих» (1988 г.), Трудовой кодекс (1994 г.) и закон «О гарантиях прав и интересов женщин» (1992 г.) провозглашают равные права мужчин и женщин на рабочем месте и призваны защищать законные права женщин, обеспечивать им равную оплату труда с мужчинами.

В законодательных актах специально подчеркивается, что женщинам не может быть отказано в трудоустройстве по половой принадлежности. Однако статья 13 Трудового кодекса гласит: «Женщины пользуются равными с мужчинами правами при приеме на работу. Во время зачисления на работу служащих и рабочих не допускается по признаку пола отказывать женщинам в приеме на работу или повышать критерий найма для женщин, за исключением определенных государственных случаев, когда вид работы или должность не подходят для женщин»². Аналогичные сентенции звучат в статье 5 «Правил защиты труда женщин». Там указывается, что в ряде отраслей возможны ограничения на наем женщин. К их числу отнесены отрасли, условия труда в которых признаны государством наносящими вред здоровью женщин. Закон не содержит перечня таких отраслей, в нем лишь определен общий подход. Это работа под землей, работа на высоте, интенсивный физический труд при высоких или низких температурах (так называемые «работы четырех категорий»), тяжелый физический труд в период беременности, лактации или менструального цикла. Отсутствие в законодательстве перечня отраслей, в которых ограничена занятость женщин, на практике позволяет руководителям предприятий произвольно решать вопрос о приеме женщин на работу³.

Согласно данным United Nations Development Programme (UNDP), опубликованном в ежегодном отчете Asia-Pacific Human Development Report, недостаток женской занятости обходятся азиатскому региону в миллиард долларов каждый год. В таких странах как Индия, Индонезия и Малайзия самые скромные подсчеты показывают, что рост ВВП мог составить от 2 до 4 процентов ежегодно, если бы женская занятость в этих странах достигла 70%, что является показателем большинства развитых стран. В Китае порядка 70% женщин находятся на оплачиваемой работе, и это намного превышает средний мировой показатель в 53%.

¹ *Заключительные замечания Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин: Китай (приняты на 36-й сессии Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, 7-25 августа 2006 г.)* URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/cedaw36/cc/china/0647862R.pdf> (дата обращения: 29.09.2010).

² *Трудовой кодекс КНР // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов (по ред. Л.М. Гудошников).* М., 2004. С.368.

³ *Christine M. Bulger. Fighting Gender Discrimination in the Workplace.* URL: http://www.bc.edu/bc_org/avp/law/lwsch/journals/bctwj/20_2/03_FMS.htm (дата обращения: 11.09.2010).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН

Уровень политического участия женщин в Китае сравнительно высок. На первом съезде ВСНП в 1954 г. женщины составили 12 % депутатов. На восьмом съезде в 1993 г. – 21%, на девятом – 21,8%, на десятом в 2003 г. несколько ниже – 20,24 %. Для депутатов ВСНП существует традиционная квота на число женщин-депутатов — не менее 20 %, которая в последние десятилетия соблюдается.

В высшем руководстве страны женщины занимают восемь постов, 230 женщин занимают должности на министерском уровне. При этом, в правительстве Китая женщины занимают 3 министерских поста. В 600 городах Китая работают 670 женщин-мэров и вице-мэров (по этому показателю Китай лидирует в мире). По сравнению с 1995 г. число женщин, работающих в государственных учреждениях, увеличилось на одну треть и составило 15 млн. Увеличилось также число женщин-членов Народно-политического консультативного совета Китая (НПКСК)¹.

Позиция китайского руководства состоит в увеличении числа женщин на ответственных постах в партийно-государственных органах. Однако кандидатов, отвечающих необходимым требованиям, не хватает не только для работы в высших эшелонах власти, но и для низовых управленческих структур. Поэтому в Программе развития китайских женщин ставится задача подготовки женских руководящих кадров. Традиция подготовки женских кадров высшей квалификации существовала в Китае и раньше. Рядом учебных заведений Пекина осуществляется такая подготовка. Однако пока недостаточно принято мер для кардинального решения проблемы повышения уровня образования китайских женщин.

В 2002 г. женщины составили 17,78% членов КПК. Доля женщин в составе ЦК КПК на 16 съезде партии составила 27 человек или 7,6%². В том году единственной женщиной, которая вошла в состав Политбюро ЦК КПК, стала бывший премьер-министр У И.

В Гонконге (Сянгане), который является своего рода эталоном реализации идеологического принципа «Одна страна – две системы», социальное положение женщин очень высокое: «В Сянгане за прошедшие 20 лет количество женщин-госслужащих на руководящих постах увеличилось в 9 раз. Средний показатель месячной зарплаты у женщин, занятых в различных отраслях Сянгана, также значительно повысился. Социальное положение женщин Сянгана оказалось самым высоким для женщин в Азии. Уровень их самостоятельности выше, чем в европейских странах и США. Об этом говорят статистические данные правительства Специального административного района Сянган. Согласно этим данным, число женщин, получивших высшее образование, возросло с 47 тыс. в 1986 г. до 80 тыс. в 2001 г. при годовом росте на 3,5%. Доходы сянганских женщин увеличиваются по мере повышения их образовательного уровня. Например, величина зарплат у женщин, занятых в производственных отраслях, стала в четыре раза больше, чем 15 лет тому назад. Если 20 лет тому назад лишь 35 женщин занимали высокие посты в правительственных ведомствах, то в настоящее время 297 женщин участвуют в работе высших правительственных структур»³.

¹ По данным Всекитайской федерации женщин. URL: <http://www.womenofchina.cn/Issues/Politics/19513.jsp> (дата обращения: 21.11.2010).

² По данным Всекитайской федерации женщин. URL: <http://www.womenofchina.cn/Issues/Politics/224283.jsp> (дата обращения 13.09.2010).

³ Высокое социальное положение женщин Сянгана // *Жэньминь жибао*.

Несмотря на достигнутое за последнее время в Китае и в ряде других стран Восточно-азиатского региона увеличение представительства женщин в институтах законодательной и исполнительной власти, это представительство кажется недостаточным с точки зрения оценки изменений в положении женщин в социально-экономической и культурной жизни.

По данным ООН, в азиатско-тихоокеанском регионе представительство женщин в политической сфере крайне незначительно, ниже чем где бы то ни было в мире, за исключением арабского мира. В Японии и Республике Корея женщины занимают только 10% в законодательной сфере. Число женщин в ВСНП замерло на уровне 21% 1983 г.

В ООН были разработаны следующие показатели для оценки положения женщин:

Показатель гендерных полномочий (GEM — Gender empowerment measure), по которому гендерное неравенство оценивается по трем основным критериям: политическое участие и возможность участия в процессе принятия решений, экономическое участие и возможность принятия решений, управление экономическими ресурсами. Индикаторы: 1) доля мест мужчин и женщин в парламенте; 2) доля мест мужчин и женщин в законодательстве, в качестве старших управленцев и менеджеров; 3) доля мужчин и женщин на профессиональных и технических позициях; 4) доля мужчин и женщин в заработанном доходе;

Показатель развития гендерного равенства (GDI — Gender-related development index). GDI — один из индексов оценки влияния гендерных различий на развитие человечества. Он рассчитывается по следующим показателям: 1) уровень продолжительности жизни; 2) уровень полученного образования; 3) заработанный доход¹.

По уровню гендерного равенства GDI в 2007 г. КНР заняла всего лишь 75 место. Для сравнения по данному показателю: Япония — 14 место, США — 19 место, Республика Корея — 25 место, Вьетнам — 94, Индия — 114².

Согласно международным расчетам GEM для КНР в 2007 г. составил 0,533, по этому показателю Китай занимает 72 место. Для сравнения: США — 18, Сингапур — 16, Япония — 57, Республика Корея — 61, Вьетнам — 62³.

Среди основных препятствий для обеспечения равного гендерного представительства в КНР и странах Восточно-азиатского региона можно назвать экономические, социальные, культурные, идеологические и политические факторы, влияющие на присутствие женщин на политических и административных позициях. Неформальные правила устанавливаются мужчинами, сохраняется дискриминация по полу. При том, что женское участие в политике и администрации поощряется, все же предполагается, что они займут «поддерживающие» мужчин роли. Традиционные социальные ценности очень устойчивы в китайском обществе, общество не слишком поощряет представительство женщин в политической жизни на высо-

25.07.2002. URL: http://russian.people.com.cn/200207/25/rus20020725_63617.html (дата обращения: 15.10.2010).

¹ Данные показатели входят в ежегодные отчеты о развитии человечества (Human Development Report), которые публикуются Программой Развития ООН (UNDP — United Nations Development Programme).

² Human Development Report. URL: <http://hdrstats.undp.org/en/indicators/113.html>. (дата обращения 15.09.2010).

³ Human Development Report. URL: <http://hdrstats.undp.org/en/indicators/125.html>. (дата обращения: 15.09.2010).

ком уровне. Существуют и структурные, и неформальные ограничения внутри политических партий.

Теоретически, существует несколько возможностей повысить гендерное равенство и социальное представительство в странах Азии:

создание конституциональных и законодательных условий в пользу гендерного равенства;

обеспечение гарантированных квот для женщин в законодательных и административных учреждениях;

проявление политическими партиями инициатив по расширению женского представительства в партиях;

политическое признание высшими лидерами необходимости принятия мер для разрешения проблемы гендерной дискриминации и расширения представительства женщин в различных органах власти;

изменение традиционных норм и стереотипов восприятия гендерных проблем с помощью пересмотра образовательных программ на различных уровнях.

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ

Несмотря на то, что в Китае является обязательным девятилетнее школьное образование, из-за введения частичной платности обучения, гендерный разрыв в образовании увеличился. В Китае сохраняется довольно высокий уровень неграмотности, в особенности среди сельских женщин, что затрудняет вовлечение их в экономическую и политическую жизнь, а в ряде случаев не позволяет воспользоваться действующим законодательством.

В сельской местности, где уровень посещения школ в целом ниже, чем в городах, девочек чаще забирают из школ. В конце 80-х годов из 2.7 млн. детей в возрасте 7-11 лет, не посещавших начальную школу, 83% составляли девочки. В последние годы положение выправляется: сейчас 98,6% девочек школьного возраста учатся (правда, не известно, сколько из них ее заканчивают). Родители считают, что обучение дочерей экономически менее эффективно, чем обучение сыновей, поскольку девочки, выйдя замуж, уходят из семьи. Рост цен на образовательные услуги, а также необходимость использования детского труда в сельском хозяйстве приводят к тому, что многие девочки остаются практически неграмотными.

Статистика неграмотности (по данным на 1995 г.) показывает, что доля неграмотных сельских женщин в возрасте до 15 лет составляла 31%, мужчин – 12%. В городах – соответственно 16 и 5% (данные Национального бюро статистики КНР, 1999). Китайское правительство приняло программу ликвидации неграмотности, в которой приоритет отдается сельским женщинам. По состоянию на конец 2006 г. по всей стране реализованы программы по распространению девятилетнего обязательного образования и ликвидации неграмотности взрослых и молодежи, которые охватили 98% местностей Китая. С 2006 г. поэтапно вводится политика по полному освобождению сельских школьников, получающих обязательное образование, от оплаты учебных заведений на покрытие мелких расходов. В 2006 г. коэффициент поступления в начальные школы детей школьного возраста по всей стране достиг 99,27%. Заметно повысилась доля студенток и аспиранток. На 2000 г. в числе студентов высших учебных заведений девушки составляли 41%¹. Несмотря на определенный

¹ *Ma Wanhua. Women's Higher Education // Holding up half the sky: Chinese women past, present and future (edited by Tao Jie, Zheng Bijun, and Shirley L. Mow;*

прогресс, проблема неграмотности и повышения образовательного уровня женщин и девочек еще далеко не решена.

Гендерные стереотипы долгое время не позволяли женщинам работать в системе образования. В настоящее время гендерный разрыв в числе работающих учителей практически ликвидирован. По данным Всемирного банка на 2000 г. женщины составляли 30% учителей начальных школ и 45% – средних школ (в 1980 г. соответственно – 37 и 25%). Это позволяет надеяться, что учителя-женщины окажут воздействие на адаптацию в общественном сознании новых гендерно-ролевых моделей, и девочки перестанут покидать школы. Как отмечает китайский социолог Сян Голань, «есть серьезные основания полагать, что освобождение женщин не дело одного дня».

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Чрезвычайно распространены домашнее насилие и сексуальные домогательства на работе. Хотя общенациональные данные по поводу насилия отсутствуют, данные по провинциям свидетельствуют, что акты насильственных действий обнаружены в 29% семей¹. В Китае было проведено два общенациональных обследования по проблемам домашнего насилия, согласно которым 30 % сельских и 25 % городских женщин сообщают о фактах насилия на систематической основе. Согласно данным исследований Академии общественных наук КНР почти 40% женщин подвергались сексуальным домогательствам на работе. В этой связи государство разработало обширную программу по сокращению домашнего насилия и сексуальных домогательств. Прежде всего, это дополнения и поправки к Закону о браке (2001), которые ввели запрет на домашнее насилие и сексуальные домогательства в отношении женщин и предоставили им право обращаться с жалобами в судебные инстанции. Как отмечает профессор китайского политико-юридического института У Чан-чжэнь, «впервые сексуальные домогательства признаны правовой категорией в китайском законодательстве. Она обеспечивает законную основу для разбирательства таких дел»². Правовые гарантии защиты нрав и свобод членов семьи закреплены в специальной гл. 5 Закона о браке – «Меры по оказанию помощи и юридическая ответственность». У членов семьи при жестоком обращении с ними или в случаях применения насилия по отношению к ним со стороны других членов есть возможность обратиться с соответствующим заявлением в уличный комитет (в городе) или поселковый комитет (в деревне) по месту проживания для урегулирования сложившейся ситуации и принятия необходимых мер убеждения виновной стороны. При продолжающихся случаях насилия в семье пострадавшее лицо может обратиться в органы общественной безопасности с просьбой пресечь подобные деяния. Органы общественной безопасности обязаны не только принять всевозможные меры для пресечения насилия и жестокого обращения в семье, но и наложить административное взыскание в соответствии с законодательством о наложении взысканий в целях обеспечения общественного спокойствия и порядка. Такие правила установлены впервые, в ста-

foreword by Gail Hershatter; translated by Amy Russell). New York, 2004. P. 111.

¹ Wang Xingjuan. *Domestic Violence in China // Holding up half the sky...P. 179.*

² *Китай объявляет сексуальные домогательства незаконными // Жэньминь жибао. 30.08.2005. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2005-08/30/content_2192517.htm. (дата обращения: 01.11.2010).*

ром Китае донос на родственников (любых членов семьи) расценивался как тяжкое преступление и влек строгое наказание для виновного лица. Однако из десяти дел о сексуальных домогательствах, которые разбирались в судах с 2001 г., удовлетворенным оказался только один иск. Поэтому, анализируя сводный пятый и шестой периодический доклад КНР о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Комитет ООН, признавая успехи в борьбе с гендерным насилием и важность поправок к закону о браке 2001 г., отметил отсутствие всеобъемлющего национального законодательства о насилии в отношении женщин. Комитет также указал на отсутствие доступа женщин, жертв насилия, к системе правосудия, механизмов их поддержки и наказания виновных¹.

Торговля женщинами и детьми в Китае на протяжении всей его истории была чрезвычайно распространена и рассматривалась как обычное явление. Полностью исключить ее не удается и в настоящее время. Китайское законодательство рассматривает продажу и приобретение женщин и детей как уголовное преступление (ст. ст. 240-242 Уголовного кодекса КНР). Однако поскольку в большинстве случаев подобные деяния совершаются отцами, мужьями и братьями потерпевших, государство не привлекает к ответственности тех лиц, которые, совершив такие действия, раскаялись и добровольно возвратили приобретенных женщину или ребенка в место их жительства.

Комитет ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин отметил, что определение торговли в Уголовном кодексе КНР чрезвычайно заужено и ограничивается только их эксплуатацией в целях проституции. Поэтому оно не соответствует международным нормам. Вместе с тем, ведется определенная работа на государственном уровне, обеспечивающая приоритетную охрану прав женщин и детей. В 1989 г. Госсовет принял «Уведомление по поводу решительной борьбы с преступной деятельностью по продаже женщин и детей». Постоянный комитет ВСНП в 1991 г. по инициативе женских общественных организаций, прежде всего Всекитайской федерации женщин, издал постановление «О строгом наказании преступников, занимающихся похищением женщин и детей с целью бизнеса» и постановление «О строгом запрете проституции».

Однако с развитием рыночных отношений торговля женщинами стала расширяться, хотя судить об этом можно только по косвенным данным. Так, по сообщениям полиции только в течение пяти недель 2000 г. более 10 000 женщин были освобождены из рук своих похитителей. По некоторым оценкам, это свидетельствует о 30%-ом росте торговли женщинами по сравнению с 1989 г. По сообщению русскоязычного сайта китайского правительства, за последние годы в некоторых районах страны вновь отмечены преступные действия, связанные с похищением и торговлей женщинами и детьми. Борясь с ними, правоохранительные органы всех уровней на основании постановления «О строгом наказании преступников, занимающихся похищением женщин и детей с целью бизнеса» подвергли суровому наказанию лиц, осужденных по этой статье. В результате количество таких преступлений из года в год уменьшается.

Имеет место и трансграничная торговля женщинами в такие страны, как Мьянма, Таиланд и Вьетнам. По данным Международной программы МОТ (Международ-

¹ *Заключительные замечания Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин...URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/cedaw36/cc/china/0647862R.pdf>.*

ная организация труда) о ликвидации детского труда, начиная с 1990 г. более 80 тыс. женщин и детей, преимущественно девочек, было продано в Таиланд для занятий проституцией.

Еще одним фактором роста фактической дискриминации женщин является коммерциализация здравоохранения. Бесплатное и доступное здравоохранение на основе системы обязательного медицинского страхования было приоритетом китайского правительства, начиная с 1949 г. Однако переход к рыночной экономике привел к фактическому разрушению этой модели. С роспуском коммун и развитием свободных экономических зон в городах медицинские услуги постепенно становятся платными для граждан, причем объем таких услуг постоянно растет. Базовое медицинское страхование городских жителей затрагивает только тех, кто работает на государственных предприятиях и членов их семей. Поскольку мужчин среди занятых в государственном секторе намного больше, чем женщин, они составляют большинство среди застрахованных. В сельской местности медицинские услуги стали почти недоступными. По данным исследований, сельские семьи предпочитают расходовать свои скудные ресурсы на поддержание здоровья мужчин и мальчиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со времени образования КНР в стране официально проводится курс на равноправие мужчин и женщин, законодательная база которого была рассмотрена выше. За последние пятнадцать лет достигнуты большие успехи в гендерной политике, прогресс в охране законных прав женщин очевиден, однако на практике не обходится без гендерной дискриминации, которая повсеместно принимает разнообразные формы. В наибольшей степени это проявляется в более низкой оплате труда женщин за равный с мужчинами объем работы, ограниченных возможностях женщин сделать карьеру, в меньшем доступе женщин к образованию. Проведение экономической реформы привело к важным изменениям в положении женщин на рынке труда КНР.

К сожалению, во многих законах, посвященных правам женщин, отсутствует механизм реализации, что указывает на их декларативный характер. Отсутствие механизма реализации законов связано с недостатком информации, научного анализа проблем и непониманием их важности на уровне исполнительных, правоохранительных и судебных инстанций. У женщин ограничен доступ к юридической помощи. Известны случаи невыполнения судебных решений, принятых в пользу женщин. При этом на нарушителя закона ответственность не возлагается.

Нарушения законных прав женщин, которые носят серьезный характер, иллюстрируются регулярными результатами обследований Всекитайской федерации женщин.

Об этом сказал член группы специалистов, участвовавших в исследовании 2003 г., профессор китайского политико-юридического института У Чан-чжэнь: «Результаты обследования показали, что в отношении политических прав пока еще существует большое расстояние между женщинами и мужчинами. Доля женщин-руководителей пока еще невысока. В отношении государственного управления сила мужчин явно превышает силу женщин; что же касается трудового права, то женщины подвергаются большему ущемлению, весьма серьезные явления дискриминации женщин, отказы при трудоустройстве, в деревнях женщины не обеспечены полностью правами на землю; в семьях женщины зачастую подвергаются насилию»¹.

¹ *Защита прав женщин в Китае // Китайский информационный Интернет-центр. URL: <http://russian.china.org.cn/archive2006/txt/2003-03/11/>*

Экономические реформы принесли Китаю процветание и беспрецедентные результаты, однако плоды экономического роста распределяются в обществе весьма неравномерно. Разрыв между городским и сельским населением растет, конкуренция во всех сферах жизни не имеет аналогов в мире, увеличивается зависимость менее развитых западных провинций от процветающих восточных. И все это также влияет и на положение женщин, их экономические, образовательные и политические возможности.

Среди основных факторов, усиливающих неравенство между мужчинами и женщинами, можно выделить следующие:

Постепенное сокращение системы социальной поддержки на предприятиях, неспособность существующей системы социальной защиты удовлетворить различные потребности мужчин и женщин;

Коммерциализация здравоохранения и образования, что крайне негативно сказывается на доходах бедных семей, в особенности женщин;

Быстрые темпы урбанизации способствуют росту миграции из сельских районов, что снижает уровень экономической безопасности значительных масс населения;

Абстрактные формулировки современных законов и отсутствие понимания гендерной проблемы в современном законодательстве КНР;

Неэффективная система осуществления законодательства, в результате чего женщины не получают должную правовую защиту;

Долговременные последствия политики ограничения рождаемости, что вызывает старение населения;

Негативное влияние традиционных гендерных стереотипов;

Продолжающаяся реструктуризация китайской экономики оказывает различное воздействие на мужчин и женщин.

В кратчайший исторический период произошла ломка традиционных стереотипов о роли и месте женщины в обществе. Миллионы китайских женщин воспользовались новым законодательством и включились в производственную деятельность. Это радикальным образом изменило положение женщин в целом, они приобрели экономическую самостоятельность, независимый источник дохода и более высокий социальный статус. При этом, в отличие от западных стран, в истории Китае не было широкого движения эмансипации. Равенство полов китайские женщины получили в подарок.

Китайское общество по-прежнему несвободно от традиционных гендерных стереотипов. Несмотря на усилия правительства, в семьях предпочитают мальчиков девочкам. Данная тенденция уже сейчас порождает серьезную диспропорцию между полами. Если в 1982 г. на 100 новорожденных девочек приходилось 108,5 мальчиков, то в 2000 г. соотношение составило 100 к 119,2. С другой стороны, дефицит женского населения может хотя бы отчасти ослабить остроту гендерной дискриминации китайских женщин. К тому же, благодаря постепенному росту доходов населения больше женщин смогут получить доступ к образованию. А более высокий уровень образования и квалификации позволит женщинам претендовать на более высокие и лучше оплачиваемые должности.

Современное китайское законодательство в свою очередь обнаруживает связь с традиционным китайским правом. Руководство КНР на новом этапе модерни-

зации, развития рыночных отношений, интенсификации имущественного расщепления в обществе основной своей задачей считает обеспечение "социальной стабильности". В социальной политике на повестку дня выходит проблема социальной защищенности групп населения, особо в ней нуждающихся — престарелых, женщин и детей. В условиях активно стареющего общества (по данным Всекитайской переписи 2000 году в КНР насчитывалось 88,11 миллионов человек старше 64 лет, что составляет 7% населения), слабо развитой системы социального страхования и реформирования пенсионной системы государство пытается укрепить традиционные семейные ценности (уважение к родителям, выполнение сыновнего долга) и закрепляет в законодательстве определенные социальные гарантии в виде обязанностей близких родственников по содержанию и уходу за стариками.

Кроме того, проблема гарантии и обеспечения основных прав и свобод характерна в Китае не только для женского населения, но и для мужского. По мнению представителей ряда западно-европейских стран, а также США, в КНР по-прежнему остро стоит вопрос о защите прав человека и гражданина. Об этом, в частности, свидетельствует присуждение Нобелевской премии мира китайскому диссиденту Лю Сяо-бо, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны правительства КНР, поскольку, по его мнению, данный лауреат является государственным преступником. Проблема так же заключается в том, что КНР до сих пор остается не совсем открытой страной, поэтому многие данные о нарушении прав как мужчин, так и женщин, не доступны или успешно скрываются от мирового сообщества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Источники

Заключительные замечания Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин: Китай (приняты на 36-й сессии Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, 7-25 августа 2006 г.). URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/cedaw36/cc/china/0647862R.pdf> (дата обращения: 29.09.2010).

Закон КНР «О браке» (принят на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 10 сентября 1980 г.; в Закон внесены изменения в соответствии с Решением «О внесении изменений в Закон КНР «О браке» на 21-м заседании Постоянного комитета ВСНП 9-го созыва 28 апреля 2001 г.). URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage (дата обращения: 22.10.2010).

Конституция КНР // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов (по ред. Л.М. Гудошниковой). М., 2004.

Пекинская декларация (принята на четвертой Всемирной конференции по положению женщин. Пекин, Китай, 4 — 15 сентября 1995 г.). URL: <http://www.un.org/russian/conferen/women/womdecl.htm> (дата обращения: 29.09.2010).

Платформа действий (принята на четвертой Всемирной конференции по положению женщин. Пекин, Китай, 4 — 15 сентября 1995 г.). URL: <http://www.un.org/russian/conferen/women/womplat.htm> (дата обращения: 26.09.2010).

Прогресс Китая в защите прав человека (Белая книга). URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25318.htm> (дата обращения: 09.10.2010).

Трудовой кодекс КНР // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов (по ред. Л.М. Гудошникова). М., 2004.

Уголовно-процессуальный кодекс КНР // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов (по ред. Л.М. Гудошникова). М., 2004.

Литература

На русском языке:

Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. М., 2008.

Эймс Роджер Т., Холл Дэвид Л. Китайский сексизм: пропедевтика // Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993. С. 77–106.

На английском языке:

Chen Minghua. Marriage Laws and the Rights of Chinese Women // Holding up half the sky: Chinese women past, present and future (edited by Tao Jie, Zheng Bijun, and Shirley L. Mow; foreword by Gail Hershatler; translated by Amy Russell). New York, 2004. P. 159 — 171.

Jiang Yongping. Employment Under Two Systems // Holding up half the sky: Chinese women past, present and future (edited by Tao Jie, Zheng Bijun, and Shirley L. Mow; foreword by Gail Hershatler; translated by Amy Russell). New York, 2004. 207 — 219.

Ma Wanhua. Women's Higher Education // Holding up half the sky: Chinese women past, present and future (edited by Tao Jie, Zheng Bijun, and Shirley L. Mow; foreword by Gail Hershatler; translated by Amy Russell). New York, 2004. P. 109 — 122.

Wang Xingjuan. Domestic Violence in China // Holding up half the sky: Chinese women past, present and future (edited by Tao Jie, Zheng Bijun, and Shirley L. Mow; foreword by Gail Hershatler; translated by Amy Russell). New York, 2004. P. 179 — 192.

Women in China: current directions in historical scholarship (eds. Guisso, Richard; Johannesen, Stanley). Youngstown, NY: Philo Press, 1981.

Интернет-ресурсы

Всекитайская федерация женщин. URL: <http://www.womenofchina.cn> (дата обращения: 16.09.2010).

Высокое социальное положение женщин Сянгана // Жэньминь жибао. 25.07.2002. URL: http://russian.people.com.cn/200207/25/rus20020725_63617.html (дата обращения: 15.10.2010).

Защита прав женщин в Китае // Китайский информационный Интернет-центр. URL: http://russian.china.org.cn/archive2006/txt/2003-03/11/content_2063814.htm (дата обращения: 20.10.2010).

Китай объявляет сексуальные домогательства незаконными // Жэньминь жибао. 30.08.2005. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2005-08/30/content_2192517.htm. (дата обращения: 01.11.2010).

Christine M. Bulger. Fighting Gender Discrimination in the Workplace. URL: http://www.bc.edu/bc_org/avp/law/lwsch/journals/bctwj/20_2/03_FMS.htm (дата обращения: 11.09.2010).

Human Development Report. URL: <http://hdr.undp.org/en/>. (дата обращения 15.09.2010).

Survey: Chinese women changes attitude toward marriage. URL: http://www.chinadaily.com.cn/en/doc/2003-09/21/content_265993.htm (дата обращения: 20.10.2010).

С.Е. Мясищев

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КНР В XXI В.: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Здравоохранение в КНР стало одним из самых важных направлений развития государства. В Китае начали работать квалифицированные медицинские кадры, была сформирована целостная система учебных медицинских заведений, которая выпустила целую плеяду выдающихся специалистов по медицине и фармакологии. Если несколько десятилетий назад в Китае на 1000 человек приходилось 1,48 врача и 2,34 больничной койки, то к концу 1998 г. в стране уже насчитывалось 310 тыс. медицинских организаций включая амбулатории; 3,14 млн больничных коек; 4,42 млн медперсонала, из которых 1,41 млн врачей в больницах и санэпидемстанциях и 1,07 млн медсестер, что в десятки раз выше, чем аналогичные показатели после Второй мировой войны.

Медицинская наука в Китае сегодня активно развивается, усиливается контроль над применением медикаментов и санитарный надзор. Создана система медицинского страхования для рабочих и служащих в городах и поселках на основе общественного планирования и взносов частных лиц, причем сфера действия этой системы постепенно расширяется. Заметно снизился уровень заболеваемости многими инфекционными болезнями, а эпидемии эффективно локализованы. В целях полной ликвидации инфекционных заболеваний и эпидемий китайское правительство приняло закон «О профилактике и лечении инфекционных болезней» и другие документы, активно проводит работу по иммунизации. Успешно завершена иммунологическая вакцинация детей, что позволило значительно снизить уровень заболеваемости корью, полиомиелитом, дифтерией, коклюшем, эпидемическим энцефалитом и другими болезнями.

В настоящее время состояние здоровья городского и сельского населения Китая значительно улучшилось по сравнению с периодом до 1949 г. Средняя продолжительность жизни населения по всей стране увеличилась вдвое. Около 75% жителей Китая проживает в сельских районах, поэтому провинциальная медицина и здравоохранение находятся в центре внимания государства, которое постоянно занимается профилактической медициной, благодаря чему значительно улучшилось состояние здоровья населения.

В течение прошлых десятиков лет китайцы прошли нелегкий и длинный путь для поиска этой медицинской системы, отвечающей реальности Китая. В деревнях работали так называемые «босоногие врачи»¹. Сельчане тогда платили немного денег. Сельское медицинское страхование и бесплатная медицинская помощь в городах, составляли основу медицинской системы в Китае в 50-60 гг. прошлого века. Но по мере проведения политики реформ и открытости, данная система перестала отвечать новым требованиям. С 1979 года в Китае начался переход от плановой экономики к рынку. В ходе реформы старый механизм сельской медицины был лишен средств, а бесплатная медицинская помощь стала бременем для предприятий.

В 1985 году в Китае началась реформа системы здравоохранения. Она шла по пути обязательного учета социальной и экономической эффективности, со-

¹ «Босоногий врач» — это те, кто раньше работал в деревнях. Их часто вызывали на дом, в поскольку у них зачастую не было обуви, их и прозвали так.

крашения государственной помощи больницам, расширения их экономической самостоятельности. Для обеспечения охраны здоровья женщин приняты законы КНР «Об охране прав и интересов женщин», «Об охране здоровья матери и ребенка», положение «Об охране труда работниц» и другие правовые акты. В Китае активно проводится работа по использованию безопасных методов родовспоможения; в городах и сельских районах введены обязательный медицинский осмотр беременных, уход за беременными из групп риска, роды в больнице, послеродовое обслуживание и ряд других мер в целях обеспечения здоровья матери и ребенка. Внедрение этих мер дало положительные результаты: уровень смертности рожениц снизился с 1500 случаев на 100 тыс. человек в 1949 г. до 61,9 случая в 1995 г.

С 1978 г. китайское правительство начало уделять особое внимание охране здоровья и контролю за развитием детей. Так, были приняты закон «О защите прав несовершеннолетних» и «Программа по поощрению кормления детей грудным молоком»; по всей стране создано 5890 больниц по уходу за новорожденными, благодаря чему смертность младенцев снизилась с 200 случаев в 1949 г. до 31 случая на 1 тыс. новорожденных. Охрана здоровья детей и женщин — одно из приоритетных направлений китайской системы здравоохранения и сейчас. Министр здравоохранения КНР Чэнь Чжу отмечал, что здоровье женщин и детей выступает главным содержанием государственной системы здравоохранения и демонстрирует уровень социально-экономического развития в стране. По словам Чэнь Чжу, здоровье женщин и детей должно стать центральным содержанием социально-экономического развития. Всем странам необходимо уделять усиленное внимание строительству системы здравоохранения, дать соответствующие политические обещания, поставить задачу усиления строительства системы здравоохранения на более важное место, укрепить элементарное профилактическое здравоохранение, увеличить масштабы вложений в систему здравоохранения и мобилизовать силы общества для участия в развитии и реформировании соответствующей системы.

Необходимость реформирования китайской системы здравоохранения назрела достаточно давно. Одной из предпосылок стало увеличение государственных расходов на медицинское обслуживание граждан (в первую очередь, рабочих), подлежащих бесплатному медицинскому обслуживанию, число которых росло, благодаря множеству новых открывающихся заводов. Необходимо было создать механизм, который компенсировал бы затраты медицинским учреждениям. Реформы в медицине начались с 1978 года. Постепенно доля государственных затрат в структуре общих расходов на здравоохранение неизменно снижалась, а доля физических лиц — повышалась. В результате в 2004 г. на государство приходилось только 17,1% расходов, на предприятия и социальные учреждения — 29,3%, на граждан — 53,6%. Средние затраты граждан на лечение увеличиваются значительно быстрее, чем их доходы. За период с 1998 по 2006 год ежегодно в расчете на 1 человека расходы на амбулаторное лечение увеличивались на 13%, лечение в стационаре — на 11%. В настоящее время, лечение — одна из наиболее трудных и ресурсоемких задач для жителей КНР. Большинство семей старается откладывать деньги «на черный день», предполагая, что, возможно их придется потратить на лечение. При этом в случае серьезного заболевания на лечение могут уйти все сбережения семьи. Особенно трудно придется крестьянским семьям — порядка 800 млн. чел., для которых расходы на лечение оказываются слишком высокими.

Несмотря на повышение расходов на лечение, статистика свидетельствует, что главные позитивные сдвиги в состоянии здоровья населения были достигнуты в дореформенный период существования КНР. За годы рыночных экономических реформ темпы перемен к лучшему стали не столь значительными. Так, резкое сокращение детской смертности имело место непосредственно сразу после провозглашения в 1949 году республики, а в 1980-е и 1990-е годы этот показатель менялся мало. Экономические успехи страны менее очевидно способствовали развитию здравоохранения. Темпы роста государственных расходов на здравоохранение в 1979–2004 годах были ниже темпов экономического роста, что вело к понижению доли этих расходов в ВВП.

Среднедушевые затраты граждан на лечение растут значительно быстрее, чем их доходы. С 1998 по 2006 год в среднем за год в расчете на душу населения расходы на амбулаторное лечение увеличивались на 13%, а на больничное — на 11%. По данным социологических опросов, население в Китае ставит дороговизну медицинских услуг на первое место среди всех социальных проблем. Расходы на эти услуги составляют в среднем 11,8% семейного бюджета, уступая лишь расходам на питание и образование. В 2003 году чистый годовой доход крестьянина составлял в среднем 2 622 юаня, а средняя стоимость его пребывания в больнице достигала 2 236 юаней. Поэтому для большинства крестьян больничное лечение не по карману.

Возросло социальное неравенство в доступе к медицинским услугам. По данным исследования, проведенного Академией общественных наук Китая, 80% государственных ассигнований на медицину идет на обслуживание социальной группы, основу которой составляют 8,5 млн правительственных чиновников и партийных функционеров; 2 млн правительственных и партийных деятелей разного ранга пользуются долгосрочными отпусками по болезни. Из них 400 тыс. чел. проводят длительное время в специальных стационарах для лечения и отдыха, расходы на которые составляют 50 млрд юаней в год.

Определяя дальнейшие пути реформы здравоохранения, Китай внимательно присматривается к опыту других стран с переходной экономикой, особенно Венгрии и Польши. Делегация Министерства здравоохранения КНР и Госкомитета по развитию и реформам, побывавшая в этих странах, нашла там немало полезного, особенно в определении отношений лечебных учреждений с государством и рынком. Констатируется, что, при всей своей политической и экономической ориентации на Европу, к распространению рыночных отношений и приватизации на здравоохранение эти страны подходят очень осторожно. Если в экономике уровень приватизации очень высок, то полностью приватизированных больниц очень мало. В Венгрии после длительной дискуссии отказались от приватизации фонда социального страхования. Главным звеном реформы в Польше и Венгрии стало создание независимых общенародных фондов медицинского страхования. В Польше такой фонд получает средства, главным образом, от государства и предприятий и распространяет свои услуги на всех членов семьи лица, имеющего медицинскую страховку. Лечебные учреждения получают средства не непосредственно из государственного бюджета, но по контрактам с фондом медицинского страхования, в соответствии с проделанной работой. Этот метод, по мнению руководителя китайской делегации, является приемлемым и для Китая. Изучается и опыт других стран, в частности Испании и Бразилии. И здесь отмечается тенденция к возрастанию роли государства, прежде всего центрального бюджета

в финансировании здравоохранения и медицины при одновременном использовании различных форм кооперации с частным капиталом. Это способствует сокращению межрегиональных различий в обеспеченности населения, в особенности пожилого, медицинскими услугами.

В августе 2006 года Госсовет КНР создал координационную группу по реформе здравоохранения, куда вошли представители полутора десятков министерств и государственных комитетов. В конце 2006 года большинство ведомств одобрили представленный Министерством здравоохранения проект, который предусматривал предоставление практически бесплатных медицинских услуг в коммунальных больницах почти всем городским жителям. Суммарные правительственные расходы при таком варианте оценивались в 269 млрд юаней.

В начале 2007 года было решено привлечь к параллельной подготовке проектов реформы шесть независимых отечественных и зарубежных исследовательских центров, в числе которых были Пекинский, Фуданьский, Народный университеты, ВОЗ, Мировой банк, консалтинговая компания «Маккензи». Позже к ним подключились Пекинский педагогический университет и университет Цинхуа в кооперации с Гарвардским университетом.

В марте 2007 года свою точку зрения на реформу здравоохранения обнародовало Министерство финансов КНР. Она сводилась к тому, что медицинские услуги должны быть платными, солидаризируясь тем самым с рыночной моделью.

В конце мая 2007 года самостоятельные проекты были впервые совместно рассмотрены на совещании, созванном Госкомитетом по развитию и реформам, с участием министерств здравоохранения, финансов, труда и социального обеспечения и других ведомств. Большая часть представленных разработок ориентировались преимущественно на ведущую роль государства, меньшая — на рынок.

Госсовет КНР в 1994 году на основе опыта проведенных экспериментов выработал план реформирования системы медицинского страхования, который был принят в конце 1998 года (Решение Госсовета о создании системы медицинского страхования рабочих и служащих в городских и сельских районах). Основными направлениями реформы были: «низкий уровень, широкое покрытие, двустороннее покрытие расходов и соответствие счетов». «Двустороннее покрытие расходов» представляет собой совместную оплату стоимости базовой страховки организацией и служащими, а «соответствие счетов» предполагает соответствие денег, потраченных на страхование отдельными людьми, с установленными суммами.

Это событие ознаменовало конец системы государственного страхования рабочих и служащих, существовавшей в Китае более 40 лет. К концу 2000 года в стране уже была создана основа новой системы страхования, охватывающая более 50 миллионов человек.

В апреле 2002 года на конференции, посвященной социальному обеспечению работников, которая проводилась в Харбине, было высказано требования об ускорении проведения реформы медицинского страхования рабочих и служащих в городских и сельских районах, реализации защиты основных требований по медицинскому обслуживанию для рабочих и служащих, а также требование гарантировать переход более 90 процентов медицинского страхования под управление региональных страховых организаций [куда входят по районному принципу организации, работодатели и сотрудники. Это действует только для получения базовой страховки] и увеличить количество лиц, имеющих страховку,

до 80 миллионов. Реформа системы медицинского страхования уже добилась значительных успехов, к концу июня этого года (какого?) уже функционировало 307 из 349 региональных страховых организаций, что составляет 88 % от общего количества, а также количество застрахованных превысило 50 миллионов 260 тысяч человек, что насчитывает 30% от общего числа людей, которые должны быть застрахованы.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ, ПРОЯВИВШИЕСЯ В НОВОЙ СИСТЕМЕ

Новая система предоставляет только базовое страхование, которое покрывает не все медицинские расходы. Граждане, привыкшие на протяжении нескольких десятилетий пользоваться бесплатными медицинскими услугами, кажется с трудом сразу свыкнуться с суровой необходимостью самостоятельно оплачивать услуги врача и будут явно проявлять симпатию к ушедшей системе медицинского обслуживания. Вместе с тем, новая страховка не распространяется на детей, в то время как система бесплатного медицинского обслуживания и государственное страхование рабочих и служащих предусматривало, что расходы на медицинское обслуживание детей несут организация, где работают родители.

В новой системе также недостаточно проработан вопрос профилактики заболеваний. Раньше диагностике уделялось большое внимание, в каждой организации был выработан график профилактических осмотров, проводившихся в определенных амбулаториях и детских эпидемиологических пунктах. По новой системе страхования данные мероприятия проводятся в рамках амбулаторного приема. Это может привести к тому, что болезни не будут своевременно диагностироваться, и незначительные заболевания с течением времени могут превратиться в тяжелые недуги. В то время как за рубежом диагностика считается лучшим способом предотвращения серьезных болезней.

2. Больницы могут тормозить реформу системы страхования (волочиться за системой как задняя нога)

Реформирование медицинского страхования является самой сложной задачей в рамках преобразования системы социальной защиты в Китае, затрагивая органы социального страхования, отдельных личностей, предприятия, организации, больницы и другие медицинские учреждения. Запутанные связи в процессе лечения в больнице стали еще более сложными. Трудности вызывает не реформа системы медицинского страхования как таковая, а ряд сопутствующих задач. Так, замедляющим фактором в ходе реформирования может стать преобразование медицинских учреждений и системы производства лекарств. Для нормального функционирования больниц, которые являются нерентабельными предприятиями, необходима постоянная поддержка, государственные влияния могут компенсировать только половину требуемой суммы. Остальные 50% должны быть получены путем продажи медикаментов.

Нерациональность системы лекарственного обеспечения является еще одной заметной проблемой. Отбросив значительные различия между городом и деревней (городские жители, насчитывающие всего 30 % от населения страны [на данный момент уже 35,22 по википедии], имеют доступ к 70 % медицинских ресурсов), система городских больниц является абсолютно ненаучной [и что он хотел сказать].

Более 90 % пациентов страдают лишь незначительными заболеваниями, и им необязательно посещать крупные многопрофильные больницы для лечения [тут с автором можно поспорить]. Однако на данный момент более распространенными являются именно крупные лечебные учреждения, а небольших районных больниц достаточно мало. Преобладание крупных больничных комплексов и высокая стоимость строительства усиливает необходимость (желание) возмездия. Незрелость сети небольших районных лечебных учреждений, увеличивает стоимость медицинских услуг для населения и повышает стоимость медицинского страхования.

3. Изъяны (регламента) новой системы

В соответствии с новой системой медицинского страхования, участники должны оплатить лишь часть расходов, что обычно не превышает самую высокую сумму медицинского обслуживания, установленную в фонде страхования (основываясь на примере Шанхая: новая страховка в итоге превысила средние доходы служащего в 5 раз, составив в 2000 году 56.0000 юаней). Некоторые больницы и доктора для того, чтобы получить больше денег из фондов страхования переводят средства на счета своей больницы или конкретного учреждения, не ограничиваясь опубликованием количества услуг и их стоимостью. [наверно речь идет о получении денег напрямую с фондов медстрахования себе в карман]. Таким образом, владельцы карт страхования могли быть обмануты отдельными врачами или больницами, которые действуя рука об руку, присваивали государственные средства. В другом случае медицинской страховкой одного лица пользуется вся его семья, потому что в период действия страховой карточки больница не настаивает на том, чтобы ее владелец являлся лично.

ПЛАН ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ С УЧЕТОМ ВЫЯВЛЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Реформирование системы медицинского страхования действительно сталкивается с определенными трудностями. Необходимо признать, что провести реформу взвешенно и быстро довольно сложно. Реформирование подобной системы — вероятно сложная задача, которую нельзя решить одним махом. Она требует значительного времени и постоянной выработки наилучшей стратегии преобразований.

1. Оптимизация распределения медицинских ресурсов и повышение эффективности их использования

Необходимо создать реально действующий механизм конкуренции уполномоченных лиц и систему «отхода/отказа» в отношении определенных медицинских структур (организаций). Согласно статистическим данным, количество компьютерных томографов в больницах Китая в разы превосходит подобные показатели в США и Японии. Каждое лечебное учреждение старается заработать как можно больше денег, проводя компьютерную томографию большому числу пациентов, что не только увеличивает стоимость услуг, но и приводит к значительному расходу ресурсов [наверно материальных]. Поэтому государство должно централизованно распределять и контролировать высокотехнологическое медицинское оборудование. В отношении диспропорции крупных больниц и районных лечебных учреждений небольшого масштаба необходимо создать механизм реальной конкуренции, чтобы происходил «естественный отбор» по законам рынка, и правительство не могло заниматься покровительством!

2. Гарантия эффективности использования средств фонда базового медицинского страхования и снижение бесполезных расходов пациентов

Необходимо полностью использовать результаты современных информационных технологий для продвижения и стимулирования системы медицинского страхования. Необходимо создать базы данных в городах, чтобы с помощью различных методов сканирования и поиска по сети проводить мониторинг и контроль использования средств региональными страховыми организациями, а также оценивать степень реализации планов. С радостью можно заявить, что в Китае на данный момент активно используются компьютерные технологии для реформирования системы распределения лекарственных препаратов без очередей, активно внедряются координированные оптовые торги медикаментами и санитарно-гигиеническим оборудованием. Создание базы данных по ценам позволит мгновенно распространять информацию о стоимости страховых услуг в различных организациях и опубликовывать официальные ценовые стандарты (установленные властями).

3. Также необходимо создать многоуровневую структуру медицинского страхования, правильно определить условия получения медицинского обслуживания, активизировать поиск способов и путей оказания медицинской и социальной помощи, решить вопрос предоставления медицинской помощи наиболее нуждающимся слоям населения. Медицинское страхование должно стать многоуровневой системой, которая кроме базового уровня (страхования) должна включать в себя дополнительное медицинское страхование, коммерческое медицинское страхование, систему оказания медицинской помощи. Дети, пенсионеры и беднейшие слои населения также должны быть включены в систему оказания медицинской помощи.

Несмотря на то, что реформа системы медицинского образования уже достигла масштабных результатов, однако до сих пор существует множество серьезных проблем, которые необходимо решить для завершения преобразования системы социального страхования. Процесс реформирования в любом случае потребует значительных денежных вложений, что потребует значительных усилий как от руководства страны, так и от широких слоев общественности.

А.В. Попов

РОССИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI в.)

Сотрудничество с Монголией всегда принадлежало к числу весьма важных и актуальных сфер внешней политики современной России, особенно на дальневосточном ее направлении. Вместе с тем российско-монгольские отношения имеют под собой глубокие исторические основания, заложившие фундамент текущего развития связей между двумя странами, двумя народами и цивилизациями.

Влияние России сыграло особую роль в истории становления и формирования ныне существующего независимого Монгольского государства. До 1911 г. территории, населенные монголоязычными народами (за исключением калмыков и большинства бурят), находились в составе китайской империи Цин. В декабре 1911 г. Внешняя Монголия, воспользовавшись кризисом в Китае, приведшим к Синьхайской революции, провозгласила свою независимость. При этом «монгольский вопрос», т.е. вопрос о государственном суверенитете Внешней Монголии, в первой половине XX в. принадлежал к числу весьма острых проблем мировой политики, особенно в тех ее областях, которые были связаны с российско и советско-китайскими отношениями. С 1911 по 1946 г., когда фактическая независимость Монголии от Китая еще не получила международно-правового признания, именно Россия, а дальнейшим и Советский Союз выступили гарантами этой независимости. Прчем характерный для России и СССР подход к отношениям с Монголией в первой половине XX в., как, кстати, и прежде, отличался от китайского отсутствием в нем сформулированного на уровне государственной идеологии стремления к расширению пределов собственного государства за счет монгольских территорий (История России. Россия и Восток. Сост. Ю.А. Сандулов. СПб., 2002. С. 613). Именно политический курс России и СССР (при всех его изменениях, обусловленных ходом новейшей российской истории) наряду с поддержкой, оказанной идеям национального освобождения подавляющим большинством монголов, сыграл основную роль, способствовавшую формированию условий для окончательного завершения процесса строительства независимого монгольского государства. Важнейшей вехой на этом пути стали решения о сохранении суверенитета Внешней Монголии в системе послевоенного мироустройства, принятые лидерами держав антигитлеровской коалиции по инициативе Советского Союза в 1945 г. на конференции в Ялте. Наглядным воплощением этих решений стало состоявшееся 5 января 1946 г. признание гоминьдановским правительством республиканского Китая государственной независимости Внешней Монголии, в то время носившей официальное название «Монгольская Народная Республика». Коммунистическое правительство, пришедшее к власти в Китае после революции 1949 г., поначалу настаивало на возвращении Внешней Монголии в состав Китайской Народной Республики, но и оно в конце концов согласилось с необходимостью установления отношений с МНР как с независимым государством. О побудительных мотивах, которым в данном случае руководствовались лидеры КНР, отчасти можно судить по словам Мао Цзэ-дуна: «Мы в свое время ставили вопрос, нельзя ли вернуть Внешнюю Монголию Китаю. Они (высшее политическое руководство СССР. — А.П.) сказали нет» (<http://rus.ruvr.ru/2010/02/17/4508887.html>).

В 1961 г. Монголия при поддержке Советского Союза стала полноправным членом ООН. К началу 1980-х гг. большинство государств-участников международного общения, (за исключением, пожалуй, лишь США, официально признавших МНР в 1987 г.) установили с ней полномасштабные дипломатические отношения.

На международной арене обретая государственный суверенитет Монголия вплоть до конца 80-х гг. XX в. оставалась одним из наиболее последовательных союзников СССР. МНР следовала в фарватере советской внешней политики и в глобальных вопросах, например, во взаимоотношениях с Западным миром, и в вопросах строительства отношений со странами Восточноазиатского региона. Последнее явствует из позиции, занятой монгольским правительством в период обострения советско-китайских противоречий в 1960-е — 70-е гг. В это время контакты между МНР и КНР по инициативе монгольской стороны были фактически заморожены, и на территории Монголии была размещена противостоящая Китаю мощная группировка советских войск.

Продолжением тесных союзнических отношений, связывавших Монголию с Советским Союзом, явились глубокие и принципиальные изменения в развитии монгольского общества. За годы монгольской независимости под советским влиянием в стране были проведены масштабные политические, экономические и социальные реформы. Их цель состояла в том, чтобы в сжатые исторические сроки построить в отсталой кочевой стране наиболее передовую (в тогдашних советских представлениях) социалистическую систему общественных отношений. Идейный фундамент реформ был сформирован основными положениями теории «некапиталистического развития», в рамках которой была сконструирована новая модель эволюции монгольского общества, принципиально отличавшаяся от особенностей его предшествующей истории. По сути, смысл этих инноваций состоял в том, чтобы при всесторонней помощи и содействии СССР обеспечить максимальную синхронизацию механизмов развития советского и монгольского обществ и на этой основе добиться ускорения прогрессивного развития Монголии (в том понимании социального прогресса, которое было свойственно советской политической идеологии).

Следует подчеркнуть, что в глобальной внешнеполитической стратегии Советского Союза, особенно в 1960-е — 80-е гг., успешному развитию общественных преобразований в МНР придавалось особое значение, далеко выходящее за пределы двухсторонних советско-монгольских связей. Пример ускоренной модернизации Монголии, проведенной при непосредственном участии СССР, должен был способствовать росту политического авторитета Советского Союза в мире, особенно в тех странах Азии, Африки и Латинской Америки, которые после Второй мировой войны освободились от колониальной зависимости и оказались перед альтернативой выбора путей дальнейшего развития (Гатаулина Л.М. Проблемы некапиталистического развития. Монгольская Народная Республика. М., 1978. С.289). Впрочем, стремление СССР к максимальному увеличению числа своих сторонников в правящих кругах этих стран столкнулось с острым противодействием США и их западных союзников. Кроме того с конца 1950-х гг. в конкуренцию за влияние в «третьем мире» вступил коммунистический Китай, руководство которого развернуло широкую пропаганду идей о необходимости ускорения социалистических революционных преобразований в мировом масштабе и об отрицании конструктивного значения советского опыта для общественных реформ в странах Востока. В этом контексте пример успешного продвижения Монголии по пути «некапиталистического разви-

тия», используемый в качестве наглядного подтверждения действенности советской теории прогрессивного развития отсталых и слаборазвитых государств, превратился в один из элементов борьбы Советского Союза за мировое лидерство. В конце 1950-х — начале 1980-х гг. широкая пропаганда монгольских достижений использовалась советским руководством для налаживания союзнических отношений с Кубой, Вьетнамом, Лаосом, Эфиопией, Анголой, Йеменом, Афганистаном. Причем наибольший интерес в этих странах вызвал прогресс, достигнутый Монголией в экономической и социальной областях и ставший безусловным следствием ее вовлечения в советский проект общественного развития. Действительно, традиционный монгольский кочевой уклад жизни к началу 1960-х гг. стал постепенно уступать место индустриализации и урбанизации. К началу 1980-х гг. доля промышленности в структуре производимого Монголией ВВП достигла 45% (Черноярова А.А. Монгольская Народная Республика. Экономико-географическая характеристика. Иркутск, 1985. С.60,61). По этому показателю индустриальная сфера экономики впервые в монгольской истории опередила аграрный сектор. К началу 1990-х гг. в МНР было построено и введено в эксплуатацию 450 крупных промышленных объектов, причем доля советских инвестиций в развитие монгольской индустрии составила 90%. Приоритет в формировании отраслевой структуры промышленности был отдан добыче и первичной обработке полезных ископаемых (каменного и бурого углей, меди, вольфрама, молибдена, флюорита), многочисленные и уникальные месторождения которых активно вводились в хозяйственный оборот. Именно горнодобывающая промышленность сыграла в 1950-е — 70-е гг. роль локомотива в экономическом развитии Монголии. Вокруг построенных в то время угольных шахт, рудных разрезов и мощных горно-обогатительных комбинатов в степи возникли новые города и поселки (Эрдэнэт, Дархан, Шарын-Гол, Бага-Нуур, Бор-Ундур). За счет массового притока рабочей силы в развивающиеся промышленные центры Монголия пережила настоящий бум урбанизации, о чем свидетельствует превращение к началу 1980-х гг. городских жителей в преобладающую часть ее населения.

Для обеспечения энергетических потребностей новых отраслей промышленности и растущего городского хозяйства в стране были введены в строй крупные электро и теплогенерирующие мощности. В 1980 г. установленная мощность всех электростанций МНР исчислялась в 430 тыс. кВт, а выработка ими электроэнергии достигла 1634,7 млн. кВт/ч. При этом следует учесть, что до создания крупной промышленности, энергетики как отрасли хозяйства в Монголии не существовало (Гунгаадаш Б. Экономическая география Монголии. М., 1984. С. 139, 141). В 1984 г. действующие на территории МНР электростанции и линии электропередачи были включены в единую энергосистему СССР, что резко повысило эффективность и надежность работы энергоемких отраслей монгольской экономики, прежде всего горнодобывающего комплекса.

В 1950-е — 80-е гг. Монголия совершила скачок в развитии транспортной инфраструктуры. Если в начале этого временного отрезка страна практически не имела благоустроенных путей сообщения, то к его концу из Улан-Батора в административные центры всех аймаков были проложены автодороги. Помимо этого между монгольской столицей и аймачными центрами было налажено регулярное авиасообщение. В 1956 г. вступила в строй трансмонгольская Улан-Баторская железная дорога (УБЖД), связавшая рельсовыми путями, проложенными через территорию МНР, железнодорожные системы Советского Союза и Китая. В конце 1980-х гг. УБЖД

приняла на себя $\frac{3}{4}$ всего монгольского грузооборота во внутригосударственном и международном сообщении. Это обстоятельство не только способствовало качественному увеличению экспортного потенциала горнодобывающей отрасли экономики МНР, но и сформировало условия для включения страны в межгосударственные хозяйственные связи, особенно бурное развитие которых происходило в тот период в сфере взаимоотношений Монголии с ее основным торгово-экономическим партнером — Советским Союзом.

Быстрый рост тяжелых отраслей промышленности и сопутствующей им инфраструктуры в 1950-е — 80-е гг. был дополнен значительными переменами и в других сферах монгольской экономики. Преобразования в ее аграрном секторе являлись весьма значимым приоритетом в программе социально-экономического развития МНР. В отмеченный нами период в Монголии были осуществлены крупномасштабные мероприятия по стимулированию перехода традиционного подвижного скотоводческого хозяйства к оседлым формам экономической жизни. С этим сочеталось создание отраслей агропромышленного комплекса, ориентированных на углубленную обработку различных видов сырья, производимого как традиционным для Монголии животноводством, так и быстро развивающимся в стране земледелием.

Бурный рост монгольской экономики в 1950-е — 80-е гг., соответствовавший среднегодовому увеличению ВВП на 20%, был дополнен глубокими изменениями в государственной социальной политике. За счет растущих возможностей собственного госбюджета, помноженных на разностороннее содействие и помощь Советского Союза, в МНР было начато финансирование масштабных программ жилищного строительства, здравоохранения, социального обеспечения. Тем самым в стране были созданы условия для повышения рождаемости, снижения смертности, увеличения средней продолжительности жизни населения и, как следствие, — для быстрого роста его численности. Если за период с 1940 по 1960 г. ежегодные темпы прироста населения в МНР составляли 1 %, то в 1961 — 1983 гг. они достигли 2,8-3%. За этот период население страны почти удвоилось и на 1 января 1984 г. составило 1.820 тыс. человек (Черноярова А.А. Указ. соч. С.25).

Растущей монгольской экономике требовались квалифицированные кадры. Для их подготовки в 1950-е — 80-е гг. в МНР была создана государственная система высшего и среднего профессионального образования, дополненная реформой средней и начальной школы. В 1985 г. в монгольском законодательстве появилась норма об обязательном восьмилетнем образовании. Помимо этого на протяжении упомянутых выше трех десятилетий 55 тыс. граждан Монголии получили высшее и среднее профессиональное образование в СССР.

Нет сомнений в том, что инновации в общественном развитии Монголии большей частью возникли под влиянием ее долговременных и разносторонних связей с СССР. Новые отрасли монгольской экономики создавались на основе долгосрочных целевых программ советско-монгольского сотрудничества, при непосредственном организационном, финансовом, технологическом участии СССР и его восточноевропейских союзников — стран членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Главным образом советские, но также и болгарские, чехословацкие, восточногерманские специалисты строили в Монголии промышленные предприятия, города, дороги. Именно эти специалисты стали костяком квалифицированных кадров, обеспечивающих работу основных отраслей экономики, городского хозяйства, объектов транспортной инфраструктуры.

При этом на монгольскую почву из советской действительности была перенесена не только сумма индустриальных технологий, но и административно-распорядительные методы управления экономикой. Впрочем, той же степенью сходства с советской действительностью отличалась и происходившая в Монголии в 1950-е — 80-е гг. эволюция системы государственной власти, образования, науки, культуры. Очевидно впрочем и то, что монгольское общество отнюдь не всегда легко и естественно адаптировалось к глубоким переменам, происходившим в его развитии вследствие внешних влияний. Зачастую результаты происходивших в нем перемен являлись скорее не подтверждением, а опровержением практической возможности и целесообразности применения тех форм и методов социального реформирования, которые вытекали из основных положений теории «некапиталистического развития». Система государственной власти, в том виде, в котором она сложилась в Монголии в 1950-е — 80-е гг., с точки зрения ее идейных основ, внутренней структуры и квалификации кадрового корпуса, во многом копировала советские образцы, а поэтому во многом зависела от политической и экономической поддержки извне и была далеко не во всем приспособлена к самостоятельному, эффективному и инициативному управлению страной. Рост монгольской экономики, обеспеченный за счет ввода в строй многочисленных новых индустриальных мощностей, был по преимуществу экстенсивен и поддерживался за счет масштабных внешних (прежде всего советских) инвестиций. Государственная монгольская промышленность оказалась экономически неэффективной и лишенной внутренних стимулов к совершенствованию и развитию. Структурная перестройка монгольского хозяйственного комплекса способствовала массовому оттоку сельских жителей в города. При этом рост производства в аграрном секторе оказался недостаточным для обеспечения продовольственными ресурсами растущего населения страны и не покрывал потребностей обрабатывающих отраслей промышленности в сельскохозяйственном сырье. Диспропорции между увеличивающимся внутренним спросом на продовольственные и потребительские товары и возможностями экономики к их производству не в последнем счете стали результатом непродуманных преобразований в аграрном секторе и прежде всего — насильственной коллективизацией скотоводческих хозяйств, проведенной в конце 1950-х — начале 60-х гг. Следствием коллективизации стал кризис традиционного кочевого скотоводческого хозяйства, которое не смогло приспособиться к навязанным ему изменениям в системе производственных отношений. Этот кризис был дополнен нерентабельностью и низкой производительностью новых оседлых государственных экономических форм, созданных взамен кочевничества в монгольском худуне за счет весьма значительных объемов советской финансовой и технической помощи.

До известных пределов негативное воздействие упомянутых выше диспропорций и перекосов в общественном развитии на положение в стране смягчалось или вовсе нейтрализовывалось советским политическим содействием и экономической поддержкой.

Однако кризис, обострившийся в Советском Союзе в конце 1980-х гг. и приведший его к распаду в декабре 1991 г., стал поворотным пунктом как в истории отношений Монголии с великим северным соседом, так и во всей ее новейшей истории. К концу 1980-х гг. СССР, оказавшийся в крайне трудном экономическом положении, вынужденно прекратил инвестиции в развитие монгольской экономики. При этом в разряд «недостроя» попали около 250 крупных объектов монгольской промышлен-

ности и транспортной инфраструктуры. Одновременно резко сократился и жизненно важный для Монголии товарооборот в ее внешней торговле с Советским Союзом. Именно последний до начала 1990-х являлся потребителем 90% всей экспортной монгольской продукции (в основном минерального сырья). Взамен, согласно двусторонним соглашениям с СССР и многосторонним правилам внешней торговли в рамках СЭВ, МНР должна была получать (и вплоть до конца 1980-х гг. получала) необходимые ей для покрытия внутреннего дефицита продовольствие и потребительские товары, а также горюче-смазочные материалы, промышленное, транспортное и сельскохозяйственное оборудование, запасные части и комплектующие, обеспечивающие функционирование ее народно-хозяйственного комплекса. В начале 1990-х гг. объем этих импортных поставок сократился двукратно и упал ниже уровня, позволяющего Монголии покрыть минимальные потребности ее внутреннего потребительского рынка и дающего возможность сохранить работоспособность основных отраслей экономики. В таких условиях зависимость социально-экономической жизни МНР от внешних факторов оказалась фатальной для всей системы общественных отношений, которая сложилась в стране во время ее продвижения по пути «некапиталистического развития». Несбалансированная с точки зрения отраслевой структуры экономика Монголии столкнулась с трудностями, поставившими ее на грань паралича, прежние механизмы управления народным хозяйством более не действовали, финансовая система страны была близка к краху, крайних форм достигло обострение ситуации на рынке потребительских товаров.

Вполне естественно, что трудности, пережитые Монголией в конце 1980-х — начале 1990-х гг., ассоциировались в сознании большинства ее граждан с негативной ролью, которую сыграло в развитии страны влияние северного соседа. В различных слоях монгольского общества, не исключая и политический истеблишмент, прочно укоренились представления о том, что советско-монгольские отношения, в том виде в каком они существовали после Второй мировой войны, не соответствуют национальным интересам Монголии. Власть, которая принадлежала Монгольской народно-революционной партии (МНРП), являвшейся до 1990 г. единственной политической партией в стране и игравшей согласно Конституции роль ядра ее государственной системы, все чаще обвиняли в бездумном подчинении «старшему советскому брату», ввергнувшему Монголию в экономический и политический кризис. В этих обвинениях нередко звучали шовинистические и русофобские нотки. В сложившихся обстоятельствах неизбежным стал массовый отъезд на родину советских специалистов, трудившихся в различных отраслях монгольской экономики. Помимо этого в 1986 г. из Монголии были выведены советские войска, что стало результатом нормализации отношений между СССР и КНР.

Кризис системы общественных отношений, во многом спровоцированный сложившимся к концу 1980-х гг. вакуумом прежнего влияния СССР, предопределил объективную необходимость глубоких политических и экономических перемен, которые начались в Монголии в конце восьмого и начале девятого десятилетия XX в. К 1989 г. обострение внутреннего положения в стране достигло крайних форм. Недовольство, накопившееся к этому времени в массовом сознании, выплеснулось на улицы Улан-Батора и других монгольских городов в форме стихийных антиправительственных митингов и демонстраций. В ноябре 1989 г. многочисленные участники этих выступлений организовали блокаду правительственных зданий в центре монгольской столицы. Правительство во главе с генеральным секретарем ЦК МНРП

Жамбыном Батмунхом, утратившее контроль над положением в стране, вынуждено было уйти в отставку. На состоявшейся вслед за этим сессии высшего органа законодательной власти Великого Государственного Хурала (ВГХ) были внесены изменения в Конституцию МНР, отменившие монополию МНРП на государственную власть. В 1990 г. в Монголии прошли первые многопартийные выборы, а в 1992 г. в стране была принята новая Конституция, изменившая прежнее государственное и общественное устройство. Конституцией было утверждено современное название страны «Государство Монголия» («Монгол Улс»), установлена парламентская республиканская форма государственной власти и учрежден пост президента, которому были переданы функции главы государства и главнокомандующего вооруженными силами.

Конституцией 1992 г. был сформирован правовой фундамент рыночных реформ, основанных на западных принципах законодательного регулирования экономического развития. Впрочем, изменения в конституционном законодательстве и перестройка структур государственной власти не привели к скорому и эффективному разрешению обострившихся в монгольском обществе экономических, политических и социальных противоречий и не оказали сколько-нибудь существенного позитивного влияния на кризисное состояние монгольского общества. В 1990-е — 2000-е гг. социально-экономическая ситуация в стране продолжала оставаться стабильно тяжелой. Несмотря на попытки реформ, предполагавших приватизацию и развитие рыночных механизмов в экономике, кризис, наступивший в конце 1980-х гг. после прекращения поддержки со стороны Советского Союза и приведший к повсеместному обнищанию и безработице, до сих пор не преодолен. Монголия, обладающая огромными минеральными ресурсами, ныне является одной из самых бедных стран Азии: уровень ее ВВП на душу населения составляет всего \$ 3,2 тыс. в год, треть населения живет за официально установленной чертой бедности.

Тенденции государственно-политического развития, свойственные монгольскому обществу на протяжении двух последних десятилетий его истории, не свидетельствуют о формировании в стране эффективной системы власти и о стабилизации ее внутривнутриполитического положения. Поскольку именно парламент является в современной Монголии наиболее важным органом государственного управления, наделенным весьма широкими контрольно-распорядительными полномочиями, постольку и выборы его депутатов с 1990 г. и по сей день представляют собой главное поле политических баталий. Причем особенностью, присущая этим баталиям, в последнее время состоит в том, что они протекают отнюдь не только в парламентских формах, но порой выливаются и в открытое противостояние сторонников различных политических партий, приводящее к разгулу насилия и к массовым беспорядкам. Монгольская Народно-революционная партия, которая в начале 1990-х гг. отказалась от прежней марксистско-ленинской идеологии и объявила себя социал-демократической партией, представляющей интересы большинства монголов, в истекшее двадцатилетие сохранила весомый политический авторитет и осталась в числе главных конкурентов, ведущих борьбу за контроль над ВГХ. Основным ее противником в этой борьбе является прозападная консервативно-либеральная коалиция, лидером которой выступает Демократическая партия (в 1990-е гг. именовавшаяся Национально-демократической). В 1990 г. победу на первых в истории Монголии многопартийных парламентских выборах одержала МНРП, получившая большинство депутатских мандатов в ВГХ. Однако на следующих выборах в ли-

деры по числу голосов избирателей вышла партийная коалиция во главе с ДПМ, которая на четыре года стала ведущей политической силой в стране. Впрочем, консервативно-либеральной коалиции, чья политика вызвала массовое недовольство в различных социальных слоях монгольского общества, не удалось надолго удержаться на вершине власти. Результатом прошедших в 2000 г. очередных выборов в парламент стало возвращение к власти МНРП. Однако и ее политический триумф оказался недолгим, поскольку на следующих выборах депутатов ВГХ в 2004 г. ни Демократическая, ни Народно-революционная партия не смогли получить решающего преимущества и образовали парламентскую коалицию, согласованным решением которой главой монгольского правительства был утвержден представитель ДПМ Цахиагийн Элбэгдорж. Но уже через год в 2005 г. в кабинете министров Монголии произошел резкий конфликт между представителями двух основных партий, заключивших коалиционное соглашение о формировании правительства. В результате, десять министров-членов МНРП покинули свои посты, из-за чего высший орган исполнительной власти утратил легитимность. В ответ на это сторонники прозападной ДПМ вышли на улицы монгольской столицы. 12 января они разгромили здание штаб-квартиры МНРП. Беспорядки в Улан-Баторе были подавлены силой полиции и регулярных войск. В конце января в стране был сформирован новый кабинет министров, полный контроль над которым вновь получила МНРП. Результаты последних парламентских выборов, прошедших в июне 2008 г., на первый взгляд, свидетельствовали о том, что симпатии монгольских избирателей всерьез и теперь уже надолго оказались на стороне именно этой партии. Во время предвыборной кампании МНРП не скупилась на щедрые посулы, обещая в случае своей победы выдать всем гражданам Монголии особые сертификаты, по которым каждому из них следовало выплатить по 1,5 млн. тугриков (\$1300) из фонда «Дары родины», пополняемого за счет доходов от экспорта минерального сырья. Подобные формы агитации оказались весьма действенными, поскольку Народно-революционная партия получила в ВГХ 45 мандатов из 76. Что касается ее главного конкурента, Демократической партии, то голосов избирателей, поддержавших последнюю, хватило для образования парламентской фракции в составе всего лишь 25 депутатов. Получив эти данные, лидер оказавшейся в оппозиции ДПМ Цахиагийн Элбэгдорж заявил о том, что результаты выборов нельзя считать легитимными, поскольку в ходе подсчета голосов избирателей действительный результат, показанный его партией, был занижен минимум на 30%. В подтверждение справедливости приведенных им сведений Элбэгдорж потребовал пересчета голосов. Поскольку власти к требованиям ДПМ не прислушались, ее сторонники 1 июля собрались на центральной площади Улан-Батора и вновь, как и два года назад, пошли на штурм штаб-квартиры МНРП. Штаб-квартиру подожгли, а пожарных, которые приехали ее тушить, стали забрасывать камнями. Кроме резиденции Народно-революционной партии сгорели находящиеся поблизости театр и Национальная галерея, в которой находилась ценная коллекция произведений искусства. Полиции пришлось стрелять в воздух и применить слезоточивый газ, чтобы рассеять толпу. Лишь после двух дней массовых беспорядков властям удалось взять ситуацию в Улан-Баторе под контроль. Тем самым оппозиции и на сей раз не удалось спровоцировать в Монголии «революцию юрт» по сценарию, напоминающему «цветные революции», которые в конце 1990-х и начале 2000-х гг. изменили течение политической жизни в некоторых странах на постсоветском пространстве.

Продолжением противостояния политических сил в Монголии стали президентские выборы в мае 2009 г., победу на которых одержал кандидат от оппозиционного МНРП блока консервативно-либеральных партий Цахиагийн Элбэгдорж. Тем самым, маятник пристрастий монгольских избирателей вновь качнулся вправо, дополнительным образом осложнив и без того запутанную и противоречивую внутриполитическую ситуацию в стране.

Впрочем, как будет ясно из дальнейшего, частая смена власти на протяжении двух последних десятилетий не оказалась непреодолимым препятствием на пути постепенного формирования стабильного и предсказуемого курса Монголии в сфере внешней политики, в том числе — в ее отношениях с Россией. Новый этап в этих отношениях наступил в 1991 г. после распада СССР. Налаживание контактов монгольских властей с новым правительством России во главе с президентом Б.Н. Ельциным происходило в весьма непростых условиях политического и экономического кризиса, который каждая по-своему переживали обе страны. Но кроме текущих сложностей строительство российско-монгольских отношений в начале 1990-х гг. было отягощено изрядным грузом исторически сложившихся противоречий и проблем, которые и та, и другая сторона вынуждены были разрешать как правопреемники СССР и МНР.

Прежде всего, речь идет о проблеме монгольских долгов Советскому Союзу. Общий объем задолженности Монголии по ранее предоставленным ей советским кредитам в 1991 г. составлял около 10 млрд. переводных рублей. Переговоры по проблеме «большого монгольского долга» были инициированы еще советским правительством в 1988 г. Однако ко времени начала российско-монгольских отношений эти переговоры были далеки от сколько-нибудь позитивного завершения. Позиция российской стороны в начале 1990-х гг. состояла в стремлении к поиску согласованных решений о сроках, способах и форме возврата заимствований. Монгольская сторона, напротив, настаивала на необходимости достижения политического компромисса по проблеме «большого долга», аргументируя свою точку зрения тем, что советские инвестиции в экономику МНР были воплощением особых политических интересов СССР в Монголии. Вполне очевидно, что столь разительные расходы, выявившиеся в отмеченный период в позициях сторон, исключали возможность достижения договоренностей как о погашении монгольских долгов, так и об их списании.

К числу «болевых точек» в российско-монгольских отношениях на этапе их становления в начале 1990-х гг. следует отнести и разногласия в подходах сторон к вопросам о распределении долей собственности в акциях совместных предприятий, учрежденных правительствами СССР и МНР и действовавших на территории Монголии. К числу таких предприятий относится, например, горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», работающий в сфере добычи и обогащения медно-молибденовых руд. В 1982 г. с вводом в строй второй очереди его обогатительной фабрики комбинат стал крупнейшим среди аналогичных ему предприятий, расположенных в Азии. С 1976 г., т.е. с момента его основания «Эрдэнэт» существовал в организационно-правовой форме советско-монгольского акционерного общества, в котором 51% собственности принадлежал МНР, а 49% — СССР. При этом монгольская сторона финансировала свой вклад в уставной капитал комбината за счет ссуды, полученной от советского правительства. В сложных условиях начала 1990-х гг. «Эрдэнэт» в числе немногих крупных объектов монгольской промышленности сохранил

работоспособность и превратился в ведущее и наиболее эффективное предприятие в экономике Монголии. При этом на ключевых административных и технических должностях в разных подразделениях комбината продолжали трудиться около 1000 российских граждан. Рост спроса на медь и молибден, определяемый конъюнктурой азиатских сырьевых рынков, способствовал тому, что продукция «Эрдэнэта» в первой половине 1990-х гг. оказалась главным предметом монгольского экспорта. В тот период доходы от продажи продукции комбината обеспечивали до 60% всех валютных поступлений в монгольский госбюджет (Лузянин С.Г. Россия — Центральная Азия и Китай: проблемы взаимных региональных интересов и сотрудничества. — Восток — Россия — Запад. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 636). Общий объем налоговых отчислений, поступивших в доход монгольского государства от деятельности АО «Эрдэнэт» с 1991 по 1996 г., превысил \$ 220 млн. При этом прибыль, причитающаяся акционерам комбината, достигла \$ 182 млн., из которых \$ 82 млн. — монгольской стороне, а оставшаяся часть — российской. Естественно, что вопросы о степени участия в управлении комбинатом и о контроле за его деятельностью в первой половине 1990-х гг. находились в ряду приоритетных пунктов экономической и бюджетно-финансовой политики монгольских властей. Причем, в числе авторитетных групп влияния в монгольских правящих кругах, стремившихся к определению ключевых формулировок этой политики, были и такие, кто настаивал на необходимости всемерного ограничения российской доли в акционерном капитале «Эрдэнэта» или даже на фактическом удалении российской стороны из числа собственников этого предприятия. Наибольшую активность здесь проявляли те политики, которые отстаивали интересы коалиции либерально-консервативных партий, выступавших за всемерное расширение и углубление сотрудничества Монголии с США и за всемерную вестернизацию проводимых в стране реформ. Представители этих партий в правительстве и в ВГХ, в том числе и один из руководителей высшего органа законодательной власти Содномын Зориг, неоднократно выступали с требованиями об аннулировании итогов приватизации «Эрдэнэта», под чем подразумевалась односторонняя денонсация Монголией достигнутых в 1994 г. договоренностей о признании Российской Федерации правопреемницей СССР в акционерном капитале комбината.

Разница в подходах к проблеме российской собственности в совместных предприятиях на территории Монголии (к числу которых кроме «Эрдэнэта» относятся, например, УБЖД, «Монголсовцетмет» и другие крупные экономические объекты) в 1990-е гг. использовалась различными монгольским политическим силами в качестве средства разрешения их взаимных конфликтов и противоречий. Наиболее красноречивым примером таких явлений в тогдашней политической жизни Монголии стала история увольнения от должности премьер-министра страны Ц. Наранцацралта в 1999 г. Помимо обвинений в коррупции, выдвинутых против этого государственного деятеля, причиной его отставки, по мнению большинства депутатов ВГХ, которое тогда принадлежало коалиции либерально-консервативных партий, являлось то, что бывший председатель правительства допустил злоупотребления властью и без санкции высшего законодательного органа подтвердил права российской стороны в акционерном капитале АО «Эрдэнэт» и в других российско-монгольских СП.

Изложенное, как кажется, позволяет понять особенности политической ситуации в Монголии в 1990-е гг., которая отнюдь не всегда и во всем благоприятствовала улучшению ее отношений с Россией. Вместе с тем к числу обстоятельств, в то время

не способствовавших позитивному развитию этих отношений, следует отнести и перемены в стратегии внешней политики самой России. Современные отечественные эксперты в области международных отношений и оборонной политики придерживаются, в общем, сходных мнений о том, что отсутствие в 1990-е гг. у российского руководства должного внимания к отношениям с Монголией негативно сказалось на их общем состоянии (Независимая газета. 06.04.2010). Кроме того в последнее десятилетие XX в. Российская Федерация не располагала сколько-нибудь весомыми возможностями, позволяющими ей в сфере контактов с Монголией претендовать на роль главного экономического партнера и наиболее значимого политического союзника. Вполне естественно поэтому, что с 1991 по 1999 г. доля России в совокупном товарообороте внешней торговли Монголии сократилась с 85 до 25%, и осводившееся таким образом коммерческое пространство на монгольском рынке занял Китай. В области межгосударственного военно-технического сотрудничества с Монголией, в которой в начале 1990-х гг. Россия удерживала ведущие позиции, в конце того же десятилетия преобладающее положение заняли страны НАТО, прежде всего США.

В равной степени, в 1990-е гг. не лучшим образом влияло на состояние отношений между Россией и Монголией обострение проблемы режима их совместной границы. В связи с сокращением возможностей, которыми обе страны располагали для контроля за соблюдением правил территориального размежевания, криминогенная ситуация и в российском, и в монгольском приграничье в то время существенно осложнилась. К этим осложнениям, негативно отразившимся на межгосударственных отношениях, привел всплеск трансграничной преступности, особенно массовых краж скота на российской территории (прежде всего в Республике Тува), в которых участвовали вооруженные банды, пересекавшие границу с монгольской стороны.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что все отмеченные противоречия и сложности являлись хотя и существенной, но не единственной особенностью, свойственной российско-монгольским отношениям в 1990-е гг. Необходимость в сохранении традиционного добрососедства и объективные потребности в налаживании взаимовыгодного сотрудничества побудили Россию и Монголию к тому, чтобы в изменившихся обстоятельствах внутреннего развития двух стран и в новых условиях международной жизни начать поиск путей к преодолению трудностей, накопившихся в их двусторонних связях. Политические и правовые основы для постепенного разрешения проблем, возникших в российско-монгольских отношениях после распада СССР, были заложены в 1993 г. во время государственного визита в Москву первого президента Монголии Пунсалмагийна Очирбата. Визит завершился подписанием межгосударственного договора о дружбе и сотрудничестве, который открыл возможности для восстановления и активизации двусторонних отношений в политической, экономической, научно-технической областях, а также в сферах образования и культуры. В 1990-е гг. эти возможности наиболее полно были реализованы на уровне установления региональных связей между соседствующими с Монголией российскими областями и республиками и монгольскими городами и аймаками. Обоюдная заинтересованность в развитии именно таких форм сотрудничества объясняется не только естественными предпосылками к развитию партнерства между территориями, примыкающими и с российской, и с монгольской стороны к общей границе, но и тем, что к концу 1990-х гг. Монголии в целом удалось миновать наиболее острый период внутреннего кризиса. В связи с этим массовое сознание широких

социальных слоев монгольского общества стало постепенно избавляться от навязанных кризисом русофобских стереотипов.

С 1992 по 1999 г. в рамках межрегионального сотрудничества между субъектами Российской Федерации и их монгольскими партнерами было подписано 80 официальных соглашений и подготовлено 32 проекта программ расширения приграничных связей (Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 636). В 1998 и 1999 гг. состоялись официальные визиты в Монголию президента Республики Бурятия Л. В. Потапова, губернаторов Кемеровской и Иркутской областей А.Г. Тулеева и Б.А. Говорина. Постоянные контакты были налажены и между органами законодательной власти российских регионов и Великим Государственным Хуралом. К концу 1990-х гг. доля поставок, осуществлявшихся по межрегиональным соглашениям, в общем объеме российского импорта в Монголию достигла 80%. В рамках договоров о региональном партнерстве были возобновлены забытые на время поворотимские связи между российскими и монгольскими городами (например, между Москвой и Улан-Батором), постоянными стали обмены творческими коллективами, возобновились утраченные и установились новые контакты между учреждениями культуры, образовательными и научно-исследовательскими центрами.

Именно межрегиональные связи в 1990-е гг. оказали весьма заметное позитивное влияние на общее состояние российско-монгольских отношений. Многоплановое сотрудничество на уровне регионов сыграло роль важного стимула к сглаживанию противоречий в сфере межгосударственных связей и способствовало активизации политического диалога между правительствами двух стран. Начиная с 1995 г. в практику этих связей вошел постоянно действующий институт политических консультаций между Министерствами иностранных дел двух стран, в рамках которых происходили и переговоры на министерском уровне. В 1995 г. президент Монголии Пунсалмагийн Очирбат принимал участие в проходивших в Москве торжествах по случаю пятидесятилетия победы во Второй мировой войне. В 1999 г. российская правительственная делегация прибыла в Монголию во время празднования 60-й годовщины победы советских и монгольских войск над японскими агрессорами на р. Халхин-гол. К той же годовщине был приурочен обмен визитами председателей высших органов законодательной власти и делегаций Советов безопасности двух стран. В декабре 1999 г. в России с государственным визитом побывал второй президент Монголии Нацагийн Багабанди. В Кремле состоялся его переговоры с президентом России Б.Н. Ельциным, по итогам которых был подписан целый ряд соглашений о расширении сотрудничества двух стран в различных областях.

Впрочем, свидетельства определенного потепления российско-монгольских отношений во второй половине 1990-х гг. не следует рассматривать как проявления их быстрого и всестороннего восходящего развития. Как уже говорилось, России не удалось вернуть себе утраченные в начале этого десятилетия позиции ведущего политического и торгово-экономического партнера Монголии. Ни у федерального российского правительства, ни у региональных властей в то время еще не было средств и возможностей, достаточных для системного установления широких интеграционных связей с Монголией. То же самое, впрочем, можно сказать и о практике, свойственной монгольской стороне в ее отношениях с Россией. Многие проекты экономического, технического, научного, образовательного сотрудничества, согласованные сторонами в 1990-е гг., так и остались на бумаге из-за отсутствия должной последовательности в их претворении в жизнь или по причине дефицита средств,

необходимых для их финансирования. Но существовал и более широкий круг политических причин, по которым возврат к советскому прошлому в отношениях между Монголией и Россией оказался невозможен.

Падение политического авторитета СССР в Монголии и сокращение его влияния на социально-экономическое развитие страны побудило новых монгольских лидеров в начале 1990-х гг. к активным поискам иных, альтернативных прежним направлений и форм международного сотрудничества. Цели монгольской внешней политики в этот период определялись как необходимостью в создании благоприятных условий для преодоления внутреннего кризиса, так и потребностями страны в иностранных инвестициях в ее будущее развитие. Подтверждением сказанному могут служить основные положения Концепции национальной безопасности Монголии, принятой Великим Государственным Хуралом в 1992 г. В этом документе впервые были определены приоритетные направления современной внешней политики монгольского государства. Концептуальной ее основой была избрана многовекторность, качественно отличавшаяся от базовых положений внешнеполитической доктрины МНР, ориентированной прежде всего на сотрудничество с Советским Союзом. Сознавая принципиальную уязвимость в плане собственной внешней безопасности, Монголия отныне стремилась к тому, чтобы заручиться поддержкой не одной, а нескольких держав, имеющих наибольший авторитет как в мире в целом, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этом контексте на первое место в Концепции национальной безопасности страны была выдвинута необходимость в развитии отношений с двумя ее великими соседями — Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Концепция национальной безопасности Монголии. Раздел III. Ст. 27. — http://asiapacific.narod.ru/countries/Mongolia/conception_of_security/concption_1.html)

Другим важным приоритетом внешней политики Монголии был провозглашен курс на сотрудничество с высокоразвитыми странами — США, Германией, Японией, Великобританией, Южной Кореей. Тем самым Монголия приступила к поиску «третьей» внешней силы, поддержка которой могла бы сыграть роль фактора, уравновешивающего влияние России и Китая на ее текущее и последующее развитие. При этом монгольские политики исходили из того, что подобная «третья сила» может возникнуть в процессе налаживания разносторонних связей с несколькими государствами, способными повлиять на складывающуюся вокруг Монголии внешнеполитическую атмосферу.

Следя многовекторности как одному из главных принципов, формирующих обновленную монгольскую внешнюю политику, правительство страны в начале 1990-х гг. выразило всемерную готовность к налаживанию и углублению контактов со странами АТР, с государствами-участниками СНГ, со странами Западной и Восточной Европы, а равно и с международными экономическими организациями и финансовыми институтами. В 1991 г. Монголия начала участвовать в деятельности Международного валютного фонда, Всемирного банка и Азиатского банка развития. В 1997 г. страна была принята во Всемирную торговую организацию. С монгольской стороны развитие всех этих многообразных форм внешних связей прежде всего стимулировалось острым внутренним социально-экономическим кризисом и отсутствием у страны собственных возможностей к скорому его преодолению. К началу 1990-х гг. Монголии удалось сформировать благоприятные политические предпосылки для возникновения международного движения стран-доноров, готовых оказать поддержку монгольским демократическим преобразованиям и способствовать

переходу страны к рыночной модели экономического развития. Инициатором этого движения в 1991 г. выступила Япония. За четыре года, истекшие со времени его основания, около 30 стран-доноров, а также многочисленные международные финансово-экономические организации предоставили Монголии льготные кредиты на общую сумму \$ 300 млн. и оказали ей безвозмездную финансовую помощь в размере, превышающем \$ 280 млн. (Ардын эрх. 19.03.1998).

К числу принципиальных инноваций во внешней политике Монголии, в первой половине 1990-х вошедших в число ее приоритетов, следует отнести развитие отношений с Китаем. В 1993 г. в Улан-Баторе между Монголией и КНР был подписан договор о дружбе и сотрудничестве, способствовавший последующему развитию двусторонних связей. Свидетельством их прогресса стал шестидневный государственный визит, с которым второй президент Монголии Н. Багабанди в декабре 1998 г. побывал в Пекине. В ходе визита состоялись его встречи с председателем КНР Цзян Цзэмином, премьером Госсовета Чжу Жунцзи и другими партийными и государственными руководителями Китая, завершившиеся подписанием пяти межгосударственных соглашений, в том числе договора об экономическом и научно-техническом сотрудничестве. В Пекине монгольский президент выступил с рядом важных политических заявлений, в которых, в частности, было подчеркнуто, что Монголия официально исходит из признания единства Китая и считает Тайвань частью территории КНР.

В июне того же года с ответным официальным визитом в Монголию прибыл председатель КНР Цзян Цзэминь. Итогом этого визита явился целый ряд договоренностей о дальнейшем расширении партнерства между двумя странами в таких областях, как здравоохранение, технико-экономическое взаимодействие, региональные связи. Оценивая результаты проведенных им в Улан-Баторе переговоров, Цзян Цзэминь отметил особое значение, которое придается в Китае отношениям с Монголией. По его словам: «Укрепление этих дружественных, добрососедских контактов и сотрудничества с ориентиром их в будущее столетие является последовательной политикой КНР» (Инфо-ТАСС. 1999.19.07. Из Улан-Батора). Действительно, развитие политических, торгово-экономических и культурных связей Монголии и Китая продолжилось и в XXI в. В совместной декларации, опубликованной в июне 2003 г. по итогам государственного визита в Монголию председателя КНР Ху Цзиньтао, обе стороны охарактеризовали установившееся между ними отношения как добрососедские, доверительные и партнерские. Принципиальных изменений в оценке текущего состояния и перспектив этих отношений не произошло ни в декабре 2005, ни в апреле 2010 г., когда в Пекине с государственными визитами находились президенты Монголии Намбарын Энхбаяр и Цахиагийн Элбэгдорж.

Особая роль в современном развитии монголо-китайских отношений принадлежит торгово-экономическим связям. Большое значение, которое Китай придает всемерному расширению и углублению этих связей, было подчеркнуто премьером Госсовета КНР Чжу Жунцзи в ходе его переговоров с премьер-министром Монголии Р. Амарджаргалом, состоявшихся в Пекине в ноябре 1999 г. Следует подчеркнуть, что у главы китайского правительства имелись более чем веские основания для таких заявлений. К середине последнего десятилетия XX в. КНР утвердилась в статусе главного внешнеторгового партнера Монголии. Товарооборот в торговле между двумя странами, в 1997 г. равнявшийся \$ 252 млн., к концу 2004 г. вырос почти втрое и достиг показателя в \$ 693 млн. Уже в середине 1990-х гг. около половины экспор-

тируемого из Монголии минерального и сельскохозяйственного сырья направлялось в Китай. К концу того же десятилетия, по данным монгольских экономистов, китайские фирмы фактически превратились на монгольском экспортном рынке в негласных монополистов и начали скупать практически все вывозимое из страны сырье (Новости Монголии. 10 апреля 1999. ¹ 14).

Впрочем, в современной китайской стратегии развития экономических связей с Монголией особое внимание уделяется не только сырьевому импорту, но и созданию условий для участия КНР в разработке богатейших монгольских месторождений минеральных ресурсов. Допуск китайских компаний к их разработке является одним из условий участия КНР в сотрудничестве с Монголией в целом ряде весьма важных для последней областей (например, в модернизации инфраструктуры или в решении социальных вопросов). Об этом, шла речь на переговорах, которые в июне 2008 г. вел в Улан-Баторе вице-председатель КНР Си Цзиньпин (Коммерсантъ. 01.07.2008). Реализация масштабных проектов в сфере добычи полезных ископаемых в Монголии открывает перспективы к использованию их запасов в интересах бурно прогрессирующей китайской экономики и обеспечивает инвестиционное и технологическое участие Китая в развитии стратегически важных отраслей монгольского хозяйственного комплекса. В начале XXI в. китайским компаниям удалось занять прочные позиции в строительстве и модернизации упомянутых отраслей, чему в немалой степени способствовал целый ряд соглашений по вопросам экономического сотрудничества, достигнутых к этому времени между правительствами Монголии и КНР. В качестве одного из примеров подобных договоренностей можно привести контракт о совместной добыче и очистке нефти в юго-восточной части Монголии, подписанный президентом Нацаггийн Багабанди в ходе его визита в КНР в 1998 г. Первая нефть из месторождения Джуунбаян была получена в начале 2000 г. (Лузянин С.Г. Указ. соч. С.639). Помимо этого КНР активно развивает свое участие в разработке монгольских каменноугольных месторождений. В 2009 г. только один китайский государственный инвестиционный фонд China Investment Corporation (CIC) вложил \$ 1млрд. 200 млн. в развитие двух акционерных компаний SouthGobi Energi Resources и Iron Mining International, занятых добычей угля в Монголии (Монголия: новый Кувейт под боком России. — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/490600/cat/86/>). По определению экономических обозревателей газеты Japan Times, Китай «жаждет» угля, поскольку он используется в качестве сырья для выработки 80% электроэнергии в КНР (Нетронутые природные ресурсы выводят Монголию из тени. — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/490600/cat/86/>).

Следует упомянуть и о том, что китайские инвесторы проявляют интерес не только к монгольским энергетическим сырьевым активам, но стремятся к участию в освоении всего широко спектра рудных богатств Монголии. По сообщениям монгольской прессы, значительная часть лицензий на разработку месторождений природного урана, меди и молибдена, оформленных правительством страны, в настоящее время принадлежит разным компаниям с участием китайского капитала (Зүүны мэдээ. 27.08.2009).

Впрочем, сферы монгольской экономики, которые интересуют предпринимателей из КНР как объект для инвестиций, не ограничиваются одной лишь горнодобывающей отраслью. В середине первого десятилетия XXI в. китайский бизнес занял доминирующие позиции в кожевенной промышленности и в производстве кашеми-

ра, кроме этого он контролировал половину работавших в Монголии текстильных предприятий (The New York Times. 09.07.2004). Масштабные китайские инвестиции в немалой степени двигают вперед современное развитие монгольского жилищного строительства, городского хозяйства и туризма. В общем объеме иностранных капиталовложений, направленных в экономику Монголии за последние два десятилетия, доля Китая превышает 40%. По этому показателю КНР уверенно лидирует среди всех государств, финансирующих бизнес проекты на монгольской территории.

Монгольские власти с начала 1990-х гг. прилагают усилия к тому, чтобы стимулировать приток в страну иностранных финансовых и технологических ресурсов. В 1991 г. Великий Государственный Хурал принял закон об иностранных инвестициях, и в последующие двадцать лет Монголия официально присоединилась к различным международным соглашениям, гарантирующим их защиту. Иностранные капиталовложения в Монголии обеспечены налоговыми льготами, а предприятиям, созданным на основе внешних инвестиций, гарантируется государственная поддержка в сфере экспорта производимой ими продукции. Впрочем, законодательное и административное регулирование являются хотя и важным, но не единственным началом, формирующим инвестиционный климат в Монголии. Недостаточная устойчивость государственной системы, ее зависимость от колебаний политической ситуации, высокий уровень коррупции — все это ставит судьбу инвестиций в зависимость от поддержки, оказываемой им различными влиятельными силами внутри страны.

Если теперь вернуться к вопросу о многочисленных проектах, реализуемых в Монголии бизнес структурами из КНР, то достигнутые ими успехи нередко связывают с поддержкой внушительного прокитайского крыла в Народно-революционной партии, являющейся, как уже говорилось выше, весьма близкой к власти политической силой (Коммерсантъ. 01.07.2008). Вместе с тем, сторонники всемерного расширения экономических связей с Китаем, а равно и иных форм интеграции с ним не имеют абсолютного влияния на формирование современной внешней политики монгольского государства и не могут рассчитывать на широкую солидарность с их идеями в общественном мнении. Судя по данным социологических опросов, приводимым в западной прессе, КНР не входит в число тех стран, с которыми в представлениях граждан Монголии их стране в первую, вторую и даже третью очередь следует развивать всесторонние отношения (The New York Times. 09.07.2004). При этом многих рядовых монголов беспокоит перспектива возможного поглощения их независимого государства великим южным соседом. Многие с опасением относятся и к увеличению числа мигрантов из Китая, проживающих на территории Монголии не только легально, но порой и без санкции ее властей. Участвовавшие случаи нарушения монгольской границы, связанные с нелегальным проникновением дешевой рабочей силы из Китая, подтверждают и официальные инстанции (Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 639).

Что касается политики современного монгольского государства, то в отношениях с КНР она, наравне с общественным мнением, во многом формируется на основе осознания долговременной, скрытой нацеленности Китая на «плавное переваривание» Монголии, причем нацеленности, которая очевидно усилилась после ухода из этого региона СССР (Там же. С. 635). В том числе и поэтому важным элементом Концепции внешней политики, принятой Великим Государственным Хуралом в 1992 г., являются положения о том, что различные формы международного со-

трудничества приемлемы для Монгольского государства лишь постольку, поскольку они не ставят его в подчинение другой стране и не несут в себе угрозу утраты им независимости и суверенитета. Как уже говорилось, в основу современной монгольской внешней политики в качестве одного из залогов обеспечения национальной безопасности положен принцип плюрализма и многовекторности внешних связей. Данный принцип не только в теории, но и на практике в последние двадцать лет был взят за основу международной деятельности Монгольского государства. Сменившие друг друга за это время разные правительства, отдавая должное необходимости добрососедских отношений с Китаем и осознавая высокую степень зависимости страны от экономического сотрудничества с ним, вместе с тем непременно проявляли активность на других, альтернативных связях с КНР, направлениях внешней политики. О некоторых из таких направлений в одном из своих высказываний, относящихся к 2004 г., упомянул член руководства МНРП Отгонбаярын Йондон: «Чтобы побороть зависимость от экономических связей с Китаем, правительство снова начнет переговоры о заключении соглашений о свободной торговле с Соединенными Штатами, Японией, Южной Кореей и Европейским Союзом» (<http://www.inosmi.ru/world/20040709/211097.html>). Безусловно, что в контексте цитированного высказывания связи с США оказались на первом месте не по простому упоминанию, а по их важности в современной системе отношений Монголии с Западным миром и во всей текущей монгольской внешней политике.

Перемены в монголо-американских отношениях, во многом определившие их нынешнее развитие, наступили в начале 1990 г. Тогда охватившую политическим и экономическим кризисом Монголию впервые в истории ее отношений с США дважды посетил американский госсекретарь Д. Бейкер. В ходе этих визитов с его стороны впервые прозвучали заявления о готовности Соединенных Штатов к тому, чтобы выступить в роли «третьего соседа» Монголии. Пристальное внимание, с которым правительство США отнеслось к строительству отношений с Монголией в период упадка влияния СССР в Восточной Азии, объясняется рядом важных для американской политики обстоятельств. К их числу относится стремление Вашингтона создать в Азии круг своих военно-политических союзников — от Индии до Японии, — в который включить и Монголию. Последняя в этом контексте занимает весьма важное геостратегическое положение, поскольку может являться плацдармом американского влияния и на соседствующий с ней китайский Синьцзян с его традиционной проблемой уйгурского сепаратизма, и на сибирские и забайкальские регионы России, и на новые государства Центральной Азии, образовавшиеся на месте среднеазиатских республик бывшего СССР (Шаповалов А. Белый орел над красной Ургой. — http://archive.russia-today.ru/2006/no_16/61_world.html). Еще одной важной пружиной политики США в Монголии являются интересы американских деловых кругов, которые с начала 1990-х гг. проявляют устойчивый интерес к монгольским минеральным ресурсам и ведут активное соперничество с иностранными (прежде всего китайскими и российскими) конкурентами за возможность участия в их разработке.

В спектре различных партий и групп влияния, действовавших на монгольской политической арене в последние двадцать лет, неизменно присутствовали те, что склонялись к сотрудничеству с США и стремились к максимальной интеграции Монголии с Западом. Речь идет о коалиции новых политических сил, возникшей в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в кризисный период развития Монголии. Крупнейшей в коалиции являлась Монгольская национально-демократическая партия (МНДП),

образованная в 1992 г. путем слияния ряда либеральных и консервативных политических группировок, которые своим появлением не в последнем счете обязаны разнообразной помощи, оказанной им западными гуманитарными фондами, специализирующимися на стимулировании демократических преобразований в странах бывшего социалистического лагеря. В 1996 г. либерально-консервативная коалиция одержала победу на парламентских выборах и сформировала несколько правительств, которые, сменяя друг друга, находились во главе страны вплоть до 2000 г. Принятая ими стратегия преобразований следовала западным либеральным и монетаристским рецептам развития рыночной экономики. Власти приступили к воплощению в жизнь масштабных программ приватизации крупных государственных активов в добывающих и обрабатывающих отраслях промышленности и в банковском секторе экономики. Одновременно было положено начало созданию законодательных и административных условий для широкого привлечения в Монголию капиталовложений и технологий из-за границы. В 1996 г. страна присоединилась к Вашингтонской конвенции о разрешении споров по поводу иностранных инвестиций, в 1999 г. стала членом Сеульской конвенции об их страховании. Помимо этого монгольское правительство во второй половине 1990-х гг. подписало ряд многосторонних международных соглашений, касающихся инвестиций, в том числе, договор, направленный на исключение их двойного налогообложения, к которому присоединились 34 страны Европы и Азии. С этого времени приток капиталов в Монголию стал резко расти (в среднем на 15% в год), причем во второй половине 1990-х гг. лидерами этого прироста являлись южнокорейские, японские и американские компании, обеспечившие к 2002 г. соответственно 11, 7 и 6% от общего объема иностранных инвестиций в монгольскую экономику и уступавшие по этому показателю первенство лишь китайскому бизнесу. Одновременно западные партнеры помогли монгольским властям привлечь дополнительные средства, которые превратились в главный источник финансирования острого дефицита государственного бюджета и платежного баланса страны. С 1991 по 2003 г. от сообщества стран и международных организаций-доноров, находящегося под эгидой Международного валютного фонда и Всемирного банка, Монголия получила \$ 1,3 млрд. безвозмездной финансовой помощи и более \$ 1 млрд. в качестве займов и кредитов. При этом основными ее спонсорами выступили Япония (50% от общего размера грантов), США (11%) и Германия (9%). Вместе с тем значительную часть средств, поступивших от МВФ, Азиатского банка развития, Европейского банка реконструкции и развития и других западных финансовых институтов, Монголия получила на возмездной основе. Поэтому к 2003 г. ее непогашенные долги перед западными кредиторами достигли \$ 1.472 млн., эквивалентных 80% ВВП страны (<http://catalog.fmb.ru/mongolia8.shtml>). Это обстоятельство в совокупности с упомянутой выше проблемой «большого долга» Советскому Союзу весьма обострило вопрос о кредитоспособности монгольского государства и вынудило его, несмотря на собственное тяжелое финансовое положение, расходовать значительные средства на обслуживание внешних заимствований.

Во внешней политике либерально-консервативные правительства, при сохранении традиционной для Монголии в 1990-е — 2000-е гг. многовекторности международных связей, все же отдавали приоритет строительству отношений с США и их азиатскими и европейскими союзниками. Именно в период нахождения у власти либерально-консервативной коалиции Монголия, присоединившись к программе «партнерство ради мира», начала политическое и военно-техническое сотрудничество

с блоком НАТО. Помимо этого активизировались разнообразные формы связей Монголии с Соединенными Штатами, Канадой, западноевропейскими странами, Японией, Южной Кореей, Австралией в сферах туризма образования, науки, культуры.

Следует заметить, что международное сотрудничество Монголии с Западным миром продолжилось по всем отмеченным направлениям и в 2000-е гг. после утраты консервативно-либеральной коалицией монополии на власть. В 2003 г. президент Нацагийн Багабанди при поддержке правительства и ВГХ, большинство в котором принадлежало депутатам от МНРП, принял решение об участии монгольских вооруженных сил в «миротворческих операциях в рамках партнерства Монголии с НАТО». В соответствии с этим решением, 132 монгольских военнослужащих отправившись в Ирак и 50 — в Афганистан. К 2007 г. численность монгольского воинского контингента, находившегося в зоне боевых действий в Ираке, составила почти 1000 человек. Для подготовки солдат и офицеров монгольской армии к участию в операциях, проводимых под эгидой североатлантического альянса, в местности Таван-Толгой вблизи Улан-Батора при финансовом и техническом содействии США был сформирован специальный учебный центр. Для его оснащения из американского госбюджета к началу 2007 г. было выделено более \$ 5,7 млн. (http://mongolia.usembassy.gov/pr_09220111.html). С 2003 г. на базе этого центра регулярно проходят учения, в которых наряду с монгольским контингентом принимают участие военнослужащие из Соединенных Штатов, других стран НАТО, а также Индии, Непала, Таиланда, Бангладеш, Южной Кореи. В 2007 г. прошедшие подготовку в учебном центре «Таван-Толгой» монгольские военные и технические специалисты в составе миротворческих сил ООН были направлены в Сьерра Леоне, Чад и Судан.

Помимо этого в 2000-е гг. США и страны НАТО продолжали участвовать в целом ряде программ военно-технического сотрудничества с Монголией, целью которых является поддержка процессов модернизации и перевооружения ее вооруженных сил. В качестве примера можно привести американскую программу содействия монгольским пограничным войскам, в рамках которой с 2002 по 2009 г. последние получили от США различные средства связи, электронное оборудование и транспорт на общую сумму в \$ 9,2 млн. (http://mongolia.usembassy.gov/pr_0321911.html). Кроме того в 2005 г. американский министр обороны Д. Рамсфелд во время пребывания с визитом в Монголии согласовал с ее правительством план поставок военной техники для монгольской армии на сумму \$ 11 млн. (<http://imperia.by/club3-7497.html>). Вполне вероятно, что активное и заинтересованное участие США и их союзников в модернизации не столь уж многочисленных и значимых с точки зрения геополитики монгольских вооруженных сил является одним из элементов стратегии расширения роли НАТО в Азии, а потому преследует цели, выходящие за рамки двустороннего партнерства между Вашингтоном и Улан-Батором. Отчеты западной прессы об упомянутом выше визите Д. Рамсфелда в Монголию неслучайно содержат заключения о том, что для американского министра контакты с официальными лицами в Улан-Баторе были важны прежде всего в плане установления таких отношений с монгольским правительством, которые могут застраховать интересы США в регионе от изменений в текущей политике Китая (Ibid). Среди версий американских экспертов о наиболее приемлемых, с точки зрения Вашингтона и Брюсселя, способах обеспечения подобной страховки, встречаются, например, суждения о том, что территория Монголии весьма интересна для разведки США своим положением между Россией и Китаем. При этом эксперты признают, что развертывание американских военных

баз в Монголии может самым негативным образом сказаться на безопасности обоих соседствующих с ней государств (Независимая газета. 04.08.2010).

О степени важности военно-технического сотрудничества с Монголией во всей американской политике в Восточной Азии свидетельствуют итоги визита президента Дж. Буша в Улан-Батор в ноябре 2005 г. Это был первый и пока единственный визит действующего президента США в Монголию, в ходе которого глава Белого Дома, выступая перед депутатами ВГХ, прежде всего поблагодарил монгольские власти за поддержку действий США в Ираке и Афганистане. «Монгольские вооруженные силы, — сказал Дж. Буш, — служат свободе, и американские войска горды тем, что несут службу рядом с такими бесстрашными воинами» (Шаповалов А. Белый орел над красной Ургой. — http://archive.russia-today.ru/2006/no_16/61_world.html).

В обмен на военное сотрудничество американский президент выразил готовность оказать Монголии финансовую помощь в рамках программы «Вызов тысячелетия» (The Millennium Challenge Account), спонсируемой американским правительством. Формулируя официальное предназначение этой программы, Дж. Буш подчеркнул: «Вызов тысячелетия» является важной частью американской внешней политики. Программа дает возможность Соединенным Штатам и американским налогоплательщикам поддержать те страны, которые борются с коррупцией, стимулируют рыночные преобразования в экономике и инвестируют в охрану здоровья и образование своих граждан» (<http://mongolia.usembassy.gov/10/22/011.html>). Общий объем американской финансовой помощи, которая, в соответствии с упомянутой программой, должна поступить в Монголию период с 2005 по 2010 г., составит \$ 285 млн. Официальное соглашение по данному вопросу было подписано в октябре 2007 г. в Вашингтоне во время визита в США монгольского президента Намбарына Энхбаяра. По заявлению последнего, предусмотренные соглашением финансовые вливания должны быть использованы монгольским правительством для помощи беднейшим слоям населения, для развития инфраструктуры страны и для совершенствования в ней институтов гражданского общества (Ibid). В комментариях по поводу данного соглашения влиятельные западные средства массовой информации подчеркивали, что ключом к получению Монголией столь желанного для нее первого места в списке стран, претендующих на финансовое содействие из фондов «Вызова тысячелетия», явилась «готовность этой страны воевать в Ираке» (The Times. 16.07.2007).

Помимо субсидий в рамках Millennium Challenge Account Соединенные Штаты во второй половине 2000-х гг. широко практикуют и иные формы финансового содействия монгольскому правительству. Для примера упомянем лишь о некоторых из этих форм. В сентябре 2009 г. в Улан-Баторе было подписано соглашение о предоставлении американским Агентством по содействию мировому развитию (USAID) правительству Монголии гранта в сумме около \$ 7,5 млн., ассигнованного на нужды развития в Монголии частного предпринимательства (http://mongolia.usembassy.gov/pr_0909016.html). В декабре того же года Госдепартамент США объявил о выделении Монголии трех грантов на общую сумму в \$ 620 тыс., предназначенных для сохранения и реставрации объектов монгольского культурного наследия. В сентябре и ноябре 2010 г. американское правительство снабдило Монголию еще \$ 20,5 млн. безвозмездной помощи для преодоления последствий мирового финансового кризиса, покрытия дефицита государственного бюджета, стимулирования рыночных реформ в экономике, содействия охране окружающей среды и пр. (http://mongolia.usembassy.gov/pr_092711.html, <http://mongolia.usembassy.gov/pr-011112.html>).

Что касается монгольских властей, то они, развивая многоплановое сотрудничество с США и их союзниками в Европе и Азии, исходят из необходимости соблюдения собственных интересов, в понимании которых они отнюдь не всегда солидаризируются с целями американской политики. При всех очевидных межпартийных разногласиях, характерных для современной монгольской политической верхушки, большинство ее представителей рассматривает разнообразные связи с высокоразвитыми государствами Америки, Европы и Азии как источник финансовой помощи и как средство, открывающее доступ к капиталовложениям и технологиям, способным обеспечить поступательное развитие страны. Об этом недвусмысленно заявил президент Монголии Намбарын Энхбаяр во время своего визита в Вашингтон в октябре 2007 г.: «Выступая в качестве страны-партнера в рамках программы «Вызов тысячелетия», Монголия обладает действенными возможностями к самостоятельному определению приоритетов собственного развития, потребностей в инвестициях и курса своей политики» (<http://mongolia.usembassy.gov/10/22/011.html>). В этом контексте военно-техническое сотрудничество с НАТО явно не принадлежит к числу главных ориентиров современной монгольской внешней политики. Поскольку инициатива в налаживании подобного сотрудничества исходит от западных партнеров, постольку участие в нем Монголии обусловлено ее зависимостью от внешних инвестиций и финансовой поддержки.

Вместе с тем, для современной Монголии развитие отношений с США и НАТО есть способ поиска международных гарантий ее политической и экономической независимости, альтернативных тем гарантиям, на которых базируются ее отношения с двумя великими соседями — Россией и Китаем. Неслучайно в монгольских политических кругах до сих пор популярен упоминавшийся выше тезис, сформулированный в начале 1990-х гг. американским госсекретарем Д. Бейкером: «США — это третий сосед Монголии». Безусловно, что наиболее прочным фундаментом всей системы международных связей, принципиально важных для современного Монгольского государства, может быть только их плюрализм, уравнивающий разнонаправленные интересы, которые отстаивают во взаимоотношениях с Монголией ее ближние и «дальние» соседи. Поэтому, участвуя в военно-политических программах НАТО, предназначенных для весьма отдаленных от Восточной Азии регионов, Монголия последовательно стремится сохранить свой статус нейтральной и безъядерной страны и принципиально не рассматривает возможность размещения на своей территории иностранных военных объектов. Показательно, что перечисленные внешнеполитические приоритеты вытекают из норм современного монгольского конституционного законодательства. Основываясь на изложенном, можно утверждать, что упоминавшиеся в приведенных выше сообщениях западной прессы планы по размещению натовских военных баз на территории Монголии (если они и существуют) противоречат основам ее современной внешней политики. Причем, долговременная объективность этих основ не находится в зависимости от колебаний внутримонгольской политической ситуации и связанных с ними перемен в высших органах власти. По предположениям, высказанным американскими аналитиками в мае 2009 г. в связи с избранием на пост президента кандидата от Демократической партии Цахиягийна Элбэгдоржа, следовало ожидать, что военные связи Монголии с Вашингтоном и НАТО будут расти еще более устойчиво и обширно. Стимулом, благоприятствующим развитию таких связей, считалось то, что Элбэгдорж никогда не состоял в МНРП и стал первым монгольским пре-

зидентом, получившим образование на Западе (<http://imperia.by/club3-7497.html>). Однако последующая действительность опровергла эти прогнозы. Инновации, привнесенные в государственную политику новыми властями в 2009 и 2010 гг., не были сопряжены со стремлением к тому, чтобы вывести военно-техническое сотрудничество Монголии с НАТО на новый уровень, выходящий за рамки, которыми оно ограничивалось в период пребывания у власти прежних глав монгольского государства Нацагийн Багабанди и Намбарына Энхбаяра, выступавших на внутривластной арене в роли сторонников Народно-революционной партии.

В дополнение к изложенному следует учитывать также и то обстоятельство, что интересы глобальной и региональной политики, под влиянием которых складываются современные отношения США и их европейских и азиатских союзников с Монголией, в немалой степени определяются положением на мировых рынках минерального сырья. В 2006 г. монгольское Министерство промышленности и торговли утвердило перечень месторождений полезных ископаемых, разработка которых официально объявлена перспективными инвестиционными проектами. В перечень вошли месторождения «Таван Толгой» (7 млрд. т каменного угля), «Оюу Толгой» (24 млн. т меди и 720 т золота), «Цагаан Суврага» (1,3 млн. т меди и 48,2 тыс. т молибдена), «Мардай» (924,6 тыс. т урана), «Тумургэй», «Баянгол», «Бартгилт» (соответственно 229,3 млн., 210 млн. и 31 млн. т железной руды), «Улаан» (186,4 тыс. т свинца и 245,8 тыс. т цинка) (<http://www.mongolia.mid.ru/eco-inf.html>). Нельзя сказать, что в 1990-е и 2000-е гг. богатейшие монгольские рудные, угольные и нефтяные запасы не привлекали западных инвесторов. С учетом высокого спроса на энергетические ресурсы и металлы, который сложился в мировой экономике особенно до начала глобального финансового кризиса в конце 2000-х гг., малоосвоенные месторождения монгольских полезных ископаемых рассматривались деловыми кругами высокоразвитых стран как весьма перспективный объект для будущих капиталовложений. Но, с точки зрения западных инвесторов, участие в разработке этих ресурсов усложнялось свойственными современной Монголии политической нестабильностью, недостаточными гарантиями сохранности инвестиций и высоким уровнем коррупции. Тем не менее, в начале второго десятилетия XXI в. развитие монгольской экономики подошло к той стадии, которую эксперты именуют «бумом в области добычи минерального сырья». Из-за этого в западной прессе появились многочисленные сообщения о том, что в кругах инвесторов за Монголией закрепилось симптоматичное название «Кувейт в Центральной Азии» (Монголия: новый Кувейт под боком России. — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/490600/cat/86/>).

Переломным моментом, способствовавшим всплеску интереса к монгольским сырьевым активам в бизнес кругах развитых стран Америки, Европы и Азии, явились перемены в экономической политике правительства Монголии, связанные с избранием на пост президента кандидата от Демократической партии Цахиагийн Элбэгдоржа и с появлением у его сторонников возможности после десятилетнего перерыва вновь установить контроль над структурами исполнительной власти. Наиболее очевидным показателем упомянутых перемен стали изменения в налоговом законодательстве, принятые в августе 2009 г. Великим Государственным Хуралом по инициативе вновь избранного президента. Суть этих изменений состояла в отмене запретительного 68-процентного налога на прибыль в отраслях промышленности, связанных с добычей меди и молибдена, который был введен в 2005 г. в период пребывания у власти президента и правительства, представлявших интересы МНРП.

Кроме того новые монгольские власти в рекордно короткий девятимесячный срок обеспечили необходимые согласования для начала инвестиционного проекта по разработке весьма перспективного месторождения меди и золота Оюу Толгой, запасы которого (при условии их интенсивной эксплуатации) иссякнут лишь через 60 лет. Титульным инвестором, обладающим 66-процентным пакетом акций строящегося рудника, выступила канадская компания «Айвенго Майнз» (Ivanhoe Mines). По прогнозам экспертов, запланированный на 2012 г. ввод в строй этого горнодобывающего предприятия, увеличит объем экономики Монголии в полтора раза.

Возвращение к власти МДП, выступающей за развитие частного бизнеса, и быстрое завершение согласований по проекту Оюу Толгой, которые прежние монгольские кабинеты министров растянули на шесть лет, было воспринято западными инвесторами как благоприятный симптом, свидетельствующий об открытии новых возможностей для финансового и технологического участия в разработке монгольских минеральных ресурсов. В 2010 г. многие американские, европейские и азиатские фонды, компании и корпорации, способные выступить в роли инвесторов, занялись предметным изучением бизнес проектов, для осуществления которых монгольские власти рассчитывают привлечь иностранные капиталовложения. В своих расчетах нынешнее правительство Монголии исходит из того, что приток этих капиталовложений в горнодобывающую промышленность, в строительство автомагистралей, железных дорог и новых городов должен в 2011 — 2012 гг. обеспечить рост ВВП на уровне 7,5 — 8,2 %, а в 2013 г. на уровне 20% (Нетронутые природные ресурсы выводят Монголию из тени. — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/490600/cat/86/>). Японская пресса цитирует слова экономического советника монгольского правительства Ганхуяга Хутэгта: «Миллиарды долларов будут литься в Монголию в ближайшие годы. Начнется развитие банковской сферы, рынков недвижимости. В общем, грядет подъем экономики» (Idid). Впрочем, подобные заявления не следует воспринимать как свидетельство того, что нынешние монгольские власти не проявляют известной осторожности и консерватизма в подходах к проблеме открытия стратегических отраслей промышленности для внешних инвестиций. Экономическая политика правительства, в 2009 г. сформированного МДП, несмотря на его приверженность идеям приватизации и либерализации экономики, строится с учетом особенностей развития современной Монголии, в которой отказ властей от контроля за разработкой минеральных ресурсов может в перспективе обернуться непредсказуемыми последствиями и для государства и для общества. Подтверждением сказанному может служить принятое в марте 2010 г. постановление кабинета министров об отмене международного аукциона по продаже 49-процентной доли акций в инвестиционном проекте, нацеленном на освоение крупнейшего неразработанного месторождения каменного угля Таван Толгой. Власти решили оставить полный контроль в этом проекте за государством и обеспечить рассмотрение инвестиционных заявок на разработку прочих месторождений полезных ископаемых не по единым правилам, а в каждом случае индивидуально (Монголия: новый Кувейт под боком России. — <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/490600/cat/86/>). С учетом изложенного становится очевидным, что вопрос о скором «буме» иностранных инвестиций в Монголию пока остается открытым.

Определенная преемственность принципов, которыми монгольские власти активно не могут поступиться вне зависимости от партийных разногласий и смены правительств, судя по всему, сохраняется не только в сферах внешней и оборонной

политики, но и в вопросах регулирования экономики. Поскольку монгольский регулятор макроэкономических процессов может отвечать своему предназначению лишь обладая возможностями к определению правил конкуренции за доступ к минеральным ресурсам, постольку судьба иностранных инвестиций в Монголию ближайшей перспективе должна зависеть от приоритетов внешней политики ее государства.

Если теперь обратиться к анализу современного состояния отношений между Россией и Монголией, то изложенное выше, как кажется, позволяет судить о степени сложности и противоречивости процессов международной политики, влияющих на развитие этих отношений. Безусловно, что усилению упомянутых влияний способствовал сложный период, наступивший в сфере двусторонних российско-монгольских связей в конце XX в. Как уже говорилось выше, роль основного политического союзника и экономического партнера Монголии, которую до конца 1980-х гг. играл Советский Союз, оказалась новой России не по силам. Зажатая в тисках кризиса и сама нуждавшаяся в финансовой помощи Российская Федерация в последнее десятилетие XX в. утратила возможности влияния на внутреннюю и внешнюю политику Улан-Батора, потеряла преобладающее положение во внешней торговле Монголии и отказалась от инвестиций в ее экономику. Однако вакуум российского влияния не мог быть и не был долгим. Основным поставщиком и покупателем на монгольском внешнем рынке к исходу 1990-х гг. стал Китай. В стремлении наладить инвестиции в экономику Монголии и стать донорами ее госбюджета к Китаю присоединились США, Япония, Германия, Южная Корея и другие ведущие европейские и азиатские державы. Не избежала естественных перемен и практика международных связей Монголии, и ее внешнеполитическая доктрина, в которой в 1990-е гг. возобладали теория плюрализма и многовекторности с акцентом на параллельное строительство равнозначных отношений с тремя основными партнерами и соседями — двумя действительными и одним так называемым «дальним».

Вместе с тем все отмеченные сложности, свойственные российско-монгольским отношениям в конце XX в., отнюдь не свидетельствовали об их полном коллапсе. Обе страны в новых условиях стремились, хотя и не во всем успешно, найти новые взаимовыгодные формы двусторонних контактов. Успех этих поисков во многом зависел от способности сторон к тому, чтобы раскрыть и использовать потенциальные возможности к взаимному сближению, восстановлению и развитию стратегического партнерства. Такие возможности в сфере российско-монгольских отношений были сформированы предшествующим ходом их продолжительной истории, на фоне которой возникшие в конце XX в. трудности и взаимные противоречия выглядели временными и исторически преходящими. Многие из того, что происходило и в России, и в Монголии в конце XX и начале XXI в., указывало на возможность скорого начала благоприятных перемен в их взаимных связях. Прежде всего обращают на себя внимание суждения монгольских авторов о том, что испытания, которым подверглись отношения двух стран после распада СССР, не уничтожили многовекового чувства естественной привязанности русского и монгольского народов (Ганжуров А.А. Россия и Монголия: на пути реформ. — <http://www.predistoria.org/index.php?name=New&file=article&sid=438>). О справедливости этих суждений свидетельствуют опубликованные в западной прессе данные проведенных в начале 2000 х гг. социологических опросов, по результатам которых большинство из монгольских респондентов высказалось за то, чтобы во внешней политике их государства приоритет был отдан развитию отношений именно с Россией (The New York Times. 09.07.2004). Подобные

умонастроения были не чужды не только простым гражданам, но и многим влиятельным представителям политической верхушки, от которых зависело определение политического курса Монголии. Речь прежде всего идет о большинстве руководителей МНРП, вернувшейся к власти в начале 2000-х гг. в немалой степени благодаря обещаниям улучшить отношения с Россией. Нацагийн Багабанди, который, будучи кандидатом от этой партии, в 2000 г. победил на президентских выборах, в одном из интервью представителям российской прессы сказал: «Мы, монголы, относимся с благодарностью, высоко ценим и никогда не забудем вклад России в завоевание и укрепление суверенитета и территориальной целостности Монголии, в развитие и процветание нашей страны. В отношениях между нашими народами сложились прекрасные принципы взаимной поддержки суверенитета и независимого развития, бескорыстной помощи друг другу в трудный час, особенно это проявилось в годы Второй мировой войны. Все лучшее в наших отношениях дошло и до сегодняшнего дня» (Шаповалов А. Белый орел над красной Ургой. — http://archive.russia-today.ru/2006/no_16/61_world.html).

По-видимому, не в последнем счете сохранению благоприятного образа России в массовом сознании монгольского общества способствует то обстоятельство, что значительная часть представителей современного старшего и среднего поколения монголов, ныне играющего ключевую роль во всех основных сферах жизни страны, в свое время получила образование в СССР или же училась у советских преподавателей, работавших в Монголии. Многие из этих людей, которые ныне занимают ключевые позиции в государственном аппарате, в экономике, в сферах науки, культуры и образования, до сих пор неплохо владеют русским языком, с уважением относятся к русской культуре и помнят о длительной истории отношений между Монголией и Россией.

Помимо этого не следует забывать и о том, что главные отрасли экономики, инфраструктура и стратегические объекты жизнеобеспечения, на которых до сих пор во многом основывается монгольское общество и государство, были созданы при помощи и содействии СССР. Советские технологи, использовавшиеся в промышленности, на транспорте и в городском хозяйстве Монголии, в немалой степени помогли ей пережить наиболее трудные кризисные времена 1990-х гг. Например, главным источником крайне необходимых стране валютных поступлений в те годы, как, впрочем, и за все последние 40 лет, являлся построенный Советским Союзом горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт». С учетом этих обстоятельств Россия, унаследовавшая советскую индустриальную базу, в 1990-е гг. продолжила выполнять функции основного поставщика промышленного оборудования, машин, механизмов, запчастей, комплектующих и горюче-смазочных материалов, жизненно необходимых базовым отраслям экономики Монголии. Кроме того, как уже говорилось, многие крупнейшие предприятия, выступавшие в роли флагманов монгольского хозяйственного комплекса, после распада СССР остались объектами совместного управления России и Монголии, и на них продолжали трудиться многочисленные российские специалисты. Причем, в 1990-е гг. никто из иностранных конкурентов не смог заметно потеснить Россию в перечисленных областях экономического сотрудничества с Монголией.

К сказанному следует добавить то, что в и военно-технической сфере, несмотря на расширяющиеся связи с НАТО, Монголия в конце XX в. продолжала нуждаться в российской помощи, поскольку оснащение и организация ее вооруженных сил

были скопированы с советских образцов, которые в тот период в значительной степени продолжали определять облик российской армии.

Что касается России, то необходимость в постоянном сохранении добрососедства и разностороннего партнерства с монгольским государством, расположенным у ее границ в Центральной Азии, вытекает из ее долговременных геополитических интересов (Лузянин С.Г. Указ. соч. С.640). Эти интересы, вне зависимости от их преломления в фокусе идеологических воззрений разных правительств, в значительной степени определяются скрытым противоборством России, Китая и Запада в центральноазиатском регионе и на протяжении длительного времени являются логомотивом российской внешней политики в «монгольском вопросе».

В начале 2000-х гг. сумма всех перечисленных обстоятельств исторического развития двух стран, благоприятствовавших утверждению в их отношениях взаимопонимания и сотрудничества, в конце концов, переломила негативные тенденции, возникшие в этих отношениях в последнее десятилетие XX в. Важным подспорьем для таких перемен стала проявленная правительствами России и Монголии политическая воля к поиску компромиссных решений тех проблем, которые в 1990-е гг. осложняли двусторонние связи. Проявлением отмеченных новых веяний в отношениях между двумя странами стал государственный визит в Улан-Батор президента Российской Федерации В.В. Путина в ноябре 2000 г. По итогам переговоров, проведенных российским президентом с его монгольским коллегой Нацагийном Багабанди, была подписана Улан-Баторская декларация, в которой оба государства констатировали близость позиций по целому ряду актуальных вопросов глобальной политики и заявили об обоюдном стремлении к координации внешнеполитических усилий двух стран в том, чтобы привести их отношения в соответствие с реалиями современного мирового развития и сделать эти отношения более тесными и партнерскими. В развитие основных положений Улан-Баторской декларации между сторонами были достигнуты важные договоренности, способствовавшие урегулированию наиболее важных противоречий, доселе осложнявших их связи. Прежде всего речь идет о проблеме «большого долга», решение которой, по определению российской стороны, не должно было лечь тяжелым бременем на плечи монгольского народа. Межправительственные консультации по этой проблеме завершились в феврале 2004 г., когда президент России в официальном послании уведомил монгольскую сторону об аннулировании 98% общего объема задолженности, числившейся за Монголией по кредитам, полученным от бывшего СССР. Визит В.В. Путина в Улан-Батор способствовал решению вопросов о легализации российской собственности в Монголии, прежде всего о юридическом оформлении в соответствии с нормами монгольского законодательства прав России на принадлежащие ей доли в акционерном капитале ГОК «Эрдэнэт», «Улан-Баторской железной дороги» и других совместных российско-монгольских предприятий. Тем самым были созданы политические и правовые условия для выгодного обеим сторонам широкого вхождения российского капитала в экономическое пространство Монголии (Ганжуров В.Ц. Россия и Монголия: на пути реформ. — <http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=4381>). В ходе визита правительствами двух стран были согласованы меры по нормализации режима совместной границы, направленные на борьбу с трансграничной преступностью и на создание условий, способствующих развитию регионального сотрудничества. Помимо этого стороны подписали соглашения о развитии контактов в области образования, науки и культуры и о налаживании военно-технического сотрудничества.

Позитивные итоги визита российского президента в Монголию во многом стали следствием существенных перемен, произошедших в развитии двух стран на рубеже XX и XXI вв. Россия, в целом, преодолела последствия глубокого политического и экономического кризиса начала 1990-х гг., следствием чего стал рост ее активности в сфере внешних связей с соседями и традиционными партнерами, в том числе и с Монголией. Что до последней, то в начале 2000-х гг. ее сближению с Россией способствовал приход к власти МНРП, которая в рамках многовекторной внешней политики отдавала должное необходимости налаживания партнерства с северным соседом.

О долговременном характере тех благоприятных изменений, которые возникли в российско-монгольских отношениях в начале XXI в., свидетельствует их дальнейшее развитие. В декабре 2006 г. монгольский президент Намбарын Энхбаяр посетил Российскую Федерацию с шестидневным официальным визитом. Одним из главных итогов его переговоров с руководством России стало подписание Московской декларации, которая, судя по официальным сообщениям российского и монгольского правительств, отразила созвучные подходы двух стран к основным вопросам современности. Стороны вновь подтвердили, что их отношения уверенно развиваются в духе партнерства и взаимной выгоды, взаимного доверия. На состоявшихся в Кремле российско-монгольских переговорах было подчеркнуто обоюдное удовлетворение активным развитием отношений между двумя странами, политических контактов и совместных консультаций на международной арене. В совместном официальном заявлении, опубликованном по итогам переговоров, стороны констатировали, что «самым главным для них является развитие экономических связей. Для этого есть хорошие перспективы и заделы в виде крупных совместных предприятий. И здесь важно повысить эффективность ведущих СП — «Эрдэнта», «Монголсовцветмета» и «Улан-Баторской железной дороги» в первую очередь за счет их модернизации и технического перевооружения». Для этого, как подсчитали эксперты, в период до 2015 г. потребуются привлечь инвестиции в размере более \$ 2 млрд. (http://www.mongolia.mid.ru/press_13.html).

Обоюдная заинтересованность двух стран в развитии дружественных отношений и сотрудничества была подтверждена в ходе визита президента России Д.А. Медведева в Монголию в августе 2009 г., который был приурочен к 70-летию юбилею победы советских и монгольских воинов на Халхин-Голе. Важным итогом этого российско-монгольского саммита стало подписание декларации о развитии стратегического партнерства между двумя государствами.

Договоренности, достигнутые на межправительственных переговорах, в 2000-е гг. очевидно способствовали активизации российско-монгольских отношений и вывели основные их направления на новый уровень развития. По размеру инвестиций в монгольскую экономику Россия к концу первого десятилетия XXI в. стала сокращать отставание от Китая и начала соперничать с США их азиатскими и европейскими партнерами. Традиционной сферой российских капиталовложений в этот период оставалась технологическая модернизация крупных объектов монгольской индустрии и транспортной инфраструктуры, находящихся в совместной собственности двух стран. Государственный концерн «Ростехнологии», которому правительство России передало в управление пакеты акций совместных горнодобывающих предприятий, осуществил масштабную программу технологического перевооружения и расширения производственных мощностей двух самых мощных

монгольско-российских ГОКов — «Эрдэнэт» и «Бор-Ундур». Затраты на реализацию этой программы составили более \$ 10 млн., а ее результатами стали существенный (до 20%) рост объемов добычи меди, молибдена и флюорита, увеличение экспорта рудных концентратов и 25% сокращение энергоемкости их производства (http://www.mongolia.mid.ru/press_64.html). Кроме того в августе 2009 г. российская госкорпорация «Росатом» и монгольское Государственное агентство по ядерной энергии выступили учредителем совместной компании, силами которой в перспективе на территории Монголии должны быть начаты работы по поиску, разведке, добыче и переработке урана. Наряду с этим, РАО «Российские железные дороги», управляющее пакетом акций «Улан-Баторской железной дороги», выступило инвестором и организатором проекта по реконструкции и модернизации этой основной монгольской рельсовой магистрали. В июне 2009 г. в Улан-Баторе было подписано соглашение о начале капитального ремонта путей на 108-километровом участке УБЖД от станции Мандал до станции Даваны. Капиталовложения в этот проект объемом 1,1 млрд. руб. обеспечивает российская сторона (http://www.mongolia.mid.ru/press_64.html). В финансовой поддержке программ реконструкции УБЖД участвуют и российские банки, в которых значительной долей акционерного капитала обладает государство. Один из них, «Газпромбанк» в марте 2010 г. заключил договор с «Улан-Баторской железной дорогой», предусматривающий открытие для нее льготных кредитных линий и рефинансирование ее задолженностей. Тогда же монгольскую столицу посетила делегация российской компании «Интер РАО ЕЭС», которая на переговорах с монгольской стороной информировала последнюю о своей заинтересованности в финансовом и технологическом участии в развитии энергосистемы Монголии (<http://www.mongolia.mid.ru/eco-inf.html>).

Помимо экономических структур, контролируемых федеральным правительством России, в 2000-е гг. все более очевидный интерес к капиталовложениям в Монголию стал проявлять и крупный частный российский бизнес. Его представители прежде всего стремятся получить доступ к высокоприбыльным инвестициям в монгольские сырьевые активы. Среди таких активов — золотомедное месторождение «Оюу толгой», в конкурсе на разработку которого принимали участие «Русал», «Норильский никель», «Полиметалл», и крупнейшее в мире каменноугольное месторождение «Таван Толгой», выступающее перспективным объектом капиталовложений для «Северстали», «Реновы» и «Баззла».

При этом российские экономические эксперты единодушны в том, что успехи в освоении монгольских инвестиционных полей, достигнутые в 2000-е гг. государственными и частными российскими компаниями, во многом являются следствием известного протекционизма со стороны правительства Монголии и связаны в основном со временем, когда контроль над исполнительной и законодательной властью принадлежал МНРП (Ефимов А. *Обратно в юрты?* — <http://lenta.ru/articles/2008/07/02/mongol/>; Габуев А. *На монгольских выборах использовали минеральный ресурс.* — *Коммерсант.* 01.07.2008). Подтверждением сказанному служит пример канадской компании «Вестерн Проспектор» (Western Prospector Group Ltd.), которая в июле 2009 г., накануне создания российско-монгольской компании по переработке урана, получила от правительства Монголии уведомление о приостановлении действия всех выданных ей ранее лицензий на освоение урановых месторождений (<http://www.atomic-energy.ru/geography/mongolia>). Впрочем, нет оснований преувеличивать степень покровительства, оказываемого монгольскими властями российским инве-

сторам. Последние, например, в том же 2009 г. не смогли составить конкуренции канадской компании «Айвенго майнз» (Ivanhoe Mines) в соперничестве за контроль над разработкой золотомедного месторождения «Оюу Толгой».

Помимо российских капиталовложений в экономику Монголии в 2000-е гг. быстрыми темпами рос и товарооборот в торговле между двумя странами. По данным российской Торгово-промышленной палаты, объем двусторонней российско-монгольской торговли за первое десятилетие XXI в. увеличился трехкратно и приблизился к ежегодному уровню в \$ 1 млрд. (<http://rus.ruvr.ru/2010/08/19/16474864.html>).

2000-е гг. были временем развития российско-монгольского военно-технического сотрудничества, пережившего до этого десятилетний период застоя. В марте 2004 г. между правительствами двух стран было подписано соглашение об оказании Монголии военно-технической помощи на безвозмездной основе. В соответствии с ним, Россия возобновила прерванные в 1990-е гг. поставки вооружения, боевой и специальной техники для монгольской армии. Объем таких поставок, выполненных российской стороной за три года, прошедшие с момента подписания соглашения, оценивался в \$ 2,5 млн. В мае 2008 г. в Монголию с официальным визитом прибыл российский министр обороны А.Э. Сердюков. Результатом переговоров, проведенных им в Улан-Баторе, стало подписание нового соглашения о развитии сотрудничества двух стран в военно-технической сфере, о проведении их армиями совместных полевых учений и о подготовке монгольских военных кадров в России. В рамках этого соглашения российская сторона в ноябре следующего года передала Монголии очередную крупную партию вооружений, включавшую бронетранспортеры, танки, большегрузные машины и самолеты (http://www.mid.ru/press_74.html). В ноябре 2008 г. на территории Монголии состоялись первые в истории совместные учения российской и монгольской армий «Дархан 1», причем в дальнейшем эти учения стали повторяться ежегодно. В августе 2008 г. первая группа монгольских военнослужащих в составе 46 человек после торжественных проводов, устроенных в Улан-Баторе, отправилась в Россию для прохождения подготовки в высших военных учебных заведениях. Общая же стоимость проектов содействия Монголии, осуществляемых российским правительством в период с 2009 по 2012 г. в области модернизации и ремонта вооружений и военной техники, а также в сфере подготовки военных кадров, равняется \$60 млн. (http://www.mongolia.mid.ru/press_46.html).

В 2000-е гг. также ожили прежде не отличавшиеся особой активностью российско-монгольские отношения в области образования, науки и культуры. Российская сторона за это десятилетие приложила весомые усилия к тому, чтобы, при определенном содействии монгольских властей, придать отечественной системе образования возможно большую популярность среди граждан Монголии. В Улан-Баторе и других монгольских городах были открыты филиалы столичных (например, московской РЭА им. Плеханова) и региональных (омских, новосибирских, иркутских) российских вузов, более 1500 студентов из Монголии отправились в Россию с целью получить там высшее и среднетехническое образование. Важной частью российских образовательных проектов в Монголии стала популяризация русского языка и культуры и поддержка программ изучения русского языка гражданами Монголии. Помимо этого на базе российских вузов организована система переподготовки и повышения квалификации монгольских врачей, учителей, инженеров, в свое время получивших образование в СССР. В сфере российско-монгольского межкультурного диалога регулярными стали выставки, семинары, научно-практические конферен-

ции, выступления творческих коллективов, встречи выпускников учебных заведений, проходившие в разных городах и в России, и в Монголии в рамках ежегодных месячников дружбы, дней культуры, науки и т.д.

Очевидно, что в 2000-е гг. с российской стороны роль локомотива в развитии сотрудничества с Монголией взял на себя федеральный центр. Вместе с тем, в практике двусторонних связей не были забыты и региональные контакты, в основном определявшие характер российско-монгольских отношений в 1990-е гг. К наиболее содержательным примерам регионального партнерства можно отнести проведение Дней Москвы в Улан-Баторе и Дней Улан-Батора в Москве в октябре-ноябре 2008 г. Впрочем, свой вклад в развитие отношений между двумя странами внесли и другие российские регионы, традиционно сотрудничавшие с Монголией. Так, в феврале 2009 г. во время визита президента Калмыкии К.Н. Илюмжинова в Улан-Батор правительство этой российской республики подписало с Монголией соглашение о сотрудничестве в сфере туризма. В апреле следующего года аналогичный договор с монгольским министерством охраны окружающей среды и туризма заключила Бурятия. Спустя месяц состоялся визит в Монголию губернатора Свердловской области А.С. Мишарина, во время которого законодательное собрание этого региона России и Великий Государственный Хурал подписали соглашение о взаимодействии. Помимо этого договоры о сотрудничестве были заключены между Союзом малого и среднего бизнеса Свердловской области и монгольской Торгово-промышленной палатой, между ЗАО «Уралбанк» и коммерческим «Хас-банком», между Уральским государственным горным университетом и Монгольским госуниверситетом науки и технологий. С той же степенью активности развивали сотрудничество с Монголией Иркутская, Новосибирская, Кемеровская области, Забайкальский край и другие субъекты Российской Федерации (http://www.mongolia.mid.ru/press_46.html).

Очевидно, что все упомянутые благоприятные перемены, произошедшие в российско-монгольских отношениях за последнее десятилетие, представляют собой элементы того стратегического партнерства, которое, по согласованному мнению правительств двух стран, определяет современное состояние этих отношений. Вместе с тем признание монгольской стороной за Россией статуса стратегического партнера отнюдь не является свидетельством существенной трансформации базовых принципов многовекторной внешней политики, которых Монголия придерживается с начала 1990-х гг. Наряду с Россией монгольские власти продолжают развивать разносторонние связи, также именуемые ими партнерскими, и с Китаем, и с США, и с ведущими европейскими и азиатскими державами. Причем, как было показано выше, подобный плюрализм международных контактов остается принципиальной основой внешнеполитического курса Монголии вне зависимости от изменений внутривнутриполитической ситуации в стране. Сохранение геополитического равновесия и равноудаленности от ближних и «дальних» соседей ныне составляет совокупность внешних условий, обеспечивающих жизненно важные интересы развития Монголии и прежде всего гарантирующих ее государственный суверенитет. С большой долей уверенности можно предположить, что в ближайшей исторической перспективе ни одно монгольское правительство на международной арене не проявит инициатив, способных нарушить баланс разнонаправленных интересов, сложившийся в отношениях, поддерживаемых страной с основными зарубежными партнерами. Сохранение подобно-

го баланса объективно позволяет Монголии в каждом конкретном случае выбрать наиболее выгодные ей варианты развития международного сотрудничества. О том, что идеи о целесообразности именно такой внешней политики популярны не только во властных структурах, но и в общественном сознании, убеждают суждения монгольской прессы: «Что касается нас, монголов, то раньше мы прежде всего интересовались вопросом: а что нам дали иностранные партнеры? Теперь же положение изменилось. Сегодня мы обсуждает вопросы крупных инвестиций, и иностранцы уже «просят» у нас» (Ардын эрх. 27.08.2009).

В сложившихся обстоятельствах современные отношения Российской Федерации с Монголией предстают одной из сторон своеобразного «многоугольника» международных отношений, формирующегося вокруг этой страны с участием Китая, США и ряда высокоразвитых западноевропейских и азиатских государств. Поэтому способность России к тому, чтобы на монгольском направлении внешней политики отстаивать собственные геополитические и экономические интересы, зависит не только от состояния двусторонних связей. С течением времени показателем этой способности все более становятся результаты конкурентной борьбы, которую Россия ведет с другими державами за возможность строительства с Монголией межгосударственных партнерских отношений, за доступ к монгольским природным ресурсам и за возможность прибыльно инвестировать в монгольскую экономику.

Филиппов А.В.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТОИ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Основные черты социально-политических, а также и экономических устоев Японии сегодня определяются положениями Конституции 1947 г. Значительный отпечаток на специфике структур общества оставили американская оккупация, «экономическое чудо» и период бурных темпов роста. Не прошли бесследно и несколько «скачков йены» (укрепившие позиции национальной валюты), оказавшись одним из весомых стимулов для очередных витков в перестройке японской экономики. Даже не затрагивая смены приоритетов на новые отрасли при сворачивании старых, невозможно обойти вниманием переход от высоких темпов роста к средним, отказ от опоры на экспортно-ориентированный ширпотреб во имя развития трудосберегающих и наукоемких направлений производства. Не менее важно обратить внимание на затянувшуюся стагнацию, воцарившуюся в экономической сфере на рубеже веков после буйства «экономики мыльных пузырей». Новым всплеском активности этот этап «плохой конъюнктуры» так и не завершился, плавно погрузившись под волны очередного мирового экономического кризиса уже в нынешнем веке. Пока можно с уверенностью утверждать, что Япония в последние полтора-два десятилетия прочно занимает позиции страны, где жизнь может выглядеть достаточно комфортной благодаря умеренности цен на качественные товары повседневного обихода, произведенные в странах с дешевой рабочей силой.

Политическая система, в общих чертах сложившаяся при оккупационном режиме, обрела заметное своеобразие. В политике на протяжении около полувека господствует Либерал-Демократическая партия (далее — ЛДП) при условном противостоянии Социалистической партии как оппозиции (не способной к превращению в партию правящую). Уникальность этого феномена обеспечило рождение мифа о «полупарламентской политической системе» Японии. Крах амбиций ЛДП в нач. 90-х годов оказался явлением непродолжительным, позиции партии как правящей удалось восстановить очень быстро. Но изменения тех лет внесли черту вариативности в политическую жизнь Японии. При некоторой утрате влияния рядом прежних, ставших уже традиционными партий — появилась целая «палитра» совершенно новых (и часто мелких) политических группировок, крайне разных по своей окраске. Ситуацию, возможно, удалось бы и далее характеризовать как «полупарламентскую систему». Однако, рассмотрению как «не слишком опасной оппозиции» всего «п.строга набора» прочих политических группировок — помешал приход к власти новой политической силы в лице Демократической партии Японии (далее — ДПЯ) во главе с ХАТОЯМА Юкио осенью 2009 г. Насколько сил, и удар по ЛДП покажет время — пока же положение отчасти напоминает историю нач. 90-х гг., когда руководство ЛДП приложило максимум усилий, чтобы опорочить ХОСОКАВА Морихиро, лидера победившего их нового партийного блока. Нападки с целью доказать «коррупционность» нового премьера Хатояма зазвучали через несколько месяцев, а учитывая небольшое число предвыборных обещаний — отстоять перед общественностью позиции партии и кресло премьера, судя по всему, оказалось нелегко. Опасения «потерять

лицо» (и желание сохранить положение партии) привели к уходу Хатояма с поста премьера, где его с начала июня 2010 сменил другой деятель той же ДПЯ, 63-летний КАН Наото 菅 直人.

Политическая, социальная и экономическая сферы жизни любой страны неразрывно связаны между собой. Условия экономического существования, как правило, предопределяют тенденции развития социума и господствующих политических тенденций. Поэтому, исходя из посылки, что «бытие определяет сознание», уместно предпринять попытку обрисовать периодизацию развития экономики Японии во второй пол. XX — нач. XXI в. — а затем, опираясь на эту схему, продемонстрировать суть изменений, происходивших в политической и социальной жизни страны.

Периодизация развития японской экономики во второй половине XX — начале XXI в., может быть отображена предлагаемым ниже чередованием этапов взл. та и падения экономической конъюнктуры. Учитывая, что мировое сообщество доныне пребывает под впечатлением от японского «экономического чуда» — думается, данная периодизация будет небезынтересна. В частности, из не, явственно следует, что так называемое «экономическое чудо» стало лишь одним из этапов картины сложных коллизий, пережитых страной за полвека с небольшим. За пределами Японии циклично-стадиальное развитие японской экономики в деталях почему-то освещается весьма редко — тем не менее попытаемся предложить его вниманию читателя.

1) Послевоенный восстановительный период 1945-1955. К нему относятся стадии послевоенной разрухи 1945-1952, экономический бум на фоне американских спецзаказов в годы корейской войны 1950-1953, период послевоенного восстановления 1950-1955.

2) I-ая стадия высоких темпов роста 1955-1965. Строго говоря, это подготовительный период, не всегда относимый ко временам «высоких темпов». Но на этот временной отрезок приходится два экономических бума — «процветание Дзимму» 1955-1957 и «процветание Аматэрасу, покинувшей Небесный грот (Ивато-кэйки)» июнь 1958 — декабрь 1961, отделенных друг от друга кратким периодом стагнации «до дна кастрюли (наб-фук,)» на рубеже 1957-1958. Именно длившийся непрерывно 42 месяца Ивато-кэйки — первый длительный период высокой конъюнктуры, однозначно относимый к «высоким темпам роста».

3) II-ая стадия высоких темпов роста 1965-1970. Темпы роста экономики составляли около 10%. К этому времени относятся конъюнктурный взрыв 1963-1964 (подготовка Олимпиады в Токио 1965); кратковременный спад на фоне страхового обвала 1964-1965; «процветание Идзанаги» 1966-1970. Более классический подход к датировке периода «высоких темпов роста» японской экономики — чаще выражают датировкой 1960-1973.

4) 18-летний период стабильного роста 1973-1991. Темпы роста экономики составляли около 3-6%. К данному периоду относятся два «нефтяных шока» 1973 и 1979; Plaza Accord (заключенное в сент. 1985 в отеле Плаза в Нью-Йорке соглашение о стабилизации валютных курсов); спад на фоне «высокой йены» 1983-1987; конъюнктурный всплеск экономики «мыльного пузыря» 1986-1991.

5) «Потерянное десятилетие», известное и как «стагнация годов Хэйсэй» 1993-2002 — этап, пришедший вслед лопнувшему «мыльному пузырю». Страна вступила в затянувшийся период «плохой конъюнктуры» фукэйки, который невзирая на последовавший за ним 5-летний период оживления экономики — можно считать про-

должающимся по сей день. Темпы прироста ВВП, начиная с 1991-1992, когда его постоянное сокращение уже началось, и почти до наших дней — можно привести в виде нижеследующей таблицы.

1991	3,4%	1997	1,6%	2003	1,4%
1992	1%	1998	—2%	2004	2,7%
1993	0,2%	1999	—0,1%	2005	1,9%
1994	1,1%	2000	2,9%	2006	2%
1995	2%	2001	0,2%	2007	2,4%
1996	2,7%	2002	0,3%	2008	—0,7%

6) «Процветание Идзанами», январь 2002 — ноябрь 2007 — длилось 69 месяцев. Несмотря на позитивное восприятие этапа как экономического подъема — темпы роста в 1-2% (см. вышеприведенную таблицу) вряд ли способны создать стойкую иллюзию подлинного бума.

7) Мировой финансовый кризис 2007-2010, известный и как «рецессия конца 2000-х годов». Несмотря на легкое оживление экономики при «буме Идзанами» — представляется, что период спада и «дурной конъюнктуры», накрывший Японию с 1993, длится по сей день. В таком случае, скоро будет уместно говорить не о «потерянном десятилетии», а о «двух потерянных десятилетиях».

Исходя из вышеизложенной картины, питать иллюзии о благополучии японской экономики сегодня — представляется совершенно неуместным. Детали, определявшие развитие страны на наиболее важных этапах — излагаются далее в тесной связи с тенденциями политической жизни.

* * *

Складывание экономической и административно-политической системы современной Японии, если оставить в стороне национальную специфику, поведенческие особенности и нюансы менталитета — связано со временами американской оккупации по окончании II мировой войны. Директивы Штаба оккупационных войск, возглавлявшегося Дугласом Макартуром, определяли развитие Японии тех лет и оставили неизгладимый след в ее истории. Оккупационный период принято делить на два этапа. Первый, обычно именуемый ранним периодом оккупации, продолжался до 1948-49 гг. Его специфику предопределило стремление навсегда лишить Японию военно-экономического и политического потенциала, способного составить угрозу для США. Лейтмотивом, лозунгом раннего периода оккупации стало «Три Д»: демилитаризация, демократизация, декартелизация. В результате чего в ряде сфер были достигнуты «успехи», от которых не удалось избавиться и в дальнейшем, когда позиция американцев изменилась. Так, вступившая в силу в 1947 новая японская Конституция декларировала отказ от права страны на войну и содержание вооруженных сил. Та же Конституция позволила японскому обществу стать весьма демократичным и с точки зрения политического разнообразия, и с точки зрения равенства мужчины-женщины и т.п. Воплощение принципов декартелизации привело к фактическому уничтожению (методом разукрупнения, разрушения корпоративных связей) мощных корпораций дзайбацу, на которые в значительной мере возлагают ответственность за ведение II мировой войны.

Вторым этапом оккупации стал «обратный курс», начало которого связывают с 1948-49 гг., а завершение с окончанием американской оккупации в 1952 по итогам мирного договора, заключенного в 1951 г. на конференции в Сан-Франциско (не подписанного СССР). Мотивом для перехода к «обратному курсу» стало изменение политической обстановки в Юго-Восточной Азии. Если до 1948 г. США надеялись видеть верным партнером в регионе Китай, то в 1948-49 гг. ситуация кардинально изменилась. В канун образования КНР стало ясно, что силы Гоминьдана, главного противника Компартии Китая (видевшиеся ранее партнером США), уйдут с территории континентального Китая на Тайвань. США на длительную перспективу утратили мощную и надежную опору в Юго-Восточной Азии. Но потребность в надежном партнере, на которого можно опираться при проведении американской политики в регионе — была налицо. Чаяния США обрести такового — привели к смене позиций в отношении Японии. Соответственно, общие ориентиры «обратного курса» состояли и в отказе от демократизации, и в надежде превратить новую Японию в верного партнера (в том числе и на пути военных и политических авантур США в Восточной Азии). Но попытки пересмотра Конституции 1947 г. — безрезультатны по сей день, а устремления к «ремилитаризации» Японии увенчались лишь созданием в 1954 Сил Самообороны на основе Резервного полицейского корпуса, появившегося в 1950. Впрочем, удалось сделать Японию экономическим партнером и опорой в корейской войне. Американские спецзаказы тех лет, ремонт спецтехники и снабжение американских войск впервые по окончании II мировой войны смогли дать толчок к оживлению и подъему японской экономики.

Япония вставала на ноги с огромным трудом. Упадочную ситуацию послевоенных лет можно обрисовать как «пассивный саботаж» японских предпринимателей в ответ на все попытки американцев сподвигнуть их хотя бы на уровень самообеспечения. Бесплатные фонды «помощи оккупированным территориям», как и любая гуманитарная помощь, вели к обогащению неизвестных лиц, не принося конкретных экономических результатов. Однако, к реальным сдвигам в развитии подтолкнули визиты двух американских советников, прибывших для изучения положения в стране. Улучшение ситуации в японской экономике связывают с «линией Доджа» и «миссией Шоупа». Первый, видный американский финансист Джозеф Додж, директор Детройтского банка — став главным финансово-экономическим советником Штаба оккупационных войск, с весны 1949 занялся выработкой мер по стабилизации японской экономики. Второй, профессор Колумбийского университета Карл Шоуп, с мая 1949 занимался подготовкой налоговой реформы, введением прогрессивной шкалы налогообложения и т.п. В итоге прогрессивный подоходный налог и иные меры создали возможность для преодоления инфляции и достижения бездефицитности госбюджета. 7 марта 1949 г. Дж.Додж на встрече с журналистами весьма ярко определил общую направленность экономических преобразований. «Японская экономика стоит как бы на двух ходулях, одна нога которых представляет собой американскую помощь, другая — механизм внутренних субсидий. Если делать большие шаги на ходулях, можно упасть и сломать себе шею». Главная цель состояла в том, чтобы снять-таки японскую экономику с ходуль и поставить на «собственные ноги». В итоге отмена нецелевого субсидирования, переход на жесткое целевое финансирование и кредитование конкретных направлений — несмотря на сложность их внедрения, смогли стимулировать определенную самостоятельность в развитии японской экономики. Отныне речь шла о субсидировании только доходных отраслей и предприятий.

В послевоенный период отношения между Японией и США, вынужденно ставшие партнерскими — ни в коей мере не отличались взаимоприязнью. Принятие решений по важным вопросам в большинстве случаев происходило на основе ультимативных указаний американской администрации. Ситуация начала меняться только в 1961, с появлением на политической арене в качестве посла США в Японии Эдвина Рэйшауэра (1910-1990). Родившись в Токио, там же в 1927 он закончил Американскую школу. Специальность японоведа получил в Гарварде под руководством приглашенного из Франции выпускника Санкт-Петербургского университета Сергея Елисеева (впоследствии С.Елисеев и Э.Рэйшауэр стали известны как отцы-основатели американского японоведения). Продолжил образование в университете Токио и других учебных заведениях. Глубокое понимание Э.Рэйшауэром японской культуры и менталитета способствовали становлению взаимовыгодного диалога Японии и США, заложили основы их дальнейшего политического и экономического сотрудничества. Пребывая на должности посла США в Японии с 1961 по 1966, Э.Рэйшауэр смог добиться невероятного — взаимопонимания и перехода к обоим сторонам эффективному сотрудничеству двух стран. По словам самого Э.Рэйшауэра, он искал пути восстановления «прерванного диалога» двух стран и, в конечном итоге, именно его дипломатия привела в 1972 к возвращению Окинава под японский флаг. Но деятельность в качестве посла США оставила на судьбе самого Э.Рэйшауэра и прискорбный отпечаток. В марте 1964 юный японец, страдавший психическим заболеванием, нанеся ему ранение холодным оружием. Пренебрежение услугами американского госпиталя привело к заражению гепатитом в японской клинике, что в итоге явилось причиной его смерти (спустя два с половиной десятка лет).

Методичные усилия США по возвращению жизнеспособности японской экономике в итоге привели к ожидаемым позитивным результатам. Достаточно быстро начались процессы, которые можно оценить как складывание нового облика страны, имея в виду активное развитие современных отраслей тяжелой и химической промышленности. В середине 50-х годов Япония однозначно вступила в эпоху, которую потом стали именовать научно-технической революцией (НТР). К концу же 50-х годов Япония по темпам роста обогнала страны Западной Европы и США (и это несмотря на спад и кризисные явления 1954 и 1958 гг.). Именно наметившиеся с 50-х годов беспрецедентные темпы роста и привели к разговорам о «японском экономическом чуде». В 60-х годах реальные темпы роста в стране составляли прирост 10-11%, а к 1968 г. по экономической мощи Япония прочно заняла II-ое место в капиталистическом мире. Прирост ВВП в 1968 и 1969 составил максимум за всю историю японской экономики — соответственно 12,9% и 12,5%. Из-за кризисных явлений 70-х, начало которым было положено первым из «нефтяных шоков» 1973, а усугублено «высокой йеной» и вторым «нефтяным шоком» 1979 — экономика стабильно демонстрировала уже умеренный, прирост 5-6%-ый рост.

Ситуация 70-х годов, столкнув страну с целым рядом серьезных проблем, вынудила к усиленным поискам «нового лица» японской экономики в условиях умеренных темпов роста. Для начала 1971 год обрушил на Японию «шоки Никсона». Первый — налаживание американским партнером отношений с КНР вместо Тайваня. За ним последовал и второй — отмена золотого паритета доллара, став «долларовым шоком». Это в итоге ударило по йене, подняв ее, с привычной планки 360 йен к 1-му доллару — до уровня 308 йен за 1 доллар. Тогда «высокая йена» явилась лишь провозвестником проблем, связанных со скачками йены. Долгие десятилетия

Япония жила в ставших привычными условиях «стабильной йены». Связанные с колебаниями валютного курса проблемы пришлось пережить задолго до того — во время «начального периода оккупации». Если перед II мировой войной курс составлял припл. 1 йена к 1 доллару, то по окончании войны — уже 2 йены к 1 доллару. За три послевоенных года с 1945 по 1948 произошёл обвал йены в 180 раз, найдя выражение в курсе 360 йен к 1-му доллару. Это-то соотношение и оставалось стабильным на протяжении более чем двух десятилетий (собственно, период 1949-1971 и принято называть «периодом фиксированного курса йены»). Несколькими годами позже, помимо прочих кризисных явлений 70-х годов, первый «нефтяной шок» 1973-1974 привёл к взл,ту цен с 1-2 долларов до 11-12 долларов за баррель сырой нефти. «Второй нефтяной шок» лета 1979, связанный с событиями в Иране, вывел цены на уровень более 30 долларов за баррель. С последствиями Япония смогла справиться лишь к лету 80-го года.

Следует учитывать, что за последние четыре десятилетия (с начала 1970-х до 2010 г.) Японии пришлось несколько раз столкнуться и пережить такое явление, как скачки йены. Если говорить о самых значимых — остановимся на пяти резких скачках.

1) Уже говорилось, что с конца 40-х до начала 70-х годов курс йены составлял 360 ¥ за 1\$, а в 1971-1973 — взлетел до 260 ¥.

2) После некоторого нивелирования, в 1976-1978 последовал новый удар — с 290 ¥ до 190 ¥.

3) Очередной шок, это 1985-1987 — скачок с 240 ¥ до 120 ¥.

4) Пожалуй, самый обвальный удар, которого как всегда, не ждали, случился в 1994-1995, когда отношение йена—доллар, перевалив порог в 100 ¥ в конце 1994, к 19 апреля 1995 достигло уровня в 79,75 ¥. Учитывая то, что порог в 100 ¥ считался долгое время непереносимым для здоровья японской экономики, правительство сделало вс, возможное для оздоровления последней — в период 1998-2000 йена колебалась в диапазоне 120 ¥-103 ¥ (впрочем, в 1998 дохода и до 147 ¥); 2002-2004 — 130 ¥-100 ¥. В 2004-2007 последовал период некоторого падения йены до 124 ¥. Очередной колебательный подь,м начался с осени 2007.

5) 2009-2010 — на фоне мирового кризиса, произошёл очередной, пятый скачок йены (в связи с ипотечно-инвестиционным крахом Lehman-shock 2008 и Дубайским долговым кризисом = Dubai-shock 2009). В конце 2009 японская валюта уже переходила порог в 90 ¥ за 1\$, а 14 октября 2010 (хоть это был и лишь эпизод во время работы биржи) достигла показателя в 80 ¥. Очень важным кажется, что йена стойко держится в диапазоне 82-84 ¥ уже несколько месяцев (август—октябрь 2010), и японская экономика пока что в состоянии это переносить.

Заметим, что уже третий скачок йены в 1987 привёл к тому, что заработная плата в Японии в долларовом измерении стала самой высокой в мире. Впрочем, с уч,том значимых расходов на жизнь и цен на внутреннем рынке — вряд ли е, можно считать чрезмерной. Для предпринимателей высокая зарплата становится дополнительным бременем издержек, что вед,т и к необходимости производить товары с максимально высокой добавленной стоимостью, т.е. к очередным виткам перестройки производственной сферы Японии. Таким образом, перестройка экономики страны со сворачиванием ряда отраслей при разв,ртывании других сфер для Японии — непрерывный процесс уже как минимум с 60-х годов. Однако, не оста,тся сомнений, что уровень обеспеченности среднего японца с середины

80-х можно считать весьма достойным и это могло бы создавать стимулы для поддержания стабильности политической системы со стороны среднестатистического обывателя.

Завершая обзор экономических тенденций 70-90-х годов, напомним, что период с «нефтяного шока» 1973 и до самого конца 80-х годов (в отличие от предшествующего периода «высоких темпов роста») — был периодом стабильного роста экономики в средних темпах. Именно на это время пришелся и так называемый период экономики «мыльного пузыря = bubble». Когда «мыльный пузырь» все же лопнул, с начала 90-х годов страна вошла в затяжной период «плохой конъюнктуры» фукэйки. Видимо, этот термин наиболее приемлем, поскольку именовать ситуацию «затяжным застоєм», все же неуместно. При относительных взлетах и падениях, данный этап не завершился и поныне. Начало фукэйки практически совпадает и с временной утратой власти ЛДП в 1993-1996. Но и по возвращении ЛДП к кормилу власти в 1996-2009 — страна так и не вошла в стадию очевидного экономического подъема.

* * *

На обозначенном ранее экономическом фоне — обратимся к рассмотрению политической ситуации в Японии. Как уже говорилось — первые решительные усилия по подъему страны из разрухи во времена «обратного курса» смогли обеспечить и начало экономической стабилизации, и движение к достижению определенности в политической жизни страны. Тенденция состояла в отказе от «излишней» послевоенной демократичности, версификации взглядов и пестроты политических организаций. К сер. 50-х годов завершилось размежевание основных сил в политике, что стало своеобразной «фиксацией» отхода от яркой палитры партийно-политической жизни первых лет оккупации.

В первые послевоенные годы большой популярностью пользовались левые силы. С одной стороны, социалисты, ведущие происхождение от разнообразнейших по политическим взглядам групп социалистов 20-30-х годов, что предопределило поведение партий социалистической ориентации на долгие десятилетия после войны. С другой стороны, небывальными темпами росла и популярность японских коммунистов. Почти все лидеры японской компартии, созданной в 1922 и успевшей до войны пережить периоды ликвидаторства и отзовизма — провели в тюрьмах чуть не два десятилетия и вышли на свободу только в 1945. Возродившаяся КПЯ поначалу имела беспспорный успех и привлекала массы. Это происходило даже несмотря на нечткость политической позиции и постоянные, нередко грубые ошибки в оценке политического курса. Однако, популярность КПЯ постепенно пошла на спад в условиях усиления влияния левоэкстремистских групп, стремившихся к неоправданному терроризму. Особо прославился в левом авантюризме и сектантском курсе на вооруженную борьбу СИДА Сигэо. Впоследствии, после его ухода в подполье, он был заочно исключен из КПЯ, но «летучие отряды» в горах, тренировавшиеся в метании бутылок с зажигательной смесью, надолго оставили негативный осадок на отношении к КПЯ рядовых японцев. Падение авторитета в массах привело к резкому падению численности КПЯ к сер. 50-х годов — до 30 с лишним тыс. человек (при том, что сразу после войны их ряды росли лавинообразно: дек. 1945 — 1 тыс. чел., февр. 1946 — 7 тыс. чел., конец 1946 — ок. 50 тыс. чел.). Впрочем, КПЯ и по сей день пользуется немалым уважением у японцев старшего поколения, которые с удивительным почтением неизменно заявляют

о «высокой интеллигентности» лидеров этой партии. Так что увлечение марксизмом не прошло для Японии бесследно (причем, в самых разных отношениях).

К 1955 г. сложились условия для формального объединения в рядах одной партии правого и левого крыла Социалистической партии Японии (далее — СПЯ). Это вызвало у правящих консерваторов стойкие опасения в усилении оппозиции — и в том же 1955 на базе двух консервативных партий, Либеральной и Демократической, была создана Либерал-Демократическая партия. Поэтому 1955 год и принято считать вехой, завершающей становление крупных противоборствующих лагерей на политической арене послевоенной Японии. Сложилась так называемая «система 1955 года», нередко именуемая и «полупарламентской системой». Уже начиная с мая 1946, со времени достижения относительной «политической стабильности в условиях оккупации», кабинеты министров попеременно возглавляли лидеры двух названных консервативных партий (Либеральной и Демократической) — за исключением единственного случая. С мая 1947 по май 1948 премьер-министром Японии был лидер СПЯ — КАТАЯМА Тэцу. С 1955 же года, в течение более полувека вплоть до 2008 г. — кресло премьера прочно занимали представители ЛДП. Исключение составляет лишь краткий период сумбура в 1993-1996. Только в эти годы кресло премьера принадлежало представителям других партий (ХОСОКАВА Морихиро из Новой партии Японии; ХАТА Цутому, возглавлявший тогда Японскую партию обновления Синсэй-то 新生党; МУРАЯМА Томиити из СПЯ). Со столь же завидной стабильностью, вплоть до последнего времени, самую мощную силу оппозиции представляла СПЯ. Ее представители занимали кресло премьера лишь дважды за послевоенную историю: КАТАЯМА Тэцу в 1947-1948 и МУРАЯМА Томиити в 1994-1996. Прочие партии оппозиции не имели заметной численности в парламенте и могли рассчитывать на весомое оппозиционное противодействие при условии блокирования с другими оппозиционерами. Именно поэтому система и получила название «полупарламентской». Одна — постоянно находившаяся у руля ЛДП, плюс — постоянно составлявшая ей оппозицию, но обычно не побеждавшая на выборах СПЯ. На протяжении 50-70-х годов имела место тенденция к падению электората ЛДП, вызывавшая у ее лидеров беспокойство. Это обусловило стремления к поиску диалога с СПЯ на уровне формирования отношения к ней, как к партии, которая могла бы чередоваться с ЛДП у кормила власти (пост премьера). Тенденция так и не нашла позитивного восприятия у СПЯ, но способствовала укреплению иллюзий о стойкой «полупарламентской системе». Фактически предполагалась бессменность лидирующей в парламенте политической партии.

Впрочем, на фоне двух нефтяных шоков 70-х годов и регулярных экономических неурядиц говорить о стабильном позитивном отношении японцев к правящей партии было бы, конечно, сложно. Но тем не менее, уже с 70-х годов наметилась тенденция к росту уровня поддержки ЛДП. Эта своего рода «новая консервативная волна» была вызвана и очередным этапом развития научно-технической революции, который привел к общему росту доходов населения. Утверждения о складывании в сер. 80-х годов «общества благосостояния» (welfare), теории общества «среднего класса» — в значительной мере могут быть оправданы тем, что к середине 80-х впервые в истории уровень доходов, заработной платы в Японии стал действительно высоким и вполне отвечающим интересам среднего обывателя в стране с высокоразвитой экономикой. Имело место и изменение первоочередных жизненных ориентиров: от стремления служить обществу упорным трудом — к желанию наслаждаться

«вкусом жизни») икигай 生き甲斐. Безусловно, все это в комплексе — вполне могло обеспечить рост поддержки правящей консервативной партии, т.е. ЛДП. Но укрепление позиций консерваторов было недолговечно. Вернувшись к ситуации 60-70-х годов, можно обратить внимание на складывание партий «центра»: Партия Демократического Социализма (1960), Социал-Демократический Союз (1978), возникшая на базе буддийской организации Сока-гаккай «Партия чистой политики» Комэйто (1964), Новый Либеральный Клуб — некоррупцированная альтернатива ЛДП в 1976-1986. Ряд из них в разные периоды был способен блокироваться с противниками как правого, так и левого толка. При оппозиционном значении, следует учитывать и их готовность поддержать партию правящую (сообразно ситуации). В целом, партийно-политическую ситуацию 60-70-х, и даже 80-х годов можно оценивать как период относительно стабильного существования партий правого, левого крыла и «центра». Но уже к середине 80-х вновь заговорили о существовавшей не первое десятилетие тенденции к дроблению оппозиции на ряд мелких независимых партий. Ситуация стала еще, кардинальнее меняться на рубеже 80-90-х годов — в связи с появлением целого сонма новых партий и групп. При заметном ослаблении влияния партий «с опытом» — силу набирают именно новые партии. На этом фоне в 1993 году и произошел обвал — впервые с 1955 г. ЛДП потерпела сокрушительное поражение на выборах. Формирование коалиционного кабинета министров было поручено лидеру новой партии Японии, ХОСОКАВА Морихиро. С трудом пережив шок, ЛДП предприняло максимум усилий для возврата утраченных позиций. В итоге Хосокава был вынужден расстаться с креслом премьер-министра. Его противники умело воспользовались ситуацией с урожаем риса в стране, а также притянутым к делу скандалом о давних «финансовых махинациях» Хосокава. Это было вполне в духе японских политических игр, хотя и явно не сочеталось с образом свободного от коррупции нового крупного политика, каковым был Хосокава. Как уже упоминалось, затем последовали еще два кабинета, не связанных с ЛДП. Но с 1996 г. ЛДП удалось вернуться к власти, опять же бесценно удерживая ее, вплоть до 2009 г.

Партийно-политическая ситуация на сегодня выглядит чрезвычайно разнообразно и пестро (по данным на 24 октября 2010). Двумя партиями, лидирующими по числу мест в Парламенте (всего 722 места в обеих палатах) являются правящая Демократическая партия Японии (412 мест) и ЛДП (201 место). Претензии прочих партий на получение большинства при следующих выборах вряд ли могут оцениваться как реальные. Третьей по числу мест идет ориентирующаяся на «буддийскую демократию» и «средний путь» Комэйто (40 мест). Представители еще трех партий не имеют в Парламенте и двух десятков мандатов: «Партия всех = Твоя партия» Минна-но то — 16 мандатов, у КПЯ — 15, у Социал-Демократической партии — 10. Кроме того, от 1 до 6 мандатов имеют Новая народная партия, Поднимающаяся Япония, Новая партия РЕФОРМЫ, Новая партия ЯПОНИЯ, Новая партия БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ, Общественная массовая партия Окинава, Партия воплощения счастья. В общей сложности, в Парламенте представлено 13 партий. Все новые, если не считать трех — воссозданную в 1998 Комэйто (являющуюся продолжательницей прежней Комэйто, 1964 года образования), ЛДП, ведущую происхождение с 1955 и КПЯ, учрежденную еще, в 1922 (впрочем, упомянутая Массовая партия Окинава возникла в 1950). Из остальных 2 партии — созданы во второй половине 90-х, а оставшиеся 7 — с 2005 по 2009 год. Можно добавить, что существует 4 партии из числа ранее имевших представительство в Парламенте, а также еще, как минимум 13 партий, претендовавших на парла-

ментские мандаты (включая Партию Улыбки). Обобщая, заметим, что общее число упомянутых здесь партий превышает два с половиной десятка. В действительности, политических организаций и групп, принимающих участие в политической жизни страны — больше во много раз. Но вс, -таки рано утверждать, что «полупартийная система» осталась для Японии в прошлом. Возможно, спустя несколько лет (или десятилетий) будет вновь уместно говорить о полупартиях (только уже не ЛДП и СПЯ). Сильна и вероятность того, что это будут нынешние лидеры — ДПЯ и ЛДП. Так что говорить о крахе «системы 1955 года», видимо, преждевременно. Реально и допущение, что на политической арене Японии может сложиться система двух партий, попеременно сменяющих друг друга — при существовании массы более слабых группировок, которые порой не всегда способны сопротивляться партиям-лидерам даже при условии блокирования малых партий.

Приход к власти ДПЯ стал реальностью после 30 августа 2009, когда на выборах в ключевую Нижнюю палату Парламента ей удалось получить свыше 300 мандатов из 480. Тем самым, как ведущая партия в Парламенте, ДПЯ получила право определить премьер-министра (простым большинством голосов). Таковым стал 62-летний ХАТОЯМА Юкио, являвшийся Генеральным секретарем ДПЯ (вторым лицом в партии). За избрание его премьером проголосовало 327 из 480 депутатов нижней палаты (первый случай подобного единодушия за всю японскую историю). Его политическая карьера началась поздно, в 1986 (ранее он активно занимался научной деятельностью). В 1993, покинув ЛДП, он с рядом сторонников вошел в новую партию «Пионер» Сакигакэ (в свое время представленную в 8-партийном коалиционном правительстве Хосокава, обрушившего власть ЛДП в 1993). Фамилия Хатояма известна в Японии и России, прежде всего, благодаря деду — ХАТОЯМА Итиро, трудами которого в 1956, в бытность его премьер-министром, были восстановлены дипломатические отношения СССР и Японии, оборвавшиеся с началом II мировой войны. Достижения ХАТОЯМА Итиро тем более значимы, что предполагавшемуся далее подписанию мирного договора так и не суждено было стать реальностью (ввиду муссируемого японской стороной «вопроса» о принадлежности 4 островов Курильской гряды). Восстановление дипломатических отношений — стало тем минимумом, который обеспечивает поддержание отношений между нашими странами по сей день. Кабинет ХАТОЯМА Юкио находился у власти с 16 сентября 2009 по 8 июня 2010. К числу задач на посту премьера он отнес и диалог с Россией вокруг Курил. Укрепление отношений с нашей страной выдвинулось ему тем более важным, поскольку до занятия поста премьера он являлся президентом общества «Япония—Россия». Историю ухода ХАТОЯМА Юкио с поста премьера, видимо, следует начинать с околокоррупционных скандалов вокруг ОДЗАВА Итиро (одного из лидеров ДПЯ), интерес к которым обострился в январе 2010. Раздувание шумихи было продолжено потом и вокруг имени Хатояма, обвинявшегося в уклонении от уплаты налогов с сумм, полученных на протяжении ряда лет «группой поддержки» Хатояма. Полностью доверявший ведению дел секретарям — премьер оказался под шквалом нападок противников. При, м, давно известный в «политических играх» Японии — скандалы со взятками от компаний Локхид в 1976 (бывший премьер ТАНАКА Какуэй) и Рикруто в 1988 (премьер ТАКЭСИТА Нобору и др.), обвинения в финансовой нечистоплотности ХОСОКАВА Морихиро на рубеже 1993-1994 и проч. Реальным мотивом для ухода в отставку Хатояма стала необходимость не потерять лицо и сохранить власть

у ДПЯ — премьеру не удалось выполнить предвыборные обещания (каковых было много), в частности, вывести с Окинава американскую военную базу Фугтэмма.

С июня 2010 премьер-министром становится один из ближайших сподвижников Хатояма по ДПЯ — НАОТО Кан. После того, как 14 сентября 2010 г. Наото был переизбран лидером ДПЯ, его кабинет претерпел некоторые преобразования. В целом стремясь продолжать дело своего предшественника, Наото вынужденно сталкивается с рядом текущих политических и экономических осложнений — трения с Китаем, проблемы падения доллара и, соответственно, рост курса йены. Так, 15 октября 2010 г. Японии впервые за 6 лет пришлось прибегнуть к валютной интервенции во имя поддержания йены. Тем не менее, йена продолжает расти. Трудно дать гарантии — долго ли удастся нынешнему премьеру удерживаться на своем посту (в том числе, и с учетом громкой шумихи вокруг посещения Курил Президентом РФ в ноябре 2010).

* * *

Дальнейшие насущные проблемы современной Японии. Завершая обзор, следует остановиться на тенденциях, имеющих отношение не только к экономической и политической, но и к социальной сфере жизни Японии сегодня.

Уже несколько десятилетий за пределами Японии весьма популярен миф о японской системе менеджмента. Написан ряд монографий о ее уникальности, ведущие западные фирмы пытаются внедрить у себя ее аналоги. Условия пожизненного найма, ощутимый прирост зарплаты в соответствии с выслугой лет, привлечение всех сотрудников к повышению конкурентоспособности продукции (методом создания кружков качества), всемерное укрепление «чувства коллектива», плановки с пением гимна фирмы и корпоративный «отдых» (в том числе ежевечерний)... Можно вспомнить и о том, как в свое время японцы активно привлекали опыт соответствующей деятельности в Советском Союзе — изучение стахановского движения, форм социалистического соревнования, внедрение в Японии 5-ти и 10-летних планов развития экономики... Однако, на протяжении по крайней мере последних двух десятилетий — Япония все более отходит от этой системы, несмотря на почти повальное увлечение ею европейцев и американцев. Система пожизненного найма терпит крах. Рядовой японец не может быть уверен в постоянном месте работы, когда множество знакомых уже уволены. И эти проблемы начались значительно раньше столкновения с последним кризисом.

Однако, экономика Японии продолжает сохранять ряд специфических черт. Остаются и мощная плановость (связанная с механизмами государственно-монополистического регулирования), и жесткость (обусловленная опорой на этнопсихологические особенности японцев: коллективизм, патернализм, механизмы социализации, статусность, чувство долга и сыновняя почтительность). Японская экономика продолжает оставаться достаточно «закрытой» — даже при заявленной с начала 90-х годов в качестве лозунга интернационализации кокусайка. Проникновение на японский рынок продукции зарубежных производителей крайне затруднено. Приходится признать высокую технологичность производственной сферы, но уже не один десяток лет Япония отдала, отдала себе отдала в слабости фундаментальных научных разработок в стране.

Социальная сфера также обременена тяжелым грузом проблем. Очень заметными стали процессы старения японской нации — и на этом фоне возникла

новая сложность, катастрофическое опустошение фондов пенсионного обеспечения. Еще в 90-х годах японцы впервые заговорили о том, что общество впало в состояние «мирной дремоты» хэйва-бокэ, когда безмерная загрузка работой, размеренная спокойная и обеспеченная жизнь — стали вести к разрушению важнейших социальных связей в обществе, связей семейных. Превращение обеспеченных подростков в малолетних преступников, отрыв занятых на работе взрослых от собственных родителей и прочей родни (жизненный цикл японца обычно связан с перемещениями по стране, рано заставляя покидать родные края). Поражают и обнаружившиеся летом-осенью 2010 скандалы с многолетним получением пенсий давно умерших «старичков» их родственниками при замалчивании фактов смерти перед официальными инстанциями. Распад в послевоенный период большой патриархальной семьи был продолжен в 80-90-е резким ростом числа нуклеарных семей (супруги и их дети) — при ослаблении регулярного тесного общения даже и в е, рамках (родители всегда на работе, а дети — у репетитора). На детях это в разные годы сказывалось разными перекосами в развитии — от «теледетшек», не отрывавшихся от экрана телевизора до подростков, не ведающих ничего, кроме экрана компьютерного монитора. В настоящее время речь идет даже о такой проблеме, как деформация больших пальцев рук у подростков и детей ввиду повального увлечения перепиской на мобильных телефонах. Супружество без детей во имя высоких заработков — тоже устоявшаяся реальность (родители DINKs = Double Income No Kids). Приходится вспомнить и о более позднем заключении браков, равно как и об отказе от брака вообще во имя личного комфорта. Вполне уместно признать вопиющим ослабление традиций в рамках семьи — при суровом их внедрении и поддержании в рабочем коллективе. Личную жизнь японца всегда отличала закрытость, своего рода «духовный индивидуализм», что разными путями вело к погружению в собственный внутренний мир. Такие пути сегодня иногда помогают снять стресс обращением к искусству аранжировки цветов икэбана, чайной церемонии, каратэ, айкидо, гольфу и проч. Но порой приводят и к пополнению рядов бомжей хомурэсу. Молод же, не нашедшая стабильной работы до 30 лет — перебиваясь заработками «лишь бы еду хватило», также может часто восприниматься, как новое их пополнение. Японская статистика утверждает, что в стране резко выросло число «домашних затворников» хики-комори, не покидавших сво, жилище на протяжении полугода и более (почти 700 тыс. чел. на осень 2010). Видимо, принятые в Японии жесткие социальные рамки, в одних случаях имея высокий КПД и принося эффективность экономике и стабильному социуму — в других случаях наносят непоправимый урон, способствуя разрушению не только семьи (логичное продолжение — «и государства»), но и личности.

Сложившийся круг проблем экономической и социальной сфер неизбежно влечет (на фоне затянувшейся стагнации вкупе с последовавшим кризисом) усугубление и проблем функционирования политико-административных механизмов. С укреплением на политической арене влияния Демократической партии Японии — навязчиво зазвучали высказывания о переходе страны от прежней «полупарламентарной системы» 1955 года к «двухпартийной системе». В действительности ситуация, видимо, значительно более сложна. Вполне возможно, что Япония все глуже интегрируется в мировое сообщество: и не только на экономическом либо политическом уровне — а и на уровне социокультурном. Выстраивать далеко идущие прогнозы на основе предположений — занятие неоправданное. Важнее сохра-

нить стремление держать руку на пульсе текущих изменений, понимать их связь с сохраняющими силу национальными традициями и особенностями этнических стереотипов поведения — суметь оценить насущные перспективы.

* * *

Изучение тенденций политико-экономической жизни современной Японии проиллюстрировано в трудах отечественных исследователей: Кистанова В.О., Молодяковой Э.В., Маркармян С.Б., Османова Е.М., Сенаторова А.И., Стрельцова Д.В., Цветовой И.А. и др. Она широко освещена и у англоязычных авторов. Нельзя обойти стороной и множество научных, популярных статей и публикаций в прессе. Значительный пласт материалов может быть уточнен и выверен и благодаря наличию японской сети Интернет. Данные часто сильно различны по жанрам — от научных и аналитических исследований до политических и пропагандистских по стилистике сайтов. Если ориентироваться только на отечественных ученых — то круг соответствующих специалистов крайне узок. Тем не менее, направление остается остроактуальным и весьма злободневным — ввиду прямой связи с внешнеполитическим курсом Японии.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXIV. М.: ИДВ РАН, 2009. С.236.
2. Журн. «Знакомьтесь — Япония».
3. Журн. «Japan Echo».
4. Мак-Клейн, Джеймс Л. Япония: От сунгата Токугавы — в XXI век / Пер. с англ. Е.А.Красулина. М.: АСТ: Астрель, 2006. С.895.
5. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркармян С.Б. История Японии: XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007. С.528.
6. Османов Е.М. Учебное пособие по курсу «Государственный строй и политические партии современной Японии». СПб.: СПб госуниверситет, 2008. С.194.
7. Прасол А.Ф. Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Наталис, 2009. Изд. 2-е, дополн. С.416.
8. Япония: Ежегодник, 1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1994-95, 1999-2000, 2000-2001, 2002-2003, 2004-2005, 2006, 2007, 2008, 2009.
9. Япония наших дней. 1, 2009. М.: ИДВ РАН, 2009. С.152.
10. Япония от А до Я — популярная иллюстрированная энциклопедия / Главн. ред. Перфильев В.О. М.: изд-во «Япония сегодня», 2000. С.640.
11. Япония, открытая миру / Рук. проекта Э.В.Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2007. С.308.

Кириллова Н.В.

ДЕВА-РАДЖА: СИМВОЛИКА КУЛЬТА БОГА-КОРОЛЯ В ТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв.

Самобытная культура Таиланда, (до 1939г. именуемым Сиамом), формировалась на протяжении многих веков под влиянием индуистской концепции власти, с которой тайцы познакомились благодаря тесным контактам как непосредственно с индусами, так и с другими народами, адаптировавшими индийскую культуру, например, с кхмерами соседней Камбоджи.

Три столицы Сиам, Сукотаи (1238 — 1438гг.), Аютия (1350-1767гг.), и нынешний Бангкок (с 1782г.), унаследовали из Индии и соседних стран различные политические системы, отголоски которых можно проследить и в отношении народа к современной монархии. В первой собственно тайской столице — г. Сукотаи господствовал принцип патерналистской власти, который органично был воспринят правителями последующих поколений.

Абсолютизм власти был совмещен с заботой о гражданах Сукотаи. Такая форма правления не кажется ущемляющей права населения, на то время власть правителя не могла восприниматься иначе как абсолютная. Господство именно этой формы объясняется необходимостью объединить население на первых этапах формирования нового общества. Данная концепция сменилась культом дева-раджи, бога-короля, который тайцы заимствовали вместе с огромным культурным пластом из Ангкора, где этот культ приобрел законченный вид примерно в X в., когда был возведен огромный храмовый комплекс Ангкор ват. В отличие от индуанизированного кхмерского общества, сиамские княжества приняли в качестве государственной религии буддизм тхеравады, что сказалось на смешивании индуистских и буддийских традиций в сиамской культуре.

На территорию Камбоджи культ дева-раджи пришел в VIII в. н. э. из Индии вместе с индийскими мореплавателями, однако предпосылки к его распространению на территории Юго-Восточной Азии возникли еще в доангкорский период (до IX в.). На протяжении истории Ангкора культ дева-раджи принимал различные виды: от смены богов покровителей — Вишну (одно из божеств триады, поддерживает творение, сохраняет равновесие во вселенной) или Шивы (одно из божеств триады, бог-разрушитель), трансформации культа Харихары (божества, в котором сливаются черты двух главных богов индуизма — Вишну (одно из его имен — Хари) и Шивы (называемого также Харал) в культ дева-раджи, и его последующей смены культом Будда-раджи, до изменения основной религии государства — индуизма — на буддизм махаяны, а впоследствии тхеравады. Все эти изменения происходили под непосредственным влиянием культуры Индии на духовную культуру древних кхмеров.

Култ дева-раджи развился из почитания кхмерами Шивы, олицетворявшего в лингаме — фаллическом изображении, символизирующем созидательную силу Шивы. Шиваитская концепция власти играла главную роль в первых доангкорских княжествах на территории Камбоджи.

«Дальняя Индия» (Further India) — этот термин, обозначающий страны, в которых индуистская культура стала основополагающей и доминирующей, был введен

¹ *Индуизм, джайнизм, сикхизм. Словарь. Под ред. Альбедиль М. Ф., Дубянского А. М. М., 1996. С. 438.*

еще несколько веков назад, прижился в исторических работах. Путешественники пишут в своих заметках, что приезжая в Юго-Восточную Азию, они видят ту же Индию, несколько видоизмененную. Схожесть архитектуры, религии, уклада жизни народов говорит об общности прошлого и основного культурного пласта.

Причины индийской культурной экспансии в страны Юго-Восточной Азии проследить нелегко. По одной из версий эмиграция коренного населения из Индии в страны Юго-Восточной Азии связана с вторжением в центральную Индию Кушанов, жителей древнего государства на территории современной Средней Азии, в I в. н.э., Кушаны овладели Пенджабом и продвинулись к Гуджарату и равнинам Ганга. В 78г. правителем Кушанов стал император Канишка. Однако теория, связывающая эмиграцию индийцев в страны Юго-Восточной Азии, остается неподкрепленной документально, отсутствуют подтверждения, что завоевания Канишки вызвали переселение индийцев за море.

Собственно связи Индии и стран Юго-Восточной Азии восходят ко временам до нашей эры¹. Индийские купцы, возможно, уже тогда посещали порты Юго-Восточной Азии. Буддийские джатаки — 547 преданий (в странах Индокитая и на Шри Ланке признают 550 джатак, добавляя три рассказа²) о перерождениях Будды, оформленные на Цейлоне, написанные на языке пали и датируемые 80 г. до н.э.³ — содержат притчи о морях⁴, в них уже есть упоминания о некоторых портах западной Индии.

Когда в II — III вв. началась широкая миграция индийцев в страны Юго-Восточной Азии, переселенцы встретили в дельтах рек сходные с их собственными культуры, что облегчило распространение индийской культуры, санскрита и новых религиозных учений. «Индианизацию» Юго-Восточной Азии можно рассматривать как распространение единой культуры, основанной на индуистской концепции царской власти, составными элементами которой были представления о власти правителя из индуистской и буддийской культур⁵.

Основная сложность в исследовании индуистских заимствований в тайской культурной жизни заключается не в выделении индуистских элементов культуры в тайской, а в самом определении термина «индуизм» для Таиланда. Брахманизм, буддизм, джайнизм, различные течения индуизма: вайшнавизм и шиваизм, а также большое количество локальных культов и верований составляют многообразие индуистской цивилизации⁶. В индийском общественном сознании укоренилось представление о том, что именно индуизм генетически определяет целостность индийской культуры и ее преемственность. К основным характеристикам индуизма, обеспечивающим эту целостность, относятся: холизм (представление о единстве мира), иерархичность всех элементов мироздания, которая нашла отражение в иерархичности социальной структуры общества, а также представление о постоянном движении, содержащееся в учении о всеобщей мировой связи — карме⁷.

Буддисты, прибывшие в Сиам из Индии, так или иначе, были носителями идей индуистских по своей природе, таким образом, процесс взаимопроникновения

¹ Холл Д. Дж. Е. *История Юго-Восточной Азии*. М., 1958. С. 29.

² Иванова Е. В. *Очерки культуры тайцев Таиланда*. М., 1996. С. 144.

³ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. *Индия в древности*. СПб, 2001. С. 383.

⁴ Холл Д. Дж. Е. *Указ. соч.* С. 30.

⁵ Корнев В. И. *Тайский буддизм*. М., 1973. С. 5.

⁶ Santosh N. Desai *Hinduism in Thai life*. Bombay, 1980. P. 2

⁷ *Индия: религия в политике и общественном сознании. Сборник статей*. М, 1991. С. 9.

и смешения буддийских и индуистских традиций, начавшийся в Индии, продолжился на территории Сиам. Веяния индуизма нашли четкое отражение в тайском буддизме. Верховные божества индуистского пантеона, такие как Брахма (одно из божеств триады, бог-творец), Вишну (одно из божеств триады, поддерживает творение и равновесие во вселенной) и Шива (одно из божеств триады, бог-разрушитель), встречаются и в буддийских джатаках — жизнеописаниях Будды — до рождения Сиддхартхой Гаутамой в столице рода Шакьев — Капилавасту¹. Главный защитник и покровитель Будды в джатаках — Индра (бог-воитель, громовержец), в Таиланде практически полностью сохранил индийские черты. На фресках его часто изображают благородного зеленого цвета, с оружием-молнией, парящим в небе на своем трехголовом слоне Эраване (в индийском варианте Айравата)².

Индуистские элементы были восприняты тайцами и использовались тайской культурой для поддержания и дополнения буддийской традиции тхеравады. Таким образом, вычленение из современного тайского буддизма индуистских традиций представляется достаточно сложной задачей, ввиду сложного смешения культурных пластов.

Также следует отметить, что тайская культура заимствовала индуистские элементы через Камбоджу. Индуистская культура, проникшая к тайцам, уже была модифицирована кхмерами, исповедовавшими как индуизм, так буддизм махаяны и тхеравады.

Окупировав земли долины реки Менам, кхмеры распространяли свое влияние и на север. Несмотря на то, что большая часть кхмерских памятников искусства относится к индуистской традиций, очевидно влияние, которое было оказано буддизмом. В стране была распространена как брахманистская, так и буддийская архитектура. Кхмеры исповедовали как индуизм (шиваизм, вишнуизм), так и буддизм махаяны. Через кхмеров тайцы заимствовали индуистские традиции, ритуалы, церемонии и литературные памятники. Буддизм тхеравады был дополнен индуистскими элементами во время кхмерской оккупации тайских земель. Толерантные кхмеры не препятствовали распространению буддизма тхеравады, который стал объединяющим для сиамского общества.

В период расцвета Аютии (1350-1767 гг.) контакты с индийцами возросли. Тайцы заимствовали индуистские традиции из Брахман, Дхармасутр, Рамаяны и Пуран, текстов, которые содержат в себе описания ритуалов, церемоний, закона — дхармы, космологии и мифологии. Тайский пантеон был дополнен индуистскими богами: Пхра Пхром พระพรหม (санскр.— Брахма), Пхра Исун พระอิศวร (санскр.— Шива), Пхра Нарай พระนารายณ์ (санскр.— Нараяна), Пхра Ин พระอินทร์ (санскр.—Индра). И по сей день, индуистские боги почитаются выше, чем боги местного происхождения. Они вовлечены во все ритуалы, церемонии и религиозные фестивали.

Среди мифических существ индуистского происхождения, заимствованных тайцами, отдельно можно выделить историю Гаруды и нагов. Мифический Гаруда (санскр. «гаруда» — пожиратель³) — царь птиц — появляется на страницах таких индийских источников как Пураны, Махабхарата и Рамаяна. В ведах Гаруда не упоминается, но в поздневедической литературе он отождествлен с Таркшейей, конем или птицей

¹ Иванова Е. В. Указ. соч. С. 22.

² Там же. С. 15.

³ Мифы народов мира. Под ред. Токарева С. А. — М: Советская энциклопедия, 1991, в 2-х т. Том 1. С 266

богов солнца и реминисценции солнечной природы¹. Гаруда — полуорел-получеловек, царь птиц, гроза змей-нагов и вахана (ездовое животное) Вишну — встречается только в поздневедической мифологии². В Таиланде мифическая птица Гаруда известна под своим местным тайским именем Кхрут *คหฤต*. Этот образ достаточно популярен в мифологии и часто связан с образом Нараяны (Вишну) или по-тайски, Пхра Нарая (Пхра Витсану *พระวิษณุ*), для которого Гаруда выступает ваханой, ездовым животным.

Никакой другой литературный памятник так глубоко не укоренился в тайской жизни, как индийская эпическая поэма о жизни и правлении царевича Рамы Рама-яна. Рамаяна в Таиланде — источник для сценариев многочисленных театральных постановок, сюжетов для фресок и барельефов. В Таиланде не сохранилось археологических данных о проникновении Рамаяны на территорию страны. Однако существуют легенды о главном герое Раме: например, город Лопбури (санскрт. — Лавапур) в центральном Таиланде, столица княжества Дваравати с IV-X вв., ассоциируется с некоторыми сюжетами из жизни Рамы.

Тайской культурой также были заимствованы различные церемонии, сопряженные с королевской властью, такие как церемония коронации и церемония инициации — вхождения молодого человека во взрослую жизнь. Яркие черты индийской мифологии можно уловить также в тайской храмовой архитектуре. Также тайское понятие государственности было заимствовано из индуистской космологии. В Индии индуистские правители — раджи (*raja*) — сравнивались с богами, однако они, как правило, не почитались как их земные воплощения.

Первые языки, на которых велись записи на стенах, были санскрит и пали. Таиланд заимствовал индуистскую космологию из Камбоджи, причем уже адаптированную буддизмом тхеравады. По представлениям тайцев вселенная также состояла из определенного числа островов, окружавших мифическую гору Меру, которая в Таиланде стала горой Пхра Мен *พระเมรุ*.

Историк Юго-Восточной Азии, Дж. Холл в книге «История Юго-Восточной Азии», описывая процесс культурного обмена между тайцами и кхмерами, резюмирует: «от Камбоджи тай восприняли политическую организацию, материальную культуру, письменность и значительное количество слов. Тайские мастера учились у кхмерских мастеров и видоизменяли кхмерское искусство соответственно своему собственному гению; на их мастерстве сказывались и связи с западными соседями — монами и бирманцами. От последних тай переняли правовые традиции индийского происхождения, и в первую очередь цейлонский буддизм и его традиции в искусстве³».

Первые веяния индуизма, заключавшиеся в первую очередь в принятии кхмерскими королями вишнуизма (почитание в качестве верховного божества Вишну) или шиваизма (почитание Шивы в качестве верховного божества) как государственной религии Ангкора, стали ощутимы до приобретения независимости городом Сукотаи — в то время пограничной крепостью Ангкорской империи — в 1238г., и до провозглашения г. Аюттии новой столицей Сиам в 1350г.

Ярче всего индуистская теория о божественной природе правителя проиллюстрирована в Рамаяне. Полагают, Рамаяна была создана в IV в. до н.э. легендарным

¹ Там же.

² *Narada Nath Bhattacharyya. A dictionary of Indian mythology. — Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd., 2001. P. 103*

³ *Холл Д. Дж. Е. Указ. соч. С 133.*

поэтом Вальмики, и дошла до нас в сравнительно близком к своей первоначальной форме виде¹. В основе Рамаяны лежит древнее племенное сказание. Из него вырос великий национальный эпос, а Рама стал общеиндийским народным героем. Праведный царевич из-за дворцовых интриг был изгнан в лес, затем ему пришлось спасти свою супругу Ситу от демона-ракшаса и убить его. Сказание о подвигах Рамы сочеталось с преломившимися в народной фантазии историческими преданиями о завоевательных походах племен ариев на юг Индии, а в основу сюжета лег популярный для эпоса многих народов мотив похищения. Рамаяна приобрела широкую популярность на территории Южной и Юго-Восточной Азии, Дальнего и Среднего Востока, оказав существенное влияние на локальные культуры.

Для индуистов Рама — идеальный правитель, божество, сошедшее на землю, обладатель идеальных качеств, присущих истинному дева-радже. Он — земное воплощение Вишну, который явился на землю для восстановления дхармы — божественного равновесия, справедливости (в тайской традиции — тхамма พระธรรม). Принцип обожествления короля и королевской власти получил развитие в Сиаме, где абсолютная монархия как форма правления просуществовала с 1238г. и по 1932г. включительно. Правитель считался дева-раджей, земным воплощением индуистского божества, наделенным силой и могуществом. В буддизме, как тхеравады, так и махаяны, отсутствует понятие бога как такового. Конечной целью веры является тхамма (санскр. — дхарма), т.е. мировой порядок, знание. Собственное «Я» (санскр. — атман) правителя воплощалось в индуистских божествах — Вишну или Шиве. Статус дева-раджи позволял правителю быть более могущественным, власть его могла стать абсолютной, что, как правило, и происходило в случае с кхмерскими королями².

Хронологически культ дева-раджи стал популярен в Сиаме с обретением первым тайским княжеством Сукотаи в 1238г. независимости от кхмеров и вплоть до начала правления первого короля современной династии Чакри Рамы I в 1782г., когда Рама I официально объявил об отказе от обожествления короля. Власть в форме абсолютной монархии просуществовала в Сиаме до 1932г., когда вследствие бескровной революции была принята первая конституция в стране. Однако фигура короля всегда оставалась неприкосновенной, даже при сегодняшнем государственном строе, который представляет собой конституционную монархию. Многие черты уже ушедшего в историю культа дева-раджи можно проследить и по сей день, например, наличие специального языка — рачасаป ภาษาศาลาพ — который используется при обращении к королевской особе.

Институт королевской власти, как в средневековом Сиаме, так и в современном Таиланде, уникален и подчас сложен для понимания не носителем тайской культуры. Традиция, которая складывалась в течение многих лет, дополняясь влияниями соседних стран, путем появления новых религий на территории Сиам, приобрела уникальную лаконичную форму. Возникшая во времена Сукотаи (1238-1438гг.) абсолютная монархия, сопровождавшаяся процветанием культа дева-раджи, была прервана бескровной революцией 1932г., когда король Рама VI Прачатипок под давлением оппозиционной группы гражданских служащих и военных был вынужден подписать первую конституцию Сиам. Хотя в 1932г. официально существованию абсолютной коро-

¹ Баранников А.П. *Индийская филология. Литературоведение. М., 1959. С. 73.*

² Handley M. Paul. *The King never smiles. A biography of Thailand's Bhumibhol Adulyadej. London, 2006. P. 20.*

левской власти в Сиаме был положен конец, данный институт власти оставил за собой «объединяющую» народ и государство функцию. В стране, где практически каждый таец не мыслит государства без короля, чувство единства необходимо для поддержания патриотического духа. Безусловно, большая заслуга в развитии такого патриотизма принадлежит и правящему монарху Таиланда Рама IX Пхумпихону Адульядету (с 1946г.), который провел много месяцев, путешествуя по стране и воплощая в жизнь королевские проекты, например, проект по расширению сети скоростных дорог, строительству ирригационных систем, новым образовательным программам и проч. Рама IX с самого начала своего правления проводил политику близости к народу. Однако согласно традициям тайской монархии королевская семья остается отделена от простых граждан многочисленными условностями. Традиционализм своими корнями уходит в Камбоджу и Индию, откуда в тайскую культуру пришло понятие дева-раджи, бога-короля, божества, воплощенного в правителе государства¹.

Процесс формирования монархии в Таиланде протекал в течение длительного времени, начиная с VIII в.², то есть с прихода тайских племен в долину р. Менам, и заканчивая окончательным объединением Сиам под властью Аюттии в XV в.

Центральным элементом тайской политической культуры было представление об «отеческой», патерналистской власти и четкой социальной иерархии³. Данное представление сложилось на основе синтеза понятий о власти, перенятых из буддизма и индуизма. На стеле, датированной 1292г., т.е. временем правления Рамы Камхенга, найденной в Таиланде, указывается на то, что королю надлежит быть тхаммарачей **ธรรมราชา** (санскр. — дхарма-раджа) — праведным раджей-правителем — и следовать образцу правления, который пришел из индуистской культуры. Есть основания предположить, что одним из них был образ Рамы из Рамаяны, в тайском варианте — Рамакиен **รามเกียรติ์**: имена тайских правителей, в частности Рамы Камхенга, содержат имя Рамы, что на тайском языке также означает «смелый, храбрый». Имя Рамы обязательно указывалось в титуле короля. Т.к. Рама является аватарой, то есть воплощением Вишну на земле, можно предположить, что, принимая тронное имя, монархи хотели, чтобы часть божественной энергии Вишну сопровождала их в течение правления. Вишну в Сиаме стал одним из божеств, чьими дева-раджами были сиамские правители. В Индии кроме принципа священного правления дева-раджи существует также и понятие «рамараджа», то есть восприятие Рамы, аватары Вишну, как идеального главы государства, в качествах которого земным правителям необходимо стремиться⁴. Однако в Сиаме, хотя монарх также принимал образ царевича Рамы и его имя, его качества и восприятие народом были больше близки к дева-радже.

Сиамская концепция справедливого правителя дева-раджи окончательно сформировалась во времена государства Аюттия (1350 — 1767гг.). При основании Аюттии в 1350г. король Утонг руководствовался тем, что тайское «айотхайя» НвВ,ВТ созвучно с индийским «Айодхья». Он назвал свою столицу в честь города, где был рожден царевич Рама — пример истинного справедливого правителя, почитаемого

¹ *Thailand into 2000's. The National Identity Board Office of Prime Minister. 2000. P. 37.*

² *Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII — XVI вв. М., 1982. С. 11.*

³ *Thailand into 2000's. The National Identity Board Office of Prime Minister. Bangkok, 2000. С. 38.*

⁴ *Phyllis Kaplan Herman. Ideal Kingship and the Feminine Power: A Study of the Ramaraja in the Valmiki Ramayana. University of California. Los Angeles. 1979. С. 15.*

своим народом. Царевич Рама — седьмая аватара Вишну, который, согласно Рамаяне, правил в Айодхье и избавил землю от гнета демонов-ракшасов. В ознаменовании этих мифологических событий король Утонг провозгласил себя аватарой Вишну и, при восшествии на трон, принял имя Рама Тибоди I (санскр. — Рамадхипати)¹.

В проведении церемонии закладки первого камня королевского дворца в Аюттии принимали активное участие индуистские жрецы-брахманы. Юридически брахманы не имели права занимать государственные посты, однако часто они выступали как советники при дворе, а также проводники между правителем дева-раджей и его божеством-покровителем — девой². С их благословения было отстроено несколько дворцов в Аюттии, таких как Пхратхинангпхайтхун махапрасат (тайск. — главный королевский дворец), Пхратхинангпхайчайан махапрасат (тайск. — главный королевский дворец Победы) и Пхратхинангайсаван махапрасат (тайск. — главный королевский дворец Айсаван)³. Для проведения церемонии коронации в 1351г. будущий Рама Тибоди I пригласил жрецов-брахманов из Индии. Во время проведения церемонии брахманы ознаменовали нового короля как дева-раджу и нарекли Рама Тибоди в честь царевича Рамы из Рамакиен, тайского варианта индийской Рамаяны. Индуистские брахманы провели церемонию наречения первого правителя Аюттии У Тонга, и ему было дано тронное имя — Пхра Рама Тхитбоди Сисунспромбат-пхитпхрапхуттагаойхуа (тайск. — Великий правитель буддийского учения)⁴. Аюттия объединила под своей властью следующие города: Молака, Чава, Танауси, Накхонситхаммарат, Тхавай, Могана, Моламлынг, Сонгкла, Тьянтабури, Пхитсанулок, Сукотаи, Пхичай, Саванкалок, Пхититонг, Кампхенгпхет, Накохонсаван⁵.

Для проведения церемонии коронации в 1351г. будущий Рама Тибоди I специально пригласил жрецов-брахманов из Индии. Однако окончательные четкие черты культа дева-раджи начинают формироваться в Аюттии в XV в., уже после полного разгрома Ангкорской империи в 1431г. и миграции местных брахманов в Сиам. Брахманы жили при дворе королевей Сукотаи и Аюттии.

В XV-XVI вв., когда Аюттия старалась объединить весь Сиам, концепция дева-раджи была необходима аюттийским монархам для подкрепления величия монаршей власти. В этот период король стал именоваться Тьяо Чивит เจ้าชีวิต (тайск. — правитель, владеец жизни): вся земля страны принадлежала ему, был введен специальный придворный язык, лишь зная который можно было обращаться к королю⁶.

Наглядное отражение культа дева-раджи в Аюттии можно проследить по официально принятому символу монархии и государства — Кхруту (санскр. — Гаруда), «вахане» — ездовому животному Вишну, полуорлу-получеловеку, — который был принят Рамой Тибоди I в XIV в. В Сиаме в качестве «девы», то есть божества, которое «проникало» в тело правителя, был избран Вишну. В каком бы образе Вишну не являлся на землю — человека, огромной черепахи или вепря — его сопровождают его вечные спутники, например, супруга Лакшми, воплощавшаяся в образе Ситы, когда Вишну явился в облике Рамы, или Радхи, когда Вишну родился в образе Кришны. Многие по-

¹ ครุฑ การ์ดดา. — กรุงเทพฯ: บริษัท ออมรินทร์ พริ้นติ้ง แอนด์ พับลิชชิ่ง จำกัด / *Кхрут. Гаруда*. Бангкок, 2000.

² Handley M. Paul. *Op. cit.* P. 20

³ พระราชพงศาวดาร : กรุงศรีอยุธยา — กรุงเทพฯ ๒๕๓๙ / *Пхрарачанхонгсавадан / Королевские летописи. Аюттия; Бангкок, 2006. С. 11*

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 12

⁶ *Syamananda Rong. A history of Thailand. Bangkok. 1988. P. 33.*

лубоги принимают различные формы, чтобы сопровождать Вишну в его земном существовании. Но наиболее популярно в Аютии изображение Вишну в его четырехрукой форме, верхом на Гаруде, который в свою очередь выступает его защитником. Благодаря развитию культа дева-раджи, многие сиамские короли стали соотносить себя с Вишну (тайск. — Витсану พระวิษณุ). При восшествии на престол они брали имена, заимствованные из индуизма, связанные с тем или иным воплощением Вишну, например: Рама Тибоди (санскр. — Рамадхипати) (1351 — 1369 гг.), Рамесуан (санскр. — Рамешвара) (1369 — 1370 гг.), Нарай (санскр. — Нараяна) (1656 — 1688 гг.)¹.

Кхрут — вечный спутник и защитник Витсану — стал особенно популярен среди монархов средневекового Сиам. Изображение Витсану восседающего верхом на Кхруте стали помещать на официальных документах, персональной печати монархов, денежных знаках, зданиях и строениях, относящихся к королю или его семье, а также на лодках и других средствах передвижения, на которых перемещается король. Изображение Кхрута, повсеместно сопровождающее монарха, иллюстрирует отношение сиамцев к своему правителю. Они видят его дева-раджей, воплощением Витсану, которое требуется защищать, а со времен Аютии таким защитником как раз стал Кхрут.

Традиция дева-раджи в Сиаме была лишь частью религиозно-политической системы, а не официальным придворным культом, для отправления которого велось храмовое строительство, как в Камбодже. В представлении обывателей король стоял на самой высокой социальной ступени, выше богов, заимствованных из индуистского пантеона и признаваемых тайцами, но, однако, никак не выше Будды. В силу того, что к проведению королевских ритуалов и церемоний все чаще стали привлекать буддийское жречество, постепенно приглашенные придворные брахманы начинали терять свое влияние.

Сиам в целом заимствовал кхмерскую схему обожествления власти. Но эта концепция была адаптирована сиамцами под буддизм тхеравады. Оставаясь верными буддийской традиции, сиамские короли, например, не возводили храмы для шиваитских святынь — лингамов, которые в Камбодже почитались как олицетворение Шивы. «Божественность» придавалась королю посредством специальной церемонии коронации, когда брахманы читали мантры, и божество «входило» в тело правителя. Во время коронации боги, Вишну или Шива, передавали правителям свою энергию — шакти. Индуистская основа была дополнена буддийскими требованиями к правителю, в первую очередь — наличием хорошей репутации. Считалось, что если человек становится правителем, то это воздаяние ему за заслуги прошлой жизни.

Восходя на трон, сиамской король давал присягу из 26 пунктов. Он торжественно обещал предоставлять блага тем, кто их заслуживает; соблюдать чистоту совести, тела и слова; не жалеть богатств, которые он раздает; быть честным; быть вежливым и не упрямым; исполнять предписания религии, чтобы преодолеть свои недостатки; не впадать в гнев; не причинять зла своему народу; быть терпеливым; всегда идти по пути справедливости; заботиться о нуждах народа; заботиться о развитии производства; добиваться, чтобы его любили; заниматься образованием их жены и детей; поддерживать хорошие отношения с чужеземными странами; поддерживать членов королевской семьи; развивать земледелие, распределяя зерно, сельскохозяйственные орудия и скот; заботиться о счастье своего народа; уважать ученых и поддерживать их; заботиться о счастье животных; запрещать людям вести плохую жизнь и направ-

¹ ครุฑ การ์ดดา. — กรุงเทพฯ: บริษัท อมรินทร์ พริ้นติ้ง แอนด์ พับลิชชิ่ง จำกัด, / *Кхрут. Га-руда* / Бангкок, 2000.

лять их на хороший путь; помогать беднякам, не имеющим профессии; советоваться с учеными, чтобы точно знать хороший и плохой путь; с полной ясностью духа изучать науки; подавлять в себе малейшую алчную мысль¹.

В одной из надписей на каменной стеле, найденной на территории Таиланда и датируемой периодом Сукотаи (1238-1438 гг.) монарх характеризуется как отец народа и предводитель войска. Король описан там как справедливый правитель, который в качестве отца распоряжается имуществом всего народа, а как глава армии борется за справедливость. Такое видение монархии характерно для зачатков тайской истории, оно еще не несет в себе «примесей» традиций и верований других народов, например, пришедшего из Ангкора культа дева-раджи. После контакта с монами долины р. Менам, которые, в свою очередь, были близки к монам нижней Бирмы, тайцы наследовали их принципы королевской власти. Моны придерживались традиции монархии, заимствованной из буддизма тхеравады. Король был для них чакраватином (санскр. — чакравартин) — монархом, приводящим в движение колесо тхаммы (санскр. — дхарма — правило, право, мораль, долг, закон, устои²) в своих владениях, т.е. во всей Вселенной, повелителем, «чья колесница катится без препятствий»³. Понятие монарха-чакравартина характерно для буддийской концепции королевской власти. Титул Чакравартин принимали обычно монские правители в Бирме. Идеалом правителя в рамках данной концепции выступает царь индийской династии Маурьев — Ашока (268—232гг. до н. э.)⁴. Ашока был преданным буддистом, и, объединив под своей властью многие княжества, стал распространять буддизм. Образ тайского короля связан с обладанием следующими личностными качествами — полным отсутствием алчности, милосердием и состраданием. Праведный монарх должен быть все время готов помочь любому, кто обратится к нему за помощью. Король должен быть последователем дхармы. Выдающийся правитель Сукотаи Рама Камхенг, которому приписывается создание тайской письменности, был признан Тхаммарачей (санскр. — дхармараджа, царь дхармы, царь справедливости). Концепция праведного правителя — тхаммарачи **ธรรมราชา** — была одной из трех составляющих комплекса представлений о легитимации королевской власти в буддизме тхеравады. Двумя другими составляющими были принцип Вселенского правителя — чакравартина и бодхисаттвы, спасателя всех живых существ.

В Индии, согласно жесткой кастовой системе, жрецы-брахманы стоят выше правителя, что чуждо для тайского общества, которое отличается от индуистского отсутствием понятия касты как таковой. В тайском социуме преобладают буддийские понятия. Отождествление правителя с Рамой идет, скорее всего, из Рамакиен⁵: «... после возвращения в Аютию из миссии на Ланке Пхра Рам **พระราม** (санскр. — Рама) по справедливости разделил земли между своими братьями, предводителем обезьян Хануманом **หนุมาน** и Пхипхеком, сыном Тхотсакана **ทศกัณฐ์** (санскр. — Равана), который перешел на сторону Пхра Рама»⁶. Однако правитель Сиама не воспринимался своим народом как рамараджа, идеальный правитель, как это нередко происходило

¹ Берзин Э. О. *История Таиланда*. М., 1973. С. 58.

² *Индуизм, джайнизм, сикхизм. Словарь*. Под ред. Альбедиль М. Ф., Дубянского А. М. М., 1996. С. 180.

³ Мельниченко Б. Н. *Буддизм и королевская власть*. СПб, 1996. С. 52.

⁴ Santosh N. Desai. *Op. cit.* P. 46.

⁵ Santosh N. Desai. *Op. cit.* 57.

⁶ วิชัย เกตุปฐม เล่าเรื่องรามเกียรติ์ / *Wichin Getupathum. Lao ryang Ramakien. / Вичин Гетупхум Сказание Рамакиен*. Бангкок. С. 233.

в Индии. Монарх оставался дева-раджей, воплощенным божеством на земле, защищающим свой народ.

Тайцы приняли индуистскую концепцию божественности правителя — дева-раджа, опустив остальные важные части индуистского контекста: например, отношения правителя и брахманов, ввиду отсутствия прослойки последних в тайском обществе. Был введен специальный «королевский» язык рачасап *ราชสาป* (санскр. — раджасабада), состоящий из санскритских и кхмерских слов. Считалось, что при обращении к членам королевской семьи, следует обращаться, используя исключительно рачасап. Также абсолютный характер королевского правления в Сиаме просматривается в сборнике законов, выпущенном в 1450г. королем Траилоком (1448-1488гг.), где описываются жестокие наказания даже за незначительные преступления.

Церемониял является особой составляющей культуры тайского народа. Смесь анимистических, индуистских и буддийских традиций привнесла в жизнь народа трепетное отношение к ритуалу. По сей день ритуал для подданных не просто дань традиции, а настоящее действие, неотъемлемая часть ежедневных дел, которое производится осознанно-механически: с одной стороны все жесты отработаны, с другой же — повторение мантр проходит «через» совершающего ритуал человека, проживающего все ступени ритуала. Те же законы работают и для королевского двора. Церемония коронации до сих пор остается одной из наиболее важных: во время нее отдается дань монархии и королю как охранителю и покровителю народа. Вплоть до 1782г. в процессе коронации король «наделялся» божественностью, посредством обрядов ему передавалась особая энергия — шакти. Церемония коронации состоит из двух частей: первая — Раджабхишека, брахманическая Раджасуя (санскр. — рождение короля) — переработанный ведический ритуал царского посвящения, совершавшийся над кшатрием при его восхождении на престол¹, вторая — собственно помазание. Считается, что в момент помазания на церемонии присутствуют божества Шива и Вишну — «девы» дева-раджи. Разделение на два ритуала повлекло за собой изменение и других ритуалов, связанных с церемонией коронации. Раджабхишека начинается с различных ритуалов омовения, которые очень важны в брахманизме. Для омовения тайского короля использовалась вода из четырех рек королевства: Чао Пхрайя, Сак, Рачапури, Паупакан. В Индии для этого ритуала использовали воду из рек Ганги, Махи, Ямуны и Айравати. После омовения король садился на восьмигранный трон под семиуровневым белым зонтом. Трон в тайской церемонии делался из дерева удумбара, описанного также и в индийском ритуале, и был украшен травой хья г. (индийская трава дарбха или дурва). Подобно древним индуистским богам, тайский король восседал на троне лицом к востоку. Считается, что король равнозначен солнцу, а солнце посредством невидимых лучей дает жизнь. Идея «победы короля» (санскр. — джайти) в тайском церемонии была представлена Свечой, Лампой победы или Барабаном победы.

Через специальные мантры тайский король соотносится с Шивой и Вишну: он также делает три шага, которые делал Вишну, воплотившись в виде брахмана — карлика Ваманы — пятой аватары Вишну. [Во время воплощение в образе Ваманы Вишну услышал просьбу полубогов, которые просили усмирить царя Бали, который захватил всю землю. Вишну принял образ карлика и пришел ко двору Бали для принятия участия в жертвоприношении. Бали принял брахмана Ваману со всеми почестями и предложил ему выбрать все, что тот пожелает, на что Вамана попросил

¹ *Индуизм, джайнизм, сикхизм. Словарь. Под ред. Альбедиль М. Ф., Дубянского А. М. М., 1996. С. 349*

лишь три шага земли. Царь дал свое согласие и Вамана начал расти на глазах и за два шага покрыл всю землю, небо, планеты и остальную часть вселенной, последний шаг уже некуда было делать, на что Бали предложил ступить его на голову. Вамана был милостив и отправил Бали совершать аскезу на низшие планетные системы.] Символически получается, что король становится владыкой всех земель.

Во время коронации королю вручают его регалии: белый королевский зонт, который до церемонии был семиуровневым, а после церемонии становится девятиуровневым, меч, туфли и опахало. Затем правитель делает подношение матери земле в виде воды. Наконец, король совершает обход столицы (санскр. — прадкашина), символизируя тем самым свою власть над всем государством¹.

После захвата Аютии бирманцами и распада Сиам в 1767 г. стало очевидно, что брахманы имели влияние лишь при королевском дворе и не имели поддержки в обществе.

Король Таксин (1767-1782 гг.), желая установить полную власть над буддийским монашеством в 1782г., объявил себя Будда-раджей, то есть воплощением Будды, а не Шивы или Вишну, что говорит о постепенном спаде популярности культа собственно дева-раджи в Сиаме². С постепенным отходом от аютийских традиций в управлении государством тайские монархи в целом сохранили концепцию дева-раджи, лишь немного видоизменив ее. Тайские правители современной династии Чакри приняли тронное имя — Рама — со времен правления Рамы VI Вачиравууда (1910 — 1925 гг.). Как упоминалось выше слово «рама» в тайском языке имеет два смысла, помимо отождествления с Рамой из Рамаяны, на тайском «рама» означает «смелый», «храбрый». Ныне правящий король именуется Рама IX (с 1946 г.).

При Рама I при дворе уже не осталось высококвалифицированных брахманов. С XIX в. брахманы начали жениться на сиамах и говорить на сиамском языке, среди них уже не было знатоков санскрита. Все делопроизводство начали вести на пали, в то время как санскрит и кхмерские заимствования в тайском языке начали отходить на второй план³. Индуистские божества перешли в буддийский пантеон и начали терять свою значимость, стали наделяться второстепенными функциями. Придворные брахманы в Сиаме к этому времени уже сами исповедовали буддизм. Отказ от культа дева-раджи был наглядно продемонстрирован на церемонии коронации Рамы I, основателя ныне правящей династии Чакри, в 1782 г.

Полное название титула короля содержит сочетание «Пхра бором» พระบรม (тайск. — великий), который был заимствован у кхмеров еще до получения независимости Сукотаи (1238 г.). Вплоть до XVIII в., церемонии коронации происходили по описанной выше схеме, однако основатель новой сиамской династии Чакри король Рама I отказался от идеи дева-раджи. В «Хрониках Первого правления» (летопись правления Рамы I (1782-1809 гг.), опубликованная на английском языке в г. Токио в 1978 г.) описана церемония восхождения его на трон — Прапапхисек: «В понедельник, первый день полной луны восьмого месяца, в год тигра, четвертый год декады, в 1144 г. эры Чула (1782 г. н.э.) началась церемония Прапапхисек (санскр. — раджабхишека) — церемония восхождения короля на трон. Для церемонии были приглашены монахи не ниже ранга рачакхана (ранг буддийских монахов, отправлявшие церемонии при дворе), которые возносили молитвы в течение трех

¹ Santosh N. Desai. *Op. cit.* P. 38

² Там же. С. 100

³ Handley M. Paul. *Op. cit.* P. 28.

дней. После этого, в четверг, в четвертый день полной луны восьмого месяца, спустя 24 минуты после заката началась церемония. Король взшел на королевскую лодку Банлангсисаккалат, окруженную другими лодками с сопровождающими чиновниками. Королевские лодки переехали на восточный берег реки, и король сошел на землю перед новым королевским дворцом. Он был доставлен в палантине в королевский дворец, где была продолжена церемония восхождения на трон. Королю было 46 лет, когда он стал правителем Сиам. Для выбора нового имени короля прошло собрание главных монахов буддийской сангхи и монахов ранга не ниже рачакхана. В соответствии с древними традициями оно было написано на золотой табличке¹: พระบาทสมเด็จพระบรมราชาธิราชรามาธิบดีศรีสินทรมหาวชิราลงกรณพระไตรราชูปถัมภ์บรมไตรโลกนาถศาสดาจารย์สมเด็จพระสังฆราชเจ้ามหาบรมพูนวชิราวุฒินเรนทรนายกคิลกรัตนราชชาติอาชาวศรัยสมุหัยโสมนตสกลกิจกรวาทิเบเนทสรวิเยนทราชูปถัมภ์หรือมหาชาติธิบดีศรีวิบูลยคุณเอกนิษฐอุทริยามศวรรษันตบรมธรรมิกราชธิราชโดไชยชัยพรหมเทพนฤบดินทร์ภูมินทรปมาธิเบศโลกเชษฐวิสุทธิรัตนมกุฎประกาศตามหาพุทธางกูรบรมบพิตรพระพุทธเจ้าอยู่หัว² — Верховный великий владыка земного мира, включающего реки и моря, Шри Синтхара, наидрагоценнейший из драгоценностей, великолепный источник благоденствия, вселенское солнце и земля, обладающий необъятной силой, Хари Харинтхара, великий правитель тхаммы, Брахма, Будда³ — данные эпитеты перечислены в полном титуле короля Рамы I (пер. автора).

В титуле, принимаемом правителем, упоминаются несколько индуистских божеств, например, Брахма — творец, Хари — одно из имен Вишну, поддерживающего вселенную, а также стилизованное Харинтхара — смесь имен Хари и Индры. Упоминание имен божеств указывает на то, что церемония коронации не только проводилась брахманами, но и несла сакральный характер, то есть правитель вследствие совершаемых ритуалов становился дева-раджей. Полное название титула содержит сочетание «Пхра бором» พระบรม (тайск. — великий), который был заимствован у кхмеров еще до получения независимости Сукотаи (1238г.). Любой носитель титула «Сомдет Пхра Баром» สมเด็จพระบรม (в первую очередь правящий монарх) имеет право использовать семиуровневый, а после коронации и девятиуровневый зонтик, символ монархии.

Из приведенного выше описания коронации Рамы I очевидно, что при проведении церемонии коронации брахманы продолжали играть важную роль, но король больше не провозглашался богом. Божество не входило в тело короля и не сливалось с ним. Король являлся воплощением максимального количества буна บุญ (тайск. — заслуга), то есть этической категории, с помощью которой в тайском буддизме оценивается человеческое поведение. Соотношение накопленных заслуг-бунов на протяжении жизни человека определяет его карму.

¹ Мельниченко Б. Н. Указ. соч. С. 101

² *The Dynastic Chronicles. Bangkok Era. The First Reign. Vol. 1. Tokyo, 1978. P. 3.*

³ *Пхрабатсомдет Пхрабороморачатхиратраматхипати Сисинтхарабаром-махачакрапаттирачатхипадин Тхоранинтхаратхират Раттанакаттрапратхат-сакаравонг Онгпораматхивет Трипхуванетворантнайок Дилократтанарат-чавасай Самутхайдоромон Сакончаккравалатхивен Суриентхаратхипадин Харихаринтхаратхадатхипади Сусивубунлайакхунакханит Риттхираметсавараман Баромтханмиккарачатхиратдичочай / Пхромматхепхадитхенарубадин Пхуминтхаропораматхивет Локкачеттхависут Раттанамонгкутпратхек Хатамахапхутхангкун Баромапхитпхрачаойуху Накрунтхепмаханакхон-бавонгтхаваравати Сийауттхайамахадилокпхоп Ноппхараттанаратчатханабуриром Удомпхаратчаниветмахасатхан*

В королевском указе Рамы I 1785г. говорилось следующее: «Согласно традициям земли, монахи, брахманы и народ могли жить в мире благодаря силе и буну короля. Король взшел на трон для защиты народа и страны от врагов, которые хотят захватить и уничтожить их. Когда королевство защищено, буддийская религия процветает, и народ может свободно совершать религиозные деяния. Таким образом, король совершает великое дело ради всех живых существ этого мира¹». В этом же указе предписывалось всем, дающим клятву королю, поклоняться, прежде всего, изображению Будды.

Во время празднования дня новой столицы, проведенной сразу после церемонии коронации, буддийские монахи возносили молитвы и пели буддийские гимны в честь процветания города. Брахманы, если и были приглашены на празднество, то играли в нем уже незначительную роль.

В церемонии принятия старшим сыном короля Чаофа Кромлуангом Итсарасунтхоном монашества брахманы также не участвовали². А в церемонии кремации останков отца короля, которая проводилась в 1796г., участвовали только буддийские монахи, и из королевского дворца была вынесена реликвия Будды для совершения процессии к крематорию — горе Меру, сооруженной на площади Санам Луанг³.

В правление Рамы II (1809-1824гг.) были осуществлены попытки повышения авторитета буддийской сангхи: совершена реорганизация системы образования монахов, углублялось изучение буддийского канона. Рама III (1824-1851гг.) был консервативен во внутренней политике, поэтому в его правление было развернуто строительство религиозных сооружений, реставрация старых храмов-ватов.

С восшествием на престол Рамы IV Монгкута религиозная тяга короля к буддизму усилилась. Прежде чем стать королем, Рама IV провел 26 лет в буддийском монастыре, изучая священные тексты. Этот король, выдвигая на первый план этические концепции буддизма, призывал отказаться от суеверий и представлений о сверхъестественных способностях короля, тем более от идеи о его божественной сути. Однако именно со времен правления Рамы IV (1851 — 1868гг.), а именно с 1856г., на королевский флаг именуемый «Махарача» *มหาราช* (санскр. — Великий правитель, Махараджа) стали помещать изображение Кхрута, защитника и ездового животного Вишну, который являлся «девой» в рамках концепции дева-раджи в Сиаме. Даже в начале XX в. в 1911г. король Рама VI (1910 — 1925гг.) изменил государственный герб Сиам: на нем стали изображать Кхрута. До сих пор Кхрут является государственным гербом Таиланда. Через несколько лет Рама VI повелел изменить и государственный флаг: он стал желтого цвета (цвет ордена современной королевской династии Чакри) с изображением Кхрута в центре⁴.

При официальном отказе от концепции дева-раджи в начале эры Раттанакозин (начиная с 1782г. по сегодняшний день, названа в честь острова, на котором располагается Королевский дворец) и по сей день в отношении к королевской фамилии сохраняются черты культа бога-короля.

Последняя церемония восшествия правителя на престол в Таиланде проходила 4 и 5 мая 1950г., когда на престол вступал ныне правящий король династии Чакри Рама

¹ Кинель К. Г. *Монархия Таиланда: титулы и награды. Исторический путеводитель*. М., 2006. С. 129.

² Иванова Е. В. *Указ. соч.* С. 11

³ Мельниченко Б. Н. *Указ. соч.* С. 102

⁴ *The Dynastic Chronicles. Bangkok Era. The First Reign. Vol. 1. Tokyo, 1978. P. 84.*

IX Пхумипхон Адульдет. При официальном отказе от культа дева-раджи данная церемония коронации очень напоминала церемонию, проводимую при Рама I, первом правителе династии Чакри. Церемония проводилась согласно всем канонам ритуала коронации и восшествия на трон¹. Для проведения всех необходимых ритуалов потребовалось 4 дня, с 4 по 8 мая включительно, хотя церемониальная часть была сокращена, — например, окропление водой королевского дворца было отменено, а исполнение буддийских мантр, обычно длящееся 3 дня, было сокращено до одного. В соответствии с индуистскими традициями, сохранившимися по настоящее время, будущему королю вручили пучок священных трав и манговых листьев². Травы используются при церемонии омовения, которая призвана «смыть» с тела короля неудачи и беды. 5 мая король начал церемонию омовения. В тронном зале Королевского дворца Чакрапат Биман король после принятия ванны облачился в полотно белой ткани и сел на трон лицом на восток, в то время как придворные астрологи били в гонги и барабаны. Данная часть церемонии завершилась пением королевского гимна. Согласно индуистской традиции, один из придворных служащих подал Его Величеству серебряную чашу со святой водой, после этого главный брахман вручил королю девятиуровневый зонтик, символизирующий монархию. Придворные брахманы начали распевать гимны, призывающие индуистских богов стать свидетелями церемонии коронации³. Однако божества становились в данном случае лишь свидетелями, а не участниками церемонии. Брахманы, проводившие обряды, не призывали ни Вишну, ни Шиву, для «вхождения» в тело правителя.

После принятия даров и девятиуровневого зонтика Его Величество нарекли королевским титулом: Пхрабат Сомдет Пхра Параминдара Маха Пхумипхон Адульдет Махиталагхибет Рамагибоди Чакирарыбет Сайаmintхаратхират Боромнабопхит⁴ (พระบาทสมเด็จพระปรมินทรมหาภูมิพลอดุลยเดชมหิตลธิเบศรมหาธิเบตจักรีนุบาลมหาราชวรมนาถบพิตร⁵ — Великий брахман Пхумипхон Адульдет Великий Рамагибоди Чакри Владыка земли Сиам). В титуле ныне правящего монарха Рамы IX уже нет имен индуистских божеств, которые встречались в титуле Рамы I. Данный факт указывает на то, что церемонию, когда при коронации король становился дева-раджей, упразднили, сохранив лишь традиционно буддийско-индуистские ритуалы. Принятие королем титула давало ему право использовать в королевских регалиях девятиуровневый королевский зонтик, а в 1987г. Рама IX был провозглашен «Махарат» มหาราช (санскр. — махараджа), т.е. «Великим»⁶.

В наши дни в каждом городе Таиланда можно видеть портреты короля и королевы, украшенные цветами и подношениями. В праздничные дни, будь то день рождения члена королевской семьи, или другой государственный праздник, количество портретов увеличивается, они представлены в благородном золотистом цвете, а также украшены большими фигурами Кхрута в танцующей позе. Создается впечатление, что он выполняет функцию защиты монарха. Однако Кхрут «охраняет»

¹ Там же. Р. 150.

² Там же. Р. 216.

³ Кинель К. Г. Указ. соч. С. 59.

⁴ sETrFИСВКФ.Ф, СЎФ, r№ЛЕЗ§ПЎЙСrГФВм№СЎsCIN№TjЩйВФи§rЛи — s.И. 2549. / Пхадит Синтхитхакит. Найлуанг касатнакпхаттанпхуйингйай / Королевская личность. Бангкок, 2006. С. 43.

⁵ สทศวรรษกษัตริราช / Eight decades of The Great King / Восемь декад Велико-го правления / Бангкок, 2007. Р. 22.

⁶ Там же. Р. 23.

не только портреты Его величества. Например, во время празднования 60-летия короля были сооружены специальные павильоны с фотографиями королевской семьи, которые помещались на импровизированных облаках, а кхруты поддерживали павильоны с двух сторон.

Если Рама IX соберется выступить перед публикой, то перед тронем Его величества помещается специальное полотно ткани «Пхра Тхип», на котором изображен Кхрут. Таким образом, Кхрут всегда оказывается перед королем и создается такое впечатление, что он «защищает» короля своей мощной грудью и крыльями, как защищает он Вишну в индуистских мифах. Вид у Кхрута воинственный и решительный, клюв раскрыт, а крылья распахнуты, будто в готовности напасть на врага¹. Кроме того, изображением Кхрута украшены трон, тронная подушка, микрофон, все средства передвижения короля, королевские ордена и официальные королевские и государственные документы. Помимо Кхрута рядом с портретами королевской семьи можно увидеть и Ханумана, сподвижника Рамы, — героя Рамакиен.

Сложно говорить о современном положении культа дева-раджи, бога-короля, который в настоящее время не существует официально, однако в сознании тайского народа король всегда останется могущественным «отцом» — покровителем нации. Патерналистская линия монархии в Таиланде жива еще с XIII в., со времен Рамы Камхенга, она дополнилась культом дева-раджи в Аютии, дошла в те времена до своего пика, а сейчас переживает угасание. Но отказ от открытого почитания короля как божества не повлек за собой полного отчуждения от возвеличивания королевской власти. Она остается священной до сих пор: жив придворный этикет, когда никто, кроме представителей королевской семьи, не может прикасаться к правителю, и только знающие придворный язык рачасап могут обращаться к королю. Каждый таец говорит о Раме IX с особым почтением и благоговением, и никто даже не может представить, а тем более озвучить, что произойдет, если Его Величество скончается. Такие мысли просто недопустимы, не потому что это запрещено законом или существует жесткая цензура, хотя преступления против короля считаются уголовными, а по той причине, что в душе у тайцев король как отец и как божество — бессмертен и велик.

Кульг дева-раджи играл важную роль в самоопределении сиамских монархов средневековья. Концепция короля как носителя божественной власти способствовала формированию определенного портрета монарха у сиамского народа. Будучи «воплощенным» божеством на земле, правитель был единоличным владельцем всех земель государства, мог решать спорные вопросы между гражданами, а также демонстрировать свою силу врагам.

Современный облик Таиланда немыслим без монархии, король — опора и уверенность тайцев в будущем, почитается на уровне божества: придворный язык рачасап, неприкосновенность короля, сложная система этикета, все эти компоненты существуют до сих пор. Наличие изображений героев индуистского эпоса — Кхрута и Ханумана — рядом с портретами короля сегодня указывает на то, что вековые традиции сильны в тайском обществе. Нельзя указом запретить восприятие монарха как «отца» и «божества», которое может сделать многое для народа.

¹ Там же.

В.Н. Колотов

ВЬЕТНАМ МЕЖДУ США И КНР: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

«Главная задача — сделать так, чтобы в будущем ни одно государство или же коалиция государств не смогли бы консолидироваться в геополитическую силу, которая могла бы вытеснить США из Евразии или даже существенно снизить нашу решающую роль арбитра».

З. Бжезинский

ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В настоящее время, несмотря на окончание холодной войны два десятилетия назад, ситуация в регионе Восточной Азии продолжает оставаться достаточно напряженной, поскольку правила глобальных и региональных геополитических игр существенно не изменились.

Исторически сложилось так, что морские державы добивались исключительных прав в мировых делах, используя противоречия континентальных держав в своих интересах. Как еще в начале XX века заметил российский военный аналитик А. Вандам, «с точки зрения англичан, группирующиеся по принципу «равновесия сил» континентальные державы представляют своего рода плюс и минус, взаимно парализующие друг друга и этим обеспечивающие Англии свободу действий на всем земном шаре»¹. После второй мировой войны эта успешная стратегия была взята на вооружение США, которые выполняли свою миссию не менее искусно, чем англичане в предыдущее столетие. Как выразился в одной из своих книг Збигнев Бжезинский «Евразия представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство»². Евразия, согласно мнению известного американского политолога, является важнейшим материком мира, и появление любой геополитической силы, которая могла бы установить свой контроль над Евразией автоматически означало бы переход глобальной роли в ее руки — «...контроль над всем евразийским континентом служит центральной основой для глобального превосходства»³. По мнению З. Бжезинского, «Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте»⁴. «В совокупности евразийское могущество значительно перекрывает американское. К счастью для Америки, Евразия слишком велика, чтобы

¹ Вандам А.Е. *Наше положение. // Восток и Запад против России. Неуслышанные пророки грядущих войн.* М., 2004. С. 90.

² Brzezinski Z. *The Sino-Soviet Bloc and Three Central Strategic Fronts // The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, 1997.* P. 31.

³ *Ibid.* P. 39.

⁴ *Ibid.* P. 30.

быть политически единой»¹. Это обстоятельство наполняет оптимизмом сердца океанских политиков, последовательно продолжающих геополитические традиции своих предшественников. Именно поэтому появление советско-китайского блока в середине XX века рассматривалось в Вашингтоне в качестве серьезнейшей угрозы реализации глобальных амбиций США. При формировании после второй мировой войны биполярного мирового порядка регион Восточной Азии стал по выражению Збигнева Бжезинского «восточным стратегическим фронтом»², который в те годы проходил в Восточной Азии от разделенной Кореи, через разделенный Китай, к разделенному Вьетнаму.

Как совершенно справедливо отметил в своей книге «Великая шахматная доска» Збигнев Бжезинский по поводу политики сдерживания влияния советско-китайского блока в период холодной войны: «В геополитическом плане конфликт протекал главным образом на периферии самой Евразии. Китайско-советский блок господствовал в большей части Евразии, однако он не контролировал ее периферию. Северной Америке удалось закрепиться как на крайнем западном, так и на крайнем восточном побережье великого Евразийского континента»³.

В политике сдерживания советско-китайского блока было два основных фактора, которые определили исход холодной войны:

- 1) раскол советско-китайского блока
- 2) использование периферии для поддержания напряженности в Евразии в целом.

По поводу первого пункта следует заметить, что раскол советско-китайского блока можно рассматривать как одну из величайших ошибок руководства наших стран, трагические последствия которой ощущаются до сих пор и еще будут ощущаться долгое время. В расколе советско-китайского блока, прежде всего, видится вина руководителей как СССР, так и КНР, которые личные амбиции ставили выше национальных интересов своих стран, а также активную роль США которые сделали все возможное чтобы разрушить советско-китайские отношения и закрепить создавшееся положение. В начале 1970-х годов, видя бесперспективность войны во Вьетнаме, США совершили переход от политики двойного сдерживания (СССР и КНР) к политике сдерживания только СССР и нормализации отношений с КНР на антисоветской основе. Как отмечает З. Бжезинский: «Ведомая Америкой коалиция сохранила свое единство, в то время как китайско-советский блок развалился в течение менее чем двух десятилетий»⁴.

Советско-китайский блок действительно раньше прекратил свое существование, в отличие от проамериканского. Причина этого видится в том, что такой могучий партнер по блоку, как КНР, был слишком велик и СССР не имел соответствующих рычагов, да и желания для того, чтобы обращаться с ним так, как это делали США со своими партнерами, которые были значительно слабее своего лидера.

Как отмечает З. Бжезинский: «Успешное сдерживание Северной Америкой усилий евразийского блока, направленных на установление прочного господства над всей Евразией, причем обе стороны до конца воздерживались от прямого военного столкновения из-за боязни ядерной войны, привело к тому, что исход соперни-

¹ *Ibid.* P. 31.

² *Ibid.* P. 6.

³ *Ibid.* P. 6.

⁴ *Ibid.* P. 7.

чества был решен невоенными средствами»¹. «Периферия», особенно на восточном и южном стратегических фронтах холодной войны, сыграла чрезвычайно важную роль в политике сдерживания евразийских держав. США упорно выстраивали форпосты сдерживания на периферии, которые поддерживали напряженность в Евразии, индуцируя нестабильность, и одновременно грамотно использовали противоречия между СССР и КНР. Все это в комплексе и сыграло решающую роль в развале советско-китайского блока со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Карта З.Бжезинского. Советско-китайский блок и три центральных стратегических фронта²

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В РЕГИОНЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

История геополитического противостояния в Восточной Азии представляет собой чрезвычайно интересную проблему как с чисто научной, так и прикладной точек зрения. Особое внимание традиционно обращается на роль больших стран вроде Китая и Японии, за которыми, увы, совершенно не видно более малых стран, которые неискушенным читателем могут восприниматься в качестве лишнего собственной воли и роли «сырья», годного лишь для реализации чужих геополитических проектов. При таком подходе может сложиться впечатление, что малые страны никакой

¹ *Ibid.* P. 7.

² *Map by Brzezinski Z. The Sino-Soviet Bloc and Three Central Strategic Fronts // The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, 1997. P. 7.*

существенной роли в региональной политике не играют и внимания научного сообщества не заслуживают. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что в течение XX века как глобальные, так и региональные державы активно использовали малые страны региона не только в качестве «пешек» в региональной геополитической «игре», но и активно боролись за их расположение. В данной работе нам хотелось бы показать роль Вьетнама в качестве своеобразного регионального противовеса, который играл и продолжает играть важную роль в региональном геополитическом балансе сил, причем эту роль он приобретает в качестве своего рода проекции глобальных интересов.

КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В РЕГИОНЕ ЮВА. РЕАКЦИЯ КНР НА ФАКТОР ВЬЕТНАМА В XX ВЕКЕ

Во второй половине XX века Пекин неоднократно пытался усилить свои позиции в регионе Восточной Азии, прежде всего в направлении Юго-Восточной Азии. Были попытки установления различных систем контроля над странами и территориями. Хорошо известны события в Индонезии в 1965 г., закончившиеся китайскими погромами. В 1969 г. попытка продвинуться на северном направлении закончилась военным конфликтом с СССР. В 1974 г., когда северо-вьетнамские вооруженные силы проводили освобождение Южного Вьетнама, подразделения НОАК захватили Парасельские острова. В 1975 г. в Камбодже был произведен переворот, в результате которого к власти приходит ориентирующаяся на Пекин группа коммунистов во главе с Пол Потом.

КНР сразу после своего образования как могла, играла свою игру в регионе и ее интересы состояли в том, чтобы использовать союзные режимы в разделенных восточных державах в своих интересах. Китай не желал допустить объединения Кореи или Вьетнама под эгидой США, так как это привело бы к появлению непосредственно у границ КНР проамериканских режимов, чья политика способствовала бы дестабилизации ситуации в КНР. С другой стороны Китай ревниво следил за сотрудничеством этих режимов с СССР, явно предпочитая иметь ослабленных изнуряющей борьбой за существование соседей, чем сильные и независимые страны, полные сил и стремления отстаивать свои национальные интересы. По мнению вьетнамских исследователей, Китай не хотел допустить захвата ДРВ США. Ослабленный Северный Вьетнам (ДРВ) в глазах КНР выглядел более предпочтительно, чем объединенный под его эгидой Вьетнам, поскольку такой вариант развития событий мог привести к усилению советско-вьетнамского влияния у южных границ КНР, а появление объединенного Вьетнама автоматически означало усиление вьетнамского контроля над восточным Индокитаем, что с точки зрения КНР было крайне нежелательным. Такое видение ситуации сквозь призму глобального и регионального соперничества подтолкнуло КНР к стимулированию ориентировавшихся на Пекин красных кхмеров к установлению жесткого контроля над Камбоджей сразу же после объединения Вьетнама в 1975 г. Не случайно многие исследователи полагают, что полпотовский режим, по сути, являлся протекторатом Китая¹. Это привело к жесточайшим репрессиям внутри Камбоджи, от которых эта страна, по большому счету, не оправилась до сих пор. Придя к власти, красные кхмеры практически уничтожили образованные слои и национальную экономику, превратив страну в поле для маоистских экс-

¹ Шубин В.В. *Кампучия: суд народа*. М., Юридическая литература. 1980. С. 13, 118-141.

периментов на фоне массовых антивьетнамских кампаний, что также проявлялось в эскалации напряженности на камбоджийско-вьетнамской границе. Отряды красных кхмеров вторгались на вьетнамскую территорию, убивали мирных жителей или брали их в плен и уводили в Камбоджу. Не желая мириться с таким положением вещей, Вьетнам был вынужден ввести войска в Камбоджу и выдавить отряды красных кхмеров в северо-западные провинции страны, тем самым, остановив геноцид кхмерского народа. Важно отметить, что ратующие на словах за соблюдение прав человека западные страны, осудили Вьетнам, который пресек массовое нарушение прав человека в Камбодже, поскольку эскалация напряженности на «восточном стратегическом фронте» отвечала их долгосрочным интересам.

После ликвидации Ханоем полпотовского режима в Пекине сработал давний исторический стереотип и было принято решение наказать Вьетнам за строптивость и войска КНР перешли китайско-вьетнамскую границу. СССР в данной ситуации поддерживал Ханой и пока представители двух крупнейших социалистических стран в регионе вели тяжелые кровопролитные бои в горах на вьетнамо-китайской границе, а третья социалистическая держава пыталась остановить бессмысленное насилие, за океаном могли с удовлетворением наблюдать за столь драматическим развитием конфликта и дальнейшим распадом советско-китайского блока, который при ином раскладе сил мог бы представлять угрозу национальным интересам США в интерпретации Збигнева Бжезинского.

В свое время как КНР, так и США, предприняли массу усилий для достижения своих целей по ограничению советско-вьетнамского влияния на Индокитайском полуострове. Госсекретарь Генри Киссинджер говорил «Все, что поможет сдерживанию Вьетнама — хорошо... американская политика в течение следующих 15 лет будет включать поддержку анти-вьетнамских элементов в Камбодже, даже если это будет означать поддержку «противных» красных кхмеров»¹. Оценивая политику США тех лет на «восточном стратегическом фронте» один из авторитетных американских экспертов отметил: «Представляется, что американская политика основывается только на расчетах в стиле *realpolitik* и, в частности, на желании разыграть карту Китая в стратегической битве с Советским Союзом»². Вот еще одна цитата из того же источника «Бжезинский хочет вступить в союз с Китаем и Камбоджей, чтобы оказать давление против Советского Союза»³.

Только несколько десятилетий спустя у одного из высокопоставленных представителей администрации США хватило мужества признать, что коварные советско-китайские планы, пресловутая Теория домино и американские предположения относительно якобы планировавшейся коммунистической экспансии в Юго-Восточной Азии тех лет были ошибочны. Роберт Макнамара, в частности, отметил «Мы неверно оценивали тогда и сейчас неверно оцениваем геополитические намерения наших противников (в данном случае Северного Вьетнама и Вьетконга, которых поддерживали Китай и Советский Союз), и мы преувеличили опасность их действий для США»⁴. По аналогии можно заметить, что пока еще никто не доказал, что со-

¹ *Clymer K.J. The United States and Cambodia, 1969-2000: a troubled relationship. RowledgeCurzon, NY, 2004. P.110.*

² *Ibid. P.118.*

³ *Ibid. P.118.*

⁴ *McNamara R.S. In retrospect. The tragedy and lessons of Vietnam. Times books. NY. 1995. P. 321.*

временные американские оценки «агрессивной политики Китая» в отношении Юго-Восточной Азии соответствуют действительности.

Активная политика, которую КНР проводила в 1970-1980 гг. в Центральной Азии также заслуживает определенного внимания. На «южном фронте»¹, который проходил через Афганистан, КНР придерживался похожей стратегической линии, явно предпочитая поддержку моджахедов усилению советского влияния в регионе. Вопрос кого выгоднее иметь в Афганистане: ослабленный СССР или военные базы США, которые там неизбежно появятся в случае ухода СССР, для КНР в те времена однозначно трактовался в пользу Вашингтона. Теперь после ухода СССР из Афганистана и появления там многочисленных военных баз США у Пекина в качестве прямых результатов афганской политики в 1980-х гг. появилась масса проблем с сепаратизмом и дестабилизацией в западных провинциях КНР, а также наркобизнес со всеми вытекающими отсюда последствиями. Изменение геополитической ориентации бывших советских республик в Центральной Азии, произошедшее в ходе «цветных революций» как следствие описанных выше процессов наводит на размышления о правильности выбора, сделанного КНР в конце прошлого века на южном стратегическом фронте. Однако, несмотря на критический анализ результатов сделанного в недалеком прошлом решения, его последствия объективно продолжают оказывать свое воздействие на реалии сегодняшней геополитической ситуации вокруг КНР.

Из всего вышесказанного следует вывод об активной позиции КНР, ситуативной гибкости и о готовности использовать одновременно самые различные комбинации и стратегии для достижения своих внешнеполитических целей.

СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: КНР В ЮВА

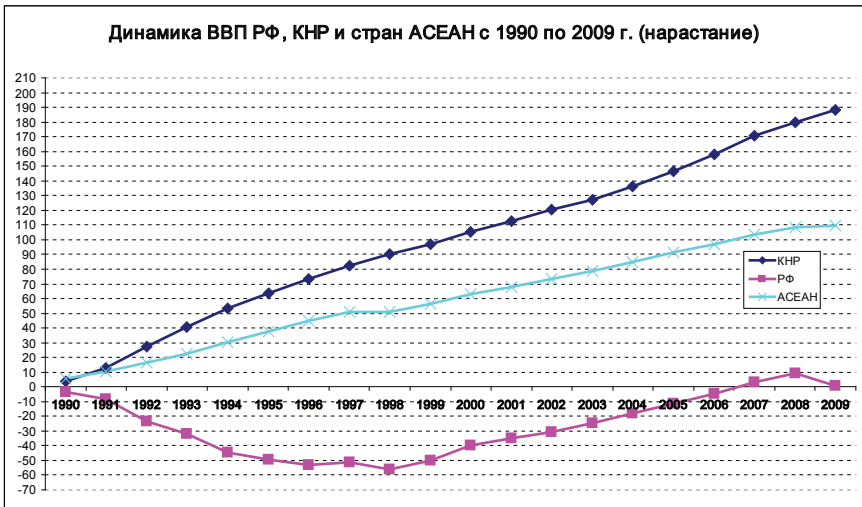
Описанная выше глобальная и региональная геополитическая практика сформировала следующую внешнеполитическую парадигму — державы обычно обеспечивают свою безопасность за счет сталкивания своих геополитических конкурентов между собой, а также реализации целенаправленной политики по их дестабилизации изнутри. Не следует также забывать и о пресечении попыток такой дестабилизирующей деятельности в своем направлении. Кто искуснее создает внешние и внутренние проблемы своим конкурентам, тот и создаст для себя наиболее безопасные и комфортные условия, а тот, кто создает условия для мирного и комфортного существования своих соседей — в перспективе роет себе яму, т.к., окрепнув, соседи начнут проводить политику дестабилизации в отношении своего доброго соседа. Следует также обратить внимание на политику геополитического разукрупнения поверженных противников, развала экономики, индуцирования нестабильности, провоцирования этно-конфессиональных конфликтов и прочих долгосрочных программ, которые проводятся в целях максимального затруднения последующего восстановления былой мощи потенциальным геополитическим конкурентом.

Именно это и произошло после дезинтеграции СССР. Приведенный ниже график показывает динамику ВВП РФ, КНР и стран АСЕАН с 1990 по 2009 гг. В РФ наблюдался тяжелейший экономический кризис, во времена Б.Н.Ельцина ВВП ста-

¹ *Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, 1997. P. 7.*

быльно падал, со всеми вытекающими отсюда последствиями: криминализацией общества, коррупцией, вымиранием населения, развалом армии, систем образования и здравоохранения, ростом напряженности и конфликтов. В качестве геополитических последствий периода таких «реформ» следует отметить утрату былого влияния на международной арене вообще и в Восточной Азии, в частности. Рост ВВП начался только после прихода к власти В.В.Путина и по итогам 2006 г. РФ удалось восстановить свой уровень 1990 г.

В то же самое время в Азии наблюдался беспрецедентный экономический рост. Больше всех рос Китай, который постепенно стал позиционировать себя в роли своеобразного регионального локомотива, который способен обеспечить развитие малых стран региона. В 1990-е годы Пекин в своей региональной геополитической стратегии переносит основной упор на экономическое сотрудничество со странами ЮВА, причем на этом поприще достигает впечатляющих успехов, что, в частности, проявилось в создании в январе 2010 г. зоны свободной торговли со странами АСЕАН, куда входят 10 стран ЮВА.

После дезинтеграции СССР Восточная Азия оказалась на периферии интересов основных геополитических игроков, которые были заняты разделом наследия поверженного противника. Таким образом, страны Юго-Восточной Азии в целом получили очень редкий исторический шанс, который был грамотно использован. В относительно небольшой временной интервал, когда холодная война уже закончилась, а однопольный мир так и не появился, регион в целом сделал существенный экономический рывок, который имел и далеко идущие геополитические последствия. В группировку АСЕАН вошли 10 стран ЮВА, несмотря на существенные различия в типах политических режимов стали набирать силу процессы реальной региональной интеграции, что, конечно же, повлияло и на политические амбиции региональных лидеров. Хорошо известны громкие выступления тех лет со стороны Сухарто, Мохатхира Мохаммада, Ли Куан Ю, что вызвало плохо скрываемое недовольство в Вашингтоне.

Вот как оценивал ситуацию в ЮВА и самоуверенность местных политических лидеров накануне финансового кризиса конца 1990-х американский финансист Дж. Сорос: «азиатская модель показала себя как крайне успешная стратегия экономического развития, и в деловых кругах ее оценивали очень высоко. Она обеспечивала значительное повышение уровня жизни; средние темпы роста доходов на душу населения на протяжении длительного времени составляли 5,5% в год — такого, если брать сравнимый по длительности период, не было нигде в мире. Поэтому даже когда кризис уже начался, такие лидеры азиатских стран, как Ли Кван Ю [Ли Куан Ю, — В.К.] в Сингапуре, Сухарто в Индонезии и Мохатхир в Малайзии, с гордостью заявляли, что азиатские ценности превосходят западные. Они зашли так далеко, что поставили под сомнение ценности, зафиксированные во Всеобщей Декларации прав человека ООН. Ли Кван Ю [Ли Куан Ю, — В.К.] говорил об упадке западных демократий, Мохатхир обрушился с критикой на неоколониализм, а Сухарто превозносил достоинства непотизма. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в июне 1997 г. приняла в свои ряды Мьянму (Бирму), что было прямым вызовом западным демократиям, для которых репрессивный режим Мьянмы был неприемлем и с политической, и с гуманитарной точек зрения. (Мое публичное осуждение этого решения АСЕАН вызвало резкие выпады в мой адрес со стороны Мохатхира)»¹.

Российские экономисты А.Б.Кобяков и М.Л.Хазин, описывая сложившуюся к тому времени ситуацию на глобальных финансовых рынках, отмечают: «Поскольку именно международные (в первую очередь инвестиционные) банки, базирующиеся в США, были основой, на которой строилась финансовая пирамида, то они и станут жертвой кризиса. При этом их финансовые обязательства и вывезенные за пределы США доллары могут полностью обрушить всю американскую финансовую систему»². А этого допустить США не могли, поэтому под удар поставили страны ЮВА. Система устроена так, чтобы сбрасывать «пар» при помощи «предохранительного клапана», роль которого и были призваны играть страны «периферии». «Центр» должен быть выведен из под удара.

Если рассматривать азиатский кризис в этом глобальном контексте, то получается следующая картина. По мнению М.Л.Хазина и А.Б.Кобякова: «в середине 1990-х годов... главной проблемой стала Юго-Восточная Азия. ... именно в ней сосредотачивались основные финансовые потоки от «новой экономики», что позволило ей, начиная с 1980-х годов, совершить колоссальный экономический рывок. И эта ситуация стала представлять опасность для американской экономики, поскольку стал нарушаться один из главных принципов, положенный в основу послевоенного экономического механизма: самые доходные и надежные в мире финансовые рынки должны находиться в США. Для решения этой проблемы США в последний раз эффективно применили экономический (а не военно-силовой) рычаг: осенью 1997 года были обрушены валюты стран Юго-Восточной Азии. Но именно тогда этот, до сей поры универсальный, инструмент дал первую осечку — китайскую экономику обрушить не удалось. ... Однако главную задачу США решить удалось: надежность финансовых рынков ЮВА резко упала, что существенно обесценило и их доходность. Что касается рынков Китая, то они находились под полным контролем

¹ Сорос Дж. *Реформируя глобальный капитализм*. М., 2001. С. 285.

² Кобяков А.Б., Хазин М.Л. *Закат империи доллара и конец «Pax Americana»*. М., 2003. С. 312.

коммунистического государства, которое в своих действиях меньше всего руководствовалось интересами США»¹.

По мнению А.Б.Кобякова и М.Л.Хазина «Первый удар по экономике ЮВА США нанесли в 1997-1998 годах. Им было необходимо остановить слишком динамичный рост этого региона, который ставил под сомнения глобальное первенство США. Прежде всего, опасность состояла в том, что рост благосостояния населения этого региона позволит ему стать «самодостаточным», что внутренний спрос постепенно начнет вытеснять американский экспорт и страны ЮВА смогут «соскочить» с американской «иглы»... Так что удар был нанесен «на взлете». Отметим, что он не был доведен до конца, поскольку Китай, которому такая политика никак понравиться не могла, нанес американцам серьезный контрудар»².

В результате описанных выше процессов, по мнению авторитетного российского востоковеда Д.В.Мосякова: «Доверие этих элит к Западу в ходе кризиса оказалось под очень серьезным давлением, ибо их самолюбие было очень уязвлено неприкрытым западным диктатом, проводником которого являлся МВФ»³.

В ходе кризиса и после него «в правящих кругах стран АСЕАН стало проявляться очевидное антизападничество и паназиатский национализм»⁴. Причем проявлялось это в весьма жестких формах, свидетельством чему являются многочисленные громкие заявления политических лидеров многих стран ЮВА.

Ситуация развивалась таким образом, что финансовый кризис, стал перетекать в экономический, а экономический в политический, в ходе которого должна была произойти смена «зарвавшихся» региональных элит на настроенных более конструктивно, т.е. проамерикански, политиков. По итогам кризиса некоторым лидером пришлось уйти. Это произошло в Таиланде, Индонезии, на Филиппинах. Не удалось повлиять на политическую ситуацию в Бирме, Вьетнаме и Малайзии. Однако смены политического вектора развития региона не удалось добиться. Разразившийся кризис вызвал еще более радикальные антиамериканские заявления и вместо смены региональных элит США получили более сплоченную, чем раньше группировку АСЕАН, которая в противовес США стала искать мощный региональный локомотив, способный защитить от давления со стороны США и предложить более выгодные условия развития странам ЮВА. На эту роль стала претендовать КНР, которая очень позитивно проявила себя во время кризиса, поддержав некоторые страны ЮВА. Получается, что, стремясь наказать страны ЮВА, показать им их «истинное» место в мировом разделении труда, США на деле добились только части своих целей, страны ЮВА были «поставлены на место», но из произошедшего извлекли свои уроки. В результате кризиса произошло усиление политических позиций Китая в регионе и сплочение стран ЮВА вокруг нового регионального лидера, который был готов декларировать и проводить более выгодную для стран ЮВА политику.

Таким образом, спровоцировав кризис, США вместо переформатированной по своему желанию ЮВА получили регион, который усилил темпы региональной интеграции на фоне антиамериканской риторики и сплочения вокруг КНР. Именно

¹ Там же. С. 315.

² Там же. С. 307.

³ Мосяков Д.В. Некоторые аспекты китайской современной политики в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004. С. 15.

⁴ Там же. С. 15.

с этим связан проект создания зоны свободной торговли между КНР и странами АСЕАН, который стал реальностью с 2010 г. и проект создания Азиатской валютной единицы (АСУ), который до сих пор обсуждается на разных уровнях.

Оценивая перспективы современной геополитической ситуации в регионе, мы можем отметить впечатляющий экономический рост, как в КНР, так и в ЮВА, которым за относительно небольшой временной период удалось существенно повысить уровень жизни в своих странах, а также создать внутренний платежеспособный спрос. Оценивая гипотетические шансы объединения КНР и ЮВА можно отметить такие параметры как почти 2 млрд. население и совокупный объем ВВП порядка 13 трл. долл. США (ППС). Разумеется, появление в обозримом будущем такого блока может иметь далеко идущие геополитические последствия в регионе Восточной Азии, которые наверняка затронут Тайвань, Японию и Южную Корею с усилением влияния КНР и ликвидацией американских военных баз в этом регионе. Однако пока говорить о создании ориентированной на Пекин ЮВА как о свершившемся факте преждевременно. Мы видим, что военное присутствие США в регионе в целом сохраняется. Американские военные базы рассматриваются в Пекине в качестве баз проекции силы в направлении Китая. КНР находится в своеобразном «ожерелье» потенциальных и тлеющих конфликтов как на своей территории, так и в ближнем зарубежье, одновременная активизация которых вполне может похоронить амбициозные планы модернизации КНР и выстраивания своей зоны влияния в регионе. Не будем забывать о сложившейся практике обеспечения своей безопасности за счет ущемления безопасности других стран.

Парадоксальность современной ситуации в Восточной Азии состоит в том, что, с одной стороны, ряд стран Азии хотят обеспечить продолжение военного присутствия США для сохранения стабильности в регионе, с другой стороны, они заинтересованы в дальнейшем развитии китайской экономики, чтобы иметь дополнительные рынки для своей продукции. При этом следует помнить, что военное присутствие США сложилось во времена холодной войны, и это присутствие отражало определенный баланс сил, который сложился в то время. Продолжающееся динамичное развитие Китая этот баланс существенно меняет. Рост китайской экономики приведет в уже обозримом будущем к изменению баланса сил в регионе, который будет иметь далеко идущие экономические и политические последствия, что вступает в противоречие с сохранением американского военного присутствия. В этом контексте дальнейшие перспективы региональной интеграции приобретают весьма неопределенный характер. Вполне возможен вариант параллельного формирования двух конкурирующих интеграционных проектов: под эгидой Пекина и Вашингтона, что в перспективе может привести к поляризации стран ЮВА между этими центрами силы, что в худшем случае может привести к дестабилизации региона. Если после крушения СССР периферийное положение региона в мировой политике позволило малым странам ЮВА в целом сыграть важную роль в процессах региональной интеграции, то сейчас, по мере роста Китая и стремления США сохранить сложившийся в прошлом баланс сил, пространство для маневра стран ЮВА, скорее всего, существенно сузится. Не будем забывать сформулированные З. Бжезинским «три великих императива имперской геостратегии», которые заключаются в «предотвращении сговора между вассалами и поддержании их зависимости в обеспечении безопасности, сохранении покорности и защиты подчиненных, а также недопущении объединения варваров.»¹ Следуя этой

¹ «... three grand imperatives of imperial geostrategy are to prevent collusion and maintain security dependence among the vassals, to keep tributaries pliant and

логике, сама возможность «объединения варваров» под эгидой какой-либо азиатской державы в Вашингтоне будет трактоваться как угроза национальной безопасности США со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые очевидно будут предусматривать и использование уже существующей системы двухсторонних договоров обеспечения безопасности. Обратим особое внимание на формулировку «maintain security dependence among the vassals», т.е. обеспечить сохранение зависимости вассалов в обеспечении безопасности. Иными словами, основная задача в Восточной Азии состоит в том, чтобы не допустить самодостаточности «варваров» в обеспечении безопасности и всемерно сохранять их зависимость в этой существенной сфере. Напомним, что в политическом, культурном и религиозном отношении регион Восточной Азии весьма разнообразен, что существенно облегчает дело создания разнообразных коалиций и союзов, для сдерживания «угроз» в виде потенциального появления геополитического конкурента.

Даже западные аналитики отмечают традиционную «истерическую реакцию, которую всегда вызывает на Западе появление могучей внешней силы»¹. Справедливость данного утверждения вряд ли нуждается в особых комментариях в силу своей бесспорности. В настоящее время мы можем наблюдать в западной прессе и аналитических изданиях целый шквал истерических публикаций на тему «китайская угроза», где, конечно же, находится место и для «дружеских предостережений» РФ в том, что китайская угроза представляет для нее особую опасность. В частности, утверждается, что «настоящий вызов бросает им Китай, который быстро расширяет сферу своего влияния в Центральной Азии и на Дальнем Востоке»².

Многие ведущие российские и западные эксперты совершенно справедливо обращают внимание на перспективы перерастания растущей экономической мощи Китая в политический инструмент формирования китайской зоны влияния.³ Судить о масштабах этой гипотетической зоны влияния сложно, но авторитетные эксперты полагают, что «Китай хочет восстановить влияние на сопредельные страны в масштабах китайской империи — Корейский полуостров, Вьетнам, Индокитайский полуостров вплоть до Юго-Восточной Азии. Глобальных военных амбиций у Китая поменьше, чем у России, хотя Китай больше России стремится к главенству в Азии»⁴.

Наблюдавшийся в последние десятилетия рост Китая вселил в некоторых представителей экспертных кругов этой страны уверенность в китайском превосходстве. В этом контексте весьма показательна следующая цитата: «Наш нынешний огромный профицит торгового баланса показывает, что эффективность нашего управления выше, чем в других странах... Мировые ресурсы в руках китайцев получили бы лучшее распределение и использование... Судя по практическим достижениям в истории цивилизации, китайцы гораздо успешнее евреев... Поэтому мы должны торговать

protected, and to keep the barbarians from coming together.» Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, 1997. P. 40.

¹ Каплан Р. География китайской мощи <http://www.globalaffairs.ru/number/Geografiya-kitaiskoi-moschi-14959>

² Бистон Р. Назад в СССР? Это еще бабушка надвое сказала. («The Times», Великобритания). <http://www.inosmi.ru/politic/20101013/163571671.html>

³ Пушков А.К. Китай успешно создает свою собственную зону влияния // <http://www.oko-planet.su/politik/politikmir/28980-aleksej-pushkov-kitaj-uspeshno-sozdaet-svoyu.html>

⁴ Ломанов А.В. Внимание России и Китая обращено в одну сторону // <http://www.globalaffairs.ru/articles/10195.html>

с мечом в руках, мы хотим вести торговую войну, а не настоящую войну, но чтобы хорошо вести торговую войну, у нас в руках обязательно должен быть меч...»¹

Один американский эксперт считает, что «основное отличие КНР от США в ЮВА состоит в том, что Китай имеет четкую стратегию в регионе, а США нет»². Однако такой алармизм не подтверждается имеющимися в наличии материалами. В США давно обдумывали свою реакцию на усиление Китая. А многие квалифицированные и известные американские аналитики загодя разрабатывали сценарии сдерживания Китая. С учетом масштабов КНР и наличия ядерного оружия примитивный вариант лобового столкновения США с КНР даже не обсуждался, с самого начала речь шла о более тонких маневрах, которые позволили бы США добиться своих целей чужими руками. Один из наиболее коварных сценариев был разработан и опубликован С.Хантингтоном, который предложил наиболее благоприятный с точки зрения США вариант начала третьей мировой войны в Восточной Азии, опубликованный в нашедшей книге «Столкновение цивилизаций», с локального конфликта во Вьетнаме. «Появление Китая в качестве доминирующей силы Восточной и Юго-Восточной Азии войдет в противоречие с американскими интересами в том виде, как их исторически интерпретировали.

Как могла бы, с учетом американских интересов, развиваться война между США и Китаем? Допустим, что сейчас 2010 год. ... Быстрыми темпами осуществляется разработка американскими компаниями нефтяных месторождений в Южно-Китайском море, в основном под покровительством Китая, но отдельные зоны находятся под вьетнамским контролем. Уверенность Китая в связи с его новыми возможностями проекции силы возрастает, и он объявит об установлении полного контроля над этим морем (Китай всегда претендовал на суверенитет над ним). Вьетнам окажет сопротивление, начнутся боевые действия между китайскими и вьетнамскими военными кораблями. Желая отомстить за унижение 1979 года, китайцы нападут на Вьетнам. ... китайские наземные силы войдут в Ханой и оккупируют большую часть Вьетнама»³.

Подобная постановка вопроса вызвала известную озабоченность в Ханое, тем более, что Самюэля Хантингтона хорошо помнят во Вьетнаме еще со времен второй индокитайской войны.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ США В РЕГИОНЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Какие же практические шаги предпринимает руководство США, чтобы сбалансировать ситуацию в ЮВА, прежде всего вокруг Южно-Китайского моря. Это особенно актуально в свете той активности, с которой Пекин в последнее время принялся за решение спорных проблем в Южно-Китайском море. Эта деятельность настолько обеспокоила некоторые страны в ЮВА, что некоторые из них в поисках противовеса растущему влиянию КНР обратились за посредничеством к США, которые в высшей

¹ Цит по: Лукин А. «Китайская мечта» и будущее России. <http://www.globalaffairs.ru/number/Kitaiskaya-mechta-i-budushee-Rossii-14857>

² Bower E.Z. *China's activities in Southeast Asia and implications for U.S. interests. Statement before the U.S.-China Economic & Security Review Commission.* P. 3. http://csis.org/files/100204_bower_testimony.pdf

³ Huntington S. *The Clash of Civilizations. New York. Simon and Schuster, 1996.* P. 312-313.

степени профессионально взялись за решение этой задачи, что, разумеется, вызвало плохо скрываемое раздражение в Пекине.

Острота споров вокруг Южно-Китайского моря определяется особой экономической и геополитической значимостью, поскольку предполагается, что на континентальном шельфе имеются значительные запасы нефти и газа, к тому же через этот регион проходят основные торговые пути и ключевой маршрут транспортировки нефти в Восточную Азию с Ближнего Востока, т.к. этот регион в целом, несмотря на имеющиеся месторождения нефти, является нетто импортером углеводородного сырья. В современных условиях даже отдаленные перспективы установления контроля КНР или КНР и ряда соседних государств ЮВА над Южно-Китайским морем вызывают озабоченность в Вашингтоне, поскольку это может создать потенциальную угрозу снабжения основных союзников США в регионе с вполне определенными геополитическими последствиями. Тот или иной вариант решения территориальных споров в Южно-Китайском море напрямую затрагивает не только прибрежные страны, которые непосредственно втянуты в дискуссию, но и практически весь регион Восточной Азии.

В конце 1980-х годов, когда острота нефтяного вопроса еще не было столь остра как сейчас, в ходе морского боя китайские ВМС в районе спорных островов потопили три вьетнамских корабля, а иностранные нефтяные компании получили недвусмысленное предупреждение не заключать соглашений с Вьетнамом о разведке нефти на спорных территориях в Южно-Китайском море. С тех пор КНР постоянно расширяет де-факто контролируемые зоны в Южно-Китайском море. Усиление напряженности между США и КНР в регионе провоцирует невиданную еще в истории гонку вооружений в Восточной Азии. «Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, объем закупок вооружений странами региона с 2005 по 2009 год удвоился по сравнению с предыдущими пятью годами.»¹ Российский эксперт В.А.Скосырев обратил внимание на то, что: «Усиление позиций Китая в Восточной Азии беспокоит его соседей. На днях Япония впервые за три последних десятилетия объявила, что будет увеличивать свой подводный флот. Ранее субмарины приобрели Вьетнам, Сингапур и Малайзия»².

Как считает бывший министр обороны Японии и советник по национальной безопасности Юрико Коике: «В Азии возник общий страх, что Китай стремится использовать свою растущую морскую мощь, чтобы доминировать не только в развитии богатой углеводородами акватории Южно-Китайского моря, но и в морских путях, которые сегодня являются одними из наиболее интенсивных в мире. Поэтому новости о том, что Клинтон увеличила вклад Америки в военно-морскую безопасность в морях вокруг Китая, лично присутствуя на совместных военно-морских и воздушных учениях с Южной Кореей у восточного побережья Корейского полуострова, были восприняты с одобрением. Кроме того, военные связи между США и самыми элитными подразделениями вооруженных сил Индонезии — приостановленные на десятилетия — были восстановлены во время азиатского тура Клинтон»³.

¹ Скосырев В.А. *Соседи Китая вооружаются чем могут. Американские военные возвращаются во Вьетнам 2010-08-10* / http://www.ng.ru/world/2010-08-10/7_vietnam.html

² Скосырев В.А. *США вмешались в спор Китая с соседями. Вашингтон ищет новых партнеров в Юго-Восточной Азии. 2010-07-28* / http://www.ng.ru/world/2010-07-28/5_china_usa.html

³ *Yuriko Koike. Hillary's Kissinger Moment* // <http://www.project-syndicate.org/commentary/koike8/English>

Весной сего года Пекин объявил Южно-Китайское море «зоной своих ключевых интересов», что означает особое внимание Пекина находящимся в Южно-Китайском море Парасельским островам и архипелагу Спратли наравне с проблемой Тибета и Тайваня. Такая постановка вопроса вызвала известную озабоченность в заинтересованных странах ЮВА, прежде всего во Вьетнаме и на Филиппинах, т.к. им решать такие вопросы с КНР на двухсторонней основе крайне сложно.

В целях уменьшения роли китайского фактора в спорах по проблематике Южно-Китайского моря Хиллари «Клинтон предложила помощь США в создании международного механизма посредничества в деле пересекающихся притязаний на суверенитет между Китаем, Тайванем, Филиппинами, Вьетнамом, Индонезией и Малайзией, которые сегодня присутствуют в Южно-Китайском море. Для Китая вмешательство Клинтон стало шоком»¹.

В условиях усиления регионального влияния КНР во Вьетнаме с особой тревогой вспоминают множество войн, которые эта страна вела с Китаем начиная с III в. до н.э. За последние 2 тыс. лет во Вьетнаме сложилась определенная историческая закономерность: каждый раз стабилизация и рост в Китае для этой страны оборачивались опустошающим вторжением с севера. Историческая память активизирует стратегию «Дружить с дальним, чтобы противостоять ближнему», что повышает шансы США использовать ситуацию в своих интересах.

Пекин, со своей стороны, также традиционно с настороженностью следит за активностью США у своих южных границ. Очевидно, что умелое использование фактора Вьетнама может остановить или ускорить стратегическую экспансию КНР в южном направлении. Различные варианты развития ситуации изучаются не только в Вашингтоне, Пекине, Ханое и Москве. Заинтересованные наблюдатели, вовлеченные в формирующийся геополитический расклад, подозрительны в отношении друг друга и будущая конфигурация между возможными союзниками и противниками пока не ясна. Очевидно одно, «битва за Вьетнам» уже идет².

Одна из наиболее острых актуальных проблем внешней политики СРВ в настоящее время может быть сформулирована следующим образом: как реагировать на формирование ориентированной на Пекин ЮВА? При постановке проблемы таким образом возможны три практических варианта ее решения: с КНР против США, с США против КНР, искусное лавирование между этими центрами силы. Причем при любом варианте высока вероятность стать жертвой глобальной политики по афганскому сценарию. При этом следует учесть, что Вьетнам дорожит независимостью, которая досталась с таким трудом, а следование в русле внешнеполитической стратегии как Пекина, так и Вашингтона является угрозой суверенитету. Согласно сложившемуся стереотипу, наиболее опасным считается ближе расположенное государство. Исторически Ханой придерживался стратегии искусного лавирования между державами, а при случае на региональном уровне сам пытался проводить не менее жесткую политику в отношении более слабых стран на Индокитайском полуострове. Последствия решения Ханоя будут иметь далеко идущие последствия не только для ЮВА, но и для всего региона Восточной Азии.

В ходе своего летнего турне Хиллари Клинтон во Вьетнаме обсудила ключевые региональные проблемы. Вот оценка результатов со стороны влиятельного японского экс-

¹ Ibid.

² Kolotov V.N. *Main Trends of Russia's Foreign Policy in Transforming East and Southeast Asia // Brookings Northeast Asia Commentary | Number 18* https://www.brookings.edu/opinions/2008/04_asia_kolotov.aspx

перта «Турне Клинтон дало очень четкий сигнал, что Америка еще не готова согласиться с претензиями Китая на региональную гегемонию. За кулисами саммита Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Ханое Клинтон оспорила перед министром иностранных дел Китая Ян Цзечи, что претензии Пекина на право собственности на острова Спратли в Южно-Китайском море в настоящее время представляют «основной интерес». По этому определению Китай считает эти острова (право на владение которыми оспаривается Вьетнамом и Филиппинами) такой же частью материка, как Тибет и Тайвань, ставя какое-либо внешнее вмешательство в разряд табу»¹.

Лето 2010 г. также было отмечено ростом военной активности США, которые провели военные учения с Республикой Корея и СРВ в непосредственной близости от территориальных вод КНР. Вашингтон стал активнее работать со странами, опасющимися роста влияния Пекина в регионе. По мнению А.В. Фененко «Рост военной активности США в АТР был воспринят в Пекине как попытка Белого дома вмешаться в территориальные споры Китая с сопредельными странами»².

Следуя логике усиления периферии для сдерживания, вполне адекватно выглядит политика Вашингтона по вовлечению Вьетнама. В последнее время контакты разных уровней между СРВ и США существенно активизировались. Причем происходят даже такие знаковые события как первый после второй индокитайской войны (1964-1975) визит авианосца США во Вьетнам. В этом контексте весьма показательны интервью, которые дают вьетнамской прессе военнослужащие армии США вьетнамского происхождения. Вашингтон также активно участвует в расширении ядерного сотрудничества с Ханоем. В ходе визита Хиллари Клинтон рассматривалась возможность участия американских фирм в строительстве атомных электростанций на территории Вьетнама, также ведутся переговоры о передаче Вьетнаму ядерного топлива и технологий, что позволит Вьетнаму самостоятельно обогащать уран для гражданских нужд³.

Вот как оценивает современную стратегию КНР в Восточной Азии адмирал ВМФ в отставке Джеймс Лайонс, который был командующим Тихоокеанским флотом США и главным военным представителем США в ООН, в одной из своих статей: «Китай намеревается поставить Японию, Южную Корею, Австралию, Индию и прочие страны АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии) в положение стратегической подчинённости (strategic subordination), а также уничтожить демократию на Тайване ... начиная с 2020-х гг. Китай намерен бросить вызов США в области мирового военного господства»⁴. Вообще, в данной статье широко используется идеологическая терминология времен холодной войны. В частности, утверждается, что «Шанхайская организация сотрудничества — альянс диктатур»⁵. Чтобы

¹ Yuriko Koike. *Hillary's Kissinger Moment* // <http://www.project-syndicate.org/commentary/koike8/English>

² Фененко А.В. *Дальневосточная стратегия Вашингтона. Американо-китайские противоречия создают трудности для российского Дальнего Востока* // http://www.ng.ru/politics/2010-09-01/3_kartblansh.html

³ Solomon Jay. *U.S., Hanoi in Nuclear Talks. Vietnam Plan to Enrich Uranium May Undercut Nonproliferation Efforts, Rile China* // *The Wall Street Journal*.

http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704741904575409261840078780.html?mod=WSJEUROPE_hpp_LEFTTopStories

⁴ Lyons J.A. *LYONS: Countering China's aggression. Communist dictatorship presents trouble in Asia and abroad* // *The Washington Times*. <http://www.washingtontimes.com/news/2010/oct/18/countering-chinas-aggression/>

⁵ *Ibid.*

противостоять «китайской коммунистической агрессии» в Азии США «должны сообщить миру, что ведущую демократическую страну очередными угрозами коммунистов не запугать»¹ и готовы сотрудничать даже с вьетнамскими коммунистами, с условием передачи им гражданских ядерных технологий. Может быть, таким образом США пытаются компенсировать «прокитайские» ядерные силы Пхеньяна на севере, создавая на юге «восточного стратегического фронта» региональный ядерный противовес «агрессивной» политике Китая?

22 ноября 2011 на 8-й генеральной конференции Азиатско-тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ) посол США во Вьетнаме Дэвид Шэр особо отметил, что ни о каком сдерживании КНР со стороны США не может быть и речи и что это ошибочная интерпретация намерений Вашингтона. Однако некоторые факты противоречат политической декларации, особенно, если принять во внимание недавно анонсированное Барак Обама Транстихоокеанское партнерство, которое многие эксперты рассматривают в качестве конкурента Зоны свободной торговли КНР-АСЕАН, усиление американских военных баз и открытие новых (например, в Австралии), а также увеличение бюджета ВС США на Тихом Океане на фоне сокращения военных расходов в других регионах мира. Несмотря на множество этих и других вопросов участников конференции г-н посол отказался на них отвечать и под предлогом занятости покинул зал заседаний.

Роль России в регионе Восточной Азии существенно упала по сравнению с советским периодом. Россия после «реформ» 1990-х гг. еще слишком слаба, чтобы принимать участие в борьбе за отстаивание своих интересов и влияние даже в ЮВА. Товарооборот с регионом имеет очень скромные показатели, однако пока сохранилась важная способность менять баланс сил в регионе путем организации поставок передовых наступательных или оборонительных систем вооружений.

* * *

Подводя промежуточные итоги, можно отметить, что США впервые после кризиса 1997-98 гг. удалось активно включиться в региональные геополитические игры. Если последствия организованного США, как считают некоторые азиатские политики и эксперты, финансового кризиса 1997-1998 гг. были использованы Пекином для продвижения проекта создания ориентированной на КНР ЮВА, то сейчас можно отметить, что усиление давления со стороны Пекина на малые страны ЮВА по проблематике Южно-Китайского моря настолько обеспокоило эти страны, что ситуацией грамотно воспользовались США, выступившие на стороне «малых и угнетенных». Такая комбинация позволяет США грамотно встроиться в диалог по вопросам региональной безопасности, что в перспективе может позволить даже сформировать коалицию из недовольных и использовать их в традиционной политике сдерживания растущих амбиций Китая. Решению данной задачи и было посвящено летнее турне госсекретаря США Хиллари Клинтон по Азии, в ходе которого были активизированы связи по линии восточного стратегического фронта времен холодной войны. Этим и объясняются острота антикитайской риторики на Корейском полуострове, в Японии, на Тайване и, конечно же, во Вьетнаме, которому могут быть предложены особые условия при присоединении к коалиции. Центральный стратегический фронт в существенно усиленном формате по сравнению с временами холодной войны также все более активизируется в северном направлении.

¹ *Ibid.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Bower E.Z. China's activities in Southeast Asia and implications for U.S. interests. Statement before the U.S.-China Economic & Security Review Commission. http://csis.org/files/100204_bower_testimony.pdf
- Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, 1997.
- Clymer K.J. The United States and Cambodia, 1969-2000: a troubled relationship. RoutledgeCurzon. NY, 2004. http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704741904575409261840078780.html?mod=WSJEUROPE_hpp_LEFTTopStories
- Huntington S. The Clash of Civilizations. New York. Simon and Schuster, 1996.
- V.N. Main Trends of Russia's Foreign Policy in Transforming East and Southeast Asia // Brookings Northeast Asia Commentary | Number 18. https://www.brookings.edu/opinions/2008/04_asia_kolotov.aspx
- Lyons J.A. LYONS: Countering China's aggression. Communist dictatorship presents trouble in Asia and abroad // The Washington Times. <http://www.washingtontimes.com/news/2010/oct/18/countering-chinas-aggression/>
- McNamara R.S. In retrospect. The tragedy and lessons of Vietnam. Times books. NY. 1995.
- Solomon Jay. U.S., Hanoi in Nuclear Talks. Vietnam Plan to Enrich Uranium May Undercut Nonproliferation Efforts, Rile China // The Wall Street Journal.
- Yuriko Koike. Hillary's Kissinger Moment // <http://www.project-syndicate.org/commentary/koike8/English>
- Бистон Р. Назад в СССР? Это еще бабушка надвое сказала. («The Times», Великобритания). <http://www.inosmi.ru/politic/20101013/163571671.html>
- Вандам А.Е. Наше положение. // Восток и Запад против России. Неуслышанные пророки грядущих войн. М., 2004.
- Каплан Р. География китайской мощи <http://www.globalaffairs.ru/number/Geografiya-kitaiskoi-moschi-14959>
- Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Pax Americana». М., 2003.
- Ломанов А.В. Внимание России и Китая обращено в одну сторону // <http://www.globalaffairs.ru/articles/10195.html>
- Лукин А.В. «Китайская мечта» и будущее России. <http://www.globalaffairs.ru/number/Kitaiskaya-mechta-i-budushee-Rossii-14857>
- Мосьяков Д.В. Некоторые аспекты китайской современной политики в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004.
- Пушков А.К. Китай успешно создает свою собственную зону влияния // <http://www.oko-planet.su/politik/politikmir/28980-aleksej-pushkov-kitaj-usheshno-sozdaet-svoyu.html>
- Скосырев В.А. Соседи Китая вооружаются чем могут. Американские военные возвращаются во Вьетнам 2010-08-10 / http://www.ng.ru/world/2010-08-10/7_vietnam.html
- Скосырев В.А. США вмешались в спор Китая с соседями. Вашингтон ищет новых партнеров в Юго-Восточной Азии. 2010-07-28 / http://www.ng.ru/world/2010-07-28/5_china_usa.html
- Сорос Дж. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.
- Фененко А.В. Дальневосточная стратегия Вашингтона. Америко-китайские противоречия создают трудности для российского Дальнего Востока // http://www.ng.ru/politics/2010-09-01/3_kartblansh.html
- Шубин В.В. Кампучия: суд народа. М., Юридическая литература. 1980.

Е.В. Пугачева

НАРКОБИЗНЕС В МЕХАНИЗМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ТАИЛАНДА

В связи с тем, что некоторые области северного Таиланда принадлежат к географическому району небезызвестного Золотого наркотriangle Юго-Восточной Азии, участие Таиланда в наркобизнесе очевидно. Несмотря на то, что программа альтернативного развития областей Таиланда, входящих в Золотой triangle, признана одной из наиболее эффективных в мире, а уровень производства наркотиков действительно сокращен до минимума, незаконная торговля наркотиками в Таиланде продолжается и напрямую связана с влиянием международного фактора на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Таиланд удобно расположен в центре Юго-Восточной Азии, благодаря чему занимает стратегическое положение главной страны-транзита наркотиков, поступающих из наркопроизводящих районов triangle, а именно Бирмы (Мьянмы) и Лаоса.

Под влиянием внешних акторов, а именно при активном содействии спецслужб США, королевская тайская полиция во время Холодной войны была превращена в «главный наркосиндикат»¹ страны, а транзит наркотиков с середины XX в. и по сегодняшний день проходит через руки полицейских чиновников Таиланда.

В истории смены правительств и вереницы переворотов в Таиланде XX в. наркобизнес играл немаловажную роль. Сегодня политическая обстановка в Таиланде вновь нестабильна. В борьбе за пост премьер-министра Таиланда и внутренней политической смуте, характерной для королевства в первом десятилетии XXI века, снова прослеживается связь с наркобизнесом и наркополитикой страны.

В настоящей статье автором предпринята попытка выявления структуры связи наркобизнеса в Золотом triangle с механизмом функционирования политических решений Таиланда. Автором рассматривается наркоторговля и борьба с ней в контексте внутренней политики Таиланда и внешнеполитических связей страны. В связи с этим, последовательно решаются задачи: во-первых, проследить особенности связи внутривнутриполитического развития Таиланда с его становлением неотъемлемой частью Золотого triangle. Во-вторых, обозначить предпосылки организации особых связей между таизированной китайской бизнес-элитой, спонсирующей наркоторгафик, и центральной властью в Бангкоке. В-третьих, проанализировать историю борьбы Таиланда с наркотиками, которая, как ни парадоксально, происходила одновременно с успешным развитием наркобизнеса в стране. В-четвертых, изучить насколько последовательны действия тайских властей в отношении наркоторговли и тех или иных акторов, в ней участвующих, а также проследить какова роль международного фактора в политическом развитии современного Таиланда и как политическая ситуация сегодня влияет на наркобизнес в стране.

¹ *McCoy A. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade. Lawrence Hills Books, Chicago, 2003. P. 90.*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТАИЛАНДА НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Влияние наркобизнеса на функционирование политических решений Таиланда напрямую связано с историей развития Золотого наркотriangle на северных границах королевства. Учитывая «минусы» и «плюсы» популярных определений Золотого triangle, а также его географические особенности и историю возникновения, автор предлагает следующее определение этого термина, которое включает круг понятий, необходимых для адекватного описания феномена существования наркопроизводства и бесперебойной наркоторговли в странах Юго-Восточной Азии:

Золотой triangle — географическая зона, располагающаяся в горных районах северного Таиланда, северо-восточной Мьянмы, северо-западного и центрального Лаоса, а также, по некоторым интерпретациям, северо-восточного Вьетнама и южных провинций Китая, где специфика климатических условий, этнического состава населения, внутривосточной ситуации в странах участницах, а также присущий пограничным районам этих стран «дух фронта» создали необходимые исторические предпосылки для организации в середине XX в. системы производства и торговли опиумом (затем героином и, в последующем, синтетическими наркотиками), контролируемой противоборствующими криминальными синдикатами, созданными на основе партизанских отрядов этнических армий во главе с полевыми командирами, которая получила развитие под влиянием внешних акторов, расширивших экономические и политические связи участников наркоторговли с местными и мировыми элитами.

Таковыми «внешними акторами», во многом, стали крупные мировые державы, по тем или иным причинам заинтересованные в развитии наркобизнеса в странах Золотого triangle на разных этапах истории. Еще история XIX в. показала, что в центре европейского колониализма в Юго-Восточной Азии находилась система создания местных «опиумных монополий», необходимых для поддержания финансовой стабильности всей колониальной машины. В этой системе участвовал и формально независимый Сиа́м, правительством которого под давлением британской Ост-Индской компании была введена монополия на импорт и продажу опиума в 1807 г¹, с чего началось активное участие королевства в наркоторговле. Важным для понимания тонкостей организации наркобизнеса в регионе является тот факт, что управлением «опиумными фермами» или монополиями, как отмечает исследователь Э́тгар Викберг, занимались этнические китайцы, которые в тот момент обладали определенной долей автономии в управлении вверенными им монополиями и сумели развить сеть обширных связей². Хотя, как сообщает А. МакКой, к концу XIX в. вслед за французской администрацией в Сайгоне, установившей в 1881 г. систему прямого контроля над опиумной монополией «Управление по вопросам опиума» («Opium Regie»), администрации других стран колониальной Юго-Восточной Азии (а также Сиа́м) стали контролировать опиумную торговлю без китайского посредничества³.

¹ Trocki C. *Opium, Empire and the Global Political Economy. A Study of the Asian Opium Trade. 1750-1950*. Routledge, London&New York, 1999. P. 137.

² Wickberg E. *The Chinese in Philippine Life 1850-1898*. Yale University Press, New Haven&London, 1965. P. 115

³ McCoy A. *Op. cit.* P. 90.

Все же в конце XIX в. именно китайский фактор, на этот раз связанный с волной миграции малых горных народностей из Китая в страны Юго-Восточной Азии, сыграл ключевую роль в дальнейшем участии королевства Сиам в наркоторговле и формировании Золотого треугольника вдоль его северных границ. С приходом народностей (х)монг и яо, а также китайских мусульман хо или пантхай связано обширное распространение культивирования опиумного мака в горных районах Юго-Восточной Азии и, соответственно, контрабанда опия-сырца, ставшая настоящим бедствием для официальных дилеров и монополий.

Для сиамской администрации, получавшей немалый доход, контролируя индустрию опиума в стране, проблема сухопутной контрабанды из северных районов страны и пограничных с ней территорий стала одной из самых серьезных. В начале 1920-х гг. глава Департамента по делам производства и торговли опиумом принц Ситипон выступил с очередным предложением радикально запретить опиум в Сиаме, основывая свое мнение на собственной приверженности буддийским традициям и понимании опасности, которой опиум подвергает буддийскую культуру долинных тайцев. Наместник короля на севере Сиам («кхалуанг йай»), узнавший о намерении принца Ситипона обратиться с этим предложением в Министерство внутренних дел, предупредил его о вероятности вооруженных конфликтов, которые могут произойти с народностями (х)монг и яо, занимавшимися выращиванием опиума в северных провинциях Мэхонгсон, Чиангмай и др. Несмотря на это в министерстве одобрили предложение принца, которое предусматривало уничтожение полей опиумного мака и последующую депортацию жителей деревень, возделывавших эти поля. Правительство, приступив к разработке опиумного закона, осознало неизбежность переговоров по этому поводу с британской администрацией Бирмы. В Бирме, несмотря на британские меры по пресечению выращивания нелегального опиума, местные племена, на базе которых в дальнейшем были организованы многочисленные этнические армии Золотого треугольника, выращивали большое его количество и контрабандой отправляли в Сиам. Реакция британских представителей, к примеру, В. Вуда, английского консула в г. Чиангмай, была негативной: «Британия сочла бы скорое пресечение торговли опиумом в приграничных с Сиамом районах нежелательным из-за высоких невозмещаемых затрат и возможной необходимости вооруженного вмешательства»¹. Последующие переговоры с британской Бирмой о контроле опиумной контрабанды из штата Шан с Сиамом не возымели желаемых результатов. Таким образом, Сиаму надолго пришлось отказаться от инициативы принца Ситипона, потому что искоренение опиума в стране было обречено на провал без соответствующих мер, предпринимаемых с противоположной стороны его северной границы. Контрабанда опиума из Бирмы и возделывание маковых полей в северных регионах страны продолжалось, а сам Сиам был обязан, согласно решениям Женевской конференции 1925 г., закупать опиум по искусственно завышенным ценам из районов, где его выращивание было официально признано легальным (например, район Гаджипур в британской Индии)².

В начале 1930-х гг. в ответ на оппозицию легальной торговле опиумом, высказанной мировым сообществом, Сиам, казалось, снизил объемы торговли и сократил

¹ Renard R.D. *The Making of a Problem: Narcotics in Southeast Asia* // ed. D. McCaskill. *Development or Domestication. Silkworm Books, Chiang Mai, 1997. P. 319.*

² *Ibid.* P. 320.

количество лицензированных государством опиумных лавок и притонов, закрыв 2000 из них к 1930 г. Не более 900 притонов продолжали функционировать. Такое резкое снижение мест продажи легального опиума неизбежно привело к росту караванной контрабанды опиума из штата Шан Бирмы, где проживали не только горные племена, но и тайязычные народы шанов. Интересно, что после революции 1932 г., превратившей Сиама из абсолютной в конституционную монархию, новое правительство стало проявлять особое внимание к регионам Бирмы, где проживали шаны, стремясь объединить все тайязычные народы под своим крылом. Даже новое название страны «Таиланд», официально введенное в 1939 г., по мнению некоторых специалистов, не просто подчеркивало, что это «страна свободных», но также страна «тайговорящих народностей», к которым относятся и шаны¹. Как бы то ни было, интерес к штату Шан спровоцировал дальнейшее развитие прямых связей между бангкокским опиумным рынком и торговцами нелегальным опиумом в горах пограничной Бирмы. К 1940-м гг., якобы для «усиления контроля над потоком контрабандного опиума из Бирмы», правительство Таиланда было «вынуждено» возобновить активные действия опиумной монополии и «лицензированных заведений», торгующих опиумом².

В начале 1940-х гг. таиландское правительство также пришло к решению освоить и адаптировать новый подход к вопросу опиума, предложенный британским советником при Министерстве финансов М. Делевинжером, а именно легализовать производство опиума в отдельных местностях Таиланда. Это решение было схоже с замыслом Китая поощрять культивирование мака в южных провинциях после Опиумных войн, чтобы снизить затраты на импорт сырого опиума из колониальной Индии и предотвратить его контрабанду. Теперь уже Таиланд обратил свои взоры на районы горного севера, где поселились народности, обладающие необходимыми знаниями и умением выращивать опиумный мак. Делевинжер предполагал, что помимо возможности получать дешевый опиум, выращивание мака горцами поможет снизить объем контрабандных поставок из Бирмы, а также позволит представителям этих меньшинств почувствовать себя «более вовлеченными в тайскую жизнь» и приведет к дальнейшей их интеграции в тайское общество³. Но хаос Второй мировой войны помешал полному выполнению планов, которым суждено было сбыться лишь после 1947 г. Тогда же мировое сообщество, признавшее опиум «безусловным злом», стало активно критиковать Таиланд, как единственную страну в Юго-Восточной Азии после краха там колониальных опиумных монополий, сохранявшую государственную монополию на опиум. В ответ на это в 1947 г. тайцы, не готовые отказаться стране в доходе от опиумной монополии, заявили, что опиум отныне будет разрешено выращивать только в горах северного региона Таиланда. Однако тотальный контроль над выращиванием и сбытом опиума в северном регионе оказался слишком сложной задачей для правительства, которое, приняв решение о легализации производства опиума на севере страны, стало невольно поощрять и дальнейшее развитие нелегальной торговли наркотиком в формирующемся в этих горных районах Золотом треугольнике.

¹ *Batson B. The Fall of the Phibun Government, 1944. Journal of Siam Society. Vol. 62, Part 2. Bangkok, July 1974. P. 91-92. Cited from McCoy A. Op. cit. P. 102.*

² *McCoy A. Op. cit. P. 103.*

³ *Renard R.D. Op.cit. P.321.*

Интересно, что это заявление тайского правительства побудило дальнейшую миграцию в северный Таиланд горцев из юга Китая, где они столкнулись с реалиями гражданского конфликта между коммунистами и армией Гоминьдана, что привело к расширению площадей полей опиумного мака, выращиваемого в Таиланде. Сам гражданский конфликт в Китае, разрешившийся в 1949 г. в пользу коммунистов, привел к массовому приходу в горные районы Юго-Восточной Азии отрядов потерпевшей поражение армии Гоминьдана. Фактически, именно армия Гоминьдана стала первой этнической наркоармией, взявшей под свой контроль весь наркотрафик в регионе, что ознаменовало начало формирования феномена Золотого треугольника в его современном понимании. Интересно, что в середине XX в. Таиланд оказался привлекателен Бирмы и «приютил» армейцев Гоминьдана, которые со временем создали на территории Таиланда ставку своей «героинового армии», процветавшей при содействии тайских чиновников, заключивших выгодный для себя союз с гоминьдановцами об их участии в патрулировании северных границ королевства и предотвращении образования связей между силами тайских, бирманских и китайских коммунистов.

Помимо беженцев из Китая, большое число беженцев лаху, лису, акха и других народностей пришли в Таиланд из горных бирманских штатов Шан, Карен и Кайя после Второй мировой войны, пытаясь избежать разрастающегося гражданского конфликта, мину которого заложили уходящие англичане-колонизаторы, пообещав населению этих штатов независимость от центральной Бирмы. Некоторые из этих народов четко помнят, когда и сколько опиума они продали таиландскому правительству¹. Легко предположить, что эти горцы поставляли опиум и на теневой рынок. Помимо этого, тайская армия, как и в случае с гоминьдановцами, стала предоставлять убежище, оружие и возможность сбыта опиума на теневом рынке новообразованными этническим армиям из Бирмы, особенно шанским партизанам, якобы боровшимся за отделение от центральной Бирмы. Убежище предоставлялось в обмен на помощь в патрулировании тайских границ военными отрядами этих группировок. Расположившиеся в горах севернее Чиангмая защищенные партизанские гарнизоны бирманских наркоармий постепенно стали обеспечивать всю сеть героиновой торговли Золотого треугольника.

Таким образом, описанные выше потоки переселенцев закрепили положение северного Таиланда как части Золотого треугольника, усилив его связи с бирманскими и китайскими (юньнаньскими) торговцами нелегальным опиумом и обнаружив потенциал к организации на территории королевства бесперебойного наркотрафика.

Именно в развитии отлаженной системы наркопроизводства и наркотрафика в Золотом треугольнике Таиланду активно «помогли» специальные службы и военные Франции и США, умело использовавшие местные условия и автохтонные силы и группировки для ведения своей игры против коммунизма в условиях Холодной войны. Важной опорой и прикрытием их действий стал конфликт во Вьетнаме и ведение Индокитайских войн, плацдармом для которых, в случае со спецслужбами США, стал именно Таиланд. Там велась своя борьба за власть, спонсируемая наркоторговлей, которая способствовала, при активном содействии США, организации главного тайского наркосиндиката в лице королевской полиции, закрепившей связи с китайскими триадами.

¹ *Geddes W.R. Migrants of the Mountains. Clarendon Press, Oxford, 1976. P.207.*

ТАЙСКИЕ КИТАЙЦЫ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В БАНГКОКЕ

Роль Таиланда как прифронтового государства во время Холодной войны повлияла на внутривластное развитие страны, где преступность оказалась тесно связана с политикой, секретными операциями и шпионажем. Помимо этого, иммигранты из Китая, поселившиеся в Таиланде (а именно они и принесли в Юго-Восточную Азию систему криминальных триад и наркодилеров), в отличие от тех, кто мигрировал в другие страны региона, были лучше других интегрированы в тайское общество, что особо важно для понимания организации тайской криминальной элиты и ее роли.

Большинство из первых тайских китайцев были родом из Фуцзяни и Гуандуна на юге Китая. Многие из них принадлежали к чаошаньской диаспоре, которой А. МакКой, по всей видимости, и приписывает образование могущественных азиатских наркосиндикатов «чиу чао» («chiu chau»)¹. Эти иммигранты были так влиятельны еще в Сиаме, что один из представителей чаошаньской диаспоры Таксин сумел провозгласить себя королем Сиамом после сожжения бирманцами древней сиамской столицы Аюттхы в 1767 г. и основать новую столицу в устье р. Чаопрайи, где сейчас и находится Бангкок². Однако подобное признание китайских иммигрантов местным населением было не всегда типично для Таиланда, что, в принципе, и подтверждает конец истории короля-самозванца, по некоторым легендам забитого палками по приказу предавшего его генерала-основателя новой сиамской династии.

В Таиланде середины XX в., когда начал развиваться Золотой треугольник, экстремальные антикитайские настроения были свойственны режиму фельдмаршала Пибунсонграма, отслужившего два срока на посту премьер-министра Таиланда с 1938 по 1944 гг. и с 1948 по 1957 гг. Он был ярким борцом против коммунизма и помощником ЦРУ в секретной операции по взаимодействию с армией Гоминьдана в Бирме. Его режим стал поворотным моментом в укреплении позиций Таиланда как участника наркоторговли. Во время Второй мировой войны Пибун вступил в союз с Японией. Однако после победы Мао Цзэдуна в Китае (1949 г.) помощь Пибуну в антикоммунистической борьбе была настолько необходима США, что страны Запада простили ему прошлую лояльность по отношению к фашистам. В Таиланде он хотел создать новое «тайское самосознание», а главным идеологом его концепции стал историк-диссидент Луанг Вичит Ватхакан, известный своей антикитайской риторикой, которую, как считается, он унаследовал еще от короля Вачиравууда (Рамы VI (1910-1925)), полемизировавшего на тему «евреев Азии» — китайцев — и «тайской бдительности». Сам Луанг Вичит в одной из своих лекций в Чулалонгкорском университете в 1938 г. высказал мнение, что «китайцы еще хуже евреев», а Таиланду давно пора принимать против них какие-то меры. Меры были приняты Пибунсонграмом, но не такие жесткие, как в случае с евреями в Европе, а направленные на полную ассимиляцию китайцев в Таиланде. Им пришлось взять тайские имена, был закрыт ряд китайских школ, а иммиграция из Китая была резко сокращена. Пибун считал, что тайские китайцы должны быть, в первую очередь, верны Таиланду, и в 1950-х гг. при поддержке властного шефа полиции Пхао Сианона, союзника ЦРУ и участника опиумной торговли, подорвал безраздельную власть китайских триад

¹ McCoy A. *Op. cit.* P. 276-282.

² Lintner B. *Blood Brothers. Crime, Business and Politics in Asia. Silkworm Books, Chiang Mai, 2002. P.235.*

в кругах бизнес-сообщества Бангкока. Таким образом, была образована новая структура бизнес-элиты, для которой стали свойственны «браки по расчету» между тайскими армейцами/бюрократами и китайскими олигархами. Лидерам старых китайских секретных обществ пришлось принять тайские имена и заговорить по-тайски. В народе их стали называть «чао пхо» или «крестными отцами». Они остались влиятельными фигурами в политике и бизнесе, но их власть ограничилась уровнем одного города или провинции, потому что Таиланд теперь отказался «терпеть национальные сети потенциально подрывных элементов в лице секретных китайских обществ»¹.

В тот период помощь Таиланда в американской секретной войне против китайских коммунистов, где широко использовались и доходы от наркоторговли в регионе, стала важным фактором. Но США опасались целиком положиться на премьер-министра Пибунсонграма из-за его экстремальных националистических взглядов. Поэтому генерал полиции Пхао, который, по словам А. МакКоя, напоминал «херувима с улыбкой чеширского кота»², казался им более легким в общении союзником. И именно он стал оказывать наибольшую поддержку силам Гоминьдана, организовавшим трафик опиума из Бирмы, в Таиланде. Влияние и связи генерала полиции Пхао превосходили во много раз даже силы главы тайской армии генерала Сарита Танарата, который, по сведениям Б. Линтнера, часто жаловался своим американским советникам, что транспортная «Корпорация снабжения обороны Юго-Восточной Азии» («Southeast Asia Defense Supply Corporation»), используемая ЦРУ для прикрытия своих операций в Таиланде, «не снабжала его таким же первоклассным оборудованием, как Пхао»³.

Генерал Пхао, в свою очередь, также установил тесные связи с прогоминьдановскими элементами в составе китайского бизнес-сообщества Бангкока, что способствовало обеспечению транзита наркотиков Гоминьдана через Таиланд. По сообщениям американского ученого В. Скиннера, среди них, например, был «один из самых влиятельных и богатых сторонников Гоминьдана китайской национальности в Бангкоке Тан Пияк Чин, известный под тайским именем Чин Сопхонпанит. Он был банкиром, ставшим членом одной из самых могущественных клик правящей элиты Таиланда. В определенном смысле он выступал в качестве банкира и бизнес-агента Пхао, чью позицию по разным вопросам он доносил до сведения китайских советов»⁴. В 1952 г. Чин и его сподвижники организовали Тайский финансовый синдикат, который участвовал в выдаче денежных кредитов, учете векселей, операциях с иностранной валютой, драгоценными металлами. Председателем правления этой компании стал сам генерал Пхао. «Такие браки по расчету между китайскими плутократами Бангкока и тайскими людьми в форме стали типичными для Таиланда: китайцы предоставляли деньги, а полиция и армия Таиланда обеспечивали им безопасность и статус в тайском обществе»⁵. Именно при посредничестве таких синдикатов, как утверждает Б. Линтнер, генерал Пхао смог наладить международную торговлю опиумом через Бангкок. В Чиангмае местные дилеры, ведущие свое про-

¹ *Lintner B. Op. cit. P.236.*

² *McCoy A. Op. cit. P. 136.*

³ *Lintner B. Op. cit. P.241.*

⁴ *Skinner W.G. Leadership and Power in the Chinese Community of Thailand. Cornell University Press, Ithaca, 1958. P. 99-100. Cited from Lintner B. Op. cit. P.241.*

⁵ *Ibid.*

исхождение из китайской провинции Юньнань, имели прямой доступ к опиумным караванам, проходившим через границу между Таиландом и Бирмой, и были ответственны за контрабанду опиума на тайскую территорию. В Бангкоке, в свою очередь, группы представителей чаошаньской диаспоры финансировали и контролировали основные партии наркотиков, направлявшихся на международный рынок: «Эти люди («чиу чао») спонсируют опиумную торговлю. В Бангкоке китайские финансисты «чиу чао» пользуются уважением как крупные предприниматели, занимающиеся легитимным бизнесом под тайскими именами и имеющие иммунитет против арестов и судебного преследования отчасти потому, что сами они редко сами прикасаются к наркотикам. Только члены чаошаньского секретного общества знают, как и когда происходит крупная сделка по продаже наркотиков и кто в ней участвует»¹.

Деловые отношения, развившиеся между юньнаньскими китайцами на севере Таиланда и чаошаньской диаспорой в Бангкоке, а также разные роли, выполняемые ими в наркоторговле, были предначертаны новейшей историей северного региона королевства. Социально-экономическая структура этого этнически пестрого региона была резко изменена фактом завершения строительства железнодорожного полотна, соединяющего Чиангмай и Бангкок, в 1920-х гг. С первым поездом, прибывшим в Чиангмай после более десяти лет тяжелого строительства дороги в горах севера страны, были связаны надежды короля Таиланда на установление более эффективного контроля за его северо-тайскими подданными. С этим же поездом из Бангкока прибыли тысячи китайцев, говоривших на чаошаньском диалекте. Имея связи с торговыми партнерами в Бангкоке и будучи известны под тайскими именами, они быстро взяли под свой контроль большую часть торговли в северном регионе Таиланда. Очередные перемены этнического характера произошли на севере Таиланда в связи с миграцией на эти территории большого количества жителей Юньнани, бежавших с гоминьдановцами после победы коммунистов в Китае и быстро наладившими связи с уже проживавшими в Таиланде земляками. Роль китайцев из Юньнани в наркоторговле Юго-Восточной Азии заканчивалась, в основном, в Чиангмае или, реже, в Бангкоке. Большие сделки на региональном и международном уровне находились в руках чаошаньской диаспоры.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И «БОРЬБА С НАРКОТИКАМИ» В ТАИЛАНДЕ

Чтобы не выпускать из поля зрения теневую сторону торговли чаошаньских китайцев и нейтрализовать возможность их дестабилизирующего влияния на ситуацию в Таиланде, тайской верхушке и стоящим за ней американским союзникам было необходимо убедиться, что справедливая доля прибыли тайских китайцев реинвестировалась в экономику страны. Человеком, контролировавшим эти процессы, изначально стал генерал Пхао. Он использовал силу мощной полицейской машины, черпая ресурсы из опиумной торговли с гоминьдановцами и участвуя в каждой фазе наркотрафика².

Острая борьба за контроль над этим прибыльным бизнесом в Таиланде вылилась в прямое противостояние генерала Пхао и его оппонента Сарита Танарата, взявшего власть в свои руки в сентябре 1957 (59) гг. в результате двух военных переворотов. Генералу Пхао пришлось бежать в Швейцарию, где он мог присматривать за сво-

¹ *Hearings. 100th Congress, 1st Session, US House Committee on Foreign Affairs, 30 June and 15 July 1987. P. 61. Cited from Lintner B. Op. cit. P. 243.*

² *Seagrave S. The Soong Dynasty. Sidgwick&Jackson, London, 1985. P. 62-63.*

им крупным банковским счетом, а его местный банкир Чин Сопхонпанит, представитель Банка Бангкока, также был изгнан из страны в Гонконг. Премьер-министр Пибунсонграм бежал в Камбоджу, а затем в Японию. В последующие шестнадцать лет Таиланд находился под управлением военной верхушки, которая поколебала власть полиции («самого крупного тайского наркосиндиката», по мнению современников¹), дав возможность развитию новой армейской элиты, в рядах которой примечательна фигура помощника Сарита фельдмаршала Прапхата Чарусатхиена, чьи «темные очки, маленькие усики и острые черты лица производили отталкивающее впечатление»². Произошедшим военным переворотам была характерна антикоммунистическая риторика и усилившиеся идеи необходимости совместной с США «защиты мира от коммунистического давления»³. Однако, как считает Б. Линтнер, настоящей причиной второго переворота 1959 г. была не усилившаяся угроза коммунизма, а скорее банкротство правительства. Так, несмотря на тесное сотрудничество между Пхао и Банком Бангкока в лице Чина, большая часть тайско-китайского бизнес-сообщества была отчуждена от участия в экономике страны антикитайскими настроениями бывшего премьер-министра Пибунсонграма. А Сарит Танарат, ставший премьер-министром в феврале 1959 г., обещал восстановить доверие между тайско-китайскими крупными предпринимателями и новым правительством. В новых условиях равновесие в тайской части Золотого треугольника, нарушенное в связи с изгнанием генерала Пхао, было быстро восстановлено агентурой ЦРУ, наладившей связи с фельдмаршалом Прапхатом, ставшим к тому времени министром внутренних дел (в ведении которого и находится тайская полиция), занявшим место Пхао. Именно Прапхат учредил новый аппарат безопасности на севере страны, который в начале 1960-х назывался Операционным командованием по борьбе с коммунизмом (Communist Suppression Operational Command), а затем стал известен как Операционное командование по делам внутренней безопасности (Internal Security Operational Command). Это командование занималось пограничным контролем, предоставляя этническим наркоармиям из Бирмы и последователям Гоминьдана возможность строительства своих баз вдоль тайландо-бирманской границы, а также возможность доступа на тайскую территорию, взамен участия в патрулировании границ и помощь в борьбе с коммунистами.

Несмотря на вовлеченность правительственной верхушки и военных офицеров в наркобизнес и наркотрафик, в связи с изменением отношения к опиуму в мире, а также распространением наркозависимости в стране, новое правительство Сарита пришло к решению о принятии декрета об устранении 52-х-летней Королевской опиумной монополии. Тайландское правительство понимало, что в условиях нового времени Таиланду необходимо сделать опиум нелегальным, с чем к 1950 г. уже сумел справиться Китай. Новый этап подготовки резолюции о запрете курения и продажи опиума начался еще в 1955 г., но был приостановлен из-за возражений Министерства финансов, которое утверждало, что страна понесет от этого огромные убытки. Все же в 1958 г. правительство Революционной партии фельдмаршала Сарита Танарата опубликовало декларацию партии № 37 об устранении курения опиу-

¹ Morell D., and Samudavanija Ch. *Political Conflict in Thailand: Reform, Reaction, Revolution*. Oegeschangler, Gun& Hain Publishers, Cambridge, 1981. P. 50. Cited from Lintner B. *Op. cit.* P. 245.

² McCoy A. *Op. cit.* P. 63.

³ *Ibid.*

ма и его продажи в Таиланде. В 1959 г. вышел официальный указ о запрете опиума, а 1 июля этого же года на площади Луанг («Санам Луанг») в Бангкоке под руководством самого фельдмаршала произошла «церемония показательного сожжения наркотиков». Опиум был отменен, но коррупция, связанная с трафиком наркотиков из Золотого треугольника через территорию Таиланда к морскому побережью продолжала процветать, а население и наркодельцы переориентировались на героин. «Во время крестового похода против угрозы коммунизма в Азии страны Запада позаботились о том, чтобы никакие силы не смогли расстроить установившийся наркоторяжок в Таиланде»¹.

На официальном уровне, в условиях лихорадочных поисков противодействия распространению героина и других веществ, вызывающих зависимость, 19–23 января 1960 г. произошла встреча представителей стран Интерпола в г. Лахор, Пакистан, где рассматривались возможные пути государственного контроля за наркоторяжком. Страны-участницы пришли к выводу, что на уровне каждого государства следует создать особый орган, отвечающий за проведение операций по искоренению наркотиков и предотвращению их попадания в массы. Следуя этим рекомендациям, правительство Таиланда впервые учредило Центральную комиссию по борьбе с наркотиками (Narcotics Control Board) в апреле 1961 г.

Несмотря на то что Центральная комиссия была создана в соответствии с резолюцией кабинета министров, никаких законов, подтверждающих ее полномочия, издано не было. Таким образом, комиссия была вынуждена прекращать функционировать с каждой сменой правительства, проводящего ее реорганизацию, которые часто менялись в результате военных переворотов вплоть до 1991 г. Это, соответственно, негативно отражалось на эффективности работы комиссии, которая не справлялась с поставленными задачами. Рост производства опиума продолжался, огромные площади полей засеивались опиумным маком не только в Бирме (и Лаосе), но отчасти и в самом Таиланде. В определенной степени конец путанице положил Указ о контроле за наркотиками (Narcotics Control Act), изданный в 1976 г., на основании которого Комиссия по борьбе с наркотиками стала регулярно выполнять свои функции.

В рамках борьбы с наркотиками таиландское правительство пришло к выводу о необходимости радикального сокращения количества выращиваемого опиума в северном регионе страны, который входил в состав образовавшегося Золотого треугольника. Для этого были нужны четко сформулированные законы, выработанная стратегия и налаженное действие организаций на центральном и региональном уровне. В Таиланде в 1970–х гг. оформился и был принят долгосрочный политический курс касательно проблем горного региона севера, где выращивание мака было единственным источником доходов многих национальных меньшинств. Правительством было принято, в общем, правильное решение начать бороться с проблемой тайского опиума у самых ее корней — крестьянских хозяйств горных народностей. Создание Комиссии по борьбе с наркотиками было частью этой программы. Она была нацелена на предоставление социальных и развивающих услуг горцам, на стабилизацию их места жительства и хозяйствования, на то, чтобы разубедить их выращивать опиумный мак и заменить его другими культурами, на то, чтобы остановить разрушение источников воды и леса, на разрешение проблем безопасности вдоль приграничных районов с Бирмой и Лаосом. В контексте настоящей политической программы ко-

¹ *Lintner B. Op. cit. P. 246.*

ролевское тайское правительство использовало подход «кнута и пряника», то есть, с одной стороны, правительством предлагался пакет социальных услуг и развивающихся мероприятий для горцев, а с другой стороны, назначались жесткие карательные меры за несоблюдение предписаний правительства. Изначально Департамент народного благосостояния был уполномочен вести работу по развитию и предоставлению социальных услуг, в то время как в ведение Департамента сельского хозяйства было вверено создание станций выращивания кофейных зерен, а также проведение других сельскохозяйственных экспериментов. Армия и Патрульная пограничная служба были привлечены к подавлению повстанческих проблем и искоренению выращивания опиумного мака, вместе с предоставлением социальных услуг горным племенам, таких как установка бетонных водохранилищ для орошения полей и т.д. Первый широкомасштабный проект развития горного региона был инициирован Его Величеством еще в 1969 г. По сообщениям Р. Ренарда, занимавшегося исследованием истории борьбы с опиумом в Таиланде совместно с Международной программой ООН по контролю над наркотиками (UNDCP), в результате предпринятых усилий количество гектаров, засеваемых семенами опиумного мака в Таиланде, действительно сократилось с 12 тыс. га в 1961/62 гг. до 330 га в 1999/2000 гг.¹

Однако меры по искоренению выращивания опиума горцами на севере страны мало дополнялись более широкими мерами по предотвращению коррупции, связанной с организацией наркотрафика по всей территории Таиланда. Поэтому Таиланд в 1970-х-1980-х гг. и даже 1990-х гг., с готовностью мирившийся и даже стимулирующий развитие путей транзита наркотиков через свою территорию, сыграл ключевую роль в развитии Золотого треугольника как мирового производителя героина и других наркотиков. Несмотря на усилия, предпринимаемые национальными и международными агентствами по борьбе с наркотиками, экспорт наркотиков из Юго-Восточной Азии продолжал расти. Как пишет А. МакКой, «синдикаты «чиу чао», вытесненные из Гонконга, Манилы, Сингапура и Малайзии проведением в жизнь строгих законов, нашли теплое пристанище в Таиланде, где они имели возможность использовать свои старые связи с полицией для расширения операционных возможностей»². Однако транзит наркотиков через Таиланд продолжался еще и потому, что этот бизнес отвечал стратегическим и финансовым потребностям тайской военной верхушки и армии на протяжении идеологической Холодной войны в Юго-Восточной Азии. Интересно, что после демократической революции в октябре 1973(76) гг. Таиланд надеялся, что новое гражданское правительство сможет ограничить вовлечение армейских кругов в наркоторговлю. Действительно, новый премьер-министр Тханин Крайвичиен инициировал программу борьбы с наркотиками и коррупцией, но был свергнут очередным военным переворотом во главе с генералом Криангсаком, который, по сообщениям «Вашингтон Пост», «предположительно был давно связан с наркоторговлей»³. Однако военный кабинет премьер-министра Криангсака, не выдержав давления со стороны модернизируемого тайского общества, прошедшего процесс экономической трансформации, был вынужден уйти в отставку в 1980 г. Следующий премьер-министр, генерал Прем Тинсуланон (которого назначило коалиционное пра-

¹ Renard R. *Opium Reduction in Thailand 1970-2000. A Thirty-Year Journey/ UNDCP. Sipkorm Books, Bangkok, 2001. P. 36.*

² McCoy A. *Op. cit. P. 411.*

³ Washington Post, February 6, 1978. *Cited from Ibid. P. 416.*

вительство, стараясь не обидеть военные круги в его составе) ранее не имел связей с опиумной торговлей и разработал план атаки на базу наркобарона Кхун Сы и его шанской армии на севере Таиланда, потому что присутствие Кхун Сы на территории страны сводило на нет все предыдущие усилия королевства по борьбе с наркотиками. Однако даже после вытеснения базы наркобарона обратно на территорию Бирмы, Кхун Са сохранил за собой дом в северотайском городе Мэхонгсон и даже собственность в районе дороги Сукхумвит в Бангкоке. О тайцах Кхун Са отзывался с насмешкой: «Если ты готов их кормить, они вполне дружелюбны. Зачем им избавляться от собственного денежного дерева?»¹

Все же правление премьер-министра Према ознаменовалось либерализацией тайской экономики, а приход следующего главы правительства Чатчая Чунхавана, которому Прем передал пост в 1988 г., ознаменовался триумфом бизнес-групп над военными. Финансовая база правительства, установленная еще Криангсаком, основанная на доходах от наркоторговли, «поблекла» перед богатыми ресурсами бизнес-лидеров, таких как Чатчай, которых поддерживали крупные бангкокские банки. Как пишет А. МакКой, «деньги от продажи наркотиков до сих пор играли важную роль в тайской политике, но необходимость в них резко снизилась в период экономического бума Таиланда 1980-х гг.»². Политические и экономические изменения, произошедшие в Таиланде, отразились и на наркоторговле Золотого треугольника. Государственным департаментом США сообщалось, что вскоре после прихода Према к власти «некоторые пути трафика стали избегать территории Таиланда», а «бирманские повстанцы были вынуждены перенести свои лаборатории вглубь Бирмы подальше от тайских пограничных патрулей». {...} «К 1989 г. союз между Верховным командованием Таиланда и наркоармиями был фактически расторгнут за ненадобностью в связи с близким окончанием Холодной войны и исчезновением угрозы коммунизма, а транзитный трафик через Таиланд стал полагаться на продажных офицеров полиции среднего звена вместо коррупции на уровне кабинета министров»³.

Изменения в наркоторговле Таиланда, пришедшие с окончанием Холодной войны, отмечает и журналист Б. Линтнер, утверждая, что в связи со своеобразным смещением наркокоррупции с министерского уровня на уровень рядовых офицеров королевской полиции, видные «чао пхо» или «крестные отцы» чаошаньской диаспоры Таиланда также «ушли» из организованной наркоторговли, сконцентрировав свое внимание на игорном бизнесе, «благотворительных матчах по тайскому боксу», на развитии рынка недвижимости и индустрии развлечений. Аккумулировав и здесь большое состояние, они остались влиятельными игроками в политике, поддерживая определенных кандидатов на выборах и обладая необходимыми ресурсами для покупки нужного числа голосов и обеспечения победы своего кандидата⁴. Все же некоторые финансисты китайско-тайских синдикатов продолжили оставаться за кулисами трафика наркотиков в Таиланде⁵.

¹ Goodden Ch. *Around Lan-Na. A Guide to Thailand's Northern Border Region. Jungle Books, Halesworth. 1999. P. 131.*

² McCoy A. *Op. cit. P. 421.*

³ *Ibid. P.421.*

⁴ Lintner B. *Op. cit. P. 250.*

⁵ McCoy A. *Op. cit. P. 421.*

**ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ТАКСИН И НОВАЯ ЭПОХА ПЕРЕВОРОТОВ
В ТАИЛАНДЕ**

В условиях становления нового, более искушенного и модернизированного тайского общества влияние «чао пхо» и связанная с этим коррупция во власти стали вызывать все большее недовольство, которое вылилось в последний в XX в. военный переворот февраля 1991 г. В этом году было свергнуто правительство Чатчая (за распространяемую коррупцию и злоупотребление государственными средствами) и инициирована компания, призванная убедить «чао пхо» вкладывать свои «черные доходы» в легитимный бизнес. В течение более десяти лет после 1991 г. внутривнутриполитическая ситуация в Таиланде оставалась относительно стабильной. Но стабильность оказалась зыбкой и была прервана громким переворотом 2006 г., когда был свергнут премьер-министр Таксин Чинават, вследствие чего тайское общество раскололось на «красных» и «желтых», а цветное революционное движение захватило Бангкок.

Десятилетие внутривнутриполитического «мира» в Таиланде после 1991 г. совпало со временем обострения отношений с Бирмой на северной границе. Следует вспомнить, что после добровольной сдачи оружия бирманским наркобароном Кхун Сой в 1996 г. и распадом его шанской Армии монг тай, соперник шанов в наркотрафике — Объединенная армия штата Ва — стала набирать силу и получила поддержку бирманского правительства, которое, в целях обеспечения безопасности Рангуна от последователей шанских повстанцев, разрешило продвижение армии штата Ва к границе с Таиландом. Так, к началу XXI в. Объединенная армия штата Ва взяла под свой контроль большую часть приграничной территории и, по мнению многих исследователей, стала лидером в производстве не только героина, но и нового вида синтетических наркотиков Золотого треугольника — метамфетаминов («йаба»), заполонивших к тому времени Таиланд и другие страны Золотого треугольника.

В районах Таиланда, а именно Чиангмае и Чианграе, оказавшихся в непосредственной близости от подконтрольной армии Ва территории, из-за распространившейся наркопреступности и стычек между тайско-бирманскими наркодельцами (в результате которых нередко погибали местные горцы и другие жители) в конце 1990-х гг. был введен комендантский час. Местные СМИ и армия оказывали давление на центральное правительство Чуана Ликпая о полном закрытии границы с Бирмой. В результате чего тайская армия в союзе с армейцами США предприняла интересный маневр — в провинции Чиангмай была создана совместная американо-тайская «Оперативная группа 399» (Task Force 399), в задачи которой официально входило улучшение координации между силами тайской полиции, патрульной службы и солдатами региона 3-й армии в проведении операций ночного наблюдения, а также создание центров наркореконструкции на базе некоторых военных лагерей. Настоящей же целью была демонстрация военной силы на границе с Бирмой. Бирманским и китайским правительствами присутствием более сотни американских военных у своих границ было воспринято как прямая угроза, и отношения Таиланда с Бирмой особо обострились. Тайские же военные и организации по борьбе с наркотиками считали выполнение миссии «Оперативной группы 399» вполне успешной, ведь количество наркотиков, поступающих в Таиланд через район Чиангмая, значительно сократилось. Однако ограничение преступной деятельности в одном районе вызвало, по сведениям тайских правоохранительных органов, «эффект воздушного шара» и перенос этой деятельности в другие районы. Так, подразделения Объединенной армии Ва, согласно тайским разведывательным данным, с 2001 г. стали перенаправлять

наркотики, ранее поступавшие через северную границу Таиланда, в районы, прилегающие к тайским провинциям Так и Канчанабури, расширив, таким образом, территорию Золотого наркотriangle до западного региона Таиланда. Также были сообщения, что новые лаборатории были построены на лаосской стороне р. Меконг, но быстро уничтожены правительством Вьентьяна¹.

Администрация Таксина Чинавата, пришедшая к власти после выборов 2001 г., изменила отношения армейских кругов Таиланда, поддерживаемых военными агентами США, к решению проблем наркотрафика и пограничных отношений с Бирмой. Теперь, как пишет тайский исследователь Д. Патхан, «им пришлось проглотить горькую пилюлю и выполнять строгие приказы политических лидеров, сосредоточенных на улучшении отношений с Бирмой любой ценой»².

Действительно, политической курс администрации Таксина подразумевал расширение экономических связей в рамках АСЕАНа и программы АСЕАН+Китай, где улучшению официальных отношений с соседней Бирмой (Мьянмой) придавалось особое значение. В конституции нового правительства партии «Тхай рак тхай» («Тайцы любят тайцев») во главе с Таксином был предложен новый «суровый подход» и к «чао пхо» — представителям крупного бизнеса, принадлежащего тайским китайцам, оказывающим огромное влияние на политическую ситуацию в стране, которые «относились к политике как бизнесу, а не долгу перед нацией»³. Суровый и весьма противоречивый подход был избран Таксином и в отношении проблемы наркотиков в Таиланде. Согласно стратегии «Действуй и думай по-новому» правящей партии Таксина борьба с проблемой наркотиков в стране была одним из приоритетов правительства, а правительственным организациям Таиланда было приказано составить список имен чиновников, подозреваемых в причастности к нелегальной торговле. Таксин обещал обсудить вопрос наркоторговли напрямую с Рангуном, а также обратиться за помощью к Китаю, ближайшему союзнику военного правительства Бирмы, в этом начинании. Однако одной из ошибок Таксина, как считает Д. Патхан, был «его отказ признать бирманскую хунту ответственной за многие действия Объединенной наркоармии Ва и других про-рангунских этнических армий, обвиняемых в наводнении Таиланда миллионами таблеток метамфетаминов»⁴. Согласно докладом Института развития Таиланда, к 2003 г. 5% шестидесятимиллионного населения страны регулярно потребляли метамфетамины, распространившиеся не только среди «усталых» студентов и водителей-дальнобойщиков, но и других масс населения, включая рабочих и молодежь.

В предыдущие десятилетия проблема нелегальной опиумной/героиновой торговли и наркомании рассматривалась многими в Таиланде как «внешняя проблема», в которой Таиланд играл лишь роль транзитного узла⁵. Но в начале XXI в. Таиланд из центра транзита превратился в одного из основных потребителей метамфетаминов. Тогда в феврале 2003 г. Таксином была объявлена тотальная «война с наркотиками», а три месяца спустя ее результатом стали 2598 человек убитых

¹ *Pathan D. Thailand's War on Drugs // Jelsma M., Kramer T., Vervest P. ed. Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Silksworm Books, Chiang Mai, 2005. P. 110.*

² *Ibid. P. 110*

³ *Crispin Sh. Twilight of a Godfather/ Bangkok Post, 22 December, 2000.*

⁴ *Pathan D. Op. cit. P. 117.*

⁵ เกษมศักดิ์ จุโนนยาง. ผีนั่งเขอ. ไทยรัฐ. ปีที่ 57 ฉบับ 17758 วันจันทร์ที่ 4 กันยายน 2549 / Тюнонаян Кр. Еще много опиума. «Тхай рат». Выпуск 57. 4 сентября 2006.

без суда и следствия, в особенности на севере страны. Безусловно, не все из них были вовлечены в наркоторговлю настолько, чтобы их смерть могла кардинально повлиять на поток наркотиков в стране. В докладе правозащитной организации «Хьюмэн Райтс Вотч» («Human Rights Watch») за 2004 г. сообщалось, что «во время войны с наркотиками в Таиланде высшие эшелоны власти страны поощряли насилие и дискриминацию против любого, кто подозревался в связях с нелегальной наркоторговлей. Изначально премьер-министр Таксин обозначил свое стремление выделить категорию «наркоманов», которых следовало рассматривать в качестве «жертв» или «пациентов», и категорию «наркоторговцев», которые заслуживали сурового наказания. Но на практике и те, и другие стали мишенью спонсируемых государством убийств и жестокого обращения»¹. По некоторым данным, среди убитых были даже дети². Количество смертей в этой «войне» вызвало вопросы об ответственности правительства, побудило решительное осуждение разных групп по защите прав человека, высших эшелонов власти США и ЕС. Таиландское правительство настаивало, что все смерти, кроме примерно тридцати, произошли в результате «убийства одних плохих парней другими плохими парнями» или что все «мишени», по словам самого Таксина, «заслуживали смерти»³. Даже сам король Таиланда Рама IX два дня спустя после провозглашения окончания тайской войны с наркотиками в декабре 2003 г. во время ежегодной речи в честь своего дня рождения говорил об ответственности правительства за смерти в этой войне и необходимость разъяснения народу Таиланда и международному сообществу, как такое могло произойти. Но на самом деле ситуация осложнялась еще и тем, что двусторонние отношения с США, в результате произошедшего кровопролития, находились под угрозой, так как согласно американской «поправке Ли» (Leahy amendment) к Акту об оказании помощи иностранным военным в борьбе с наркотиками, введенной в 1997 г., правительству США было запрещено предоставлять финансовую или техническую помощь структурам, ответственным за проведение в жизнь внесудебных расправ. Действительно, правительство США высказало свою озабоченность этим вопросом, а в докладе Государственного департамента США за март 2004 г. сообщалось, что правительство Таиланда не смогло «провести должного расследования и привлечь к ответственности лиц, совершивших такие нарушения». Все это лишь заставило премьер-министра Таксина назвать США «бесполезным другом» и даже дать обещание вскоре начать новую национальную войну с наркотиками⁴.

В свете демонстрации силы и красноречия премьер-министром Таксином, китаецем по происхождению, придерживающимся курса на экономическое сближение с Китаем и Бирмой, а также в свете сообщений о «цветных революциях» по всему миру, остается только задаваться вопросом о том, кто мог стоять за военным переворотом в Таиланде 2006 г., свергнувшим очень противоречивого, но достаточно популярного Таксина, кроме королевской армии и недовольных кругов крупного бизнеса «чао пхо»?

¹ Lintner B., and Black M. *Merchants of Madness. The Methamphetamine Explosion in the Golden Triangle*. Silkworm Books, Chiang Mai, 2009. P. 6.

² *Ibid.* P. 7.

³ ปราบ พิศุทธิ์เศรษฐการ. *ทักษิณบนเวทีเอเชียและโลก : รวมสุนทรพจน์สำคัญของ พ.ต.ท.ดร.ทักษิณ ชินวัตร. กรุงเทพฯ : มติชน, 2547 / Пхиситхасетхикан Пр. Таксин в Азии и во всем мире: важные речи Таксина. Матичхон, Бангкок, 2004. С. 136.*

⁴ Pathan D. *Op. cit.* P. 122.

На самом деле идея провозглашения жесткой борьбы с участниками наркоторговли на территории самого королевства, в общем, имела свои основания в связи с подтверждением фактов о распространенной коррупции среди армейцев, полиции и других государственных служащих, существовавшей на протяжении всей истории Таиланда как участника наркоторговли. Но вопрос можно ли оправдать использование метода физического уничтожения всех, кто попал в черные списки, составленные теми же правительственными чиновниками, остается открытым. Кроме того, коррупция, в том числе и наркокоррупция, в Таиланде — проблема более сложная, чем видится в глазах иностранных обозревателей. П. Пхонгпайчит и С. Пириярангсан, ведущие тайские исследователи, занимавшиеся вопросами коррупции в Таиланде, выделяют не один, а несколько уровней коррупции, с некоторыми из которых тайское общество согласно мириться — к ним относятся и подарки, и денежные конверты для чиновников. Но, как пишут П. Пхонгпайчит и С. Пириярангсан, в реальной жизни без этих взяток офицеру полиции, получающему в среднем 10 тыс. батов (300 долларов) в месяц, сложно отвечать требованиям структуры: полицейским ниже ранга старшего сержанта приходится самим покупать оружие (от 600 долларов за ствол), мотоциклы, которых часто не хватает на всех офицеров, униформу. Авторы также утверждают, что, получив повышение от вышестоящих органов, офицер не обязательно автоматически получает пересчитанную этими же органами более высокую заработную плату, а согласно старой системе, он часто должен «сам искать способы ее увеличения путем удержания части налогов и требования платы за расширившийся ряд оказываемых им услуг на новом посту. В случае богатой «выручки», он должен делиться ей с вышестоящими чинами, а иначе он может быть смещен с поста и отправлен на службу в другую провинцию»¹. В армии, по сведениям тайских авторов, пирамида коррупции перевернута: деньги, отмываемые генералами в обязательных сделках по приобретению вооружений для вооруженных сил страны, используются для подкупа нижестоящих чинов, чья поддержка при конкуренции разных армейских фракций необходима этим генералам. В таких условиях борьба с угрозой метамфетаминов (САР) и других наркотиков в стране превратилась в источник доходов: искушение брать взятки велико, и, отказавшись остановить очередную партию наркотиков, офицер полиции может, например, заработать сумму, превышающую несколько его ежемесячных окладов за один день. Отказ принимать взятку может вызвать нежелательную реакцию у наркоторговцев, у высших чинов. Согласно Б. Линтнеру, агенты, работающие на границе между Таиландом и Бирмой должны меняться каждый год, потому что «даже самые честные полицейские сдаются под их напором»².

В результате война с наркотиками Таксина Чинавата, все же ставшая причиной временных, но значительных перебоев в наркоторговле Золотого треугольника (в Таиланде количество захваченных таблеток метамфетаминов сократилось с 71.5 тыс. в 2003 г. до 15.4 тыс. в 2005 г.), не имела долгосрочного эффекта. Отчасти еще и потому, что она никак не затронула крупных наркобаронов, пришедших на смену Кхун Се, например, братьев Вей и Бао — королей синтетических наркотиков, находящихся в Бирме. Сначала они переориентировались на новые рынки в Лаосе, Камбодже и Вьетнаме, а затем благополучно вернулись на улицы Бангкока, Чиангмая и других

¹ *Phongpaichit O., Piriyaarangsana S. and Treerat N. Guns Girls Gambling Ganja: Thailand's Illegal Economy. Silkworm Books, Chiang Mai, 1998. P. 86.*

² *Lintner B., and Black M. Op. cit. P. 105.*

тайских городов. В июне 2008 г. полиция севера страны отметила увеличение масштабов контрабанды наркотиков, а в газете «Бангкок Пост» сообщалось, что «наркомаркет оживился из-за неблагоприятных экономических условий в стране, особенно инфляции, заставивших ряд торговцев обратиться к нелегальному бизнесу»¹.

Упоминание о бирманских наркобаронах возвращает нас к распространенной мысли о том, что, какие бы внутренние войны с наркотиками не разыгрывались в Таиланде, ситуация в соседней Бирме, где грубо нарушаются права человека, а надежды на демократизацию и примирение нации без участия внешних сил достаточно малы, имеет неистощаемые ресурсы для постоянной «ревитализации» наркоторговли в Золотом треугольнике. Подобная точка зрения прослеживается во всех интервью, проведенных автором во время учебной стажировки в Чуалонгкорском университете Таиланда (октябрь 2008 — сентябрь 2009), за время которой были также проведены исследования и полевые наблюдения непосредственно в тайской части Золотого треугольника. Результаты интервью с офицерами пограничного контроля Таиланда и королевской тайской полиции в районах города Мэсот и Мэсай провинций Так и Чианграй, где находятся так называемые официальные «мосты дружбы» между Таиландом и Бирмой, показали, что тайские службы хорошо осведомлены о трафике наркотиков в этих районах.

Капитан пограничной службы провинции Так Бантид Сихадод описывал эту провинцию не только как центр транзита наркотиков, но еще и как одну из точек их хранения: «Отсюда наркотики нелегально поставляются в Бангкок. У нас три операционных отдела в районе Мэсота. Представители нашей организации работают на границе. Контрабанда наркотиков происходит на реке Моэй: река очень узкая, поэтому ее легко пересечь. Наркоторговцы встречаются на нейтральной зоне р. Моэй и покупают/продают наркотики. Эта зона — своеобразный «7-eleven»² для наркоторговцев и покупателей: она открыта 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Контрабандисты обычно стоят на одном берегу реки, не пересекая границы с Таиландом, и ждут своих посредников, с которыми они предварительно связались по телефону, или покупателей из местной молодежи. При себе они хранят оружие, не только пистолеты, но и бомбы, которые они могут применить, если наши офицеры попытаются воспрепятствовать сделке». Однако воспрепятствовать сделке они не имеют права, потому что, как утверждает офицер тайской полиции г. Мэсот, «полицейские бессильны в пограничной с Бирмой "нейтральной зоне". Здесь они не имеют права пользоваться своими полномочиями. Наркоторговцы это знают, отсюда все проблемы»³.

Важно также, что, согласно полученным тайским оперативным данным на границе, в отличие от распространенного в академических источниках мнения о полной ответственности Объединенной армии штата Ва за всю контрабанду вдоль таиландо-бирманской границы⁴, основной группировкой, «контролирующей трафик нар-

¹ Wechsler M. *Dangerous Duo or Why Wei Remains Untouchable. The Hong Pang Group. Bangkok Post, July 6, 2008.*

² *Сеть круглосуточных магазинов в Азии, Америке и Европе.*

³ Пугачева Е.В. *Роль международного фактора в процессе организации и развития Золотого треугольника: северный Таиланд (середина XX — начало XXI вв.). Магистерская диссертация. Спб., 2010. С. 141 (Интервью 1).*

⁴ ดาว เขียวหา. *ชนชาติว่าและปัญหายาเสพติด. กรุงเทพฯ : สถาบันเอเชียศึกษา จุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2547 // Чиангва Д. Ва и проблема наркотиков. Изд-во ун-та им. Чуалонгкорна, 2004, Бангкок. С. 48.*

котиков, к примеру, через границу в провинции Так, выступают каренские солдаты из Демократической буддийской армии каренов (ДКВА)»¹. Основными курьерами наркотиков через границу выступают не представители вышесказанных этнических армий, а местные горные племена, проживающие за гранью бедности в этих районах, которые знают все глухие места в лесах, покрывающий горный хребет, разделяющий две страны. «Сеть контактов у контрабандистов налажена хорошо, на тайской стороне ими часто выступают представители народности (х)монг, которые имеют многочисленные связи с армией каренов и другими племенами, оставшимися в Бирме»². На вопрос, заданный капитану полиции Сурасаку Салисану в г. Мэсай провинции Чианграй о распространенных способах транспортировки наркотиков курьерами, автором был получен весьма детализированный ответ: «Иногда груз с наркотиками просто перебрасывается через узкую часть реки (р. Пинг) с бирманской стороны на территорию Таиланда. Иногда наркотики прячутся в подошве обуви и складах одежды. Строение женского организма позволяет курьерам-женщинам безопасно переносить в себе наркотики, запечатанные в презерватив. Досмотр курьеров-женщин осложняется тем, что офицеры мужского пола их досматривать не могут»³. Казалось бы, почему горцы севера Таиланда, где на протяжении более тридцати лет работают программы развития, направленные на улучшение их благосостояния и экономическое развитие их деревень⁴, продолжают рисковать, участвуя в наркоторговле, если не в качестве земледельцев, выращивающих опиум, то в качестве курьеров? Полевые наблюдения в северном Таиланде и встречи с различными организациями, созданными горными племенами и для них, показали, что, как и в случае с борьбой против наркотиков, борьба за улучшение уровня жизни горцев и их социального статуса в Таиланде имеет много ограничений, к которым относятся отсутствие гражданства, образования, незнание языка и многое другое. Как пояснил лидер Фонда племени акха в г. Чианграй, «горцы просто очень бедны и стараются заработать на жизнь»⁵. Что касается племени (х)монгов, по всей видимости, выступающих главными курьерами на границах Золотого треугольника, они, по мнению автора, имеют своего рода преимущество над другими племенами в наркоторговле: во-первых, достаточно долгую историю организованного участия в секретных войнах ЦРУ и их наркооперациях, а также разветвленную сеть контактов с их родственниками в США, переселенными туда после победы коммунистов в Лаосе, с родственниками, оставшимися в Китае, и другими горными меньшинствами, которые, согласно выводам предыдущих исследовательских работ автора, находятся ниже в иерархии малых народностей в горах треугольника. Интересно, что, по-мнению представительницы племени акха, работающей ведущей программы для горцев на королевской военной радиостанции 914, «в Таиланде ситуация во время правления премьер-министра Таксина была гораздо лучше. Таксин пресек незаконный оборот наркотиков, и горцы боялись участвовать в наркоторговле. Сейчас они осмелели, и количество наркотиков снова увеличивается»⁶.

¹ Пугачева Е.В. Указ. соч. С. 143 (Интервью 2).

² Там же.

³ Пугачева Е.В. Указ. соч. С. 146 (Интервью 3).

⁴ Например, королевский проект развития в районе Дой Тунг, где опиум был успешно заменен другими культурами, а на вершине горы Тунг был разбит королевский сад имени матери-королевы и организовано несколько фабрик по выращиванию орхидей, создавших дополнительные рабочие места для горцев.

⁵ Пугачева Е.В. Указ. соч. С. 152 (Интервью 5).

⁶ Пугачева Е.В. Указ. соч. С.153 (Интервью 6).

Таким образом, находится еще одно подтверждение тому, что война с наркотиками Таксина Чинавата в чем-то была успешной. Однако можно согласиться и с выводом о том, что война была «хороша лишь для внутреннего потребления», потому что, как мы видим, в горах Золотого треугольника, где стираются границы между государствами, феномен наркоторговли продолжает подтверждать свое колоссальное умение приспособляться к новым условиям.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ И НАРКОБИЗНЕС В СОВРЕМЕННОМ ТАИЛАНДЕ

Критики Таксина называют его «войну с наркотиками» «быстрым и кровавым способом получить голоса в свою пользу без решения других важных вопросов, таких как проблема бедности, образования, социальной мобильности и проблем пограничных отношений между Таиландом и Бирмой»¹. Возможно, это и так. Но в смещении Таксина с поста премьер-министра и серии последовавших акций протеста автору видится не только внутренняя борьба за власть в Таиланде, а стоящая за ней борьба за влияние и власть между внешними акторами в регионе, каковыми на сегодняшний день, в первую очередь, выступают США, имеющие достаточно долгую историю решения геополитических задач посредством влияния на региональные наркорынки, и Китай, заинтересованный в экономической и политической экспансии в прилегающих странах Юго-Восточной Азии. Наркорынок Золотого треугольника, по всей видимости, может являться необходимым плацдармом для дестабилизации азиатского геополитического противника США — Китая.

В условиях борьбы за региональное влияние из всех стран Юго-Восточной Азии именно Вьетнам, по мнению профессора В.Н. Колотова, можно рассматривать как ключевую страну в регионе не только в силу его близости и исторических связей с Китаем, но из-за его стратегического положения вдоль центральных торговых путей Азии, а также из-за возможностей разработки огромных запасов нефти в Южно-Китайском море, за острова которого ведутся горячие споры между самим Китаем, Вьетнамом и другими азиатскими странами. «Совершенно очевидно, что разумное использование фактора Вьетнама может либо ускорить, либо затруднить стратегическое развитие Китая в южном направлении»². Сам Вьетнам, как известно, участвует в наркоторговле Золотого треугольника, где, на протяжении всей истории феномена, прослеживается очевидное влияние США. Это наводит на мысль о существовании разных возможностей использования фактора Вьетнама американскими спецслужбами. Действительно, именно здесь, в горах северо-западного Вьетнама, которые можно рассматривать как часть Золотого треугольника, согласно В.Н. Колотову, США уже сегодня активно спонсируют развитие этнорелигиозного конфликта, используя своих давних «союзников» — народность (х)монг, выращивающих опийный мак во Вьетнаме и Лаосе³.

¹ Pathan D. *Op. cit.* P. 122.

² Kolotov V.N. *Main Trends of Russia's Foreign Policy in Transforming East and Southeast Asia. Brookings Northeast Asia Commentary № 18, April 2008. Retrieved from: http://www.brookings.edu/opinions/2008/04_asia_kolotov.aspx?p=1 (12.04.2010)*

³ Колотов В.Н. *Этнорелигиозные сообщества во Вьетнаме в контексте системы региональной безопасности (история, современность) // Проблемы современной Азии: история, конфликты, геополитика. Под ред. Колотова В.Н. Изд-во С.-Петербург. Ун-та, СПб. 2009.*

В Лаосе, Бирме (Мьянме) и Таиланде, по сообщениям газеты «Бангкок пост», где было размещено интервью с генералом полиции Крисна Поланантом, наблюдается тенденция к увеличению выращивания опиийного мака горцами: «На севере Таиланда выращивание опиийного мака пока остается на уровне прошлого года (288 г. за 2009 г.), но у нас появилась информация о том, что фермеры планируют увеличить посадки в связи с ростом цен на опиум. Та же ситуация происходит в Мьянме и Лаосе. Производство опиума увеличивается»¹. «В Юго-Восточной Азии прогресс в деле сокращения производства опиума находится под угрозой»², — подтверждается сообщение бангкокской газеты на официальном сайте Управления ООН по наркотикам и преступности за 2009 г. Выходит, угроза этнорелигиозного конфликта во Вьетнаме совпадает во времени с угрозой восстановления крупномасштабного производства опиума в Золотом треугольнике, который производил лишь от 5 до 15%³ мировых опиатов в первом десятилетии XXI в.

В этой ситуации сам Таиланд, целиком охваченный чередой то угасающих, то вновь разгорающихся «желтых» и «красных» антиправительственных выступлений, по словам генерала полиции Крисны, столкнулся с проблемой массового притока наркотиков не только из соседних стран, но также ввезенных контрабандным путем из Ближнего Востока: «Начиная с прошлого года (2009 г.) было произведено много арестов наркоторговцев, провозивших «ICE»⁴. Это в основном иранцы, которые прибывают прямыми рейсами из Дубая, Ирана и Турции в аэропорт Суварнабхуми Бангкока. {...} Помимо этого, пакистанцы контрабандой привозят в Бангкок героин из Золотого полумесяца. Другая проблема в Бангкоке — западно-африканские криминальные синдикаты, которые нанимают лаосских, малазийских, филиппинских и тайских женщин в качестве курьеров латиноамериканского кокаина, предназначенного для сбыта не в Таиланде, где рынок кокаина мал, а в других странах Тихоокеанского бассейна. Эти курьеры прилетают из Аргентины в Куала-Лумпур, Бангкок или аэропорты Камбоджи, откуда наземным или воздушным транспортом попадают в Таиланд. Представители западно-африканских стран также вовлечены в контрабанду героина (при участии курьеров-женщин) из Индии и Пакистана в Малайзию и Бангкок»⁵. Интересно, что многие западно-африканские наркоторговцы, согласно наблюдениям автора во время учебной стажировки в Бангкоке, имеют легальное прикрытие своему бизнесу в районе Бангкока Нана (который считается африканским и арабским кварталом), где находится много швейных мастерских, обувных магазинов и пунктов обмена валюты (с самым высоким валютным курсом в столице), принадлежащих хозяевам арабского или африканского происхождения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «цветная революция», где за красной и желтой оппозициями стоят, по всей видимости, влиятельные кукловоды в лице соревнующихся мировых держав, недаром охватила Таиланд именно в этот

¹ Wechsler M. *Tracking Down the Traffickers. Bangkok Post. 18 April 2010. Retrieved from: <http://www.bangkokpost.com/news/investigation/36254/tracking-down-the-traffickers> (12.04.2010)*

² *United Nations Office on Drugs and Crime, South East Asia/ official website: <http://www.unodc.org/eastasiaandpacific/en/2009/02/opium-poppo-cultivation-in-sea/story.html> (12.04.2010)*

³ *Ibid.*

⁴ *ICE — вид метамфетаминов.*

⁵ Wechsler M. *Op. cit. Retrieved from: <http://www.bangkokpost.com/news/investigation/36254/tracking-down-the-traffickers> (12.04.2010)*

период, отвлекая его от намеченного «таксиновского» курса на сближение с Китаем и соседними странами, происходившим, возможно, в ущерб отношениям с США, а также от жесткой борьбы с наркотиками. В настоящий момент политическая обстановка в Таиланде вполне благоприятствует дальнейшему функционированию наркогруппировок в стране и развитию наркотрафика. Участие Таиланда в Золотом треугольнике можно считать геополитически обусловленным, а политические потрясения и слабая центральная власть могут лишь способствовать расширению трафика и углублению влияния международного фактора на страну.

Подводя итог, важно отметить следующее: в Таиланде наркобизнес влияет определенным образом на принятие большинства политических решений как на уровне местных администраций в пограничных районах, где чиновники «бюрются» с выращиванием и контрабандой опиума и других наркотиков и связанными с этим социальными проблемами, так на уровне центральной государственной власти, ответственной за принятие сложных решений «против» или «в пользу» наркотрафика, так и на уровне региональной политики государства и его отношений с соседними странами. Помимо этого, наркобизнес — важная карта в руках крупных игроков на мировой геополитической арене, а Таиланд, как главная страна транзита наркотиков в Юго-Восточной Азии, непременно оказывается в сфере их интересов и связанных с этим международных политических решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на английском языке

- Geddes W.R. Migrants of the Mountains. Clarendon Press, Oxford, 1976
- Goodden Ch. Around Lan-Na. A Guide to Thailand's Northern Border Region. Halesworth: Jungle Books, 1999
- Kolotov V.N. Main Trends of Russia's Foreign Policy in Transforming East and Southeast Asia. Brookings Northeast Asia Commentary №18, April 2008 Retrieved from: http://www.brookings.edu/opinions/2008/04_asia_kolotov.aspx?p=1
- Lintner B. Blood Brothers. Crime, Business and Politics in Asia. Silksworm Books, Chiang Mai, 2002
- Lintner B., and Black M. Merchants of Madness. The Methamphetamine Explosion in the Golden Triangle. Silksworm Books, Chiang Mai, 2009
- McCoy A. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade. Lawrence Hills Books, Chicago, 2003
- Pathan D. Thailand's War on Drugs // Jelsma M., Kramer T., Vervest P. ed. Trouble in the Triangle: Opium and Conflict in Burma. Silksworm Books, Chiang Mai, 2005
- Phongpaichit O., Piriya-rangsana S. and Treerat N. Guns Girls Gambling Ganja: Thailand's Illegal Economy. Silksworm Books, Chiang Mai, 1998
- Renard R.D. The Making of a Problem: Narcotics in Southeast Asia // ed. D. McCaskill. Development or Domestication. Silksworm Books, Chiang Mai, 1997
- Renard R. Opium Reduction in Thailand. 1970-2000. A Thirty-year Journey. UNDCP, Silksworm Books, Bangkok, 2001
- Seagrave S. The Soong Dynasty. Sidgwick&Jackson, London, 1985
- Trocki C. Opium, Empire and the Global Political Economy. A Study of the Asian Opium Trade. 1750-1950. Routledge, London&New York, 1999
- Wickberg E. The Chinese in Philippine Life 1850-1898. Yale University Press, New Heaven&London, 1965

Литература на русском языке

- Колотов В.Н. Этнорелигиозные сообщества во Вьетнаме в контексте системы региональной безопасности (история, современность) // Проблемы современной Азии: история, конфликты, геополитика. Под ред. Колотова В.Н. Изд-во С.-Петерб. Ун-та, СПб, 2009
- Пугачева Е.В. Роль международного фактора в процессе организации и развития Золотого треугольника: северный Таиланд (середина XX – начало XXI вв.). Магистерская диссертация. СПб., 2010

Литература на тайском языке

- กฎหมาย สันธิสัญญา และข้อตกลงเกี่ยวกับการป้องกันและปราบปรามยาเสพติดของประเทศไทย. กรุงเทพฯ: สำนักงานคณะกรรมการป้องกันและปราบปรามยาเสพติด, 2544/ Международные правила и соглашения по борьбе с наркотиками. Бангкок: Управление по борьбе с наркотиками, 2001
- ดาว เขียว และเจีย แยนจอน. ขนชาติว่าและภัยยาเสพติด. กรุงเทพฯ: สถาบันเอเชียศึกษา จุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2547/ Чиаंगва Д. Ва и проблема наркотиков. Изд-во ун-та им. Чула-лонгкорна, Бангкок, 2004

Периодические издания

- Crispin Sh. Twilight of a Godfather. Bangkok Post, 22 December, 2000
- Wechsler M. Dangerous Duo or Why Wei Remains Untouchable. The Hong Pang Group. Bangkok Post, July 6, 2008
- Wechsler M. Tracking Down the Traffickers. Bangkok Post. 18 April 2010
- เกรียงศักดิ์ จนวนินยาง. ฟันยังเอยะ. ไทยรัฐ. ปีที่ 57 ฉบับ 17758 วันจันทร์ที่ 4 กันยายน 2549/ Тюнонаян Кр. Еще много опиума. Тхай рат. Выпуск 57.Номер 17758. 4 сентября 2006
- ปราณ พิสิฐเศรษฐการ. ทักษิณบนเวทีเอเชียและดลก: รวมสุนทรพจน์สำคัญของ พ. ด. ท. ดร. ทักษิณ ชินวัตร. กรุงเทพฯ: มติชน, 2547/ Пхиситхасетхикан Пр. Таксин в Азии и во всем мире: важные речи Таксина. Матичхон, 2004

Ресурсы интернета

- Office of the Narcotics Control Board, Thailand. Official website: www.oncb.go.th
- United Nations Office on Drugs and Crime, Southeast Asia. Official website: www.unodc.org/eastasiaandpacific/en/2009/02/opium-poppy-cultivation-in-sea/story.html

А.И. Пылева

РОЛЬ ДВУСТОРОННИХ КОНТАКТОВ ФРАНЦИИ И КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЕС И АСЕАН

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМАТИКА ТЕМЫ

За длительную историю развития контактов между Францией и Королевством Таиланд в жизни двух государств произошло множество перемен, случались кризисы и потрясения, последствия которых меняли облик стран, влияли на международное положение. История двусторонних отношений Франции и Королевства Таиланд явилась откликом на тонкую взаимосвязь геополитических интересов и внутривнутриполитического развития государств. Сегодня эта взаимосвязь представляется особенно важной, учитывая новую расстановку сил в мировой политике, возрастающую роль такой сверхдержавы как Китай и её влияния в регионах Восточной и Юго-Восточной Азии.

В данном контексте особенно интересно проследить развитие отношений между двумя странами в рамках диалога Европейского союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, учитывая то, что Франция и Таиланд играют важные роли в данных организациях, являясь их ведущими экономическими и политическими представителями. Таким образом, развитие дипломатических, политических, экономических и культурно-гуманитарных отношений между Францией и Королевством Таиланд в современности рассматривается автором и с точки зрения объективной роли этих контактов в развитии диалога ЕС и АСЕАН.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ ФРАНЦИИ И КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД (СИАМ)

Отношения между государствами начали развиваться с XVII столетия — в 1684 и 1686 гг. во Францию прибыли две сиамские дипломатические миссии, которые были приняты королём Людовиком XIV в Версале. После этого французские посольства часто приезжали в Королевство Сиам, ко двору короля Нарая¹. Двусторонние связи Франции и Сиама в XVII веке представляют собой одну из наиболее ярких страниц истории отношений Таиланда с западными державами. Именно в XVII столетии особенно активно расширяется влияние Франции в Юго-Восточной Азии. В Сиаме Франция стремилась утвердить это влияние особыми средствами — в частности основанием Общества Парижских иностранных миссий (*La Société des Missions Etrangères de Paris*) в 1659-1662 гг. — в противовес португальской католической миссии. Деятельность Общества способствовала образованию в Сиаме фактории Французской Ост-Индской компании, попытке католизации страны (основание в Аютии религиозного учебного заведения — Семинарии Св. Жозефа), стараниям обратить в католическую веру её монарха, налаживанию дипломатических и торговых контактов и, в конечном счёте, — попытке взятия Сиама под французский протекторат путём использования любых средств, вплоть до военной экспансии. События XVII века придали импульс развитию двусторонних контактов, и основные направления этих отношений сохранились долгое время — до окончания Первой мировой войны.

¹ *Король Нарай, гг. правления — 1657 — 1688.*

В XIX веке, с заключением в 1856 г. соответствующего договора, отношения между Францией и Королевством Сиам получили статус дипломатических. Первым официальным французским послом в Королевстве Сиам стал граф Кастельно. В 2006 г. обе страны отмечали 150-летие установления дипломатических отношений.

В конце XIX столетия Франция и Сиам переживают острый и конфликтный период развития двусторонних контактов — из-за колониальных притязаний Франции в регионе. Одним из самых критических моментов стал инцидент «Пак Нам» в 1893 г. — когда французский флот вошёл в устье реки Менам, и угроза французского колониального захвата стала для Сиама реальной. Однако, во многом благодаря дипломатическому посредничеству и поддержке Российской империи, конфликт удалось потушить, и Королевство Сиам сохранило свою независимость, став единственным государством в Юго-Восточной Азии, которому удалось избежать участи быть колонией какой-либо из европейских держав. В дальнейшем французо-сиамские отношения продолжали развиваться в более мирном и дружественном ключе. Король-реформатор Сиама Рама V Чулалонгкорн¹ дважды посетил Францию с официальным визитом — в 1897 и 1907 гг.

Во время Первой мировой войны Сиам принимал сторону Антанты. Сиамское правительство даже отправило во Францию экспедиционный корпус солдат. В 1918 г. некоторые из сиамских военных принимали участие в торжественном военном параде на Елисейских полях.

В период между двумя мировыми войнами Франция и Сиам развивают двусторонние отношения — к официальному характеру политических и дипломатических контактов добавилось и военное сотрудничество. Интересно, что будущий король Сиама, Рама VII Прачатипок², был соучеником генерала Шарля де Голля в Особой военной школе Сен-Сир (École spéciale militaire de Saint-Cyr). Также во Францию приезжают учиться молодые сиамцы — в основном отпрыски аристократических фамилий и члены королевской семьи. Многие из них впоследствии стали видными политическими деятелями у себя на родине.

Во время Второй мировой войны, в сентябре 1940 — мае 1941 гг. в отношениях Франции и Таиланда³ снова наступает критический момент. Зоной столкновения интересов стал Французский Индокитай. В ходе войны Таиланд принял сторону Японии, и тайландские войска захватили провинции Сеам Реап и Баттамбанг в западной части Камбоджи и часть Лаоса. В ответ на эти действия французские военные силы затопили корабли тайландского флота у берегов острова Ко Чанг. Конфликт был исчерпан лишь с заключением мирного договора в Токио 9 мая 1941 г. По окончании Второй мировой войны двусторонние отношения вновь приняли сугубо мирный характер. В 1960 г. король Таиланда Рама IX Пхумипон Адульядет и его супруга королева Сирикит посетили Францию с официальным визитом.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕС И АСЕАН

Сотрудничество Европейского союза и организации АСЕАН в политическом и экономическом плане является очень важным как для стран Европы, так и для стран Юго-Восточной Азии.

¹ Рама V Чулалонгкорн, король Сиама, гг. правления — 1868 — 1910.

² Рама VII Прачатипок, король Сиама, гг. правления — 1925 — 1935.

³ С 1939 г. Королевство Сиам стало именоваться Королевством Таиланд.

Исследователь проблемы развития современных отношений между Европейским союзом и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии, Йорн Досх (Jörn Dosch), подчёркивает, что «Именно глобальный, а не региональный подход является главной чертой развития современных международных отношений. ... Политический и экономический «треугольник» XXI столетия включает в себя Северную Америку, Западную Европу и Восточную Азию»¹. Отношения между ЕС и АСЕАН рассматриваются исследователем как связующая линия углов этого треугольника.

АСЕАН включает в себя страны, чьё население насчитывает 598 миллионов человек, а общий валовой внутренний продукт составляет 2,06 триллионов долларов США². Один из тайландских аналитиков, занимающийся отношениями ЕС и АСЕАН, Панитан Ваттанаягон (Panitan Wattanayagorn) отмечает: «На сегодняшний момент Юго-Восточная Азия — это регион, который населяет более 500 миллионов человек, а его общая территория достигает 4,5 миллионов квадратных километров. Сегодня это не только часть мира, политическую обстановку которой можно назвать относительно стабильной, но и один из самых динамично развивающихся регионов. Даже несмотря на азиатский экономический кризис 1997 г., экономическая успешность региона ЮВА остаётся поистине выдающейся»³. Поэтому очевидно, что многие государства мира стремятся расширять и углублять сотрудничество со странами АСЕАН. В 1980 г. Европа разработала порядок отношений с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, а с 1994 г. значительно активизировала свою деятельность и упрочила присутствие в регионе.

Расширение и укрепление взаимовыгодного сотрудничества между странами Европейского союза и АСЕАН представляется немаловажным и ещё по одной причине: «Если страны АСЕАН не будут проявлять большую активность в развитии контактов с Европой, то какие же тогда альтернативы? Ведь очевидно, что страны АСЕАН стремятся к снижению их зависимости от США и увеличению самостоятельного влияния в международном сообществе. США желали бы прямо противоположного. Европейцам в свою очередь стоит задуматься о том, что они многое потеряют, если откажутся от активного сотрудничества со странами региона, который столь динамично развивается и обладает большим потенциалом. Обе стороны, как Европа, так и Юго-Восточная Азия, заинтересованы в мирной и стабильной политической обстановке в странах АСЕАН — в первую очередь для дальнейшего успешного экономического сотрудничества»⁴. Таким образом, развитие политических и экономи-

¹ Jörn Dosch. *The ASEAN-EU relations: an emerging pillar of the new international order? // Asia – Europe on the Eve of the 21st century. Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 58.*

² *Asean's diversity: Asset or liability? URL: <http://www.bangkokpost.com/news/local/290123/asean-diversity-asset-or-liability> (дата обращения: 02.06.2012).*

³ Panitan Wattanayagorn. *Security issues in ASEAN: prospects for cooperation with the EU. // Asia — Europe on the Eve of the 21st century. Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 74.*

⁴ Panitan Wattanayagorn. *Security issues in ASEAN: prospects for cooperation with the EU. // Asia — Europe on the Eve of the 21st century. Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at*

ческих отношений между ведущими представителями организаций имеет большое значение и в геополитическом контексте.

Одной из самых значительных сторон сотрудничества ЕС и АСЕАН является экономическая сфера. ЕС развивает партнерские отношения с АСЕАН в собственно экономической области (торговля и инвестиции) и по вопросам, связанным с «всемирным управлением» (окружающая среда, изменение климата, правовое государство). Экономическое и финансовое присутствие ЕС в АСЕАН очень значительно. «Страны ЕС являются вторыми или в крайнем случае третьими по значению торговыми партнёрами стран АСЕАН. Среди стран — торговых партнёров ЕС страны Ассоциации занимают пятое место после США, Канады, Швейцарии и Японии. В течение периода 1980-1996 гг. торговый оборот между ЕС и АСЕАН возрос на 470% (экспорт стран Европейского союза в страны АСЕАН вырос на 546%, а экспорт стран АСЕАН в страны ЕС — на 412 %). При этом не стоит забывать, что ещё пару десятилетий назад, в начале 1980-х гг. уровень взаимного торгового оборота между государствами этих организаций был очень и очень низок»¹. Таким образом, АСЕАН привлекательна для стран ЕС не только со стороны взаимовыгодного экономического сотрудничества, которое осуществляется сегодня, но и как регион с большим экономическим потенциалом и высокими темпами динамики развития в будущем.

В 2007 г. в развитии контактов ЕС и АСЕАН наступает новый виток. На саммите АСЕАН в Сингапуре 18-22 ноября 2007 г. в ознаменование 30-летия отношений ЕС и АСЕАН² и 40-летия существования АСЕАН была подписана двусторонняя Декларация, в которой особое внимание уделялось развитию сотрудничества по региональным проблемам (в частности, по бирманской проблеме), торговому сотрудничеству стран-членов организаций — в том числе на региональном уровне («region-to-region approach»)³, вопросам защиты прав иностранцев, работающих в странах ЕС и АСЕАН, а также вопросам изменения климата на Земле, охраны окружающей среды, борьбы с международным терроризмом.

В ходе саммита был подписан План действий по усилению сотрудничества ЕС-АСЕАН в рамках Декларации, принятой на 16-й встрече глав внешнеполитических ведомств стран Азии и Европы⁴ в Нюрнберге в марте 2007 г., под совместным председательством глав МИД Германии и Камбоджи.

Однако существует точка зрения, что странам ЕС и АСЕАН для более плодотворного и успешного сотрудничества стоит уделять большее внимание административной стороне укрепления отношений: «База контактов ЕС и АСЕАН должна быть более документированной, в том случае если страны этих организаций хотят, чтобы значение их сотрудничества в международных отношениях сохраняло прежний вес и не уმაлялось. Речь идёт о дополнительном разрабатывании всевозможных норм, протоколов, правил и соглашений. На сегодняшний момент это сложная задача —

Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 93.

¹ Jörn Dosch. *Op. cit.* P. 62 — 63.

² Основой отношений между ЕС и АСЕАН является Соглашение о сотрудничестве от 7 марта 1980 г.

³ Joint Declaration of the ASEAN-EU Commemorative Summit, Singapore, 22 November 2007. URL: <http://www.aseansec.org/21120.htm> (дата обращения: 05.02.2012).

⁴ Asia-Europe Meeting — ASEM. Первый саммит ASEM состоялся в Бангкоке в 1996 г.

из-за бирманской проблемы. Также на встречах глав министерств иностранных дел стран-участниц ЕС и АСЕАН стоит больше внимания уделять конструктивному решению проблем, а не теоретизированию»¹.

Таким образом, можно заключить, что экономическое и геополитическое сотрудничество ЕС и АСЕАН очень важны. Во-первых потому, что регион Юго-Восточной Азии имеет большой и постоянно растущий экономический потенциал, и заявляет о себе как крупная и влиятельная политическая и военная сила в макрорегионе Восточной Азии, имеющая значительные перспективы дальнейшего роста в экономическом, политическом и военном плане. Прочные политические, экономические и военные позиции стран ЕС во всех регионах мира, и в частности в Восточной Азии, открывают возможности для взаимовыгодного сотрудничества и укрепления уже собственных позиций для стран АСЕАН. Такое взаимовыгодное сотрудничество представляет для государств обеих международных организаций привлекательную альтернативу тому влиянию, которое со времени окончания Второй мировой войны приобрели и стремятся сохранять и усиливать в Тихоокеанском регионе США.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАНЦИИ И КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ЕС И АСЕАН

Франция является одной из самых влиятельных стран Европейского союза, и её авторитет играет немаловажную роль в развитии отношений Европы и Азии в целом. Например, именно под председательством Франции в Европейском союзе в 2000 г. был разработан план действий ЕС в отношении Северной Кореи, на основании которого Евросоюз может развивать сотрудничество с этим государством.

Ещё одна из инициатив Франции заключалась в том, что, при поддержке Сингапура, французская сторона смогла убедить Европу и Азию в необходимости создания АСЕМ (ASEM) — форума, который начал работу в 1996 г. и объединил в своем составе 25 стран Европы и Азии, а также Европейскую комиссию. Франция принимает активное участие в целом ряде проектов форума, направленных как на развитие политического диалога с Азией, так и на укрепление экономических, торговых и финансовых связей между Европейским союзом и АСЕАН. Королевство Таиланд в свою очередь является одной из стран-основательниц АСЕАН и занимает в этой организации влиятельное положение. Между Францией и Королевством Таиланд ведётся активное экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество, которое оказывает значительное влияние на развитие отношений Франции с другими странами АСЕАН и придаёт дополнительный стимул развитию контактов Европейского союза с государствами ЮВА.

С начала 2000-х гг. дипломатическое и политическое сотрудничество Франции и Королевства Таиланд переживает новый подъём. В мае 2003 г. премьер-министр Таиланда Таксин Чинават прибывает во Францию с официальным визитом. Таксин Чинават обозначил Францию в качестве «стратегического партнёра Таилан-

¹ Jörn Dosch. *The ASEAN-EU relations: an emerging pillar of the new international order? // Asia – Europe on the Eve of the 21st century. Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 66.*

да в Европе»¹. В свою очередь президент Французской Республики Жак Ширак определил Таиланд как «ключевую страну в регионе»². 25 мая 2004 г. в Париже министры иностранных дел обеих стран (Мишель Барнье и Суракиат Сатхиратхай) подписали план общих скоординированных действий государств в рамках двустороннего сотрудничества. Договор был обновлён в 2008 г.

В феврале 2006 г. состоялся официальный визит президента Французской Республики Жака Ширака в Королевство Таиланд. Жак Ширак предложил ратифицировать со стороны Франции Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, подписанный в феврале 1976 г. Дипломатическое признание значения и влияния организации АСЕАН ведущим страной-представителем Европейского союза является важной вехой в развитии отношений контактов ЕС и Ассоциации.

Во время визита президента Франции в Таиланд обе страны договорились развивать двустороннее сотрудничество не только в политической сфере, но и в области региональной безопасности и по программам развития третьих стран, в особенности Лаоса и Камбоджи. Таким образом, развивая отношения с Таиландом, Франция поддерживает и укрепляет контакты с другими странами АСЕАН. Также было принято решение интенсивно развивать торговое партнёрство Франции и Королевства Таиланд и реализовывать новые совместные финансовые проекты.

Несмотря на то, что политические и дипломатические отношения между Францией и Королевством Таиланд непрерывно развиваются, последствия государственного переворота 19 сентября 2006 г. в Таиланде и нестабильность внутренней политической обстановки в стране в 2008-2010 гг. представляют одну из сложностей на пути этого развития, оказывая отрицательное влияние на ситуацию в регионе в целом и, в конечном итоге, являясь известным препятствием для полноценного экономического сотрудничества стран Европы и ЮВА. Ведь страны ЕС и АСЕАН в первую очередь заинтересованы именно в экономическом партнёрстве. Сглаживание противоречий во внутренней политической ситуации Таиланда напрямую связано с экономическим благосостоянием этой страны и её активности во внешней торговле. В то же время, именно экономическое процветание региона являются главным залогом мира и политической стабильности в странах Азии и конструктивного участия ЮВА в международных отношениях. То есть, если финансовое положение Таиланда резко ухудшится, то противоречия во внутренней политической ситуации усугубятся, наряду с пограничными конфликтами. Поэтому стремление стабилизировать политическую обстановку в Таиланде представляется важным для дальнейшего развития французо-тайландских отношений и соответственно для контактов между другими странами Европейского союза и странами АСЕАН — соседями Королевства.

Конечно, Франция как участница ЕС была озабочена тем, чтобы изменения во внутренней политической ситуации Таиланда проходили мирным, демократическим и конституционным путём. Поэтому французские наблюдатели пристально следили за ходом референдума в Таиланде и принятием новой конституции в декабре 2007 г.

Примечательно, что после переворота 2006 г. французская общественность и пресса активно обсуждали и анализировали события в Таиланде. 21 сентября 2006 г. в газете «Le Figaro» (рубрика «Opinions») публикуется статья, посвящённая

¹ *Présentation historique*. URL: <http://www.ambafrance-th.org/Presentation-historique> (дата обращения: 05.02.1012).

² *Ibid.*

событиям государственного переворота. Автор, Пьер Русселен (Pierre Rousselin), даёт статье название «Таиланд: король, исключительный случай демократии». В материале автор предлагает описание недавних событий в Таиланде с добавлением личных аналитических комментариев и размышлений о необыкновенно авторитетной фигуре монарха в этой стране. 9 октября 2006 г. в «Le Figaro», в рубрике «International» появляется репортаж под названием «Таиланд на пути стабилизации политической обстановки», посвящённый правительству нового премьер-министра Таиланда Сурают Чуланона и вопросу о военном положении в стране, объявленном сразу после переворота. Издание «Courrier International» 23 марта 2006 г. в разделе «Eclairage» («Точка зрения») помещает статью автора Кристиан Шамо (Christian Chameau) с изложением событий политической жизни страны периода с 1997 г. по февраль 2006 г., когда премьер-министр Таксин Чинават находился у власти, и подробным очерком его политической и общественной деятельности. В ноябре 2006 г. в «Le Monde diplomatique» появляется статья авторов Андре и Луи Бокур (André et Louis Baucourd) под названием «Таиланд: крах миллионера, ставшего политиком». Как следует из названия статьи, это подробный пересказ биографии экс-премьер-министра Таиланда Таксин Чинавата, должно быть, самой неоднозначной политической фигуры Юго-Восточной Азии на сегодняшний момент. В «Le Figaro» автор Флоранс Компэн (Florence Compain) также обращалась к теме переворота в Таиланде в сентябре 2006 г. В статье «Военная хунта навредила таиландской демократии» автор предлагает вниманию читателя небольшой экскурс в историю переворотов в Таиланде в двадцатом веке и рассказ о новых политических потрясениях в этой стране. Журналист приводит авторитетные мнения по поводу свершившихся событий, например, высказывания экс-министра иностранных дел Таиланда Сурина Питсувана (Surin Pitsuwan) и авторов книги «Таиланд: свобода без демократии» Чай-Анан Самудаविда (Chai-Anan Samudavija) и Сукхумбанд Парибатра (Sukhumband Paribatra). 5 января 2007 г. в «Le Nouvel Observateur», в рубрике «Opinions», появляется статья «Таксин хотел создать государство-предприятие», авторства Бруно Биролли (Bruno Birolli). В статье журналист даёт ответы на импровизированные вопросы, например: был ли предсказуем переворот сентября 2006 г., какова роль армии в Таиланде после смены стольких военных режимов, каким образом политический кризис в Таиланде вписывается в общую обстановку в регионе и т.д. И, наконец, в этом же издании 2 апреля 2007 г. можно было прочесть статью Пьера Кеффелека (Pierre Queffelec) под названием «Новый премьер-министр старается сгладить углы обострившейся ситуации. Пока тштно». В статье говорится о политике премьер-министра Таиланда Сурают Чуланона, сменившего на посту Таксин Чинавата после его отставки. Статья написана с достаточной долей авторского сочувствия к действиям нового правительства.

Однако, как известно, политический кризис в Таиланде возобновился в 2008 г. и в некоторой степени продолжается до сих пор. Более того, некоторые недавние события в Таиланде спровоцировали определённые сложности в механизме слаженной работы стран-участниц АСЕАН. Неприятным инцидентом явился срыв встреч на высшем уровне по линии саммита АСЕАН 10-12 апреля 2009 г., которые должны были проходить в таиландском курортном городе Паттайя (провинция Чонбури) — в 2009 г. Таиланд был принимающей страной 14 и 15 саммитов АСЕАН. Весной 2009 г. в Бангкоке возобновились массовые антиправительственные демонстрации с требованиями отставки кабинета министров Таиланда. Протесты оппозиции ожидалось в районе Паттайи. На фоне продолжающихся в Таиланде массовых антиправительственных

выступлений власти объявили о том, что встречи по саммиту перенесены на неопределенный срок. В Паттайе и прилегающей к нему провинции Чонбури было введено чрезвычайное положение с целью обеспечить безопасность отъезжающих лидеров стран-партнеров Таиланда. Лишь со временем ситуация вокруг гостиницы «Ройял Клифф», где должны были проходить встречи, постепенно нормализовалась. После эвакуации участников саммита АСЕАН в Паттайе был отменен режим чрезвычайного положения, но уже 12 апреля 2009 г. произошла очередная вспышка насилия — на этот раз в Бангкоке.

Несмотря на то, что политическая нестабильность в Таиланде продолжается не первый год, Франция и Таиланд по-прежнему развивают политический диалог. В июне 2010 г. министр иностранных дел Таиланда Касит Пиромья (Kasit Piromya) посетил Францию с официальным визитом, и 21 июня состоялась его встреча с французским министром иностранных дел Бернаром Кушнером. Важно, что в ходе этой встречи сторонами обсуждались противоречия и сложности в развитии современной внутренней политической ситуации в Таиланде. И несмотря на эти сложности и противоречия, в 2006 г. Франция и Таиланд торжественно отметили 150-летие установления дипломатических отношений. А 12 декабря 2008 г. в честь празднования новой годовщины в Бангкоке состоялся почётный приём, на котором присутствовала Её Высочество принцесса Таиланда Маха Чакри Сириндон и принцесса Таиланда Сириваннавари Нариратана. Приём был приурочен также к ознаменованию председательства Франции среди стран ЕС в Таиланде в 2009 г.

Таким образом, политические деятели высшего ранга обеих стран, как Франции так и Таиланда, неизменно подчёркивают важность стратегического характера двусторонних отношений для интересов и укрепления своих позиций в Европе и Таиланде соответственно. Кроме того, ведущие политические представители обоих государств сознают важность двустороннего сотрудничества в независимости от всех перипетий и политических изменений (политический кризис в Таиланде 2008-2010 гг.) и экономических потрясений как глобального (мировой экономический кризис 2008 г.), так и регионального характера (азиатский экономический кризис 1997 г.). Кроме того, стоит отметить, что отношения Франции и Таиланда имеют давнюю и драматическую историю. Этот момент можно обозначить как одну из причин современного взаимного интереса этих государств — ведь у истоков истории двусторонних отношений, с эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени, для Франции представлялось чрезвычайно значительным укрепление позиций в Королевстве Сиам — стране, которая уже тогда занимала исключительно важное стратегическое положение в Юго-Восточной Азии, ведь через Сиам проходили многие основные пути международной торговли.

СОТРУДНИЧЕСТВО ФРАНЦИИ И КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД ПО РЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, ПОГРАНИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ЕС И АСЕАН

Развивающиеся контакты между странами оказывают влияние и на отношения Франции и стран ЕС с другими государствами Юго-Восточной Азии, особенно в отношении региональных проблем. Намечается тенденция совместного участия Франции и Таиланда в поисках решения таких проблем в рамках контактов ЕС и АСЕАН.

С 12 по 14 марта 2009 г. Таиланд посетила государственный секретарь по делам внешней политики и правам человека во Франции Рама Яде (Mme Rama Yade, Secrétaire d'Etat chargée des Affaires étrangères et des droits de l'Homme). Этот визит имел особое значение также и потому, что в 2009 г. Таиланд исполнял обязанности страны-председателя АСЕАН. В ходе визита Рама Яде встретила с таиландским министром иностранных дел, посетила реабилитационный центр жертв насилия в Бан Кретракане (Baan Kredtrakarn) и госпиталь в Чианг Мае для больных СПИДОМ и носителей ВИЧ. Важно заметить, что этот таиландский госпиталь является также одним из центров, где Французский исследовательский институт по вопросам развития (Institut de recherche pour le développement) проводит изыскания по проблеме передаче вируса от матери ребёнку.

Также Рама Яде посетила лагерь, в котором живут более 20 тысяч бирманских беженцев. Лагерь расположен на севере Таиланда в Бан Май Най Сои (Ban Mai Nai Soi). По сообщениям официального Интернет — сайта посольства Франции в Королевстве Таиланд, основная цель посещения Рама Яде лагеря — придание нового стимула сотрудничеству таиландского правительства и организаций, помогающих бирманским беженцам, среди которых первой по значению является Европейский союз.

Визит Рама Яде в Таиланд и её внимание к проблеме бирманских беженцев в Таиланде особенно важны потому, что бирманская проблема является одной из главных трудностей на пути развития контактов между Европейским союзом и АСЕАН. По материалам официального Интернет-сайта Информационного центра Европейского Союза EU-i в Институте Европы РАН — «ЕС резко возражает против распространения действия Соглашения 1980 г. на Бирму, выражая обеспокоенность в связи с происходящими в стране нарушениями прав человека и принципов демократии. С 1997 г. в связи с вступлением Бирмы в АСЕАН политический диалог ЕС-АСЕАН был приостановлен. Со стороны ЕС в отношении Бирмы действует целый ряд санкций, в частности, запрет на поставки оружия (с 1990 г.), приостановка сотрудничества в сфере обороны (с 1991 г.), приостановка всех программ помощи за исключением гуманитарной (с 1991 г.), запрет на выдачу виз широкому кругу представителей администрации и армии (с 1996 г.), отмена всех официальных визитов в Бирму (с 1996 г.), запрет на поставки любого оборудования, которое «может быть использовано для внутренних репрессий или терроризма» (с 2000 г.) и т.д. Все эти санкции были подтверждены и отчасти ужесточены в соответствии с Общей позицией, принятой 28 апреля 2003 г. ...Также прекратились встречи Совместного комитета сотрудничества ЕС и АСЕАН, хотя подкомитеты продолжали работать. Работа Совместного комитета сотрудничества возобновилась в мае 1999 г., но при этом участие представителей Бирмы было ограничено «пассивным присутствием». Возможность возобновления политического диалога на уровне министров иностранных дел была предусмотрена решением Совета ЕС (апрель 2000) при разработке некоторых специальных положений о порядке участия во встречах министра иностранных дел Бирмы. Окончательно порядок участия представителей Бирмы в министерских встречах был согласован в столице Лаоса Вьентьяне. ...Все программы сотрудничества ЕС-АСЕАН не применяются в отношении Бирмы. Такое положение сохраняется вплоть до настоящего времени»¹. Некоторые исследователи критикуют подобный подход: «Гибкая полити-

¹ Кавешников Н.Ю. Отношения ЕС-АСЕАН. URL: <http://www.edc-aes.ru/site/ru/research/ruseu/kaveshnikov.html> (дата обращения: 02.06.2012).

ка АСЕАН в отношении принятия новых стран в организацию должна со временем повлиять и на подход других стран мира к подобным проблемам, а также в некотором смысле смягчить острые моменты развития отношений ЕС и АСЕАН. ...Гибкий и открытый характер внешней политики АСЕАН может способствовать тому, что и контакты стран Азии и стран Европы в определённых отношениях перейдут из теоретической фазы в более практическую»¹. Однако, следует обратить внимание на тот факт, что Франция и Таиланд прилагают совместные усилия, чтобы это противоречие в развитии политического диалога между Европейским союзом и АСЕАН так или иначе разрешилось.

Также отметим, что и региональные конфликты в ЮВА, например напряжённые отношения между тайским населением и мусульманским меньшинством, проживающим преимущественно в южных провинциях Таиланда Сонгхкла, Яла и Паттани, привлекают особенное внимание Франции. 16 ноября 2006 г. французское издание «*Courrier International*» публикует репортаж под названием «Восстание разрозненных групп». Прочитав репортаж, можно ознакомиться со списком боевиков, которые действуют в составе пяти групп в южных провинциях Таиланда. Изначально статья была помещена в тайландской газете «*The Itawaddy*», её автор — журналист Берти Линтнер (Berti Lintner). Французские журналисты из «*Le Figaro*» также уделяют внимание не вполне благополучным отношениям мусульманского населения Таиланда с основным населением страны, исповедующим буддизм. 15 марта 2007 г. в «*Le Figaro*» была опубликована статья, которая называется «Расправы, учинённые над буддистами». Её автор, Флоранс Компэн (Florence Compain), специальный корреспондент газеты в провинции Сайбури, представляет материал по теме отношений некоторых решительно настроенных исламских группировок, буддийских монахов и светского населения в южных районах Таиланда. «*L'Humanité*», газета с ярко выраженной политической направленностью, официальный орган печати Коммунистической партии Республики Франции, также обращается к теме региональных конфликтов в ЮВА, к которым причастен Таиланд. Например, 18 августа 2003 г. издание публикует статью «Хамбали обосновался в Таиланде», где рассказывается об одном из боевиков боевой группы «Аль-Кайда», в то время находящегося в Таиланде и, возможно, имевшего секретные отношения с некоторыми представителями тайландских властей. Французские издания, выпускаемые в Таиланде, тоже освещают проблему отношений мусульманского меньшинства и остального населения Таиланда. В номере журнала «*Gavroche*», вышедшего из печати в апреле 2007 г., можно ознакомиться со статьёй Франсуа Туран (François Tourane), которая называется «Мусульманский юг: последняя капля?» В статье автор довольно решительно критикует политику премьер-министра Сурают Чуланона в отношении мусульманских волнений на юге, характеризуя её как вялую и неуверенную, а фигуру самого главы правительства называет лишённой силы воли и обаяния. С другой стороны, журналист частично оправдывает Чуланона, говоря о том, что такая политика может оказаться на деле тонкой дипломатией, потому как мнение населения трёх южных провинций чрезвычайно важно в ходе референдума по принятию новой конституции Таиланда

¹ Jörn Dosch. *The ASEAN-EU relations: an emerging pillar of the new international order? // Asia – Europe on the Eve of the 21st century. Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 63.*

в 2007 г. Внутренние конфликты Таиланда напрямую связаны с развитием отношений Таиланда с Малайзией, которая также является страной-участницей АСЕАН.

Франция и Таиланд в рамках двустороннего сотрудничества пытаются решить многие социальные проблемы в регионе, привлекая к участию в этом и другие страны Европейского союза. Проводятся совместные французско-тайландские мероприятия, посвящённые борьбе за права человека и борьбе против насилия. К 60-летию подписания Декларации прав человека посольство Франции в Королевстве Таиланд и особая делегация от Еврокомиссии организовали в Бангкоке 13 ноября 2008 г. семинар, посвящённый деятельности стран Европейского союза в защиту прав человека. В период с 12 по 15 ноября 2008 г. для участия в семинаре в Таиланд прибыли Франсуа Зимерай (M. François Zimeray) — посол Франции по правам человека и Рина Кионка (Mme Riina Kionka) — личный представитель по делам прав человека Генерального секретаря Совета Европейского союза Хавьера Солана.

Семинар собрал более 200 участников, как тайцев, так и иностранцев, делегатов от министерств иностранных дел, министерств правосудия, труда, внутренней политики и обороны, представителей полиции и армии, профессоров университетов, дипломатов, а также видных деятелей по борьбе за права человека. Цель семинара состояла в том, чтобы его участники имели возможность объективно оценить собственные усилия и проделанную работу, а также составить представление о том, как права человека защищаются в тайском обществе. Помимо встреч и переговоров участников, в рамках семинара также проходили гуманитарные мероприятия — делегаты посетили Бан Кредтракан (Baan Kredtrakarn) — центр по защите и приёму жертв насилия над правами человека, а также неблагополучные в социальном плане районы столицы Таиланда. 13 ноября 2008 г. Франсуа Зимерай торжественно открыл фотовыставку «Невзирая на мир» — которая представляла художественный фотоматериал по статьям Декларации прав человека. Сейчас эта выставка находится в центре французского языка и культуры «Альянс Франсез» в Бангкоке.

Таким образом, Франция и Королевство Таиланд предпринимают совместные усилия для разрешения целого узла региональных проблем Юго-Восточной Азии — в области пограничных конфликтов, соблюдения прав человека, а также укрепления отношений обеих международных организаций, как ЕС так и АСЕАН, с отдельными странами региона. И этой многосторонней деятельностью политические и общественные организации и отдельные граждане-активисты обеих стран привлекают к данным проблемам внимание всей мировой общественности, и прежде всего — европейской, поскольку интерес Европейского союза к долговременному и прочному сотрудничеству с Юго-Восточной Азией очень велик, равно как и заинтересованность в том, чтобы регион в целом оставался стабильным, спокойным, и чтобы политический процесс в его государствах развивался в определенных рамках.

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦИИ И КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД ПО ОКАЗАНИЮ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ СТРАНАМ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ КАК ПРИМЕР СОТРУДНИЧЕСТВА ЕС И АСЕАН

В рамках сотрудничества Франции и Королевства Таиланд проводятся различные мероприятия по оказанию гуманитарной помощи странам-участницам АСЕАН. После того, как 2 мая 2008 г. на Мьянму обрушился тропический циклон Нургис, посольство Франции в Таиланде получило от Делегации по оказанию гуманитарной помощи при министерстве иностранных дел Франции средства на сумму 30 тысяч

евро для закупок медикаментов и всего необходимого в помощь жертвам стихийных бедствий (насосы, техника для очищения воды, резервуары для сбора дождевых вод). Филиал Французского Красного креста в Таиланде также принял участие в оказании помощи бирманцам. В целом вклад Франции в дело помощи жертвам циклона в Мьянме составил примерно два миллиона евро. При посредничестве посольства Франции в Таиланде, 14 мая 2008 г. французское министерство иностранных дел предоставило самолёт для перевозки в Мьянму 40 тонн необходимых гуманитарных материалов, в том числе пищевых продуктов. Кроме того, французская сторона предложила пострадавшим 1000 тонн риса, обеспечивала едой и питьевой водой 100 тысяч человек в течение 15 дней и дала приют 60 тысячам пострадавшим. К тому же французское правительство перевело посольствам Франции в Бангкоке и Рангуне средства на необходимые покупки для отделений Организации по борьбе с голодом (Action Contre la Faim (ACF)) в Бирме.

Однако, при развитии общих гуманитарных и социальных проектов, французская общественность с долей известного реализма подходит к вопросу о социальных проблемах Таиланда и нарушения прав человека в этой стране. Например, ежемесячно издающийся журнал «Le Monde diplomatique» («Мир дипломатии») в рубрике «La valise diplomatique» («Дипломатическая вализа») от 3 февраля 2007 г. публикует статью автора Филиппа Ривьера (Philippe Rivière) «Таиланд осмелился на закупку медикаментов без особого товарного знака». Эта статья — подробный рассказ о том, как руководство министерства здравоохранения Таиланда распорядилось о закупке медикаментов без соответствующего товарного знака — не у непосредственных изготовителей этих препаратов, а у компаний-посредников. В Таиланде пятьсот тысяч человек заражены ВИЧ, а также живёт много людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Проблема в том, что далеко не все общественные организации считают подобное приобретение законным, уверяя, что Таиланд не санкционировал свой поступок «санитарной срочностью», и что Таиланд — достаточно богатая страна, чтобы иметь возможность покупать лекарства напрямую от производителя. Автор статьи предлагает вниманию читателя анализ этой ситуации, ссылаясь на высказывания мировых авторитетов в области медицины и здравоохранения.

Совместная деятельность Франции и Таиланда с целью оказания помощи странам Юго-Восточной Азии в устранении последствий стихийных бедствий представляется ярким и привлекательным примером для других стран, входящих в обе международные организации — Европейский союз и АСЕАН.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАНЦИИ И КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ЕС И АСЕАН

Как упоминалось ранее, именно экономическая сфера во многом определяет характер отношений между организациями ЕС и АСЕАН. Исследователи отмечают схожесть подхода в ведении экономических дел в странах Европейского союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. И те и другие страны стремятся к уменьшению торговых пошлин и следованию принципам ВТО. Стабильные и развивающиеся экономические отношения между Францией и Таиландом очень важны, потому что кризис таких отношений может иметь неприятные последствия не только для этих государств. Как известно, именно экономический кризис в Таиланде в 1997 г. стал отправной точкой его распространения по странам Азии — на Филиппинах,

в Малайзии, Индонезии и Южной Корее. «Азиатский финансовый кризис 1997 г. стал заботой не только азиатских стран, но и многих стран мира и таких организаций как Международный валютный фонд, Азиатский банк развития, Мировой банк, а также правительств США, Японии, Китая и стран Европейского союза»¹. Поэтому стабильная экономическая ситуация в Таиланде и подвижные темпы внешней экономической политики этого государства имеют особое значение в контексте экономического партнёрства Европейского союза и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии.

Взаимовыгодное сотрудничество в области экономики также является залогом для успешного и динамичного диалога Франции и Королевства Таиланд. Франция является шестой по значимости экономической державой мира вслед за США, Китаем, Японией, Германией и Великобританией, а также одним из крупнейших в Европе производителей сельскохозяйственной продукции. При этом Франция — четвёртый по величине и влиянию инвестор в экономику Таиланда из всех стран ЕС — после Великобритании, Германии и Нидерландов, а также одиннадцатый по величине и влиянию мировой инвестор².

Таиланд представляет 11,3 % французского рынка сбыта среди стран АСЕАН, и на сегодняшний момент занимает третье место среди торговых партнёров Франции в регионе, после Сингапура и Малайзии, но среди мировых торговых партнёров Франции по данным на 2007 г. страна занимала лишь 47 место. В Таиланде функционирует 350 французских предприятий, на которых трудится около 70 тысяч человек. Их этих предприятий 220 представляют шестьдесят филиалов крупных французских компаний, а более ста из них были созданы и управляются французами, живущими в Таиланде постоянно. Французские предприятия в Таиланде представляют разнообразные отрасли производства: сельское хозяйство, пищевая и лекарственная промышленность (например, Biomérieux, Bonilait, Compagnie Commerciale de Siam (Denis Frères), Laboratoires Fournier, Sopena, Virbac); лёгкая и химическая промышленность (например, L'Oréal, Louis Vuitton/LVMH, Paris Bijoux, Yves Rocher); энергетическая промышленность (Schneider, Socomes, Technip Engineering); другие отрасли промышленности (Michelin, Dosatron, Dubuit, Essilor, Epre Asia, Fives Lille, Imaje, Imerys Ceramics). Кроме того, в Таиланде функционируют французские банки и страховые компании, такие как AXA, BNP-Paribas, Calyon, Crystal Finance, Société Générale³.

Важно отметить, что экономическому партнёрству уделяется внимание не только на практическом уровне, но и на административном — совместная торговая палата Франции и Таиланда функционирует в составе 260 человек. Также существует француско-таиландская организация по делам внешней торговли, в этой организации работает тридцать французских и таиландских советников.

Однако, есть области, в которых Франция и Таиланд могут дополнительно расширить своё сотрудничество. Для достижения этой цели разрабатываются специ-

¹ Panitan Wattanayagorn. *Security issues in ASEAN: prospects for cooperation with the EU.* // *Asia — Europe on the Eve of the 21st century.* Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 76.

² *Echanges commerciaux France-Thaïlande.* URL: <http://www.ambafrance-th.org/Echanges-commerciaux-France,617> (дата обращения: 01.02.2012).

³ *Les entreprises françaises présentes en Thaïlande.* URL: <http://www.ambafrance-th.org/Les-entreprises-francaises,375> (дата обращения: 01.02.2012).

альные совместные французо-тайландские проекты, основными положениями которых являются: социальное развитие и специальное профессиональное образование и повышение квалификации тайцев для работы на французских и тайских предприятиях; более углублённое административное сотрудничество в экономической сфере; совместные научные исследования в различных областях производства и университетский обмен; расширение сотрудничества в отраслях сельского хозяйства, водного хозяйства, пищевой промышленности и сфере услуг¹. Помимо этого, Франция и Таиланд планируют уделить более пристальное внимание партнёрству на постоянной основе между частными французскими и тайскими предприятиями и представителями частного бизнеса.

Особое внимание уделяется французо-тайландскому сотрудничеству по системам телекоммуникаций, в области изучения космоса, гражданской авиации, и, конечно, туризму. В 2010 г. Таиланд посетило 483.684 человек французов, что на 10 % больше, чем в 2009 г.²

Во время официального визита в Таиланд президента Французской республики Жака Ширака в феврале 2006 г., экономическая сфера французо-тайландских отношений стала отдельной темой двусторонних переговоров. Была достигнута договорённость об основании новых 400 французских предприятий в Таиланде. Также на переговорах уделялось внимание вопросу французских инвестиций в тайландскую экономику и влияния, которое может оказать авторитет Франции для привлечения в экономику Таиланда инвестиций со стороны других государств Европейского союза. Эти решения были уточнены и задокументированы на встрече министров экономики обеих стран в Париже 19 сентября 2006 г. Дополнительные европейские инвестиции в экономику Таиланда могут способствовать усилению экономической динамики не только в этой стране, но и в регионе в целом, что в свою очередь должно оказать положительный эффект на развитие экономических отношений стран Евросоюза и АСЕАН.

Интересно, что при этом отдельные аспекты экономических контактов Таиланда с другими странами Евросоюза иногда подвергаются критике со стороны франкофонной прессы. Например, в бельгийском издании «Attac Wallonie-Bruxelles» 24 января 2006 г. в рубрике «Documentation. Altermondialisme» («Документально. Альтернатива мондиализму») появляется статья автора Рауля Марка Женнара (Raoul Marc Jennar) под названием «Европа злоупотребляет своим авторитетом по отношению к Таиланду». В статье говорится о том, что организация L'Assotiation Européenne de Libre-Echange (AELE), в которой состоят страны Норвегия, Исландия, Лихтенштейн и Швейцария, ведёт переговоры с правительством Таиланда по поводу либерализации финансового сектора и контроля перемещений тайландских капиталов внутри страны и за её пределами. Автор статьи пишет об AELE как об организации «маленьких стран, уверенных в том, что они играют значительную роль в европейской экономике и финансах». В рамках диалога в области экономики Франция и Таиланд поддерживают сотрудничество по проблемам экологии и защиты окружающей среды. 13-15 декабря 2009 г. состоялся официальный визит в Таиланд Анн-Мари Идрак (Mme Anne-Marie Idrac), государственного секретаря по делам внешней

¹ *La coopération économique*. URL: http://www.ambafrance-th.org/La_cooperation_economique, 376 (дата обращения: 02.06.2012).

² *Communauté française*. URL: http://www.ambafrance-th.org/Communaute_francaise (дата обращения: 02.06.2012).

торговли Франции. В течение визита было принято решение о заключении договора между Францией и Таиландом о совместном сотрудничестве в области проблемы влияния производства и промышленности на изменение климата. Кроме того, была достигнута договоренность о том, что в мае 2010 г. в Бангкоке пройдет мероприятие под названием «Французская неделя в Таиланде по делам экологически чистых технологий» («France Green Tech Thailand 2010 — semaine française des écotecnologies») — под эгидой посольства Франции в Таиланде. Предполагалось, что в данной акции примут участие около 600 специалистов и 30 промышленных предприятий.

Вопросы защиты окружающей среды и климатических изменений являются одной из наиболее обсуждаемых и актуальных проблем в странах Евросоюза. Именно поэтому Франция прилагает усилия, чтобы и страны Юго-Восточной Азии, в частности Таиланд, принимали активное участие в разработке решений этих вопросов. С 28 сентября по 9 октября 2009 г. В Бангкоке проходили мероприятия, посвященные проблеме изменений климата на Земле. Эти мероприятия были приурочены к конференции по проблеме глобального потепления, которая должна была состояться в декабре 2009 г. в Копенгагене. На мероприятиях в Бангкоке Францию представляла делегация, которую возглавлял Брис Лялонд (M. Brice Lalonde) — посол Франции по вопросам глобального изменения климата и Лоранс Тубьяна (Mme Laurence Tubiana) — представитель отдела по вопросам глобализации министерства иностранных дел Франции. В мероприятиях принимали также участие более 250 правительственных делегатов, видные промышленники и экологи. Цели этих встреч и переговоров были обозначены в соответствующем документе, заверенном в Нью-Йорке и Питтсбурге соответственно руководителями США и городской администрации.

Важно, что франкоязычная пресса в Таиланде также призывает тайцев и французов, живущих в Таиланде, озаботиться проблемами климатических изменений и экологии. В марте 2007 г. в издании «Gavroche», в разделе «Vie Pratique», была опубликована статья под названием «Бангкок: атмосфера, атмосфера...». Статья посвящена отнюдь не благополучной экологической обстановке в столице Таиланда. Мера загрязнения бангкокского воздуха слишком высока, преимущественно из-за высокого содержания в воздухе выхлопных газов. В статье подчёркивается то, что муниципалитет города борется за чистоту атмосферы, и в этом деле были достигнуты конкретные результаты: за последние годы уровень пыльного осадка на стенах зданий, например, снизился с 81 до 43 микрограммов. Такой итог не достигает ещё уровня европейского, то есть стабильных 40 микрограммов пыльного осадка, но является более успешным, нежели американские результаты (толщина слоя пыльного осадка в 50 микрограммов). В статье автор замечает, что в ожидании лучших результатов борьбы за чистоту воздуха жители «Города божеств» (Cité des Anges) вынуждены ходить в тканевых масках, чтобы избежать отрицательного воздействия отравленного воздуха на их здоровье.

Многогранное экономическое сотрудничество Франции и Таиланда, включающее в себя привлечение инвестиций, внедрение новых технологий, развитие совместных предприятий способствует укреплению позиций Франции во всём регионе и дальнейшему экономическому развитию Таиланда. Это развитие уже набрало значительную динамику, но француско-таиландское экономическое партнёрство может послужить залогом стабильного экономического развития не только Таилан-

да, но и соседних стран Юго-Восточной Азии. Кроме того, активная экономическая политика Франции в Таиланде может явиться для других стран АСЕАН в качестве примера построения взаимовыгодных экономических отношений с европейскими державами, а для других стран Евросоюза — как пример успешных и выгодных капиталовложений и укрепления позиций на рынках.

**КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАНЦИИ
И КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД КАК ПРИМЕР ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ОБЩЕЙ СТРАТЕГИИ ФРАНЦИИ
В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Влияние французского языка и французской культуры на общество Таиланда имеет давнюю историческую традицию. При этом важно, что распространение и пропаганда французского языка и культуры в Таиланде означает вовлечённость в этот процесс не только Франции, но и других франкофонных стран ЕС. В то же время, стоит отметить, что соседи Таиланда, страны-участницы АСЕАН, такие как Вьетнам, Лаос, Камбоджа — также испытывали сильное влияние французской культуры и языка в разные периоды своей истории.

В Таиланде функционируют несколько центров Альянс Франсез (Alliance Française) — в Бангкоке и крупнейших городах — Чианг Мае, Чианг Рае и на острове Пхукет. Также в Бангкоке работает Международный французский лицей (Lycée Français International de Bangkok), куда приезжают учиться и молодые люди из соседних стран Юго-Восточной Азии. Французский лицей в Бангкоке предлагает учащимся пройти три уровня среднего образования и включает также бакалавриат. Число учащихся насчитывает около 600 человек, но лишь 30 % из них — не французы.

Каждый год Посольство Франции в Таиланде организует фестиваль французской культуры («la Fête») и совместный фестиваль французского и тайландского кино. Французская сторона также пропагандирует тайское культурное наследие — в 2006 г. во Франции впервые состоялся фестиваль тайской культуры под названием «Всё по-тайски» («tout à fait thaï»). Здесь же уместно упомянуть об одном из самых успешных и плодовитых режиссёров азиатского кино — тайце Апицатпонге Вира-сетакуне; его работы были дважды одобрены на кинофестивале в Каннах — главный приз Каннского фестиваля в программе «Особый взгляд» за фильм «Благословенно ваш» («Blissfully Yours»), «Sud sanaeha») и Золотая пальмовая ветвь за фильм «Дядюшка Бунми, который помнит свои прошлые жизни» («Uncle Boonmee Who Can Recall His Past Lives») в 2010 г.

Франкоязычная пресса Таиланда освещает события, важные для развития культурно-гуманитарного обмена Франции и Королевства Таиланд. Например, в номере «Gavroche», вышедшем из печати в феврале 2006 г., есть репортаж о международном кинофестивале, каждый год проходящем в Бангкоке (Bangkok International Film Festival (BIFF)). Читатель узнаёт о торжественной церемонии награждения участников кинофестиваля и неофициальной части церемонии, проходившей в Conrad Hotel в Бангкоке. На церемонии присутствовала дочь короля, принцесса Убон Раттана. «Gavroche» упоминает и о приезде в Таиланд Катрин Денёв, о том, что в её честь в рамках внеконкурсного показа фестиваля демонстрировался фильм «Шербурские зонтики». Её Высочество принцесса Убон Раттана вручила актрисе почётную награду фестиваля (Lifetime Achievement Award), выразив таким образом общее восхищение гениальной француженкой.

Культурно — гуманитарные отношения Франции и Королевства Таиланд курируются и на высшем уровне. В марте 2009 г. во Францию с официальным визитом прибыла Её Высочество принцесса Таиланда Маха Чаكري Сириндон. В ходе визита принцесса посетила Центр атомной энергетики в Пуатье, а в Париже, в Институте изучения Дальнего Востока (Ecole Française d'Extrême-Orient (EFEO)), принцессе был торжественно вручен диплом Почётного доктора. Также к визиту Сириндон была приурочена выставка, посвящённая искусству эпохи Дваравати¹. Впоследствии выставка заняла место среди постоянных экспозиций в музее Гиме.

Франция и Таиланд бережно относятся к общему историческому и культурному наследию. 29 апреля 2009 г. был подписан договор между Фондом Пра Рача Ван Дем (Phra Racha Wang Derm) и Комитетом французско-таиландской дружбы и солидарности (Comité de Solidarité franco-thaï) относительно лагеря «Таксин». По договору, заключённому в октябре 1893 г., Франция заняла территории провинций Сиам Чантабури и Тра. Французские войска, находившиеся на этих территориях, охраняли границу между Сиамом и Камбоджей. Там же было построено несколько военных укреплений, с использованием материалов, поставляемых из Марселя. Эти укрепления со временем и получили название лагеря «Таксин». Фонд Пра Рача Ван Дем и Комитет договорились о том, чтобы над этой исторической достопримечательностью были произведены реставрационные работы при поддержке крупных французских компаний. Таким образом, обе страны стараются сохранить общее культурное наследие, невзирая на политические разногласия, которые имели место быть в прошлом.

Посольство Франции в Королевстве Таиланд всячески поддерживает и поощряет культурно-гуманитарный обмен между странами. Например, посол Франции в Таиланде Лоран Били (M. Laurent Bili) с 24 по 25 сентября 2007 г. посетил Чианг Май, в частности университет Чианг Мая, с которым поддерживают сотрудничество некоторые высшие учебные заведения Франции. Также в ходе визита французский посол посетил центр французской общины в Чианг Мае.

Французская община Таиланда по сведениям на 31 декабря 2010 г. составила 9.297 зарегистрированных человек. 52% французов Таиланда живут в Бангкоке, а также на острове Пхукет, на острове Ко Самуй, в Паттайе и в Чианг Мае, в урбанизированных районах долины реки Меконг и вдоль границы Таиланда с Камбоджей².

Что же до профессиональной занятости французов в Таиланде, то, по сведениям официального Интернет — представительства посольства Франции в Королевстве Таиланд, 16% французов Таиланда руководят предприятиями, а 42 % занимают руководящие должности. В сфере услуг занято 88% таиландских французов, а в промышленной области — около 10 %. Французы — пенсионеры, живущие в Таиланде, составляют около 12 % от общей численности французской общины. Средний возраст француза, живущего в Таиланде — примерно 35 лет, 18 % из них — лица с двойным гражданством.

Интересно, что франкоязычная пресса Таиланда уделяет внимание вопросу интеграции французов в таиландское общество. Журнал «Gavroche», вышедший из печати в апреле 2007 г., на первых страницах знакомит читателя со статьёй автора Катрин

¹ Дваравати — государство моно, располагавшееся в IV—XI вв. на территории современного Таиланда.

² *Communauté française*. URL: <http://www.ambafrance-th.org/Communaute-francaise> (дата обращения: 02.06.2012).

Монэн (Catherine Monin) под названием «Выборы президента во Франции: чувствуют ли себя причастными к этому событию французы Таиланда?» Далее следует подробный анализ этого вопроса, в ходе которого автор подчёркивает тот факт, что французы за границей вообще составляют по своему количеству «целый восьмой департамент», и многие из них, не смотря на эмиграцию, заинтересованы в итогах выборов. Вопрос в том, смогут ли тайландские власти предложить условия для голосования французам с двойным гражданством, и каким образом могут быть организованы выборы президента Франции на территории Таиланда в конце апреля 2007 г. Автор замечает, что хоть далеко не все французские эмигранты зарегистрированы в консульских списках, тем не менее многие из них действительно рассчитывают на то, что предстоящие выборы могут внести изменения в их жизнь.

Культурно-гуманитарные отношения Франции и Королевства Таиланд также значительно способствуют сохранению высоких темпов политического и экономического сотрудничества, поскольку поддерживают интерес широкой тайландской общественности к Франции, её языку и культуре, а соответственно — к социальным и экономическим достижениям. Кроме того, разнообразная деятельность французской общины в Таиланде помогает развитию культурно-гуманитарных связей двух стран, поддерживает интерес тайцев к разным сторонам французской жизни и может явиться для других стран Европейского союза примером плодотворной стратегии европейской страны для укрепления своих позиций в регионе Юго-Восточной Азии.

ЗНАЧЕНИЕ МАСС-МЕДИА В ДИАЛОГЕ ЕС И АСЕАН И РОЛЬ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ СМИ В ТАИЛАНДЕ

В современном мире, в век быстрого и постоянно ускоряющегося распространения информации, всё более возрастает роль СМИ и формирования средствами СМИ образа той или иной страны в глазах аудитории. В данном случае речь идёт о создании образа Таиланда в глазах француза и создании образа Франции в глазах тайца. Здесь также возрастает ответственность работников СМИ — любая ошибка, даже невольная, может резко исказить образ какого-либо события и страны в целом, ведь информация быстро распространяется. Поэтому данная тема очень важна и не находится на периферии. Если образ положителен или во всяком случае колоритен, то и сотрудничество между странами идёт быстрыми темпами, если наоборот — то сотрудничество резко тормозится во многих сферах. Особенно важен этот момент для Франции и Таиланда — так как в экономиках обеих стран туризм имеет особое значение, равно как и связанные с туризмом отрасли экономики.

Один из исследователей развития отношений между ЕС и АСЕАН в гуманитарном аспекте, Диегмар Ротермунд (Dietmar Rothermund) в статье, посвящённой данному вопросу, справедливо отмечает: «В век Информации, в который мы все сейчас живём, роль СМИ очень важна и противоречива — информация может использоваться как орудие борьбы против равнодушия и предрассудков и осветить все проблемы разом — к добру или к худу. . . Но в то же время информация, которую нам предоставляют СМИ, может способствовать появлению и укоренению всякого рода стереотипов. Такая информация, манипулируя интересами и ожиданиями публики, в основном предоставляется с целью достижения экономической выгоды. Страны Азии являются прекрасной мишенью для таких целей. Образы Азии всячески используются за пределами региона. Более того, масс-медиа, обращаясь к Азии, редко избирают возможность показать все стороны азиатского

общества или культуры. Внимание публики привлекается к тому, что выгодно для стороны, представляющей информацию — это может быть финансовый кризис, война, природный катаклизм. ...Но дело в том, что именно эти образы сильнее всего влияют на сознание и мнение людей. Получается, что бы люди не слышали и не узнавали о тех или иных азиатских странах, определённые «картинки», с которыми публика привыкла их ассоциировать, будут неизменно вставать перед глазами. Не всегда в предложении СМИ подобных стереотипов кроется какая-либо глобальная подоплёка. В большинстве случаев эта цель сводится всего лишь к желанию достичь определённого коммерческого успеха. Однако те, кто «продаёт» эти идеи, должны также нести за них ответственность. Большинство подобных образов и идей исходит от специалистов, которые хорошо знают изнутри уклад той или иной азиатской страны и отлично представляют, на что именно и каким образом отреагирует публика. Культурно — гуманитарное сотрудничество между странами Европы и Азии должно всё же быть нацелено на то, чтобы шансы были равны. Странам ЮВА стоит употребить силы на то, чтобы на европейском телевидении и в европейских печатных изданиях работали и азиатские специалисты. Им можно предоставлять работу на условиях интернатуры, на ограниченный период времени. В любом случае только так они могут избежать участи стать натренированными агентами европейских СМИ, не всегда работающими в интересах своей страны. С другой стороны как можно больше молодых европейских специалистов должны проходить обучение и работать в СМИ непосредственно в азиатских странах. Конечно, в частном порядке это устроить не так-то легко, поэтому за подобными начинаниями должна стоять государственная поддержка. Еврокомиссия в высшей степени озабочена влиянием и повышением качества СМИ, поэтому остаётся надеяться, что Евросоюз заинтересуется подобным подходом к решению проблемы»¹.

Франция со своей стороны пытается разрешить этот вопрос — многие французские издания имеют в Таиланде собственных корреспондентов, а активность франкоязычной прессы в Таиланде очень высока. Одним из информативных франкоязычных изданий в Таиланде является журнал «Gavroche», который с июня 1994 г. аккуратно выходит каждый месяц тиражом в восемь тысяч экземпляров. «Gavroche» можно приобрести не только в Бангкоке, но и в городах Чианг Мае, Чианг Рае, на островах Пхукет и Ко Самуй, в курортных городах Паттайя, Хуа Хин, и за пределами Таиланда — в провинции Луанг Прабанг в Лаосе и в Пномпене. Кроме того, журнал является филиалом крупного франкофонного сайта «Gavroche — Thaïlande.com». Интернет-ресурс «Gavroche» помимо Таиланда обращается к Лаосу, Камбодже и Бирме.

На первых страницах журнала «Gavroche» можно прочесть аналитические статьи, посвящённые последним политическим новостям Таиланда и Франции, а также развитию франко-таиландских связей в разных областях. Кроме того, здесь же можно найти репортажи об интересных событиях из мира культурной жизни Таиланда и очерки исторического прошлого этой страны. Рубрика так называемых «Pages

¹ Dietmar Rothermund. *Cultural partnership between Asia and Europe. // Asia — Europe on the Eve of the 21st century. Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 13 — 14.*

jaunes» («Жёлтые страницы») содержит полезную информацию о посольствах и консульствах разных стран мира в Таиланде, о медицине и медицинском обслуживании Таиланда, об отелях, юридических конторах и офисах адвокатов. Есть страничка, посвящённая недвижимости и покупке жилья («Immobilier»), и, конечно, традиционный раздел маленьких объявлений («Petites annonces») — он предоставляет читателю насущную информацию о всевозможных деловых сделках и предложениях, о сдаче в аренду автомобилей и мотоциклов, о переводчиках, пропавших людях, приёме на работу и т.д. Раздел «Vie pratique» касается всего, что важно в бытовом отношении, например, прогнозов погоды, курса бата и программы вещания телевидения в Таиланде, в том числе и французского канала TV 5.

Наконец, обозреватели «Gavroche» повествуют о культурных событиях, как, например, прохождение в Бангкоке кинофестиваля World Film Festival Of Bangkok («Gavroche» писал об этом в октябре 2006 г., а фестиваль проходил с 17 по 26 октября в торгово-развлекательном центре Siam Discovery). В апрельском номере 2003 г. «Gavroche» помещает репортаж о новинках в мире тайландского кинематографа, в котором особое внимание уделяется фильму «Sayiew» и его режиссёрам Кхонгдету Дятунрасми (Khongdej Jaturanrasmi) и Киату Сонгсанану (Kiat Songsanan).

Следует упомянуть о том, что Франция и Таиланд проводят совместные мероприятия по вопросам развития средств массовой информации, привлекая к подобным акциям страны Евросоюза. Например, 25 мая 2007 г. посольство Франции в Королевстве Таиланд и посольство Германии в Таиланде, при участии Института изучения современной Юго-Восточной Азии (Institut de Recherche sur l'Asie du Sud-Est Contemporaine – IRASEC; основан в 2001 г.) и Национального совета тайландской прессы, организовали Съезд тайландских журналистов и семинар, тема которого была сформулирована как «Отношения между государством и прессой Таиланда в период нестабильной внутренней политической обстановки». Этот семинар собрал многих представителей тайландской прессы, как из государственных, так и из частных и региональных изданий. Главной проблемой обсуждений стала свобода слова и печати в Таиланде, подготовка новой тайландской конституции 2007 г., в особенности тех её статей, которые касаются средств массовой информации. Пять основных тем семинара — цензура, интеллектуальная собственность СМИ, этика подачи информации, положение тайландской прессы согласно новой конституции, а также возможность избежать кризиса и падения качества подачи информации СМИ в условиях нестабильной политической ситуации в Таиланде. Особое внимание уделялось положению прессы, которая может не выдержать конкуренции со стороны других источников информации — таких как радио, телевидение и Интернет. Институт изучения современной Юго-Восточной Азии (Irasec) опубликовал основные положения обсуждений семинара.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общие итоги, можно сказать, что Франция и Королевство Таиланд достаточно активно развивают двустороннее сотрудничество в политической, экономической, гуманитарной и культурной областях. Сохранение, укрепление и дальнейшее развитие отношений Франции и Королевства Таиланд имеет большое значение для усиления позиций Франции в регионе в целом, а также для распространения влияния Европейского союза в ЮВА. Ведь Франция является одной из самых активных стран-участниц Евросоюза и проводником европейской политики в регионе, который для всех европейских стран имеет стратегически важное значение во многих областях — в экономике, политике, культурно-гуманитарной сфере и т.д.

Важно, что Франция и Таиланд совместно выступают в качестве посредников при решении вопросов, связанных с отношениями Европейского союза и других стран-участниц АСЕАН, например, Мьянмы. Значительную роль играет и экономическое сотрудничество двух стран — не только собственно для Франции и Таиланда, но и в качестве примера взаимовыгодного экономического партнёрства для соседних стран Таиланда и других стран-участниц ЕС. Кроме того, Франция и Таиланд оказывают совместную гуманитарную помощь и поддержку странам Юго-Восточной Азии, тем самым привлекая внимание других европейских государств к проблемам региона. Французская сторона прилагает определённые усилия, вовлекая Таиланд в процесс разработки и принятия решений по тем или иным проблемам, которые волнуют мировое сообщество — например, по вопросам экологии. Другой важный аспект влияния отношений Франции и Таиланда на развитие контактов европейских стран и стран Юго-Восточной Азии заключается в том, что франкоязычные тайландские СМИ работают и за пределами Таиланда, в соседних государствах-участниках АСЕАН — таким образом способствуя тому, что французское и европейское влияние становится более заметным во всём регионе. Наконец, французская пресса широко освещает события внутренней жизни Таиланда, важные моменты отношений этого государства с другими странами АСЕАН, привлекая внимание франкоговорящих стран Европы к Таиланду в частности и к региону ЮВА в целом. Можно надеяться, что Франция и Королевство Таиланд в дальнейшем будут укреплять двустороннее сотрудничество, разовьют имеющийся и ещё не целиком раскрытый потенциал взаимовыгодного партнёрства, а также будут сохранять роль посредников при развитии контактов Европейского союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии — в качестве ведущих стран-представительниц этих международных организаций.

В странах Юго-Восточной Азии, в регионе, где столь велико влияние таких сильнейших в политическом, экономическом и военном отношениях держав как США и Китай, укрепление позиций Евросоюза представляется чрезвычайно важным. Направление французо-тайландских отношений играет заметную роль среди прочих направлений международной европейской политики и имеет исключительное значение для сохранения и усиления влияния Евросоюза как в данном регионе, так и по всему миру. В то же время этот фактор играет большую роль для Королевства Таиланд и других стран АСЕАН — быстро развивающихся экономически, укрепляющих свои позиции в международной внешней политике и стремящихся занять достойное место в формирующемся многополярном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Wyatt D.K. Thailand. A short history. Chiang Mai: Silkworm Books, 2004.
2. Terwiel B.J. Thailand's political history. From the Fall of Ayutthaya in 1767 to Recent Times. Bangkok: River Books, 2005.
3. Jörn Dosch. The ASEAN-EU relations: an emerging pillar of the new international order? // Asia – Europe on the Eve of the 21st century. Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 57-72.
4. Dietmar Rothermund. Cultural partnership between Asia and Europe. // Asia – Europe on the Eve of the 21st century. Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 9 -16.
5. Panitan Wattanayagorn. Security issues in ASEAN: prospects for cooperation with the EU. // Asia – Europe on the Eve of the 21st century. Edited by Suthiphand Chirathivat, Franz Knipping, Poul Henrik Lassen and Chia Siow Yue. Centre for European Studies at Chulalongkorn University, Bangkok. Institute of Southeast Asian Studies, Singapore. 2001. P. 73-94.
6. Официальный Интернет-сайт ЕС¹.
7. Официальный Интернет-сайт АСЕАН².
8. Официальный Интернет-сайт Министерства иностранных дел Франции³.
9. Официальный Интернет-сайт Посольства Франции в Королевстве Таиланд⁴.
10. Официальный Интернет-сайт Информационного центра Европейского Союза EU-i в Институте Европы РАН⁵.
11. «Le Figaro»
12. «Le Courrier International»
13. «Le Nouvel Observateur»
14. «L'Humanité»
15. «Gavroche»
16. «Bangkok Post»

¹ http://europa.eu/index_fr.htm

² <http://www.aseansec.org/>

³ <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/>

⁴ <http://www.ambafrance-th.org/-Francais->

⁵ <http://www.edc-aes.ru/>

Г.Т. Тюнь

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ИНДОНЕЗИИ ПОСЛЕ СУХАРТО

Отечественные индонезиеведы никогда не оставляли без внимания проблемы Индонезии и подвергали анализу развитие экономических и политических аспектов ее жизни.¹ Прошло десятилетие после долгого правления в Индонезии Сухарто — срок вполне достаточный для подведения итогов минувшего этапа развития страны, и в нашей историографии уже появились глубокие и интересные исследования на эту тему.²

Вместе с тем, хотелось бы объединить экономические сюжеты с развитием политической жизни общества.

Новый этап индонезийской истории начинался проведением всеобщих выборов в июне 1999 года, когда первые более, чем за 40 лет выборы, создали свободно избранные парламенты: национальный, провинциальные и региональные. В октябре 1999 года Совет народных представителей (МПР -Mejlis perwakilan rakyat-индонез.) избрал четвертым президентом страны компромиссного кандидата, Абдурахмана Вахида, и вице-президентом — Мегавати Сукарнопутри, дочь первого президента страны, Сукарно. Партия Мегавати (PDI -P — Partai Demokrasi Indonesia-Perjuangan) получила наибольшую долю голосов — 34% — в ходе всеобщих выборов, а доминировавшая в эпоху Сухарто партия Голкар, получив 22% голосов избирателей, заняла второе место.

Именно эти события стали началом новой — пост-Сухартовской эпохи в жизни Индонезии. Однако для понимания экономических и политических процессов современной Индонезии нужно взглянуть на предшествующий этап развития и политику режима Сухарто в этой области. Поэтому рассмотрим, что представлял собой «новый порядок», как формировалась его экономика и что представляла собой партийная структура страны в тот период.

¹ Другов А.Ю., Резников А.Б. *Индонезия в годы «направляемой демократии»* М.Восточная литература. 1969.с.198

Другов А. Ю. *Индонезия: политическая культура и политический режим*. М.1997 с. 187

Пахомова Л.Ф. *Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)*. М. РАН.2007.с.256

Slater D D. (ed.), Weinman J., Stephenson C., *Geopolitics and the Post-colonial Perspective*. Chicago.2004, p.97]

² Другов А. Ю. *Общество и власть в современной Индонезии / Восток*, 2004. — N 1. — С. 85-95.

Другов А. Ю. *Трудные дороги независимой Индонезии./ Восток*, 2010, N 4. — С.74-85

Сумский В. В. *Генерал Сухарто и темная страница индонезийской истории // Международная жизнь* 2009. . 8 с.137-150

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»: ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ИНДОНЕЗИИ ПРИ СУХАРТО

В стране после кровавой расправы 30 сентября 1965 г. со сторонниками президента Сукарно и отстранения от власти его самого фактически установился режим авторитарной власти с доминированием военных во всех областях общественной жизни¹ Созданная Сухарто правящая партия ГОЛКАР на парламентских и местных выборах неизменно получала большинство голосов. Во внутренней политике Сухарто приветствовал приток иностранных инвестиций, а уже в начале 1970-х годов ему удалось остановить инфляцию и добиться положительных сдвигов в экономике. Индонезия существенно укрепила свои международные позиции — вернулась в ООН, в 1967 стала членом-основателем АСЕАН.²

По сути дела, свой курс Сухарто начал — во-первых — с устранения конфликта между армией и коммунистической партией, являвшегося главным источником напряженности в стране накануне трагических событий 30 сентября 1965 г. При Сукарно упрочение позиций армии шло нарастающими темпами. Под покровом антиимпериалистической риторики в стране развивался процесс, которому предстояло во многом определить направление и характер дальнейшего пути всего общества. В условиях военного положения, объявленного в связи с упоминавшимися выше мятежами, офицеры контролировали компании, национализированные в конце 1950-х и начале 1960-х гг. Используя эту возможность для личного обогащения (в дополнение к другим коррупционным каналам), военное и гражданское чиновничество вступило в стадию первоначального накопления капитала. Тогда начал формироваться класс бюрократической буржуазии.³

Во-вторых, политика Сукарно приобрела самодовлеющее значение, словно отстранив экономику, что и сохраняло привычную чрезмерную политизацию, которую теперь Сухарто предстояло устранить.

В-третьих, в системе мировых экономических отношений Индонезия вместо тенденций экономического роста и политической стабильности заимствовала консервативные идеи манипулирования различными политическими группировками и государственного регулирования, усугублявшие кризис. Исправлением этих перекосов и деформаций пришлось также заняться лидеру «нового порядка».

Нужна была реформа власти и общественных организаций. Е, провели на основании идей и установок Сукарно о профессионально-функциональном представительстве и «упрощении партийной системы». Однако, для реализации этой задачи требовалось устранить коммунистическую партию, являющуюся в тот период одной из крупнейших в мире. Мир же того времени, был без сомнений двух поляр-

¹ См. подробнее: Другов А.Ю., Резников А.Б. *Индонезия в годы «направляемой демократии»* М.Восточная литература. 1969.с.137-144

² Slater D D. (ed.), Weinman J., Stephenson C., *Geopolitics and the Post-colonial Perspective*. Chicago.2004, p.97

³ См. подробнее: Другов А.Ю., Резников А.Б. *Индонезия в годы «направляемой демократии»* М.Восточная литература. 1969.с.198 ;

Другов А. Ю. *Трудные дороги независимой Индонезии.*/ *Восток*, 2010, N 4. — С.74-85

Сумский В. В. *Генерал Сухарто и темная страница индонезийской истории* // *Международная жизнь* 2009. . 8 с.137-150

ным, и не учитывать при этом международную поддержку КПИ не представлялось возможным.

Операция по устранению коммунистической партии с политической арены Индонезии была проведена армейской верхушкой в форме жестокого террора. Там, где принимали некогда в КПИ целыми деревнями, теперь также целыми деревнями истребляли коммунистов. Размах террора объяснялся не только борьбой с влиянием КПИ, единственной реальной преградой на этом пути, но и необходимостью искоренить в обществе идею социальной справедливости (даже в ее утопическом, патриархальном смысле). Предстояло заменить на противоположные основные парадигмы антиколониальной революции — широкое привлечение иностранного капитала было важной составной частью будущей экономической стратегии. Новым хозяевам страны нужно было погрузить нацию в состояние шока, чтобы грядущие перемены не вызвали активного протеста.¹

Труднее объяснить, почему миллионы людей позволяли себя убивать, не оказали сопротивления. Есть мнение, что это свойственно яванцам и балийцам, что их покорность судьбе присуща индо-буддийскому мироощущению. Возможно, это справедливое суждение но имел место и фактор неожиданности — компартия была отчасти загипнотизирована своими политическими успехами, близостью к Сукарно и не готовилась к вооруженным столкновениям с армией, полицией, созданными армией формированиями из гражданских лиц.²

Этим способом, тем не менее, власть решила сразу две задачи: уничтожила непримиримого оппонента и поселила в душе основной части населения неодолимый страх перед властью. Как не раз бывало в истории, именно этот страх явился изначальной гарантией практически полной деполитизации страны.

К началу курса «нового порядка» в 1965 году сохранились только девять легальных политических партий. Однако власть не хотела мириться и с этим их количеством и настаивала на укрупнении и партий с уменьшением их числа. В 1973 г. основные лидеры были принуждены уступить давлению сверху и сгруппировались в две партии. Пять организаций националистической и христианской ориентации вобрала в себя Демократическая партия Индонезии (ДПИ), а оставшиеся — Партия единства и развития (ПЕР).

КОНЕЦ 1990-х: КРИЗИС И НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФОРМ

Глубокий и подробный анализ процессов экономического развития Индонезии сразу после отставки Сухарто и последующие годы сделан в исследовании Л.Ф.Пахомовой «Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)». Автор в главе, посвященной Индонезии, в своей работе анализирует процесс становления системообразующих институтов³ экономическую политику «нового порядка»⁴; трансформацию низших укладов⁵, эру реформирования⁶ и поиск путей

¹ В. В. Сумский. *Генерал Сухарто и темная страница индонезийской истории // Международная жизнь*. 2009, № 8. С. 145-146

² Другов А. Ю. *Трудные дороги независимой Индонезии.* / *Восток*, 2010, N 4. — с.78

³ Пахомова Л.Ф. *Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)*. М. РАН. 2007с.177-189;

⁴ Там же с. 189-204

⁵ Там же с. 204-211

⁶ Там же. с. 217-229

к прогрессу¹. Вызывает дополнительный интерес к исследованию производимое автором сопоставление аналогичных экономических и политических процессов в странах региона.

Когда после ухода Сухарто, все устои созданной им политической системы были подвергнуты критике, реформаторы потребовали устранить военных из законодательных инстанций и расширить состав Совета народных представителей за счет Народного консультативного конгресса. Это требовалось для того, чтобы сделать косвенные выборы президента более демократичными, или, по крайней мере, создать такое впечатление в обществе. Высокопоставленные чиновники на местах, включая даже назначенных лично Сухарто, также высказались в пользу увеличения их самостоятельности при решении политических и экономических вопросов. В соответствии с этими требованиями в 1999, 2000, 2001 и 2002 в Конституцию 1945 вносились изменения и дополнения. Последние поправки в конституцию вступили в силу в 2004, но работа и теперь продолжается.

Правонарушения стали общим явлением, разница заключалась лишь в том, что для верхов пренебрежение законом было средством удержания власти и обогащения, а для низов — средством выживания. Последнее особенно опасно для духовного и нравственного здоровья нации: моральная оправданность нарушения закона способствует формированию в национальной психологии рефлекса, который лишь с трудом может быть преодолен последующими поколениями. Заметим, кстати, что в индонезийском обществе, как это нередко встречается на Востоке, имеется несколько правовых систем. Государственные законы не только сосуществуют с традиционными правом и религиозными нормами, но и часто уступают им в эффективности.²

Началась активная полемика в самых широких слоях населения. Критике подверглась государственная политика развития главным образом крупного капитала, созданного при поддержке государства и пораженного тремя основными бедами индонезийской экономики: коррупцией, кумовством, nepotизмом (ККН — Korupsi, kolusi, perotisme — индонез.). Обсуждения экономических проблем велись в крупных научных центрах, университетах и Академии наук авторитетными экономистами.

Пятилетние планы (REPELITA — Rencana pembangunan lima tahun) разрабатывались центральным органом планирования Варпенас (Badan perancangan Pembangunan nasional — индонез.). Ежегодные же планы, входившие в состав пятилетних, готовились Бюро планирования (Biro perancangan—индонез.). Планы строились на основе Панчасила. После отставки Сухарто в мае 1998, когда Индонезия вступила в период радикальных перемен, политической и идеологической основой Республики Индонезия остались принципы Панчасила (на санскрите — «пять принципов»): Вера в единого и всемогущего Бога; Справедливое и цивилизованное человечество; Единство Индонезии, или национализм; Демократия, осуществляемая внутренней мудростью единогласия, вытекающая из дискуссий среди представителей; Социальная справедливость ко всему народу Индонезии. В 1985 вступил в силу действующий и поныне закон, обязывающий все социальные и политические организации принять в качестве базовой идеологии принципы Панчасила.³

¹ Пахомова Л.Ф. *Модели процветания*, с.225.

² Другов А. Ю. *Трудные дороги независимой Индонезии.* / *Восток*, 2010, N 4, с.79.

³ Пахомова Л.Ф. *Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)*. М. РАН.2007, с.177-189.

Однако, канадский экономист, специалист по проблемам глобализации из Университета Оттавы, М. Чосудовский пишет: «Панчасила и ее применение, как на уровне национальном, так и в регионах, включала в себя действие моральных и гуманитарных принципов взаимодействия национализма, демократии и справедливости. Если эти принципы применяются надлежащим образом в каждой политической программе, они будут в состоянии помочь реализации социальной гармонии и развитию экономики общества. Вместе с тем это символ демократической и популистской экономической системы, которая включает в себя как производственный процесс и результаты, так и всех граждан.»¹

Поэтому нередко само слово ассоциируется с переменами, которые были проведены во время эпохи *Orde Baru*, который стал знаком провала. Кроме того, в период «нового порядка» власть присвоила себе монопольное право толковать эти достояние демократичные общечеловеческие принципы, превратив этот символ национального единения в орудие борьбы с любыми проявлениями инакомыслия, подавления оппонентов режима независимо от их идеологической ориентации. По-видимому, несмотря на официальные декларации, потребуется немало времени и усилий, чтобы преодолеть это унаследованное от периода авторитаризма восприятие принципов Панчасила общественным сознанием.²

В августе 2002 г. с празднованием 100летия Бунга Хатты совпало создание в Университете Гаджа Мады Центра экономических исследований (PUSSTEP — Pusat Studi Ekonomi Pancasila), который объявил о том, что на основании Панчасила будут проводиться базисные научные исследования по экономике Индонезии.

В то время многие влиятельные экономисты в стране выступали с идеями развития так называемой «народной экономики» (*perekonomian kerayatan* — индонез.) или «общественной экономики» (*perekonomian masyarakat* — индонез.), хотя едва ли готовы были поддержать официальную политику Панчасила. Одним из последовательных сторонников идеи «народной экономики» является Ризаль Рамли.

Ризаль Рамли — бывший министр-координатор по экономике и финансам, министр Кабинета Готонг-ройонг, т.е. Кабинета сотрудничества, как его часто называют, при президентстве Мегавати Сукарнопутри, признан в стране как убежденный реформатор. Он принимал активное участие в успешной команде отставного генерала Виранто в первом туре президентских выборов 2004 года. Человек, который, словно чувствует ритм подлинных реформ, он был наиболее заметен своей деятельностью в канун президентских выборов 2009 г. и мобилизацией Блока перемен. Этот блок объединил малые политические партии, которые не проходят порог парламентских требований численности — их объединилось около двадцати. Блок перемен возглавили Прабово Субианто и Ризаль Рамли, поставив задачу осуществить более широкое представительство политических партий в выборах президента. Созданный Блок, нередко именуемый PS-RR, считается наиболее влиятельным объединением, давшим возможность Юдойоно победить действующего президента. Помимо своей деятельности в период выборной кампании президента Ризаль Рамли выступает реформатором в области экономики, отстаивая *perekonomian masyarakat*.³

¹ *Chossudovsky M. The Globalization of Poverty: Impacts of IMF and World Bank Reforms. Penang. Third World Network. 1997 p.57-59*

² *Ibidem*

³ <http://TokohIndonesia.com> (*Ensiklopedi Tokoh Indonesia*) 27.01.2009

Еще один политический лидер, отстаивающий «народную экономику» или «экономику демократии», которую сам он именует «экономикой Панчасила», это — профессор Мубиарто¹ Он полагает, что именно такое ее наименование сплотит вокруг этой идеи все силы и энергию народа, подобно тому, как «новый порядок» достигал с нею своих успехов. Коммунистические же идеи продолжают объединять людей, направлять всенародные усилия и приводят к весьма убедительным результатам в КНР.

Созданная в Индонезии экономика «социализма». К 1966 году превратилась в «капиталистическую» и продержалась до конца старого порядка (1959 — 1966). Orde Baru (1966 — 1998) заявил, что его экономическая система основана на Панчасила, но на практике она оставалась вне моральных устоев, недемократической и несправедливой. Экономическая и социальная несправедливость явилась именно результатом нарушения Панчасила, что привело к экономическому дисбалансу и социальному неравенству, а в дальнейшем стало одним из основных источников финансового кризиса. Термин, предложенный Мубиарто, «экономика Панчасила» уже в 1997 году стал популярным для экономической демократии. Мубиарто выступал автором экономической системы, которая должна быть реализована в Индонезии: а именно демократического развития хозяйственной системы, которая включает в себя все экономические рычаги власти народа.²

С идеями самобытного развития Индонезии и защите страны от стремительной глобализации выступал экономист Дидин Дамахури. Его идеи также базируются на развитии народной экономики, которую следует поощрять с самых нижних форм предпринимательства, что позволит, по примеру Японии, сохранить собственные культурные ценности и затормозить процессы глобализации.

Сторонником развития «народной экономики» были также Али Сасоно, министр Кооперации в правительстве Б.Ю. Хабиби и профессор университета Индонезия Фейсал Басри. Они считали, что крайняя несправедливость распределения доходов крупного бизнеса, а также недостаточное внимание государства развитию малого и среднего предпринимательства тормозит, как темпы, так и сам процесс развития индонезийской экономики.³

Еще один автор идей преобразования экономики и хозяйства Индонезии это — Бунгаран Сарагих. Будучи профессором Сельскохозяйственного института в Богоре, он рассматривает крестьянские хозяйства в деревне, как наиболее распространенную экономическую единицу национальной экономики и основу мелкого бизнеса в стране, а также считает сельские кооперативы — базовой единицей развития всей экономики страны.⁴

Кооперативы в деревнях (Kooperasi unit desa — KUD) стали способом внедрения новых принципов ведения хозяйства на селе — это было особенно важно для вос-

¹ Сумский В. В. Юго-Восточная Азия в холодной войне и глобализирующемся мире: об этапах и превращениях становления регионально-цивилизационной общности // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2005. — № 4. — С. 60-67.

² <http://TokohIndonesia.com> (*Ensiklopedi Tokoh Indonesia*) 29.01.2009 ; Пахомова Л.Ф. *Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия).* М. РАН.2007.с.219

³ Пахомова Л.Ф. *Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия).* М. РАН.2007.с.220-221

⁴ Пахомова Л.Ф. *Модели процветания, с.219*

точных районов страны и отдаленных островов. Через кооперативы проводилось кредитование, поставлялись новые высокосортные саженцы и семена, удобрения и т.п. К концу 1980-х в стране были KUD в каждой третьей деревне, а количество их членов превышало 26 млн. человек.¹

Дискуссии 1999 — 2004 гг. не прекращающиеся и сегодня привели к принятию в эти годы серии законов, направленных на изменение административной системы управления и децентрализацию власти, стабилизацию макроэкономики и либерализацию инвестиционного климата.² В стране, тем не менее, остается множество проблем, которые требуют к себе неослабного внимания общества, активной позиции государства и всех политических механизмов и новой череды реформ. Предыдущий период развития свидетельствует, что идеи экономического развития в Индонезии существуют и обсуждаются — необходимо найти политические силы, способные приступить к проведению этих идей в жизнь. Такими силами обычно являются политические партии, объединяющие созидательную и активную часть общества.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ

Жестко ограничив в свое время политическую деятельность в стране, «новый порядок» привел Индонезию к тому, что созданная им партийная система, давшая режиму формальную легитимность на выборах, оказалась абсолютно бесплодна в качестве источника инициативы.

Это безусловно проявилось в период кризиса «нового порядка», когда режим остался без сколько-нибудь существенной поддержки. Президент Хабиби быстро создал свой кабинет. Одной из его главных задач было восстановить связи с Международным валютным фондом и деятельность сообщества инвесторов для поддержки экономической программы стабилизации. Он предлагал освободить политических заключенных, снять некоторые элементы ограничения свободы слова и ассоциаций. И именно поэтому современный политический курс страны необходимо было сделать важнейшим аспектом всех программ и деятельности наиболее представительных политических партий. Но и после падения Сухарто большинство появившихся многочисленных партий представляло собой объединения типа «патрон — клиент», действовавшие в интересах одного лидера или небольшой их группы.

После падения авторитарного «нового порядка» индонезийская элита не сформировалась в различных социальных слоях — и не могла поэтому ощутить всю меру ответственности перед населением. В своем большинстве (немногих крупных олигархов) она сохранила патриархальную самооценку, видя в обществе по преимуществу объект своего руководства и попечения, что не мешало ей оперировать демократической фразеологией.³

Специфика развития предпринимательства, недостаточность и слабость среднего класса в Индонезии отразилась на формировании политической элиты. Достигнутые успехи в экономике не принесли сколько-нибудь соразмерного процесса в политической культуре, формированию ответственного за себя и свой бизнес слоя граждан, а также на отношения между гражданином и властью.

¹ Пахомова Л.Ф. *Модели процветания* с.221.

² Там же, с.222-226

³ Другов А. Ю. *Общество и власть в современной Индонезии / Восток, 2004. — N 1..с.89*

Авторитарное давление прежнего режима, опиравшегося на открытое насилие, зачастую не признававшего официального законодательства, с неизбежностью порождает nepотизм, коррупцию и произвол на всех уровнях и во всех слоях общества. Процесс демократизации, с большими трудностями развивающийся в современной Индонезии, есть в первую очередь изменение сущности отношений между гражданином, обществом и властью. Противостоять авторитарному режиму может гражданское общество через деятельность политических партий.

Произошла очень опасная, на наш взгляд, вещь. Нет оснований утверждать, что в массе своей индонезийцы обрели новую парадигму власти, отличающуюся от традиционной. Провалы, сопровождающие власть на протяжении последних лет, корыстолюбие и жестокость, отличавшие правление Сухарто и его окружения, по индонезийским, прежде всего яванским представлениям, несовместимы с ролью и образом подлинного правителя, а общественный кризис, охвативший страну в последние годы «нового порядка», ясно продемонстрировал, что его лидеры «не отмечены благодатью». То же самое в общих чертах относится и к правлению Б. Ю. Хабиби и А. Вахида.¹

Решение нового президента Б. Ю. Хабиби снять действовавший в течение 30 лет запрет на формирование новых партий, необходимое само по себе, в условиях Индонезии того времени привело к возникновению десятков малых партий, в основе объединения которых часто лежали не программы, не интересы социальных или этнических групп, а амбиции отдельных деятелей. Главная трудность, стоявшая перед всеми президентами и кабинетами постсухартовской Индонезии, заключалась в раздробленности, разобщенности политического спектра, не позволявшими обрести необходимую опору для проведения неотложных демократических преобразований, преодоления наследия десятилетий авторитаризма.²

Индонезийские политологи указывают на четыре главных момента этой опасности:

1. противопоставление самостоятельности регионов сильному центру,
2. стремление местных элит поставить под свой контроль все, что не находится под неоспоримой властью центрального правительства,
3. ее претензии на то, чтобы овладеть всей собственностью центра на территории области,
4. игнорирование прав и прерогатив, которыми по закону наделена центральная власть.³

Сегодня в Индонезии действуют свыше 180 политических партий, только четверть из которых имеет доступ к выборам. Чтобы участвовать в парламентских выборах партия должна быть представлена, по меньшей мере, в 1/3 провинций и в 1/2 районов каждой из этих провинций. Закон о выборах запрещает партиям использовать государственные средства в ходе предвыборной кампании и предусматривает, что индивидуальные члены партий должны лояльно относиться к принципам Панчасила и не быть членами компартии или любой другой запрещенной организации. Политическая партия может быть запрещена, если в своих документах не ссылается на принципы Панчасила и конституцию 1945. При этом не обязательно говорить, что сама партия базируется на этой идеологии, но требуется подтвердить, что партийные принципы, цели и программа не противоречат Панчасила.

¹ Другов А. Ю. *Общество и власть*. с.91

² Другов А. Ю. *Трудные дороги независимой Индонезии.* / *Восток*, 2010, N 4. с.81

³ *Kompas* 21.12.2002.

Партии, набравшие менее 2% голосов, не имеют права участвовать в следующих выборах. Условия, необходимые для участия в парламентских выборах, состоявшихся 7 июня 1999, выполнили только 48 партий. По результатам выборов своих кандидатов в СМП провели 21 партия, из них 14 собрали менее 2% голосов. В парламенте, сформированном в 2004, количество партий сократилось до 17. По сравнению с выборами в 1999, светские националистические партии потеряли 8% голосов избирателей, но по-прежнему сохраняют большинство мест в парламенте (68%).¹

Рассмотрим, что представляют собой некоторые сегодняшние наиболее влиятельные партии.

Первой среди них остается партия ГОЛКАР (Партия функциональных групп), та самая, что была основана еще в 1964 как организация функциональных групп (ветеранов, молодежи, женщин, студентов и т.п.). При Сухарто членами Голкар в обязательном порядке являлись все государственные служащие, а во главе е, стояли военные. На протяжении эры «Нового порядка» Голкар был опорой режима Сухарто, обеспечивая ему поддержку электората — на всех выборах с 1971 по 1997 организация неизменно собирала от 62% до 75% голосов. После отставки Сухарто Голкар попыталась преобразоваться в партию, работающую в «новой парадигме» с новым «духом реформ».

Автором и исполнителем реформирования ГОЛКАР считают Юсуфа Каллу. Он родился 15 мая 1942 на Южном Сулавеси. После окончания школы, Калла учился на экономическом факультете в Университете Хасануддин в Макассаре, который закончил в 1967 г. Там он стал активистом индонезийского студенческого фронта (КАМИ), включающего в себя студенческие организации, которые поддерживали генерала Сухарто в том числе в его стремлении получить власть президента Сукарно. Юсуф Калла был избран председателем филиала КАМИ на Южном Сулавеси.² В эти же годы, в начале 1960-ых, он начал свою политическую карьеру, когда вошел в состав Регионального Совета Народных представителей (DPRD) и получил пост председателя молодежного отдела ГОЛКАР.

Однако с первых успешных шагов в политике Калла все активнее проявлял себя как предприниматель. Надо сказать, полученное им образование способствовало становлению успешного бизнесмена.

К моменту окончания университета экономическая ситуация была мрачной. Семейный бизнес отца Хаджи Каллы переживал нелегкий кризис, предполагавший банкротство фирмы Н. Хаджи Калла. Именно тогда Юсуф Калла решил прийти на помощь отцу и вступить в деловой мир. Отложив свою политическую деятельность, Калла стал генеральным директором Н. Хаджи Калла в 1968 году, в то время как Хаджи стал председателем совета директоров компании.

В начале дела шли медленно. Бизнес улучшался с большим трудом пока фирма Н. Хаджи Калла не расширила экспорт и импорт для развития строительства и гостиничного бизнеса. А когда дела пошли в гору, фирма открыла предприятия автомобилестроения, строительства мостов, морских перевозок, недвижимости, транспорта, фермы креветок, производства пальмового масла, и телекоммуникации.³ В дополнение ко всему этому, Юсуф Калла генеральный директор Н. В. Хаджи Калла, занял

¹ http://www.wordiq.com/definition/Politics_of_Indonesia <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/988#>

² <http://TokohIndonesia.com> (*Ensiklopedi Tokoh Indonesia*) 27.01.2009

³ McDonald H. *Suharto's Indonesia*. Blackburn, 1980, p.37.

также посты генеральных директоров всех филиалов Н. Хаджи Калла. В 1977 году Юсуф Калла, проявив подлинный талант в области применения математических технологий в экономике, получил международный диплом INSEAD, Школы бизнеса в Фонтенбло, к югу от Парижа.

Помимо деловой карьеры, Калла принимал активное участие в работе различных организаций. С 1979 по 1989 год он был председателем ISEI — Ассоциации индонезийских выпускников-экономистов в Уджунг Панданге он и сегодня остается советником по ISEI.

Ю.Калла также участвовал в деятельности Торгово-промышленной палаты (КАДИН). С 1985 по 1998 год он был председателем КАДИН на юге острова Сулавеси и региональным координатором КАДИН Восточной Индонезии.¹ Кроме того, Ю.Калла — член попечительского совета трех университетов в Макассаре.

Калла вернулся в политику в 1987 году — он был назначен региональным представителем Южного Сулавеси в Народный консультативный конгресс (НКК), позднее он вновь избирался в МПП в 1992, 1997 и 1999 гг.²

Именно такие люди пришли сегодня в ГОЛКАР и стали сочетать работу в бизнесе со своими новыми государственными должностями и членством в партии. Среди них, впрочем, фигура Юсуфа Каллы выделяется своим масштабом — его не без оснований считают архитектором экономики Индонезии в 2004-2009 гг.³

В настоящее время партия ГОЛКАР опирается на представителей крупного бизнеса, чиновничества и значительный слой технократов в частном секторе, многие из которых в 1960–70-е участвовали в исламском студенческом движении. Судя по заявлению заместителя председателя партии Агунга Лаксоно, предложившему дать статус «Национального героя Индонезии» генералу Сухарто, члены ГОЛКАР по-прежнему высоко ценят заслуги Сухарто.⁴

По собственным данным, насчитывает, около 11 млн. членов. На выборах в 1999 г. ГОЛКАР занял второе место, получив 20,9% голосов и 120 мест в парламенте. В качестве кандидата на пост президента поддерживала Хабиби. На выборах в 2004 г. ГОЛКАР вновь стала ведущей партией страны, набрав 21,6% голосов и получив 128 мест в парламенте.

Сегодня ГОЛКАР рассматривает себя как светскую организацию, часто выступает против религиозного фундаментализма. В своих предвыборных кампаниях главный акцент ГОЛКАР делает на способности вывести страну из экономического кризиса, подчеркивает умеренность своей программы, большой опыт управления, приверженность ценностям правового государства и политического плюрализма. Председателем партии Голкар избран Акбар Танджунг. При Сухарто он был министром по делам молодежи и спорта, а затем жилищного строительства. После отставки Сухарто был назначен государственным секретарем кабинета Хабиби. В октябре 1999 избран спикером парламента.⁵

Демократическая партия (ДП — Partai Demokrasi — индонез.) — это правоцентристская партия, стоящая на платформе светского национализма. Она основана 9

¹ <http://hub.hku.hk/handle/123456789/40418> — 17.03.2009

² *Ibidem*

³ <http://TokohIndonesia.com> (*Ensiklopedi Tokoh Indonesia*) 27.01.2009

⁴ WNC: ANTARA Online 10.11. 2008

⁵ http://www.wordiq.com/definition/Politics_of_Indonesia <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/988#> 22.07.2010

сентября 2001 представителями интеллигенции и деловых кругов с целью поддержки генерал-лейтенанта в отставке Сусило Бамбанг Юдойоно, бывшего министра-координатора по вопросам политики и безопасности и одного из главных сторонников реформ в вооруженных силах. На выборах в Совет народных представителей 2004 года ДП получила 7,5% голосов и 57 мест. На президентских выборах в 2004 Сусило Бамбанг Юдойоно, объединенный кандидат в президенты от ДП, Партии справедливости и единства Индонезии и Партии звезды и полумесяца, собрал 61,1% голосов. Председатель этой партии — Субур Будхисантосо, профессор и декан факультета антропологии Университета Индонезии в Джакарте.

Идеологической основой программы Демократической партии являются принципы Панчасила. ДП выступает за унитарное государство, демократию, в защиту культурного плюрализма и против национального и религиозного насилия. Своими основными задачами во внутренней политике считает борьбу с ККН — коррупцией, кумовством и nepотизмом, а также — создание профессиональной армии. Партия пользуется поддержкой городских избирателей, в том числе — профессиональной и деловой элиты Джакарты.¹

Еще одна уже упоминавшаяся нами и весьма популярная Демократическая партия Индонезии имеет в названии уточнение — борющаяся. ДПИ— б (Partai Demokrasi Indonesia — Perjuangan) — крупнейшая центристская политическая партия страны — считается наследницей распавшейся Демократической партии Индонезии (ДПИ). ДПИ-б образована в результате размежевания внутри ДПИ в 1996 г. и объединила сторонников Мегавати Сукарнопутри. Уже упоминалось, что окончательно ДПИ-б сформировалась 14 февраля 1999.

Наибольшим влиянием ДПИ-б пользуется на Яве и Бали, в Восточной Индонезии, а также на внешних островах с большими немусульманскими общинами. Опирается эта партия на широкие слои населения от городских и сельских низов до мелкой и крупной буржуазии.

Мегавати Сукарнопутри и вся ДПИ-б продолжают традицию светских националистических партий. Эта партия решает насущные задачи и не имеет перспективной программы — что без сомнения делает слабой ее политическое влияние на длительную перспективу. Руководящие принципы партии — демократия, национализм, сохранение единства страны и социальная справедливость. В целом ДПИ-б стоит на позициях социального консерватизма и выступает в поддержку свободной рыночной экономики, за постепенные реформы и стабильность.

На выборах в парламент в 1999 г. эта партия заняла первое место, завоевав 37,4% голосов и 154 мандата. В период нахождения у власти (2001–2004) оппоненты обвиняли правительство Мегавати Сукарнопутри в жестком авторитаризме, невыполнении обещаний вывести страну из экономического кризиса и провести демократические преобразования, в коррупции и слепом следовании нелиберальным экономическим рецептам, подавлении оппозиции внутри партии, нарушении прав человека и продолжении войны в Аче.

В результате ДПИ (б) потеряла поддержку значительной части избирателей и в 2004 году потерпела поражение — как на президентских выборах, так и на выборах в нижнюю палату парламента, получив 18,5% голосов и 109 мандатов².

¹ <http://hub.hku.hk/handle/123456789/40418> 22.07.2010

² http://www.wordiq.com/definition/Politics_of_Indonesia <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/988#> 02.07.2010

Партия благоденствия и мира (ПДС) — христианская политическая партия, опирающаяся на католическую и протестантскую общины. Основана в октябре 2001 в Джакарте, однако самую сильную поддержку имеет в восточных провинциях. На выборах в 2004 г. ПДС получила 2,1% голосов и 12 мест в парламенте. Председателем избрана Руянди Мустика Хутасонт.

Идеологией ПДС является Панчасила. ПДС призывает к борьбе с коррупцией, выступает за равные возможности участия в общественной жизни всех национальных и религиозных групп, а также за свободу вероисповедания и соблюдения принципа разделения государства и церкви.

Партия благоденствия и справедливости (ПБС) — наиболее активная исламистская группа. Основана в 1998 г. как Партия справедливости. Нынешнее название носит с апреля 2003. ПБС выражает настроения нового поколения мусульман, выступающих за «очищение исламской веры» от «гнилой политической морали «нового порядка». В основном пользуется поддержкой яванского студенчества, религиозных кругов и крестьянства. Председателем партии является популярный исламский теолог Хидаят Нур Вахид.

Мусульманскому движению Индонезии посвящена работа малайзийской исследовательницы Лили Ю. Арнаким, которая делает попытку проанализировать недостающее звено между различными исламскими движениями эпохи пост-Сухарто, включая и деятельность ПБС. При администрации Хабиби произошли перемены и возникли новые исламские движения, а прежние исламские организации подтвердили свои основные принципы верности Корану и Сунне. Некоторые из этих движений были преобразованы в политические партии и приняли участие в текущем процессе демократизации. Автор утверждает, что исламские движения не являются монолитными. Их можно разделить на несколько исламских организаций и политических партий, которым требуются внутренние связи и механизмы обмена идеями. Это позволит обмениваться мнениями и добиваться совместных общих решений по различным, в том числе — и экономическим, проблемам. Кроме того, автор определяет источники различий и возможных средств для создания сети контактов между собой и другими представителями исламского движения во всем мусульманском мире.¹

В политической области ПБС выступает с призывами к установлению шариата и изменению конституции, за ослабление политической роли военных в управлении государством и за движение страны к демократии и гражданскому обществу. В сфере экономики предлагает популистские меры, защищает идею постепенной индустриализации и модернизации сельского хозяйства.

В начале 2003 партия мобилизовала сотни тысяч людей на демонстрации против американского вторжения в Ирак. На парламентских выборах 2004 получила 7,3% голосов избирателей и 45 мест. В парламенте блокируется с Партией национального мандата.

Партия единства и развития (ПЕР — Partai Persatuan Pembangunan — индонез.) — единственная политическая организация индонезийских мусульман, разре-

¹ Lili Yulyadi Arnakim. *The Leadership of the Islamic Movements in Indonesia Post-Suharto: Identifying the Missing Link between the Movements*. JATI. Bilangan 12. Kuala Lumpur, 2009, p.13-17

Hefner R. W. *Civil Islam: Muslims and Democratization in Indonesia*. Princeton University Press. Princeton, NJ. 2000. P.16-57

шенная в период режима Сухарто. Основана в 1973 путем объединения Нахдатул Улама (НУ), Мусульманской партии Индонезии (Пармуси), Партии Мусульманского союза Индонезии (ПСИИ) и Движения за мусульманское воспитание (Перти). Хотя после создания ПЕР эти партии утратили статус самостоятельных, все они продолжали свою деятельность как общественные организации и вели борьбу за партийное лидерство. Вследствие этого партии так и не удалось выработать общую программу и выдвинуть единого лидера, который устраивал бы все фракции движения. На выборах 2004 г. ПЕР получила 8,1% голосов избирателей и 58 мест в парламенте. Председатель партии сегодня Хамзах Хаз, он был вице-президентом Индонезии в 2000–2004 и кандидатом в президенты на выборах в 2004 г. Генеральным секретарем избран Алимарван Ханан.

Под названием «нового порядка» руководство ПЕР в 1984 заявило об отказе от ислама как идеологической основы. Это привело к выходу из нее членов Нахдатул Улама и ПСИИ. Однако с отставкой Сухарто ПЕР вернулась к идеологии ислама. Она выступила за постепенные реформы. В области религиозной политики занимает умеренные позиции, заявляя, что не поддерживает установления шариатского законодательства. В то же время лидеры партии подчеркивают, что в преимущественно мусульманской стране политика должна соответствовать «исламским принципам». Партия выступает за усиление религиозного образования в школах, обязательное изучение арабского языка студентами-мусульманами и отмену закона, в соответствии с которым государственные служащие могли иметь только одну жену.¹

Партия звезды и полумесяца (ПББ — Partai Bulan Bintang— индонез.) — ортодоксальная исламистская партия, основанная в 1998 в результате раскола Партии национального мандата. Считает себя наследницей Машуми (Консультативный совет индонезийских мусульман), основанной в 1943г. Эта партия фундаменталистского ислама была запрещена еще в 1960 г.

ПББ опирается на наиболее консервативных мусульманских богословов и считает, что государство должно «строиться на исламских принципах». При этом она отвергает утверждения, что стремится к построению чисто исламского государства. Председатель ПББ — Юсрил Ихза Махендра, бывший министр юстиции и прав человека, получивший известность как сторонник нового реакционного законодательства в области морали и сексуальных норм поведения.

ПББ насчитывает, по собственным данным партии, 4,5 млн. членов. На парламентских выборах в 2004 получила 2,6% голосов избирателей и 11 мест в парламенте.

В экономической сфере ПББ выступает за рыночную экономику, привлечение иностранных капиталов, развитие исламской банковской системы и против государственного ценового регулирования. Большое значение придает конституционным изменениям государственной и региональной власти, а также расширению автономии на местах.²

Партия национального мандата (ПАН — Partai Amanat Nasional — индонез.) — создана 23 августа 1998 членами Совета народного мандата, одной из многих групп, участвовавших в движении за отставку Сухарто, как широкая коалиция реформаторских сил. Среди создателей партии были видные ученые, известные интеллектуалы и журналисты, борцы за демократию, мусульманские политические активисты и ре-

¹ http://www.wordiq.com/definition/Politics_of_Indonesia <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/988#> 17.07.2010

² *Ibidem*

лигиозные деятели. ПАН претендует на то, чтобы быть несектантской светской партией, открытой для представителей всех групп и религий. ПАН отражает интересы средних городских слоев населения, части интеллигенции и студенчества; ведет агитацию среди христиан, буддистов и этнических китайцев. В сельской местности партия пытается опереться на Мухаммадиях, одну из самых больших мусульманских организаций страны. Председателем ПАН является сторонник ограничения срока полномочий авторитарного лидера Амин Раис, до недавнего времени занимавший пост председателя высшего законодательного органа — Народного консультативно-го конгресса.

На выборах в нижнюю палату парламента в 2004 получила 6,4% голосов и 52 места.

Идеологическая основа партии базируется на принципах Панчасила. ПАН провозглашает своей целью борьбу за «суверенитет народа, демократию, прогресс и социальную справедливость». В своих программных документах она заявляет о приверженности ценностям гуманизма, религиозной этики и культурного плюрализма. Единственная из крупных партий она выступает за децентрализацию власти и создание федеративного государства, а также высказывается в поддержку свободной рыночной экономики, постепенные темпы реформ и обещает стабильность и улучшение материального благосостояния народа.¹

Партия национального пробуждения — ПКБ (Partai Kebangkitan Bangsa— индонез.) — умеренная исламистская партия. Основана 23 июля 1998 авторитетным мусульманским богословом Абудурахманом Вахидом, как политическое крыло Нахдатул Улама (Союз мусульманских богословов), самой крупной мусульманской организации Индонезии. Наряду с мелкими торговцами и землевладельцами, среди сторонников ПКБ преобладают студенты и умеренные религиозные деятели сельских районов. Наибольшим влиянием пользуется в Центральной и Восточной Яве.² Председатель ПКБ Абдул Джалил и другие ее лидеры заявляют, что идеология партии базируется на принципах Панчасила, партия открыта для представителей всех вероучений, этнических групп и классов. Поддерживает традиционные яванские формы ислама, выступает за разделение религии и политики, народный суверенитет и единство страны, а также призывает к дальнейшему сокращению политической роли армии в обществе. В экономической области выступает за прозападную либеральную политику. На парламентских выборах в 2004 г. партия получила 10,6% голосов избирателей. Имеет 52 места в СМП.³

Партия реформ и звезды (ПБР) — радикальная исламистская партия носит нынешнее название с 2003 г., хотя она была образована 20 января 2002 в результате раскола Партии единства и развития (ПЕР). На выборах в 2004 ПБР получила 2,4% голосов избирателей и 13 мест в парламенте. Главным образом ПБР опирается на молодое поколение ортодоксально настроенных мусульман. Среди ее сторонников есть также ряд бывших членов мусульманских военизированных группировок, хотя формально партия осуждает акты насилия и призывает к терпимости.

¹ http://www.wordiq.com/definition/Politics_of_Indonesia <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/988#> 17.07.2010

² *Harian ekonomi nasional, Jakarta 20.08.2003*

³ http://www.wordiq.com/definition/Politics_of_Indonesia <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/988#> 17.07.2010

ПБР выступает за сохранение унитарного Индонезийского государства, которое должно базироваться на принципах ислама и Панчасила, за расширение гражданского общества и создание «эгалитарной демократической системы». Лидеры ПБР и генеральный секретарь партии Джафар Баджебер требуют ускорить темпы реформ и демократизации, обещает поддерживать и защищать права человека. В то же время ПБР призывает к борьбе с «коммунизмом, атеизмом и секуляризмом», пропагандируя ислам в качестве официальной религии, и стремится исламские ценности сделать главными для всех индонезийцев.¹ Своими приоритетными задачами считает создание новых рабочих мест, твердое соблюдение законов и борьбу с коррупцией. В сфере экономики призывает к созданию «экономической системы, которая будет на стороне народа».

Эти идеи активно пропагандирует харизматический лидер партии и ее председатель М.З. Зайнуддин, известный исламский проповедник, имеющий на телевидении Джакарты собственное шоу. В духе популярной телепрограммы прозвучала и его характеристика основного курса партии: «Все члены ПБР появляются с улыбкой. Мы устали от злобы. Тот, кто пришел с мстостью, не решает проблему, а вместо не, создает новые проблемы.»²

Подвести итог хотелось бы словами А.Ю. Другова, полагающего, что «самая сложная проблема, связанная с начавшимся процессом модернизации и демократизации политической системы в Индонезии имеет два взаимосвязанных аспекта. Один из них — преобразование политической культуры общества таким образом, чтобы добиться востребованности предлагаемых реформ, убедить население или хотя бы наиболее активных его сегменты в том, что власть является носителем идей, которые, будучи претворены в жизнь, способны улучшить жизнь людей, придать ей новое качество. Второй — расширение политического участия населения, освобождение носителей власти от рудиментов авторитарно— мессианского отношения к гражданам как к «подданным», избавление от дихотомии «субъект — объект», все еще пронизывающей политическую психологию военной и гражданской бюрократии, да и большинства индонезийцев. Нет оснований надеяться, что этот процесс будет скорым и безболезненным, ибо речь идет о преодолении вековых традиций и представлений.»³

Таким образом, современные политические партии пытаются найти рецепты и возможности дальнейшего демократического развития, что, конечно, не просто, хотя среди авторов современных идей политического устройства есть политолог Даниэль Слейтер, профессор политологии Университета Чикаго. В своей статье «Откуда возникают сильные государства: попытка «примирить» азиатские и европейские традиции».⁴ На основе сравнительных политических исследований, которые должны были выявить условия консолидации элит и эффективности государств, Д.Слейтер высказывает мнение существенно отличающееся от общепринятого.

Эксперты, изучающие страны Европы и Азии, расходятся во мнениях по поводу того, как строятся сильные государства. Изучающие Европу считают, что сильное государство — это «договорное государство», в котором политики постоянно пы-

¹ Kompas 21.12.2002.

² WNC: ANTARA Online 24.03.02

³ Другов А. Ю. *Общество и власть в современной Индонезии / Восток, 2004. — N 1. с.95*

⁴ Soeharto. *My Thoughts, Words and Deeds. An Autobiography. Jakarta, 1992 .p.37*

таются добиться народного одобрения. Специалисты по странам Восточной и Юго-Восточной Азии уверены, что сильное государство — это «эволюционное государство», в котором на лидеров не имеют влияния общественные процессы.¹

В своей статье профессор Слейтер представляет иное видение данного противоречия и определяет неожиданную роль давления «снизу» в процессе построения сильных государств в Юго-Восточной Азии. Анализ опыта европейских и азиатских стран показывает, что сильное государство и демократия не являются несовместимыми понятиями. В этом опыте содержатся важные уроки для стран, борющихся за построение сильных государств в эпоху распространенной демократизации.²

К этому хотелось бы добавить, что современные поиски решений назревших в Индонезии проблем непременно должны дать позитивные результаты. Они при всех сложностях позволят развить малый и средний бизнес в стране, что в будущем приведет к образованию ответственного и сознательного среднего класса, способного через политические партии влиять на экономическое, политическое и социальное развитие своей страны и отвечать за ее развитие.

¹ Soeharto. *My Thoughts, Words and Deeds. An Autobiography.* Jakarta, 1992. p.205

² *Ibidem*, p.267

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДПР — (Dewan Perwakilan Rakyat — индонез.) — Совет народных представителей — нижняя палата Парламента РИ

ДПД — (Dewan Perwakilan Daerah — индонез.) — Совет представителей провинций или Сенат — верхняя палата Парламента РИ

ДПИ – б — Демократическая партия Индонезии (борющаяся) (Partai Demokrasi Indonesia Perjuangan — индонез.)

ГОЛКАР — (Golongan Karya — индонез.) — Объединенный секретариат функциональных групп — политическая партия рабочих, крестьянских, молодежных, женских и прочих объединений

МВФ — Международный валютный фонд

НКК — Народный консультативный конгресс — Высший государственный орган Республики Индонезии.

ПАН — Партия национального мандата (Partai Amanat Nasional — индонез.)

Пармуси — Мусульманская партия Индонезии (Partai Muslim Indonesia — индонез.),

ПББ — Партия звезды и полумесяца (Partai Bulan Bintang — индонез.)

ПБР — Партия реформ и звезды (Partai Bintang Reformasi — индонез.)

ПЕР — Партия единства и развития (Partai Persatuan Pembangunan — индонез.)

ПКБ — Партия национального пробуждения (Partai Kebangunan Bangsa — индонез.)

ПДС — Партия благоденствия и мира (Partai Damaian Selamat — индонез.)

ПСИИ — Партии Мусульманского союза Индонезии (Partai Sarekat Islam Indonesia — индонез.)

РИ — Республика Индонезия

ДPRD — Dewan Perwakilan Rakyat Daerah — национальная партийная коалиция, объединившая партии PDIP, Golkar, PPP, PDS и PBR.391

FEER — Far Eastern Economic Review — журнал Гонконг

JATI — Journal of Southeast Asian Studies — журнал г.Куала-Лумпур

KADIN — Торгово-промышленная палаты Индонезии

КАМИ — индонезийского студенческого фронта (Kaum angkatan mahasiswa Indonesia — индонез.)

ККН — коррупция, кумовство, непотизм (Korupsi, kolusi, nepotisme — индонез.)

МРР — Совет народных представителей (Mejlis perwakilan rakyat-индонез.)

РЕPEЛITА — пятилетний план (Rencana pembangunan lima tahun — индонез.)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в годы «направляемой демократии» М.Восточная литература. 1969.с.198
- Другов А. Ю. Общество и власть в современной Индонезии / Восток, 2004. — N 1. — С. 85-95.
- Другов А. Ю. Трудные дороги независимой Индонезии./ Восток, 2010, N 4. — С.74-85
- Другов А. Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М.1997 с. 187
- Пахомова Л.Ф.Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М. РАН.2007.с.256
- Сумский В. В. Юго-Восточная Азия в холодной войне и глобализирующемся мире: об этапах и превратностях становления регионально-цивилизационной общности // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — N 4. — С. 60-67.
- Сумский В. В. Генерал Сухарто и темная страница индонезийской истории // Международная жизнь 2009. . 8 с.137-150
- Chossudovsky M. The Globalization of Poverty: Impacts of IMF and World Bank Reforms. Penang. Third World Network. 1997
- Hefner R. W. Civil Islam: Muslims and Democratization in Indonesia. Princeton University Press. Princeton, NJ. 2000.
- Lili Yulyadi Arnakim. The Leadership of the Islamic Movements in Indonesia Post— Suharto: Identifying the Missing Link between the Movements. JATI. Bilangan12.Kuala Lumpur, 2009, p.13-57
- McDonald H. Suharto's Indonesia. Blackburn, 1980, p.237.
- Soeharto. My Thoughts, Words and Deeds. An Autobiography. Jakarta, 1992
- Интернет-ресурсы**
- 14.<http://www.kemitraan.or.id/page/newsroom/>
- <http://hub.hku.hk/handle/123456789/40418>
- http://www.wordiq.com/definition/Politics_of_Indonesia <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/988#>
- http://www.wordiq.com/definition/Indonesian_legislative_election%2C_2004392
- <http://TokohIndonesia.com> (Ensiklopedi Tokoh Indonesia)
- <http://www.soas.ac.uk/economics/research/workingpapers/file28887.pdf> Booth Anne Initial Conditions and Miraculous Growth: Why is South East Asia different from Taiwan and South Korea?L.SOAS, University of London. 1998 pp.2-59
- <http://hub.hku.hk/handle/123456789/40335>Hue, Ka-keung. A comparison of national integration in Malaysia and Indonesia: political and social dimensions Comparative Asian Studies: Theses HKU Theses Online

Периодические издания

- Far Eastern Economic Review
 Harian ekonomi nasional, Jakarta
 Journal of Southeast Asian Studies
 Kompas
 WNC: ANTARA Online

**КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ ПОДГОТОВЛЕНА
И ИЗДАНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ СПБГУ**

**ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ УЧЕНОГО СОВЕТА
ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Редакционная коллегия:

Е.И.Зеленев (председатель), В.В.Бочаров, Н.Н.Дьяков, А.Ю.Желтов, В.Б.Касевич,
В.Н.Колотов, А.В.Ляхович (отв.секретарь), А.В.Образцов, Н.А.Самойлов,
А.Г.Сторожук

Рецензент

к.и.н., М.Е. Резван — заведующая отделом этнографии Центральной Азии Музея
антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

*Основные тенденции политического и экономического развития стран
современной Азии и Африки СПб.: СПбГУ, Восточный факультет;
Изд-во «Студия НП-Принт», 2011.*

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Студия «НП-Принт»
Верстка Кузьмичев Д.А.
Тираж 200 экз.
Заказ № 20/03

Отпечатано в типографии
ООО «Студия «НП-Принт»
190005, Санкт-Петербург
Измайловский пр., 29
Тел. (812) 324-65-15
luda@npprint.com